

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

- [Вальтер Скотт](#)
 - [От автора](#)
 - [ГЛАВА I](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ГЛАВА VI](#)
 - [ГЛАВА VII](#)
 - [ГЛАВА VIII](#)
 - [ГЛАВА IX](#)
 - [ГЛАВА X](#)
 - [ГЛАВА XI](#)
 - [ГЛАВА XII](#)
 - [ГЛАВА XIII](#)
 - [ГЛАВА XIV](#)
 - [ГЛАВА XV](#)
 - [ГЛАВА XVI](#)

- [ГЛАВА XVII](#)
- [ГЛАВА XVIII](#)
- [ГЛАВА XIX](#)
- [ГЛАВА XX](#)
- [ГЛАВА XXI](#)
- [ГЛАВА XXII](#)
- [ГЛАВА XXIII](#)
- [ГЛАВА XXIV](#)
- [ГЛАВА XXV](#)
- [ГЛАВА XXVI](#)
- [ГЛАВА XXVII](#)
- [ГЛАВА XXVIII](#)
- [ГЛАВА XXIX](#)
- [ГЛАВА XXX](#)
- [ГЛАВА XXXI](#)
- [ГЛАВА XXXII](#)
- [ГЛАВА XXXIII](#)
- [ГЛАВА XXXIV](#)

- [ГЛАВА XXXV](#)
- [ГЛАВА XXXVI](#)
- [ГЛАВА XXXVII](#)
- [ГЛАВА XXXVIII](#)
- [ГЛАВА XXXIX](#)
- [ГЛАВА XL](#)
- [ГЛАВА XLI](#)
- [ГЛАВА XLII](#)
- [ГЛАВА XLIII](#)
- [ГЛАВА XLIV](#)
- [ГЛАВА XLV](#)
- [СТАРИНА](#) И
- [СОВРЕМЕННОСТЬ](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)

- [notes](#)

- [Note1](#)
- [Note2](#)
- [Note3](#)

- [Note4](#)
- [Note5](#)
- [Note6](#)
- [Note7](#)
- [Note8](#)
- [Note9](#)
- [Note10](#)
- [Note11](#)
- [Note12](#)
- [Note13](#)
- [Note14](#)
- [Note15](#)
- [Note16](#)
- [Note17](#)
- [Note18](#)
- [Note19](#)
- [Note20](#)
- [Note21](#)

- [Note22](#)
- [Note23](#)
- [Note24](#)
- [Note25](#)
- [Note26](#)
- [Note27](#)
- [Note28](#)
- [Note29](#)
- [Note30](#)
- [Note31](#)
- [Note32](#)
- [Note33](#)
- [Note34](#)
- [Note35](#)
- [Note36](#)
- [Note37](#)
- [Note38](#)
- [Note39](#)

- [Note40](#)
- [Note41](#)
- [Note42](#)
- [Note43](#)
- [Note44](#)
- [Note45](#)
- [Note46](#)
- [Note47](#)
- [Note48](#)
- [Note49](#)
- [Note50](#)
- [Note51](#)
- [Note52](#)
- [Note53](#)
- [Note54](#)
- [Note55](#)
- [Note56](#)
- [Note57](#)

- [Note58](#)
- [Note59](#)
- [Note60](#)
- [Note61](#)
- [Note62](#)
- [Note63](#)
- [Note64](#)
- [Note65](#)
- [Note66](#)
- [Note67](#)
- [Note68](#)
- [Note69](#)
- [Note70](#)
- [Note71](#)
- [Note72](#)
- [Note73](#)
- [Note74](#)
- [Note75](#)

- [Note76](#)
- [Note77](#)
- [Note78](#)
- [Note79](#)
- [Note80](#)
- [Note81](#)
- [Note82](#)
- [Note83](#)
- [Note84](#)
- [Note85](#)
- [Note86](#)
- [Note87](#)
- [Note88](#)
- [Note89](#)
- [Note90](#)
- [Note91](#)
- [Note92](#)
- [Note93](#)

- [Note94](#)
- [Note95](#)
- [Note96](#)
- [Note97](#)
- [Note98](#)
- [Note99](#)
- [Note100](#)
- [Note101](#)
- [Note102](#)
- [Note103](#)
- [Note104](#)
- [Note105](#)
- [Note106](#)
- [Note107](#)
- [Note108](#)
- [Note109](#)
- [Note110](#)
- [Note111](#)

- [Note112](#)
- [Note113](#)
- [Note114](#)
- [Note115](#)
- [Note116](#)
- [Note117](#)
- [Note118](#)
- [Note119](#)
- [Note120](#)
- [Note121](#)
- [Note122](#)
- [Note123](#)
- [Note124](#)
- [Note125](#)
- [Note126](#)
- [Note127](#)
- [Note128](#)
- [Note129](#)

- [Note130](#)
- [Note131](#)
- [Note132](#)
- [Note133](#)
- [Note134](#)
- [Note135](#)
- [Note136](#)
- [Note137](#)
- [Note138](#)
- [Note139](#)
- [Note140](#)
- [Note141](#)
- [Note142](#)
- [Note143](#)
- [Note144](#)
- [Note145](#)
- [Note146](#)
- [Note147](#)

- [Note148](#)
- [Note149](#)
- [Note150](#)
- [Note151](#)
- [Note152](#)
- [Note153](#)
- [Note154](#)
- [Note155](#)
- [Note156](#)
- [Note157](#)
- [Note158](#)
- [Note159](#)
- [Note160](#)
- [Note161](#)
- [Note162](#)
- [Note163](#)
- [Note164](#)
- [Note165](#)

- [Note166](#)
- [Note167](#)
- [Note168](#)
- [Note169](#)
- [Note170](#)
- [Note171](#)
- [Note172](#)
- [Note173](#)
- [Note174](#)
- [Note175](#)
- [Note176](#)
- [Note177](#)
- [Note178](#)
- [Note179](#)
- [Note180](#)
- [Note181](#)
- [Note182](#)
- [Note183](#)

- [Note184](#)
- [Note185](#)
- [Note186](#)
- [Note187](#)
- [Note188](#)
- [Note189](#)
- [Note190](#)
- [Note191](#)
- [Note192](#)
- [Note193](#)
- [Note194](#)
- [Note195](#)
- [Note196](#)
- [Note197](#)
- [Note198](#)
- [Note199](#)
- [Note200](#)
- [Note201](#)

- [Note202](#)
 - [Note203](#)
 - [Note204](#)
 - [Note205](#)
 - [Note206](#)
 - [Note207](#)
 - [Note208](#)
 - [Note209](#)
 - [Note210](#)
 - [Note211](#)
 - [Note212](#)
 - [Note213](#)
-

Вальтер Скотт

Антикварий

*Я знал Ансельмо.
Умный, осторожный,
Он с мудростью
лукавство сочетал.*

*Бывал он и капризен,
как ребенок,*

*Он быстро мог
утешиться игрушкой:*

*Собраньем сказок с
выцветшей гравюрой,*

*Иль звяканьем
заржавленной медали.*

*Иль старой песенкой,
впервые спетой*

*Над колыбелью короля
Пипина.*

От автора

Настоящей книгой завершается серия повествований, задуманных с целью описать шотландские нравы трех различных периодов: «Уэверли» охватывает эпоху наших отцов, «Гай Мэннеринг» — время нашей юности, «Антикварий» же относится к последнему десятилетию восемнадцатого века. Я стремился — особенно в двух последних произведениях — искать прообразы главных действующих лиц в той части общества, которая менее всего поддается воздействию всеобщей взаимной полировки, постепенно

сглаживающей различия в нравах разных наций. С той же средой я связал и многие сцены, в которых старался изобразить игру страстей более высоких и бурных, потому что люди низших классов меньше привыкли подавлять свои чувства и потому что — в этом я вполне согласен с моим другом Вордсвортом — они редко упускают случай выразить их сочным и чрезвычайно сильным языком. Этим, по моему мнению, отличаются жители сельских местностей моей родины, представители среды, с которой я давно и близко знаком. Античная сила и простота их языка, часто уснащенная восточным

красноречием Священного писания в устах наиболее развитых из них, придают пафос их горю и достоинство их негодованию.

Я больше заботился о подробном описании нравов и обычаев, нежели об искусном и сложном развитии сюжета, и могу лишь пожалеть, что не был в силах объединить оба эти требования, предъявляемые к хорошему роману.

Похождения подлого «чародея» могут показаться надуманными и малоправдоподобными. Но мы за последнее время наблюдали гораздо более яркие случаи вреднейшего суеверия, и читатель может не сомневаться, что эта часть

повествования основана на действительном происшествии.

Мне остается лишь выразить свою благодарность читателям за исключительно теплый прием, оказанный ими произведениям, в заслугу которым можно поставить разве что верность колорита, и почтительно откланяться, так как едва ли я буду еще иметь возможность обращаться к благосклонности читателей.

К приведенным выше словам автора, предпосланным первому

изданию «Антиквария», в настоящем издании необходимо добавить несколько слов, заимствованных из введения к «Хроникам Кэнонгейта» и касающихся личности Джонатана Олдбока.

Замечу здесь, что, считая обращение к историческим событиям неотъемлемым правом писателя, я ни разу не вторгся в чью-либо частную жизнь. Конечно, черты разных лиц, до сих пор живых и уже умерших, с которыми я когда-либо встречался в обществе, неизбежно попадали под мое перо в таких произведениях, как «Уэверли», и в тех, что за ним последовали. Но я неизменно старался обобщать свои

портреты, с тем чтобы они в целом казались плодом фантазии, хотя и сохраняли сходство с подлинными людьми. И тут я должен признать, что мои усилия не всегда увенчивались успехом. Встречаются люди с такой яркой индивидуальностью, что при описании их главной, наиболее характерной черты они сразу же встают перед вами во всем своем неповторимом облике. Так, образ Джонатана Олдбока в «Антикварии» отчасти списан с одного друга моей юности, который познакомил меня с Шекспиром и оказал мне ряд других неоценимых услуг. Мне казалось, что я очень тщательно замаскировал

сходство и что этого человека не мог бы узнать никто из его современников. Однако я заблуждался и невольно выдал то, что хотел сохранить в тайне, ибо, как я узнал впоследствии, некий весьма почтенный джентльмен, один из немногих еще оставшихся в живых друзей моего отца и проницательный критик, после выхода в свет моей книги заметил, что он прекрасно знает, кто ее автор, так как узнал в антикварии характерные черты очень близкого друга семьи моего отца.

Мне остается лишь просить читателя не думать, что у моего уважаемого покойного друга была такая же родословная, как у мистера

Олдбока, или что события его жизни походили на приключения, приписанные мной вымышленному лицу. В романе нет ни одного эпизода, взятого из действительности, за исключением разве того, что мой друг жил в старинном доме близ процветающего морского порта и что автору довелось быть свидетелем разговора между этим другом и содержательницей почтового дилижанса, разговора, весьма похожего на тот, с которого начинается история антиквария. Добрый, хоть и несколько раздражительный нрав, ученость, остроумие и шутливая веселость,

некоторая чуждаковатость, присущая старому холостяку, здравость суждений, подкрепляемых подчас своеобразием языка, — вот, по мнению автора, единственные особенности, роднящие детище его воображения с благожелательным и милым старым другом.

Важная роль нищего в нижеследующем повествовании побуждает автора высказать несколько замечаний о людях этого типа, которые в прежнее время часто встречались в Шотландии, но теперь уже почти перевелись.

В старину в Шотландии было много таких нищих, которых отнюдь нельзя смешивать с нынешними,

совершенно опустившимися бродягами-попрошайками. Те из них, кто постоянно скитался по определенной местности, обычно находили хороший прием как в сенях фермеров, так и на кухнях сельских джентльменов. Мартин, автор «Reliquiae Divi Sancti Andreae» [note 1](#), написанных в 1683 году, рассказывает о некоторых представителях этого сословия в таких выражениях, что антикварий вроде мистера Олдбока пожалел бы о том, что они уже исчезли. Мартин высказывает мысль, что они происходят от древних бардов, и далее говорит: «Население, да и они сами называют себя „джоки“ [note 2](#) и

странствуют, выпрашивая милостыню. Они многое видят и слышат на своем веку и до сих пор помнят и могут воспроизвести «слоггорн» [note](#) 3 большинства древнейших шотландских кланов. С некоторыми из джоки я беседовал и нашел их разумными и сдержанными. Один из них сказал мне, что на всем острове их осталось теперь не более десяти человек, однако еще на его памяти их было так много, что одно время он входил в компанию из пяти человек, обычно собиравшихся на паперти церкви Сент-Эндрюс».

Этот тип шотландских джоки, по-видимому, давно вымер. Но

нищий прежних лет, даже и в мое время, подобно «беккоху», ирландскому странствующему калеке, обретал себе приют не только тем, что жаловался на свои несчастья. Часто это был балагур и насмешник, который не лез за словом в карман и не стеснялся даже иной раз пройтись на счет людей уважаемых, ибо его заплатанный плащ давал ему привилегии старинного шута. Для такого «убогого», принадлежавшего к более уважаемому классу, очень важно было иметь хорошо подвешенный язык, то есть уметь вести быстрый и остроумный диалог. Недаром Бернс, который испытывал истинное

наслаждение, беседуя с такими людьми, с такой мрачной решимостью взирал на будущее, когда, как ему казалось, и он сможет стать членом их странствующего братства. В своих поэтических произведениях Бернс упоминает о нем так часто, словно хочет сказать, что не считает подобное завершение своей судьбы таким уж невозможным. Так, в прекрасном посвящении своих сочинений Гэвину Гамильтону он говорит:

А не смогу коня взнуздать,
На хлеб пойду я собирать.

Также в послании к Дэви, собрату-поэту, он указывает, что их деятельность может закончиться так:

Коль станет нам невмоготу,
Ну что ж, пойдем просить.

Заметив, что:

Искать в сарае кров
ночной,
Коль ты усталый и
больной,

Поистине — беда! — бард, как истинный поэт, говорит о свободе и наслаждении красотами природы,

способными уравновесить тяготы и необеспеченность жизни даже нищего. В одном из своих писем в прозе — не припомню, где именно, — Бернс обращается к этой мысли еще более серьезно, считая, что жизнь нищего неплохо приноровлена к его привычкам и материальным возможностям.

Но если Роберт Бернс без особого ужаса взирал на жизнь шотландского нищего восемнадцатого века, автор едва ли допустил ошибку, придав Эди Охилтри некоторую поэтичность и личное достоинство, не соответствующее его жалкой профессии. И в самом деле, вся эта

категория нищих пользовалась известными привилегиями. Им охотно предоставляли приют в какой-нибудь служебной пристройке, а в обычном подаении в виде куса хлеба им редко отказывал даже беднейший йомен. Все, что ему подавали, нищий распределял по различным мешкам, которыми была увешана его особа, и, таким образом, таскал с собой свое основное пропитание, которое он получал лишь за то, что дал себе труд попросить его. В домах дворян ему перепалили остатки мяса, а иной раз и старинная шотландская монета в двенадцать шотландских пенсов или, что то же самое, английское пенни

— на нюхательный табак или виски. Собственно говоря, эти беспечные странники гораздо меньше страдали от подлинной нужды и недоедания, чем бедные фермеры, подававшие им милостыню.

А если, вдобавок к своим личным талантам, такой скиталец оказывался еще привилегированным «королевским молельщиком», или Голубым Плащом, это делало его аристократом среди людей его ремесла и обеспечивало ему уважение как весьма значительному лицу.

«Королевские молельщики» образуют особое сообщество пауперов, которым король

Шотландии, по принятому в соответствии с велениями католической церкви обычаю, раздавал определенную милостыню и которые, в свою очередь, должны были молиться за благоденствие государя и всей державы. Это братство все еще существует. Число его членов равно числу лет его величества, и в каждый день рождения короля к списку прибавляется новый Голубой Плащ. В этот же знаменательный день каждый «молельщик» получает новый плащ из грубой ткани голубого цвета с оловянной бляхой, указывающей, что он имеет право просить милостыню по всей

Шотландии, причем на него и его
собратьев не распространяются
никакие законы, направленные
против назойливого
попрошайничества и всех других
видов нищенства. Вместе с плащом
каждый нищий получает кожаный
кошелек, содержащий столько
шотландских шиллингов [note](#) 4,
сколько лет исполнилось монарху.
Таким образом, усердие их молений
о здравии короля подогревается
личной заинтересованностью в
предмете их забот. В этот же день
королевский капеллан произносит
перед «молельщиками» проповедь,
хотя (как отметил один из
преподобных джентльменов) это

самые нетерпеливые и невнимательные слушатели на свете. Возможно, что, по их мнению, им платят за их собственные молитвы, а не за выслушивание чужих. Еще более вероятно, что причина заключается в стремлении — естественном, хотя и не особенно похвальном в людях столь почтенных — скорей покончить с праздничным церемониалом и перейти к ожидающему их сытному завтраку из хлеба и эля, ибо все нравственные и религиозные поучения увенчиваются советом джонсоновского «седого отшельника» новообращенному:

Эх, мой друг, глотни пивца!

В отчетах казначейства можно

найти много записей о
вспомоществовании деньгами и
одеждой этим престарелым
«молельщикам».

Следующая
выдержка, любезно предоставленная
мне архивариусом мистером
Макдоналдом, может представить
интерес для лиц, близких по вкусам к
Джонатану Олдбоку из Монкбарнса.

ГОЛУБЫЕ ПЛАЩИ

В отчете сэра Роберта Мелвила
из Мардокарни, помощника казначея
короля Иакова VI, указаны
следующие платежи:

Июнь 1590 г.

Мистеру Питеру Юнгу,
раздатчику милостыни, за 24 плаща
голубой ткани для 24 стариков,

соответственно возрасту его
величества, на что ушло 168 локтей
ткани по цене 24 шиллинга за
локоть: всего 201 ф. 12 ш.

За 16 локтей холста к
упомянутым плащам по 10
шиллингов за локоть: всего 8 ф.

За вложение в 24 кошелька по 24
шиллинга: всего 28 ф. 16 ш.

Стоимость каждого кошелька 4
пенса: всего 8 ш.

За пошив упомянутых плащей:
всего 8 ф.

В отчете Джона, графа Мара,
генерального казначея Шотландии, и
сэра Гидеона Мерри оф либанк,
помощника казначея, также
фигурируют Голубые Плащи:

Июнь 1617 г.

Джеймсу Мерри, купцу, за 306 с половиной локтей голубой ткани на плащи для 51 престарелого человека, соответственно возрасту его величества, по 40 шиллингов за локоть: всего 613 ф.

Рабочим за переноску ткани в дом Джеймса Эйкмена, портного: всего 13 ш. 4 п.

За 6 с половиной локтей войлока для вышеупомянутых плащей по 6 шиллингов 8 пенсов за локоть: всего 43 ш. 4 п.

Упомянутым рабочим за переноску плащей из дома Джеймса Эйкмена во дворец Холируд: всего 18 ш.

За пошив упомянутых 51 плаща по 12 шиллингов за штуку: всего 30 ф. 12 ш.

За 51 кошелек для упомянутых бедных: всего 51 ш.

Сэру Питеру Юнгу на вложение 51 шиллинга в каждый из кошельков для упомянутых бедных: всего 130 ф. 1 ш.

Тому же сэру Питеру на покупку хлеба и эля для упомянутых бедных: всего 6 ф. 13 ш. 4 п.

Тому же сэру Питеру для раздачи другим бедным: всего 100 ф.

В последний день июня доктору Юнгу, декану Уинчестерскому, раздатчику милостыни его величества, 25 фунтов стерлингов

для раздачи бедным во время шествия его величества: всего 300 ф.

Мне остается лишь добавить, что, хотя институт «королевских молельщиков» все еще существует, их редко можно увидеть на улицах Эдинбурга, где они благодаря своеобразной одежде были раньше довольно характерными фигурами.

А теперь, описав род и вид, к которым принадлежал Эди Охилтри, автор хотел бы еще отметить, что, рассказывая об Эди, он имел в виду некоего Эндрю Джеммелза, старого нищего, которого много лет знали и должны еще помнить в долинах Галы, Твида, Этрика, Ярроу и

прилегающих местностях.

Автор в юности неоднократно виделся и беседовал с Эндрю, но не помнит, имел ли тот звание Голубого Плаща. Это был замечательно красивый старик, очень высокий, с солдатской выправкой и речью воина. Выражение лица его свидетельствовало об уме, склонном к язвительности. В его движениях сквозило столько изящества, что возникало подозрение, не позирует ли он. Все его движения отличались такой удивительной четкостью и пластичностью, что он в любую минуту мог бы послужить моделью для художника. Ему был не свойствен жалостливый тон его собратьев.

Потребности его сводились к пище и крову или малой толике денег, и он просил и принимал подавание как нечто должное. Он мог спеть веселую песню, рассказать занятную историю и отпустить сочную шутку. Его остроты по глубине не уступали суждениям шекспировских шутов, но только он не прикрывался, подобно им, плащом безумия. Страх перед его насмешками, как и добрые чувства, которые питало к нему население, везде обеспечивали ему хороший прием. Действительно, острое словечко Эндрю Джеммелза, особенно если он метил в какую-нибудь значительную особу, облетало всю посещаемую им округу так же

неизменно, как bon mot [note 5](#)
завзятого острослова
распространяется в светском кругу.
Многие из его удачных выпадов до
сих пор живы в той округе, но они в
общем носят слишком местный и
личный характер, чтобы стоило их
здесь приводить.

По всему, что я о нем слышал,
Эндрю многим отличался от
обыкновенных бродяг. Так, он охотно
играл в карты и кости со всяким, кто
искал подобного развлечения. Это
гораздо характернее для ирландского
странствующего игрока, чем для
шотландского нищего. Покойный
доктор Роберт Дуглас,
галасшильский пастор, уверял

автора, что в последний раз видел Эндрю Джеммелза за игрой в брэг с одним богатым и знатным джентльменом. Для соблюдения должной дистанции стороны расположились у открытого окна замка, причем лэрд сидел в кресле внутри, а нищий — на табурете во дворе, игра же шла на подоконнике. Ставкой была порядочная кучка серебра. Когда автор выразил некоторое удивление, доктор Дуглас заметил, что лэрд, несомненно, был шутник и чудака, но что многие солидные люди в те времена, подобно ему, не усмотрели бы ничего особенного в том, чтобы провести часок за картами или беседой с

Эндрю Джеммелзом.

Этот замечательный нищий обычно имел при себе — по крайней мере многие так думали — столько денег, что современные разбойники сочли бы их достаточной ценой за его жизнь. Однажды некий сельский джентльмен, известный своей скупостью, встретил Эндрю, высказал большое сожаление, что не имеет в кармане мелочи, а то дал бы ему шесть пенсов. «Я могу разменять вам фунт», — ответил Эндрю.

Подобно большинству людей, поднявшихся до вершин мастерства в своей профессии, Эндрю Джеммелз часто сетовал на упадок, который на его глазах претерпело нищенство.

Как род занятий, однажды сказал Эндрю, оно теперь приносит на сорок фунтов в год меньше, чем когда он впервые взялся за это дело. В другой раз он заметил, что собирание милостыни в последние годы уже не занятие для джентльмена и что, будь у него хоть двенадцать сыновей, он и тогда не соблазнился бы мыслью воспитать даже одного из них так, чтобы тот пошел по стопам отца.

Когда и где этот *laudatur temporis acti* [note 6](#) окончил свои скитания, автор достоверно не знает. Но вероятнее всего, как говорит Бернс:

Он умер смертью старых
кляч

В канаве за селом.

К портретам Эди Охилтри и Эндрю Джеммелза автор может присоединить еще один, полагая, что вместе они образуют как бы небольшую галерею, открытую для всего, что может осветить нравы минувших лет или развлечь читателя.

Сотоварищи автора по Эдинбургскому университету, вероятно, помнят худую, изможденную фигуру почтенного старого нищего, который стоял у снесенных теперь уже ворот в переулке Поттера и, ни слова не говоря, слегка кланялся и протягивал

— нисколько не назойливо — шляпу в сторону каждого пешехода. Этот человек благодаря своей молчаливости и бледному, истощенному виду паломника из дальних стран собирал такую же дань, какую Эндрю Джеммелзу приносили его насмешки и величественная осанка. Говорили, что у него хватает средств, чтобы содержать сына, студента богословского факультета, у ворот которого просил милостыню отец. Молодой человек отличался скромностью и прилежно учился, поэтому какой-то его однокурсник, чьи родители принадлежали к не особенно высокому кругу, пожалел

его и пытался утешить, любезно с ним разговаривая, когда увидел, что другие студенты, заподозрив тайну его рождения, совершенно от него отстранились. Старый нищий проникся благодарностью за такое внимание к сыну и однажды, когда приветливый студент проходил мимо, шагнул вперед, словно желая преградить ему путь. Студент вынул полпенни, думая, что дело идет о подаянии, но, к своему удивлению, выслушал изъявления признательности за проявленную к Джемми доброту, а затем — сердечное приглашение на обед в ближайшую субботу. «Подкрепимся бараньей лопаткой с картофелем, —

сообщил нищий и добавил: — Наденьте чистую рубашку — у меня будут еще гости». У студента было сильное искушение принять столь сердечное предложение, как многие в подобном случае, вероятно, и сделали бы. Но так как его мотивы могли быть неверно истолкованы, он все же счел более осторожным, учитывая общественное положение старика, отклонить приглашение.

Таковы особенности нищенства в Шотландии, о которых мы сообщили в пояснение к роману, где представитель этой профессии играет значительную роль. Мы полагаем, что доказали право Эди Охилтри на отведенное ему видное

место, ибо знавали нищего, который играл в карты с важной особой, и другого, который давал званые обеды.

Не знаю, стоит ли упоминать, что «Антикварий» при его первоначальном выходе в свет был принят менее благосклонно, чем его предшественники, но с течением времени снискал равную, а в глазах некоторых читателей — даже большую популярность.

ГЛАВА I

*Карету кликните!
Карету кликнуть!*

*И пусть, кто кличет,
кличет во весь голос!*

*И пусть карету только
кличет он!*

*Что дал бы за карету
я! О боги!*

«Chrononhotontholo»

Прекрасным летним утром — это было в конце восемнадцатого века — молодой человек благородной наружности, направлявшийся в северо-восточную часть Шотландии,

запасся билетом для проезда в одном из тех дилижансов, что ходят между Эдинбургом и Куинсферри, где, как показывает само название и как хорошо известно всем моим северным читателям, существует перевоз через залив Ферт-оф-Форт. Карета рассчитана на шесть пассажиров, не считая тех, которых кучеру случается посадить в пути, стеснив этим людей, законно занимающих места. Билеты на проезд в этом малоудобном экипаже продавала пожилая особа с пронзительным взором и с очками на очень тонком носу, занимавшая на Хай-стрит подвал, куда вела крутая лестница в один пролет и где она

предлагала тесемки, нитки, иголки, мотки шерстяной пряжи, грубое полотно и другие предметы женского обихода тем, у кого хватало смелости и умения спуститься в глубины ее жилища, не полетев вверх тормашками и не свалив многочисленные товары, которые были нагромождены по обе стороны этого крутого спуска и своим видом указывали на характер производившейся внизу торговли.

Объявление, написанное от руки и наклеенное на выступавшую из стены доску, гласило, что дилижанс на Куинсферри, иначе — «Хоузская карета», отходит во вторник пятнадцатого июля 17**года ровно в

двенадцать часов, дабы пассажиры успели воспользоваться приливом для переправы через Ферт-оф-Форт. Объявление в данном случае лгало, как обычно лгут все официальные объявления, ибо на колокольне Сент-Джайлза, а затем на Тронской церкви уже отзвонили этот час, а экипаж все еще не появлялся на указанной стоянке. Правда, было взято всего лишь два билета; возможно также, что у леди из подземного обиталища было соглашение с ее автомедоном, чтобы он при таких обстоятельствах немного запаздывал, — глядишь, кто-нибудь и займет свободные места! Может быть также, что означенному автомедону пришлось участвовать в

похоронах и он задержался, снимая со своей колымаги траурные украшения; может быть, он замешкался, распивая со своим другом конюхом лишнюю четверть шотландской пинты; может быть... Короче говоря, он не появлялся.

К молодому человеку, уже начинавшему терять терпение, теперь присоединился товарищ по несчастью — много бывает таких мелких несчастий в человеческой жизни! Это был обладатель второго билета. Человека, который вознамерился отправиться в путешествие, обычно легко отличить от его сограждан. Сапоги, длинное пальто, зонтик, небольшой пакет в

руке, шляпа, надвинутая на сурово
насупленные брови, решительная и
важная походка, краткие ответы на
приветствия никуда не торопящихся
знакомых, — все это признаки, по
которым опытный пассажир
почтовой кареты или дилижанса
может даже издали узнать будущего
спутника, приближающегося к месту
встречи. И тогда умудренный опытом
первый пассажир спешит обеспечить
себе лучшее сиденье и как можно
удобнее пристроить свой багаж до
прибытия соперника. Однако наш
молодой человек, не отличавшийся
особой предусмотрительностью, да и
вообще, за отсутствием дилижанса,
лишенный

возможности

воспользоваться своим правом преимущественного выбора, развлекался тем, что старался угадать род занятий и звание того лица, которое теперь приближалось к конторе дилижансов.

Это был благообразный человек лет шестидесяти или даже больше, но отличный цвет лица и твердый шаг свидетельствовали о том, что годы не нанесли ущерба его здоровью и силам. Лицо его с несколько жесткими чертами и умными, проницательными глазами было явно выраженного шотландского типа; обычно серьезное, оно оживлялось еле уловимым выражением насмешливости. Сюртук и

пantalоны были у него одного цвета и гармонировали с возрастом и внушительным видом их владельца, а хорошо взбитый и напудренный парик и шляпа с широкими опущенными полями, казалось, говорили о принадлежности его к ученому сословию. Он мог быть священником, однако производил впечатление скорее светского человека, чем представителя шотландской церкви, а первые же сказанные им вслух слова устранили всякие сомнения на этот счет. Он приблизился торопливым шагом и, бросив тревожный взгляд на циферблат церковных часов, а затем туда, где должен был находиться

дилижанс, воскликнул:

— Черт возьми, я все-таки опоздал!

Молодой человек успокоил его, сказав, что дилижанс еще не прибыл. Старый джентльмен, должно быть, сознавая, что сам был не слишком точен, сначала не находил в себе смелости бранить за то же возницу. Он взял пакет, по-видимому содержащий книгу большого формата, из рук пришедшего с ним мальчугана и, погладив его по голове, велел идти назад и сказать мистеру Б, что если бы он знал, как много у него останется времени, он бы еще поторговался. Потом он добавил, чтобы паренек побольше думал о

своём ремесле, и тогда из него выйдет самый преуспевающий юноша, какой когда-либо сметал пыль с фолиантов. Мальчуган медлил — вероятно, в надежде на пенни для покупки игральных шариков. Но он ничего не дождался. Джентльмен прислонил пакет к одному из столбиков у начала лестницы и, повернувшись к первому путешественнику, минут пять молча ждал прибытия запоздавшего дилижанса.

Наконец, раза два нетерпеливо взглянув на минутную стрелку башенных часов, сверив их со своими — огромной, старинной золотой луковицей с репетицией — и

скривив физиономию, а затем сердито и многозначительно фыркнув, он окликнул старую пещерную даму:

— Хозяйка! .. Как, черт возьми, ее зовут? .. Миссис Мак-Люхар!

Миссис Мак-Люхар, понимая, что в предстоящей стычке ей придется играть роль обороняющейся стороны, не торопилась открывать диспут и медлила с ответом.

— Миссис Мак-Люхар! Хозяйка! — повысил голос джентльмен и продолжал уже в сторону: — Глупая старая карга — да она глуха как колода! .. Послушайте, миссис Мак-Люхар!

— Я сейчас обслуживаю покупательницу... Право же, милочка, я не могу уступить ни гроша!

— Эй вы! — не унимался пассажир. — По-вашему, мы так и будем торчать здесь весь день, пока вы не вытянете из бедной девчонки половину ее годового жалованья, да еще вместе с праздничными подарками?

— Вытяну? ! — подхватила миссис Мак-Люхар, готовая начать спор с более выгодных позиций. — Я возмущена вашими словами, сэр! Вы невежа, и я не желаю, чтобы вы стояли тут и поносили меня на моем собственном пороге!

— Эта женщина, — сказал старый джентльмен, лукаво взглянув на посланного ему судьбой попутчика, — не понимает делового языка. Эй, послушайте, — снова обратился он в сторону подвала, — я и не думаю порочить вашу честь, но я желаю знать, куда делся дилижанс.

— Чего вам нужно? — отозвалась миссис Мак-Люхар, снова впадая в глухоту.

— Мы, сударыня, — сказал молодой незнакомец, — взяли билеты, чтобы ехать в Куинсферри с вашим дилижансом...

— ... который должен был быть уже на полпути туда, — продолжал старший и более нетерпеливый

путешественник, распаляясь все более. — Теперь мы, по всей видимости, упустим прилив, а у меня важные дела на той стороне, и ваш проклятый дилижанс...

— Дилижанс? .. Господи помилуй! Неужто его еще нет? — удивилась старая леди, и ее резкий, негодующий тон перешел в виноватое хныканье.

— Так вы ждете дилижанса?

— А чего ради мы стали бы жариться на солнце возле этой канавы, бессовестная вы женщина!

Теперь миссис Мак-Люхар поднялась по своему трапу (ибо хотя эта лестница и была каменной, она скорее походила на трап) настолько,

что ее нос пришелся вровень с мостовой. Затем, протерев очки, чтобы лучше рассмотреть то, чего, как она отлично знала, вовсе нельзя было увидеть, старуха воскликнула с хорошо разыгранным удивлением:

— Господи помилуй! Видано ли что-нибудь подобное?

— Да, мерзавка! — загремел путешественник. — Многие видели подобное, и все будут видеть подобное, кому придется иметь дело с вашим пакостным полом.

Он яростно зашагал назад и вперед, и каждый раз, проходя мимо входа в лавку, подобно кораблю, который, поравнявшись с неприятельской крепостью, дает по

ней всем бортом залп, палил жалобами, угрозами и упреками в ошеломленную миссис Мак-Люхар. Он возьмет почтовую карету; он кликнет наемный экипаж; он добудет четверку лошадей. Ему необходимо, совершенно необходимо быть сегодня же на Северной стороне, и все расходы по его поездке, включая убытки, прямые и косвенные, возникшие от задержки, падут на злополучную голову миссис Мак-Люхар.

Его брюзгливое негодование было настолько комично, что младший путешественник, который не так спешил с отъездом, невольно забавлялся этой сценой, особенно

тем, что старый джентльмен, при всем своем раздражении, сам порою не мог удержаться и смеялся над своей горячностью. Впрочем, когда миссис Мак-Люхар, глядя на него, тоже начала хихикать, он быстро положил конец ее неуместному веселью.

— Эй ты, это твое объявление? — спросил он, доставая клочок измятой бумаги с печатным текстом. — Разве здесь не сказано, что, с божьей помощью, как ты лицемерно выражаешься, «Хоузская карета», иными словами — дилижанс на Куинсферри, отойдет сегодня в двенадцать часов? И разве, мошенница из мошенниц, теперь не

четверть первого? А ведь никакого дилижанса или кареты и в помине нет. А знаешь ли ты, что бывает с теми, кто соблазняет людей ложными посулами? Знаешь ли ты, что это может быть подведено под статью о преднамеренном обмане? Отвечай, и пусть хоть раз за всю твою долгую, бесполезную и дурную жизнь твои слова будут правдивы и искренни: есть у тебя такой дилижанс? Существует ли он *in rerum natura* [note](#) 7, или это подлое извещение составлено с единственной целью надуть неосторожных людей и отнять у них время, терпение в три шиллинга полновесной монетой нашего

королевства? Есть у тебя, повторяю, такой дилижанс? Да или нет?

— Ах, господи, ну конечно, сэр! Соседи хорошо знают мой дилижанс. Он зеленый с красным, и у него три желтых колеса и одно черное.

— Слушай, женщина, твое подробное описание ничего не стоит. Оно может быть всего только ловкой ложью.

— Что вы, сэр? — воскликнула подавленная миссис Мак-Люхар, изнемогая под столь продолжительным потоком риторики. — Возьмите назад свои три шиллинга и оставьте меня в покое!

— Нет, погоди, погоди! Разве три

шиллинга доставят меня в
Куинсферри по твоему
предательскому расписанию? Разве
они возместят убытки, которые я
могу потерпеть, не уладив своих дел?
Разве они покроют неизбежные
расходы, если мне придется
проторчать сутки на Южной стороне,
дожидаясь прилива? Смогу ли я
нанять на них хотя бы лодку, которая
одна только обойдется мне в пять
шиллингов?

Здесь его речь была прервана
глухим гроыханием, возвещающим
приближение давно ожидаемого
экипажа, который двигался со всей
скоростью, на какую только были
способны тащившие его заезженные

клячи. С неслыханной радостью миссис Мак-Люхар следила, как ее мучитель усаживался на кожаном сиденье. Но и тогда, когда рыдван уже тронулся, старый джентльмен, высунув голову в окно, продолжал напоминать ей — хотя слова его тонули в грохоте колес, — что, если дилижанс не достигнет места назначения вовремя, она, миссис Мак-Люхар, будет нести ответственность за все возможные последствия.

Дилижанс проехал уже милю или две, а незнакомец все еще не вполне восстановил свое душевное равновесие, и это время от времени проявлялось в горестных

восклицаниях, что-де он и его спутник, по всей вероятности или даже несомненно, упустят прилив. Все же постепенно гнев его начал утихать. Он вытер лоб, перестал хмуриться и, развязав пакет, который держал в руке, вынул оттуда фолиант и стал его разглядывать с уверенным видом знатока, любуясь его внушительными размерами и сохранностью и тщательно проверяя листы, чтобы убедиться, что они целы и все налицо от титульного до самого последнего. Попутчик старого джентльмена отважился задать ему вопрос о предмете его занятий. Старик поднял глаза, и в них промелькнула легкая усмешка,

словно он сомневался, поймет ли любознательный молодой человек его ответ и удовлетворится ли им. Затем он объяснил, что книга, «Itinerarium Septentrionale» [note 8](#) Сэнди Гордона, представляет собой описание римских древностей в Шотландии. Молодой человек, не убоявшись такого ученого заглавия, задал еще несколько вопросов, свидетельствовавших о том, что он получил хорошее образование, которое притом пошло ему впрок. Не обладая подробными сведениями о памятниках старины, он все же был достаточно знаком с классиками, чтобы с интересом и пониманием следить за словами спутника.

Старший путешественник, которому было приятно, что его случайный попутчик вникает в его слова и отвечает ему, охотно пустился в целый океан подробностей, касавшихся урн, ваз, жертвенников, римских лагерей и правил их устройства.

Этот приятный разговор возымел такое умиротворяющее действие, что, несмотря на две задержки в пути, гораздо более длительные, чем та, которая навлекла на злосчастную миссис Мак-Люхар гнев нашего антиквария, он удостоил эти задержки лишь отдельными «фу» и «ну», казалось, скорее относившимися к чинимым

его красноречию помехам, чем к промедлению в пути.

Первая из этих задержек была вызвана поломкой рессоры, исправление которой отняло не менее получаса. Второй способствовал, а пожалуй, и был главной ее причиной, сам антикварий, так как, заметив, что одна из лошадей потеряла переднюю подкову, он указал кучеру на этот существенный недочет.

— Лошадей нам дает по контракту Джейми Мартингейл, он и должен смотреть за ними, — заявил Джон, — а я не обязан останавливаться и терпеть убыток из-за таких неполадок.

— А когда ты отправишься к... я хочу сказать — в то место, которого ты заслуживаешь, негодяй, кто, по-твоему, должен будет по контракту смотреть за тобой? Если ты не остановишься и не отведешь бедную клячу в ближайшую кузницу, я добьюсь того, чтобы тебя наказали, если только найдется мировой судья в Мид-Лотиане.

И, открыв дверцу кареты, он спрыгнул на землю, а кучер приступил к выполнению его приказания, бормоча, что ежели джентльмены теперь упустят прилив, пусть пеняют только на себя, потому что он-то хотел ехать дальше.

Я так не люблю анализировать

сложные причины, определяющие поступки людей, что не стану углубляться в вопрос о том, не подкреплялось ли в некоторой мере сострадание антиквария к бедному животному желанием показать спутнику становище пиктов, или, поместному, «загон». Как раз эту тему он только что подробно развивал, а иллюстрация к ней, «весьма любопытная и поистине совершенная», случайно находилась всего в ста шагах от места, где произошла задержка. Однако, если бы я был вынужден разобраться в побуждениях моего достойного друга (ибо именно таковым и был джентльмен в скромном платье,

пудреном парике и широкополой мягкой шляпе), я сказал бы, что, хотя он, безусловно, не позволил бы кучеру ехать дальше на лошади, не способной передвигаться, и, равным образом, не потерпел бы, чтобы его самого торопили, все же мастер кнута, наверно, избежал многих суровых замечаний и упреков благодаря приятному времяпрепровождению, которому предавались путешественники во время остановок.

Эти перерывы в путешествии отняли много времени, и когда дилижанс спустился с холма, возвышавшегося над гостиницей Хоуз, к югу от Куинсферри, опытный

глаз антиквария — по ширине
полосы влажного песка и по
множеству видневшихся вдоль берега
черных камней и покрытых
водорослями утесов — усмотрел, что
час прилива уже миновал. Молодой
человек ожидал взрыва негодования.
Но потому ли, что наш герой, как
говорит Крокер в «Добродушном
человеке», заранее негодуя на
возможные бедствия, настолько
исчерпал силы, что уже не был в
состоянии почувствовать эти
бедствия, когда они настали, или же
потому, что нашел общество, в
котором он оказался, слишком
приятным, чтобы роптать на какие-
либо задержки в пути, — во всяком

случае, несомненно, что он покорился судьбе с большим смирением.

— Черт бы побрал этот дилижанс и старую ведьму, его хозяйку! Да и какой это дилижанс? Это же черепаха. Он ползет, как муха в горшке с клеем, по ирландскому присловью. Так или иначе, время и прилив никого не ждут. И поэтому, молодой друг, давайте подкрепимся в гостинице — это очень приличное заведение, — и я буду чрезвычайно рад закончить объяснение различий в способах окружения рвами *castra stativa* [note 9](#) и *castra aestiva* [note 10](#); многие наши историки вносят в этот вопрос немалую путаницу. Увы,

лучше бы они потрудились посмотреть на все это собственными глазами, чем глазами своих коллег! .. Ну что ж, здесь мы устроимся довольно удобно. И надо же нам в конце концов где-нибудь пообедать! Тогда переезд с новым приливом и вечерним бризом будет еще приятнее.

Покорившись обстоятельствам с таким истинно христианским смирением, наши путешественники сошли у дверей гостиницы Хоуз.

ГЛАВА II

*Сэр, что за нравы на
дороге этой!*

*Мне что ни день дают
бараний бок,*

*Засушенный
настолько, что лишь терка
Его берет! И запивать
извольте*

*Ужасной смесью
сыворотки с пивом!*

*Претит мне это.
Лишь в вине веселье.*

*Мой дом не остается
без вина,*

И мой девиз: «Я верю

только в херес!»

*Бен Джонсон.
«Новая
гостиница».*

Когда старший путешественник, тучный, страдающий от подагры и одышки, спустился по шатким ступенькам дилижанса, хозяин гостиницы приветствовал его с той смесью фамильярности и почтительности, какой шотландские трактирщики старой школы придерживаются с особенно уважаемыми постояльцами.

— Господи боже, неужто это вы, Монкбарнс? (Он называл гостя по

имени его поместья, что всегда ласкает слух шотландского землевладельца). Не думал я увидеть вашу милость ранее конца летней сессии!

— Скажет тоже, толстый старый черт! — ответил гость, чей шотландский акцент усиливался в минуты гнева, а в остальное время был малозаметен. — Старый скрюченный болван! Ну какое мне дело до сессии и до глупых гусей, которые туда слетаются, или до ястребов, которые им там выщипывают перья?

— И то правда! — согласился хозяин; он, собственно, говорил так только потому, что лишь смутно

помнил об образованности гостя, но тем не менее был бы очень огорчен, если бы подумали, что он в точности не осведомлен об общественном положении и роде занятий того или иного, хотя бы и редкого, посетителя. — Совершенная правда! Только мне пришло в голову, что вам, может быть, надо было приглядеть за каким-либо собственным делом в суде. У меня у самого есть такое дело, и уж больно затянулась эта тяжба; ее оставил мне отец, а ему еще раньше — его отец. Это спор насчет нашего заднего двора — может, вы слыхали об этом в парламенте: Хатчинсон против Мак-Китчинсона. Известное дело,

слушалось четыре раза еще до пятнадцатого года. В нем сам черт ногу сломит. Судьи так запутались, что только одно и знают — пересылать это дело из одного присутствия в другое. Любо смотреть, как бережно блюдут справедливость в нашей стране!

— Попридержи язык, болван, — остановил его путешественник, впрочем весьма добродушно, — и скажи, что ты можешь предложить этому молодому человеку и мне на обед.

— Прежде всего, конечно, рыбу: лососину и свежую треску, — сказал Мак-Китчинсон, вертя салфеткой. — И вы не откажетесь от бараньих

котлеток; а еще есть пирожки с клюквенным вареньем — их совсем недавно пекли! И... и вообще все, что прикажете.

— Другими словами, больше ничего нет? Что ж, рыба, рыба, и котлеты, и пирожки — все это подойдет. Но только не подражай той мудрой медлительности, за которую ты так хвалишь суд. Чтобы мне не было никаких передач дела из одного присутствия в другое, слышишь?

— Нет, нет, — заверил его Мак-Китчинсон, который, внимательно читая отчеты о судебных заседаниях, нахватался кое-каких юридических фраз. — Обед будет подан *quamprimum* [note](#) 11 и притом

peremptorie [note 12](#)

И он со свойственной трактирщикам льстивой и обнадеживающей улыбкой оставил их в гостиной, где пол был посыпан песком, а стены увешаны олеографиями, изображавшими четыре времени года.

Поскольку, несмотря на обещание хозяина поспешить, достославная медлительность правосудия нашла свое подобие на кухне гостиницы, наш молодой путешественник имел возможность выйти и порасспросить местных жителей о звании и положении своего попутчика. Полученные им сведения носили общий и не вполне

достоверный характер, но их все же было достаточно, чтобы ознакомиться с именем, жизнью и положением джентльмена, которого мы постараемся в нескольких словах представить непосредственно нашим читателям.

Джонатан Олденбок, или Олдинбук, в обычном сокращении — Олдбок, был родом из Монкбарнса и приходился вторым сыном джентльмену, владевшему небольшой недвижимостью в окрестностях процветающего портового города на северо-восточном побережье Шотландии, который мы по разным причинам будем называть Фейрпортом. Олденбоки

обосновались там уже несколько поколений назад и в большинстве графств Англии считались бы семьей, занимающей видное положение. Но в здешнем графстве было полно джентльменов более древнего происхождения, к тому же обладавших большим состоянием. Кроме того, в последнем поколении почти все местное дворянство принадлежало к якобитам, тогда как владельцы Монкбарнса, как и жители города, близ которого находилось это поместье, были упорными последователями протестантизма.

Олденбоки тоже имели родословную, которой гордились не меньше, чем те, кто смотрел на них

сверху вниз, ценили свою восходившую к саксам, норманнам или кельтам генеалогию. Первый Олденбок, поселившийся в их родовой усадьбе вскоре после Реформации, был, как говорили, потомком одного из первопечатников Германии и покинул родину из-за гонений на приверженцев лютеранской религии.

Он нашел убежище в городе, возле которого теперь жило его потомство. Его охотно приняли здесь, как пострадавшего за протестантское дело; конечно, не повредило ему также и то, что он привез с собой достаточно денег, чтобы приобрести небольшое

имение Монкбарнс у промотавшегося владельца, чей отец получил его в дар, вместе с другими церковными землями, после упразднения большого и богатого монастыря, которому оно принадлежало. Поэтому Олденбоки при всех восстаниях оставались верными подданными короны. А так как они поддерживали хорошие отношения с городом, случилось, что уважаемый лэрд Монкбарнса в злосчастном 1745 году оказался мэром, причем деятельно выступал за короля Георга и даже понес в связи с этим значительные издержки, которые тогдашнее правительство, как всегда, щедрое к своим друзьям, так и не

возместило ему. Однако путем настоятельных ходатайств и при поддержке влиятельных горожан ему удалось получить должность при таможне, и, как человек умеренный и бережливый, он сумел значительно приумножить отцовское состояние. У него было только два сына, причем нынешний лэрд, как мы уже дали понять, был младшим, и две дочери, одна из которых все еще цвела в благословенном безбрачии, а другая, значительно более юная, вышла по сердечной склонности за некоего капитана, служившего в 42-м полку и не имевшего за душой ничего, кроме чина и родословной своего горного клана. Бедность разрушила союз,

который любовь могла бы сделать счастливым: капитан Мак-Интайр ради благополучия жены и двух детей, мальчика и девочки, вынужден был искать счастья в Ост-Индии. Когда его послали в экспедицию против Хайдер-Али, его отряд был отрезан, и бедная жена так и не узнала, пал ли он в битве, был ли умерщвлен в плену или остался в живых и прозябает в безнадежной неволе у индийского тирана. Она скончалась, не вынеся горя и неизвестности, и оставила сына и дочь на попечение брата, теперешнего хозяина Монкбарнса.

Жизнь этого землевладельца не богата событиями. Он был, как мы

уже сказали, вторым сыном, и отец готовил его к участию в крупном коммерческом предприятии, руководимом родственником с материнской стороны. Однако против такого плана Джонатан восстал самым непримиримым образом. Тогда его определили в учение к юристу, чтобы он сделался стряпчим или адвокатом. В этом деле он преуспел настолько, что овладел всеми формами феодальных инвеститур. Ему доставляло такое удовольствие примирять их противоречия и выяснять их происхождение, что патрон очень надеялся увидеть его в будущем хорошим ходатаем по земельным

делам. Однако он медлил на пороге храма юстиции и, хотя приобрел некоторые знания по вопросам истории и системы законоположений своей страны, никак не поддавался уговорам практически использовать эти знания в целях извлечения дохода. Но если он так обманул надежды своего патрона, то вовсе не из легкомысленного пренебрежения к выгодам, связанным с обладанием деньгами. «Будь он обеспечен, или бестолков, или *rei suae prodigus* [note 13](#), — говорил его наставник, — я бы понял его. Но он никогда не истратит и шиллинга, не проверив внимательно сдачу. Шести пенсов ему хватает на больший срок, чем

другому полукроны, и он может целыми днями размышлять над какими-нибудь парламентскими актами, отпечатанными готическим шрифтом, вместо того чтобы сыграть в гольф или сидеть в таверне. И все же он не посвятит даже дня несложному судебному делу, которое позволило бы ему положить в карман двадцать шиллингов. Странная смесь умеренности и прилежания, с одной стороны, и нерадивости — с другой. Нет, мне его не понять! »

Однако с течением времени его ученик получил возможность заниматься чем ему вздумается. Отец умер; ненамного пережил его и старший сын, заядлый рыболов и

охотник, расставшийся с жизнью из-за простуды, схваченной во время охоты на уток в болоте Китлфитинг-мосс, несмотря на то, что в тот вечер он выпил бутылку бренди, чтобы согреть желудок. Таким образом, Джонатан унаследовал имение, а с ним и средства, которые позволили ему существовать, сбросив с себя ненавистную лямку юриспруденции. Желания у него были самые умеренные. Рента, приносимая его небольшим имением, увеличивалась с ростом благосостояния округа и вскоре намного превысила его потребности и расходы. И хотя он был от природы слишком ленив, чтобы стремиться к обогащению, он

все же не без удовольствия наблюдал, как накоплялись его сбережения. Обитатели близлежащего города смотрели на него не без зависти, как на человека, который считал себя выше их по положению в обществе и чьи занятия и развлечения казались им равно непонятными. Тем не менее своего рода наследственное почтение к лэрду Монкбарнса, а также и то, что его знали как денежного человека, не могло не влиять на его соседей-горожан. Сельские джентльмены, в общем, превосходили его богатством, но отнюдь не умом и, за исключением одного, с которым он был на дружеской ноге, мало общались с

хозяином Монкбарнса. Впрочем, он мог при желании утешаться обычным в таких случаях обществом пастора и врача, а также не без интереса и удовольствия переписываться с большинством тогдашних знатоков древностей, которые, подобно ему, измеряли разрушенные временем укрепления, чертили планы развалившихся замков, читали истертые надписи и сочиняли статьи о медалях, по двенадцати страниц на каждую букву легенды. Его вспыльчивость, по словам горожан, объяснялась отчасти ранним разочарованием в любви, сделавшим из него, как он выражался, убежденного «мизогина», но в еще

большой мере раболепным
преклонением перед ним
незамужней сестры и сироты-
племянницы, которых он приучил
считать его величайшим человеком
на земле и которыми хвалился как
единственными хорошо
выдрессированными и приученными
к послушанию женщинами, которых
он знает. Нужно, впрочем, признать,
что мисс Гризи Олдбок случалось
иногда и «артачиться», если он
затягивал поводья слишком туго.
Прочие черты его характера станут
ясны из нашей повести, и мы с
радостью освободим себя от скучной
обязанности их перечисления.

Во время обеда мистер Олдбок,

побуждаемый таким же любопытством, как и у его спутника, сделал несколько более прямых попыток, оправдываемых его летами и положением, установить имя, цель поездки и звание молодого джентльмена.

Молодой человек сказал, что его зовут Ловел.

— Как? «Кошка, и крыса, и Ловел, наш пес»? Неужели вы происходите от любимца короля Ричарда?

Молодой человек ответил, что не имеет основания называть себя щенком этого помета и что его отец — уроженец Северной Англии. Сам он в настоящее время едет в

Фейрпорт (город, близ которого находилось имение Монкбарнс) и, если ему понравится, может быть, проведет там несколько недель.

— Мистер Ловел путешествует только для удовольствия?

— Не совсем.

— Быть может, у вас дела с фейрпортскими коммерсантами?

— Отчасти есть и дела, но они не имеют отношения к торговле.

На этом он остановился. И мистер Олдбок, зашедший в своих расспросах настолько далеко, насколько позволяли приличия, вынужден был переменить разговор. Антикварий не считал себя врагом хорошего обеда, но был решительным

противником лишних дорожных расходов. И когда его товарищ намекнул на бутылочку портвейна, он нарисовал ужасную картину той смеси, которую, сказал он, обычно продают под этим наименованием, и, отметив, что пунш заслуживает большего доверия и лучше подходит к данному времени года, положил руку на звонок, чтобы заказать необходимые составные части. Но Мак-Китчинсон уже по-своему решил вопрос о напитках и появился с огромной двухквартирной бутылкой, покрытой древесными опилками и паутиной — свидетельствами ее древнего возраста.

— Пунш? — подхватил он это

звучное слово, входя в гостиную. — Черта с два получите вы сегодня хоть каплю пунша, Монкбарнс! Так и знайте!

— Что ты затеял, мошенник бесстыжий?

— Ну, ну, нечего так ругать меня! А вы помните, какую шутку вы сыграли со мной, когда были здесь прошлый раз?

— Я сыграл с тобой шутку?

— Вы самолично, Монкбарнс! Лэрд Темлоури, и сэр Гилберт Гризлклю, и старый Росбалло, и наш мэр собирались провести у меня часок-другой. А вы пустились рассказывать им свои сказки про древний мир, так что они и уши

развесили, а потом вы взяли да увеличи их бог знает куда поглазеть на старый римский лагерь. Ах, сэр, — обратился трактирщик к Ловелу, — ведь он птиц с деревьев сманить может, как заведет речь про людей, которых давно и в живых нет! Вот я и потерял случай отпустить не меньше шести пинт доброго кларета, потому что ни один черт не ушел бы отсюда, не выпив своей доли.

— Видали вы такого бессовестного плута! — воскликнул Монкбарнс и расхохотался, ибо почтенный хозяин не напрасно хвастал, что знает меру всех своих гостей, как сапожник знает длину ноги всех своих заказчиков. — Ладно

уж, можешь прислать нам бутылку портвейна!

— Портвейна? Ну нет! Оставьте портвейн и пунш нам, простым людям. А лэрдам подобает пить кларет. И, смею оказать, никто из тех людей, которых вы так любите расписывать, не пил ни портвейна, ни пунша.

— Вы слышите, как уверенно рассуждает этот нахал? Что ж, молодой друг, придется нам предпочесть «фалернское коварному сабинскому».

Проворный хозяин мгновенно вытащил пробку, перелил вино в достаточно емкий сосуд и, объявив, что оно «надушило» всю комнату,

предоставил гостям угощаться вволю.

Вино Мак-Китчинсона и в самом деле оказалось недурным и подняло настроение старшего гостя, который рассказал несколько занятных историй, отпустил ряд веселых шуток и под конец пустился в ученое рассуждение, касавшееся драматургов древности. В этой области его новый знакомый оказался настолько осведомленным, что наш антикварий начал подозревать, не сделал ли их мистер Ловел предметом своего специального изучения. «Он путешествует отчасти по делам, отчасти — ради удовольствия? Сцена — вот что может объединить то и

другое! Ведь это работа для исполнителей и удовольствие — по крайней мере так должно быть — для зрителей. По манерам и положению он кажется выше тех молодых людей, которые обычно избирают этот путь. Но, помнится, кто-то говорил, что наш театр открывает сезон дебютом молодого человека, впервые появляющегося на сцене. Что, если это ты, Ловел? Ловел или Белвил — как раз такие имена, какие часто принимают молодые люди в подобных случаях. Ей-богу, мне жаль парня! »

Мистер Олдбок обычно был бережлив, но ни в коем случае не скарעדен. Первой его мыслью было

избавить спутника от какого-либо участия в расходах, связанных с их маленькой пирушкой, которые, казалось ему, должны быть более или менее обременительны в положении юноши. Поэтому он постарался потихоньку уладить счета с Мак-Китчинсоном. Молодой путешественник запротестовал против такой щедрости и примирился с ней только из уважения к годам и почтенной личности лэрда.

Удовлетворение, которое они находили в обществе друг друга, побудило мистера Олдбока предложить — с чем Ловел охотно согласился — ехать вместе до самого

конца. Мистер Олдбок высказал желание уплатить две трети стоимости почтовой кареты, указав, что соответственная доля места требуется для его багажа; но это мистер Ловел решительно отклонил. В дальнейшем их расходы делились пополам, если не считать того, что Ловел иногда совал шиллинг в руку ворчащему почтальону, ибо Олдбок, верный старинным обычаям, никогда не давал на чай больше восьми пенсов за перегон. Так они и ехали, пока на другой день, около двух часов, не прибыли в Фейрпорт.

Ловел, вероятно, ожидал, что его спутник по приезде пригласит его к себе домой на обед. Однако, зная,

как затруднительно принимать без подготовки нежданного гостя, а может быть, и по другим причинам, Олдбок не оказал ему этой любезности. Он лишь просил поскорее, как только это будет удобно мистеру Ловелу, посетить его в утренние часы, а затем отрекомендовал его вдове, сдававшей комнаты, и хозяину приличной таверны. При этом он предупредил каждого из них, что знает мистера Ловела лишь как приятного спутника по почтовой карете и не гарантирует оплаты никаких счетов по его расходам в Фейрпорте. Однако внешний облик и манеры молодого джентльмена, не говоря уж об

увесистом сундуке, вскоре
прибывшем морем на его
фейрпортский адрес, надо полагать,
свидетельствовали в его пользу не
меньше, чем осторожная
рекомендация его попутчика.

ГЛАВА III

*Ты у него увидишь
груды*

*Старинных лат,
мечей, посуды.*

*Тут шлемы старые,
гребенки,*

*Два телескопа,
Горшки для каши и
солонки*

Времен потопа.

Бернс

Устроившись в своих новых
апартаментах в Фейрпорте, мистер
Ловел вспомнил, что обещал

посетить своего попутчика. Он не сделал этого раньше, потому что при всем добродушии старого джентльмена, так охотно делившегося своими знаниями, в его речах и манерах иногда проскальзывал тон превосходства, который, по мнению его спутника, далеко не оправдывался одной лишь разницей в возрасте. Поэтому он дождался прибытия из Эдинбурга своего багажа, чтобы одеться в соответствии с модой и своим внешним видом подчеркнуть то положение в обществе, которое он занимал или считал себя вправе занимать.

Лишь на пятый день по приезде,

подробно расспросив о дороге, он отправился засвидетельствовать свое почтение владельцу Монкбарнса. Тропинка, тянувшаяся через поросший вереском холм и луга, привела его к усадьбе, стоявшей на противоположном склоне упомянутого холма, откуда открывался прекрасный вид на бухту и скользившие по ней суда. Отделенный от города возвышенностью, защищавшей его от северо-западных ветров, дом производил впечатление укромого и уединенного уголка. Внешний вид его был не слишком располагающим. Это было старомодное строение неправильных очертаний, часть

которого в те времена, когда поместье находилось во владении монахов, составляла обособленную мызу, где жил эконоом или управляющий хозяйством монастыря. Здесь братия хранила зерно, полученное в качестве натуральной ренты от подвластных обители земледельцев, ибо, по свойственной этому монашескому ордену осторожности, он всегда требовал уплаты натурой. Отсюда, как любил говорить теперешний владелец, и пошло название Монкбарнс [note 14](#). К тому, что осталось от жилища эконома, позднейшие обитатели-миряне добавляли все новые и новые пристройки, соответственно

потребностям своих семей, а так как это делалось с равным пренебрежением к удобствам внутри и архитектурной законченности снаружи, вся постройка имела вид скопища зданий, внезапно застывших на месте в самый разгар контрданса, исполняемого ими под музыку какого-нибудь Амфиона или Орфея. Усадьба была окружена высокими живыми изгородями из подстриженного остролиста и тиса. Некоторые из них все еще являли искусство «топиарианского» художника [note 15](#) и имели форму кресел, башен или воспроизводили поединок святого Георгия с драконом. Вкус мистера Олдбока не

позволил ему тревожить памятники ныне утраченного искусства, тем более что это, несомненно, разбило бы сердце старого садовника. Впрочем, один высокий и раскидистый тис был избавлен от ножниц. И на садовой скамье под его сенью Ловел узрел своего пожилого друга с очками на носу и кисетом сбоку, прилежно углубившегося в «Лондонскую хронику» под ласковый шелест летнего ветерка в листве и отдаленный шум волн, набегавших на песок.

Мистер Олдбок немедленно встал и пошел навстречу своему дорожному спутнику, которому сердечно пожал руку.

— Честное слово, — сказал он, — я уже решил, что вы передумали и, найдя глупых обитателей Фейрпорта слишком надоедливými и не достойными ваших талантов, покинули нас на французский манер, как мой старый приятель и собрат антикварий Мак-Криб, который исчез с одной из моих сирийских медалей.

— Надеюсь, почтенный сэръ, что надо мною не тяготеет подобное обвинение.

— Было бы столь же скверно, доложу я вам, если бы вы похитили самого себя, не доставив мне удовольствия еще раз увидеться с вами. Уж лучше бы вы взяли моего

медного Оттона. Однако пойдем; позвольте мне показать вам дорогу в мою sanctum sanctorum [note 16](#), мою келью, мог бы я сказать, ибо, кроме двух праздных и избалованных баб (этим презрительным наименованием, заимствованным им от другого антиквария, циника Энтони Вуда, мистер Олдбок обычно обозначал прекрасный пол вообще и своих сестру и племянницу в частности), которые, под глупым предлогом родства, устроились в моих владениях; здесь никого нет, и я живу таким же отшельником, как и мой предшественник Джон из Гернела, чью могилу я вам когда-нибудь покажу.

С этими словами старый джентльмен повел гостя к низенькой двери, но перед входом внезапно остановился и указал на неясные следы, оставшиеся на камне, по его мнению, от какой-то надписи. Однако тут же покачав головой, он сообщил, что разобрать ее совершенно невозможно.

— Ах, если бы вы знали, мистер Ловел, сколько времени и хлопот стоили мне эти стершиеся буквы! Ни одна мать не возилась так со своим ребенком — притом без всякой пользы, — но я почти уверен, что эти два последних знака имеют форму цифр или букв LV и могут дать хорошее представление о дате

постройки, поскольку мы знаем aliunde [note 17](#), что здание было основано аббатом Валдимиром около середины четырнадцатого столетия. Но я уверен, что глаза более зоркие, чем мои, могли бы разглядеть и орнамент посередине.

— Мне кажется, — ответил Ловел, которому хотелось сделать старику приятное, — что он по форме напоминает митру.

— Несомненно, вы правы! Вы правы! Мне это никогда не приходило в голову. Вот что значат молодые глаза! Митра, митра, это подходит во всех отношениях.

Сходства было не больше, чем между облаком Полония и китом или

дроздом. Но его было достаточно, чтобы мозг антиквария начал усиленно работать.

— Митра, дорогой сэр, — продолжал он, идя вперед по лабиринту неудобных и темных переходов и прерывая свои рассуждения, чтобы предупредить гостя об опасных местах, — митра, дорогой сэр, подходит для нашего аббата не хуже, чем для епископа, ибо это был митрофорный аббат, чье имя стояло во главе списка... Осторожно: здесь три ступеньки! .. Я знаю, что Мак-Криб это отрицает. Но это так же достоверно, как то, что он увез без спроса моего Антигона. Вы можете видеть имя аббата

Троткозийского, abbas Trottocosiensis, в самом начале парламентских списков четырнадцатого и пятнадцатого веков... Здесь очень мало света, а эти проклятые бабы всегда оставляют лоханки в проходе! Осторожно, здесь поворот! Теперь поднимитесь на двенадцать ступенек, и вы будете в безопасности!

К этому времени мистер Олдбок дошел до верха винтовой лестницы, которая вела в его личные апартаменты, открыл дверь и отодвинул кусок ковровой ткани, которой она была завешена.

— Что вы тут затеяли, пакостницы? — вдруг закричал он.

Грязная, босоногая служанка, застигнутая в минуту страшного преступления — уборки *sanctum sanctorum*, бросила пыльную тряпку и убежала в противоположную дверь от лика разъяренного хозяина. Но молодая леди, присматривавшая за работой, не сдавала своих позиций, хотя, по-видимому, несколько оробела.

— Право же, дядя, в вашей комнате был ужаснейший беспорядок, и я зашла присмотреть, чтобы Дженни все положила на прежнее место.

— А кто позволил тебе — да и Дженни тоже — вмешиваться в мои личные дела? (Мистер Олдбок

ненавидел уборку не меньше, чем доктор Оркборн или любой другой завзятый ученый.) Ступай, занимайся своими вышивками, обезьяна, и не попадайся мне здесь опять, если тебе дороги уши! Уверяю вас, мистер Ловел, что последний набег этих мнимых друзей чистоты оказался для моей коллекции почти таким же роковым, как посещение Гудибраса для собрания Сидрофела. И я с тех пор не знаю, где

... Мой старый календарь,
который
Был врезан в медный верх
доски.
Где нэпировские бруски,

Где лунные часы, амфоры,
Созвездья из цветных
камней,
Игрушки прихоти моей,

и так далее, как сказано у
старого Батлера.

Во время этого перечисления
потерь молодая леди, сделав
реверанс перед Ловелом,
воспользовалась случаем и скрылась.

— Вы задохнетесь тут в тучах
пыли, которую они подняли, —
продолжал антикварий. — Но уверяю
вас, что около часа назад это была
древняя, мирная, спокойная пыль и
оставалась бы такой еще сто лет,

если бы ее не потревожили эти цыганки, всюду сующие свой нос.

И действительно, прошло некоторое время, прежде чем Ловел сквозь тучи пыли мог рассмотреть комнату, в которой его друг устроил себе убежище.

Это была высокая, но не особенно большая комната, слабо освещенная узкими окнами с частым свинцовым переплетом. Конец комнаты был заставлен книжными полками. Занимаемое ими пространство было явно мало для размещенных на них томов, и поэтому книги стояли в два и три ряда, а бесчисленное множество других валялось на полу и на столах

среди хаоса географических карт, гравюр, обрывков пергамента, связок бумаг, старинных доспехов, мечей, кинжалов, шлемов и щитов шотландских горцев. За креслом мистера Олдбока (это было старинное кожаное кресло, лоснившееся от постоянного употребления) стоял огромный дубовый шкаф, по углам украшенный херувимами в голландском вкусе, с большими неуклюжими головами и куцыми крылышками. Верх этого шкафа был загроможден бюстами, римскими светильниками и чашами, среди которых виднелось несколько бронзовых фигур. Стены были покрыты мрачными старинными

коврами, изображавшими
достопамятную историю свадьбы
сэра Гавэйна и воздававшими
должную дань уродливости невесты.
Впрочем, судя по наружности самого
благородного рыцаря, он имел
меньше основания быть
недовольным разницей во внешнем
благообразии, чем утверждает автор
романа. Остальная часть комнаты
была отделана панелями мореного
дуба. Здесь висело несколько
портретов рыцарей в латах, любимых
мистером Олдбоком персонажей из
истории Шотландии, и его
собственных предков в париках с
косичкой и расшитых камзолах. На
огромном старомодном дубовом

столе грудой лежали бумаги, пергаменты, книги, всякие мелочи и безделушки, мало чем примечательные, кроме ржавчины и древности, о которой эта ржавчина свидетельствовала. В самой гуще всей этой мешанины из старинных книг и утвари с важностью, достойной Мария на развалинах Карфагена, восседал большой черный кот; суеверному глазу он мог бы показаться *genius loci* [note 18](#), демоном-хранителем этого места. Пол, так же как стол и стулья, был затоплен тем же *mare magnum* [note 19](#) разнородного хлама, где было равно невозможно как найти какой-нибудь предмет, так и употребить его по

назначению.

Среди этой неразберихи не так легко было добраться до стула, не споткнувшись о распростертый на полу фолиант или не попав в еще худшую беду — не опрокинув какого-нибудь образца римской или древнебританской керамики. А добравшись до стула, предстояло еще осторожно освободить его от гравюр, которые очень легко было повредить, и от старинных шпор и пряжек, которые, несомненно, сами причинили бы повреждения тому, кто внезапно сел бы на них. От этого антикварий особенно предостерег Ловела, добавив, что его друг, преподобный доктор Хевистерн из

Нидерландов, очень пострадал, когда, не глядя, неосторожно сел на три старинные подметные каракули, которые он, мистер Олдбок, недавно выкопал в болоте близ Бэннокберна. Их некогда разбросал Роберт Брюс, чтобы поранить ноги коням англичан, и им же по прошествии долгого времени суждено было вонзиться в седалищную часть ученого утрехтского профессора.

Наконец, благополучно усевшись, гость не без любопытства начал расспрашивать хозяина об окружавших их необычных предметах, и мистер Олдбок с такой же охотой пустился в объяснения. Ловелу была показана увесистая

дубинка с железным шипом на конце. Ее недавно нашли в поле, на территории Монкбарнса, неподалеку от старинного кладбища. Дубинка была чрезвычайно похожа на те палки, которые берут с собой гайлэндские жнецы, когда раз в год спускаются с гор. Однако ввиду ее своеобразной формы мистер Олдбок был весьма склонен считать, что это одна из тех палиц, которыми монахи снабжали своих крестьян вместо более смертоносного оружия. Поэтому, заметил он, поселян и звали *colve carles*, или *kolb-kerls*, то есть *clavigeri*, что по-латыни означает «носители дубинок». В подтверждение такого обычая он

сослался на «Антверпенскую хронику» и «Хронику святого Мартина», каковым авторитетным источникам Ловел ничего не мог противопоставить, так как до этой минуты никогда и не слышал о них.

Затем мистер Олдбок достал винтовой зажим для больших пальцев, наводивший ужас на ковнантеров прежних дней, и ошейник с именем какого-то вора, осужденного работать на соседнего барона, что заменяло в те времена современное шотландское наказание, при котором, по словам Олдбока, таких преступников высылают в Англию, чтобы они обогащали ее своим трудом, а себя — ловкостью

рук. Многочисленные и разнообразные были диковинки, которые он показывал. Но больше всего он гордился своими книгами. Подведя гостя к переполненным и пыльным полкам, он повторил с довольным видом стихи Чосера:

— Ведь он предпочитал
держат у ложа
Десятка два томов в
тисненой коже.
Ему был Аристотель —
кладезь знаний -
Милей старинных скрипок
или тканей.

Эти выразительные стихи он читал, покачивая головой и придавая каждому гортанному звуку подлинно англосаксонское произношение, теперь забытое в южных частях нашей страны.

Коллекция у него была в самом деле достойная внимания, ей могли бы позавидовать многие любители. Однако он собирал ее не по чудовищным ценам нашего времени, которые могли бы привести в ужас даже самого страстного, а также и самого раннего из известных нам библиоманов, каковым мы считаем не кого иного, как знаменитого Дон Кихота Ламанчского, ибо среди других признаков нетвердого разума

его правдивый жизнеописатель Сид Ахмет Бенинхали упоминает о том, что он менял поля и фермы на тома рыцарских романов ин-фолио и ин-кварто. В подвигах этого рода доброму странствующему рыцарю подражают лорды и эсквайры наших дней, хотя мы не слыхали, чтобы кто-нибудь из них принял гостиницу за замок или обратил копье против ветряной мельницы. Мистер Олдбок не подражал безумной расточительности таких коллекционеров. Но находя удовольствие в том, чтобы собирать библиотеку своими силами, он оберегал кошелек, не щадя времени и труда. Он не одобрял хитроумных

бродячих комиссионеров, которые, посредничая между невежественным владельцем книжной лавки и увлекающимся любителем, наживаются как на неосведомленности первого, так и на приобретенных дорогой ценой опыте и вкусе второго. Когда о таких хищниках заговаривали в его присутствии, он не упускал случая заметить, как важно приобретать интересующий вас предмет из первых рук, и приводил свой излюбленный рассказ про Снаффи Дэви и «Шахматную игру» Кекстона.

— Дэви Уилсон, — начал он свое повествование, — обычно называемый Снаффи [note 20](#). Дэви за

неизлечимое пристрастие к черному нюхательному табаку, был настоящим королем следопытов, рыщущих по всяким закоулкам, погребам и лавкам в поисках редких книг. У него было чутье ищейки и хватка бульдога. Он обнаружил напечатанную готическим шрифтом старинную балладу среди листов судебных актов и выискивал *editio princeps* [note 21](#) под маской школьного издания Кордерия. Снаффи Дэви за два гроша, или два пенса на наши деньги, купил в Голландии, в какой-то лавке, книгу «Шахматная игра», вышедшую в свет в тысяча четыреста семьдесят четвертом году, первую книгу, вообще напечатанную в

Англии. Он продал ее некоему Осборну за двадцать фунтов, получив еще в придачу книг на такую же сумму. Осборн перепродал этот несравненный клад доктору Эскью за шестьдесят гиней. На распродаже имущества доктора Эскью, — продолжал старый джентльмен, воспламеняясь от собственных слов, — цена этого сокровища взлетела до головокружительной высоты, и оно было приобретено самим королем за сто семьдесят фунтов стерлингов! Если бы теперь появился другой экземпляр этой книги, один бог знает, — воскликнул он, всплеснув руками и глубоко вздохнув, — один бог знает, какой

выкуп пришлось бы за него дать. А между тем первоначально книга была приобретена благодаря умелым поискам за столь малую сумму, как два пенса (Этот анекдот о мании собирать книги дословно соответствует истине. И Дэвид Уилсон, о чем едва ли стоит сообщать его собратьям по Роксбургскому и Бэннетайнскому клубам, — подлинное лицо. [note 22](#). Счастливый, трижды счастливый Снафи Дэви! И да будут благословенны те времена, когда твое упорство и усердие могли так вознаграждаться!

— Но и я, сэр, — продолжал Олдбок, — хотя и уступаю в

настойчивости, проницательности и присутствии духа этому замечательному человеку, могу показать вам несколько — очень немного — вещей, которые я собрал не с помощью денег, что мог бы сделать всякий состоятельный человек, хотя, как говорит мой друг Лукиан, богач иногда, швыряя монеты, только являет этим свое невежество. Нет, я добыл их таким способом, который показывает, что и я кое-что смыслю в этом деле. Взгляните на эту коллекцию баллад: здесь нет ни одной позднее тысяча семисотого года, а многие на сотню лет старше. Я выманил их у старухи, любившей их больше, чем свою

псалтырь. Табак, сэр, нюхательный табак, и «Совершенная сирена» — вот за что она отдала их! Чтобы получить вот этот поврежденный экземпляр «Жалоб Шотландии», мне пришлось распить две дюжины крепкого эля с ученым владельцем, который в благодарность отказал мне ее в своем завещании. Эти маленькие эльзевиры — память и трофеи многих вечерних и утренних прогулок по Каугейту, Кэнонгейту, Боу, улице святой Марии, одним словом, повсюду, где можно найти менял и продавцов всяких редких и любопытных предметов. Как часто стоял я и торговался из-за полупенни, чтобы поспешным

согласием на первоначальную цену не дать продавцу заподозрить, как высоко я ценю покупаемую вещь! Сколько раз я дрожал от страха, как бы случайный прохожий не встал между мной и моей добычей. В каждом бедном студенте-богослове, остановившемся перед лавкой и перелистывавшем разложенные книги, я видел любителя-соперника или переодетого хищника-книготорговца! А потом, мистер Ловел, представьте себе это удовлетворение хитреца, когда платишь деньги и суешь покупку в карман, изображая холодное равнодушие, а у самого в это время руки трясутся от радости! А потом

— ослеплять более богатых и ревнивых соперников, показывая им подобное сокровище (при этом он протянул гостю черную, с пожелтевшими листьями, книжонку размером с букварь), наслаждаться их удивлением и завистью, окутывая при этом дымкой таинственности свою осведомленность и ловкость, — вот, мой молодой друг, самые светлые минуты жизни, разом вознаграждающие за весь труд, и огорчения, и неослабное внимание, которых в особенно большой мере требует наша профессия!

Ловел немало потешался, слушая такие речи старого джентльмена, и, хотя не мог полностью оценить

достоинства того, что было перед его глазами, все же восхищался, как и ожидалось от него, сокровищами, которые показывал ему Олдбок. Здесь были издания, почитаемые как первые, а тут стояли тома последующих и лучших изданий, ценимые едва ли меньше. Тут была книга, примечательная тем, что в нее были внесены окончательные авторские исправления, а подальше — другая, которая — странно сказать! — пользовалась спросом потому, что исправлений в ней не было. Одной дорожили потому, что она была издана ин-фолио, а другой — потому, что она была в двенадцатую долю листа,

некоторыми — потому, что они были высокие, другими — потому, что они были низенькие. Достоинство одних заключалось в титульном листе, а других — в расположении букв слова «Finis» [note 23](#). Не было, по-видимому, такого отличия, хотя бы самого мелкого или ничтожного, которое не могло бы придать ценность книге, при одном неременном условии — что она редкая или вовсе не встречается в продаже.

Не меньшее внимание привлекали к себе оригиналы печатных листков «Предсмертная речь», «Кровавое убийство» или «Чудесное чудо из чудес» в том изрядно потрепанном виде, в каком

их когда-то продавали вразнос на улицах за более чем скромную цену в одно пенни, хотя теперь за них давали вес этого же пенни в золоте. О них антикварий распространялся с увлечением, восторженным голосом читая замысловатые названия, так же соответствовавшие содержанию, как раскрашенная вывеска балаганщика соответствует животным, находящимся внутри. Например, мистер Олдбок особенно гордился «уникальным» листком под заглавием «Странные и удивительные сообщения из Чиппинг-Нортон, в графстве Оксон, о некоторых ужасных явлениях, виденных в воздухе 26 июля 1610

года с половины десятого часа
пополудни и до одиннадцати часов, в
каковое время видено было явление
нескольких пламенных мечей и
странные движения высших сфер при
необычайном сверкании звезд, с
ужасными продолжениями:
рассказом о разверзшихся небесах и
об открывшихся в них непонятных
явлениях, а также об иных
удивительных обстоятельствах, не
слыханных в веках, к великому
изумлению созерцавших сие, как о
том было сообщено в письме к
некоему мистеру Колли, живущему в
Западном Смитфилде, и как
засвидетельствовано Томасом
Брауном, Элизабет Гринуэй и Энн

Гатеридж, каковые созерцали означенные ужасные явления. И ежели кто пожелает убедиться в истине настоящего оповещения, пусть обратится к мистеру Найтингейлу, в гостиницу „Медведь“ в Западном Смитфилде, где получит надлежащее подтверждение» [note 24](#).

— Вы смаетесь, — сказал владелец коллекции, — и я вас прощаю. Конечно, то, что так прельщает нас, не столь чарует глаза юности, как красота молодой леди. Но вы поумнеете и начнете судить справедливее, когда вам придет пора надеть очки. Впрочем, погодите, у меня тут есть одна древность, которую вы оцените больше.

Сказав это, мистер Олдбок отпер ящик и вынул оттуда связку ключей, потом откинул ковер, скрывавший дверцу маленького чулана, куда он спустился по четырем каменным ступенькам. Позвякав там какими-то бутылками или банками, он принес две рюмки в форме колоколецов на длинных ножках, какие можно видеть на полотнах Тенирса, небольшую бутылку, содержащую, как он сказал, превосходное старое Канарское, и кусок сухого кекса на маленьком серебряном подносе замечательной старинной работы.

— Не стану говорить о подносе, — заметил он, — хотя

можно предполагать, что его чеканил этот безумный флорентиец Бенвенуто Челлини. Однако, мистер Ловел, наши предки пили сухие испанские вина, и вы, как любитель театра, должны знать, где об этом сказано. За успех ваших дел в Фейрпорте, сэр!

— За ваше здоровье, сэр, и за непрерывное приумножение ваших сокровищ! Пусть новые приобретения стоят вам лишь столько труда, сколько нужно, чтобы вы их ценили.

После возлияния, столь удачно заключившего приятное для обоих времяпрепровождение, Ловел встал, чтобы проститься, и мистер Олдбок

решил немного проводить его, желая
показать ему нечто достойное его
любопытства на обратном пути в
Фейрпорт.

ГЛАВА IV

*С полей притащился
хитрый бродяга.*

*«Пошли вам божье
всякие блага!*

*Вы, сэр, такой добрый:
наверняка*

*Накормите глупого
старика! »*

«Нищий»

Наши два друга прошли через фруктовый садик, где старые яблони, отягченные плодами, показывали, как это обычно бывает по соседству с монастырскими строениями, что

монахи не все дни проводили в праздности, но часто посвящали их огородничеству и садоводству. Мистер Олдбок не преминул обратить внимание Ловела на то, что садовники тех времен уже знали, как воспрепятствовать корням плодовых деревьев уходить вглубь и заставить их распространяться в стороны, для чего при посадке подкладывали под них большие плоские камни, создавая преграду между корнями и подпочвой.

— У этого старого дерева, — сказал он, — прошлым летом поваленного бурей и почти лежащего на земле, но все-таки покрытого плодами, была, как вы видите, такая

преграда между корнями и тощим грунтом. А вон то дерево имеет свою особую историю. Его плоды называют «яблоками аббата». Супруга одного из соседних баронов так любила их, что часто посещала Монкбарнс ради удовольствия самой снимать плоды с веток. Муж, по-видимому человек ревнивый, подумал, что вкус, столь близко напоминающий вкус праматери Евы, предвещает такое же падение. Поскольку дело касается чести благородной семьи, я не скажу ничего больше и лишь добавлю, что земли Лохарда и Кринглката до сих пор еще ежегодно платят штраф в шесть мер ячменя во искупление

вины их владельца, нарушившего своими земными подозрениями уединение аббата и его исповедницы. Полюбуйтесь-ка колоколенкой, возвышающейся над увитым плющом порталом, — здесь некогда помещался hospitium, hospitale или hospitamentum [note 25](#) (в старинных грамотах и удостоверениях можно встретить все три способа написания), где монахи принимали благочестивых странников. Правда, наш пастор в своем «Статистическом отчете» утверждает, будто hospitium находился на землях либо Холтуэри, либо Хафстарвита, но это неверно, мистер Ловел! Вот ворота, все еще называемые Воротами Паломника, а

мой садовник, роя грядку для посадки зимнего сельдерея, нашел много обтесанных камней; некоторые из них я разослал как образцы моим ученым друзьям и различным антикварным обществам, коих недостойным членом я состою. Но сейчас я больше ничего не скажу. Надо оставить что-нибудь для следующего вашего посещения, а теперь вас ждет нечто поистине любопытное.

Говоря это, Олдбок быстро зашагал по цветущему лугу и вывел гостя на пустошь или общинный выгон, расположенный на вершине небольшого холма.

— Это, мистер Ловел, — сказал

он, — поистине замечательное место.

— Отсюда открывается прекрасный вид, — промолвил его спутник, оглядываясь кругом.

— Это верно. Но не ради этого вида я привел вас сюда. Вы не замечаете больше ничего особенного на поверхности земли?

— В самом деле! Я вижу нечто вроде канавы, только не очень ясно.

— Неясно? Простите меня, сэр, но неясность, наверно, происходит от слабости вашего зрения. Здесь можно совершенно точно проследить настоящую agger или vallum [note 26](#) с соответствующим рвом, или fossa [note 27](#). Неясно? Помогите вам небо! Ведь

девчонка, моя племянница, пустоголовая гусыня, как все женщины, и та сразу разглядела следы рва! Неясно! Еще бы! Конечно, большой лагерь у Ардоха или у Бернсуорка в Эннендейле виден лучше, — так ведь там были постоянные укрепления, тогда как здесь лишь временный лагерь. Неясно! Неужели так трудно догадаться, что какие-то дураки, болваны и идиоты перепахали здесь всю землю и, словно дикие звери или невежественные дикари, уничтожили две стороны прямоугольника и сильно повредили третью. Но ведь вы сами видите, что четвертая сторона совершенно цела!

Ловел хотел извиниться и объяснить неудачное выражение, сославшись на свою неопытность. Но это удалось ему не сразу. Первоначальные слова вырвались у него так откровенно и непосредственно, что всполошили антиквария, который не мог сразу оправиться от потрясения.

— Дорогой сэр, — продолжал старший из собеседников, — ваши глаза не так уж неопытны: я полагаю, что вы способны отличить канаву от ровной земли. Неясно! Да ведь самые простые люди, последний подпасок, все называют это место Кем [note 28](#) оф Кинпрунз. Не знаю, что может яснее указывать на древний лагерь!

Ловел опять согласился, и наконец ему удалось усыпить подозрительность раздраженного и тщеславного антиквария, который теперь снова вошел в свою роль чичероне.

— Вам, должно быть, известно, — начал он, — что наши шотландские знатоки старины резко расходятся в вопросе о месте последнего столкновения между Агриколой и каледонцами. Одни высказываются за Ардох в Стрэтхаллене, другие — за Иннерпефри, а третьи — за Редайкс в Мирнее. Есть и такие, которые переносят театр военных действий далеко на север, к самому Блеру в

Эсоле. А теперь, после всех этих объяснений, — продолжал старый джентльмен с самой лукавой и довольной улыбкой, — что бы вы сказали, мистер Ловел, да, я говорю, что бы вы сказали, если бы место достопамятного столкновения оказалось как раз в той точке земли, которая называется Кем оф Кинпрунз и лежит во владениях безвестного и скромного человека, сейчас беседующего с вами?

— Немного помолчав, чтобы гость успел переварить такое важное известие, он возвысил голос и снова заговорил о своих изысканиях.

— Да, мой славный друг, я поистине грубо ошибаюсь, если эта

местность не обладает всеми признаками знаменитого поля сражения. Оно находилось близ Грэмпианских гор. Взгляните, вон они. Видите, как тают, сливаясь с небом, их очертания на самом горизонте! Оно находилось in conspectu classis, — в виду римского флота. А мог ли какой-нибудь адмирал, римский или британский, пожелать для стоянки своего флота лучшей бухты, чем та, что видна справа от вас? Поразительно, до чего слепы бываем иногда мы, искушенные антиквариии. Сэр Роберт Сибболд, Сондерс Гордон, генерал Рой, доктор Стьюкли — никто из них этого не заметил. Я предпочитал

молчать, пока не приобрел этот участок земли. Он принадлежал старому Джонни Хови, здешнему мелкому землевладельцу, и с ним пришлось немало поспорить, пока мы не пришли к соглашению! В конце концов — мне даже неловко об этом говорить — я решился отдать ему за эту пустошь отличную пахотную землю акр за акр. Ведь это было делом национального значения. И когда место такого знаменитого события стало моей собственностью, я был вознагражден с лихвой. В ком любовь к отечеству, как говорит старик Джонсон, не вспыхнет жарче на равнинах Марафона! Я начал раскапывать землю, чтобы

посмотреть, что здесь можно обнаружить. И на третий день, сэр, мы нашли камень, который я перевез к себе, чтобы сделать гипсовый слепок сохранившегося на нем изображения. На камне высечены жертвенный сосуд и буквы A.D.L.L., которые без большой натяжки могут означать Agricola Dicavit Libens Lubens [note 29](#).

— Конечно, сэр! Ведь объявляют же голландские антиквариИ Калигулу основателем одного из маяков из-за букв C.C.P.F., которые они истолковывают как Caius Caligula Pfarum Fecit [note 30](#).

— Совершенно верно. И их объяснение всегда считалось

разумным. Я вижу, из вас выйдет толк даже раньше, чем вы наденете очки, хотя вам показалось, что следы этого великолепного лагеря неясны, когда вы разглядывали их в первый раз.

— Со временем, сэр, и под хорошим руководством...

— ... вы станете лучше разбираться, не сомневаюсь. При следующем посещении Монкбарнса вы просмотрите мой довольно заурядный очерк о римских лагерях с кое-какими замечаниями об остатках старинных укреплений, недавно открытых автором у Кем оф Кинпрунз. Мне кажется, что я привел неопровержимые доказательства

древности сооружений. В связи с этим я предпосылаю несколько общих правил о том, какого рода свидетельствами следует в подобных случаях руководствоваться. Между прочим, прошу вас обратить внимание, например, на то, что я мог бы использовать и знаменитый стих Клавдиана «Ille Caledoniis posuit qui castra pruinis» [note 31](#), ибо pruinis, истолковываемое как заморозки — которым, надо признать, мы несколько подвержены здесь, на северо-восточном берегу, — может означать также местность, а именно — Прунз. Поэтому castra pruinis posita согласуется с Кем оф Кинпрунз. Но я отбрасываю это

свидетельство, понимая, что придиры могут ухватиться за него, чтобы отнести мой castra ко времени Феодосия, посланного Валентинианом в Британию лишь в триста шестьдесят седьмом году или около того. Нет, мой добрый друг, я взываю к очевидности: разве здесь не «декуманские ворота»? А разве вон там, не будь опустошений, произведенных ужасным (как выражается один из моих ученых друзей) плугом, не стояли бы «преторские ворота»? С левой стороны вы видите еще заметные остатки porta sinistra [note 32](#), а справа — почти полностью сохранившуюся часть porta dextra [note 33](#). Теперь

станем на этом пригорке, где видны основания разрушенных зданий. Это, несомненно, центральная часть praetorium [note 34](#) лагеря. Мы можем предположить, что с этого места, теперь лишь едва различимого благодаря тому, что оно чуть выше и выделяется более зеленым дерном, Агрикола смотрел на бесчисленную армию каледонцев, занимавших скат вон того противоположного холма. Пехота возвышалась ряд над рядом, причем из-за уклона почвы был прекрасно виден ее боевой порядок. Кавалерия и *covinarii* — под этим словом я разумею колесничих, тогдашнюю разновидность нынешних возниц с Бонд-стрит,

правлящих четверкой коней, —
неслись по более ровному
пространству внизу.

... Взгляни, взгляни же,
Ловел!

Взгляни на бой, кипящий
на горах!

Драконьей чешуей
сверкают брони,

Летят бойцы, как вихрь!

Гляди на них.

Тебе не видеть Рима! ..

Да, мой дорогой друг, судя по
этой строфе, вероятно — нет, почти
достоверно, — что Юлий Агрикола

видел картину, так превосходно описанную нашим Бомонтом! С этого самого praetorium...

Раздавшийся сзади голос прервал это восторженное описание:

— Преторий тут, преторий там, будет вам выдумывать!

Оба джентльмена разом обернулись, Ловел — с удивлением, а Олдбок — со смешанным чувством удивления и негодования по поводу столь невежливого вмешательства. Они не слышали, как к ним подкрался слушатель, помешавший восторженной декламации антиквария, которой учтиво внимал Ловел. По внешнему виду пришелец был нищим. Огромная мягкая шляпа,

длинная белая борода, сливавшаяся с седыми волосами, старческие, но четкие, выразительные черты огрубелого лица, которому климат и жизнь на открытом воздухе придали цвет толченого кирпича, длинный голубой плащ с оловянной бляхой на правом рукаве, котомки или мешки, перекинутые через плечо и предназначенные для различных видов пищи, получаемой в виде милостыни от тех, кто сам был лишь немногим богаче, — все это изобличало в нем одного из тех привилегированных попрошайек, которых в Шотландии называют королевскими нищими или, в просторечии, Голубыми Плащами.

— Что ты такое говоришь, Эди? — спросил Олдбок в надежде, что, может быть, ослышался. — О чем это ты?

— Вот об этом самом сарае, ваша милость, — отозвался неустрашимый Эди. — Будет вам выдумывать!

— Что за черт! Да ведь эти развалины были здесь, прежде чем ты родился, старый дурак, и останутся после того, как тебя повесят!

— Повесят меня или я утону, тут я или там, мертвый или живой, а я говорю: будет вам выдумывать!

— Ты... ты... ты... — начал, заикаясь, растерявшийся и

обозленный антикварий, — что ты, старый бродяга, черт тебя побери, можешь знать об этих развалинах?

— Ну, знать-то я вот что знаю, Монкбарнс, и врать мне ни к чему, — знаю я вот что: годов двадцать назад я и еще несколько таких же нищих, да еще каменщики, что длинную дамбу вдоль дороги мостили, да еще, может, два-три пастуха сложили ту штуку, что вы называете преторием. А понадобился этот сарай только на то, чтобы сыграть свадьбу Эйкена Драма. А после того там, бывало, в дождь укроешься! А что это так, можете убедиться сами, Монкбарнс. Коли начнете тут копать — а вы, кажется, уже начали, — так вы

найдете здоровенный камень. Один из каменщиков потехи ради возьми да и высеки на этом камне ложку и четыре буквы A.D.L.L. — Aiken Drum's Lang Ladle [note 35](#), потому как Эйкен всегда бывал на пирушках в Файфе.

«Какая замечательная параллель, — подумал Ловел, — к истории „Keir on this syde“ [note 36](#). Он украдкой покосился на антиквария и поспешил отвести взгляд. Ибо, мягкосердечный читатель, если тебе довелось когда-либо видеть девицу шестнадцати лет, чья романтическая любовь была преждевременно обнаружена и разбита, или десятилетнего ребенка, чей

карточный домик был сдут коварным товарищем по игре, могу смело заверить тебя, что Джонатан Олдбок не выглядел ни более умным, ни менее расстроенным.

— Тут какая-то ошибка, — сказал он и быстро отвернулся от нищего.

— Только, черт возьми, не моя, — ответил упрямый Эди. — Мне нельзя делать ошибки: «За ошибки бьют шибко». Теперь скажу вам, Монкбарнс: этот молодой джентльмен, что стоит тут с вашей милостью, поди не больно высоко судит о таком старике, как я. А вот бьюсь об заклад, я могу сказать ему, где он был вчера в сумерки! Только,

может, он не хочет, чтобы я говорил об этом в обществе.

Щеки Ловела вспыхнули ярким румянцем двадцатидвухлетнего молодого человека.

— Не обращайтесь внимания на старого мошенника! — сказал Олдбок. — Не думайте, что я низкого мнения о вашей профессии. Его могут придерживаться только дураки, начиненные предрассудками, и чванные фаты. Вы помните, что говорит старый Туллий в своей речи pro Archia poeta [note 37](#), касаясь ваших собратьев: «Quis nostrum tam animo agresti ac duro fuit... ut... ut... » [note 38](#). Я забыл латинский текст, но смысл его такой: «Кто из нас был так груб и

дик, чтобы его не тронула смерть великого Росция? Его преклонный возраст вовсе не подготовил нас к его кончине, и мы скорее надеялись, что человек, столь изысканный и преуспевший в своем искусстве, мог бы быть избавлен от общей участи смертных». Так король ораторов говорил о сцене и ее жрецах.

Слова старого джентльмена достигали ушей Ловела, но не вызывали никаких откликов в его уме, занятом вопросом о том, каким образом старик нищий, по-прежнему не спускавший с него лукавого и умного взгляда, мог проникнуть в его личные дела. Он опустил руку в карман, считая это простейшим

способом заявить о своем желании сохранить тайну и обеспечить согласие на это лица, к которому обращался. Подавая нищему милостыню, размер которой определялся скорее страхом, чем щедростью, Ловел многозначительно посмотрел на него, и тот, физиономист в силу самой своей профессии, по-видимому, прекрасно его понял.

— Будьте покойны, сэр, я не сорока-болтуня. Но кроме моих глаз на свете есть другие, — заметил старик, пряча деньги.

Он говорил тихо, чтобы его мог слышать только Ловел, и с таким выражением, которое отлично

дополняло все, что было недосказано.

Затем, повернувшись к Олдбоку, он продолжал:

— Я иду в пасторский дом, ваша милость. Может, ваша милость хочет что передать туда или сэру Артуру? Я пойду мимо Нокуиннокского замка.

Олдбок вздрогнул, словно очнувшись от сна. Бросив лепту в засаленную, давно потерявшую подкладку шляпу Эди, он торопливо заговорил с ним, и в его речи досада боролась с желанием ее скрыть.

— Ступай в Монкбарнс и скажи, чтобы тебя накормили. А если хочешь, оставайся и ночевать. А пойдешь в пасторский дом или

Нокуиннок, смотри не вздумай повторять там свою дурацкую историю.

— Кто? Я? — отозвался нищий. — Дай бог здоровья вашей милости. Никто не услышит от меня ни слова, хоть стой тут этот сарай со времен потопа. Но мне говорили — прости, господи! — что ваша милость отдали Джонни Хови за этот пустопорожний бугор хорошую землю, акр за акр! Так ежели он и вправду сбыл вам остатки сарая за древнюю крепость, я считаю, что такая сделка не имеет силы. Вам надо только не мешкать да подать в суд и сказать, что он вас надул.

— Вот негодяй! — пробормотал

возмущенный антикварий. — Надо бы познакомить твою шкуру с кнутом! — И добавил громче:

— Оставь, Эди, все это просто ошибка!

— Вот и я так считаю, — продолжал его мучитель, которому, по-видимому, доставляло удовольствие растравлять рану бедного джентльмена. — Я тоже так смотрю, только на днях я сказал тетке Джеммелз: «Ты не думай, что его милость Монкбарнс может сделать такую страшную глупость и отдать землю ценой пятьдесят шиллингов акр за такое дерьмо, которому красная цена — один шотландский фунт. Нет, нет, —

сказал я ей, — так и знай, что этот хитрый бездельник Джонни Хови попросту втер лэрду очки». А она мне: «Все мы под богом ходим, но как же это может быть, если лэрд прочел столько книг и такой ученый человек — другого такого во всей округе нет, а у Джонни Хови ума едва хватает, чтобы выгнать коров из капусты? » — «Погоди, погоди, — говорю я ей, — ты еще услышишь, что Джонни наплел ему всякие басни про древности». Ведь вы помните, лэрд, как вам раз продали какую-то бляшку за старинную монету? ..

— Пошел к черту! — загремел Олдбок, но сейчас же перешел на более мягкий тон, сознавая, что его

репутация — в руках противника. —
Замолчи и ступай в Монкбарнс.
Когда вернусь, я пришлю тебе на
кухню бутылку эля.

— Да вознаградит небо вашу
милость! — смиренно-плаксивым
тоном заправского нищего протянул
Эди; он оперся на свой посох и
двинулся было в направлении
Монкбарнса, но тут же обернулся и
спросил: — А вы не получили назад
денежки, что дали разносчику за эту
бляшку?

— Будь ты проклят! Не суйся в
чужие дела!

— Хорошо, хорошо, сэр!
Благослови господи вашу милость. Я
надеюсь, что вы еще прижмете

Джонни Хови и что я доживу до этого дня.

С этими словами старый нищий удалился, избавив мистера Олдбока от воспоминаний, которые были далеко не из приятных.

— Кто этот бесцеремонный старый джентльмен? — спросил Ловел, когда нищий уже не мог его слышать.

— Это сущий бич наших мест! Я всегда был против налогов в пользу неимущих и против работных домов, а теперь, кажется, буду голосовать за них, чтобы можно было упрятать туда этого негодяя. Да, такой гость-нищий, которого вы помните издавна, знает вас, как свою миску, и

сближается с вами, как те привычные и преданные человеку животные, с которыми тому же нищему при его ремесле приходится иной раз воевать. Кто он такой? Кем только он не был! И солдатом, и певцом баллад, и бродячим лудильщиком, а теперь он нищий. Он избалован нашим глупым дворянством. Люди смеются его шуткам и повторяют удачные словечки Эди Охилтри, как если бы это был сам Джо Миллер.

— Ну что ж, он явно пользуется свободой, а свобода — душа остроумия, — заметил Ловел.

— О да, свободой он пользуется в достаточной мере, — подтвердил антикварий. — Обычно он сочиняет

какую-нибудь нелепую и неправдоподобную историю, чтобы вам досадить, вроде той чепухи, что он нес сейчас... Но, конечно, я не стану публиковать свой трактат, не расследовав этого дела до самого конца.

— В Англии, — сказал Ловел, — такому нищему не дали бы долго разгуливать на свободе.

— Да, ваши церковные старосты и констебли не оценили бы его юмористической жилки! Но здесь, черт бы его взял, он пользуется особой привилегией докучать вам, так как это один из последних образцов старинного шотландского нищего, который регулярно обходил

определенную местность и был переносчиком новостей, менестрелем, а иногда даже историком своей округи. Этот плут знает больше старых баллад и преданий, чем кто-либо в нашем и в ближайших четырех приходах. И в конце концов, — продолжал Олдбок, смягчаясь по мере того, как описывал положительные качества Эди, — у этого пса добродушный нрав. Он всегда нес свой нелегкий крест, не теряя бодрости духа. Жестоко было бы отказывать ему в праве посмеяться насчет более удачливого ближнего. Радость, испытанная им оттого, что он, как выразились бы вы, веселая молодежь,

«поддел» меня, будет ему на несколько дней хлебом насущным. Но мне надо вернуться и присмотреть за ним, не то он разнесет эту свою дурацкую выдумку по всему графству.

На этом наши герои расстались, мистер Олдбок — чтобы возвратиться в свой *hospitum* в Монкбарнсе, а Ловел — чтобы продолжать путь в Фейрпорт, куда он и прибыл без дальнейших приключений.

ГЛАВА V

*Ланчелот Гоббо
Следи за мной, как я
добуду воду!*

*«Венецианский
купец»*

Театр в Фейрпорте открылся, но мистер Ловел не появлялся на подмостках, да и во всем поведении молодого джентльмена, носившего это имя, не было ничего такого, что подтверждало бы догадку мистера Олдбока, будто его бывший попутчик претендует на благосклонность публики. Антикварий много раз

расспрашивал старомодного
цирюльника, причесывавшего три
еще сохранившиеся в приходе
парика, каковые, несмотря на налоги
и на веяния времени, все еще
подвергались операциям
припудривания и завивки, ввиду чего
цирюльнику приходилось делить
свое время между тремя клиентами,
которых мода оставила ему, — много
раз, как я уже сказал, расспрашивал
антикварий этого брадобрея о делах
маленького фейрпортского театра,
каждый день ожидая услышать о
дебюте мистера Ловела. Старый
джентльмен решил ради такого
случая не пожалеть расходов в честь
своего молодого друга и не только

явиться на спектакль самому, но и привезти с собой своих дам. Однако старый Джейкоб Кексон не доставлял сведений, которые оправдали бы такой крупный расход, как приобретение ложи в театре.

Напротив, он сообщил, что в Фейрпорте проживает один молодой человек, которого город (понимая под этим всех кумушек, за отсутствием собственных дел заполняющих свой досуг заботами о чужих делах) никак не может раскусить. Он не ищет общества и скорее даже уклоняется от приглашений, с которыми многие, побуждаемые несомненной приятностью его манер, а в

некоторой степени и любопытством, обращаются к нему. Его образ жизни, чрезвычайно размеренный и никак не свидетельствующий о склонности к авантюрам, отличается простотой и так хорошо налажен, что все, кому случилось иметь с ним дело, громко восхваляют его.

«Это не те добродетели, что отличают героя, посвятившего себя сцене», — подумал про себя Олдбок. И как ни был он стоек в своих мнениях, ему пришлось бы отказаться от сделанной им в настоящем случае догадки, если бы не одно из сообщений Кексона. «Люди слышали, — сказал он, — как молодой человек иногда говорит сам

с собой и мечется по комнате, словно он актер какой-то».

Таким образом, ничто, кроме этого одного обстоятельства, не подтверждало догадки мистера Олдбока, и вопрос о том, для чего бы такому молодому просвещенному человеку, без друзей, связей или каких-либо занятий, жить в Фейрпорте, по-прежнему оставался нерешенным и продолжал занимать мысли мистера Олдбока. Ни портвейн, ни вист, по-видимому, не имели для молодого человека притягательной силы. Он отказывался от участия в общих обедах только что образовавшейся «когорты добровольцев», избегая

также увеселений, устраиваемых теми двумя партиями, на которые разделялся тогда Фейрпорт, как и более значительные города. Он чувствовал себя слишком мало аристократом, чтобы вступить в «Клуб голубых верноподданных короля», и слишком мало — демократом, чтобы браться с членами местного общества *soi-disant* [note 39](#) «друзей народа», каковым Фейрпорт также имел счастье располагать. Он ненавидел кофейни, и я, к сожалению, должен отметить, что столь же мало нравилось ему сидеть и за чайным столом. Короче говоря, поскольку его имя нередко встречалось в романах — и притом с

довольно давних пор, — не существовало еще Ловела, о котором знали бы так мало и которого все описывали бы посредством одних лишь отрицаний.

Одно отрицание, впрочем, было очень важным: никто не знал о Ловеле ничего дурного. В самом деле, если бы что-либо дурное произошло, оно быстро стало бы известно, ибо естественное желание говорить дурно о ближнем в этом случае не сдерживалось бы чувствами симпатии к такому малообщительному существу. Только в одном отношении он казался несколько подозрительным. Зная, что во время своих одиноких прогулок он

часто пользуется карандашом и уже нарисовал несколько видов гавани, изобразив и сигнальную башню и даже четырехпушечную батарею, некоторые ревнители общего блага пустили слухок, что таинственный незнакомец, несомненно, французский шпион. В связи с этим шериф нанес мистеру Ловелу визит, но затем во время беседы молодой человек, по-видимому, настолько рассеял подозрения служителя правосудия, что тот не только предоставил ему невозбранно предаваться уединению, но даже, по достоверным сведениям, дважды посылал ему приглашения на обед, которые были вежливо отклонены.

Сущность объяснения шериф хранил, однако, в полном секрете не только от широкой публики, но и от своего заместителя, секретаря, жены и обеих дочерей, которые составляли тайный совет по всем его служебным делам.

Все эти подробности, усердно сообщаемые мистером Кексоном его патрону в Монкбарнсе, очень подняли Ловела в глазах его бывшего товарища по путешествию. «Порядочный и разумный юноша, — говорил он себе, — пренебрегающий глупыми забавами этих фейрпортских идиотов! Я должен для него что-нибудь сделать. Надо пригласить его к обеду! .. Напишу-ка

я сэру Артуру, чтобы он приехал в Монкбарнс познакомиться с ним! ..
Надо посоветоваться с женщинами».

После того как состоялось это совещание, специальному посланцу, коим был не кто иной, как сам Кексон, было приказано подготовиться к прогулке в замок Нокуиннок с письмом к «досточтимому сэру Артуру Уордору из Нокуиннока, баронету». Содержание письма было следующее:

«Дорогой сэр Артур, во вторник, 17 числа текущего месяца, [stilo novo note 40](#), я устраиваю трапезу в Монкбарнсской обители и прошу вас пожаловать на таковую точно в

четыре часа. Если мой прекрасный враг мисс Изабелла окажет нам честь и будет сопровождать вас, мои женичины будут чрезвычайно горды приобрести такую союзницу в борьбе против законной власти и привилегий мужчин. Если же нет, я отошлю женичин на весь день в пасторский дом. Я хочу представить вам одного молодого человека, который проникнут лучшим духом, чем тот, что властвует в наши головокружительные времена: он чтит старших, недурно знает классиков. А так как подобный юноша, естественно, должен презирать обитателей Фейрпорта, я хочу показать ему более разумное и

более почтенное общество.

Остаюсь, дорогой сэср Артур, и так далее и так далее».

— Мчись с этим письмом, Кексон, — сказал антикварий, протягивая ему послание *signatum atque sigillatum* [note 41](#), — мчись в Нокуиннок и принеси мне ответ. Спеши так, словно собрался городской совет и ждуг мэра, а мэр ждег, чтобы ему принесли свеженапудренный парик!

— Ах, сэср, — с глубоким вздохом ответил посланец. — Эти дни давно миновали. Черг возьми, хогь бы раз со времен старого Джерви кто-нибудь из мэров Фейрпорта надел парик! Да и у того

париком занималась служанка — золото-девка, а был-то у нее всего-навсего огарок свечи и мучное сито. Но видел я и такие времена, Монкбарнс, когда члены городского совета скорее обошлись бы без секретаря и без рюмки бренди после трески, чем без красивого, пышного, достойного парика на голове. Да, почтенные сэры, немудрено, что народ недоволен и восстает против закона, когда он видит членов магистрата, и олдерменов, и диаконов, и самого мэра с головой лысой и голой, как мои болванки.

— И так же устроенной внутри, Кексон. Но ступай скорей! Ты прекрасно разбираешься в

общественных делах и, право же, так верно отметил причину народного недовольства, что самому мэру не сказать лучше. А все-таки убирайся скорее!

И Кексон отправился на свою трехмильную прогулку.

Он хром был, но не знал
одышки
И мог шагать без
передышки.

Пока Кексон проделывает оба конца, пожалуй, будет уместно познакомить читателя с теми, в чью усадьбу направлялся он со своей

миссией.

Мы уже говорили, что мистер Олдбок мало общался с окрестными джентльменами, за исключением одного из них. Это был сэр Артур Уордор, баронет старинного рода, обладатель крупного состояния, обремененного, правда, различными долговыми обязательствами. Отец его, сэр Энтони, был якобитом и с энтузиазмом поддерживал эту партию, пока мог ограничиваться одними словами. Никто не выжимал апельсина с более многозначительным видом. Никто не умел так ловко провозгласить опасный тост, не приходя в столкновение с уложением о

наказаниях. А главное, никто не пил за успех «дела» так усердно и с таким самозабвением. Однако в 1745 году при приближении армии горцев оказалось, что пыл достойного баронета стал чуточку более умеренным как раз в такое время, когда он был бы особенно нужен. Правда, он много разглагольствовал о том, что пора бы выступить в поход за права Шотландии и Карла Стюарта. Но его походное седло годилось только для одной из его лошадей, а эту лошадь никак не удавалось приучить к звукам выстрелов. Возможно, что любящий хозяин сочувствовал образу мыслей этого мудрого четвероногого и

пришел к заключению, что то, чего так боялся конь, не могло быть полезным и для всадника. Так или иначе, пока сэр Энтони Уордор говорил, и пил, и медлил, решительный мэр Фейрпорта (который, как мы упоминали, был отцом антиквария) выступил из своего древнего города во главе отряда горожан-вигов и немедленно, именем короля Георга II, захватил замок Нокуиннок, четырех выездных лошадей и самого владельца. Вскоре сэр Энтони по приказу министра был отправлен в лондонский Тауэр, и с ним поехал его сын, тогда еще юноша. Но так как не было установлено ничего похожего на

открытый акт измены, отец и сын через некоторое время были освобождены и возвратились в свой Нокуиннок, где основательно пили и повествовали о своих страданиях за дело короля. У сэра Артура это настолько вошло в привычку, что и после смерти его отца неконформистский капеллан постоянно молился о восстановлении в правах законного монарха, о свержении узурпатора и об избавлении от жестоких и кровожадных врагов. И хотя всякая мысль о серьезном сопротивлении Ганноверскому дому давно была забыта, эти изменнические молебствия сохранялись более для

формы, утратив свой внутренний смысл. Это видно хотя бы из того, что, когда приблизительно в 1770 году в графстве состоялись выборы, которые потом были кассированы, достойный баронет скороговоркой прочитал клятву о непризнании Претендента и преданности правящему монарху, чтобы поддержать интересовавшего его кандидата. Тем самым он отступился от наследника, о реставрации которого еженедельно молил небо, и признал узурпатора, падения которого неизменно жаждал. В дополнение к этому печальному примеру человеческого непостоянства упомянем, что сэр

Артур продолжал молиться за дом Стюартов даже тогда, когда их род угас; и хотя ему, при его теоретической преданности, нравилось вообразать их живыми, он в то же время по своей фактической службе и практическим действиям был самым ревностным и верным подданным короля Георга III.

В остальном сэр Артур Уордор жил как большинство сельских джентльменов в Шотландии: охотился и удил рыбу, давал обеды и сам ездил на обеды, посещал скачки и собрания местного дворянства, числился административным, должностным лицом графства и попечителем по дорожным сборам.

Но в более преклонных летах, став слишком ленивым и неповоротливым для развлечений на открытом воздухе, он вознаградил себя тем, что стал почитать книги по истории Шотландии. Приобретя постепенно вкус к памятникам старины — вкус не очень глубокий и не очень верный, — он стал приятелем своего соседа мистера Олдбока из Монкбарнса и его сотоварищем по антикварным изысканиям.

Однако между этими двумя чудаками существовали и расхождения во взглядах, иногда вызывавшие размолвки. Доверчивость сэра Артура как антиквария была безгранична, тогда

как мистер Олдбок (несмотря на происшествие с преторием в Кем оф Кинпрунз) был гораздо осторожнее в оценке разных преданий и не так спешил принимать их за чистую монету. Сэр Артур счел бы себя виновным в оскорблении величества, если бы усомнился в существовании хотя бы одного из властителей в колоссальном перечне ста четырех королей Шотландии, признаваемом Бойсом и ставшем классическим после Бьюкэнана, перечне, на который Иаков VI опирался в своих притязаниях на наследие древних королей, чьи портреты до сих пор хмуро взирают со стен галереи в Холируде. Олдбок же, человек

искушенный и осторожный и не слишком уважавший божественные права наследования, был склонен находить неясности в этом священном списке и утверждал, что чередование потомства Фергюса на страницах шотландской истории так же необоснованно и недостоверно, как призрачное шествие потомков Банко по пещере Гекаты.

Другим болезненным вопросом было доброе имя королевы Марии, которое баронет защищал самым рыцарственным образом, тогда как эсквайр порочил его, несмотря на красоту и бедствия этой дамы. Когда, к несчастью, разговор переходил на более поздние времена, поводы для

разногласий возникали почти на каждой странице истории. Олдбок по своим убеждениям был ревностный пресвитерианин, церковный староста, сторонник принципов революции и протестантского престолонаследия, тогда как сэр Артур все это решительно отвергал. Правда, они сходились в должной любви и преданности монарху, в настоящее время занимающему трон (Читатель поймет, что это относится к правлению нашего покойного благословенного государя Георга Третьего. [note 42](#), но это было единственным пунктом их единения. Поэтому часто случалось, что между

ними возникали пререкания, во время которых Олдбок не всегда сдерживал свой едкий юмор, и баронету казалось, что потомок немецкого печатника, человек, чьи отцы «искали неизменной дружбы ничтожных бюргеров», иной раз забывается и присваивает себе в спорах свободу, недопустимую при общественном положении и древности рода его противника. Временами все это, да еще старинная обида из-за того, что отец мистера Олдбока захватил некогда его выездных лошадей, а также усадьбу, оплот его могущества, вдруг вспоминалось баронету и воспаляло как его щеки, так и его

аргументы. И наконец, мистер Олдбок, считая своего почтенного друга и коллегу в некоторых отношениях порядочным дураком, был склонен яснее намекать ему на свое неблагоприятное мнение, чем это допускают современные правила вежливости. В таких случаях они часто расставались, проникнутые глубоким взаимным возмущением, и были близки к решению отказаться в дальнейшем от общества друг друга.

Но с утром просыпался здравый разум, и, так как каждый сознавал, что общество другого в силу привычки необходимо для его душевного равновесия, их разлад быстро устранялся. В таких случаях

Олдбок, принимая в соображение детскую обидчивость баронета, обычно выказывал свое умственное превосходство тем, что снисходительно делал первый шаг к примирению. Но уже раз или два бывало, что аристократическая спесь слишком заносчивого высокородного сэра Артура задевала чувства потомка печатника. В таких случаях разрыв между обоими чудаками мог бы стать окончательным, если бы не деликатные усилия и посредничество дочери баронета, мисс Изабеллы Уордор, которая вместе со своим братом, в то время находившимся за границей на военной службе, составляла все

семейство баронета. Она хорошо понимала, как необходим мистер Олдбок для развлечения ее отца и поддержания его хорошего настроения, и когда насмешливость одного и высокомерие другого требовали ее вмешательства, оно редко не увенчивалось успехом. Под кротким влиянием Изабеллы ее отец забывал о несправедливостях, причиненных королеве Марии, а мистер Олдбок прощал кощунственные слова, оскорблявшие память короля Вильгельма. Обычно она при таких диспутах шутливо брала сторону отца, что дало повод мистеру Олдбоку называть Изабеллу своим «прекрасным врагом», хотя,

собственно говоря, этот джентльмен считался с ней больше, чем с какой-либо иной представительницей ее пола, поклонником которого он, как мы видели, не был.

Между обоими достойными джентльменами существовала еще одна особая связь, оказывавшая на их дружбу то отталкивающее, то притягательное действие. Сэр Артур всегда жаждал занять деньги, а мистер Олдбок не всегда стремился их одолжить. С другой стороны, мистер Олдбок желал, чтобы ему платили аккуратно, а сэр Артур не всегда — и даже не часто — готов был удовлетворить это разумное желание. И при попытках примирить

столь противоположные стремления иногда возникали небольшие шероховатости. Впрочем, оба в общем были проникнуты духом взаимной благожелательности и продвигались вперед, как собаки в парной упряжке, ссорясь и время от времени рыча, но не останавливаясь и не перегрызая друг другу глотку.

Оба дома — Нокуиннок и Монкбарнс — как раз были в неладах, возникших на почве деловых отношений или политики, когда монкбарнский эмиссар прибыл со своим поручением. Баронет сидел в старинной готической гостиной, окна которой выходили с одной стороны на неумолчный океан, а с

другой — на длинную прямую аллею. Он то переворачивал листы какого-то старинного фолианта, то бросал унылый взгляд туда, где солнечные лучи трепетали на темно-зеленой листве и гладких стволах больших и раскидистых лип, посаженных вдоль аллеи. Наконец — о радостное зрелище! — показалась движущаяся точка и дала повод к обычным вопросам: кто это может быть и по какому делу? Побелевший от старости серый сюртук, прихрамывающая походка, шляпа местами с обвислыми, местами с задранными полями указывали на скромного изготовителя париков и оставляли невыясненным лишь

второй вопрос. Последний вскоре был разрешен вошедшим в гостиную слугой:

— Письмо из Монкбарнса, сэр Артур!

Сэр Артур взял в руки послание, напустив на себя подобающую в таком случае важность.

— Отведи старика на кухню и угости его там, — сказала молодая леди, чей сострадательный взгляд заметил жидкие седые волосы и усталую поступь посланца.

— Мистер Олдбок приглашает вас, моя милая, к обеду во вторник, семнадцатого, — промолвил баронет и помолчал. — Право, он, кажется, забыл, что недавно вел себя со мной

не слишком вежливо!

— Дорогой сэр, у вас столько преимуществ перед бедным мистером Олдбоком, что неудивительно, если это немного выводит его из душевного равновесия. Но я знаю, что он питает к вам большое уважение и ценит вашу беседу. Ничто не огорчило бы его больше, чем подозрение в том, что он действительно был к вам невнимателен.

— Верно, верно, Изабелла! И потом надо принять во внимание его происхождение. Что-то от грубого немецкого мужика еще осталось в его крови, какая-то вигская извращенная нетерпимость к

высокому общественному положению и привилегиям. Ты могла заметить, что ему никогда не удастся переспорить меня, кроме тех случаев, когда он пускает в ход особую казуистическую осведомленность в датах, именах и самых незначительных фактах, обладая нудной и поверхностной, хотя и точной памятью, которой он всецело обязан своим предкам-механикам.

— Наверно, такая память полезна при его исторических изысканиях, не правда ли, сэр? — сказала молодая леди.

— Она приводит к невежливой и самоуверенной манере спорить. Как

странно слушать его нелепые рассуждения, когда он нападает на редкий, выполненный Белленденом перевод Гектора Бойса, которым я имею удовольствие обладать! Это старопечатный фолиант большой ценности, а он хочет опорочить перевод, ссылаясь на какой-то старый клочок пергамента, который он спас, когда этот пергамент собирались, как он того вполне заслуживал, разрезать на портновские мерки. Кроме того, такая привычка к мелочной и докучной точности порождает меркантильность в делах, недостойную солидного землевладельца, род которого как-

никак насчитывает два или три поколения. Не знаю, найдется ли в Фейрпорте такой счетовод, который мог бы лучше подсчитать проценты, чем Монкбарнс.

— Но вы примете его приглашение, сэр?

— Гм... что ж... да. У нас, кажется, этот день свободен. Что это может быть за молодой человек, о котором он говорит? Монкбарнс редко заводит новые знакомства. А о каких-либо его родственниках я никогда не слышал.

— Вероятно, какой-нибудь родственник его зятя, капитана Мак-Интайра.

— Весьма возможно. Да, мы

примем приглашение. Мак-Интайры — очень старый шотландский род. Можешь ответить на письмо положительно, Изабелла. А мне недосуг строчить самому все эти любезности.

Так было улажено это важное дело. Мисс Уордор послала «свои и сэра Артура приветствия» и сообщила, что ее отец и она «будут иметь честь посетить мистера Олдбока. Мисс Уордор пользуется случаем возобновить свою вражду с мистером Олдбоком по поводу его долгого отсутствия в Нокуинноке, где его визиты доставляют так много удовольствия». Этим placebo [note 43](#) она закончила свою записку, с

которой освежившийся и
подкрепивший тело и дух Кексон
отправился в обратный путь к
усадьбе антиквария.

ГЛАВА VI

Мотс

*Клянусь тобою, Вотан,
богом саксов,*

*Кто имя дал дню
Вотана — среде,*

*Хранить я правду буду
неизменно,*

*Пока мой не придет
последний час*

И в гроб не лягу.

*Картрайт,
«Таверна»*

Наш молодой друг Ловел,
получив соответствующее

приглашение и желая точно соблюсти назначенный час, прибыл в Монкбарнс семнадцатого июля за пять минут до четырех часов. День был необычайно душный, и время от времени падали крупные капли дождя, хотя угрожавший ливень пока прошел мимо. Мистер Олдбок встретил гостя у Ворот Паломника. Хозяин был в коричневом сюртуке и панталонах, серых шелковых чулках и парике, искусно напудренном ветераном Кексоном, который, почуяв запах обеда, поостерегся окончить работу прежде, чем приблизится час еды.

— Добро пожаловать на мой пир, мистер Ловел. А теперь

позвольте познакомить вас с моими «клохтуньями», как их называет Том Оттер, моими бестолковыми и никчемными дамами, *malae bestiae* [note 44](#), мистер Ловел.

— Я уверен, сэр, что дамы вовсе не заслуживают ваших насмешек!

— Тилли-вэлли [note 45](#), мистер Ловел, — что, кстати, один из комментаторов производит от *tittivillitium* [note 46](#), а другой — от *talley-ho* [note 47](#) — так вот, тилли-вэлли, говорю я, и отбросьте вашу вежливость. Вы найдете в них самые заурядные образцы женского пола. А вот и они, мистер Ловел! Представляю вам, в должном порядке, мою чрезвычайно

благоразумную сестру Гризельду, которая презирает простоту и терпение, связанные со скромным старинным именем Гризл, а также мою изящную племянницу Марию, чью мать называли Мэри, а иногда — Молли.

Пожилая леди шуршала шелками и атласами, а на голове носила сооружение, напоминавшее моды из женского альманаха за 1770 год, — великолепный образец архитектуры, не уступавший современным готическим замкам: локоны ее изображали башенки, черные булавки — *chevaux de frise* [note 48](#), а ленты — знамена.

Лицо, над которым, как у

древних статуй Весты, высились упомянутые башни, было большое и длинное, с острым носом и подбородком, а в остальном так смехотворно похожее на физиономию мистера Джонатана Олдбока, что Ловел, не появившись они вместе, как Себастьян и Виола в заключительной сцене «Двенадцатой ночи», мог бы подумать, что фигура, стоящая перед ним, и есть его старый друг, переодевшийся в женское платье. Одежда из старинного шелка в цветочках украшала эту удивительную фигуру с несравненной головой, о которой брат обычно говорил, что ей больше подошел бы тюрбан Магома или

Термагана, чем головной убор разумного существа или дамы христианской веры. Две длинные костлявые руки с тремя рядами кружев у локтей, сложенные крестообразно впереди этой особы и украшенные длинными перчатками светло-алого цвета, имели немалое сходство с парой гигантских раков. Башмаки на высоких каблуках и короткая шелковая пелерина, небрежно накинутая на плечи, довершали внешний вид Гризельды Олдбок.

Ее племянница, которую Ловел мельком видел во время своего первого посещения, была миловидная молодая девушка,

изящно одетая по моде того времени. В ней можно было заметить налет *espieglerie* [note 49](#), который очень ей шел и, вероятно, происходил от едкого юмора, свойственного семье ее дяди, хотя и смягченного в следующем поколении.

Мистер Ловел
засвидетельствовал свое почтение
обеим дамам, на что старшая из них
ответила продолжительным — по
моде 1760 года — приседанием,
заимствованным от тех
добродетельных времен,

... Когда пред трапезой, как
издавна,
Молитву добрых полчаса

читали

И в пятницу съедали
каплуна,

а младшая — современным
реверансом, который, как и
предобеденная молитва
современного духовного лица, был
гораздо короче.

Пока шел этот обмен
приветствиями, у садовой калитки
показался, ведя под руку свою
прелестную дочь, сэра Артур. Он
отпустил коляску и теперь тоже по
всем правилам поздоровался с
обеими дамами.

— Сэр Артур и вы, мой

прелестный враг, — сказал
антикварий, — позвольте
познакомить вас с моим молодым
другом, мистером Ловелом,
джентльменом, который во время
эпидемии краснухи, охватившей
теперь наш остров, настолько
сохраняет свое достоинство и
приличие, что явился в сюртуке
обычного штатского цвета. Но вы
видите, что тот модный цвет,
которого мы не находим в его одежде,
сосредоточился на его щеках. Сэр
Артур, позвольте представить вам
молодого человека, которого вы при
ближайшем знакомстве найдете
серьезным, разумным,
обходительным и ученым, много

видавшим, очень начитанным и глубоко сведущим в тайнах кулис и сцены со времен от Дэви Линдсея до Дибдина... Вот он опять покраснел, а это признак скромности.

— У моего брата, — обратилась к Ловелу мисс Гризельда, — привычка, сэр, выражаться шутливо. На слова Монкбарнса никто не обижается, поэтому не смущайтесь глупостями, которые он говорит. Однако вам пришлось далеко идти под палящим солнцем. Не хотите ли чего-нибудь выпить? Стаканчик бальзаминовой настойки?

Прежде чем Ловел успел ответить, вмешался антикварий:

— Прочь, колдунья! Ты хочешь

отравить своими дьявольскими декоктами моих гостей? Разве ты не помнишь, что было с пастором, которого ты соблазнила отведать этого предательского напитка?

— Фу, братец! .. Слыхали ли вы, сэр Артур, что-либо подобное? Ему надо все делать по-своему, и чуть что — он выдумывает такие истории... Но вот Дженни идет звонить в старый колокол, чтобы сообщить, что обед готов.

Непреклонный в своей бережливости, мистер Олдбок не держал мужской прислуги. При этом он прикрывался утверждением, что мужской пол слишком благороден, чтобы использовать его для

прислуживания, которое в древних государствах всегда возлагалось на женщин.

— Почему, — говорил он, — мальчишка Тэм Ринтерут, которого по настоянию моей мудрой сестры я с не меньшей мудростью взял на испытание, почему он воровал яблоки, грабил птичьи гнезда, бил стаканы и, наконец, украл мои очки, как не потому, что испытывал благородную жажду деятельности, которая наполняет грудь каждого представителя мужского пола, которая привела его во Фландрию с мушкетом на плече и, несомненно, возвысит его до славного звания носителя алебарды или, быть может,

до виселицы? И почему девушка, его родная сестра, Дженни Ринтерут, выполняя то же дело, ходит — обутая или босая — уверенным и бесшумным шагом, мягким, как шаг кошки, а сама послушна, как спаниель? Почему это так? Да именно потому, что она занята своим делом. Пусть они прислуживают нам, сэр Артур, пусть, повторяю, прислуживают, — это единственное, на что они годны. Все древние законодатели, от Ликурга до Мохаммеда, неправильно называемого Магометом, единодушно говорят о подобающей женщинам подчиненной роли, и только сумасбродные головы наших

рыцарственных предков вознесли
этих Дульсиной до положения
самовластных принцесс.

Мисс Уордор громко
запротестовала против подобной
малоучливой доктрины, но в это
время прозвонил обеденный колокол.

— Разрешите мне выполнить
долг вежливости перед такой
прекрасной противницей, — сказал
старый джентльмен, предлагая
гостье руку. — Мне помнится, мисс
Уордор, что Мохаммед [note 50](#) не мог
решить, как созывать мусульман на
молитву. Он отверг колокола, ибо их
употребляли христиане, трубы —
потому что ими пользовались
огнепоклонники, и, наконец, избрал

человеческий голос. У меня были такие же сомнения относительно сигнала к обеду. Употребляемые в настоящее время гонги казались мне неприятной новомодной выдумкой, а женский голос я отверг, как нечто столь же резкое и неблагозвучное. Поэтому, в отличие от Мохаммеда, или Магомета, я вернулся к колоколу. Он особенно уместен здесь, так как служил обычным средством для созыва монахов в трапезную. Кроме того, он имеет то преимущество перед гортанью Дженни, премьер-министра моей сестры, что, менее громкий и пронзительный, он перестает звучать, как только вы отпустите веревку, тогда как мы по

личному печальному опыту знаем, что всякая попытка утихомирить Дженни лишь пробуждает сочувственный аккомпанемент голосов мисс Олдбок и Мэри Мак-Интайр.

Разглагольствуя таким образом, он привел гостей в столовую, которой Ловел еще не видел. Она была отделана деревянными панелями и украшена несколькими любопытными картинами. За столом прислуживала Дженни, а у буфета стояла старая управительница, нечто вроде дворецкого женского пола, и терпеливо переносила упреки мистера Олдбока и намеки его сестры, менее заметные, но не менее

язвительные.

Обед был такой, какой мог быть по нраву завзятому антикварию, и включал много вкусных изделий шотландской кухни, теперь не употребляемых в домах, претендующих на элегантность. Тут был чудесный белый баклан, который так сильно пахнет, что его никогда не готовят в закрытом помещении. На сей раз он был недожарен и сочился кровью, так что Олдбок полушутя пригрозил запустить жирной морской птицей в голову небрежной экономке, которая выступила в роли жрицы, принесшей эту пахучую жертву. К счастью, ей чрезвычайно удалось овощное рагу,

блаженной памяти покойной бабушкой. А отведав стаканчик вина, вы найдете его достойным приверженца правил короля Альфонса Кастильского: жечь старые дрова, читать старые книги, пить старое вино и беседовать со старыми друзьями, сэр Артур, и... да, мистер Ловел... и новыми друзьями тоже!

— А какие новости вы привезли нам из Эдинбурга, Монкбарнс? — спросил сэр Артур. — Как дела в этой старой коптилке?

— Все с ума сошли, сэр Артур, спятили так безнадежно, что не поможет ни купанье в море, ни бритье головы, ни угощение настоем черемицы. Худший вид бешенства —

военное неистовство — овладел и взрослыми и даже детьми.

— А мне кажется, давно пора, — сказала мисс Уордор, — если нам угрожает нашествие извне и восстание внутри страны!

— Ну, я не сомневался, что вы присоединитесь к алой орде против меня. На женщин, как на индюков, неотразимо действует красная тряпка. Но что говорит сэр Артур, которому снятся вражеские армии и засилье немцев?

— Я скажу вот что, мистер Олдбок, — ответил баронет. — Насколько я способен судить, нам необходимо сопротивляться *cum toto corpore regni* [note 51](#), как говорится,

если я еще не совсем забыл латынь, сопротивляться врагу, который хочет навязать нам вигский образ правления, республиканский строй и которого поддерживают и подстрекают фанатики самого вредного рода, сидящие у нас в печенках. Смею вас уверить, я уже принял меры, подобающие моему положению: я велел констеблям забрать этого отвратительного нищего старика Эди Охилтри, сеющего повсюду недовольство церковью и государством. Он открыто сказал старому Кексону, что под капюшоном Уилли Хови больше здравого смысла, чем под всеми тремя париками в приходе. Мне

кажется, этот намек понять не трудно. Но мы еще научим старого прохвоста лучшим манерам.

— Ну нет, дорогой сэр, — воскликнула мисс Уордор, — не трогайте старого Эди, которого мы так давно знаем! Я не похваляю того констебля, который выполнит подобный приказ.

— Нет, посмотрите, — вмешался антикварий. — Вы, заядлый тори, сэр Артур, взрастили такой чудесный вигский отпрыск на своей груди! Что ж, мисс Уордор способна одна возглавить квартальный съезд мировых судей... Нет, почему квартальный? Годовой съезд, весь верховный гражданский

суд! Это Боадичея, это амазонка, это Зеновия!

— И все же, при всей моей храбрости, мистер Олдбок, я рада слышать, что наш народ берется за оружие.

— Берется за оружие, о боже! Читали ли вы когда-нибудь историю сестры Маргариты, вышедшую из головы, теперь уже старой и несколько поседелой, но таящей в себе больше ума и политической мудрости, чем в наши дни можно найти в целом синклите? Помните ли вы в этом превосходном произведении сон кормилицы, который она с таким ужасом рассказывает Габлу-Баблу? Ей

снилось, что, как только она брала в руки кусок сукна, он — трах! — выпаливал, как огромная чугунная пушка, а когда она хотела взять катушку ниток, та подскакивала и нацеливалась ей в лицо, как пистолет. Картины, виденные мною самим в Эдинбурге, были такого же рода. Я зашел посоветоваться к своему адвокату, но застал его одетым в драгунскую форму с туго затянутым поясом и в каске; он готов был вскочить на коня, которого его писец (одетый стрелком) прохаживал перед дверью. Я пошел выругать моего ходатая по делам, пославшего меня за советом к сумасшедшему. И что же! Он воткнул перо в шляпу,

вместо того чтобы водить им по бумаге, как в более разумное время, и изображал собой артиллерийского офицера. У моего галантерейщика оказался в руке тесак, словно он собирался отмеривать ткани им, а не положенным по закону ярдом. Счетовод банкира, получив распоряжение вывести сальдо моего счета, три раза ошибался: его сбивал строевой расчет, который он производит во время утреннего воинского ученья. Захворав, я послал за хирургом...

Стук сабли возвестил его приход.

Глаза холодной доблестью

блистали,
И я не знал, увидев столько
стали,
Лечить меня он будет иль
убьет.

Я обратился к другому врачу. Но он тоже готовился к убийствам в гораздо более широких масштабах, чем это когда-либо признавалось правом его профессии. А теперь, возвратившись сюда, я вижу, что и наши высокоумные фейрпортские соседи заразились тем же доблестным духом. Я ненавижу ружье, как раненая дикая утка, и не терплю барабана, как квакер. А тут

на общинном выгоне гремят и грохочут, и каждый залп и раскат — это удар мне в сердце.

— Дорогой брат, не говори так о джентльменах-волонтерах. Смею сказать, у них очень красивая форма. А на прошлой неделе, я хорошо знаю, они два раза промокли до нитки. Я встретила их, когда они шагали такие пришибленные, и многие очень кашляли. Я думаю, они терпят столько, что мы должны быть им благодарны.

— А я смею сказать, — заметила мисс Мак-Интайр, — что дядя пожертвовал двенадцать гиней на их снаряжение.

— Я дал их на покупку лакрицы

и леденцов, — объяснил циник, — чтобы поощрить местную торговлю и освежить глотки офицеров, докричавшихся до хрипоты на службе отечеству.

— Берегитесь, Монкбарнс! Мы скоро причислим вас к мятежникам!

— Нет, сэр Артур, я кроткий ворчун. Я только сохраняю за собой право квакать здесь, в своем углу, и не присоединяю своего голоса к хору великого болота. *Ni quito Rey, ni rongo Rey*. Я не прочу королей и не порочу королей, как говорит Санчо, но от всего сердца молюсь за нашего государя, несу общее бремя налогов и ворчу на акцизного чиновника. А вот, кстати, и овечий сыр! Он более

содействует пищеварению, чем политика.

Когда обед кончился и на стол были поставлены графины, мистер Олдбок поднял бокал за здоровье короля. Этот тост охотно поддержали как Ловел, так и баронет. Якобитские симпатии последнего давно успели стать всего лишь неким отвлеченным представлением, тенью тени.

После того как дамы покинули столовую, лэрд и сэр Артур углубились в самые занимательные споры, в которых более молодой гость — из-за недостатка ли необходимой глубокой эрудиции или по иной причине — принимал очень мало участия, пока не был внезапно

вырван из глубокой задумчивости неожиданной просьбой высказать свое мнение:

— Я приму то, что скажет мистер Ловел. Он родился на севере Англии и может знать точное место.

Сэр Артур высказал сомнение в том, чтобы столь молодой человек обращал внимание на подобные вещи.

— Я имею основания держаться противоположного мнения, — сказал Олдбок. — Как вы смотрите, мистер Ловел? Высказаться — для вас вопрос чести!

Ловел вынужден был признаться, что попал в смешное положение человека, не знающего

предмета спора, который занимал собеседников уже около часа.

— Господи, да он витает в облаках! Что было бы, если бы мы выпустили сюда женщин? Тогда мы еще шесть часов не слышали бы от этого молодца разумного слова. Так вот, юноша, жил некогда народ, который назывался пики...

— Правильнее — пикты, — перебил баронет.

— Или еще *pícar*, *píhar*, *píochtar*, *píaghter* или *peughtar*, — закричал Олдбок. — И говорили они на одном из готских диалектов...

— На чистейшем кельтском! — решительно возразил баронет.

— На готском, хоть убейте, на

готском, — столь же решительно настаивал сквайр.

— Позвольте, джентльмены, — промолвил Ловел. — Насколько я понимаю, ваш спор легко могут разрешить филологи, если уцелели какие-нибудь остатки языка.

— Сохранилось одно лишь слово, — сказал баронет, — но оно, вопреки упрямству мистера Олдбока, решает вопрос.

— Да, в мою пользу, — заявил Олдбок. — Посудите сами, мистер Ловел. Кстати, и такой ученый, как Пинкертон, на моей стороне.

— А на моей — такой эрудит, как неутомимый Чалмерс.

— Мое мнение разделяет

Гордон.

— А мое — сэр Роберт Сибболд.

— За меня Иннз! — выкрикнул

Олдбок.

— У Ритсона нет никаких сомнений! — завопил баронет.

— Послушайте,

джентльмены, — сказал Ловел, — прежде чем делать смотр своим силам и ошеломлять меня авторитетами, вы бы сообщили мне спорное слово.

— Benval, — в один голос объявили спорщики.

— Что означает *caput valli*, — пояснил сэр Артур.

— Верх вала, — как эхо, повторил Олдбок.

Воцарилось глубокое молчание.

— Это довольно узкий фундамент, чтобы возводить на нем какую-либо гипотезу, — заметил арбитр.

— Ничуть, ничуть, — возразил Олдбок. — Люди лучше всего дерутся на тесной площадке. Чтобы нанести смертельный удар, не нужно миль: достаточно одного дюйма.

— Слово, безусловно, кельтское, — сказал баронет. — Название любого холма в горной Шотландии начинается на Ben.

— А что вы скажете насчет val, сэр Артур? Разве может быть сомнение в том, что это саксонское wall [note 52](#)?

— Это римское vallum [note 53](#), — стоял на своем сэр Артур. — У пиктов эта часть слова заимствованная.

— Ничего подобного. Если они что-нибудь и позаимствовали, так именно ваше ben. Они могли перенять его у своих соседей бриттов в долине Стрэт Клайд.

— У пиков, или пиктов, — сказал Ловел, — был, по-видимому, исключительно бедный диалект, если в единственном дошедшем до нас слове, да притом всего двухсложном, им, как это признано, пришлось сделать заимствование из другого языка. И мне кажется, джентльмены, — при полном к вам

уважении, — что ваш спор немного похож на спор двух рыцарей, сражавшихся из-за щита, белого с одной стороны и черного с другой. Каждый из вас держится за половинку слова и как будто отвергает другую. Но что меня поражает больше всего, так это бедность языка, оставившего после себя такие ничтожные следы.

— Вы ошибаетесь, — сказал сэр Артур. — Язык у пиктов был богатый, и они были могучим народом. Они построили две колокольни: одну в Брехине, другую — в Эбернети. Пиктских девиц королевской крови помещали в Эдинбургский замок, откуда его

название *Castrum Puellarum* [note 54](#).

— Детские сказки, — заметил Олдбок. — Все это придумано, чтобы польстить тщеславию женщин. Замок назывался «девичьим», *quasi lucus a non lucendo* [note 55](#), потому что он был неприступен, чего ни про одну женщину сказать нельзя.

— Существует достаточно достоверный перечень пиктских королей, — настаивал сэр Артур, — от Крентеминахкрайма (дата его правления точно не известна) и до Драстерстоуна, с чьей смертью окончилась династия. У половины из них имена, как у кельтов, образованы от имени отца. Приставка «Мак» *id*

est filius [note 56](#). Что вы скажете на это, мистер Олдбок? Мы знаем Драста Мак-Морахина, Трайнела Мак-Лахлина (насколько можно судить — первого из этого древнего клана) и Гормаха Мак-Доналда, Элпина Мак-Метегуса, Драста Мак-Теллергена (тут баронету помешал приступ кашля), кхе-кхе-кхе, Голарджа Мак-Хена... кхе-кхе... Мак-Хенена... кхе... Мак-Хененейла, Кеннета... кхе-кхе... Мак-Фередита, Эхена Мак-Фунгуса и двадцать других, несомненно кельтских, имен, которые я мог бы перечислить, если бы не этот злосчастный кашель.

— Возьмите стакан вина, сэр Артур, и запейте все эти нанизанные,

как четки, имена нехристей, которыми подавился бы сам дьявол. Кстати, тот малый, которого вы назвали напоследок, только один и носит вразумительное имя. Впрочем, все они как один из племени Мак-Фунгуса: никому не известные венценосцы, порожденные угаром самомнения, безумия и лживости, высыпавшие, как грибы, в мозгу какого-нибудь сумасшедшего горного барда.

— Я удивлен, что вы так говорите, мистер Олдбок. Ведь вы знаете или должны бы знать, что перечень этих властителей выписан Генри Моулом оф Мелгам из хроник Лох Левена и Сент-Эндрю и

опубликован им в краткой, но неплохой «Истории пиктов». Она была напечатана Робертом Фриберном в Эдинбурге и в тысяча семьсот пятом или шестом году от рождения Христова — я точно не помню — продавалась в его лавке у ограды парламента. У меня дома есть экземпляр; это моя самая ценная книга — после «Шотландских актов» в двенадцатую долю листа, — и она отлично выглядит на полке рядом с той. Ну что вы скажете на это, мистер Олдбок?

— Что я скажу? Да чихать я хотел на Гарри Моула и его «Историю», — ответил Олдбок, — и

тем самым я удовлетворяю его просьбу оказать этому произведению прием в соответствии с его достоинствами.

— Не смейтесь над человеком, стоявшим выше вас! — неодобрительно заметил сэр Артур.

— Я не вижу, чтобы согрешил в этом, смеясь над ним и над его «Историей».

— Генри Моул оф Мелгам был джентльменом, мистер Олдбок!

— Не нахожу, чтобы он имел и это преимущество предо мной! — довольно резко возразил антикварий.

— Простите, мистер Олдбок, но он был джентльменом из знатного, древнего рода, и поэтому...

— ... потомок вестфальского печатника должен говорить о нем с почтением? Вы можете придерживаться такого мнения, сэр Артур, но я его не разделяю. Мне кажется, что мое происхождение от трудолюбивого и предприимчивого типографа Вольфбранда Олденбока, который в декабре тысяча четыреста девяносто третьего года под покровительством (как указано в конце книги) Себалда Шейтера и Себастьяна Каммермейстера закончил печатание знаменитой «Нюрнбергской хроники», — мне кажется, повторяю, что мое происхождение от этого великого восстановителя учености делает мне,

литератору, больше чести, чем если бы я числил в своей генеалогии всех буйных, меднолобых, железнобоких средневековых баронов со времен Крентеминахкрайма, ни один из которых, как я полагаю, не мог подписать своего имени.

— Если это замечание мыслится как насмешка над моими предками, — сказал баронет с осанкой, выражавшей сознание своего превосходства и самообладания, — то имею удовольствие осведомить вас, что имя моего предка, Гамелина де Гардовера Майлза, четко написано его рукой под самым ранним экземпляром Рэгменского трактата.

— А это лишь показывает, что он одним из первых показал гнусный пример подчинения Эдуарду Первому. Можете ли вы говорить о незапятнанной верности вашей семьи, сэр Артур, после такого отступничества?

— Довольно, сэр! — воскликнул сэр Артур, яростно вскакивая и отталкивая от себя стул. — После этого я не стану оказывать моим обществом честь человеку, который платит мне такой неблагодарностью за мое снисхождение.

— Тут вы можете поступить, как вам будет угодно, сэр Артур. Надеюсь, что меня, не знавшего размера той любезности, которую вы

оказали мне посещением моего бедного жилища, можно простить, если я не довел свою благодарность до раболепия.

— Очень хорошо... очень хорошо, мистер Олдбок! Будьте здоровы! Мистер... э... Шовел, желаю доброго здоровья!

Негодующий сэр Артур кинулся из комнаты, как если бы дух всего Круглого Стола воспламенял его грудь, и большими шагами помчался по лабиринту переходов, ведущих в гостиную.

— Видали вы такого спесивого старого осла? — лаконично обратился Олдбок к Ловелу. — Но я не могу допустить, чтобы он ушел в

таком разъяренном состоянии.

С этими словами он поспешил вслед удалявшемуся баронету, определяя его путь по хлопанию многочисленных дверей, которые тот открывал в поисках комнаты, где пили чай, и с силой захлопывал за собой при каждом очередном разочаровании.

— Вы наделаете себе бед! — орал антикварий. — *Qui ambulat in tenebris, nescit quo vadit* [note 57](#). Вы свалитесь с черной лестницы!

Сэр Артур теперь заблудился в темноте, успокоительное действие которой известно нянькам и гувернанткам, имеющим дело с капризными детьми. Мрак если и не

умиротворил его возмущения, то, во всяком случае, замедлил его шаги и дал возможность мистеру Олдбоку, лучше знакомому с locale [note 58](#), догнать его, когда он уже взялся за ручку двери гостиной.

— Подождите минутку, сэр Артур, — сказал Олдбок, не давая ему слишком внезапно появиться перед дамами, — не торопитесь так, мой славный старый друг! Я был немного груб, говоря о сэре Гамелине... А ведь это мой давнишний знакомый и любимый персонаж... он же водил компанию с Брюсом и Уоллесом... И я клянусь на первопечатной Библии, что он поставил свое имя под Рэгменским

трактатом лишь с законным и оправданным намерением обмануть предателей-южан. Это была настоящая шотландская хитрость, мой дорогой баронет, — сотни людей делали то же самое. Не надо, не надо сердиться! Забудьте и простите. Признайте, что мы с вами дали молодому гостю право считать нас двумя вспыльчивыми старыми дураками.

— Говорите за себя, мистер Джонатан Олдбок, — весьма величественно произнес сэр Артур.

— Ну что ж, ну что ж, упрямый человек всегда поставит на своем!

Тут дверь наконец отворилась, и в гостиную шагнула высокая и тощая

фигура сэра Артура, за которым следовали Ловел и мистер Олдбок. Вид у всех троих был несколько растерянный.

— Я поджидаю вас, сэр, — сказала мисс Уордор. — Вечер прекрасный, и я бы хотела предложить пройтись пешком навстречу коляске.

Сэр Артур сейчас же согласился с этим предложением, которое вполне соответствовало его сердитому настроению. Отказавшись, как это уже вошло в обычай в случаях разлада, от чая и кофе, он забрал свою дочь и после церемонного прощания с дамами и очень сухого — с Олдбоком вышел.

— Мне кажется, что сэр Артур опять с левой ноги встал, — заметила мисс Олдбок.

— С левой ноги? С чертовой ноги! .. Он рассуждает глупее женщин. Что вы скажете, Ловел? Ба, молодчик тоже исчез!

— Он откланялся, дядя, в то время, как мисс Уордор собиралась в дорогу; но вы, кажется, не заметили, как он вышел.

— Черт вселился в людей! Вот все, что получаешь, когда суетишься, и хлопчешь, и нарушаешь заведенный порядок, чтобы накормить гостей обедом, не говоря уж о добавочных расходах!

— О Сегед, царь Эфиопский! —

продолжал он, взяв в одну руку чашку чая, а в другую — том «Любителя всякой всячины», ибо у него была привычка читать за едой в присутствии сестры. Это, с одной стороны, выражало его презрение к обществу женщин, а с другой — его стремление не терять ни минуты, когда можно было чему-нибудь поучиться. — О Сегед, царь Эфиопский! Хорошо ты сказал: «Пусть никто не осмеливается утверждать, что сегодняшней день будет днем счастья! »

Олдбок почти час оставался углубленным в чтение, и дамы старались не мешать ему, в полном молчании занимаясь своими

женскими делами. Наконец послышался тихий и скромный стук в дверь.

— Это ты, Кексон? Входи, входи, любезный!

Старик отворил дверь и, просунув в нее худое лицо, окаймленное жидкими седыми буклями, и один рукав белой куртки, начал приглушенно и таинственно:

— Я хотел поговорить с вами, сэр!

— Входи же, старый дурень, и говори, что тебе надо.

— Как бы мне не испугать леди, — произнес экс-парикмахер.

— Испугать! — повторил за ним антикварий. — Что это значит? При

чем тут леди? Ты опять видел привидение на Хамлокском холме?

— Нет, сэр, на этот раз идет речь не о привидениях, но у меня тяжело на душе.

— А ты слыхивал о таких, у кого легко? — отозвался Олдбок. — Почему у такой старой, облезлой пуховки должно быть легко на душе, когда у всех на свете тяжело?

— Я не о себе сэр. Но только ночь грозит страшная, а сэр Артур и мисс Уордор, бедняжка...

— Да что ты! Они должны были где-нибудь в конце поля встретить экипаж и, наверно, уже дома.

— Нет, сэр. Они пошли не полем навстречу коляске, а вкруговую, через

пески.

Эти слова подействовали на Олдбока, как электрический разряд.

— Через пески! — воскликнул он. — Не может быть!

— Вот-вот, сэр! И я то же самое сказал садовнику. А он говорит, что видел, как они свернули возле утеса Масселкрейг, честное слово! А я ему: «Ну, раз так, Дэви, я побаиваюсь...»

— Календарь, календарь! — закричал Олдбок, вскакивая в большой тревоге. — Не эту чепуху! — отбросил он в сторону предложенный ему племянницей маленький карманный календарь. — Боже мой! Бедная мисс Изабелла! Сию минуту найдите мне

фейрпортский справочник. — Календарь был принесен, и содержащиеся в нем сведения еще более усилили волнение мистера Олдбока. — Я пойду сам! Позови садовника и работника, Кексон. Пусть несут веревки и лестницы. Скажи обоим, чтоб на пути звали еще людей на помощь. Доберитесь до вершины утеса и кричите им оттуда вниз!

— В чем дело? — недоумевали мисс Олдбок и мисс Мак-Интайр.

— Прилив! Прилив! — ответил им крайне взволнованный антикварий.

— Не надо ли, чтобы Дженни? .. Впрочем, нет, я побегу сама, —

сказала младшая из дам, заражаясь ужасом дяди. — Я побегу к Сондерсу Маклбеккиту и скажу, чтобы он выехал в лодке.

— Спасибо, дорогая! Это самое умное из всего, что здесь было сказано. Беги, беги! Подумать только — пойти через пески! — Олдбок схватил шляпу и палку. — Слыхано ли такое безумие!

ГЛАВА VII

... открылся вид
приятный

Пустыни вод, могучей,
необъятной,

Отходит море. Вдаль
волна ползет,

И быстро берег
ширится. Но вот

Помчались воды
вспять. На берегу же

Сухая полоса что миг,
то уже.

Крабб

Сообщение

Дэви

Диббла,

посеявшее такую тревогу в Монкбарнсе, оказалось совершенно верным. Сэр Артур и его дочь, согласно своему первоначальному намерению, отправились в Нокуиннок полевой тропинкой. Но когда они достигли конца поля, где тропинка сливалась с более широким проселком, одним концом выходявшим к дому Монкбарнса, они заметили несколько впереди Ловела, который, казалось, медлит, чтобы как бы невзначай присоединиться к ним. Мисс Уордор тотчас же предложила отцу свернуть в сторону и, так как погода прекрасная, пойти домой по песчаному берегу, который тянулся вдоль подножия живописной гряды

скал. Почти всегда это был более приятный путь между Нокуинноком и Монкбарнсом, чем верхняя дорога.

Сэр Артур охотно согласился.

— Я вовсе не хотел бы, чтобы с нами шел этот молодчик, которого мистер Олдбок позволил себе нам представить.

В старомодной вежливости баронета совсем не было непринужденности наших дней, допускающей, чтобы мы «перестали замечать» лицо, с которым общались всего неделю, как только решим, что в сложившейся ситуации нам неприятно узнавать его. Сэр Артур лишь нашел нужным нанять за вознаграждение в одно пенни

оборванного мальчугана, чтобы тот побежал навстречу экипажу и велел кучеру возвращаться в Нокуиннок.

Когда это было сделано и посланец отправлен, баронет и его дочь покинули проезжую дорогу и по тропинке, вьющейся меж песчаных холмов, местами поросших дроком и высокой травой, называемой полевицей, вскоре достигли берега моря. Отлив не отошел так далеко, как они рассчитывали. Но это не встревожило их. В редком году выпадало десять дней, когда бы прилив подходил к утесам настолько близко, чтобы не оставалось сухого прохода. Все же в периоды больших приливов, совпадавших с

полнолуниями и новолуниями, и тогда, когда обыкновенный прилив подхлестывался сильным ветром, море полностью заливало эту дорогу. Сохранились воспоминания о нескольких несчастных случаях, происшедших при таких условиях. Но такую опасность считали отдаленной и маловероятной. Она скорее служила, наряду с другими преданиями, темой для занимательных бесед у сельских очагов, чем предостережением людям, ходившим через пески из Нокуиннока в Монкбарнс или обратно.

Сэр Артур и мисс Уордор шли вперед, наслаждаясь ходьбой по

прохладному, влажному и плотному песку, и девушка не могла не заметить, что последний прилив поднялся значительно выше обычной отметки. Сэр Артур сделал такое же наблюдение, но ни мисс Уордор, ни ее отца это обстоятельство не смутило. Огромный солнечный диск к этому времени коснулся края спокойного моря и позолотил нагроможденные облака, за которые солнце порою пряталось днем и которые теперь собирались со всех сторон, как беды и несчастья вокруг погибающей империи или пошатнувшегося трона. Все же пышный блеск умирающего солнца придавал мрачное величие

гигантскому скоплению облаков, воздвигая из их угрюмых призрачных масс пирамиды и башни, здесь тронутые позолотой, там — пурпуром или густым и темным багрянцем. Отдаленное море, простертое под этим великолепным меняющимся пологом, покоилось в зловещей тишине, отражая ослепительные горизонтальные лучи заходящего светила и роскошную окраску облаков, в которые оно садилось. Ближе к береговым скалам сверкающие мелкие волны прилива не приметно, но быстро заливали песок.

Охваченная восхищением перед этой романтической картиной, а

может быть, занятая какой-либо более волнующей темой, мисс Уордор молча шла рядом с отцом, чье недавно оскорбленное достоинство не позволяло ему начать разговор. Следуя за изгибами пляжа, они миновали один за другим несколько выступавших утесов или скалистых мысов и теперь находились под огромной и сплошной отвесной стеной, какими во многих местах защищен этот закованный в каменную броню берег. Длинные надводные рифы, продолжаясь под водой и обнаруживая свое существование лишь там и сям совершенно голым торчащим зубом или бурунами,

пенящимися над не совсем
покрытыми водой камнями, делали
Нокуиннокскую бухту местом,
которого страшились штурманы и
судовладельцы. В расселинах утесов,
возвышавшихся между пляжем и
горной равниной на высоте двухсот
или трехсот футов, находило
пристанище несметное множество
морских птиц, ютившихся на
головакружительной высоте, где они
были недоступны хищным
вожделениям человека. Многие из
этих диких стай в силу инстинкта,
заставляющего их перед началом
шторма лететь на сушу, теперь с
резкими разноголосыми криками,
свидетельствовавшими о

беспокойстве и страхе, устремлялись к своим гнездам. Диск солнца затмился, прежде чем весь ушел за горизонт, и ранняя мертвенная мгла омрачила ясные сумерки летнего вечера. Затем поднялся ветер. Но его яростные и жалобные стоны были слышны, а удары — видны на поверхности моря несколько раньше, чем буря дала себя почувствовать на земле. Масса вод, теперь темная и грозная, заволновалась, поднимаясь все более высокими хребтами, опускаясь все более глубокими ложбинами и образуя валы, которые, пенясь, высоко взлетали над рифами или обрушивались на берег с шумом, напоминавшим отдаленный гром.

В испуге от этой внезапной перемены погоды мисс Уордортеснее прижалась к отцу и крепко ухватилась за его руки.

— Я жалею, — наконец промолвила она почти шепотом, словно стыдясь высказать свои возраставшие опасения, — я жалею, что мы не пошли дальше по дороге, как хотели, или не дождались в Монкбарнсе коляски.

Сэр Артур огляделся, но не увидел признаков близкого шторма или не пожелал в том признаться. Они дойдут до Нокуиннока, сказал он, задолго до того, как разразится буря. Однако он пошел так быстро, что Изабелла едва поспевала за ним,

и это показывало, что он считает необходимым приложить некоторые усилия, чтобы оправдать успокоительное предсказание.

Теперь они были у середины глубоко врезавшейся в сушу, но узкой бухты, образованной двумя высокими и неприступными скалистыми мысами, которые выдавались в море подобно рогам полумесяца. Отец и дочь молчали, не решаясь высказать зародившееся у обоих опасение, что при таком необычайно быстром наступлении прилива им не удастся ни обогнуть мыс, лежавший перед ними, ни возвратиться по дороге, приведшей их сюда.

В то время как они спешили

вперед и, несомненно, предпочли бы плавной дуге, по которой заставлял их идти изгиб бухты, более прямой и короткий, хотя бы и менее живописный путь, сэр Артур заметил на берегу человеческую фигуру, двигавшуюся им навстречу.

— Слава богу! Мы успеем обогнуть Хелкит-хед. — Этот человек должен был там пройти, — воскликнул баронет, давая таким образом выход чувству надежды, хотя ему и удалось раньше подавить в себе чувство страха.

— Да, слава богу! — чуть слышно с искренней благодарностью повторила за ним дочь.

Двигавшаяся им навстречу

фигура все время подавала какие-то знаки, но отец и дочь не могли хорошо разглядеть и понять их из-за окружавшей мглы и мелкого, подгоняемого ветром дождя. Еще до того, как они сошлись, сэр Артур узнал старого нищего Эди Охилтри в его обычном голубом плаще. Говорят, что даже существа животного мира перед лицом внезапной общей опасности временно забывают свою неприязнь и вражду. Берег под Хелкит-хедом, быстро сужавшийся под натиском большого прилива, который еще усиливался северо-западным ветром, был как бы нейтральной территорией, где даже мировой судья и бродяга-нищий

могли встретиться на условиях обоюдной сдержанности.

— Поворачивайте назад! Назад! — закричал бродяга. — Почему вы не повернули, когда я махал вам?

— Мы думали, — в большом волнении ответил сэр Артур, — что успеем обогнуть Хелкит-хед.

— Хелкит-хед! Прилив сейчас хлынет на Хелкит-хед, как Файерский водопад! Я сам едва прошел там двадцать минут назад. Вода была в трех футах от меня. Может, мы еще доберемся назад мимо мыса Бэллибург. Помогите нам, господа, это наше единственное спасение! Надо попытаться.

— О боже, дитя мое!

— Отец, дорогой отец! —

одновременно воскликнули отец и дочь.

Страх придавал им силы, и они быстро пошли обратно, стремясь обогнуть мыс, выступавший в море на южном конце бухты.

— Я узнал про вас от мальчишки, которого вы посылали встретить коляску, — сказал нищий, бодро шагая немного позади мисс Уордор, — и мне не вмоготу было думать, что милая молодая леди в такой опасности. Она так добра ко всем беднякам. Поглядел я, как поднимается прилив, — ну, думаю, успею, пожалуй, их остеречь, и мы

еще благополучно выберемся. Только навряд ли, навряд ли! Я ошибся. Видано ли, чтоб прилив так бешено мчался на берег? Поглядите туда вон, в сторону Рэттонского камня. Его всегда было видно, а теперь вода и его покрыла.

Сэр Артур взглянул туда, куда указывал старик. Огромная скала, похожая на киль крупного судна, теперь вся была под водой, и место, где она стояла, можно было угадать только по кипению и брызгам водоворотов там, где волны наталкивались на ее невидимое сопротивление.

— Торопись, торопись,
красавица! — продолжал старик. —

Торопись, может, еще успеем? Держись за мою руку. Теперь это старая и слабая рука, но она не плошала ни в каких переделках. Держись за мою руку, милая барышня! Видишь вон там черное пятнышко среди ревущих волн? Еще утром этот утес был с мачту брига, а теперь вон какой махонький. Но пока от него видать хоть вот столько, хоть с донышко моей шляпы, я буду считать, что мы обогнем Бэллибург, хоть оно и трудновато.

Изабелла молча приняла от старика помощь, которую сэр Артур был менее способен ей оказать. Волны уже так далеко вторглись на пляж, что теперь путникам пришлось

пробираться не по плотному и ровному песку, а по каменистой тропинке, которая шла у самого подножия скал, а кое-где даже поднималась на их нижние уступы. Ни сэру Артуру, ни его дочери ни в коем случае не удалось бы найти здесь дорогу среди этих уступов, если бы им не указывал ее и если бы их не подбадривал старый нищий, которому случалось и раньше бывать здесь при высокой воде, но только, по его признанию, «не в такой ужасный вечер».

А вечер был и в самом деле ужасный. Вой бури вместе с криками морских птиц звучал как панихида по трем обреченным созданиям,

которым с двух сторон угрожали наиболее величественные и в то же время наиболее страшные проявления сил природы — бушующий прибой и непреодолимые скалы — и которые с трудом продвигались по трудному и опасному пути, где их часто захлестывали брызги огромных волн, все дальше и дальше бросавшихся на берег. С каждой минутой их враг заметно обгонял их! Все же, не желая отказаться от последней надежды на спасение, они устремляли взоры на черную скалу, указанную им Охилтри. Она все еще явственно выделялась среди бурунов и была видна, пока они на своем

ненадежном пути не дошли до поворота, где выступ прибрежных утесов скрыл ее от глаз. Не видя больше этого маяка, на который они полагались, путники теперь испытывали двойные муки ужаса и неизвестности. Тем не менее они шаг за шагом продвигались вперед, но когда достигли места, откуда должны были бы увидеть скалу, она уже исчезла. Символ их безопасности потерялся среди тысячи белых бурунов, которые, кидаясь на стрелку мыса, казались на его темном фоне гигантскими стенами белоснежной пены, по высоте не уступавшими мачтам первоклассного военного корабля.

Старик изменился в лице.
Изабелла слегка вскрикнула.

— Смилуйся над нами,
господи! — торжественно произнес
их проводник, и сэр Артур жалобно
повторил за ним его слова.

— Дитя мое, дитя мое!
Погибнуть такой смертью!

— Отец, дорогой мой отец! —
воскликнула дочь, прижимаясь к
нему. — И ты, Эди, тоже теряешь
свою жизнь из-за того, что хотел
спасти наши.

— Моя жизнь не в счет, —
сказал старик. — Я так стар, что уже
устал жить. А здесь или в канаве, в
снежном сугробе или в утробе волны,
не все ли равно, как умрет старый

нищий?

— Добрый человек, — сказал сэр Артур, — не можешь ли ты что-нибудь придумать? Как-нибудь помочь? Я тебя озолочу... Я подарю тебе ферму... Я...

— Наши богатства скоро сравняются, — сказал нищий, глядя на бушующие волны. — Да они и так уже равны: у меня земли нет, а вы бы отдали свою, да и титул впридачу, за один квадратный ярд скалы, лишь бы в ближайшие двенадцать часов там было сухо.

В это время путники остановились на самом высоком уступе скалы, до какого только могли добраться, ибо казалось, что всякая

дальнейшая попытка продвинуться вперед могла только ускорить их гибель. Здесь им и предстояло теперь ждать верного, хотя и медленного наступления разъяренной стихии. Их положение несколько напоминало положение мучеников ранней поры христианства, отданных языческими тиранами на растерзание диким зверям и вынужденных некоторое время созерцать нетерпение и ярость животных, ждущих, когда по сигналу откроют решетку и они ринутся на свои жертвы.

Но даже эта грозная передышка дала время Изабелле призвать на помощь весь свой ум, от природы сильный и смелый и теперь

воспрянувший в этот страшный миг.

— Неужели мы должны отдать жизнь без борьбы? — сказала она. — Нет ли тропинки, хотя бы самой опасной, по которой мы могли бы взобраться на скалы или по крайней мере подняться на такую высоту над приливом, где мы могли бы остаться до утра или пока не подоспеет помощь? О нашем положении, наверно, известно, и вся округа поднимется, чтобы нас спасти.

Сэр Артур, который расслышал, но едва ли понял вопрос дочери, все же инстинктивно и нетерпеливо повернулся к старику, словно их жизнь была в его руках. Охилтри помолчал.

— Когда-то я смело лазал по утесам, — сказал он, — и разорил немало гнезд чаек и кайр на здешних черных скалах. Но это было давным-давно, и ни одному человеку не взобраться наверх без веревки. Но даже будь у меня веревка, мои глаза, твердость шага и хватка уже не те, что прежде. А потом, как мне спасти вас? Правда, тут когда-то была тропа, но такая, что, увидев ее, вы, пожалуй, лучше бы остались на месте... Вот молодчина! — вдруг воскликнул он. — Кто-то спускается сюда с обрыва! — И тут в его уме воскрес весь его прошлый опыт, и он сразу вспомнил разные особенности этого места. Изо всех сил напрягая голос,

он начал криками давать указания смельчаку: — Хорошо! Хорошо! По седловине! По седловине! Закрепите веревку вокруг Коровьего Рога, это вон тот большой черный камень. Накиньте два оборота, вот так. Теперь подайтесь чуть к востоку, еще немного к тому камню — мы звали его Кошачье Ухо. Там еще был корень дуба. Так, так! А теперь полегче, друг! Полегче! Смотрите в оба и не спешите! Ради бога, не спешите! Очень хорошо. А теперь вам надо попасть на Передник Бесси — это широкий и плоский синий камень. Тогда я, пожалуй, с вашей помощью проберусь к вам, и мы потом вытянем туда молодую леди и сэра

Артура.

Следуя указаниям старого Эди, смельчак сбросил ему конец веревки, который старик обвязал вокруг мисс Уордор, предварительно закутав ее в свой голубой плащ, чтобы по возможности предохранить от ушибов. Потом, пользуясь сам той же веревкой, закрепленной другим концом, он начал карабкаться по поверхности скалы — сложнейшее и головокружительное предприятие, в результате которого, однако, раза два чуть не сорвавшись, он очутился в безопасности на широком плоском камне рядом с Ловелом. Соединенными усилиями им удалось поднять к себе и Изабеллу. Потом

Ловел спустился, чтобы помочь сэру Артуру, и обвязал теперь веревкой его. Снова взобравшись в их убежище, он при содействии старого Охилтри и при той помощи, какую мог оказать сам сэр Артур, поднял и его на высоту, недостижимую для волн.

Чувство избавления от приближавшейся и, казалось, неотвратимой смерти повлекло за собой обычные последствия. Отец и дочь бросились друг другу в объятия, целовались и плакали от радости, хотя их спасение было связано с необходимостью провести бурную ночь на обрывистом уступе скалы, где едва хватало места для четырех

дрожащих людей, которые, подобно множеству морских птиц, ютились здесь, прячась от хищной стихии, бесновавшейся внизу. Брызги волн, неуклонно набегавших на подножие скал и затоплявших берег, где наши друзья еще так недавно стояли, взлетали до самого временного пристанища. Валы кидались внизу на скалы с таким оглушительным ревом, словно громовым голосом требовали возврата беглецов, своей законной добычи. И хотя стояла летняя ночь, было маловероятно, чтобы мисс Уордор, существо столь хрупкое, насквозь промокнув от брызг, дожила до утра. Потоки ливня, разразившегося теперь с полной

силой и сопровождавшегося долгими и сильными порывами ветра, еще усугубляли трудность и опасность положения.

— Барышня, бедная милая барышня! — сказал старик. — Много таких ночей пережил я и дома у себя и в чужих краях, но, господи, помоги, ей-то как выдержать?

Его опасения незаметно передались Ловелу, ибо с тем поистине масонским чутьем, с которым смелые и отзывчивые души общаются в минуты опасности и почти инстинктивно узнают друг друга, эти двое людей прониклись взаимным доверием.

— Я опять влезу на скалу, —

сказал Ловел. — Еще достаточно светло, чтобы видеть, куда ступаешь. Я взберусь наверх и позову на помощь.

— Прошу вас! Ради бога! — взмолился сэр Артур.

— Вы что, спятили? — возразил нищий. — Френси О'Фаулсхью, а с ним никто не мог сравниться в лазаний по скалам (в конце концов бедняга сломал себе шею на Данбай оф Слейнс), никогда не отважился бы лезть на Хелкит-хед после захода солнца. Только по божьей милости, и притом чудом, вы сейчас не в морской пучине. Ни за что бы не поверил, чтобы кто-нибудь мог спуститься с этих скал. Не знаю,

удалось ли бы это мне самому в такой час и в такую погоду, когда я был молод, в расцвете сил. Но пытаться еще раз — значило бы просто искушать провидение.

— Я не боюсь, — ответил Ловел. — Спускаясь, я точно запомнил дорогу. Сейчас еще достаточно светло. Я уверен, что благополучно взберусь наверх. Оставайтесь здесь, мой добрый друг, с сэром Артуром и молодой леди.

— Черта с два я останусь! — воскликнул нищий. — Если вы пойдете, пойду и я. Нам хватит дела на двоих, чтобы вскарабкаться наверх!

— Нет, нет! Оставайтесь здесь и

присмотрите за мисс Уордор. Вы видите, сэр Артур совсем изнемог.

— Тогда оставайтесь вы, а пойду я, — сказал старик. — Пусть смерть пощадит зеленый колос и возьмет спелый!

— Оставайтесь оба, умоляю вас! — слабым голосом произнесла Изабелла. — Я чувствую себя хорошо и отлично продержусь здесь ночь. Я уже отдохнула.

После этих слов голос изменил ей, она зашаталась и упала бы со скалы, если бы Ловел и Охилтри не поддержали ее и не устроили полулежа рядом с отцом, измученным крайним напряжением телесных и душевных сил и уже

сидевшим на камне в состоянии какого-то оцепенения.

— Их нельзя оставить одних, — сказал Ловел. — Что же делать? ..
Слушайте! Слушайте! Мне кажется, нас зовут!

— Это кричит гагара, — ответил Охилтри. — Я хорошо знаю ее крик.

— Нет, клянусь небом, — возразил Ловел, — это был человеческий голос.

Отдаленный призывный крик повторился, и его вполне можно было различить среди рева стихий и гомона летавших вокруг чаек. Нищий и Ловел, напрягая голос, громко закричали в ответ, и первый из них стал махать своим посохом, привязав

к нему платок мисс Уордор, чтобы их могли заметить со скалы. И хотя крики сверху повторились, прошло некоторое время, прежде чем они начали соответствовать крикам снизу, и бедные страдальцы из-за сгущавшихся сумерек и усиливавшегося шторма не знали, стало ли их убежище известно людям, собравшимся над обрывом, чтобы им помочь.

Наконец на их призывы стали доноситься равномерные и четкие ответы, и они приободрились от сознания, что находятся в пределах слышимости — если не досягаемости — друзей, готовых прийти им на помощь.

ГЛАВА VIII

*Утес я знаю. Голову
склонив,*

*Он с ужасом глядит в
морскую бездну.*

*О, приведи меня на
самый край,*

*И я тебя избавлю от
несчастий!*

«Король Лир»

Крики людей наверху вскоре усилились, и мелькание факелов прибавилось к тем проблескам вечернего света, которые еще можно было увидеть среди мрака бури.

Собравшиеся на вершине скалы пытались установить связь со страдальцами, все еще цеплявшимися за свою ненадежную и тесную площадку; однако рев шторма ограничивал это общение криками, такими же нечленораздельными, как крики пернатых обитателей утеса, которые галдели, встревоженные звуками человеческих голосов в таком необычном месте.

Группа взволнованных людей столпилась над пропастью. Олдбок был впереди всех, и вид у него был очень озабоченный. Он с такой отчаянной решимостью рвался к самому краю обрыва и все пытался

заглянуть в головокружительную бездну, обвязав платком парик и шляпу, что его более робких помощников бросало в дрожь.

— Осторожнее, осторожнее, Монкбарнс! — кричал Кексон, вцепившись в фалды сюртука своего хозяина, чтобы в меру своих сил уберечь его от опасности. — Ради бога, осторожнее! Парик сэра Артура уже утонул, и если еще вы свалитесь с утеса, во всем приходе останется только один парик — пасторский.

— Сюда! На вершину! — кричал Маклбеккит, старый рыбак и контрабандист. — На вершину! .. Стини, Стини Уилкс, тащи снасти! .. Будьте покойны, мы их живо втянем

на борт, Монкбарнс, только не стойте на дороге!

— Я их вижу, — волновался Олдбок, — я их вижу далеко внизу, на том плоском камне... Э-гей! Э-ге-гей!

— Я и сам хорошо их вижу, — возразил Маклбеккит. — Вон они сидят, как вороны в тумане. Но вы думаете, им поможет, если вы будете кричать отсюда, как баклан перед шквалом? Стини, тащи, парень, мачту! Ну вот! Мы поднимем их, как в старину поднимали бочонки с джином и бренди. Принеси топор и выруби гнездо для мачты. Привяжи покрепче кресло. Теперь затяни и закрепи!

Рыбаки принесли с собой мачту от лодки, а так как на помощь сбежалась — кто из усердия, а кто из любопытства — половина местных парней, эта мачта вскоре была врыта в грунт и надежно закреплена в вертикальном положении. Поперечная доска и протянутая вдоль нее веревка, по концам пропущенная через блоки, составили самодельный подъемный кран, который дал возможность спустить крепко привязанное кресло на плоский уступ, где ютились пострадавшие. Радость, какую они испытывали, слыша наверху стук и шум подготовки к их спасению, значительно усилилась, когда они

увидели своеобразное сооружение, при помощи которого их собирались переправить наверх. Кресло раскачивалось приблизительно в одном ярде от занимаемого ими места, повинуюсь каждому порыву бури, и судьба людей, окруженных воздушной стихией, зависела от прочности веревки, которая в сгущавшейся темноте казалась лишь тонкой нитью. Помимо того, что само путешествие по воздуху при помощи такого хрупкого средства сообщения было рискованным, еще большая опасность возникала оттого, что ветер или колебания веревки могли ударить кресло и сидящего в нем о твердую и неровную

поверхность скалы. Но для того чтобы по возможности уменьшить эту опасность, опытные моряки опустили с креслом вторую веревку. Привязанная к креслу и удерживаемая кем-либо из находящихся внизу, она могла бы, как выразился Маклбеккит, служить «рулем» и делать подъем более спокойным и ровным. Все же, чтобы отважиться на такой подъем сквозь рев бури, ветер и дождь, когда над головой нависает утес, а внизу бушует бездна, нужна была такая смелость, какую порождает только отчаяние. Но как бы ни были велики опасности, так зримо и слышимо угрожавшие сверху, снизу и со всех

сторон, и как бы ни был сомнителен представлявшийся способ спасения, Ловел и старый нищий после краткого совещания и после того, как первый из них с большим для себя риском поймал и притянул веревку, решили, что лучше всего будет устроить в кресле мисс Уордор в надежде на то, что находящиеся наверху люди осторожно и заботливо поднимут ее целой и невредимой на вершину утеса.

— Пусть отец поднимется первым! — воскликнула Изабелла. — Ради бога, друзья мои, позаботьтесь прежде всего о нем!

— Невозможно, мисс Уордор, — возразил Ловел. — Вас необходимо

спасти первой. Кроме того, веревка, выдерживающая ваш вес, может...

— Я не стану и слушать этих эгоистических доводов!

— Но вы должны послушать, милая барышня, — сказал Охилтри. — Дело идет о жизни каждого из нас. И опять же: выбравшись наверх, вы там расскажете, как нам тут живется в ссылке. Сэру Артуру, мне кажется, этого никак не сделать.

Пораженная справедливостью этого довода, Изабелла воскликнула:

— Верно! Совершенно верно! Я готова рискнуть. Что же мне сказать нашим друзьям наверху?

— Пусть только следят, чтобы

веревка не терлась о скалу. И пусть опускают и поднимают кресло потихоньку и ровно. Мы крикнем, когда будем готовы.

Проявляя поистине материнскую заботливость и внимание, Ловел при помощи своего платка и шарфа, а также кожаного пояса нищего привязал мисс Уордор к спинке и подлокотникам кресла, тщательно проверяя надежность каждого узла, пока Охилтри успокаивал сэра Артура.

— Что вы делаете с моим ребенком? Что вы делаете? Не смейте разлучать ее со мной! Изабелла, ты слышишь? Оставайся со мной!

— Ради создателя, сэр Артур, попридержите язык и благодарите бога, что за это дело взялись люди поумнее! — крикнул нищий, которого извели неразумные вопли бедного баронета.

— До свидания, отец! — прошептала Изабелла. — До свидания, друзья!

И, закрыв глаза, как рекомендовал ей многоопытный Эди, она подала сигнал Ловелу, а он — тем, кто был наверху. Они начали поднимать, и веревка, которой управлял Ловел, не давала креслу раскачиваться. С бьющимся сердцем следил он за трепетанием белого платья, пока девушка не оказалась на

уровне вершины скалы.

— Теперь легче, ребята! Легче! — крикнул старый Маклбеккит, взявший на себя обязанности начальника. — Малость подайте вбок поперечину! Так, ладно! Вот мисс наконец и на суше!

Громкий крик возвестил ее товарищам по несчастью об удачном завершении подъема, и они ответили громкими и восторженными криками. Монкбарнс, в порыве искренней радости, сорвал с себя плащ, чтобы укутать в него озябшую девушку, и готов был для той же цели снять сюртук и жилет, но его удержал благоразумный Кексон:

— Помилуйте, ваша милость,

так вас до смерти замучит кашель, и вы две недели не вылезете из халата, а это ни вам, ни мне ни к чему. Нет, нет, внизу ждет коляска! Пусть двое снесут туда молодую леди!

— Ты прав, — сказал антикварий, оправляя рукава и воротник сюртука, — ты прав, Кексон. Такая ночь — не для купанья. Мисс Уордор, позвольте проводить вас к экипажу.

— Ни за что на свете, пока я не увижу отца в безопасности.

В кратких и ясных словах, показывавших, насколько ее решимость была сильнее пережитых потрясений, она объяснила, каково положение внизу, и передала

наставления Ловела и Охилтри.

— Верно! Это тоже верно! Я сам буду рад увидеть отпрыска сэра Гамелина де Гардовера на сухой земле. Мне сдается, что теперь он готов будет подписать клятву отречения с трактатом Рэгмена впридачу и признает, что королева Мария не лучше, чем ее слава, лишь бы добраться до моего портвейна, от которого он убежал, когда бутылка была еще почти полна. Но он уже спасен... Да вот и он сам! — добавил антикварий, так как кресло уже раньше было спущено и сэр Артур привязан к нему, почти без сознательного участия с его стороны. — Вот он сам! А ну, тяни,

ребята! Только осторожно: родословная в сто колен висит на веревке стоимостью в десять пенсов. Все баронетство Нокуиннок зависит от трех прядей пеньки — *respice finem, respice funem* — внимание до конца (до конца веревки!). Добро пожаловать, дорогой старый друг, на твердую землю, хотя я не могу сказать «на теплую землю» или «сухую землю». А веревка всегда лучше пятидесяти сажен воды, хотя и не в духе мерзкой пословицы (провались она совсем): лучше *sus per funem*, чем *sus per coll*! [note 59](#)

Пока Олдбок ораторствовал таким образом, сэр Артур уже был в объятиях дочери, которая, присвоив

себе власть, оправдываемую обстоятельствами, велела нескольким помощникам отвести отца к экипажу, обещая последовать за ним через несколько минут. Она медлила на утесе, опираясь на руку какого-то пожилого рыбака и, вероятно, желая лично убедиться в спасении тех, с кем разделяла опасность.

— Что же мы выловили на этот раз? — спросил Олдбок, когда кресло поднялось снова. — Что это за чучело, заплатанное и побитое непогодой?

— Когда же факелы осветили обветренное лицо и седины Эди Охилтри, Олдбок воскликнул: —

Как, это ты? Поди сюда, старый насмешник! Я волей-неволей должен считать тебя другом. Но какой черт еще ввязался в вашу компанию?

— С нами был человек, стоящий нас обоих, Монкбарнс: молодой приезжий, которого зовут Ловел. Вел он себя в эту дьявольскую ночь так, словно у него три жизни, а не одна, и готов был потерять все три, лишь бы избавить от опасности других. — Теперь поосторожней, друзья, с благословения старика! Помните, внизу больше никого нет, чтобы натягивать веревку! Осторожней у того угла, где Кошачье Ухо, и держитесь подальше от Коровьего Рога!

— Да, поосторожнее! — поддержал его Олдбок. — Что такое! Это моя *garage avis* [note 60](#), мой черный лебедь, мой спутник-феникс по почтовой карете! Осторожней с ним, Маклбеккит!

— Побережем его, словно он кувшин, полный бренди. И будь у него волосы, как у Джона Харлоу, я и тогда не мог бы сделать больше. Ну-ка, детки, навались!

И в самом деле, Ловел подвергался гораздо большей опасности, чем его предшественники. Его вес был недостаточен, чтобы обеспечить спокойный подъем в такую бурю, и он качался, как неосторожно задетый

маятник, ежеминутно рискуя разбиться насмерть о скалы. Но он был молод, смел, подвижен и, пользуясь крепким остроконечным посохом нищего, который он оставил себе по совету владельца, успешно отталкивался от поверхности отвесной скалы и особенно от грозных выступов на ней. Швыряемый в пустоте, как ничтожное перышко, раскачиваясь так, что его одновременно охватывали и страх и головокружение, он все же владел своими телесными силами и сохранял присутствие духа. И только когда он благополучно очутился на вершине, ему на миг стало немного

дурно. Оправившись от этого короткого полузабытья, он сейчас же стал с живостью осматриваться вокруг себя. Но предмет, который его глаза увидели бы охотнее всего, в это время как раз исчезал из виду. Девушка двинулась по тропинке, по которой пошел сэр Артур, и ее белое платье лишь смутно виднелось вдали. Мисс Уордор задержалась только до тех пор, пока не убедилась, что спасен последний из их компании, и пока хриплый голос Маклбеккита не заверил ее, что «молодчик унес целыми кости и сейчас у него просто вроде как обморок». Но Ловел не знал, что она проявила хотя бы такую степень участия к его судьбе. И хотя

она лишь выполнила свой долг перед посторонним человеком, помогшим ей в час грозной опасности, он, чтобы стать достойным ее внимания, пошел бы и не на такой риск, как в этот вечер. Нищему она уже предложила прийти еще сегодня в Нокуиннок. В ответ на его возражение она сказала: «В таком случае я хочу тебя видеть завтра».

Старик обещал. Олдбок сунул ему что-то в руку. Охилтри при свете факелов взглянул на подарок и возвратил его.

— Нет, нет! Я никогда не беру золото. А кроме того, Монкбарнс, завтра вам, может, станет жаль, что вы были так щедры! — И,

повернувшись к кучке рыбаков и крестьян, он продолжал: — Ну, друзья, кто накормит меня и даст мне охапку сена?

— Я! И я! И я! — ответило сразу несколько голосов.

— Ну хорошо, раз так и раз я могу проспать одну ночь лишь в одном сарае, я пойду с Сондерсом Маклбеккитом. У него всегда найдется вкусная похлебка и теплый угол. И, пожалуй, дети мои, я еще проживу на свете и напомним всем вам, что вы предлагали мне ночлег и милостыню.

Сказав это, он ушел с рыбаками.

Олдбок с решительным видом положил руку на плечо Ловелу.

— Черта с два я отпущу вас нынче в Фейрпорт, молодой человек! Вы должны пойти со мной в Монкбарнс. А вы показали себя героем, настоящий сэр Уильям Уоллес! Пойдем, мой дорогой, возьмите меня под руку. Я не такая уж надежная опора при подобном ветре, но нам обоим поможет Кексон. Сюда, старый болван, подойди с другой стороны! Какой дьявол занес вас на этот проклятый Передник Бесси? Эта Бесси — черт бы ее взял — развернула свой дрянной бабий флаг или знамя, как и другие представительницы ее пола, чтобы заманивать поклонников и потом губить их.

— Мне, видите ли, много приходилось лазать по горам, и я не раз наблюдал, как птицеловы спускаются со скал.

— Но каким чудом узнали вы об опасном положении обидчивого баронета и его гораздо более достойной дочери?

— Я увидел их с обрыва.

— С обрыва, гм! А что это вам взбрело на ум *dumosa pendera procul de rupe*? [note 61](#) — хотя *dumosa* — неподходящий эпитет... — Какой черт занес вас, милый мой, на край утеса?

— Просто я люблю смотреть, как надвигается и грохочет гроза, или — на вашем классическом языке,

мистер Олдбок, — *suave mari magno*
[note 62](#) и так далее... Но мы уже дошли
до поворота на Фейрпорт. Должен
пожелать вам доброй ночи.

— Ни шага, ни полшага, ни
дюйма, ни — я сказал бы —
шезмонта [note 63](#). Значение этого слова
ставило в тупик многих, считающих
себя антиквариями. Я убежден, что
вам следовало бы вместо *shathmont's-*
length [note 64](#) читать *salmon-length* [note](#)
[65](#). Вам, вероятно, известно, что
законом установлено для
прохождения лосося сквозь дамбы,
плотины и запруды такое
пространство, чтобы в нем могла
повернуться взрослая свинья. Вот я и
полагаю, что если для подводных

измерений прибегали к наземным предметам, то и обратно — обитателей вод можно брать за меру протяжения суши. Шезмонт — сэлмон, вы слышите, как похоже это звучит? Выбросьте два h и второе t, а первое t замените на l — и пропадет вся разница. Дай бог, чтобы антиквариям в их других выводах не приходилось делать больших натяжек!

— Но право, дорогой сэр, мне надо домой! Я насквозь промок.

— Вы получите мой ночной халат и туфли. При этом вы схватите антикварскую лихорадку, как люди заболевают чумой, поносив зараженное платье. Нет, я знаю, в

чем дело: вы боитесь ввести старого холостяка в расходы! Но разве ничего не осталось от замечательного пирога с курятиной, который, *meo arbitrio* [note 66](#), холодный вкуснее горячего, и от той бутылки моего самого старого портвейна, которого слабоумный баронет (я не могу простить его, так как он не сломал себе шеи) выпил всего одну рюмку, когда его глупая голова начала выдумывать бредни про Гамелина де Гардоваера?

Не переставая говорить, он тащил Ловела вперед, пока они не достигли Монкбарнса и Ворота Паломника не остались за ними. Может быть, никогда еще они не

впускали двух пешеходов, более нуждавшихся в отдыхе. Ибо усталость Монкбарнса была в известной степени связана с нарушением его привычек, а его более молодой и более крепкий товарищ пережил в этот вечер душевное волнение, которое измучило и утомило его даже больше, чем огромная затрата телесных сил.

ГЛАВА IX

*Вы смелы? Духа
увидать не прочь?*

*Так будьте нашим
гостем в эту ночь.*

*Коль вас не испугает
ни шуршанье*

*Оконной шторы, ни
цепей бряцанье,*

*Коль призраку
дерзнете вы сказать,*

*Когда начнет он
обходить кровать:*

*«Зачем ты бродишь,
бормоча заклятья?» -*

Что ж... комнату для

вас велю прибрать я.

*«Истинная
история»*

Антикварий и Ловел вошли в комнату, где обедали днем и где их теперь шумно приветствовала мисс Олдбок.

— Где же младшая представительница твоего пола? — спросил антикварий.

— Представь, братец, когда поднялась вся эта сумятица, Мария не пожелала меня слушать и отправилась на Хелкит-хед. Меня удивляет, что ты не видел ее на утесе.

— А? .. Как? .. Что ты говоришь,

сестра? Девочка в такую ночь побежала на Хелкит-хед? Боже праведный! Значит, несчастья этой ночи еще не кончились!

— Да погоди, Монкбарнс! Нельзя же быть таким необузданным и упрямым!

— Чепуха, женщина! — нетерпеливо закричал взволнованный антикварий. — Где моя дорогая Мэри?

— Там, где и тебе следует быть: наверху, в теплой постели.

— Я мог бы поручиться, — промолвил Олдбок, рассмеявшись с явным облегчением, — я мог бы поручиться, что ленивой обезьянке было бы и горя мало, если бы мы все

утонули. Почему же ты сказала, что она ушла?

— Но ведь ты не захотел дослушать меня, Монкбарнс! Она уходила и вернулась с садовником, как только убедилась, что никто из вас не свалился со скалы и что мисс Уордор благополучно усажена в коляску. Мэри пришла домой четверть часа назад, ведь сейчас уже почти десять. Бедняжка вся промокла, и я влила ей в кашу рюмку хереса.

— Правильно, Гризл, правильно! Пусть женщины возятся друг с другом. Но послушай, моя почтенная сестра. Не пугайся слова «почтенная». Оно подразумевает

много похвальных качеств, кроме возраста. Впрочем, и это качество почтенное, хотя женщинам меньше всего нравится, если их почитают за него. Но оправдай мои слова: угости нас с Ловелом остатками куриного пирога и портвейна.

— Куриный пирог... портвейн... да что ты, братец! Ведь остались одни косточки и капля вина.

Лицо антиквария омрачилось. Он был слишком благовоспитан, чтобы в присутствии постороннего показать, как он удивлен и рассержен исчезновением кушанья и напитка, на которые он с полной уверенностью рассчитывал. Но сестра отлично поняла его гневные

ВЗГЛЯДЫ.

— Боже мой, стоит ли так горевать из-за пустяков?

— Я не горюю, как ты выражаешься, женщина!

— Но зачем так хмурить брови и печалиться из-за кучки костей? Если хочешь знать, приходил пастор. Этот достойный человек был крайне огорчен, узнав, в каком ты опасном положении. Он так и сказал. Ты ведь знаешь, какой у него дар слова! И он решил не уходить, пока не получит успокоительных сведений о всех вас. Он прекрасно говорил о том, как мы должны покоряться воле провидения... Достойный человек. Как он говорил!

Олдбок ответил ей в том же тоне:

— Этот достойный человек ждет не дождется, когда мое поместье отойдет к наследникам по женской линии. Все ясно! А пока он выполнял свой христианский долг, утешая тебя в этом грозящем бедствии, очевидно, и исчезли пирог с курятиной и мой добрый портвейн?

— Дорогой брат, как ты можешь говорить так, едва спасшись от гибели на утесах!

— Да, я спасся удачнее, чем мой ужин от пасторских зубов! Надеюсь, больше спорить не о чем?

— Оставь это, Монкбарнс! Ты говоришь, словно в доме нет другой

еды. Разве ты не хотел бы, чтобы я предложила легкую закуску честному человеку, проделавшему пешком всю дорогу от пасторского дома?

Олдбок стал не то насвистывать, не то напевать конец старинной шотландской песенки:

Сперва белый пудинг
сожрали,
Вот с черным покончили,
ох!
И думал хозяин уныло:
«Хоть черт их пристукнул
бы, ох! »

Сестра поспешила прервать его, предложив подать какие-то остатки от обеда. Олдбок заговорил было о другой бутылке вина, но потом стал расхваливать свой бренди, который действительно оказался великолепным. Но так как никакие настояния не могли побудить Ловела надеть бархатный ночной колпак и расшитый цветами халат хозяина, Олдбок, претендовавший на кое-какие познания в медицине, стал требовать, чтобы гость как можно скорее лег в постель, и предложил рано утром отправить в Фейрпорт посланца (все того же неутомимого Кексона), чтобы добыть гостю смену одежды.

Таким образом мисс Олдбок впервые узнала, что молодой приезжий будет на ночь их гостем. И ее изумление по поводу столь необычайного события было так велико, что, если бы не изрядный вес ее головного убора, уже нами описанного, седые локоны мисс Олдбок стали бы торчком и сдвинули его с места.

— Господи нас помилуй! — воскликнула пораженная дева.

— Что еще, Гризл?

— Мне нужно поговорить с тобой, Монкбарнс!

— Поговорить? О чем же это? Я хочу лечь, и для бедного молодого человека тоже пусть немедленно

приготовят постель.

— Постель? Помилуй нас боже! — снова воскликнула Гризл.

— Ну, в чем опять дело? Разве в доме мало постелей и комнат? Разве в старину здесь не был *hospitium*, где, я ручаюсь, еженощно стлали постели для двух десятков странников?

— Ах, боже мой, Монкбарнс! Кто знает, что делали в старину! Но в наше время... постели... Конечно, у нас найдутся постели и комнаты тоже. Но ты же сам знаешь, что в этих постелях давным-давно никто не спал и эти комнаты никогда не проветривались. Если б я знала, мы с Марией могли бы уйти в пасторский дом — мисс Бекки всегда нам рада (и

сам пастор, братец, тоже). А теперь... боже ты мой!

— А разве Зеленая комната не годится, Гризл?

— Зеленая? Да, конечно, Зеленая более или менее в порядке, но только в ней никто не спал после доктора Хевистерна, а он...

— Ну что?

— Ну что! Ты же отлично знаешь, какую он провел там ночь! Неужели ты хочешь, чтобы молодой человек испытал то же самое?

Услышав эти пререкания, Ловел вмешался и заявил, что лучше пойдет домой, чем причинит здесь малейшее неудобство, что прогулка будет ему только полезна, что дорогу

в Фейрпорт он узнает днем и ночью, что буря уже стихает, и тому подобное. Он говорил все, что подсказывала ему вежливость, лишь бы ускользнуть от гостеприимства, которое оказалось для хозяина более затруднительным, чем можно было предвидеть. Однако ветер продолжал завывать, а дождь — барабанить по стеклам, и Олдбок, знавший, как утомителен был этот вечер для Ловела, к которому он питал искреннее уважение, не мог позволить ему уйти. Кроме того, была задета его честь, ибо гость мог подумать, что им верховодят женщины.

— Садитесь, садитесь!

Садитесь, друг! — возразил он. — Если вы уйдете, я больше никогда не вытащу пробки из бутылки! А вот как раз нам открывают бутылку великолепного крепкого эля. Он сварен anno Domini... [note 67](#). Это вам не какой-нибудь отвар кассии! Мой эль сварен из монкбарнесского ячменя — сам Джон Гернел не ставил на стол лучшего пива, чтобы угостить странствующего менестреля или паломника со свежими новостями из Палестины. А для того чтобы у вас пропало всякое желание уйти, знайте, что, если вы это сделаете, ваша репутация славного рыцаря погибнет навек! Да, молодой друг, поспать в Зеленой комнате

Монкбарнса — это приключение! .. Сестра, распорядись, чтобы ее приготовили... И хотя храбрый искатель приключений Хевистерн пережил в этой заколдованной комнате томительные часы, это еще не причина, почему бы такому доблестному рыцарю, как вы, который ростом вдвое больше, а весом вдвое меньше, не испытать свои силы и не развеять чары.

— Как? Это комната, где водятся духи, если я верно понял?

— Вот именно! Вот именно! Каждая сколько-нибудь старинная усадьба в наших местах имеет своих духов и свою заколдованную комнату, и вы не должны думать, что мы

отстаем от соседей. Правда, все это начинает выходить из моды. Я еще помню те дни, когда стоило вам усомниться, что в старой усадьбе есть дух, как вы подвергались опасности «самому превратиться в духа», как говорил Гамлет. Да, если бы вы оспаривали существование Красного Капюшона в Гленстиримском замке, старый сэръ Питер Пеппербрэнд вывел бы вас на свой двор, заставил бы вас взять в руки оружие и, если вы не владели шпагой искуснее его, проткнул бы вас, как лягушку, на своей собственной баронской навозной куче. Я сам однажды чуть не попал в такую переделку, но смирился и

попросил извинения у Красного Капюшона: я и в молодые годы не был сторонником *monomachia* [note 68](#) или дуэли и предпочитал прогулки в обществе духовных, а не сановных особ. Я вовсе не стремлюсь доказывать, насколько я храбр; благодарение богу, я теперь стал и могу иной раз посердиться без необходимости отстаивать свою правоту с холодным клинком в руках.

Тут вновь вошла мисс Олдбок с загадочным и многозначительным выражением лица.

— Постель для мистера Ловела готова, братец. Я достала чистые простыни, комната проветрена, в камине огонь. Нет, нет, мистер

Ловел, мне это не доставило никаких хлопот, и я надеюсь, что вы хорошо выспитесь, но...

— Ты решила, — перебил ее антикварий, — сделать все, что в твоих силах, чтобы этого не допускать?

— Я? Право, я ничего такого не сказала, Монкбарнс!

— Сударыня, — обратился к ней Ловел, — разрешите мне спросить, в чем причина вашего столь любезного беспокойства обо мне?

— Ах, Монкбарнс не любит, когда об этом говорят. Но он сам знает, что у этой комнаты худая слава. Все помнят, что там спал старый Реб Тулл, городской писец,

когда получил удивительное сообщение насчет земельной тяжбы между нами и арендаторами Массел-крейга. Она стоила кучу денег, мистер Ловел, ибо в те времена по судебным делам приходилось платить не меньше, чем теперь. И тогдашний хозяин Монкбарнса, наш предок, мистер Ловел, как я уже сказала, должен был проиграть тяжбу из-за того, что не мог представить какую-то бумагу. Монкбарнс хорошо знает, что это была за бумага, но я уверена — он не поможет мне в моем рассказе. Это был документ, очень важный для дела, и без него мы бы проиграли. Так вот, наш иск поступил на рассмотрение — как это

называется? — присутствия из пятнадцати заседателей. А старый Реб Тулл, городской писец, пришел к нам, чтобы в последний раз поискать недостающую бумагу, прежде чем наш предок поедет в Эдинбург хлопотать по своему делу. Так что времени было в обрез. Этот Реб, как я слыхала, был старый сморчок, весь в табачных крошках и не большого ума. Но все-таки он был городским писцом в Фейрпорте, и хозяева Монкбарнса пользовались его услугами. Вы понимаете — ведь у них были дела с магистратом...

— Сестрица Гризл, это невыносимо! — прервал ее Олдбок. — Клянусь небом, ты успела

бы вызвать духов всех аббатов
Троткозийских со времен
Валдимира, пока у тебя идет
вступление к рассказу об одном-
единственном призраке. Научись
быть краткой в своих речах.
Подражай сжатою стилю старого
Обри, опытного духовидца, который
делал записи о таких предметах
строгим деловым языком. Exempli
gratia [note 69](#): «В Сайренсестере пятого
марта тысяча шестьсот семидесятого
года было явление призрака. Будучи
спрошен, добрый он дух или злой,
ответа не дал, но мгновенно исчез,
оставив своеобразный запах и издав
мелодичный звук натянутой струны».
Vide [note 70](#) «Разное» у этого автора,

насколько я помню — страница восемнадцать, почти в середине.

— Бог с тобой, Монкбарнс! Неужели ты думаешь, что все так начитаны, как ты? Я знаю, ты любишь выставлять других дураками. Ты позволяешь себе подобное с сэром Артуром и даже с пастором.

— Природа опередила меня, Гризл, в обоих этих случаях и еще в одном, который я не хочу называть. Но выпей стакан эля, Гризл, и продолжай свою историю, ибо становится поздно.

— Дженни сейчас готовит грелки для твоей постели, Монкбарнс, и тебе все равно придется подождать, пока она не

справится. Значит, я рассказывала, как наш предок, тогдашний хозяин Монкбарнса, искал вместе с Ребом Туллом нужную бумагу. Но сколько они ни бились, ничего не находили. Много переворошили они кожаных портфелей с документами, а потом писец опрокинул стаканчик пунша, чтобы выполоскать из горла пыль. У нас в доме, мистер Ловел, никогда не водилось пьянства, но старичок так привык пропускать рюмочку, встречаясь и совещаясь с судьями и цеховыми старшинами, — а совещались они в заботах о благоденствии города почти каждый день, — что без пунша не мог уснуть. И вот выпил он свою порцию и

улегся в постель, а посреди ночи проснулся и тут узнал, что такое страх! Он с тех пор был сам не свой, и ровно через четыре года после той ночи его разбил паралич. Ему показалось, мистер Ловел, что раздвинулись занавески над его кроватью. Выглянул бедный человек, думая, что это кошка, и увидел... Господи нас помилуй, у меня мурашки бегают, хотя я рассказывала эту историю двадцать раз! .. Увидел он перед собой в лунном свете благообразного старого джентльмена. Одежда на нем диковинная, везде пуговицы и тесьма, а та часть одежды, о которой леди не подобает говорить, — широченная и вся в

складках, как у гамбургских шкиперов. Сам он такой бородатый, а усы длинные, как у кота, и торчат вверх. Много чего еще рассказывал Реб Тулл, только теперь это уже забыто — история старая. Так вот этот Реб Тулл, хоть и писец, а был человек добродетельный, поэтому он не так испугался, как можно бы ожидать, и спросил, во имя божие, что призраку нужно. А дух ответил ему на незнакомом языке. Тогда, рассказывает Реб, он попытался заговорить с ним на старом языке горцев, потому что в юности жил на холмах Гленливета, но это тоже не помогло. Он уж совсем не знал, как быть, да вдруг вспомнил несколько

латинских слов, которыми пользовался при составлении городских актов. И не успел он произнести их, как дух залопотал полатыни, да так, что бедный Реб Тулл — не очень-то большой ученый — совсем растерялся. Но он был смелый человек и вспомнил латинское название той бумаги, что они искали. Кажется, речь шла о какой-то карте, потому что дух стал повторять: carter, carter [note 71](#)...

— Carta, ты, извратительница языков! — воскликнул Олдбок. — Если мой предок не изучил на том свете других языков, он по крайней мере едва ли забыл латынь, которой славился при жизни.

— Хорошо, хорошо, пусть будет carta, хотя тот, кто рассказывал мне все это, говорил carter. Так вот, он все повторял carta, если ты уж так хочешь, а потом сделал Ребу знак идти за ним. Реб Тулл, как настоящий горец, не сробел, слез с кровати, набросил на себя кое-что из одежды и в самом деле поспешил за духом, который повел его по лестницам вверх и вниз, пока они не пришли в маленькую угловую башню — ту, что мы зовем голубятней. В ней был свален всякий ненужный хлам — ящики, сундуки. Тут дух дал Ребу пинка сперва одной ногой, потом другой и таким способом подтолкнул его к старому-престарому шкафу,

привезенному из восточных стран, что стоит теперь у брата в кабинете возле письменного стола. А сам исчез, как клуб табачного дыма, оставив Реба в очень неприятном положении.

— «*Tenuis secessit in auras*» [note 72](#), — процитировал Олдбок. — Вот видите, сэр! И *mansit odor* [note 73](#). Так или иначе, но акт был найден в ящике забытого вместилища, содержавшего много других любопытных старых бумаг, теперь снабженных ярлыками и расположенных в порядке. По-видимому, они принадлежали моему предку, первому владельцу Монкбарнса. Так странно

возвращенный документ представлял собой подлинную грамоту о переименовании аббатства Троткозийского и его земель, включая Монкбарнс и другие, в королевское поместье, пожалованное графу Гленджибберу, фавориту Иакова Шестого. Она подписана королем в Уэстминстере семнадцатого января тысяча шестьсот двенадцатого или тринадцатого года. Имена свидетелей припоминать не стоит.

— Я хотел бы, — с пробудившимся любопытством сказал Ловел, — я хотел бы услышать ваше мнение по поводу того, каким образом был обнаружен этот

документ.

— Ну что ж, если б я хотел подкрепить достоверность этой легенды, я мог бы сослаться на такой авторитет, как блаженный Августин, который рассказывает, как некое умершее лицо явилось своему сыну, когда с того хотели взыскать уже уплаченный долг, и указало, где найти расписку. Но я скорее разделяю взгляд лорда Бэкона, который говорит, что воображение весьма родственно вере, творящей чудеса. Издавна ходила басня о том, что эту комнату посещает дух Альдобранда Олденбока, моего прапрапрадеда. Позор для нашего языка, что он не может менее

неуклюже обозначать степень родства, о которой нам часто приходится думать или упоминать. Этот предок был иностранец и носил свой национальный костюм, точное описание которого сохранено преданием. Есть даже гравюра, по предположениям исполненная Реджиналдом Элстреком, где Альдобранд изображен собственноручно печатающим на прессе листы редкого теперь издания «Аугсбургского исповедания». Он был химик и в то же время хороший механик, а любой из этих специальностей в то время было достаточно, чтобы тебя заподозрили по меньшей мере в белой магии.

Суеверный старый писец все это слышал и, вероятно, считал полной истиной. Во сне образ моего предка напомнил ему о шкафе, который, как это принято, с признательным уважением к старине и к памяти прошлых поколений был отправлен на голубятню. Прибавьте сюда еще *quantum sufficit* [note 74](#) преувеличения, и вы получите ключ ко всей этой таинственной истории.

— Ах, брат, брат! А как же с доктором Хевистерном, чей сон был так ужасно нарушен? Разве не сказал доктор, что, если бы ему подарили весь Монкбарнс, он и тогда не согласился бы еще раз переночевать в Зеленой комнате? Ведь Мэри и мне

пришлось тогда уступить ему нашу...

— Оставь, Гризл! Доктор — добрейший и честнейший тупоголовый немец. У него свои достоинства, но он, как многие его земляки, любит всякую мистику. Вы с ним весь вечер вели меновую торговлю: ты получала от него рассказы о Месмере, Шропфере, Калиостро и других современных претендентах на искусство вызывать духов, находить скрытые сокровища и так далее, а он от тебя — легенду Зеленой комнаты. И если еще принять во внимание, что *illustrissimus* [note 75](#) уплел за ужином полтора фунта шотландских битков, выкурил шесть трубок и выпил

соответствующее количество эля и бренди, то нет ничего удивительного в том, что его ночью душил кошмар. Однако теперь все готово. Разрешите мне, мистер Ловел, посветить вам и показать дорогу. Вы, несомненно, нуждаетесь в отдыхе. Мой предок, я уверен, настолько сознает обязанности гостеприимства, что не станет нарушать покой, который вы так заслужили смелым и мужественным поведением.

С этими словами антикварий взял массивный старинный подсвечник, который, как он отметил, был выкован из серебра, добываемого в рудниках Гарца, и принадлежал той самой особе, что

дала им тему для разговора. После этих пояснений он направился по множеству сумрачных, извилистых переходов, то поднимаясь, то вновь спускаясь, пока не привел гостя в предназначенную для него комнату.

ГЛАВА X

*Когда в полуночное
время*

*Мрак землю саваном
прикрыл,*

*Когда все спят, но
встало племя*

*Бескровных выходцев
могил,*

*За мной в тиши не
ходят тени,*

*Не жду я призрачных
гостей,*

Печальнее мои виденья

-

Виденья счастья

прежних дней

У.Р.Спенсер

Когда мистер Олдбок и его гость вошли в так называемую Зеленую комнату, Олдбок поставил свечу на туалетный столик перед огромным зеркалом в черной лакированной раме, окруженным такими же ящичками, и огляделся с несколько встревоженным выражением лица.

— Я редко бываю в этой комнате, — сказал он, — и всегда невольно поддаюсь печальному чувству — конечно, не из-за тех детских сказок, которыми вас угощала Гризл, но из-за

воспоминаний о ранней и несчастливой привязанности. В такие минуты, мистер Ловел, мы особенно ощущаем перемены, произведенные временем. Перед нами те же предметы, те же неодушевленные вещи, на которые мы глядели в своенравном детстве, и в пылкой юности, и в обремененной заботами, расчетливой зрелости. Они неизменны и всё те же. Но когда мы смотрим на них в холодной, бесстрастной старости, можем ли мы, наделенные теперь иным нравом, иными стремлениями, иными чувствами, мы, чей облик, тело и физическая сила так изменились, — можем ли мы сами

быть названы теми же? И не оглядываемся ли мы с некоторым удивлением на себя в прошлом, как на каких-то других людей, отличных от тех, кем мы стали? Философ, жаловавшийся на Филиппа, разгоряченного вином, Филиппу в часы его трезвости, не избирал судью столь непохожего, как если бы пожаловался на юного Филиппа Филиппу состарившемуся. Меня всегда трогает чувство, так прекрасно выраженное в неоднократно слышанном мною стихотворении [note 76](#):

Я слезы детские пролил,
И было сердце сжато:

Я снова голос уловил,
Мне дорогой когда-то.
Да, увяданье — это зло,
Но умным кто зовется
Не то жалеет, что прошло,
А то, что остается.

Да, время залечивает всякую рану, и хотя остается рубец, который иногда ноет, первоначальной острой боли уже не ощущаешь.

Сказав это, он сердечно пожал Ловелу руку, пожелал ему доброй ночи и откланялся.

Шаг за шагом Ловел мог проследить, как удалялся хозяин дома по разным переходам, и каждая

дверь, которую он за собой закрывал, давала все более глухой и мертвый звук. Отделенный, таким образом, от мира живых, гость взял свечу и осмотрел помещение. Огонь ярко пылал. Заботливая мисс Гризл оставила несколько запасных поленьев, на случай если бы гость пожелал их подбросить в камин. Комната имела вполне уютный, хотя и не особенно веселый вид. Она была увешана коврами, изготовленными на ткацких станках Арраса в шестнадцатом столетии. Ученый-типограф, о котором так часто упоминалось, привез их с собой как образцы искусства континента. Рисунок изображал

охотничьи сцены. И оттого, что раскидистые ветви и листва лесных деревьев задавали на коврах основной тон, комната и получила название Зеленой. Суровые фигуры в старинной фламандской одежде — прорезных камзолах с лентами, коротких плащах и широких, до колен, штанах, держали на сворках борзых и гончих или травили ими дичь. Другие — с пиками, мечами и старинными ружьями — добивали загнанных оленей и вепрей. На ветвях вытканного леса сидело множество птиц, и каждая была изображена в соответствующем оперении. Казалось, богатая, плодovitая фантазия старого Чосера

вдохновила фламандского художника. Поэтому Олдбок велел выткать готическими буквами на подшитой к коврам кайме следующие стихи этого прекрасного поэта былых времен:

Взгляни на эти мощные
дубы!

А как свежа трава густая
тут!

На восемь футов стебли
здесь растут.

Деревья встали стройною
толпой.

Покрыты ветви сочною
листвой.

Ее ласкает солнца теплый
свет,

И спорит с багрецом
зеленый цвет.

А в другом месте была
такая схожая надпись:

И, мчась глухой лесной
тропой,

Я ланей видел пред собой,

И то олень, то лось
мелькал,

То заяц в чащу убегал.

Сидели белки на ветвях,

Рядком, с орешками в
зубах.

Покрывало на постели было
темного, но поблекшего зеленого
цвета, расшитое в тон коврам, но

более современной и менее искусной рукой. Большие и тяжелые стулья со штофными сиденьями и спинками черного дерева украшал такой же узор, а высокое зеркало над древним камином было оправлено в такую же раму, как и старомодное зеркало туалета.

«Я слышал, — сказал про себя Ловел, бегло осмотрев комнату и мебель, — что духи часто выбирают лучшую комнату в доме, чтобы обосноваться в ней, и я не могу не похвалить вкус расставшегося с телесной оболочкой типографа „Аугсбургского исповедания“. Но молодому человеку трудно было сосредоточиться на слышанных им

рассказах об этой комнате, хотя они вполне соответствовали тому, что он здесь видел. Он даже пожалел, что не испытывает того возбуждения, слагающегося из страха и любопытства, которое порождают милые нам старинные сказки и предания. Ему мешала печальная действительность — захватившая его безнадежная страсть, ибо сейчас им владели только чувства, выраженные в строках:

Меня ты, дева, изменила:
Лишила доброты!
Моя душа навек остыла,
Жесток я стал, как ты.

Он попытался вызвать в себе подобие тех чувств, которые в другое время соответствовали бы обстановке, но в его сердце не было места для таких причуд воображения. Воспоминание о мисс Уордор, решившей не узнавать его, когда ей пришлось терпеть его общество, и выказавшей свое намерение уклониться от встречи, уже одно могло бы целиком заполнить его ум. Но с этим сочетались воспоминания менее мучительные, но более волнующие — о том, как она еле-еле спаслась от гибели, о выпавшей ему удаче вовремя прийти ей на помощь... И какова же была его награда? Девушка

ушла с обрыва, когда его судьба была еще под сомнением, когда еще не было известно, не лишился ли ее спаситель жизни, так великодушно поставленной на карту ради нее. Право же, простая благодарность требовала некоторого участия к его судьбе... Но нет, она не могла быть такой себялюбивой или несправедливой, это было не в ее натуре! Она лишь хотела закрыть дверь перед надеждой и, хотя бы из сострадания к нему, погасить ту страсть, на которую никогда не могла бы ответить.

Эти рассуждения влюбленного едва ли могли примирить его с судьбой, и чем более желанной

представлялась его воображению мисс Уордор, тем безутешнее он становился от крушения своих надежд. Он знал, что в его власти развеять некоторые ее предубеждения. Но даже в крайности он сохранял твердую решимость: убедиться, что она желает объяснения, а не навязывать его. И с какой бы стороны он ни смотрел на их отношения, он не мог считать свои мечты о браке неосуществимыми. В ее взгляде было замешательство и крайнее удивление, когда Олдебок представил его, и, подумав, Ловел пришел к выводу, что первое из них — напускное и должно лишь прикрыть второе. Он не станет

отказываться от поставленной им перед собой цели, уже перенеся ради нее столько страданий. Замыслы, отвечавшие романтическому складу создававшего их ума, проносились один за другим в голове Ловела, хаотично толпясь, как пылинки в солнечном луче, и еще долго после того, как он улегся, мешали ему обрести покой, в котором он так нуждался. Потом, утомленный неопределенностью и трудностями, с которыми, казалось ему, были связаны все его планы, он склонился к тому, что придется стряхнуть с себя путы любви, как «росинок бисер с гривы льва», и возобновить те занятия науками и тот образ жизни,

от которых он из-за своего безответного чувства так долго и бесплодно отказывался. Эту свою решимость он пытался подкрепить всеми аргументами, какие ему подсказывали гордость и разум.

«Она не должна думать, — сказал он себе, — что, опираясь на случайную услугу, оказанную ей или ее отцу, я хочу завладеть ее вниманием, на что я лично, по ее мнению, не имею права. Я больше не увижу ее. Я возвращусь в страну, где, хотя и нет никого прекраснее, чем она, все же найдутся девушки столь же прекрасные и менее высокомерные, чем мисс Уордор. Завтра я распрощаюсь с этими

северными берегами и с нею, холодной и безжалостной, как здешний климат».

Он еще некоторое время размышлял над этим мужественным решением, но усталость наконец взяла свое, и, несмотря на гнев, сомнение и тревогу, Ловел погрузился в забытие.

После такого сильного возбуждения сон редко бывает здоровым и освежающим. Ловела тревожили сотни необъяснимых и бессвязных видений. Он был то птицей, то рыбой, он летал и плавал — качества, которые были бы весьма полезны для его спасения несколько часов назад. А мисс Уордор была

какой-то сиреной или райской птицей, ее отец — тритоном или чайкой, Олдбок же — поочередно дельфином и бакланом. Подобные картины причудливо сменяли одна другую, как это часто бывает при лихорадочных снах. Воздух отказывался его поддерживать, вода, казалось, жгла его, скалы, о которые он с размаху ударялся, были мягки, как пуховые подушки. Все, за что бы он ни брался, кончалось неудачей по какой-либо странной и неожиданной причине. Все, что привлекало его внимание, при попытке рассмотреть это ближе претерпевало необычайные, удивительные превращения. Его ум при этом все

время в известной мере сознавал свое заблуждение и тщетно силился от него избавиться, сбросив оковы сна. Все это — признаки лихорадки, слишком хорошо известные тем, кого преследуют дурные сны или — поученому — кошмары. Но вот эти беспорядочные фантасмагии начали располагаться в более правильную систему, если только не сам Ловел в своем воображении (а оно отнюдь не было последним из качеств, которыми блистал его ум) начал, проснувшись, постепенно и бессознательно для себя располагать в лучшем порядке сцену, во сне, может быть, представлявшуюся ему в менее четких очертаниях. Возможно

и то, что его лихорадочное волнение способствовало образованию картины, которая перед ним возникала.

Предоставив спорить об этом ученым, скажем только, что после ряда нелепых видений, вроде описанных выше, наш герой — ибо мы должны признать его таковым — настолько вернулся к сознанию окружающего, что вспомнил, где он находится, и вся обстановка Зеленой комнаты предстала перед его дремлющими глазами. И тут позвольте мне еще раз заявить, что, если у нашего просвещенного и скептического поколения осталось немного старомодного легковерия,

позволяющего утверждать, будто описанное ниже было воспринято глазами, а не явилось плодом воображения, я не стану оспаривать такую теорию. Итак, Ловел очнулся — или вообразил это — в Зеленой комнате и глядел на неверное, колеблющееся пламя догоравших головней. Одна за другой они падали в красную золу, которая образовалась, когда рассыпались в огне большие поленья. Незаметно в уме молодого человека ожило предание об Альдобранде Олденбоке и его таинственных появлениях пред обитателями комнаты, а одновременно, как часто бывает во сне, зародилось тревожное и

боязливое ожидание, которое почти всегда тотчас же вызывает перед умственным взором предмет нашего страха. В камине заплясали языки пламени, настолько яркие, что наполнили своим светом всю комнату. Ковры бурно заколыхались на стене, и казалось, что смутные фигуры на них вдруг ожили. Охотники трубили в рога, олень как будто опасался бегством, кабан отражал нападение, а собаки то преследовали беглеца, то насккивали на клыкастого противника. Вокруг Ловела все вдруг наполнилось звуками: он слышал крики оленя, в которого вцепились свирепые псы, возгласы людей, стук

конских копыт. И каждая группа, охваченная яростью охоты, продолжала то дело, за которым изобразил ее художник. Ловел взирал на эту странную сцену без удивления (которое редко вторгается в фантастику снов), но с тревожным ощущением неопределенного страха. Наконец, когда он попристальнее взгляделся, одна из вытканых фигур как будто вышла из ковра и начала приближаться к постели спящего, на ходу преображаясь. Призывный рог в ее руках превратился в книгу с медными застежками. Охотничья шляпа приняла вид отороченного мехом головного убора, какие украшают бургомистров Рембрандта.

Фламандская одежда осталась, но лицо, уже не возбужденное пылом охоты, приняло сосредоточенное и суровое выражение, лучше подходившее первому владельцу Монкбарнса, судя по тому описанию, которое дали ему его потомки в предшествовавший вечер. Когда произошло это превращение, шум и гам стих в воображении спящего, которое теперь все сосредоточилось на стоявшей перед ним фигуре. Ловел хотел обратиться к этому жуткому персонажу с вопросом и подбирал для этого приличное случаю заклинание. Но язык его, как обычно при страшных снах, отказался ему служить и,

парализованный, прилип к гортани. Альдобранд поднял палец, будто требуя молчания от гостя, вторгшегося в его жилище, и начал осторожно откидывать застёжки с почтенного тома, который держал в левой руке. Раскрыв книгу, он некоторое время быстро перелистывал ее, а затем, выпрямившись и высоко подняв книгу левой рукой, указал какое-то место на открытой им странице. Хотя язык книги был спящему незнаком, его глаза и внимание как бы притягивались к той строке, которую приглашал прочесть потусторонний пришелец. Слова этой строки, казалось, пылали

сверхъестественным светом и остались запечатленными в памяти Ловела. Когда призрак закрыл книгу, волна чудесной музыки наполнила комнату, и Ловел, вздрогнув, окончательно проснулся. Но музыка все еще звучала у него в ушах и не смолкала, пока он отчетливо не уловил ритма старинной шотландской мелодии.

Он сидел в кровати и попытался освободить свой мозг от видений, тревоживших его в тягостные часы этой ночи. Лучи утреннего солнца врывались сквозь полузакрытые ставни и наполняли комнату довольно ярким светом. Ловел оглядел укрепленные на крючках

драпировки, но различные группы шелковых и шерстяных охотников на стенах были неподвижны и только слегка трепетали, когда ранний ветерок, пробираясь сквозь щелку в окне, скользил по поверхности ковров. Ловел соскочил с кровати и, закутавшись в халат, заботливо положенный у его ложа, подошел к окну, откуда открывался вид на море. Рев волн свидетельствовал о том, что оно все еще не успокоилось после вчерашнего шторма, хотя утро было тихое и ясное. В башенке, выступавшей из стены и благодаря этому расположенной близко к комнате Ловела, было полуоткрыто окно, и оттуда доносилась та музыка,

которая, вероятно, прервала его сны. Потеряв призрачность, она в значительной мере утратила свое очарование. Теперь это была всего лишь мелодия, неплохо воспроизводимая на клавикордах. Как много значат капризы воображения для восприятия произведений искусства. Женский голос исполнял — не без вкуса и с большой простотой — нечто среднее между песней и гимном:

«Что ты сидишь здесь на
руинах,
Седой, почтенный человек?
Не о красе ли дней
старинных

Ты мыслишь, что ушли
навек? »

И прозвучал ответ суровый:
«Ужель меня ты не узнал,
Кого не раз в причуде
новой

То забывал, то упрекал?

Подвластны люди мне и
звери,

Дохну — и смерть несу
всему

Великих вижу я империй

Восход, расцвет, уход во
тьму.

Спеши же, близок миг
разлуки.

Течет в часах моих песок.

До вечной радости иль

муки
Твой отмеряет Время
срок!»

Не дослушав стихов, Ловел вернулся в постель. Цепь мыслей, пробужденных ими, была романтична и приятна. Его душа находила в них отраду, и, отложив до более позднего часа трудную задачу определить будущую линию своего поведения, он предался нежной истоме, навеянной музыкой, и впал в здоровый, освежающий сон, от которого его довольно поздно пробудил старый Кексон, тихонько вошедший в комнату, чтобы

предложить свои услуги в качестве камердинера.

— Я почистил ваш сюртук, сэр, — сообщил старик, увидев, что Ловел уже не спит. — Мальчишка принес его утром из Фейрпорта: ваш вчерашний никак не высушить, хотя он всю ночь провисел в кухне перед огнем. Башмаки ваши я тоже почистил, но сомневаюсь, чтобы вы позволили мне завить вам волосы, ибо, — продолжал он с легким вздохом, — нынешние молодые люди ходят стриженные. Но я все же приготовил щипцы — малость подвить вам хохолок, если пожелаете, прежде чем вы сойдете к дамам.

Ловел, который к этому времени

был уже на ногах, отклонил услуги этого рода, но облек отказ в такую любезную форму, что вполне утешил огорченного Кексона.

— Как жаль, что он не дает завить и напудрить ему волосы, — сказал старый парикмахер, снова очутившись на кухне, где под тем или иным предлогом проводил почти все свободное время, точнее — все время. — Да, очень жаль, потому что молодой джентльмен так хорош собой!

— Ври больше, старый дурень! — отозвалась Дженни Ринтерут. — Ты рад бы испакостить его чудесные каштановые волосы своим дрянным маслом, а потом

обсыпать мукой, как парик старого пастора! Но ты, верно, явился завтракать? Вот тебе миска каши. Лучше займись ею и кислым молоком, чем пачкать голову мистеру Ловелу. Ты бы только испортил самые красивые волосы в Фейрпорте, да и во всей округе!

Бедный цирюльник вздохнул по поводу того неуважения, какое теперь везде встречало его искусство, но Дженни была слишком важной особой, чтобы ей противоречить. Поэтому, смиренно усевшись, он стал глотать свое унижение вместе с содержимым миски, куда была положена добрая шотландская пинта густой овсянки.

ГЛАВА XI

*Ужель ему послали
небеса*

*Все им увиденные
чудеса,*

*Иль ожили в его
воображение*

*Забытые дневные
впечатленья?*

Теперь мы должны попросить наших читателей перейти в комнату, где завтракает мистер Олдбок, который, презирая современные «помои» в виде чая и кофе, основательно подкрепляется more

majorum [note 77](#) холодным ростбифом и неким напитком, называемым мум — разновидностью эля, который варят из пшеницы и горьких трав. Нашему поколению он знаком только по названию, упоминаемому в парламентских актах наряду с яблочным и грушевым сидром и другими подлежащими акцизу предметами торговли. Ловел, которого соблазнило предложение отведать этого напитка, чуть не назвал его отвратительным, но воздержался, видя, что очень оскорбил бы хозяина, ибо мистеру Олдбоку ежегодно с особой тщательностью готовили этот настой по испытанному рецепту,

завещанному ему столь часто упоминавшимся нами Альдобрандом Олденбоком. Гостеприимные дамы предложили Ловелу завтрак, более отвечающий современному вкусу, и, пока он ел, его осаждали косвенными расспросами о том, как он провел ночь.

— Ну, брат, мистера Ловела нельзя похвалить за его сегодняшний вид! Но он не хочет признаться, что его ночью что-то беспокоило. Нынче он очень бледен, а когда пришел к нам, в Монкбарнс, был свеж, как роза.

— Что ты, сестра! Подумай только — ведь вчера море да буря весь вечер трепали и швыряли эту

розу, словно пук водорослей. Какого же черта мог сохраниться тут цвет лица?

— Я, в самом деле, все еще чувствую себя немного разбитым, — сказал Ловел, — несмотря на замечательно удобный ночлег, который вы так гостеприимно мне устроили.

— Ах, сэр, — воскликнула мисс Олдбок, поглядывая на него с многозначительной улыбкой, — вы из вежливости не хотите сказать, что вам было неудобно!

— Право, сударыня, — возразил Ловел, — я не испытал ничего неприятного, ибо не могу же я так отозваться о концерте, которым

почтила меня какая-то фея.

— Я так и думала, что Мэри разбудит вас своим визгом! Она не знала, что я оставила ваше окно приоткрытым. А между тем, не говоря уж о духе, в Зеленой комнате в ветреную погоду бывает плохой воздух. Впрочем, смею думать, вы слышали не только пение Мэри. Ну что ж, мужчины — крепкий народ, они могут многое вынести. Случись мне пережить что-либо подобное — хотя бы естественное, а уж про сверхъестественное и говорить нечего, — я бы сразу закричала и подняла весь дом, а там будь что будет. И, смею сказать, точь-в-точь так же поступил бы и пастор — я так

ему и сказала. Я не знаю никого, кроме моего брата Монкбарнса, кто решился бы на такое, да вот разве еще вы, мистер Ловел!

— Человек учености мистера Олдбока, сударыня, не испытал бы таких неприятностей, как джентльмен из горной Шотландии, о котором вы вчера говорили.

— Да, да! Вы теперь понимаете, в чем главная трудность — в языке! Брат сумел бы загнать такое страшилище в самую дальнюю часть Лидии (вероятно, она подразумевала Мидию), как говорит мистер Блеттергаул. Да только он не хочет быть невежлив с предком, хотя бы тот был дух. Право, братец, я

испробую тот рецепт, что ты показал мне в книге, если кому-нибудь снова придется спать в Зеленой комнате. Но только, думается мне, по-христиански милосерднее было бы привести в порядок ту комнату, где на полу циновки. Она малость сыровата и темна, но ведь у нас редко когда требуется лишняя кровать.

— Ну нет, сестра! Сырость и темнота хуже привидений. Наши призраки

— духи света, и я предпочел бы, чтобы ты испытала тот волшебный рецепт.

— Я с радостью, Монкбарнс, будь у меня эти... ингредиенты, как их зовет моя поваренная книга. Там,

помнится, были вербена и укроп, Дэви Диббл их знает, хотя, может, даст им латинские имена. Потом сельдерей, у нас его много, потому что...

— Не сельдерей, а зверобой, глупая женщина! — загремел Олдбок. — Ты, кажется, собралась рагу стряпать? Или ты думаешь, что духа, хотя он состоит из воздуха, можно изгнать рецептом против одышки? Моя умница Гризл, мистер Ловел, вспоминает (с какой точностью — вы сами можете судить) заклятие, о котором я как-то упомянул при ней и которое так поразило ее суеверную голову, что засело в ней крепче, чем все

полезное, о чем мне случилось говорить за десять лет. Но мало ли старух, у которых...

— Старух! — воскликнула мисс Олдбок, от возбуждения забыв свой обычно покорный тон. — Право, Монкбарнс, ты не очень-то учтив со мной!

— Зато очень справедлив, Гризл. Впрочем, я отношу к глупцам этой же категории много звучных имен, от Ямблиха до Обри — людей, тративших свое время на изобретение воображаемых средств против несуществующих болезней. Но я надеюсь, мой молодой друг, что, замороженный или не замороженный, защищенный могуществом зверобоя

... с вербеной и укропом,
Чтоб ведьм изгнать всех
скопом,

или безоружный и беззащитный
перед вторжением невидимого мира,
вы отдадите еще одну ночь ужасам
заколдованной комнаты и еще один
день вашим искренним и верным
друзьям.

— Я от души желал бы, но...

— Не признаю никаких «но»...

Я уже решил за вас.

— Я вам очень обязан, дорогой
сэр, но...

— Послушайте, вы опять за свое
«но»! Ненавижу всякие «но». Я не

знаю выражения, где бы это сочетание звуков было приятно для слуха, кроме разве слова «вино». Для меня «но» еще отвратительнее, чем «нет». «Нет» — это угрюмый, честный малый, который грубо и прямо говорит, что думает. «Но» — подлый, уклончивый, половинчатый, привередливый союзник, отрывающий у вас чашу ото рта.

Все «но» стремятся
уничтожить смысл
Хорошего, что было перед
ними,
И на тюремщика они
похожи,
Влекущего коварного

злодея.

— Ну что ж, — ответил Ловел, к этому времени еще не принявший определенного решения. — Вы не должны связывать воспоминание обо мне с таким неблагоприятным образом действий. К сожалению, мне вскоре, вероятно, придется покинуть Фейрпорт, и раз вы высказываете такое любезное желание, я воспользуюсь случаем и проведу у нас еще день.

— И будете вознаграждены, юноша. Прежде всего вы увидите могилу Джона Гернела, а потом мы не торопясь прогуляемся по пескам,

предварительно выяснив часы прилива (потому что с нас хватит приключений в духе Питера Уилкинса и трудов в духе Глема и Гоури), и посетим замок Нокуиннок, чтобы справиться о здоровье старого баронета и моего прекрасного врага, что будет только вежливо, а потом...

— Прошу прощения, дорогой сэр! Но, может быть, вам лучше отложить свой визит на завтра. Вы знаете, я человек посторонний...

— И поэтому, мне кажется, особенно обязаны выказать учтивость. Но простите мне упоминание слова, которое, пожалуй, стало достоянием одних собирателей древностей. Я ведь человек старой

школы, когда

... три графства проезжали,
чтобы
Царицу бала навестить
И о здоровье расспросить.

— Что ж, если... если вы думаете, что от меня этого ожидают... Но, я полагаю, мне лучше не ходить.

— Нет, нет, дорогой друг, я не так уж старомоден, чтобы настаивать на чем-либо неприятном для вас. Достаточно того, что есть какая-то remora [note 78](#), какая-то удерживающая вас причина, какое-то препятствие, о

котором я не смею спрашивать. А может быть, вы все еще чувствуете усталость? Ручаюсь, я найду средства развлечь ваш ум, не утомляя тела. Я сам не сторонник большой затраты сил; прогулка раз в день по саду — вот достаточный моцион для всякого мыслящего существа. Только дурак или любитель охоты на лисиц может требовать большего... Так чем же мы займемся? Можно бы начать с моего очерка об устройстве римских лагерей, но я держу его *in petto* [note 79](#) на сладкое после обеда. Может быть, показать вам мою переписку с Мак-Крибом насчет поэм Оссиана? Я стою за авторство хитрого оркнейца, он же защищает подлинность поэм.

Наш спор начался в мягких, елейных, дамских выражениях, но теперь становится все более едким и язвительным. Он уже начинает напоминать стиль старика Скалигера. Боюсь, как бы негодяй не пронюхал об истории с Охилтри! Впрочем, на худой конец, у меня такой козырь, как случай с похищением Антигона. Я покажу вам последнее письмо Мак-Криба и набросок моего ответа. Ей-богу, я готовлю ему хорошую пилюлю!

С этими словами антикварий открыл ящик стола и начал рыться во множестве всевозможных бумаг, старинных и современных. Но, на свою беду, этот ученый джентльмен,

подобно многим ученым и неученым, часто в таких случаях страдал, как говорит Арлекин, от *embarras de richesse* [note 80](#), другими словами — от изобилия своей коллекции, которое мешало ему найти нужный предмет.

— Черт бы побрал эти бумаги! — рассердился Олдбок, шаря по всему ящику. — Можно подумать, что они отращивают себе крылья, как кузнечики, и улетают. Но вот пока что взгляните на это маленькое сокровище!

И он вложил в руку Ловела дубовый футляр с серебряными розами на одном углу и красивыми гвоздиками по краям.

— Нажмите эту пуговку, —

сказал Олдбок, заметив, что Ловел возится с застежкой.

Тот послушался, и крышка открылась, явив их глазам тоненький том in quarto [note 81](#), изящно переплетенный в черную шагрень.

— Перед вами, мистер Ловел, сочинение, о котором я говорил вам вчера вечером, редкий экземпляр «Аугсбургского исповедания», одновременно основы и оплота Реформации. Оно написано ученым и достопочтенным Меланхтоном; защищалось от врагов курфюрстом Саксонским и другими доблестными мужами, готовыми постоять за свою веру даже против могущественного и победоносного императора, и

напечатано едва ли менее почтенным и достойным похвал Альдобрандом Олденбоком, моим счастливым предком, во время еще более тиранических попыток Филиппа Второго подавить всякую светскую и религиозную свободу. Да, сэр, за напечатание названного сочинения этот выдающийся человек был изгнан из своего неблагодарного отечества и вынужден поселить своих домашних богов здесь, в Монкбарнсе, среди развалин папского суеверия и засилья. Взгляните на его портрет, мистер Ловел, и проникнитесь уважением к его благородному занятию: он изображен здесь у печатного станка,

где трудится, способствуя распространению христианских и политических истин. А здесь вы можете прочесть его излюбленный девиз, характерный для его независимого нрава и уверенности в себе. Эти качества побуждали его с презрением отклонять непрошеное покровительство. Его девиз отражает также твердость духа и упорство в достижении цели, рекомендуемые Горацием. Поистине это был человек, который не дрогнул бы, если бы вся его типография, станки, кассы с крупным и мелким шрифтами, сверстанный набор разлетелись и рассыпались вокруг него. Прочтите, повторяю, его девиз,

ибо в пору, когда только еще зарождалось славное типографское искусство, у каждого печатника был свой девиз. У моего предка он был выражен, как вы видите, тевтонской фразой: «Kunst macht Gunst» [note 82](#), другими словами — ловкость и осторожность при использовании наших природных талантов и благоприятных качеств должны обеспечить благосклонность и покровительство, даже когда вам в них отказывают из предубеждения или по невежеству.

— Вот что значат эти немецкие слова, — задумчиво помолчав, сказал Ловел.

— Несомненно! И вы видите,

как они хорошо вяжутся с сознанием
своего достоинства и своей
значительности в полезном и
почтенном деле. В те времена, как я
вам уже рассказывал, у каждого
печатника был свой девиз, своя —
как я бы ее назвал — *impresa* [note 83](#),
совсем как у храбрых рыцарей,
съезжавшихся на состязания и
турниры. Мой предок гордился своим
девизом не менее, чем если бы
победоносно выставил его на поле
боя, хотя девиз говорил лишь о
пролитии света, а не крови. Впрочем,
по семейному преданию,
Альдобранд Олденбок избрал его при
более романтических
обстоятельствах.

— Что же это были за обстоятельства, дорогой сэр? — полюбопытствовал его юный друг.

— Видите ли, они не очень лестны для репутации моего почтенного предка как человека осторожного и мудрого. *Sed semel insanivimus omnes* [note 84](#). Всякий в свое время валял дурака. Рассказывают, что мой предок в годы ученичества у одного из потомков старого Фуста — того Фуста, которого народная молва послала к черту под именем Фауста, — увлекся неким ничтожным отпрыском женской породы, дочкой хозяина, по имени Берта. Они разломали кольца или проделали какую-то другую

нелепую церемонию, обычную в тех случаях, когда дают бессмысленные клятвы в вечной любви, и Альдобранд отправился путешествовать по Германии, как подобало честному Handwerker'у [note 85](#). Ибо, по обычаю того времени, молодые люди из сословия ремесленников, прежде чем окончательно обосноваться где-нибудь на всю жизнь, должны были обойти всю империю и поработать некоторое время во всех крупнейших городах. Это был мудрый обычай. Собратья по ремеслу всегда охотно принимали таких странников, и поэтому они обычно имели случай приобрести новые знания или

поделиться своими. Когда мой предок возвратился в Нюрнберг, то узнал, что его старый хозяин незадолго перед тем умер и несколько молодых щеголей, в том числе два-три голодных отпрыска дворянских фамилий, ухаживают за Jungfrau [note 86](#) Бертой, чей отец, как было известно, оставил ей наследство, стоящее дворянства в шестнадцатом колене. Но Берта — неплохой пример для девиц! — поклялась выйти замуж только за того, кто сумеет работать на станке ее отца. В те времена редко кто владел этим искусством, и все только дивились ему. Кроме того, такое решение сразу избавляло БERTУ от

«благородных» поклонников, которые умели обращаться с верстаткой не более, чем с магическим жезлом. Кое-кто из простых типографов сделал попытку посвататься, но ни один из них не владел тайнами ремесла достаточно свободно... Впрочем, я утомил вас.

— Нисколько! Пожалуйста, продолжайте, мистер Олдбок. Я слушаю вас с живейшим интересом.

— Ах, все это довольно глупая история! Так вот, Альдобранд явился в обычном платье странствующего печатника, том самом, в котором он скитался по всей Германии и общался с Лютером, Меланхтоном, Эразмом и другими учеными

людьми, не смотревшими свысока на него и его полезное для просвещения искусство, хотя это искусство и было скрыто под такой скромной одеждой. Но то, что было почтенным в глазах мудрости, благочестия, учености и философии, представлялось, как легко угадать, низменным и отвратительным в глазах глупой и жеманной особы, и Берта отказалась признать прежнего возлюбленного, пришедшего к ней в рваном камзоле, косматой меховой шапке, заплатанных башмаках и кожаном переднике странствующего ремесленника. И когда остальные претенденты либо отказались от состязания, либо предъявили такую

работу, которую сам черт не мог бы прочесть, хотя бы от этого зависело его прощение, глаза всех устремились на незнакомца. Альдобранд легкой походкой вышел вперед, набрал шрифт, не пропустив ни одной буквы, дефиса или запятой, заключил форму, не сместив ни одной шпации, и оттиснул первую гранку, чистую, совсем без опечаток, как будто она прошла троекратную правку! Все аплодировали достойнейшему преемнику бессмертного Фуста. Покраснев от смущения, девица признала, что ошиблась, поверив своим глазам больше, чем разуму, и с тех пор ее избранник сделал своим девизом

подходящие к случаю слова: «Искусство порождает благосклонность». Но что с вами? Вы не в духе? Ну, ну! Я же говорил вам, что это довольно пустой разговор для мыслящих людей... Кстати, вот и материалы к спору об Оссиане.

— Прошу простить меня, сэр, — сказал Ловел, — я боюсь показаться вам, мистер Олдбок, глупым и непостоянным, но вы, кажется, думали, что сэр Артур, по правилам вежливости, будет ждать от меня визита?

— Вздор, вздор! Я могу от вашего имени попросить извинения. И если вам необходимо покинуть нас

так скоро, как вы сказали, не все ли равно, какого мнения будет о вас его милость? .. Предупреждаю вас, что очерк об устройстве римских лагерей очень обстоятелен и займет все время, которое мы можем посвятить ему после обеда. Таким образом, вы рискуете упустить спор об Оссиане, если мы не отдадим ему утро. Пойдем же в вечнозеленую беседку, под мой священный падуб, вон туда, и пребудем *fronde super viridi* [note 87](#).

Запоем и пойдем в рощу падуба.

Дружба — часто обман,
любовь — пагуба.

Но, право, — продолжал старый джентльмен, — приглядываясь к вам, я начинаю думать, что вы, может быть, смотрите на все это иначе. Скажу от всего сердца: аминь.

Я никому не мешаю садиться на своего конька, если только тот не скачет наперерез моему. Если же он себе это позволит, я ему спуска не дам. Ну, что же вы скажете? Изъясняясь на языке света и пустых светских людей — если только вы можете снизойти до такой низменной сферы. — Оставаться нам или идти?

— На языке эгоизма, каковой, конечно, и есть язык света, непременно пойдем!

— Аминь, аминь, как говорил лорд-герольдмейстер, — отозвался Олдбок, меняя домашние туфли на пару крепких башмаков с черным суконным верхом, которые он называл штиблетами. Они отправились, и Олдбок лишь раз отклонился от прямого пути, свернув к могиле Джона Гернела, о котором сохранилась память как о последнем экономе аббатства, проживавшем в Монкбарнсе.

Под древним дубом на полого спускавшемся к югу пригорке, с которого за двумя или тремя богатыми поместьями и Масселкрейгским утесом открывался вид на далекое море, лежал

поросший мхом камень. На нем в честь усопшего была высечена надпись, полустертые буквы которой, по утверждению мистера Олдбока (хотя многие его оспаривали), можно было прочесть следующим образом:

Здесь Джон Гернел спит,
навек сокрытый от всех,
Он в гробу лежит, как в скорлупке орех.

При нем все куры неслись
каждое утро в клетки.

К печке в доме любом
теснились дети.

Делил он пива ведро на
пять, по кварте, частей.

Четыре — для церкви

святой, одну — женам
бедных людей.

— Вы видите, как скромн был автор этой посмертной хвалы: он говорит нам, что честный Джон умел делать из одного ведра пять кварт вместо четырех; что пятую кварту он отдавал женщинам своего прихода, а в остальных четырех отчитывался перед аббатом и капитулом; что в его время куры прихожанок постоянно несли яйца; и что, к удовольствию дьявола, женам прихожан доставалась пятая часть доходов аббатства; а также, что судьба неизменно благословляла детьми

семейства всех почтенных людей — еще одно чудо, которое они, как и я, должны были считать совершенно необъяснимым. Однако пойдём, оставим Джона Гернела и двинемся к желтым пескам, где море, как разбитый неприятель, отступает теперь с поля того сражения, которое оно дало нам вчера.

С этими словами он повел Ловела к пескам. На дюнах виднелось несколько рыбачьих хижин. Лодки, вытащенные высоко на берег, распространяли запах растопленной жарким солнцем смолы, который соперничал с запахом гниющей рыбы и всяких отбросов, обычно скопляющихся

вокруг жилья шотландских рыбаков. Не смущаясь этим букетом зловонных испарений, у двери одной из хижин сидела женщина средних лет с лицом, обветренным жестокими бурями. Она чинила невод. Туго повязанный платок и мужская куртка делали ее похожей на мужчину, и это впечатление еще усиливалось крепким сложением, внушительным ростом и грубым голосом этой женщины.

— Чем нынче я могу служить, ваша милость? — сказала или, вернее, прокричала она, обращаясь к Олдбоку. — Могу предложить свежую треску и мерлана, камбалу и круглопера.

— Сколько за камбалу и круглопера? — спросил антикварий.

— Четыре шиллинга серебром и шесть пенсов, — ответила наядя.

— Четыре черта и шесть бесенят! — воскликнул антикварий. — Ты думаешь, я с ума спятил, Мегги?

— А вы думаете, — подбоченясь, перебила его бой-баба, — что мой хозяин и сыновья обязаны выходить в море в такую погоду, как вчера, да и сегодня еще, да при такой волне, и ничего не получать за свою рыбу, а только выслушивать ругань — так, что ли, Монкбарнс? Ведь вы не рыбу покупаете, а жизнь людей!

— Ладно, Мегги, я дам тебе хорошую цену: шиллинг за камбалу и круглопера, или по шесть пенсов за штуку. И если ты всю свою рыбу сбудешь так же выгодно, твой хозяин, как ты его называешь, и сыновья останутся довольны уловом.

— Будут довольны, черта с два! Лучше бы их лодку разбило о Беллскую скалу. Шиллинг за две такие чудесные рыбины! Надо же додуматься!

— Хватит, хватит, старая ведьма! Снеси свою рыбу в Монкбарнс и посмотри, что тебе даст за нее моя сестра.

— Ну, нет, Монкбарнс, черта с два! Лучше я сторгуюсь с вами. Уж на

что вы скупы, а мисс Гризи еще скупее. Я отдам вам рыбу, — продолжала она более мягким тоном, — за три с половиной шиллинга.

— Полтора шиллинга! Не хочешь — не надо!

— Полтора шиллинга! — громко выразила Мегги свое изумление и горестно произнесла, когда покупатель повернулся, чтобы уйти: — Видно, вам вовсе не нужно рыбы! — Но, заметив, что он решительно удаляется, она сейчас же закричала вдогонку: — Я дам вам еще... Еще полдюжины крабов на соус за три шиллинга и рюмку бренди.

— Хорошо, Мегги, полкроны и рюмку бренди!

— Ну что ж, вашей милости непременно нужно поставить на своем! Впрочем, рюмка бренди сейчас стоит денег. Винокуренный завод не работает.

— Надеюсь, он и не будет работать, пока я жив, — сказал Олдбок.

— Ах, легко вашей милости и другим джентльменам так говорить, когда у вас дом — полная чаша, и дрова есть, и сухое платье, и вы можете уютно посиживать у камина. А если бы у вас не было ни дров, ни мяса, ни сухой одежды, и вам приходилось бы работать на холоду,

да еще, не дай бог, у вас была бы тоска на душе и всего два пенса в кармане, — разве вам не захотелось бы купить на них рюмку бренди, чтобы забыть про старость и согреться, потом поужинать и проспать с легким сердцем до утра?

— Это хорошее оправдание, Мегги! Неужели твой хозяин сегодня вышел в море после вчерашних трудов?

— Еще бы не вышел, Монкбарнс! В четыре часа утра его и след простыл, когда от вчерашнего ветра море вздулось, как тесто, и наша лодчонка прыгала на нем, как пробка.

— Да, он трудолюбивый малый.

Ну, снеси рыбу в Монкбарнс.

— Снесу, снесу! А не то пошлю маленькую Дженни — она скорей добежит. А вот за рюмочкой я зайду к мисс Гризи сама и скажу, что вы меня послали.

Существо неопределенного вида, которое могло сойти за русалку, плескавшуюся в луже между скал, было вызвано на берег пронзительными криками своей мамы и приведено, как это называла мать, в «приличный вид», для чего поверх короткой, до колен юбчонки, составлявшей единственное одеяние девочки, был накинута красный плащик. После этого она была отправлена с рыбой в

корзинке и поручением передать от имени Монкбарнса, чтобы рыбу приготовили к обеду.

— Редко случается моим женщинам, — с немалым самодовольством заметил Олдбок, — так удачно купить рыбу у этой старой сквалыги, хотя они иногда битый час спорят с ней под окном моего кабинета, и кричат, и верещат, как три чайки при сильном ветре. Однако пора нам направить свой путь к Нокуинноку.

ГЛАВА XII

*Что? .. Нищие? .. Да
нет средь нас свободней!*

*Неведомы им подати,
законы.*

*Не чтят властей и
верят только в то,*

*Что из преданий
древних почерпнули.*

*Все правда, но... не
бунтари они.*

Бром

С разрешения читателей, мы
опередим шествовавшего
медленным, хотя и твердым шагом

антиквария, чьи ежеминутные остановки, когда он оборачивался к своему спутнику, указывая на какую-нибудь достопримечательность ландшафта или развивая какую-либо излюбленную мысль дольше, чем это позволял процесс ходьбы, немало задерживали их продвижение.

Несмотря на утомление и опасности предыдущего вечера, мисс Уордор нашла в себе силы встать в обычный час и заняться своими повседневными делами, предварительно убедившись, что состояние здоровья отца не внушает опасений. Если сэр Артур и испытывал некоторое недомогание, то только как следствие недавних

больших волнений, но этого все же было достаточно, чтобы удерживать его в спальне.

Когда Изабелла оглядывалась на события предшествовавшего дня, они вызывали в ней очень неприятные мысли. Она была обязана спасением своей жизни и жизни отца как раз тому, кому она менее всего хотела быть чем-либо обязанной, так как едва ли могла высказать ему даже обычную благодарность, не возбудив в нем надежд, опасных для них обоих. «Почему суждено мне принимать благодеяния, оказанные с таким большим риском, от человека, чью романтическую страсть я непрестанно старалась развеять?

Почему случай дал ему это преимущество передо мной? И почему — ах, почему! — полуугасшее чувство в моей груди, вопреки трезвому рассудку, заставляет меня почти что ликовать от того, что все сложилось именно так? »

Поглощенная этими самообвинениями в своенравной прихоти, мисс Уордор увидела, что по аллее приближается не молодой и страшный для нее спаситель, а старый нищий, игравший такую видную роль в мелодраме вчерашнего вечера.

Она позвонила горничной.

— Приведи старика наверх!

Через минуту служанка

вернулась.

— Он ни за что не хочет идти наверх, мисс! Говорит, что его грязные башмаки за всю его жизнь не ступали по ковру и — с соизволения божия — никогда и не будут. Не прикажете ли отвести его в людскую?

— Нет, погоди! Я хочу поговорить с ним. Где он? — спросила мисс Уордор, так как потеряла его из виду, когда он подошел к дому.

— Сидит на солнышке во дворе, на каменной скамье, под окном изразцовой гостиной.

— Скажи ему, чтоб подождал. Я сойду в гостиную и поговорю с ним

через окно.

Она так и сделала и застала нищего полулежащим на скамье под окном. Эди Охилтри, как он ни был беден и стар, все же, по-видимому, сознавал благоприятное впечатление, производимое его высокой фигурой, властными чертами, длинными седыми волосами и огромной белой бородой. О нем говорили, что его редко можно было увидеть в позе, которая не показывала бы этих его личных достоинств в наиболее выгодном свете. В настоящую минуту, когда он сидел, откинувшись, на скамье, положив подле себя посох и суму и подняв краснощекое, хотя и морщинистое лицо к небу, куда был

устремлен внимательный взор его серых глаз, в которых светились житейская мудрость и сарказм, когда он затем быстро оглядел двор и снова поднял глаза, — он мог бы послужить художнику моделью старого философа школы циников, размышляющего о тщете всех людских потуг, о быстротечности всего земного и возносящего взор к единственному источнику, из которого человек может черпать непреходящее благо. Молодая леди, чья высокая и изящная фигура появилась в открытом окне, за решеткой, какими защищали, по обычаю старины, нижние окна замков, представляла иной интерес и

при романтически настроенном воображении могла быть принята за пленную деву, повествующую о своих страданиях паломнику, чтобы он мог воззвать к благородству любого встреченного в пути рыцаря, дабы тот освободил ее из тяжелой неволи.

Высказав в выражениях, казавшихся ей наиболее подходящими, свою благодарность, которую нищий отклонил как далеко превышающую его заслуги, мисс Уордор заговорила языком, который, как она полагала, должен был лучше доходить до сердца старика. Она не знает, сказала молодая леди, что именно отец собирается сделать для того, кто их спас, но, несомненно,

сэр Артур избавит его от всяких забот до скончания его дней. И если он хочет жить в замке, она сама даст распоряжение...

Старик улыбнулся и покачал головой.

— Я только злил бы и позорил ваших важных слуг, миледи, а я не припомню, чтобы позорил кого-нибудь за всю свою жизнь.

— Сэр Артур дал бы строгий приказ...

— Вы очень милостивы, и я вам верю. Но бывает такое, над чем никакой хозяин не властен. Сэр Артур, конечно, запретил бы слугам прикасаться ко мне (да я и не думаю, чтобы кто-нибудь из них отважился),

он также приказал бы им давать мне миску каши и кусок мяса. Но разве сэр Артур мог бы запретить им трепать языком и подмигивать за моей спиной? Может он заставить их подносить мне пищу с ласковым лицом, чтобы она хорошо переваривалась? Заставит он их обходиться без шуточек и насмешек, которые для человека хуже прямой брани? Опять же, я самый праздный и неряшливый старик на свете. Я не могу соблюдать часы еды и сна. И, сказать по правде, я служил бы дурным примером в порядочном доме.

— Ну хорошо, Эди; а что ты скажешь, если тебя поселят в

славном маленьком коттедже с садом? Каждый день обед, а работы никакой, только покопаться в саду, если придет охота.

— И вы думаете, это часто будет, миледи? Может, ни разу от Сретенья до Рождества! И пусть даже для меня все делают другие, как для самого сэра Артура, я не вытерпел бы такой жизни — сидеть сложа руки на одном месте и ночь за ночью видеть над головой все те же балки и стропила. А потом мой нрав хорош только для нищего бродяги, потому как на его слова никто не обижается. У сэра Артура, вы знаете, свои причуды, и я стал бы высмеивать, а то и передразнивать его. Вы бы

рассердились, и тогда мне впору было бы только повеситься.

— Ну, у тебя особые права, — сказала Изабелла. — Мы предоставили бы тебе достаточную свободу. Поэтому лучше позволь нам заботиться о тебе. Вспомни о своих летах!

— Ну, я еще не настолько сдал, — ответил нищий. — Вчера мне порядком досталось, а вот нынче я опять как рыба в воде. Эх, что бы все стали делать без старого Эди Охилтри, который переносит новости и прибаутки с фермы на ферму, угощает девушек имбирными пряниками, парням помогает чинить скрипки, а хозяйкам — сковороды,

ребятишкам делает мечи и гренадерские кивера, выводит блох, лечит коров и лошадей, знает больше старых песен и сказок, чем кто-либо во всей округе, и, придя в дом, всех умеет насмешить. Честное слово, миледи, я не могу отказаться от своего призвания! Это была бы потеря для всего честного народа.

— Что ж, Эди, если ты считаешь себя таким значительным лицом, что тебя не соблазняет независимое положение...

— Нет, нет, мисс, как раз сейчас я куда независимее, — ответил старик. — Я нигде не прошу большего, чем обед или даже только кусок мяса. И если мне отказывают в

одном месте, я получаю в другом. Выходит, что я завишу не от какого-либо одного человека, а от всех сразу.

— Ну хорошо, только обещаю дать мне знать, если захочешь осесть на месте, когда постареешь и тебе трудно станет совершать обычные обходы. А пока возьми это!

— Нет, нет, миледи! Я не беру много за один раз — это против наших правил. И еще... может быть, невежливо повторять такие вещи... говорят, что с денежками у самого сэра Артура сейчас туго и что он изрядно запутался со своими свинцовыми и медными рудниками.

Изабелла уже и раньше с тревогой догадывалась о таком

положении дел, но была потрясена, услышав, что затруднения ее отца стали предметом людских пересудов. Да разве сплетня когда-нибудь упустит такую легкую добычу, как неудачи хорошего человека, как падение могущественного или разорение состоятельного!

Мисс Уордор глубоко вздохнула.

— Что бы люди ни говорили, Эди, мы еще достаточно богаты, чтобы платить долги, а наш долг перед тобой — один из главнейших. И я настаиваю: возьми то, что я тебе даю.

— Чтоб меня ночью ограбили и убили в пустынном месте? Или — еще хуже — живи и постоянно этого

жди? Я... — Он понизил голос до шепота и пристально поглядел кругом. — Я ведь не без гроша за душой. И хоть я помру в какой-нибудь канаве, люди найдут зашитыми в моем старом голубом плаще деньги, чтобы похоронить меня по-христиански да еще угостить парней и девушек, что пойдут за гробом. На это дело наберется, а больше мне не нужно. Если бы случилось, что я стал менять бумажку, то, как вы думаете, нашлись бы после этого такие дураки, чтобы подавать мне милостыню? Все бы мигом узнали, что старый Эди разбогател, и тогда, будьте покойны, я мог бы выплакать все сердце — и

никто не бросил бы мне кости или монеты в два пенса.

— Неужели я ничего не могу для тебя сделать?

— Нет, отчего же? Я буду приходить, как раньше, за милостыней. А иной раз мне, может быть, захочется понюшку табачку. И еще вы можете поговорить с констеблем и сборщиком податей, чтобы они меня не трогали. А то еще, пожалуй, замолвите за меня словечко мельнику Сэнди Недерстану, чтобы он держал на цепи свою собачицу, потому что я не хотел бы причинить ей вред: она же только выполняет свою обязанность, когда лает на такого бродягу, как я. Есть еще кое-

что, да, мне кажется, не пристало мне говорить о таких вещах.

— Что же это, Эди? Если дело затрагивает тебя, я сделаю все, что в моей власти.

— Это затрагивает вас и находится в вашей власти, а я должен высказаться. Вы красивая молодая леди, и добрая, и, может быть, с хорошим приданым. Так не отпугивайте же насмешками этого молодца Ловела, как недавно на прогулке под Брайерибенком. Я тогда видел вас обоих и слышал, но вы меня не видели. Будьте с парнем поласковее, он вас очень любит. И это его смелость и ловкость, а не мои слабые усилия спасли вчера сэра

Артура и вас.

Он произнес эти слова тихим, но вполне внятным голосом, не дожидаясь ответа, направился к низкой двери, которая вела в помещения для слуг, и скрылся в доме.

Мисс Уордор несколько мгновений оставалась в том же положении, в каком ее застали последние странные слова старика. Она стояла, опершись на прутья оконной решетки, и, пока нищий не исчез из виду, не решилась вымолвить ни слова о столь деликатном деле. Ей и в самом деле трудно было решить, как поступать дальше. Тайна ее встречи и разговора

наедине с молодым и никому не известным приезжим оказалась в руках человека из такой среды, где юная леди меньше всего склонна была бы искать доверенного друга, и теперь зависела от скромности того, кто по самой своей профессии был первым распространителем сплетен во всей округе. Мысль эта была мучительна для Изабеллы. Конечно, у нее не было повода предполагать, что старик так или иначе намеренно оскорбит ее чувства, а тем более — причинит ей вред. Но вольность, с какой старый Эди заговорил с ней о таком предмете, уже показывала — как и можно было ожидать — полное отсутствие деликатности. И девушка

не сомневалась, что такой поборник свободы при первом же удобном случае без всяких колебаний сделает или скажет все, что придет ему в голову. Эти мысли так терзали и сердили ее, что она готова была пожалеть об усердной помощи, оказанной ей Ловелом и Охилтри в предшествующий вечер.

Находясь все еще в таком взволнованном состоянии, она вдруг заметила входивших во двор Олдбока и Ловела. Она мгновенно отодвинулась от окна и, невидимая сама, могла наблюдать, как антикварий остановился перед фасадом здания и, указывая на гербовые щиты прежних владельцев,

очевидно, начал выкладывать перед Ловелом множество любопытных и ученых сведений, которые, как по рассеянному взгляду его слушателя могла догадаться Изабелла, пропадали даром. Надо было немедленно принять какое-то решение. Девушка позвонила и приказала слуге проводить посетителей в гостиную, сама же по другой лестнице поспешила в свои покои, чтобы обдумать, прежде чем выйти к посетителям, какой линии поведения ей следует держаться. Гости, согласно ее распоряжению, были введены в ту комнату, где обычно принимали знакомых.

ГЛАВА XIII

*... ты был мне раньше
ненавистен,*

*Да и теперь тебя я не
люблю.*

*Но о любви ты
говорить умеешь*

*Так хорошо, что
общество твоё*

Терпеть я буду...

*Иной награды ты не
должен ждать.*

*«Как вам это
понравится»*

Румянец на щеках мисс

Изабеллы Уорддор стал значительно ярче, когда после задержки, которая понадобилась ей, чтобы привести в порядок свои мысли, она появилась в гостиной.

— Я рад, что вы пришли, мой прекрасный враг, — сказал антикварий, приветствуя ее с большой теплотой, — так как в лице моего молодого друга нашел весьма невосприимчивого — чтоб не сказать невнимательного — слушателя, когда пытался ознакомить его с историей Нокуиннокского замка. Боюсь, что опасности вчерашней ночи выбили его из колеи. Но вы, мисс Изабелла, вы выглядите так, словно ночные полеты по воздуху — самое обычное

и подходящее для вас занятие. Цвет лица у вас даже лучше, чем был вчера, когда вы почтили своим присутствием мой hospitium. А как сэр Артур? Как себя чувствует мой добрый старый друг?

— Сносно, мистер Олдбок. Но все-таки он едва ли будет в состоянии принять ваши поздравления и высказать... высказать мистеру Ловелу свою благодарность за его беспримерный подвиг.

— Не удивляюсь. Хорошая пуховая подушка больше годится для его бедной седой головы, чем такое грубое ложе, как передник Бесси, черт бы ее унес!

— У меня не было в мыслях
вторгаться к вам, — начал Ловел,
потупив взор и запинаясь от едва
скрываемых чувств. — Я не
собирался... не хотел навязывать
сэру Артуру или мисс Уордор
общество того, чей приход, очевидно,
нежелателен, так как связан с...
тяжелыми воспоминаниями.

— Не считайте отца таким
несправедливым или
неблагодарным, — ответила мисс
Уордор. — Должна сказать, —
продолжала она, разделяя
замешательство Ловела, — я уверена,
что... что отец будет рад высказать
свою признательность в любой
форме... то есть в такой, какую

мистер Ловел счел бы уместным предложить.

— Что за чертовщина! — перебил ее Олдбок. — Что это за оговорки? Честное слово, мне невольно припоминается пастор, старый формалист и дуралей, который, желая выпить за исполнение желаний моей сестры, счел необходимым добавить для безопасности: «... при условии, что они добродетельны, сударыня! » Не будем больше утруждать себя такой чепухой! Я уверен, что сэр Артур охотно примет нас в какой-нибудь другой день. А какие новости из царства подземного мрака и воздушных надежд? Что говорит

темноликий дух рудника? Получил ли сэр Артур за последнее время добрые вести о своем предприятии в Глен Уидершинзе?

Мисс Уордор покачала головой.

— Не сказала бы, мистер Олдбок! Но вот лежат несколько только что присланных образцов.

— Ах, бедные мои сто фунтов, которые сэр Артур уговорил меня вложить в это многообещающее дело! На них я мог бы приобрести целый мешок минералогических образцов. Однако взглянем!

Он сел за стоявший в нише стол, на котором были разложены добытые минералы, и начал осматривать их, ворча и фыркая по поводу каждого

куска, который брал в руку и затем откладывал в сторону.

Тем временем Ловел, вынужденный этим отступлением Олдбока к своего рода *tete-a-tete* с мисс Уордор, воспользовался случаем, чтобы обратиться к ней.

— Я уверен, — заговорил он тихим голосом и часто останавливаясь, — что мисс Уордор припишет почти непреодолимым обстоятельствам это вторжение лица, которое имеет основания считать себя... столь неподходящим гостем.

— Мистер Ловел, — так же тихо ответила мисс Уордор, — я считаю вас неспособным... я просто уверена, что вы не способны

злоупотребить теми преимуществами, которые дала вам оказанная мне и сэру Артуру услуга; в отношении отца она никогда не может быть достаточно оценена или оплачена. Если бы мистер Ловел мог видеться со мной без ущерба для своего душевного покоя, мог видеться со мной как с другом... как с сестрой... никто другой не был бы — и по всему, что я когда-либо слыхала о мистере Ловеле, не мог бы быть — более желанным гостем. Но...

Негодование Олдбока против союза «но» нашло отзвук в душе Ловела.

— Простите, если я прерву вас, мисс Уордор! Вы не должны

опасаться, что я стану затрагивать тему, которой вы мне строго запретили касаться. Но, отвергнув мои чувства, не прибавляйте к этому нового сурового требования, обязывая меня отречься от них.

— Меня весьма огорчает, мистер Ловел, — ответила молодая леди, — ваше — я хотела бы избежать сильных выражений — ваше романтическое и безнадежное упорство. Ради вас самого я прошу, чтобы вы вспомнили о том, как нужны родине ваши таланты, чтобы вы не зарывали их в землю, чтобы вы празднично не расточали на прихоть, на неудачное увлечение то время, которое, будучи употреблено на

полезную деятельность, заложило бы основу вашего возвышения в будущем. Я умоляю вас принять мужественное решение...

— Довольно, мисс Уордор, мне ясно, что...

— Мистер Ловел, вы обижены, и, поверьте, мне очень тяжело причинять вам боль. Но могу ли я, не унижая себя и поступая с вами честно, говорить иначе? Без согласия отца я никогда не отвечу на чье бы то ни было внимание. А между тем совершенно невозможно ожидать, чтобы отец одобрительно отнесся к той склонности, которой вы меня достаиваете. Вы это хорошо знаете, и, право же...

— Нет, мисс Уордор, — тоном страстной мольбы ответил Ловел. — Зачем идти дальше? Неужели мало разрушить всякую надежду при нынешних наших отношениях? Не переносите вашу решимость в будущее. Зачем предопределять ваше поведение в том случае, если сомнения вашего отца будут устранены?

— Напрасно вы говорите так, мистер Ловел, ибо их устранить невозможно. И я только хочу как друг и как женщина, обязанная вам своей жизнью и жизнью отца, молить вас о том, чтобы вы подавили в себе эту несчастную привязанность, покинули места, где нет поприща для

ваших талантов, и вернулись к той почетной профессии, от которой вы, по-видимому, отказались.

— Ну что ж, мисс Уордор, я должен повиноваться вашим желаниям. Будьте только терпеливы со мной один короткий месяц, и если к этому сроку я не укажу вам таких причин для моего дальнейшего пребывания в Фейрпорте, какие, наверно, одобрите даже вы, я распрощаюсь с этими краями и одновременно со всеми надеждами на счастье.

— Нет, нет, мистер Ловел! Я верю, что перед вами долгие годы заслуженного счастья, покоящегося на более разумной основе, чем ваши

теперешние желания. Однако давно пора кончить этот разговор. Я не могу заставить вас последовать моему совету, и я не могу закрыть доступ в дом моего отца спасителю его и моей жизни. Но чем скорее мистер Ловел заставит себя смириться перед несбыточностью своих опрометчивых желаний, тем выше он поднимется в моем уважении; пока же ради нас обоих он должен извинить меня, если я наложу запрет на разговор о таком мучительном предмете.

В эту минуту слуга доложил, что сэр Артур желает поговорить с мистером Олдбоком в своей комнате.

— Разрешите показать вам

дорогу, — сказала мисс Уордор, явно боявшаяся продолжения своего tete-a-tete с Ловелом, и пошла проводить антиквария к отцу.

Сэр Артур, ноги которого были закутаны во фланель, лежал, вытянувшись, на кушетке.

— Добро пожаловать, мистер Олдбок! — начал он. — Надеюсь, вы лучше меня перенесли неприятности вчерашнего вечера?

— Надо сказать, сэр Артур, что я подвергался им в гораздо меньшей степени. Я держался terra firma [note 88](#) вы же вверили себя холодному ночному воздуху в самом буквальном смысле. Но такие приключения, как полет на крыльях ночного ветра или

спуск в недра земли, подходят
доблестному рыцарю больше, чем
скромному сквайру. Какие новости с
нашего подземного мыса Доброй
Надежды? С terra incognita [note 89](#) Глен
Уидершинза?

— Пока ничего хорошего, —
ответил баронет, быстро
поворачиваясь, словно его кольнула
подагра. — Но Дюстерзивель не
отчаивается.

— Не отчаивается? — повторил
за ним Олдбок. — А вот я, с его
разрешения, отчаиваюсь. Когда я был
в Эдинбурге, старый доктор Х... н [note](#)
[90](#) сказал мне, что, судя по образцам,
которые я ему показал, мы едва ли
найдем достаточно меди, чтобы

сделать пару подколенных пряжек стоимостью в шесть пенсов. А я не вижу, чтобы образцы на столе внизу сильно отличались от прежних.

— Все же, я полагаю, ученый доктор не непогрешим?

— Нет. Но он один из наших лучших химиков. А этот ваш бродячий философ Дюстерзивель, сдается мне, принадлежит к тем описанным Кирхером ученым авантюристам, которые *artem habent sine arte, partem sine parte, quorum medium est mentiri, vita eorum mendicatum ire* [note 91](#). Иначе говоря, мисс Уордор...

— Не надо переводить, — сказала мисс Уордор. — Я понимаю

общий смысл, но надеюсь, что мистер Дюстерзивель окажется лицом, более достойным доверия.

— Я в этом очень сомневаюсь, — заметил антикварий, — и мы изрядно пострадаем, если не обнаружим этой проклятой жилы, которую он нам пророчит вот уже два года.

— Вы не так уж сильно заинтересованы в этом деле, мистер Олдбок, — сказал баронет.

— Слишком заинтересован, слишком, сэр Артур! И все-таки, ради моего прекрасного врага, я согласен был бы потерять все, лишь бы вы бросили эту затею.

Настало томительное молчание,

так как сэр Артур был чересчур горд, чтобы признать крушение своих золотых грез, хотя и не мог скрыть от себя, что этим, вероятно, окончится его сомнительное предприятие.

— Я слышал, — наконец промолвил он, — что молодой джентльмен, чьей смелости и присутствию духа мы так обязаны, почтил меня визитом, и я крайне огорчен, что не могу принять его, да и вообще никого, кроме такого старого друга, как вы, мистер Олдбок.

Антикварий легким наклоном своей негнущейся спины поблагодарил за оказанное ему предпочтение.

— Вероятно, вы познакомились с молодым джентльменом в Эдинбурге?

Олдбок рассказал обо всех обстоятельствах их встречи и знакомстве.

— Значит, моя дочь раньше вас познакомилась с мистером Ловелом, — заметил баронет.

— Вот как! Я этого не знал, — отозвался Олдбок, несколько удивленный.

— Я встретила мистера Ловела, — слегка покраснев, сказала Изабелла, — когда гостила прошлой весной у моей тетки, миссис Уилмот.

— В Йоркшире? А каково было тогда его положение в обществе и

чем он занимался? — спросил Олдбок. — Почему вы не узнали его, когда я вас знакомил?

Изабелла ответила на менее трудный вопрос, оставив другой без внимания.

— Он служил в армии, и, насколько мне известно, с честью. Он пользовался уважением и считался приятным и многообещающим молодым человеком.

— Простите! Если это так, — возразил антикварий, не склонный довольствоваться одним ответом на два разных вопроса, — почему же вы сразу не заговорили с ним, когда встретили его в моем доме? Я раньше

не замечал в вас такой надменности, мисс Уордор!

— На это была причина, — с достоинством произнес сэр Артур. — Вам известны взгляды нашего дома — вы, вероятно, назовете их предрассудками — в отношении чистоты происхождения. Молодой человек, по-видимому, незаконнорожденный сын богатого землевладельца. Моя дочь не желала возобновлять знакомство, не узнав, одобрю ли я ее общение с ним.

— Если бы дело шло о его матери, а не о нем самом, — заметил с обычным едким сарказмом Олдбок, — я счел бы, что ваша сдержанность имеет вполне веское

основание. Ах, бедняга! Так вот почему он казался таким рассеянным и смущенным, когда я объяснял ему, что косая полоса на щите под угловой башней означает внебрачное происхождение!

— Верно, — спокойно сказал баронет, — это щит «захватчика Малколма». Построенную им башню называют в память о нем башней Малколма, но чаще — башней Мистикота, что, по-моему, представляет собой искажение слова *misbegot* [note 92](#). В латинской родословной он значится у нас как *Milcolumbus Nothus* [note 93](#). А то, что он временно захватил нашу собственность и совершенно

необоснованно пытался утвердить свою незаконную линию в поместье Нокуиннок, привело к таким семейным раздорам и несчастьям, что мы с еще большим ужасом и отвращением, перешедшими к нам от наших почтенных предков, стали смотреть на загрязнение крови и внебрачное происхождение.

— Я знаю эту историю, — сказал Олдбок, — и как раз излагал ее Ловелу вместе с мудрыми правилами и следствиями, к которым она привела ваше семейство. Бедный юноша! Наверно, это его очень задело. Я принял его рассеянность за неуважение к моим словам и был немного обижен. Оказывается, это

было вызвано лишь излишней чувствительностью. Надеюсь, сэр Артур, вы не станете меньше ценить свою жизнь из-за того, что она была спасена таким лицом?

— Конечно, нет, и само это лицо — тоже, — сказал баронет. — Мой дом открыт для него, и за моим столом он желанный гость, как если бы у него была самая безупречная родословная.

— Что ж, я рад: он будет знать, где его накормят обедом, если это ему понадобится. Но что он может делать в здешних местах? Я должен расспросить его. И, если я увижу, что он нуждается в совете, и даже если не нуждается, — все равно я

постараюсь дать ему самый лучший совет.

Высказав это щедрое обещание, антикварий простился с мисс Уордор и ее отцом, стремясь немедленно начать операции против мистера Ловела. Он кратко уведомил своего спутника, что мисс Уордор шлет ему привет и остается ухаживать за отцом, а затем взял его под руку и вывел из замка.

Нокуиннок все еще в значительной мере сохранял внешние атрибуты феодального замка. Там был подъемный мост, который теперь никогда не поднимался, и высохший ров, стенки которого поросли кустами, преимущественно

вечнозеленых пород. Над ними
высилось старинное здание,
выстроенное частью на красноватой
скале, круто спускавшейся к берегу
моря, а частью — на каменистой
почве близ зеленых откосов рва. Мы
уже упоминали о деревьях аллеи;
теперь же надо добавить, что вокруг
высилось еще много других
огромных деревьев, своим
существованием словно
опровергавших предрассудок, будто
строевой лес нельзя выращивать близ
океана. Конечно, опасаясь прилива,
наши путники не рискнули идти
домой песками. Поднявшись на
небольшой пригорок, через который
теперь лежал их путь, они

остановились и оглянулись на замок. Здание бросало широкую тень на густую листву росших под ним кустов, в то время как окна фасада сверкали на солнце. Путники взирали на них с весьма различными чувствами. Ловел — с жадным пылом страсти, способной питаться самым малым, подобно хамелеону, живущему, как говорят, воздухом или содержащимися в нем невидимыми насекомыми, — старался сообразить, какое из многочисленных окон принадлежит комнате, украшенной в настоящую минуту присутствием мисс Уордор. Размышления же антиквария носили более меланхолический характер, о чем

отчасти свидетельствовало его восклицание «Cito peritura! » [note 94](#), когда он отвернулся, в последний раз взглянув на замок. Пробужденный от своих мечтаний, Ловел посмотрел на него, как бы спрашивая, что он подразумевает под такими зловещими словами. Старик покачал головой.

— Да, мой юный друг, — сказал он, — я очень опасалось, сердце мое разрывается от такой мысли, что этот древний род быстро идет навстречу крушению.

— Не может быть! — ответил Ловел. — Я совершенно поражен!

— Мы тщетно закаляем себя, чтобы переносить превратности

нашего обманчивого мира с тем равнодушием, которого они заслуживают, — продолжал свою мысль антикварий. — Мы безуспешно стараемся быть неприступными и неуязвимыми существами, *teres atque rotundus* [note 95](#), как сказано у поэта. Но та отрешенность от бед и горестей человеческой жизни, которую сулят нам философы-стоики, так же недостижима, как состояние мистического спокойствия и совершенства, к которому стремятся иные безумные фанатики.

— И не дай нам небо, чтобы стало иначе! — горячо воскликнул Ловел.

— Пусть философские рассуждения не иссушат и не очерствят наши чувства настолько, чтобы их не пробуждало ничто, кроме требований нашей выгоды! Как я не хотел бы, чтобы моя рука стала твердой, подобно рогу, только для того, чтобы я мог избежать случайных порезов или царапин, так я не пожелал бы достигнуть такого стоицизма, который сделал бы мое сердце похожим на кусок жернова.

Антикварий смотрел на своего юного друга с сожалением и сочувствием.

— Подождите, молодой человек, — пожав плечами, ответил он, — подождите, пока вашу ладью

не потреплют штормы шестидесяти лет жестоких треволнений; к тому времени вы научитесь зарифлять паруса, чтобы ваше суденышко слушалось руля, или — на языке мира сего — вы встретите много несчастий, устранимых и неустранимых, которые потребуют достаточного упражнения ваших чувств, хотя бы вы вмешивались в чужую судьбу лишь тогда, когда этого нельзя избежать.

— Что ж, мистер Олдбок, может быть, это и так. Но пока я больше похож на вас в вашей практике, чем в вашей теории, ибо не могу не быть глубоко заинтересованным в судьбе семейства, которое мы только что

покинули.

— И у вас есть к тому основания, — ответил Олдбок. — Сэр Артур за последнее время испытывает большие затруднения, и меня удивляет, что вы о них не слыхали. А тут еще нелепые и дорогостоящие работы, которые ведет для него этот бродяга-немец Дюстерзивель...

— Кажется, я видел этого субъекта, когда случайно зашел в Фейрпорте в кофейню: высокий, угрюмый, нескладный человек. Он с большей уверенностью, чем знанием, — так по крайней мере показалось мне в моем невежестве — распространялся на научные

темы, чрезвычайно решительно излагал и отстаивал свои мнения и мешал научные термины со странным, мистическим жаргоном. Какой-то простоватый юнец шепнул мне, что это ясновидец и что он общается с потусторонним миром.

— Он самый, он самый! У него достаточно практических знаний, чтобы рассудительно говорить с ученым видом, когда он считает собеседника осведомленным человеком. И, сказать правду, это его свойство, в сочетании с несравненным нахальством, некоторое время оказывало на меня действие, когда я впервые с ним познакомился. Но с тех пор я

убедился, что в обществе глупцов и женщин он выступает настоящим шарлатаном: болтает о магистерии, о симпатиях и антипатиях, о кабалистике, о магическом жезле и прочем вздоре, которым в более темное время розенкрейцеры обманывали людей и который, к нашему вечному стыду, в некоторой степени возродился в наш век. Мой друг Хевистерн встречал этого молодчика за границей и нечаянно обмолвился мне (ибо, надо вам сказать, он, прости его бог, верит во всю эту чепуху) о его истинной сущности. О, стань я халифом на один день, как почтенный Абу-Хасан, я бичами и скорпионами выгнал бы

этих мошенников из страны. Своей мистической дребеденью они успешно совращают души несведущих и доверчивых людей, как если бы одуряли их мозги джином, и затем с легкостью обчищают их карманы. А теперь этот странствующий шут и подлец нанес последний удар, который довершит разорение древней и почтенной семьи!

— Но как же он мог вытянуть у сэра Артура такие значительные суммы?

— Право, не знаю. Сэр Артур — добрый и достойный джентльмен, но, как вы сами могли судить по тем бессвязным мыслям, которые он

высказывал насчет языка пиктов, разумом он далеко не блещет. Поместье его — неотчуждаемое родовое владение — не может быть заложено, поэтому он всегда нуждается в деньгах. Обманщик посулил ему золотые горы, и нашлась одна английская компания, согласившаяся авансировать крупные суммы, боюсь — под поручительство сэра Артура. Несколько джентльменов — я, осел, тоже был в их числе — вступили в это предприятие, внося каждый свой небольшой пай, а сам сэр Артур понес большие издержки. Нас завлекли видимостью серьезного подхода к делу и еще более

благовидной ложью. Теперь же мы, как Джон Баньян, очнулись и видим, что все это был сон.

— Меня удивляет, что вы, мистер Олдбок, поощряли сэра Артура своим примером.

— Ах, — вздохнул Олдбок и нахмурил косматые седые брови, — иногда я сам дивлюсь своему поведению и стыжусь его. Дело было не в жажде наживы. Нет человека (конечно, осторожного), которого меньше интересовали бы деньги, чем меня, но мне думалось, что я могу рискнуть небольшой суммой. От меня ждут (хотя, право, я не вижу, почему), что я дам малую толику тому, кто избавит меня от этой

фитюльки — моей племянницы Мэри Мак-Интайр. И, пожалуй, считают, что я должен еще помочь ее бездельнику братцу сделать карьеру в армии. В том и другом случае было бы весьма кстати, если бы вложенная сумма, скажем, утроилась. А кроме того, мне мерещилось, будто финикийцы в прежние времена ковали медь на этом самом месте. Хитрый негодяй Дюстерзивель нащупал мое слабое место и стал распускать (черт бы его побрал!) странные слухи о будто бы найденных древних шахтах, о следах разработки руд, производимой совсем иными способами, чем в наше время. Короче говоря, я сваял

дурака, вот и все. Мои убытки — пустяки. Но сэр Артур, насколько я знаю, запутался очень сильно. У меня сердце болит за него и за бедную молодую леди, которая должна разделять его несчастье.

Здесь разговор прервался, и о его продолжении мы сообщим в следующей главе.

ГЛАВА XIV

*Коль веру дать
меняющимся снам,
Сулят мне грезы
радостную весть.*

*Властитель дум моих
царит на троне.*

*И мнится — я вознесся
над землей,*

*И голова полна веселых
мыслей.*

*«Ромео и
Джульетта»*

Рассказ о неудачной затее сэра
Артура увел Олдбока несколько в

сторону от его намерения расспросить Ловела о цели его пребывания в Фейрпорте. Но теперь он решил приступить к этой теме.

— Мисс Уордор говорит, что уже раньше была знакома с вами, мистер Ловел.

— Я имел удовольствие, — ответил Ловел, — видеть ее у миссис Уилмот в Йоркшире.

— Вот как! Вы никогда не говорили мне об этом и не приветствовали ее как старую знакомую.

— Пока мы не встретились, я... я не знал, что это то самое лицо, — ответил в немалом замешательстве Ловел, — а тогда вежливость

обязывала меня подождать, пока она узнает меня.

— Я понимаю вашу деликатность. Баронет — мелочный старый дурак, но, смею вас заверить, его дочь выше всяких бессмысленных церемоний и предрассудков. А теперь, после того как вы нашли здесь новый круг друзей, разрешите спросить, намерены ли вы покинуть Фейрпорт так же скоро, как предполагали.

— Я позволю себе ответить вам встречным вопросом: что вы думаете о снах? — отозвался Ловел.

— О снах, глупый юноша? Что же мне думать об этих обманчивых видениях, которые преподносит нам

воображение, когда разум бросает вожжи? Не вижу разницы между ними и галлюцинациями безумия. И там и тут никем не управляемые лошади могут разнести коляску, только в одном случае возница пьян, а в другом он дремлет. Что говорит Марк Туллий? «Si insanorum visis fides non est habenda, cur credatur somnientium visis, quae multo etiam perturbatiora sunt, non intelligo» [note 96](#).

— Да, сэр, но Цицерон также говорит нам, что тот, кто целый день проводит в метании дротика, должен иногда попадать в мишень и что, равным образом, среди туманных видений ночных снов некоторые могут оказаться созвучными

грядущим событиям.

— Ну, это значит, что вы, по вашему собственному мудрому мнению, попали в мишень! Боже! Боже! Как этот мир склонен к безумию! Что ж, я на этот раз готов признать снотолкование за науку: я поверю в объяснение снов и скажу, что новый Даниил восстал, чтобы толковать их, если только вы докажете мне, что ваш сон подсказал вам осмотрительное поведение.

— Скажите же мне тогда, — ответил Ловел, — почему, когда я колебался, не отказаться ли мне от одного намерения, которое я, может быть, опрометчиво возымел, мне этой ночью приснился ваш предок и

указал на девиз, призывавший меня к настойчивости? Как я мог подумать об этих словах, которых, насколько помню, я никогда не слышал, словах на незнакомом языке, при переводе все же содержавших указание, так явно приложимое к моим обстоятельствам?

Антикварий расхохотался.

— Простите меня, юный друг, но так мы, глупые смертные, обманываем самих себя и готовы искать бог знает где источник побуждений, рождающихся в нашей собственной капризной воле. Мне кажется, я могу разобраться в причине вашего видения. Вчера после обеда вы были так поглощены

своими думами, что не обращали
особого внимания на спор между
сэром Артуром и мной, пока между
нами не разгорелись пререкания по
поводу пиктов, окончившиеся так
внезапно. Но я помню, что достал
для сэра Артура книгу, напечатанную
моим предком, и предложил
баронету взглянуть на девиз. Ваши
мысли витали далеко, но слух
механически воспринял и удержал
звуки, а ваша фантазия, по-видимому
возбужденная легендой, которую
рассказала Гризельда, внесла в ваш
сон этот отрывок немецкого текста.
Если же трезвый, бодрствующий
разум хватается за столь пустячное
обстоятельство для оправдания

сомнительной линии поведения, так это просто один из тех трюков, к которым время от времени прибегают даже самые мудрые из нас, чтобы дать волю своим наклонностям за счет здравого смысла.

— Это правда, — сказал Ловел, сильно краснея. — Я думаю, вы правы, мистер Олдбок, и боюсь, что должен упасть в вашем мнении, раз я хоть на минуту придал значение такому пустяку. Но я метался среди противоречивых желаний и решений, а вы знаете, какой тонкой бечевкой можно буксировать судно, плавающее на волнах, хотя, когда оно вытащено на берег, его не сдвинуть и канатом.

— Верно, верно! — воскликнул антикварий. — Упасть в моем мнении? Нисколько! Таким вы еще больше мне нравитесь. Теперь каждый из нас может порассказать кое-что о другом, и мне уже не так стыдно, что я тогда так осрамился с этим проклятым преторием, хотя все еще убежден, что лагерь Агриколы должен был находиться где-то поблизости. А теперь, Ловел, будьте, милый друг, откровенны со мной. Почему вы оставили свою страну и ремесло ради праздного пребывания в таком месте, как Фейрпорт? Боюсь, из-за склонности к лени!

— Пожалуй, что так, — ответил Ловел, терпеливо перенося допрос,

от которого ему неудобно было бы уклониться. — Но я так оторван от всего мира, у меня так мало друзей, которыми я бы интересовался и которые интересовались бы мною, что само одиночество уже доставляет мне независимость. Тот, чья счастливая или несчастливая судьба касается его одного, имеет полное право поступать сообразно своим желаниям.

— Простите, молодой человек, — сказал Олдбок, ласково кладя руку ему на плечо и круто останавливаясь. — Sufflamina [note 97](#), потерпите немного, пожалуйста. Я буду исходить из того, что у вас нет друзей, с которыми вы могли бы

делиться достигнутым и которые радовались бы вашим успехам в жизни, что нет людей, которым вы были бы обязаны в прошлом, или таких, которым вы могли бы оказать покровительство в будущем. Тем не менее вам надлежит идти вперед по стезе долга, ибо вы обязаны отчетом в своих действиях не только обществу, но и тому высшему существу, которое вы должны смиренно благодарить за то, что оно сделало вас членом этого общества и дало вам силы служить себе и другим.

— Но я не замечаю в себе таких сил, — уже несколько нетерпеливо отозвался Ловел. — От общества я не

прошу ничего, лишь бы оно позволило мне идти моим жизненным путем, не толкая других, но и не разрешая другим толкать меня. Я никому ничего не должен, я располагаю средствами для совершенно независимого существования, а мои потребности так скромны, что эти средства, хотя они и ограничены, покрывают их с избытком.

— Ну что ж, — промолвил Олдбок, сняв руку и готовясь вновь двинуться по дороге, — если вы такой философ, что довольствуетесь теми средствами, которыми располагаете, мне больше нечего сказать. Я не могу присваивать себе

право давать вам советы. Вы достигли асте — вершины совершенства. Но каким образом Фейрпорт стал убежищем для такой философии самоотречения? Это похоже на то, как в старину последователь истинной религии нарочно поселялся среди всевозможных язычников Египта. В Фейрпорте нет человека, который не был бы преданным поклонником золотого тельца, нечестивого мамона. Даже я, друг мой, настолько заражен дурным соседством, что иногда сам испытываю желание стать идолопоклонником.

— Мое главное развлечение — литература, — ответил Ловел. — К

тому же обстоятельства, которых я не могу касаться, побудили меня — по крайней мере на время — оставить военную службу. Я избрал Фейрпорт как место, где я могу предаваться своим занятиям, не подвергаясь соблазнам, обычным в более изысканном обществе.

— Так, так! — с глубокомысленным видом произнес Олдбок. — Я начинаю понимать, как вы истолковали для себя девиз моего предка. Вы кандидат в любимцы публики, хотя и не в том плане, как я раньше подозревал. Вы стремитесь блистать как писатель и надеетесь достигнуть этого трудом и настойчивостью?

Прижатый к стене любопытством старого джентльмена, Ловел решил, что лучше всего будет оставить его в заблуждении, в котором никто, кроме самого мистера Олдбока, не был виноват.

— Временами я бываю так глуп, — ответил он, — что лелею подобные надежды.

— Ах, бедняга! Ничего не может быть печальнее, если только вы, как это иногда случается с молодыми людьми, не вообразили себя влюбленным в какую-нибудь дрянную девчонку, что, как справедливо говорит Шекспир, значит спешить к смерти, бичеванию и повешению разом.

Он продолжал свои расспросы, причем иногда любезно брал на себя труд и отвечать на них. Увлекаясь археологическими разысканиями, добрейший джентльмен охотно строил теории на предпосылках, часто не дававших для этого надежного основания. И будучи, как, наверно, заметил читатель, достаточно самоуверен, он не терпел, чтобы его поправляли — как в области фактов, так и в области их оценки — даже лица, специально занимавшиеся вопросами, о которых он рассуждал. Поэтому он продолжал расписывать Ловелу его будущую литературную карьеру.

— С чего же вы думаете начать

вашу писательскую деятельность? Впрочем, догадываюсь: поэзия, поэзия, нежная соблазнительница юности! Да, смущение в ваших глазах и жестах подтверждает это. А к какому виду поэзии вас влечет? Намерены ли вы воспарить на самые высоты Парнаса или порхать вокруг подножия этой горы?

— Я до сих пор пробовал перо лишь в нескольких лирических стихотворениях.

— Я так и предполагал: чистили перышки и порхали с ветки на ветку. Но, я уверен, вы готовитесь к более смелому полету. Заметьте, я отнюдь не рекомендую вам посвятить себя этому малоприбыльному занятию.

Но вы говорите, что нисколько не зависите от переменчивых вкусов публики?

— Совершенно верно, — подтвердил Ловел.

— И что вы не намерены избрать более деятельный жизненный путь?

— Пока я решил так, — ответил молодой человек.

— В таком случае мне остается лишь предложить вам свой совет и помощь в выборе темы ваших работ. Я сам опубликовал два очерка в «Археологическом вестнике» и, таким образом, могу считать себя опытным автором. Одна работа — это критика хирновского издания

Роберта Глостера, она была подписана «Исследователь». Вторая же, за подписью «Изыскатель», касалась одного места у Тацита. Могу упомянуть еще об одной статье в «Журнале для джентльменов», привлекая в свое время немало внимания. Она была посвящена надписи Oelia Lelia. Подпись была «Эдип». Вы видите, я не новичок в делах сочинительства и владею его тайнами. Поэтому я не могу не понимать духа и интересов времени. Теперь я снова спрашиваю вас: с чего вы думаете начать?

— Я еще не думаю о печатании.

— Ну, это не годится! Во всех ваших начинаниях вы должны

считаться с публикой, бояться ее. Давайте посмотрим... Сборник небольших стихотворений? .. Нет, такая поэзия обычно залеживается у книготорговца. Необходимо что-либо солидное и в то же время привлекательное. Только не романы или новомодные уродливые повести! Вы должны сразу прочно стать на ноги. Давайте посмотрим... Что вы думаете о настоящем эпическом произведении? О величественной исторической поэме в старом вкусе, плавно текущей на протяжении двенадцати или двадцати четырех песен? Сделаем так: я вам дам сюжет — пусть это будет битва между каледонцами и римлянами,

«Каледониада», или пусть она называется «Отбитое вторжение». Такое заглавие подойдет к нынешнему вкусу и даст вам возможность включить кое-какие намеки на современность.

— Но вторжение Агриколы не было отбито!

— Не было. Но вы поэт и пользуетесь полной свободой. Вы так же мало связаны исторической правдой и правдоподобием, как сам Вергилий. Вы можете разбить римлян вопреки Тациту.

— И расположить лагерь Агриколы у Кема — забыл, как вы называете это место, — вопреки Эди Охилтри?

— «Ни слова более, коль любишь ты меня... » А все-таки, я полагаю, вы в обоих случаях, сами того не подозревая, могли бы оказаться совершенно правым наперекор тому историку и голубому плащу нищего.

— Прекрасный совет! Хорошо, я сделаю что могу. А вы не откажете мне в помощи по части сведений, касающихся местности.

— Ну, еще бы! Я напишу критические и исторические замечания к каждой песне и сам составлю общий план. Я не лишен поэтической жилки, мистер Ловел, только я никогда не мог писать стихи.

— Жаль, сэр, что вы не обладаете качеством, довольно существенным для занятий этим видом искусства.

— Существенным? Оно вовсе не существенно. Это чисто механическая часть работы. Человек может быть поэтом, не отмеривая спондеев и дактилей в подражание древним и не втискивая концов строк в рифмы, подобно тому как можно быть архитектором, не умея делать работу каменщика. Неужели вы думаете, что Палладий или Витрувий когда-либо таскали на лотке кирпичи?

— В таком случае у каждого стихотворения должно быть два

автора: один — чтобы думать и намечать план, другой — чтобы его выполнять.

— Знаете, это было бы неплохо! Во всяком случае, продедаем опыт. Не скажу, чтобы я хотел выставять свое имя перед публикой. Ну, а помощь ученого друга можно отметить в предисловии какой-нибудь пышной фразой, какая придет вам в голову. Я же совершенно чужд авторского тщеславия.

Ловела немало позабавило это заявление, плохо вязавшееся с той поспешностью, с какой его друг ухватился за возможность выступить перед читающей публикой, хотя бы и таким способом, при котором он как

бы становился на запятки, вместо того чтобы сесть в карету. Антикварий же был бесконечно счастлив. Как многие люди, проводившие жизнь в безвестных литературных изысканиях, он питал тайную мечту блеснуть в печати. Но его порывы охлаждались приступами робости, боязнью критики и привычкой к лени и откладыванию в долгий ящик. «Однако, — мыслил он, — я могу, как второй Тевкр, выпускать стрелы из-за щита моего союзника. Если допустить, что он окажется не первоклассным поэтом, я нисколько не буду отвечать за его недостатки, а хорошие примечания могут в значительной мере

уравновесить бледность текста. Но нет, он должен быть хорошим поэтом — у него истинно парнасская отрешенность: он редко отвечает на вопрос, пока его не повторят дважды; пьет кипящий чай, а ест, не замечая, что кладет в рот. Здесь налицо настоящий *aestus* [note 98](#), или *awen* [note 99](#) уэльских бардов, *divinus afflatus* [note 100](#), уносящее поэта за пределы подлунного мира. Его сновидения весьма характерны для «поэтического неистовства». Не забыть бы: пошлю сегодня Кексона посмотреть, чтобы наш гость задул на ночь свечу, — поэты и духовидцы бывают небрежны с огнем! » Обернувшись к спутнику, он

возобновил разговор:

— Да, мой дорогой Ловел, вы получите исчерпывающие примечания. И я думаю, мы можем включить в «Дополнение» весь очерк о разбивке римских лагерей: это придаст работе большую ценность. Затем мы воскресим прекрасные старые формы, которые в наше время находятся в таком постыдном пренебрежении. Вы должны воззвать к музе, и, несомненно, она будет благосклонна к автору, который в отступнический век, подобно Абдиилу, блюдет верность древним формам поклонения. Затем нам нужно видение, в котором гений Каледонии явится Галгаку и покажет

ему шествие подлинных шотландских монархов. А в примечаниях я нанесу удар Бойсу... Нет, этой теме мне не следует касаться теперь, когда сэру Артуру и без того предстоит много неприятностей. Но я уничтожу Оссиана, Макферсона и Мак-Криба.

— Однако нам надо подумать и о расходах по изданию книги, — сказал Ловел в надежде, что этот намек падет холодным дождем на рьяный пыл самозванного помощника.

— Расходы! — воскликнул мистер Олдбок, останавливаясь и машинально роясь в кармане. — Это верно... Я хотел бы что-нибудь сделать, но... А не издать ли книгу по подписке?

— Ни в коем случае! — ответил Ловел.

— Конечно, конечно! — охотно согласился антикварий. — Это не солидно. Но вот что я вам скажу: я знаю одного книготорговца, который считается с моим мнением, и мне кажется, что он рискнет бумагой и типографскими расходами. А я постараюсь продать для вас возможно больше экземпляров.

— Ну, я не корыстный автор, — с улыбкой сказал Ловел. — Я только не хочу потерпеть убытки.

— Тс, тс! Об этом мы позаботимся. Переложим все это на издателя. Я жажду, чтобы вы уже принялись за работу. Без сомнения,

вы выберете белый стих? Он величественнее и больше подходит для исторической темы. И это существенно для вас, мой друг: мне кажется, что таким стихом писать легче.

За этим разговором они дошли до Монкбарнса, где антикварий получил выговор от сестры, которая, хотя и не была философом, ждала его у крыльца, чтобы прочесть ему лекцию.

— Послушай, Монкбарнс, кажется, и так все стоит ужасно дорого, а ты еще хочешь убить нас рыбой! Зачем ты даешь этой крикунье, тетке Маклбеккит, сколько взбредет ей на ум?

— Что ты, Гризл! — промолвил мудрец, несколько опешивший от неожиданной атаки. — Мне казалось, что я сделал очень удачную покупку.

— Удачная покупка, когда ты дал этой вымогательнице половину того, что она запросила! Если хочешь вмешиваться в женские дела и сам покупать рыбу, никогда не плати больше четверти. А у этой бабы еще хватило нахальства прийти сюда и потребовать рюмку бренди! Но мы с Дженни хорошо отделали ее!

— Право, — сказал Олдбок, лукаво взглянув на своего спутника, — мы должны возблагодарить судьбу за то, что были

далеко и не слышали этой дискуссии. — Хорошо, хорошо, Гризл, один раз в жизни я был неправ. *Ultra crepidam* [note 101](#)., готов в этом честно признаться. Но к черту расходы! Как говорится, «от заботдохнет и кот». Съедем эту рыбу, сколько бы она ни стоила. А затем, Ловел, вы должны знать, что я еще потому так упрашивал вас остаться на день, что нынче нам будет уютнее, чем в другое время. Вчера у нас был торжественный прием, а я больше люблю следующий день. Мне нравятся *analecta* [note 102](#), или, как я называл бы их, остатки предшествовавшей трапезы, которые в таких случаях появляются на столе.

А вот как раз и Дженни идет звонить
к обеду!

ГЛАВА XV

*Доставить мигом это
письмо!*

*Скорей, скорей, скорей!
Эй, раб, в седло! Гони
во весь дух!*

Скачи, скачи, скачи!

*Старинная
надпись на
важных письмах*

Предоставив мистеру Олдбоку и его другу наслаждаться столь дорого доставшейся им рыбой, перенесем читателя, с его разрешения, в маленькую гостиную позади конторы

фейрпортского почтмейстера, где его жена, за отсутствием его самого, сортировала для разности письма, доставленные эдинбургской почтой. Эту пору дня кумушки в провинциальных городах находят наиболее удобной для посещения содержателя или содержательницы почты, чтобы по наружному виду конвертов, а иногда (если это не клевета) и по тому, что содержится внутри, собирать для своего развлечения отрывочные сведения или строить догадки о переписке и делах своих ближних. Как раз две такие особы женского пола в настоящую минуту помогали или мешали миссис Мейлсеттер в

исполнении ее служебных обязанностей.

— Господи помилуй, — сказала жена мясника. — Здесь десять, одиннадцать, двенадцать писем для Теннента и Компании. Эти люди делают больше дел, чем весь остальной город, вместе взятый!

— Погляди-ка, соседка, — подхватила булочница. — Два из них сложены как-то странно пополам и заклеены по краю. Наверно, в них опротестованные векселя!

— А нет ли письмеца для Дженни Кексон? — спросила властительница бифштексов и потрохов. — Лейтенант уж три недели как уехал.

— Во вторник на прошлой неделе было письмо, — сообщила почтмейстерша.

— Письмо с корабля? — осведомилась Форнарина.

— Совершенно верно.

— Ну, значит, от лейтенанта, — заметила повелительница кренделей с некоторым разочарованием. — Я думала, с глаз долой — из сердца вон.

— А вот, оказывается, еще одно! — объявила миссис Мейлсеттер. — С корабля, почтовый штемпель — Сандерленд.

Все бросились вперед, чтобы схватить письмо.

— Нет, нет, уважаемые! —

остановила их миссис Мейлсеттер. — Я уже имела из-за вас неприятности. Вы знаете, что мой муж получил большой нагоняй от секретаря в Эдинбурге из-за жалобы насчет письма для Эйли Биссет, которое вы, миссис Шорткейк, вскрыли?

— Я вскрыла? — возмутилась жена главного булочника Фейрпорта. — Вы отлично знаете, сударыня, что оно само вскрылось у меня в руке. Чем я виновата? Людям следует брать лучший воск, чтобы запечатывать письма.

— Что ж, и это верно, — сказала миссис Мейлсеттер, державшая мелочную лавочку. — У нас как раз

получен воск, который я по совести могу рекомендовать, если он нужен кому-нибудь из ваших знакомых. Но вся беда в том, что мы потеряем место, если поступит еще хоть одна подобная жалоба.

— Вздор, милая! Мэр все уладит.

— Ну нет! Я не верю ни мэру, ни олдерменам, — сказала начальница почты. — Но я готова оказать вам любезность, и потом мы ведь добрые соседи. Можете рассматривать письма снаружи. Видите, здесь на печати якорь. Наверно, лейтенант оттиснул его своей пуговицей!

— Покажите, покажите! — заинтересовались жены главного мясника и главного булочника.

Они набросились на предполагаемое любовное послание, как «вещие сестры» в «Макбете» на палец кормчего, с таким же неистовым любопытством и едва ли с меньшей злобой. Миссис Хьюкбейн была высокого роста. Она поднесла письмо к глазам и повернулась с ним к окну. Миссис Шорткейк, маленькая и коренастая, приподнялась на цыпочки, чтобы принять участие в обследовании.

— Это от него! — объявила жена мясника. — Вот тут в углу я разобрала подпись «Ричард Тэфрил», и строчки идут от края до края.

— Держите письмо пониже, соседка! — воскликнула миссис

Шорткейк значительно громче того осторожного шепота, которого требовала их забава. — Держите пониже! Вы думаете, только вы умеете разбирать почерк?

— Тише, тише, вы обе, ради бога! — зашипела на них миссис Мейлсеттер. — Кто-то вошел в лавку. Займись покупателем, Бэби! — добавила она вслух.

Снаружи донесся пронзительный голос Бэби:

— Это всего лишь Дженни Кексон, мэм! Она зашла узнать, нет ли ей письма.

— Скажи ей, — отозвалась усердная почтарша, подмигивая товаркам, — пусть зайдет завтра

утром, в десять; тогда я ей скажу. Мы еще не успели разобрать почту. Чего ей так приспичило? Можно подумать, что ее письма важнее тех, что пришли для первых торговых людей в городе.

Бедной Дженни, девушке необыкновенной красоты и скромности, ничего не оставалось, как запахнуть плащ, чтобы скрыть вздох разочарования, и покорно возвратиться домой, а потом еще одну ночь терпеть сердечную боль, вызванную несбывшейся надеждой.

— Тут что-то говорится про иголку и полюс или, может, полосы, — сообщила миссис Шорткейк, которой ее более высокая

соперница по сплетням наконец дала поглядеть на предмет их любопытства.

— Ах, какой стыд, — возмутилась миссис Хьюкбейн, — издеваться над бедной глупой козочкой, после того как он так долго за ней волочился и, наверно, получил от нее все, что хотел!

— Ну, в этом-то нечего сомневаться! — эхом отозвалась миссис Шорткейк. — Но корить ее тем, что у нее отец цирюльник и вывеска над дверями у него полосатая, как это ему полагается, а она сама простая швейка! Тьфу, какой стыд!

— Тише, тише, сударыни

мои! — остановила их миссис Мейлсеттер. — Вы начисто промахнулись. Это — из матросской песенки. Я сама слышала, как он ее пел: там говорится, что он верен девушке, как магнитная игла — полюсу.

— Ладно, ладно! Я очень рада, если это так, — промолвила милосердная миссис Хьюкбейн. — Но все равно девушке ее положения непристойно вести переписку с офицером короля.

— Против этого не спорю, — сказала миссис Мейлсеттер. — Но от любовных писем почте большой доход. Поглядите-ка, здесь несколько писем сэру Артуру Уордору, и почти

все заклеены облатками, а не воском. Помяните мое слово, ему недолго до разорения!

— Конечно. Это деловые письма, а не от его знатных друзей со всякими там гербами на печатях, — заметила миссис Хьюкбейн. — Придет конец его чванству. Он уже год увиливает и не платит по счету моему мужу, а ведь тот гильдейский староста!

— И моему задолжал за полгода, — подхватила миссис Шорткейн. — Этот баронет подгорел, как хлебная корка.

— Тут, кажется, письмо, — прервала их рачительная содержательница почты, — от его

сына капитана, потому что на печати такой же герб, как на нокуиннокской коляске. Наверно, он едет домой посмотреть, что можно спасти от огня.

Покончив с баронетом, они взялись за эсквайра.

— Вот два письма для Монкбарнса — на этот раз от каких-то его ученых друзей. Посмотрите, как густо они исписаны до самой печати, чтобы не оплачивать двойного веса. Как это похоже на самого Монкбарнса! Когда ему надо что-нибудь отправлять, в пакете всегда полная унция: зернышко аниса — и то перетянуло бы; но излишка веса, даже самого малого, не бывает.

Я давно бы вылетела в трубу, если б стала так отвешивать моим покупателям перец, и серу, и прочие сласти.

— Изрядный скряга этот монкбарнский лэрд, — сказала миссис Хьюкбейн. — Когда ему требуется немного грудинки августовского барашка, он поднимает столько шума, словно покупает филейную часть целого быка. Угостите нас еще рюмочкой коричневой (вероятно, она хотела сказать «коричной») воды, миссис Мейлсеттер, милочка! Эх, подружки, если б вы знали его брата, как я его знала! Сколько раз он, бывало, шмыгал ко мне с парой диких уток в

ягдташе, когда мой первый муж уезжал в Фолкерк на ярмарку... Да, да, не будем теперь об этом говорить!

— Я не скажу про Монкбарнса ничего худого, — заметила миссис Шорткейк. — Правда, брат его не приносил мне диких уток, но он сам — человек порядочный, честный. Мы поставляем им хлеб, и он рассчитывается с нами каждую неделю. Только он очень разъярился, когда мы послали ему выписку из книги вместо бирок (Палки с зарубками, в старое время обычно служившие пекарям для расчетов с покупателями. Каждая семья имела свою бирку, и за каждый доставленный каравай хлеба на

палке делалась зарубка. Пристрастие к ним антиквария могло быть вызвано тем, что аналогичный способ проверки применялся в отчетах казначейства. Во времена Прайора английские булочники рассчитывались таким же способом.). Он сказал, что бирки — настоящий старинный способ расчета между продавцами и покупателями. И это, конечно, верно.

Глядите — пекаря жена.
Меж двух корзин идет она,
Колыша счетные лучинки,
Уложенные в серединке.

[note](#)

— А вот поглядите сюда, соседки, — прервала их миссис Мейлсеттер.

— Тут есть на что полюбоваться! Вы бы, верно, немало дали, чтобы узнать, что там внутри! Это совсем не то, к чему мы привыкли. Видали вы подобное: «Уильяму Ловелу, эсквайру, проживающему у миссис Хедоуэй, Хай-стрит, Фейрпорт, близ Эдинбурга». Это всего лишь второе письмо, полученное здесь для него.

— Ради бога, дайте взглянуть! Ради бога, дайте взглянуть! Это ведь тот самый, о ком в городе никто толком не знает. Такой красивый молодой человек! Дайте

посмотреть... дайте посмотреть! — восклицали обе достойные дочери праматери Евы.

— Ну нет! — прикрикнула на них миссис Мейлсеттер. — Прошу вас, станьте подальше! Это вам не четырехпенсовое письмишко, за которое мы можем ответить перед начальством из своего кармана, если что-нибудь случится. За него уплачено двадцать пять шиллингов, и приложено распоряжение секретаря переслать с нарочным адресату, если его не окажется дома. Так что, прошу, держитесь подальше! С этой штукой шутить не приходится.

— Дайте же поглядеть хоть снаружи!

Однако при осмотре они не обнаружили ничего, кроме различных свойств, которые философы приписывают материи: длины, ширины, толщины и веса. Конверт был сделан из прочной толстой бумаги, непроницаемой для любопытных глаз кумушек, которые пялили их так, что они чуть не выскакивали из орбит. Печать представляла собой глубокий и четкий оттиск какого-то герба, и с ней ничего нельзя было поделать.

— Вот беда, — сказала миссис Шорткейк, взвешивая письмо в руке и, несомненно, надеясь, что воск — увы, слишком хороший! — размягчится и растает. — Мне так

хочется узнать, что здесь написано! Этот Ловел строит из себя самого загадочного человека, какой когда-либо ходил по мостовой Фейрпорта.

— Ладно, ладно, подружки! — сказала почтмейстерша. — Мы с вами посидим и поболтаем об этом. Бэби, принеси-ка кипятку для чая. Я очень обязана вам за печенье, миссис Шорткейк. Мы запрем лавку, кликнем Бэби и поиграем в картишки, а потом придет домой хозяин, и тогда мы отведаем превосходной телячьей печенки, которую вы так любезно прислали мне, миссис Хьюкбейн.

— Разве вы не хотите прежде всего отправить письмо мистеру

Ловелу? — спросила миссис Хьюкбейн.

— Надо бы! Да вот не знаю, с кем отправить, пока муж не вернулся домой. Старый Кексон сказал мне, что мистер Ловел на весь день остался в Монкбарнсе. У него сделался сильный жар после того, как он вытащил лэрда и сэра Артура из воды.

— Старые дураки! — сказала миссис Шорткейк. — Чего это им понадобилось купаться в такую ночь, как вчера.

— А мне говорили, что их спас старый Эди, — вставила миссис Хьюкбейн. — Эди Охилтри Голубой Плащ, вы его знаете. Он вытащил

всех троих из старого пруда. Они упали туда из-за Монкбарнса: он хотел показать им какие-то постройки прежних монахов.

— Бросьте, милая, это чепуха! — вмешалась почтмейстерша. — Я все расскажу вам, как мне передал Кексон. Сэр Артур, и мисс Уордор, и мистер Ловел — все трое — обедали в Монкбарнсе...

— Послушайте, миссис Мейлсеттер, — снова перебила ее миссис Хьюкбейк. — Неужели вы не отошлете это письмо с нарочным? Возьмите у нас пони. Наш работник ведь уже не раз выполнял поручения для почты. А сегодня пони не сделал

и тридцати миль. Когда я выходила из дома, Джок как раз чистил его.

— Нет, миссис Хьюкбейн, — возразила начальница почты. — Вы знаете, мой муж любит сам ездить нарочным. Мы должны сами бросать корм нашим чайкам! Каждый раз, как он сядет на свою кобылу, это полгинеи в руки. А он скоро будет дома. Впрочем, не все ли равно, получит джентльмен письмо нынче вечером или завтра с самого утра?

— Вся разница в том, — ответила миссис Хьюкбейн, — что мистер Ловел окажется в городе раньше, чем выедет ваш нарочный. И что вы заработаете тогда, милая? Но вы, конечно, лучше знаете, как вам

быть.

— Хорошо, хорошо, миссис Хьюкбейн, — заторопилась миссис Мейлсеттер, несколько расстроенная и даже изменившаяся в лице. — Мы должны быть добрыми соседями, и, как говорится, живи и давай жить другим. Раз уж я была такой дурой и показала вам распоряжение секретаря, его, конечно, нужно выполнить. Но я обойдусь без вашего работника, очень вам благодарна, я пошлю своего мальчугана Дэви на вашем пони. Это даст, понимаете, ровно по пять шиллингов и три пенса каждой из нас.

— Дэви! Господи помилуй, ребенку ведь еще нет и десяти лет. И,

по правде сказать, наш пони немного норовист, в дороге с ним прямо беда. Только наш Джок может справиться с ним.

— Очень жаль, — мрачно ответила почтмейстерша. — Я вижу, придется подождать, пока не вернется хозяин. Я не хочу отвечать за то, что доверила письмо такому парню, как Джок. Наш Дэви как-никак все-таки свой на почте!

— Отлично, отлично, миссис Мейлсеттер, я вижу, куда вы гнете. Но если вы рискуете ребенком, я рискну лошадью.

Были даны соответствующие распоряжения. Недовольный пони был поднят со своего соломенного

ложа, взнуздан и оседлан. Дэви, с кожаной почтовой сумкой через плечо, взгромоздился в седло со слезами на глазах и с прутом в руке. Добродушный Джок вывел животное из города и там, хлопнув бичом и прикрикнув на пони привычным для того голосом, заставил его двинуться по дороге в Монкбарнс.

Между тем кумушки, как сивиллы, заглянувшие в свои книги, привели в порядок и согласовали добытые в этот вечер сведения, которые на следующее утро в тысяче вариантов бесчисленными каналами растеклись по всему Фейрпорту. Основанные на догадках и предположениях кумушек, слухи эти

были многочисленны, странны и противоречивы. Говорили, будто Теннент и К° обанкротились и все их векселя вернулись опротестованными. В то же время утверждали, что они получили большой заказ от правительства и письма от самых видных купцов Глазго с предложениями войти к ним в долю с доплатой. По одним сведениям, лейтенант Тэфрил признался, что состоит в тайном браке с Дженни Кексон, а по другим — он прислал письмо, где упрекал ее за низкое происхождение, а также за необразованность и навсегда прощался с ней. Повсюду шептали, что дела сэра Артура непоправимо

запутались, и если люди благоразумные в этом сомневались, то лишь потому, что слух был прослежен до конторы миссис Мейлсеттер, то есть до источника, более известного неисчерпаемостью новостей, чем их достоверностью. Но все сходились на том, что из канцелярии министра прибыл пакет на имя мистера Ловела, доставленный прямо из главного штаба в Эдинбурге ординарцем-драгуном, который проскакал через Фейрпорт, остановившись лишь затем, чтобы спросить дорогу в Монкбарнс. Причину прибытия такого чрезвычайного гонца к столь мирному и одинокому человеку

объясняли различно. Некоторые уверяли, что Ловел — знатный эмигрант, призванный стать во главе восстания, вспыхнувшего в Вандее, другие — что он шпион, еще иные — что он генерал, неофициально осматривающий берега, и даже — что он путешествующий инкогнито принц крови.

Между тем доставка вызвавшего столько догадок пакета его законному адресату сопровождалась опасностями и происходила с задержками. Гонца, Дэви Мейлсеттера, чрезвычайно мало похожего на лихого драгуна, пони нес в сторону Монкбарнса лишь до тех пор, пока в его памяти сохранялись

щелканье хлыста, которым его обычно наказывали, и крики подручного мясника. Но чувствуя, как Дэви, чьи короткие ноги не могли удержать мальчика в равновесии, ерзал взад и вперед по его спине, пони начал пренебрегать выполнением данных ему указаний. Во-первых, он сбавил ход до ровного шага. Это еще не вызвало ссоры между ним и всадником, который давно уже неважно чувствовал себя от быстрого движения и теперь воспользовался более медленным аллюром, чтобы погрызть имбирный пряник, который сунула ему в руку мать, пытаясь примирить юного эмиссара почтовой конторы с

возложенной на него задачей. Вскоре коварный пони заметил ослабление дисциплины и, тряхнув головой, вырвал поводья из рук Дэви, после чего спокойно начал щипать траву по краю тропинки. Ошеломленный этими признаками своеволия и бунта, Дэви, равно боясь остаться в седле и свалиться с него, поднял громкий плач. Услышав над головой эти звуки, пони, по-видимому, решил, что лучше ему самому и Дэви вернуться туда, откуда они явились, и начал отступление к Фейрпорту. Но так как почти всякое отступление кончается беспорядочным бегством, лошадка, испуганная болтавшимися поводьями, которые били ее по

передним ногам, и воплями мальчика, а также чуя впереди дом, затрусила такой рысью, что, если бы Дэви удержался в седле (а это было крайне сомнительно), он скоро увидел бы перед собой ворота конюшни Хьюкбейнов. Но вдруг на повороте дороги подоспела помощь в лице старого Эди Охилтри, который завладел поводьями и прервал дальнейший бег пони.

— Кто ты такой, паренек? И разве так ездят?

— Я ничего не могу поделать! А зовут меня маленький Дэви.

— Куда же ты едешь?

— Я еду в Монкбарнс с письмом.

— Вот тебе на! Эта дорога вовсе не в Монкбарнс.

Но на все попытки разубедить его Дэви отвечал только вздохами и слезами.

Старого Эди нетрудно было растрогать, когда дело касалось детей. «Я шел в другую сторону, — подумал он. — Но тем и хороша моя жизнь, что мне все пути годны. В Монкбарнсе мне всегда дадут ночлег. Поплечусь туда с малышом. Бедняжка расшибется насмерть, если никто не поведет пони».

— Ты говоришь, у тебя письмо, сынок? А ну-ка, покажи!

— Я никому не покажу письма, — всхлипывая, сказал

мальчик, — пока не отдам его мистеру Ловелу. Потому что я верный слуга почтовой конторы, и если б не пони...

— Верно, малыш! — заметил Охилтри, поворачивая голову строптивного пони в сторону Монкбарнса. — Вдвоем мы с ним управимся, если он не будет очень беситься.

Пригласив Ловела после обеда прогуляться на вершину Кинпрунз, антикварий, успевший уже примириться с перенесенным здесь унижением, распространялся теперь на темы, подсказанные ему окружающим ландшафтом, и описывал лагерь Агриколы в час

рассвета. Он издали завидел нищего и его протезе.

— Что за черт! Никак это старый Эди собственной персоной!

Нищий объяснил, в чем дело, и Дэви, который настаивал на буквальном выполнении своего поручения и передаче письма непременно в Монкбарнсе, с трудом уговорили вручить пакет его законному владельцу, хотя тот и оказался на милю ближе указанного места.

— Но мама сказала, чтобы я обязательно получил двадцать пять шиллингов почтовых сборов, а потом еще десять шиллингов и шесть пенсов за особую доставку. Вот

бумага.

— Посмотрим, посмотрим! — сказал Олдбок, надевая очки и рассматривая измятую выписку из тарифов, на которую ссылался Дэви.

— «Доставка: человек с конем, один день, — не свыше десяти шиллингов и шести пенсов». Один день? Да тут и одного часа нет! Человек с конем? Да тут мартышка верхом на драной кошке!

— Папа должен был поехать сам на большой рыжей кобыле, — возразил Дэви, — и вам пришлось бы ждать до завтрашнего вечера.

— Двадцать четыре часа после получения письма почтовой конторой! Ах ты, бесенок! Неужели

ты так рано познал искусство надувательства?

— Полноте, Монкбарнс, к чему смеяться над ребенком, — сказал нищий. — Мясник-то мог потерять свою скотинку, а женщина — малыша. И потом десять шиллингов и шесть пенсов не так уж много. Вы так не спорили с Джонни Хови, когда...

Гость антиквария, сидевший на месте предполагаемого претория, пробежал глазами содержание письма и положил конец пререканиям, уплатив Дэви требуемую сумму. Ловел был взволнован. Он повернулся к мистеру Олдбоку и сообщил, что, к

сожалению, не может возвратиться с ним в Монкбарнс и провести там вечер.

— Я должен немедленно отправиться в Фейрпорт и, может быть, сейчас же уехать оттуда. Никогда не забуду, мистер Олдбок, вашего радушия.

— Надеюсь, вести не плохие? — спросил антикварий.

— Весьма смешанного свойства, — ответил его друг. — Прощайте! В счастье или в несчастье, я никогда не забуду вашего внимания.

— Нет, нет, постойте минутку! Если... если (с трудом вытянул из себя антикварий)... у вас денежные

затруднения, у меня найдутся пятьдесят... или сто гиней, которые я мог бы вам предоставить до Троицы... или любого удобного вам срока.

— Очень вам обязан, мистер Олдбок, но деньгами я вполне обеспечен, — ответил его таинственный молодой друг. — Извините меня. Сейчас я никак не могу продолжать нашу беседу. Я вам напишу или повидаюсь с вами, прежде чем покинуть Фейрпорт — в том случае, если окажется, что я должен уехать.

С этими словами он горячо пожал руку антиквария, повернулся и без долгих разговоров быстро

зашагал к городу.

— Очень странно! — сказал Олдбок. — Этого юношу окружает какая-то тайна, в которую я не могу проникнуть. Но я никак не могу думать о нем дурно. Надо пойти домой и потушить камин в Зеленой комнате, потому что никто из женщин не рискнет пойти туда после сумерек.

— А как я доберусь домой? — захныкал бедный нарочный.

— Вечер славный, — сказал Голубой Плащ, глядя на небо. — Пожалуй, я пойду назад в город и присмотрю за малышом.

— Очень хорошо, очень хорошо, Эди! — И, порывшись немалое время

в своем обширном жилетном кармане, антикварий добавил: — Вот тебе шесть пенсов на табачок!

ГЛАВА XVI

*Я очарован беседой
этого плута. Пусть меня
повесят, если мошенник не
подлил мне зелья, чтобы я
полюбил его. Иначе быть не
может: я выпил зелья!*

«Генрих IV», ч. 2

Две недели антикварий
настойчиво справлялся у
всезнающего Кексона, не слышал ли
тот чего-нибудь о мистере Ловеле, и
каждый раз Кексон неизменно
отвечал, что «в городе ничего о нем
не известно, если не считать того,

что он еще раза два получил толстенные письма с юга; на улицах его совсем не было видно».

— А как он живет, Кексон?

— Что ж, миссис Хедоуэй готовит ему бифштекс, или баранью котлетку, или там суп с курицей — то, что сама любит, и он кушает в маленькой красной гостиной, рядом со своей спальней. И она никак не может допытаться, что он любит больше, а что — меньше. По утрам она подает ему чай, и он честно рассчитывается с ней каждую неделю.

— Неужели он никогда не выходит?

— Совсем перестал выходить.

Сидит весь день у себя в комнате и читает или пишет. Написал кучу писем, а в почтовую контору не сдает, хотя миссис Хедоуэй бралась снести их сама. Вместо того он отправляет их потихоньку шерифу, и миссис Мейлсеттер думает, что шериф отсылает их с грумом на почту в Тэннонбург. Я думаю, может, он опасается, что в Фейрпорте заглядывают в его письма. И он прав, потому что моя бедняжка Дженни...

— Ладно, ладно, не донимай меня своими женщинами, Кексон! А вот насчет этого бедного юноши: он ничего не пишет, кроме писем?

— Ну, как же! .. Хедоуэй говорит — целые листы всякой всячины. Ей

очень хочется уговорить его выйти погулять. В последнее время, говорит она, он и выглядит плохо и совсем аппетит потерял. Но он не желает даже за порог ступить. А раньше-то всегда так много гулял!

— Это скверно. Я, кажется, догадываюсь, чем он занят, но не следует ему так изводить себя работой. Сегодня же пойду повидать его. Он, несомненно, с головой погрузился в «Каледониаду»!

Приняв это мужественное решение, мистер Олдбок надел в поход башмаки на толстой подошве и вооружился тростью с золотым набалдашником, бормоча себе под нос слова Фальстафа, избранные

эпиграфом к этой главе. Антиквария самого удивляло, насколько он привязался к этому молодому человеку. Впрочем, загадка разрешалась легко. У Ловела было много привлекательных качеств, но сердце антиквария он покорило тем, что почти всегда был отличным слушателем.

Прогулка в Фейрпорт с некоторого времени стала для мистера Олдбока своего рода приключением, в которое он пускался не часто. Он терпеть не мог обмениваться приветствиями со знакомыми на рыночной площади. На улицах ему обычно встречались праздные люди, донимавшие его

расспросами о текущих новостях или о каких-нибудь деловых мелочах. Так и на этот раз, не успел он вступить на улицы города, как услышал:

— Доброго утра, мистер Олдбок! Как приятно вас видеть! Что вы думаете о новостях в сегодняшнем номере «Солнца»? Говорят, что французы попробуют сделать высадку не позже, чем через две недели.

— Дай бог, чтобы она была уже позади и чтобы я больше не слышал о ней!

— Монкбарнс, ваша милость, — остановил его владелец цветочного магазина, — надеюсь, я угодил вам посланными растениями? Не хотите

ли цветов прямо из Голландии или, — понизив голос, добавил он, — бочонок-другой кельнской водки? Вчера прибыл один из наших бригов.

— Спасибо, спасибо, сейчас не требуется, мистер Крэбтри, — сказал антикварий и решительно двинулся вперед.

— Мистер Олдбок, — обратился к нему городской писец, особа более значительная; он даже загородил дорогу старому джентльмену и попытался остановить его. — Мэр, узнав, что вы здесь, просит вас ни в коем случае не покидать города, не повидавшись с ним. Он хочет поговорить с вами о прокладке

водопровода от Фейруэлского источника через ваши владения.

— Еще чего! Непременно надо разорить и разворотить именно мою землю? Я не согласен, так и скажите мэру!

— А еще мэр и совет, — продолжал писец, не обращая внимания на полученную отповедь, — постановили передать вам, согласно вашему желанию, старые каменные плиты, что у часовни Донагильды.

— А? Что? .. Вот это другое дело! .. Ну что ж, ладно, я зайду к мэру, и мы с ним потолкуем.

— Но вы должны договориться обо всем сразу, Монкбарнс, если

хотите, чтобы плиты достались вам. Гильдейский староста Херлиуолс считает, что эти плиты хорошо было бы поместить на фасаде нового здания ратуши: две плиты с фигурами, сидящими по-турецки, которые мальчишки прозвали Робинот и Бобинот, — по одной у каждого дверного косяка, а ту, которую они прозвали Эйли Дейли, — над дверью. Староста говорит, что мы проявим хороший вкус и что это будет в стиле современной готики.

— О бoже, избавь меня от этого поколения готов! — воскликнул антикварий. — Фигуры тамплиеров по бокам греческого портика и

мадонна вверху! О, crimini! .. [note 104](#)

Так вот, скажите мэру, что я возьму эти плиты и что мы не будем ссориться из-за водопровода. Как удачно вышло, что я сегодня пришел сюда!

Они расстались, довольные друг другом. Но у коварного писца было больше оснований восхищаться собственной ловкостью, потому что мысль обменять скульптурные плиты (которые совет решил убрать, так как они мешали пешеходам, выступая на три фута поперек тротуара) на разрешение провести воду через поместье Монкбарнса возникла у него по мгновенному наитию.

Задерживаемый столъ

разнообразными делами, Монкбарнс (как его обычно называли в этих местах) наконец добрался до дома миссис Хедуэй. Почтенная женщина была вдовой фейрпортского священника, чья преждевременная смерть оставила ее в очень стесненных обстоятельствах, как это часто случается со вдовами шотландского духовенства. Занимаемый ею дом и мебель, которой она владела, позволили ей сдавать часть комнат, а так как Ловел был жильцом спокойным, выгодным, вел правильный образ жизни и разговаривал с миссис Хедуэй о хозяйственных делах всегда мягко и вежливо, эта немолодая особа,

вероятно, не слишком привыкшая к такому приветливому обращению, очень привязалась к жильцу и старалась оказать ему всяческое внимание. Приготовить какое-нибудь блюдо немного лучше обычного «на ужин бедному молодому джентльмену», похлопотать перед теми, кто вспоминал добром ее мужа (или к ней самой относился хорошо), чтобы раздобыть овощи, когда их было мало, или что-нибудь иное, что, по ее простодушному мнению, могло бы раздражить аппетит ее жильца, — такие усилия доставляли ей удовольствие, хотя она старательно скрывала это от предмета своих забот. Она делала все

это тайно не потому, что хотела избежать насмешек тех, кто мог предположить, что смуглое удлиненное лицо с темными глазами, хотя бы и принадлежащее сорокапятилетней женщине и обрамленное туго стянутым вдовьим чепцом, могло все еще притязать на победы. Сказать по правде, поскольку такое нелепое подозрение никогда не закрадывалось в ее собственную голову, она не могла и ожидать, что оно зародится в чьей-либо другой. Свое внимание она скрывала только из деликатности. Она сомневалась в том, чтобы мистер Ловел свободно располагал средствами, и считала, что ему было

бы крайне мучительно оставить какие-либо ее услуги без оплаты. Теперь она открыла дверь мистеру Олдбоку и была так удивлена, увидев его, что слезы, которые она не могла сдержать, выступили у нее на глазах.

— Я рада видеть вас, сэр! Я очень рада вас видеть! Мой бедный джентльмен, кажется, совсем плох. И подумайте, мистер Олдбок, он не желает звать ни доктора, ни священника, ни нотариуса. Представьте себе, что будет, если, как говаривал мой бедный мистер Хедоуэй, человек умрет, не получив совета от всех трех факультетов!

— Без них гораздо лучше, — проворчал старый циник. — Замечу

вам, миссис Хедоуэй, что ведь духовенство живет нашими грехами, медицинское сословие — нашими недугами, а законники — нашими несчастьями.

— Ах, Монкбарнс, неужто я слышу такое от вас! .. Но не хотите ли подняться по лестнице и взглянуть на бедного молодого человека? Ох, милые мои, такой молодой и добрый, а вот с каждым днем ест все меньше и меньше. Сейчас он уже почти ни до чего не дотрагивается, разве что для виду поковыряет немножко в тарелке. Щеки у него совсем запали и что ни день, то бледнее. От этого он сейчас выглядит не моложе меня, хотя я

гожусь ему в матери... ну, правда, не совсем, но все-таки около того.

— Почему он не бывает на свежем воздухе? — спросил Олдбок.

— Кажется, мы уговорили его выезжать на прогулки; по крайней мере он купил лошадь у барышника Джибби Голайтли. Джибби говорил нашей служанке, что мистер Ловел хорошо разбирается в лошадях: Джибби предложил ему одну, вроде бы подходящую для человека книжного, но мистер Ловел и смотреть на нее не стал, а выбрал такого скакуна, что арабскому королю под стать. Его держат в гостинице «Герб Грэма», через дорогу отсюда. Мистер Ловел

выезжал верхом вчера утром и сегодня перед завтраком. Не зайдете ли вы в его комнату?

— Сейчас, сейчас! .. Но неужели у него никто не бывает?

— Ах, что вы, мистер Олдбок! Ни одна душа. Если он никого не принимал, когда был здоров и весел, кто же во всем Фейрпорте мог бы заглянуть к нему теперь?

— Так, так, совершенно верно! Меня удивило бы, если бы было иначе. Проводите меня наверх, миссис Хедоуэй, чтобы я не ошибся и не попал куда не следует.

Добрейшая хозяйка показала мистеру Олдбоку, как пройти по узкой лестнице, предупреждая его о

каждом повороте и одновременно сетуя, что ему приходится подниматься так высоко. Наконец она тихонько постучала в дверь гостиной своего постояльца.

— Войдите! — сказал Ловел, и миссис Хедоуэй ввела лэрда Монкбарнса.

В небольшой комнате было уютно и чисто. Она была очень прилично обставлена и украшена реликвиями, сохранившимися со времен молодости миссис Хедоуэй, когда она была искусной рукодельницей. Но здесь было душно и жарко, и такая обстановка показалась Олдбоку вредной для молодого человека хрупкого

здоровья. Это укрепило в антикварии решимость выполнить план, зревший в его уме и относившийся к Ловелу. Жилец миссис Хедоуэй в халате и туфлях сидел на кушетке перед письменным столом, на котором лежали какие-то книги и бумаги. Олдбок был поражен переменой в его внешнем виде. Щеки и лоб приобрели призрачный, беловатый оттенок, резкий контраст с которым составляли выступавшие местами пятна лихорадочного румянца. Как сильно все это отличалось от прежнего свежего и здорового цвета его смуглого лица! Олдбок заметил, что под халатом была траурная одежда, и такой же сюртук висел на

стуле рядом. При входе антиквария Ловел встал и пошел ему навстречу.

— Это очень любезно, — сказал он, пожимая руку гостю и горячо благодаря его за посещение. — Это очень любезно и предупреждает визит, который я намеревался нанести вам. Надо сказать, что я недавно стал наездником.

— Я знаю об этом от миссис Хедоуэй и только надеюсь, мой дорогой юный друг, что вам удалось приобрести спокойную лошадь. Я как-то по неосторожности дал надуть себя тому же пресловутому Джибби Голайтли. Его скотина несла меня две мили вслед за собачьей сворой, которая была мне нужна как

прошлогодний снег. В конце концов я очутился на дне высохшей канавы, чем доставил, по-видимому, бесконечное удовольствие всей компании охотников. Надеюсь, ваша лошадь более мирного нрава?

— Во всяком случае, я надеюсь, что наши с нею прогулки будут происходить при большем взаимном понимании.

— Другими словами, вы считаете себя хорошим наездником?

— Я не склонен, — ответил Ловел, — признать себя очень плохим.

— Понятно. Вам, молодым людям, признаться в этом так же трудно, как объявить себя

сапожниками. Но есть у вас опыт? Ибо, crede experto [note 105](#), взбесившаяся лошадь — не шутка.

— Конечно, я не стал бы хвастать и выдавать себя за великого наездника, но, когда в прошлом году я был адъютантом сэра *** в кавалерийской атаке под ***, я видел, как многие поопытнее меня летели на землю.

— О, значит, вы глядели в лицо седому богу войны? Вам знакомо грозное чело могучего Марса? Этот опыт делает вас вполне достойным задуманной нами эпопеи! Однако бритты, как вы знаете, сражались на колесницах — *covinarii* [note 106](#) называет этих воинов Тацит. Вы

помните замечательное описание сражения, когда они ринулись в самую гущу римской пехоты, несмотря на упоминаемый историком пересеченный характер местности, малопригодной для конного боя? Впрочем, я вообще не представляю себе, где в Шотландии можно было бы разъезжать на колесницах, кроме новейших шоссе. Ну, а теперь скажите, посещала ли вас муза? Можете ли вы что-нибудь показать мне?

— Я проводил время менее приятно, — сказал Ловел, бросив взгляд на черный костюм.

— Смерть друга? — спросил антикварий.

— Да, мистер Олдбок, почти единственного человека, чьей дружбой я мог похвалиться.

— Вот как? Ну что ж, молодой человек, — ответил гость серьезно, но без свойственной ему напускной торжественности, — утешьтесь: потерять унесенного смертью друга, когда ваше взаимное уважение еще не остыло, когда к слезам не примешивается горечь мучительных воспоминаний о холодности, недоверии или предательстве, — это, может быть, значит избежать еще более тяжкого испытания. Оглянитесь вокруг себя сколь немногие сохраняют до старости привязанность тех, с кем дружба

соединила их еще в молодости! Источники наших общих радостей иссякают, чем дольше мы странствуем по земной юдоли, и мы высекаем для себя новые водоемы, к которым не допускаются первые спутники наших скитаний, — ревность, соперничество, зависть своим вмешательством отделяют их от нас, и под конец остаются лишь те, кто связан с нами более привычкой, нежели склонностью, более узами крови, нежели расположением, люди, лишь затем проводящие время со стариком, пока он жив, чтобы он не забыл о них, умирая.

Naec data poena diu viventibus [note](#)

Ах, мистер Ловел, если вам суждено достигнуть холодного, затянутого тучами, неуютного вечера жизни, вы будете вспоминать горести юных лет как легкие, похожие на тени, облака, на миг затмившие лучи восходящего солнца. Но я пичкаю вас словами, хотя вы, может быть, и так ими сыты...

— Я ценю вашу доброту, — ответил молодой человек, — но свежая рана всегда причиняет острую боль, и в моей нынешней беде для меня слабое утешение — простите, если я так говорю — знать, что жизнь не сулит мне ничего, кроме длинного ряда несчастий. И

позвольте мне добавить, мистер Олдбок, что у вас меньше причин, чем у очень многих, так мрачно смотреть на жизнь. У вас прочное, обеспеченное состояние, вы пользуетесь общим уважением, можете, по вашему собственному выражению, *vacare musis* [note 108](#), предаваться каким хотите исследованиям, можете бывать в обществе, а дома наслаждаться нежным и заботливым вниманием ваших близких.

— Это верно! Женщины... да, женщин я приучил к скромности и послушанию. Они не мешают мне во время моих утренних занятий, они скользят по полу бесшумно, как

кошки, когда после обеда или чая мне случается задремать в кресле. Все это превосходно, но мне нужно обмениваться с кем-нибудь мыслями, разговаривать.

— Почему же вам не принять в лоно семьи вашего племянника, капитана Мак-Интайра? Говорят, это приятный и очень неглупый молодой человек.

— Кого? — воскликнул Монкбарнс. — Моего племянника Гектора? Этого Хотспера нашего Севера? Дорогой мой, да я скорее пригласил бы пылающую головню в мой овин. Это Альмансор, это Шамон. Его шотландская родословная длиннее его палаша, а

тот — длиной с Хай-стрит в Фейрпорте, и в последний свой приезд он обнажил его против военного врача. Я ожидаю его в скором времени, но буду держать на почтительном расстоянии, смею вас заверить. Ему стать моим домочадцем? Столы и стулья — и те задрожали бы от его выкриков. Нет, нет, не надо мне Гектора Мак-Интайра! Но послушайте, Ловел, вы — человек спокойного и мягкого нрава, почему бы вам не разбить свой шатер в Монкбарнсе на месяц-другой, раз вы, по-видимому, не собираетесь немедленно уезжать? Я велю пробить для вас дверь в сад — это будет стоить пустяки, и там как

раз хватит места, чтобы повесить старую дверь, которая лежит среди всякого хлама. Через упомянутую дверь вы сможете входить в Зеленую комнату и выходить, когда вам заблагорассудится, не мешая мне, старику, и я тоже вам не помешаю. Что касается еды, то миссис Хедоуэй говорит, что вы непривередливы, и я надеюсь, что вы не будете в обиде на мой простой стол. А насчет стирки...

— Остановитесь, дорогой мистер Олдбок, — прервал его Ловел, не в силах скрыть улыбку, — и прежде чем ваше гостеприимство обеспечит все мои нужды, позвольте мне самым искренним образом

поблагодарить вас за такое любезное предложение, хотя в настоящее время не в моей власти принять его. Но весьма возможно, что прежде чем я распрощаюсь с Шотландией, я найду случай погостить у вас более или менее продолжительное время.

У мистера Олдбока вытянулось лицо.

— Жаль! Мне казалось, что я придумал нечто вполне подходящее для нас обоих. Кто знает, что ждет нас впереди и нужно ли нам будет расставаться вообще? Я ведь полный хозяин своих акров, мой друг вот преимущество происхождения от человека, у которого разума было больше, чем спеси. Никто не может

заставить меня распорядиться моим добром, землями и прочим иначе, чем мне будет угодно. За мной не тянется вереница наследников с документами в руках, пустыми и незначительными, как бумажки, которые ребята привязывают к хвосту воздушного змея, и никто не может мешать моим склонностям и вкусам. Впрочем, я вижу, что в настоящее время вас ничем не соблазнить. Но «Каледониада», надеюсь, будет двигаться вперед?

— О, конечно! — заверил его Ловел. — Я не могу отказаться от такого многообещающего плана.

— Да, это замечательный план, — сказал антикварий,

проникновенно устремляя взор
ввысь, ибо, обладая достаточно
острым умом, чтобы правильно
оценивать всевозможные чужие
планы, он часто бывал
преувеличенно высокого мнения о
тех, которые возникали в его
собственной голове, — да, это
действительно прекрасное дело, и
если завершить его с таким же
воодушевлением, с каким оно
замышлялось, оно может снять
обвинение в легкомыслии с
литературы современного поколения.

Здесь его прервал стук в дверь,
после чего мистеру Ловелу было
передано письмо. Миссис Хедоуэй
сообщила при этом, что слуга ждет

ответа.

— Это касается и вас, мистер Олдбок, — сказал Ловел, проглядев записку, и передал ее антикварию.

Письмо было от сэра Артура Уордора, который в изысканных выражениях высказывал свое сожаление, что приступ подагры до сих пор лишал его возможности проявить в отношении мистера Ловела то внимание, на которое он вправе был рассчитывать после своего доблестного поведения при недавнем опасном происшествии. Сэр Артур просил извинить его за то, что он не явился лично засвидетельствовать свое почтение, но надеялся, что мистер Ловел

отбросит лишние церемонии и в числе других гостей примет завтра участие в прогулке к развалинам монастыря святой Руфи, а затем пообедает и проведет вечер в замке Нокуиннок. В заключение сэр Артур сообщил, что уже послал такое же приглашение семейству Монкбарнса. Встреча была назначена у перекрестка дорог, приблизительно на равном расстоянии от места обитания всех участников.

— Как же нам поступить? — спросил Ловел, глядя на антиквария, но отлично зная, что сделает сам.

— Пойдем, друг мой, непременно пойдем! Сейчас сообразим... Придется взять карету

для вас и для меня, ну и для Мэри Мак-Интайр, а другая пусть отправляется в пасторский дом. Вы можете заехать за мной в карете — она будет нанята на весь день.

— Зачем же? Я, пожалуй, поеду верхом.

— Верно, верно, я забыл про вашего Буцефала! Неразумный вы малый, кстати, если так сразу покупаете лошадь. Как бы вы не пожалели, что доверяете ногам животного больше, чем своим собственным.

— У лошади, видите ли, то преимущество, что она движется намного быстрее. А так как у нее, кроме того, две пары ног вместо

одной, я склонен...

— Довольно, довольно об этом! Делайте как знаете. Ну, а я захвачу с собой Гризл или пастора, потому что, взяв на почте лошадей, я хочу как следует использовать их за свои деньги. Значит, мы встретимся на Тирлингенском перекрестке в пятницу, точно в двенадцать.

Условившись о встрече, друзья расстались.

ГЛАВА XVII

*Священник здесь среди
меркнувших свечей*

*Шептал молитвы в
тишине ночей.*

*Душа, скорбя, пути
сюда искала.*

*Здесь в мирных кельях
резвость угасала,*

*Разглаживалось
гневное чело,*

*Потоки слез раскаянье
лило.*

*Крабб,
«Местечко»*

Утро пятницы было такое безмятежное и ясное, словно не затевалось никакой увеселительной прогулки. А это случается редко, как в романах, так и в действительной жизни. Ловел, испытывая на себе живительное воздействие хорошей погоды и радуясь перспективе еще раз увидеться с мисс Уордор, ехал рысью к месту randevu в лучшем настроении, чем то, в каком он пребывал последнее время. Его виды на будущее во многих отношениях казались светлее и благоприятнее, и надежда, хотя и пробивавшаяся еще, подобно утреннему солнцу, сквозь тучи и ливни, теперь освещала ему путь. Как и можно было ожидать, при

таком состоянии духа он первым прибыл на место сбора и, как тоже можно было предположить, так сосредоточенно смотрел в сторону нокуиннокской дороги, что узнал о прибытии монкбарнесского отряда лишь тогда, когда услышал громкие понукания возницы и позади него, громыхая, остановилась карета. В этом экипаже находилась, во-первых, внушительная фигура самого мистера Олдбока, во-вторых, едва ли менее дородная особа преподобного мистера Блеттергаула, священника Троткозийского прихода, на территории которого лежали как Монкбарнс, так и Нокуиннок. На преподобном джентльмене был

пышный парик, поверх которого сидела треуголка. Это был наиболее великолепный экземпляр из трех еще оставшихся в приходе париков, которые, как любил говорить Монкбарнс, соответствовали трем степеням сравнения: волосяной убор сэра Артура представлял положительную, его собственный круглый парик — сравнительную и ошеломляющее серо-белое сооружение достойного священника — превосходную степень. Главный инспектор этих древностей, воображавший (или только делавший вид), что ему никак нельзя отсутствовать при таком случае, собравшем всех трех их владельцев

вместе, сидел на скамеечке за каретой, чтобы «быть под рукой, если господам понадобится поправить прически перед обедом». Между массивными фигурами Монкбарнса и священника была втиснута худенькая Мэри Мак-Интайр, тетка же ее предпочла навестить пасторский дом и поболтать с мисс Бекки Блеттергаул, нежели осматривать руины монастыря святой Руфи.

Пока шел обмен приветствиями между обитателями Монкбарнса и мистером Ловелом, подкатила коляска баронета, которую примчали великолепные гнедые, в мыле от быстрого бега. Нарядный кучер,

гербы, украшенные геральдическими знаками дверцы, пара фореиторов — все это представляло резкий контраст с ветхой каретой и жалкими, загнанными клячами, доставившими антиквария и его спутников. Главные места в коляске занимали сэр Артур и его дочь. При первом же взгляде, которым обменялись мисс Уордор и Ловел, она сильно покраснела. Но молодая леди, по-видимому, решила относиться к нему как к другу, и только другу, поэтому ее ответ на его взволнованное приветствие был исполнен спокойной вежливости. Сэр Артур задержал коляску, чтобы приветливо пожать руку своему

спасителю и высказать удовольствие по поводу того, что теперь имеет случай лично поблагодарить его. Затем, представляя ему своего спутника, небрежно добавил:

— Мистер Дюстерзивель — мистер Ловел.

Ловел взглянул на немецкого мудреца, занимавшего в коляске переднее сиденье, обычно предоставляемое людям подчиненным или низшим по рангу. Угодливая улыбка и низкий поклон, которыми иностранец ответил на его легкий кивок, еще усилили ту неприязнь, которую Ловел уже питал к нему. И по тому, как антикварий нахмурил косматые брови, можно

было заключить, что и ему неприятно это прибавление к их компании. Остальные участники прогулки лишь издали обменялись приветствиями, затем экипажи снова тронулись и, проехав от места встречи еще около трех миль, остановились перед вывеской заурядной маленькой гостиницы «Четыре подковы», где Кексон почтительно открыл дверцу и опустил подножку наемной кареты, тогда как седокам коляски помогли выйти их более парадные слуги.

Здесь возобновился обмен приветствиями. Молодые леди пожали друг другу руки, и Олдбок, очутившийся в своей стихии, занял

место проводника и чичероне во главе компании, которой предстояло пешком направиться к месту, которое ее интересовало. Антикварий постарался удержать подле себя Ловела, как лучшего слушателя среди присутствующих, но иногда обращался с немногословными разъяснениями к мисс Уордор и Мэри Мак-Интайр, следовавшим непосредственно за ними. Баронета и пастора он, в общем, избегал, зная, что они оба считают себя осведомленными не хуже, а может быть, и лучше его. Что же касается Дюстерзивеля, которого Олдбок считал шарлатаном, то он был так тесно связан с ожидаемыми

убытками на акциях горнопромышленной компании, что антикварию противно было даже видеть его. Таким образом, пастор и эксперт, как два спутника планеты, вынуждены были вращаться в орбите сэра Артура, который к тому же естественно притягивал их, как наиболее важная персона в маленьком обществе.

Нередко самые живописные уголки Шотландии бывают скрыты в какой-нибудь уединенной лесистой долине, и вы можете разъезжать по стране в любом направлении, не подозревая, что совсем неподалеку от вас есть чем полюбоваться, если только заранее принятое решение

или случай не приведут вас прямо туда. В особенности это можно сказать об окрестностях Фейрпорта, вообще говоря — открытых, незащищенных и голых. Но там и сям ручейки и небольшие речонки образуют ложбины и лощины, или, как их здесь называют, логи, где на высоких скалистых берегах нашли приют всевозможные деревья и кусты, буйно разросшиеся и тем более радующие глаз, что составляют неожиданный контраст с общим видом местности. Именно такой характер носила она близ развалин обители святой Руфи. Сперва путь представлял собой просто овечью тропу, которая лепилась по склону

крутого и обнаженного холма. Однако постепенно, по мере того как эта тропа спускалась и огибала холм, стали появляться деревья, сперва — одиночные, чахлые и уродливые, как бы с клоками шерсти на стволах и корнями, выступающими из земли и образующими углубления, где любят отдыхать овцы, — зрелище, более приятное для любителя красивых мест, чем для садовода или лесничего. Дальше деревья начали образовывать группы, по краям и в середине которых росли терновник и орешник. Наконец эти группы настолько слились, что, хотя под их ветвями кое-где открывалась широкая прогалина или встречались

болотца и небольшие пустоши, на которых не находили питания разлетающиеся повсюду семена деревьев, — ландшафт в целом, безусловно, можно было назвать лесистым. Склоны долины все более сближались. Внизу слышался плеск ручья, а в лесных просветах уже можно было видеть и его светлые, быстрые воды, мчавшиеся под сенью древесных крон.

Теперь Олдбок полностью присвоил себе права чичероне и настойчиво требовал, чтобы никто ни на шаг не отклонялся от пути, который он указывал, если они желают увидеть наилучшим образом то, ради чего сюда явились.

— Вам повезло, что я буду
вашим гидом, мисс Уордор! —
воскликнул старожил, размахивая
рукой и качая головой в такт стихам,
которые с увлечением декламировал:

Я знаю вдоль и поперек
весь лес -
Любой овраг, тропу,
замшелый пенёк,
Тенистые зеленые беседки.

— Ах, черт возьми! Эта ветка
терновника разрушила всю работу
Кексона и чуть не сбросила мой
парик в ручей. Вот что значит читать
стихи hors de propos! [note 109](#)

— Не огорчайтесь, дорогой сэр, — сказала мисс Уордор, — здесь ваш верный слуга, готовый исправить беду, и когда вы вновь появитесь в вашем головном уборе, восстановленном в его прежнем великолепии, я продолжу цитату:

Так солнце, пав за гранью океана,
Главу опять подымлет из тумана
И сыплет блеск лучистый,
тьму гоня,
И снова на челе пылает...

— Ох, довольно, довольно! —

остановил ее Олдбок. — Мне не следовало давать вам такой повод изощрять на мне свое остроумие. Но я сейчас покажу вам нечто, способное остановить ваш сатирический полет, ибо я знаю вас как любительницу природы.

Действительно, когда все вслед за ним пролезли сквозь брешь в низкой полуразвалившейся, старой стене, перед ними открылся вид, столь же любопытный, сколь и неожиданный.

Они стояли высоко на склоне узкой долины, которая внезапно расширялась наподобие амфитеатра, давая место чистому и глубокому озеру в несколько акров и полосе

ровной земли вокруг него. Дальше берега везде круто поднимались; в некоторых местах их разнообразили скалы, в других же — украшала молодая поросль, кое-где взбегавшая по склонам и прерывавшая однообразие зеленых пастбищ. Внизу озеро изливалось в торопливый и шумный ручей, сопровождавший гостей с той минуты, как они вступили в долину. В том месте, где он вытекал из озера, высились те самые руины, которые предстояло осмотреть.

Они не занимали обширного пространства, но своеобразная красота, а также дикий и уединенный характер местности

сообщали им такую внушительность, какой не обладают и более значительные архитектурные останки, расположенные близ обыкновенных домов и среди менее романтической обстановки. Восточное окно церкви сохранилось невредимым со всеми своими орнаментами и ажурным переплетом, а боковые стены с уже отделившимися от них воздушными арками контрфорсов, увенчанные башенками и отделанные резьбой, придавали зданию изящество и легкость. Крыша и западное крыло церкви были полностью разрушены, но и сейчас было видно, что последняя когда-то составляла одну

из сторон квадрата, по боковым сторонам которого располагались монастырские строения, а на противоположной — сад. То крыло этих строений, которое возвышалось над ручьем, частично опиралось на крутую и обрывистую скалу, так как обитель иногда служила военным целям и однажды во время войны Монтроза была взята неприятелем после жестокого побоища. Там, где раньше зеленел сад, еще росло несколько фруктовых деревьев. Подальше от построек стояли одинокие дубы, вязы и каштаны, достигавшие больших размеров. Остальное пространство между развалинами и холмом было покрыто

короткой травой, которую пасшиеся здесь овцы содержали в гораздо большем порядке, чем если бы по ней проходили серпом и метлой. Вся эта картина дышала тишиной, вносила в душу умиротворение, но не была монотонна. Темная глубь бассейна, в котором покоилось ясное голубое озеро, отражая водяные лилии и деревья на берегу, там и сям протягивавшие к воде мощные ветви, создавала замечательный контраст с быстрым бегом и бурной шумливостью ручья, который, словно вырвавшись из заточения, мчался вниз по долине, огибая основание скалы, увенчанной руинами, и в своем неистовстве разбивался пеной

на каждом уступе или камне, задерживавшем его движение. Столь же велик был контраст между ровным зеленым лугом, на котором высились руины и огромные стволы деревьев, и узкими, почти отвесными берегами, частью окаймленными молодым и густым подлеском, частью поросшими лиловым вереском, а частью — на каменной крутизне — покрытыми пятнами лишайника и тех выносливых растений, что пускают корни в самых бесплодных расселинах утесов.

— Здесь было пристанище учености в дни мрака, мистер Ловел, — сказал Олдбок, вокруг которого теперь собралось все

общество, любуясь внезапно открывшейся и столь романтической панорамой. — Здесь отдыхали мудрецы, уставшие от мирской суеты и посвятившие себя либо размышлениям о мире грядущем, либо службе поколению, которые должны были наследовать им в мире сем. Я сейчас покажу вам библиотеку. Вы видите этот участок стены с прямоугольными окнами, разделенными надвое небольшими колоннами? Вот там она и помещалась, и в ней, как уверяет принадлежащая мне старинная рукопись, было пять тысяч томов. Здесь я смело могу присоединиться к горьким жалобам высокоученого

Лиленда, который, сожалея об упадке монастырских библиотек, восклицает, как Рахиль, оплакивающая свое бесплодие, что, если бы из наших библиотек выпрыгнули в руки зеленщиков, свечников, мыловаров и прочих дельцов и торгашей папские буллы, декреты, декреталии, конституции и прочая дьявольская стряпня, а также софизмы Хейтсбурга, универсалы Порфирия, логика Аристотеля, богословие Дунса и всякое такое шулерство (прошу прощения, мисс Уордор) и все тому подобные плоды преисподней, — мы могли бы с этим примириться. Но то, что мы отдали наши древние летописи, сборники

наших благородных преданий, наши ученые комментарии, наши народные хартии на самое презренное употребление, легло позором на нашу нацию и обесчестило нас перед потомством до скончания времен. О, пренебрежение, столь неуважительное, к нашей родине!

— О, Джон Нокс! — вздохнул баронет. — Джон Нокс, под чьим влиянием и покровительством была проделана эта патриотическая работа!

Антикварий, оказавшийся в положении птицелова, попавшегося в свой же силоч, быстро отвернулся и закашлялся, чтобы скрыть легкую краску смущения.

— Что касается этого апостола шотландской Реформации... — начал он.

Но тут вмешалась мисс Уордор, чтобы прервать опасный разговор:

— Скажите, какого автора вы цитировали, мистер Олдбок?

— Высокоученого Лиленда, мисс Уордор, который упал без чувств, когда своими глазами увидел уничтожение монастырских библиотек в Англии.

— А я думаю, — сказала на это молодая леди, — что его несчастье, может быть, спасло разум кое-кому из современных антиквариев, которых, наверно, затопило бы такое огромное море учености, если бы не

было принято осушительных мер.

— Благодарение небу, такой опасности теперь нет. Учености нам оставили с наперсток, а в нем не утонешь.

Сказав это, Олдбок повел собравшихся вниз, на берег, по крутой, но не опасной тропинке, и они вскоре оказались на зеленеющем лугу, посреди которого были расположены руины.

— Здесь эти люди жили, — продолжал антикварий, — и единственным их занятием было изучать далекую старину, переписывать манускрипты и сочинять новые произведения в назидание потомству.

— А также, — добавил баронет, — выполнять благочестивые обряды с блеском и церемониалом, достойными их духовного сана.

— И если мне разрешит заметить фисокородный сэр Артур, — с низким поклоном произнес немец, — монахи происфодили в своих лабораториях весьма любопытные опыты в опласти химии, а также *magia naturalis* [note 110](#).

— Мне кажется, — сказал пастор, — им хватало работы по взиманию десятины в пользу священников и викариев в трех обширных приходах.

— И все это, — добавила мисс Уордор, наклонив голову в сторону

антиквария, — без всяких помех со стороны женщин!

— Верно, мой прекрасный враг, — отозвался Олдбок. — Это был рай, куда не допускалась Ева, и можно только дивиться, как добрые отцы умудрились потерять его.

Высказывая подобные критические замечания по поводу занятий тех, кому некогда принадлежали нынешние руины, посетители некоторое время переходили от одной замшелой гробницы к другой под руководством Олдбока, весьма убедительно объяснявшего план строения и читавшего, с соответствующими пояснениями, полуистершиеся

надписи, которые еще можно было разглядеть на могилах мертвых и в пустых нишах для статуй святых.

— Почему, — наконец спросила мисс Уордор антиквария, — предание сохранило нам такие скудные сведения об обитателях этих величественных зданий, возведенных с такой затратой труда и таким вкусом во времена, когда их хозяева были людьми чрезвычайно важными и могущественными? Самой невзрачной башне разбойного барона или эсквайра, жившего силой своего копья и меча, посвящена особая легенда, и пастух подробнейшим образом поведаст вам имена и подвиги обитателей этой башни. Но

попробуйте расспросить любого сельского жителя об этих великолепных и внушительных руинах — об этих башнях, этих арках, этих контрфорсах и окнах с колоннами, так дорого стоивших, — его ответ будет односложен: «Это давным-давно построили монахи».

Вопрос был довольно трудный. Сэр Артур возвел очи к небу, как бы ожидая оттуда вдохновения. Олдбок сдвинул парик на затылок. По мнению пастора, его прихожане были слишком преданны истинному учению пресвитерианской церкви, чтобы сохранять записи, касавшиеся притеснителей-папистов, этих побегов большого и мрачного древа

беззакония, чьи корни уходят в недра семи холмов мерзостного нечестия. Ловел находил, что для решения вопроса лучше всего рассмотреть, какие события вообще оставляют наиболее глубокое впечатление в умах простых людей.

— Эти события, — утверждал он, — были похожи не на спокойное течение оплодотворяющей землю реки, а на бешеный, стремительный бег разъяренного потока. Те эры, от которых простой народ исчисляет время, всегда связаны с каким-либо периодом страха и бедствий — с ураганом, землетрясением или вспышкой гражданской смуты. А раз именно такие факты наиболее живо

сохраняются в памяти народа, мы не должны удивляться, — заключил он, — что свирепого воина помнят, а мирных аббатов предают полному забвению.

— Если разрешат тшентльмены и леди и если мне простят сэр Артур, и мисс Уордор, и почтенный пастор, и мой допрый друг мистер Олденбок, с которым мы земляки, и любезный мистер Лофел, я думаю, что все это делает рука славы.

— Какая рука? — удивился Олдбок.

— Рука славы, мой допрый мистер Олденбок. Это великая и ушасная тайна, которой пользофались монахи, чтобы скрыть

свои сокровища, когда так называемая Реформация изгоняла их из монастырей.

— А, вот как! Расскажите нам об этом, — сказал Олденбок. — Такие тайны полезно знать.

— Что ви, мой допрый мистер Олденбок! Ви только посмеетесь надо мной. Но рука славы хорошо известна в странах, где жили ваши почтенные предки. Это рука, отрезанная от трупа челофека, пофешенного за убийство. Ее хорошенько высушивают в дыму мошшевельника, и если ви добавите к мошшевельнику немного тиса, то лучше не будет... Я хотел сказать — хуше не будет. Потом надо взять

немного медфешьего шира, и
немного барсучьего, и немного
кабаньего, и немного — от младенца,
только некрещеного (это очень
вашно!), и слепить из этого шира
свечу, и влощить ее в нушный час и
минуту, с нушными церемониями в
руку славы, и тот, кто ищет клад,
никогда ничего не найдет.

— Клянусь головой, что это
заключение правильно! —
воскликнул антикварий. — И вы
говорите, мистер Дюстерзивель, что
в Вестфалии было принято
пользоваться такими изящными
канделябрами?

— Постоянно, мистер
Олденбок, когда ви не хотели, чтобы

кто-нибудь софал нос в ваши дела. И монахи тоше — когда прятали свои церковные блюда, и чаши, и перстни с драгоценными камнями.

— Но вы, рыцари ордена розенкрейцеров, все же, несомненно, знаете, как разрушать чары и находить то, что бедные монахи прятали с таким трудом?

— Ах, допрый мистер Олденбок, — ответил мудрец, загадочно качая головой, — вам трудно этому поферить. Но если бы ви, сэр Артур, видели огромные, массивные, тончайшей работы предметы церковной утвари, а ви, мисс Уордор, — тот серебряный крест, что ми со Шрепфером нашли

для господина фрейграфа — его точнее зофут барон фон Бландерхауз, — я уверен, что вы бы тогда больше не сомневались.

— Увидеть — это, конечно, значит поверить. Но в чем состояло ваше искусство, ваша тайна, мистер Дюстерзивель?

— О, мистер Олденбок, это мой маленький секрет, допрый сэр! Вы должны простить мне, если я его не открою. Но я скажу вам, что есть разные пути... да вот хотя бы сон, который снится вам три раза, это очень хороший способ...

— Очень рад это слышать, — сказал Олденбок. — У меня есть счастливый друг, — при этом он

покосился на Ловела, — которого часто посещает королева Мэб.

— Кроме того, бивают симпатии и антипатии и удивительные природные свойства различных трав, а такше магического жезла.

— Я предпочла бы посмотреть на эти чудеса, а не слушать о них, — сказала мисс Уордор.

— Ах, моя высокочтимая молодая леди, сейчас не время, чтобы сотворить большое чудо и найти все церковные сосуды и монеты. Но, чтобы доставить удофольствие вам, и моему покровителю сэру Артуру, и преподобному господину пастору, и допрому мистеру Олденбоку, и

мистеру Лофелу, тоже очень приятному молодому тшентльмену, я покашу вам, что мошно, очень даже мошно, открыть источник, маленький водяной ключ, скрытый в земле. Для этого не нушно ни мотыги, ни лопаты и вовсе незачем копать.

— Гм! — проворчал антикварий. — Я слышал об этой загадке. Но от такого умения в нашей стране мало проку. Вам следовало бы отправиться в Испанию или Португалию и там с пользой употребить его.

— Ах, мой допрый мистер Олденбок, там инквизиция и аутодафе. Там меня, простого

философа, объявили бы великим колдуном и сошгли.

— Они зря истратили бы уголь, — заметил Олдбок. — Однако, — продолжал он шепотом, обращаясь к Ловелу, — если бы они выставили его у позорного столба, как одного из самых наглых мошенников и болтунов, каких только видел свет, воздаяние более точно соответствовало бы его заслугам. Впрочем, поглядим: он, кажется, хочет показать нам какой-то фокус.

И действительно, немец теперь подошел к рощице на некотором расстоянии от руин и сделал вид, будто усердно разыскивает прут,

годный для его волшебных целей. Срезав, осмотрев и отбросив несколько веток, он наконец выбрал небольшой побег орешника с раздвоенным концом и объявил, что этот прут обладает всеми свойствами, нужными для его опыта. Держа концы развилки так, что прут торчал прямо вверх, Дюстерзивель начал обходить разрушенные нефы и аркады, а остальные с удивлением вереницей следовали за ним.

— Я думаю, здесь не было воды, — сказал он, обойдя несколько зданий и не находя якобы ожидаемых им признаков. — Я думаю, эти шотландские монахи находили воду слишком холодной для климата и

всегда пили допрый вкусный
рейнвейн... Что это? Ага! — При
этом восклицании его спутники
заметили, что прут принял
наклонное положение, хотя немец
как будто по-прежнему крепко
сжимал его пальцами. — Да,
разумеется, здесь есть вода, —
добавил немец и, поворачиваясь из
стороны в сторону, смотря по тому,
куда отклонялся прут, добрался
наконец до пустого помещения без
крыши, в котором когда-то была
монастырская кухня. Едва он вошел
туда, как прут повернулся у него в
руках и застыл концом вниз. — Да,
это здесь! — продолжал
чудотворец. — И если вы не найдете

воды, то можете назвать меня дерзким обманщиком!

— Я воспользуюсь этим разрешением, — шепнул антикварий Ловелу, — найдет он воду или нет.

Слугу, явившегося с корзиной холодных закусок, послали в расположенную неподалеку хижину лесника за киркой и топором. После того как с места, указанного немцем, удалили камни и мусор, показались стенки обычного колодца. Когда при содействии лесника и его сыновей был убран слой щебня, в колодце начала быстро подниматься вода — к удовольствию философа, удивлению дам, мистера Блеттергаула и сэра Артура, недоумению Ловела и

смущению недоверчивого антиквара. Впрочем, он не преминул снова заявить Ловелу на ухо свой протест против такого чуда.

— Это просто трюк, — сказал он. — Прежде чем проделывать свои таинственные махинации, мошенник так или иначе узнал о существовании этого старинного колодца. Обратите внимание на то, что он сейчас скажет. Или я сильно ошибаюсь, или все это лишь прелюдия к более серьезному обману. Смотрите, как он пыжится и важничает после своего успеха и как бедный сэр Артур восхищается этим потоком чепухи, который тот изливает на него под видом основ оккультной науки!

— Ви видите, мой допрый покровитель, ви видите, моя допрая леди, ви видите, почтенный доктор Блеттергаул, и ви такше, мистер Лофел, и мистер Олденбок, можете видеть, если соблаговолите, что наука не имеет других врагов, кроме нефешества. Взгляните на эту малую веточку орешника. Единственно, на что она годна, это посечь ребенка. («Для тебя я взял бы девятихвостую кошку! » — шепнул Олдбок в пространство.) Влошите ее в руки философа — пиф-паф! — и она делает великое открытие. Но это пустяк, сэр Артур, сущий пустяк, почтенный доктор Блеттергаул, пустяк, милые леди, юный мистер

Лофел и допрый мистер Олденбок, по сравнению с тем, что мошет сделать наука! Ах, если б нашелся челофек, у которого хватило бы смелости и ума, я показал бы ему кое-что получше колодца с водой... Я показал бы ему...

— Для этого потребовалось бы также немного денег, не так ли? — спросил антикварий.

— Э, самая малость, о которой не стоит и говорить! — ответил мудрец.

— Я так и думал, — сухо заметил антикварий. — А я пока что, без всякого магического жезла, покажу вам превосходный паштет из дичи и бутылку лондонской мадеры

особой марки, и думаю, что эти блага не уступят всему тому, что может явить нам наука мистера Дюстерзивеля.

Пиршественные яства были расставлены, как выражался Олдбок, *fronde super viridi*, под огромным старым деревом, называвшимся «дубом приора», и общество, расположившееся в его тени, отдало должное содержимому корзины.

ГЛАВА XVIII

*И как грифон
крылатый, над лесами,
Над степью и
болотами летя,
За аримаспом гонится,
который
Хранимое им золото
похитил, -
Так в исступленье
гнева сатана...*

*«Потерянный
рай»*

Когда легкий завтрак был
окончен, сэр Артур возобновил

разговор о тайнах магического жезла, о которых он уже раньше беседовал с Дюстерзивелем.

— Мой друг мистер Олдбок теперь будет с большим уважением слушать ваш рассказ о новейших открытиях, сделанных в Германии членами вашего сообщества.

— Ах, сэра Артур, не следовало касаться таких фещей при этих тшентльменах. Именно недостаток доферия, или, как ви говорите, веры, и портит подобные великие дела.

— Позвольте по крайней мере моей дочери прочесть записанный ею рассказ про Мартина Вальдека.

— О, это очень правдифый история. Но мисс Уордор такая

лофкая и такая умница, что сделала из нее настоящий роман. Гете и Виланд не сделали бы лучше, честное слово.

— По правде говоря, мистер Дюстерзивель, — промолвила мисс Уордор,

— в этой легенде романтическое настолько преобладало над правдоподобным, что мне, влюбленной в царство сказок, просто невозможно было удержаться и не внести несколько штрихов, чтобы сделать это произведение более совершенным в своем роде. Однако вот оно, и если вы не склонны покинуть эту тень, прежде чем немного спадет дневная

жара, и будете снисходительны к моему неумелому изложению, то, может быть, сэр Артур или мистер Олдбок прочтут его нам.

— Только не я, — заявил сэр Артур. — Я никогда не любил читать вслух.

— И не я, — сказал Олдбок, — ибо забыл дома очки. Но ведь с нами Ловел, у него острое зрение и приятный голос. Что касается мистера Блеттергаула, то, насколько мне известно, он ничего не читает, опасаясь, что его заподозрят в чтении своих же проповедей.

Таким образом, чтение рукописи было возложено на Ловела, и он не без трепета принял переданные ему

смущенной мисс Уордор листы со строками, начертанными той прекрасной рукой, обладание которой он считал бы высшим блаженством, какого только мог ожидать на земле. Но сейчас необходимо было подавить свои чувства. И, бегло проглядев рукопись, как бы для того, чтобы лучше ознакомиться с ее характером, он преодолел волнение и прочел обществу следующий рассказ.

СУДЬБА МАРТИНА ВАЛЬДЕКА^{[note](#)}

[III](#)

Пустынные дебри Гарцкого

леса в Германии, и особенно гора, называемая Блоксберг, или, точнее, Брокен, служат излюбленным местом действия в рассказах о ведьмах, леших и призраках. Сам род занятий жителей — рудокопов и лесорубов — развивает в них особую склонность к суеверию, и явления природы, которые они наблюдают, работая в лесной глуши или под землей, часто приписываются ими вмешательству духов или волшебных сил. Среди многих легенд в этом пустынном краю особенно распространена одна, где рассказывается о некоем диком духе, принявшем образ человека огромного роста, который сторожит леса Гарца. Этот великан ходит в

венке и поясе из дубовых листьев и носит в руке вырванную с корнем сосну. Многие утверждают, что видели гигантскую фигуру, шагавшую в том же направлении, что и они, по горному хребту, отдаленному от них узкой лощиной. Подлинность такого видения настолько общепризнанна, что современному скептицизму не остается ничего иного, как объяснять его законами оптики (Предполагается, что видение возникает вследствие отбрасывания тени человека, видящего его, на слой тумана, подобно изображению, отбрасываемому волшебным фонарем на белую стену. (Прим.

автора.)].

В старину дух часто запросто общался с местными жителями; по гарцским преданиям, он, как почти все духи земли, был своенравен и по своей прихоти вмешивался в дела смертных — иногда на пользу им, а иногда во вред. Но было замечено, что даже его дары часто со временем оказывались губительными для тех, кого он ими наделял. Нередко священники, пекущиеся о пастве, произносили длинные проповеди, суть которых сводилась к увещанию не вступать ни в какое общение, прямое или косвенное, с демоном Гарца. И старые люди часто приводили историю Мартина

Вальдека в пример ветреным детям, когда те смеялись над опасностью, казавшейся им воображаемой.

Однажды в деревушке под названием Моргенбродт, в Гарце, кафедрой церковки с соломенной крышей завладел странствующий капуцин и начал громить жителей за их греховность и за сношения с дьяволами, ведьмами и феями, особенно же — с гарцским лешим. Учение Лютера уже начинало распространяться среди крестьян — ибо этот случай относят к царствованию Карла Пятого, — и они посмеивались над тем усердием, с которым почтенный монах разглагольствовал на избранную им

тому. Его страстность росла с их упорством. Жителям не нравилось, что их старого, смиренного духа, обитавшего столько веков на Брокене, сваливают в одну кучу с Ваалом, Астаротом и даже самим Вельзевулом, безвозвратно низвергая его в бездну Тофета. К их патриотической заинтересованности в его судьбе присоединялись опасения, как бы дух не отомстил за то, что они слушают такие беспощадные обвинения. Бродячий монах, говорили они, который нынче здесь, а завтра — бог весть где, может говорить что ему угодно. А мы, исконные и постоянные обитатели этих мест, останемся на

милость оскорбленного духа и, конечно, должны будем за все расплачиваться. Возбужденные этими мыслями, крестьяне от неодобрительных слов перешли к камням и, хорошенько побив ими пастыря, выгнали его из прихода — пусть проповедует против духов в других местах!

Трое молодых людей, которые присутствовали при этом событии и принимали в нем участие, возвращались в свою хижину, где они занимались трудным и малопочетным делом выжигания древесного угля для плавильных печей. В пути разговор, естественно, зашел о духе Гарца и о поучениях

капуцина. Два старших Вальдека, Макс и Георг, признавая, что речи монаха были неразумны и заслуживали порицания, так как он не мог судить о природе и судьбе их духа, все же считали чрезвычайно опасным принимать от этого духа подарки и поддерживать с ним какое бы то ни было общение. Он могуществен — это они признавали, — но своенравен и проказлив, и те, кто имел с ним дело, часто плохо кончали. Не он ли подарил храброму рыцарю Экберту фон Рабенвальду знаменитого черного коня, на котором тот одолел всех противников на большом турнире в Бремене? И не этот ли

самый конь потом бросился со своим всадником в пропасть, такую глубокую и страшную, что ни коня, ни человека никто больше не видел? Не он ли научил Гертруду Тродден заклинанию, помогавшему мгновенно сбивать масло, и не была ли она сожжена, как ведьма, по приговору главного судьи курфюршества за то, что воспользовалась этим подарком? Однако и эти и многие другие приводимые ими примеры печальной участи людей, принявших благодеяния гарцского духа, не произвели никакого впечатления на младшего брата — Мартина.

Мартин Вальдек был юн, горяч и

порывист. Он отличался во всех забавах, обычных для горцев, и был неустрашим, так как свyksя с опасностями. Он посмеялся над робостью братьев.

— Не говорите при мне таких глупостей, — сказал он. — Этот дух — добрый. Он живет среди нас, словно и он простой крестьянин, и посещает уединенные утесы и горные пещеры, как охотник или козий пастух. Он любит леса Гарца и их дикие чащи и не может быть равнодушен к судьбе трудолюбивых детей здешней земли. Если бы дух был так коварен, как вы его изображаете, мог ли бы он приобретать власть над смертными,

которые просто пользуются его дарами и не связывают себя никакими обязательствами угождать его прихотям? Когда вы приносите уголь к плавильной печи и деньги выплачивает вам этот богохульник и нечестивец, старый мастер Блазиус, разве его деньги хуже тех, которые вы могли бы получить от самого священника? Значит, опасность грозит вам не от даров лесного духа, а от того, как вы их употребите. И если бы дух в эту самую минуту явился мне и указал золотую или серебряную жилу, я принялся бы копать раньше, чем он успел бы повернуться ко мне спиной, и притом считал бы себя под

покровительством высшего существа, лишь бы только я употребил открытое мне богатство на добрые дела.

На это старший брат ответил, что богатство, дурно нажитое, редко тратится достойным образом, а Мартин самоуверенно возразил, что обладание всеми сокровищами Гарца нисколько не изменило бы его привычек, нравственных правил и душевных качеств.

Брат стал упрашивать Мартина не говорить об этом так безрассудно и, чтобы отвлечь его внимание, начал обсуждать с ним предстоящую охоту на кабана. Беседуя, они дошли до своей хижины, жалкого шалаша на

склоне дикой, узкой и живописной
лощины в дебрях Брокена. Они
сменили сестру, следившую за
обугливанием дров. Эта работа
требует неослабного внимания, и
они, как обычно, поделили ее между
собой: один брат должен был
сторожить, пока остальные спали.

Первые два часа ночи на страже
оставался Макс Вальдек, старший
брат, и был немало встревожен, когда
на противоположном склоне лощины
увидел огромный костер и вокруг
него какие-то фигуры, казалось,
водившие хоровод и делавшие
странные телодвижения. Сначала
Макс хотел позвать братьев. Однако,
вспомнив о безрассудной смелости

младшего и не решаясь будить другого брата, чтобы не потревожить и Мартина, подумав также, что видимое им всего лишь наваждение, посланное духом, может быть, из-за сказанных Максом в минувший вечер неосторожных слов, — он решил искать защиты в молитвах, которые начал бормотать про себя, с ужасом и негодованием наблюдая в то же время за странным и жутким видением. Огонь некоторое время ярко пылал, потом начал гаснуть, уступая место мраку, и остальная часть ночи для Макса не была нарушена ничем, кроме воспоминаний о пережитом страхе.

Потом он пошел спать, и его

место занял Георг. Видение огромного пылающего костра на противоположном склоне лощины представилось и его глазам. Костер, как и прежде, был окружен фигурами, которые выделялись на фоне яркого красного огня и двигались вокруг него, как бы совершая некую таинственную церемонию.

Георг, столь же осторожный, как и старший брат, был посмелее его. Он решил исследовать поближе предмет своего недоумения. Для этого он перешел через ручей на дне лощины, взобрался на другой берег и подошел на расстояние полета стрелы к огню, который, казалось,

пылал так же яростно, как и тогда, когда Георг впервые увидел его.

Внешний вид тех, кто окружал костер, напоминал видения тревожного, лихорадочного сна и сразу же подтвердил предположение, с самого начала возникшее у Георга, что эти существа — не из мира живых. Среди странных, призрачных фигур Георг Вальдек заметил гиганта с волосатым телом, державшего в руке вырванную с корнями сосну и как будто ворошившего ею время от времени пылавшие бревна. На нем не было ничего, кроме венка и пояса из дубовых листьев. У Георга упало сердце, так как он узнал хорошо всем известного гарцского духа, которого

ему часто описывали старые пастухи и охотники, видевшие, как он шагал по горам. Георг повернулся, готовый бежать. Но, подумав, побранил себя за трусость и стал мысленно читать стих псалмопевца «Хвалите господи все ангелы его», считавшийся в этом краю могущественным заклинанием. При этом он снова двинулся в сторону, где перед ним сверкало пламя. Однако костер исчез.

Только бледный месяц освещал склон лощины. Пот выступил у Георга на лбу, и волосы встали дыбом под его шапкой угольщика, когда неверными шагами он приблизился к месту, где только что пылал костер и которое можно было бы узнать по

старому, уродливому дубу, но не нашел там ни малейших следов виденного. Мох и дикие цветы не были опалены, и ветви дуба, так недавно казавшиеся окутанными пламенем и клубами дыма, были влажны от полуночной росы.

Георг нетвердой походкой вернулся в хижину и, рассуждая так же, как старший брат, решил молчать о том, что он испытал, чтобы не пробудить в Мартине то безудержное любопытство, которое, казалось ему, граничило с нечестивостью.

Теперь настал черед Мартина сторожить. Петух уже огласил лес своим первым кличем, и ночь была почти на исходе. Осмотрев печь, в

которую закладывали дрова для обугливания, Мартин с удивлением обнаружил, что в ней поддерживался недостаточный огонь. Из-за предпринятой прогулки и ее последствий Георг забыл о своей главной задаче. Первой мыслью Мартина было поднять братьев. Но, заметив, что оба они спят особенно глубоко и тяжело, он не стал нарушать их покой и сам без их помощи начал подбрасывать в печь топливо. Однако дрова, которые он клал, видимо, были сырые и негодные, потому что пламя не только не разгоралось, а, напротив, стало чахнуть. Тогда Мартин пошел взять из запаса сучья, тщательно

нарезанные и нарочно высушенные для такого случая, но когда он возвратился, огонь уже совсем погас. Это была большая беда, которая грозила свести на нет их труд за несколько дней. Обозленный и огорченный, страж принялся высекать огонь, чтобы снова растопить печь, но трут оказался влажным, и здесь у Мартина тоже ничего не вышло. Он уже собирался разбудить братьев, потому что дело не терпело отлагательства, как вдруг заметил вспышки света, замелькавшие не только в окне, но и сквозь все щели грубо сколоченной хижины, и ему представилось то же видение, которое раньше испугало

сперва одного, а затем и другого брата. Прежде всего парню пришло в голову, что к ним забрались Мюллергаузеры, их соперники по ремеслу, с которыми у них было много стычек, и хотят украсть их дрова. Он решил разбудить братьев и наказать наглых грабителей. Но, подумав и присмотревшись к движениям и повадкам пришельцев, словно сновавших в огне, он отказался от своей догадки и, хотя был маловером в таких делах, заключил, что пред ним сверхъестественное явление. «Ладно, — сказал себе неустрашимый житель лесов, — люди это или дьяволы предаются там

таким странным обрядам, а я пойду и попрошу у них огонька, чтобы снова растопить нашу печь». От мысли разбудить братьев он тоже отказался. Существовало поверье, что такие приключения, как то, в которое он собирался пуститься, бывают успешны только в том случае, когда человек один. К тому же он боялся, что братья с их мелочной осторожностью помешают ему заняться расследованием, на которое он решился. Итак, взяв со стены рогатину, с которой они ходили на кабана, храбрый Мартин Вальдек отправился один.

С таким же успехом, как его брат Георг, но с гораздо большей

отвагой, Мартин перешел ручей, поднялся по откосу и настолько приблизился к призрачному обществу, что мог распознать в главной фигуре духа Гарца. Впервые в жизни Мартина прошиб озноб. Но воспоминание о том, что на расстоянии он храбрился и даже мечтал о встрече, которая теперь могла состояться, укрепило в нем пошатнувшуюся смелость, а гордость заменила недостаток решимости, и он довольно твердым шагом направился к костру. И чем ближе он подходил к сбору вокруг огня, тем более диким, фантастическим и сверхъестественным оно ему представлялось. Он был встречен

громким взрывом хохота и нестройных выкриков, которые оглушили его и показались ему жутким сочетанием самых мрачных и унылых звуков, какие можно было вообразить.

— Кто ты? — спросил гигант, придавая своим диким и уродливым чертам торжественный вид, хотя они то и дело подергивались судорогой подавляемого смеха.

— Мартин Вальдек, житель этого леса, — ответил смелый юноша. — А вы кто?

— Король лесных чащ и копей, — ответил дух. — Как ты смеешь соваться в мои тайны?

— Я пришел попросить огня,

чтобы разжечь у себя потухшую печь, — храбро ответил Мартин, а затем с решительным видом, в свою очередь, спросил: — Что это у вас за тайное празднество?

— Мы справляем свадьбу Гермеса с Черным Драконом, — вежливо сообщил дух. — Однако возьми огня, за которым пришел, и уходи: смертный, который долго смотрит на нас, не остается в живых.

Молодой угольщик воткнул конец рогатины в большую пылающую головню, которую с трудом поднял. Затем он повернул в сторону своей хижины. Взрывы хохота за его спиной возобновились с утроенной силой и далеко

разносились по узкой долине. Когда Мартин вернулся домой, то, как ни был он изумлен всем виденным, первой его заботой было положить головню среди прочего топлива, чтобы получше разжечь огонь в печи. Но после долгих усилий и возни с мехами и кочергой головня, принесенная из костра духов, совсем потухла и не разожгла других. Молодой угольщик повернулся и увидел, что огонь на холме все еще горит, но духи, прежде суетившиеся вокруг него, исчезли. Поняв, что дух подшутил над ним, Мартин дал волю своему необузданному нраву и, решив довести приключение до конца, снова отправился в путь к

костру, откуда без помехи со стороны демона принес таким же способом новую горящую головню. И опять ему не удалось разжечь огонь. Беснаказанность подстрекнула его отважиться на третью попытку, и он так же успешно, как и раньше, добрался до костра. Но когда он опять завладел горящей головней и собрался уходить, то услышал суровый нечеловеческий голос, уже говоривший с ним и произнесший теперь слова:

— Не смей возвращаться сюда в четвертый раз!

Попытка разжечь огонь от этой последней головни окончилась так же неудачно, как и предыдущие.

Тогда Мартин отказался от безнадежных усилий и опустился на постель из листьев, решив лишь утром сообщить братьям о своем сверхъестественном приключении. От усталости и возбуждения он забылся тяжелым сном и был разбужен громкими возгласами изумления и радости. Его братья, проснувшись, крайне удивились, что огонь потух, и начали перекладывать топливо, чтобы снова растопить печь, как вдруг увидели в золе три огромных слитка металла, в котором, будучи, как и большинство крестьян Гарца, неплохими минералогами, тотчас распознали чистое золото.

Их взаимные радостные

поздравления несколько охладил рассказ Мартина о том, как ему досталось сокровище; собственные ночные впечатления братьев заставили их полностью поверить ему. Но они не могли устоять против искушения разделить с братом его богатство. Действуя теперь как глава рода, Мартин Вальдек начал скупать земли и леса, построил замок, раздобыл себе дворянскую грамоту и, к великому негодованию древней аристократии края, утвердился во всех правах человека знатного рода. Его храбрость на войне и в частных распрях, а также многочисленность находившейся у него на жалованье челяди некоторое время помогали

ему поддерживать свое положение, несмотря на вражду, возбужденную его внезапным возвышением и непомерностью его притязаний.

А потом судьба Мартина Вальдека, как и многих других, показала, сколь трудно смертным предвидеть воздействие мгновенного обогащения на их душу. Дурные склонности в его натуре, сдерживаемые и подавляемые бедностью, теперь, когда появились всякие соблазны и возможности им предаться, созрели и принесли свои ядовитые плоды. Грех один не ходит. Поэтому одна страсть побуждала в Мартине другую. Скупость вела за собой высокомерие, а высокомерие

приводило к жестокости и властолюбию. Нрав Вальдека, всегда дерзкий и смелый, а после обогащения ставший особенно резким и надменным, скоро сделал его ненавистным не только дворянам, но и людям более низкого звания, которые с двойной неприязнью смотрели, как обременительными для них правами, принадлежащими имперской феодальной знати, безжалостно пользуется человек, поднявшийся из самых низов народа. О пережитом им приключении, как тщательно он его ни скрывал, поползли слухи, и духовенство не замедлило заклеить его как колдуна и

приспешника дьявола, негодяя, который, приобретя таким странным способом огромный клад, не счел нужным освятить его, отдав значительную часть на нужды церкви. Окруженный враждебными ему людьми и общественными силами, измученный бесконечными междоусобными стычками и находящийся под угрозой отлучения от церкви, Мартин Вальдек, или барон фон Вальдек, как мы теперь должны его называть, часто горько жалел о трудах и радостях тех лет, когда он был беден и никто не завидовал ему. Но при всем этом храбрость его не изменяла ему и даже как будто возрастала по мере

того, как вокруг него сгущались опасные тучи, пока случай не ускорил его падения.

Владетельный герцог Брауншвейгский велел объявить, что состоится торжественный турнир, на который приглашаются все немецкие дворяне, происходящие от свободных и достойных предков, и Мартин Вальдек, великолепно вооруженный, в сопровождении обоих братьев, а также пышно разодетой свиты, имел наглость появиться среди местного рыцарства и потребовать, чтобы его занесли в списки участников. Но все сочли, что этим он переполнил меру дерзости. Тысячи голосов закричали:

— Мы не желаем, чтобы

безродный уголыщик вмешивался в игры нашего рыцарства!

Разъяренный до исступления, Мартин выхватил меч и насмерть зарубил герольда, который, согласно единодушной воле собравшихся, воспротивился занесению его в списки. Сотни мечей обнажились, чтобы отомстить за преступление, которое в те дни считалось самым тяжким после святотатства и цареубийства. Вальдек оборонялся как лев, но его схватили и подвергли на месте суду турнирных судей. Как нарушителя мира в землях его государя и убийцу неприкосновенной особы герольда, его приговорили к отсечению правой руки, позорному

лишению дворянского звания, которого он был недостоин, и изгнанию из города. После того как с его одежды сорвали геральдические знаки, а самого изувечили, как предписывал суровый приговор, несчастная жертва честолюбия была отдана на милость черни, которая сначала преследовала Мартина угрозами и бранью, обзывая его чернокнижником и насильником, а затем начала избивать его. Братья (вся их свита бежала и рассеялась) с трудом отняли его у толпы, которая, насытившись жестокостью, оставила его, полумертвого от потери крови и перенесенных надругательств. Враги в своем озлоблении были так

изобретательны, что не позволили братьям увезти Мартина иначе как на такой же тачке, какой они раньше пользовались как угольщики. Братья уложили в нее Мартина на охапку соломы и почти не надеялись достигнуть какого-либо убежища раньше, чем смерть избавит его от страданий.

Когда Вальдеки в таком жалком виде добрались до родных мест и шли ложбиной меж двух гор, они увидели двигавшуюся им навстречу фигуру, которую с первого взгляда приняли за старика. Но по мере приближения незнакомец стал увеличиваться в размерах, плащ спал с его плеч, посох странника

превратился в вырванную с корнями сосну, и гигантская фигура гарцкого духа прошла мимо них во всем своем ужасном величии. Поравнявшись с тачкой, в которой лежал несчастный Мартин, дух усмехнулся с невыразимым презрением и злобой и спросил страдальца:

— Как тебе нравится огонь, разожженный моими углями?

Неукротимая смелость, казалось, вернула Мартину способность двигаться, которой страх лишил его братьев. Поднявшись в тачке, он нахмурил брови и, сжав кулак, погрозил призраку с выражением яростной ненависти и гнева. Дух исчез с обычным

оглушительным и раскатистым хохотом и оставил Мартина Вальдека в изнеможении от исчерпавшего его силы порыва.

Охваченные ужасом, братья свернули со своей тачкой в сторону монастырских башен, показавшихся среди соснового бора сбоку от дороги. Их милосердно принял босоногий и длиннобородый капуцин, и Мартин прожил еще столько, что успел исповедаться — в первый раз со дня своего внезапного обогащения — и получить отпущение грехов от того самого пастыря, которого ровно три года назад помогал выгнать градом камней из поселка Моргенбродт. В

трех годах его непрочного благосостояния люди усматривали таинственную связь с числом посещений им призрачного костра на холме.

Тело Мартина Вальдека было погребено в монастыре, где он окончил свои дни. Там же и братья его, став монахами этого ордена, жили и умерли, предаваясь делам милосердия и благочестия. Земли Мартина, на которые никто не притязал, лежали втуне, пока император не отписал их на себя как выморочное владение, а развалины замка, который Вальдек назвал своим именем, до сих пор обходят сторонкой и рудокоп и лесоруб,

считая, что там обитают злые духи. Так на примере судьбы Мартина Вальдека были показаны бедствия, связанные со стремительно приобретенным и дурно употребленным богатством.

ГЛАВА XIX

*Здесь бурный спор был
между капитаном,*

*Моим кузеном, и
воякой этим*

*Из-за какой не знаю
чепухи;*

*Чины, соперничество
да интриги*

Военной службы!

«Добрая ссора»

Внимательные слушатели
наградили прекрасную рассказчицу
приведенного выше предания
комплиментами по всем правилам

вежливости. Только Олдбок наморщил нос и заметил, что искусство прекрасного автора имеет нечто общее с алхимией, так как мисс Уордор сумела извлечь музыку и ценную мораль из бессодержательной и нелепой легенды.

— Насколько я знаю, сейчас модно восхищаться такими глупыми вымыслами, но что до меня...

Британца сердце, что в
груди моей,
Ни духи не страшат, ни стук
костей.

— Если разрешите, мой допрый мистер Олденбок, — сказал немец, — мисс Уордор сделала эту историю, как все, к чему она прикасается, ошень изящной. Но фесь рассказ про гарцского духа и про то, как он ходит по пустынным горам с большой сосной фместо трости, венком из зеленых веток на голофе и такой же повязкой на бедрах, верна, как прафда то, что я честни челофек.

— Можно ли спорить при такой гарантии достоверности! — сухо ответил антикварий.

Но в этот миг разговор был прерван появлением нового лица.

Это был красивый молодой

человек, лет двадцати пяти, в военной форме. В его внешнем виде и манерах отражалась — быть может, слишком подчеркнуто — принадлежность к воинственной профессии, хотя у благовоспитанного человека профессиональные привычки не должны бросаться в глаза. Большая часть общества немедленно приветствовала его.

— Дорогой Гектор! — сказала мисс Мак-Интайр, вставая, чтобы ответить на его рукопожатие.

— Гектор, сын Приама, откуда ты? — спросил антикварий.

— Из Файфа, мой сюзерен, — ответил молодой воин и продолжал, вежливо поздоровавшись с

остальным обществом, в особенности с сэром Артуром и его дочерью: — Направляясь в Монкбарнс, чтобы засвидетельствовать родственникам свое почтение, я узнал от одного из слуг, что найду всех вас здесь, и я рад случаю засвидетельствовать свое почтение стольким друзьям сразу.

— И еще одному новому, мой верный троянец, — сказал Олдбок. — Мистер Ловел, это мой племянник, капитан Мак-Интайр. Гектор, рекомендую тебе мистера Ловела.

Молодой воин острым взглядом окинул Ловела и поклонился сдержанно и не слишком любезно. А

так как нашему другу такая холодность показалась почти высокомерной, он поклонился в ответ тоже с ледяным и надменным видом. Таким образом, взаимное предубеждение возникло между ними с самого начала знакомства.

Наблюдения, сделанные Ловелом во время продолжавшейся экскурсии, не могли примирить его с этим добавлением к их обществу. Капитан Мак-Интайр с галантностью, какой и можно было ожидать от его возраста и рода занятий, посвятил себя служению мисс Уордор и при всяком удобном случае оказывал ей знаки внимания. Такое же внимание готов был бы

оказать ей и Ловел; он все на свете отдал бы за подобную возможность, но вынужден был воздерживаться, из страха навлечь на себя неудовольствие девушки. То с унылым отчаянием, то с чувством обиды и гнева смотрел он, как красивый молодой офицер присваивает себе права cavalier servente [note 112](#): подает мисс Уордор перчатки, помогает ей надеть шаль, не отходит от нее во время прогулок, спешит устранить малейшие препятствия с ее пути и поддерживает ее, когда тропа становится каменистой и трудной для ходьбы. В разговоре он обращался главным образом к ней, а

если условия это допускали, то и только к ней. Ловел отлично знал, что все это могло быть и просто следствием своеобразного эгоизма, побуждающего некоторых современных молодых людей притязать на расположение самой красивой женщины в обществе только для того, чтобы показать, будто другие мужчины не стоят ее внимания. Но ему казалось, что он замечает в поведении капитана Мак-Интайра признаки особой нежности, способные пробудить ревность влюбленного. А мисс Уордор принимала эти знаки внимания. И хотя Ловел в глубине души признавал, что их нельзя было

отвергнуть, не выказав некоторого жеманства, все же ее поведение причиняло ему жестокую боль.

Сердечные муки, вызванные этими размышлениями, оказались очень неподходящей приправой к сухим историческим комментариям, которыми Олдбок, требуя особого внимания Ловела, безжалостно преследовал его. Подавляя в себе приступ досады, иногда граничившей с негодованием, Ловел должен был выслушать целый курс лекций о монастырской архитектуре всех стилей — от тяжеловесного саксонского до пышного готического и дальше, до смешанной и сложной архитектуры времен Иакова Первого,

когда, по словам Олдбока, все ордера смешались и колонны самого различного вида возвышались рядом или громоздились одни на другие, словно симметрия была забыта, а основы искусства распались, потонув в первозданном хаосе.

— Что может быть мучительнее для сердца, — в экстазе воскликнул Олдбок, — чем зрелище зла, которое мы принуждены созерцать, не имея средств его устранить! — Ловел ответил ему невольным стоном. — Я вижу, мой дорогой юный друг, столь родственный мне по духу, что вы воспринимаете эти уродства почти так же, как я. Случалось ли вам приближаться к ним или встречать

их, не испытывая желания разрушить или стереть то, что так позорно?

— Позорно? — эхом повторил Ловел. — В каком отношении позорно?

— Позорно для искусства.

— Где? Почему?

— Например, на портике оксфордских школ, где невежественный зодчий, дикарь и фантазер, счел нужным ценой невероятных затрат представить все пять архитектурных ордеров на фасаде одного здания.

Таким натиском Олдбок, не ведая о причиняемой им пытке, заставлял Ловела уделять ему долю внимания, подобно тому, как

искусный рыболов своей леской управляет судорожными движениями бьющейся в агонии добычи.

Теперь они уже возвращались к тому месту, где оставили экипажи. И трудно сказать, сколько раз на протяжении этого короткого перехода Ловел, изнемогавший от словоизвержения своего почтенного друга, мысленно посылал к дьяволу, — лишь бы тот избавил его от необходимости слушать еще, — все ордера архитектуры в их чистом или искаженном виде, начиная со времен построения Соломонова храма. Но тут произошло небольшое событие, пролившее как бы целительную прохладу в его

пылавшую и страждавшую душу.

Мисс Уордор и ее самозванный рыцарь несколько опередили остальных на узкой тропинке, но молодой леди, по-видимому, захотелось присоединиться к прочей компании и прервать *tete-a-tete* с молодым офицером. Она остановилась и ждала, пока подойдет мистер Олдбок.

— Я хотела спросить вас, мистер Олдбок, к какому времени относятся эти замечательные руины?

Мы были бы несправедливы к *savoir faire* [note 113](#) мисс Уордор, если бы предположили, что она понимала, какой многословный ответ вызовет ее вопрос. Антикварий, воспрянув,

как боевой конь при звуке трубы, немедленно углубился в разбор различных доводов за и против даты 1273 года, которая в недавней публикации о шотландских архитектурных древностях указывалась как год возникновения приората святой Руфи. Он перебрал имена всех приоров, правивших этим учреждением, знатных людей, жертвовавших монастырю земли, и властителей, спящих теперь последним сном в его полуразрушенных стенах. И как фитиль непременно воспламеняется от другого, зажженного поблизости, так баронет, уловив встретившееся в изысканиях Олдбока имя одного из

своих предков, начал повествовать о его войнах, победах и трофеях. Это побудило достойного доктора Блеттергаула, при упоминании о пожаловании земель *cum decimis inclusis tam vicarriis quam garbalibus, et nunquam antea separatis* [note 114](#), пуститься в длинное объяснение по поводу того, как суд истолковал подобный пункт, встретившийся в процессе, когда потребовалось определить, на чей счет следует отнести последнюю прибавку к его окладу. Ораторы, подобно трем скакунам, мчались вперед, мало думая о том, не перебивают ли и не толкают ли они своих соперников. Мистер Олдбок разглагольствовал,

баронет декламировал, мистер Блеттергаул бубнил, излагая законы. Латинские термины феодальных дарственных грамот мешались с условным языком геральдики и еще более варварской фразеологией шотландского суда по десятинным делам церкви.

— Это был, — воскликнул Олдбок, говоря о приоре Адемаре, — действительно примерный прелат. И, зная его строгую нравственность, неуклонное соблюдение им епитимий, в сочетании со склонностью к делам благотворения и недугами, неизбежными при его преклонном возрасте и аскетических привычках...

Тут он случайно кашлянул, и сэр Артур ворвался в его речь или, вернее, продолжил ее:

— ... его звали в народе дьяволом в латах. Он носил щит с червлёным полем и черной повязкой и пал в битве под Вернейлем во Франции, убив шестерых англичан своим собственным...

— ... декретом о засвидетельствовании, — говорил пастор, нудно растягивая слова, вначале явно подавленный яростным натиском соперников, но, казалось, не терявший надежды со временем одержать верх в этой борьбе рассказчиков, — декретом о засвидетельствовании, которым

стороны признавались пришедшими к соглашению. Свидетельские показания, казалось, были исчерпаны, но тут их стряпчий вошел в суд с ходатайством о заслушании новых показаний под предлогом, будто их сторона может доказать, что окот у их овец обычно происходил на земле, не обложенной десятиной. Это было пустой уловкой, так как...

Но к этому времени баронет и мистер Олдбок успели отдышаться и возобновили свои словоизвержения, отчего три «пряди» разговора, — пользуясь языком канатных мастеров, — снова были сплетены в единую нить неразберихи.

Однако, как ни скучен был этот

пестрый жаргон, мисс Уордор, очевидно, предпочитала посвятить свое внимание ему, нежели дать капитану Мак-Интайру возможность вновь завязать с ней частную беседу. Поэтому, выждав некоторое время, он с неудовольствием, ясно написанным на его высокомерном лице, предоставил ей проявлять свой дурной вкус и, взяв под руку сестру, остановился с ней немного позади остального общества.

— Я вижу, Мэри, что твои соседи за время моего отсутствия не стали ни более веселыми, ни менее учеными.

— Нам не хватало твоего терпения и твоей мудрости, чтобы

расшевелить нас, Гектор!

— Благодарю, дорогая сестра! Но у вас появилось, если и менее веселое, зато более мудрое добавление к вашему обществу, чем твой недостойный брат. Скажи, пожалуйста, кто этот мистер Ловел, которого наш старый дядюшка сразу так взыскал своим благоволением? Обычно он не столь легко завязывает дружбу с незнакомыми людьми.

— Мистер Ловел, Гектор, держит себя вполне как подобает молодому джентльмену.

— Это значит, что он кланяется, входя в комнату, и носит сюртук, не протертый на локтях?

— Нет, брат, это значит гораздо

больше. Это значит, что его манеры и речь свидетельствуют о высоких чувствах и прекрасном воспитании.

— Но я хочу знать, какого он происхождения и какое положение занимает в обществе. И по какому праву он возвращается в круг, в котором, я вижу, он обосновался?

— Если ты хочешь знать, как он стал гостем в Монкбарнсе, тебе надо спросить у дяди, который, вероятно, ответит, что приглашает к себе в дом, кого желает. Если же ты намерен спросить у сэра Артура, то прими ж сведению, что мистер Ловел оказал мисс Уордор и ему огромную услугу.

— Вот оно что! Так эта романтическая история верна? И,

может быть, доблестный рыцарь, как подобает в подобных случаях, рассчитывает на руку молодой леди, спасенной им от опасности? Это было бы вполне в романтическом духе. Кстати, мне показалось, что, когда мы с мисс Уордор шли вдвоем, она была необычайно суха со мной и как будто время от времени посматривала, не обижаются ли ее галантный кавалер.

— Дорогой Гектор, — сказала сестра, — если ты в самом деле продолжаешь питать какие-либо чувства к мисс Уордор...

— Если, Мэри? Какое тут может быть если?

— ... то я считаю твои виды

безнадежными.

— А почему безнадежными, моя мудрая сестра? — спросил капитан Мак-Интайр. — Мисс Уордор, при нынешнем положении дел ее отца, не может рассчитывать на большое богатство. А что касается происхождения, то, конечно, имя Мак-Интайров не ниже их имени.

— Видишь ли, Гектор, — возразила сестра, — сэр Артур всегда смотрит на нас как на членов семейства Монкбарнса.

— Сэр Артур волен смотреть, как ему нравится, — презрительно ответил горец. — Но всякий здравомыслящий человек знает, что общественное положение жены

зависит от мужа и что родословная моего отца, в которой пятнадцать незапятнанных предков, должна была облагородить мою мать, хотя бы ее жилы были полны типографских чернил.

— Ради бога, Гектор, — остановила его встревоженная сестра, — будь осторожен! Стоит кому-нибудь подслушать и по нескромности или ради выгоды передать дяде всего одну такую фразу, и ты навсегда лишишься его расположения и всяких шансов наследовать его имение.

— Пусть так, — ответил беспечный молодой человек. — Я принадлежу к людям той профессии,

без которой мир никак не мог обойтись раньше и еще меньше захочет обходиться в ближайшие полстолетия. И пусть мой почтенный старый дядя, если ему угодно, привяжет свое почтенное имя и свое плебейское имя к тесемкам твоего передника, Мэри, и выходи, если тебе охота, замуж за этого нового дядиного любимца, и живите вы оба, с благословения неба, тихой, мирной, размеренной жизнью! Я избрал свой жребий и не собираюсь никому прислуживать ради наследства, которое должно быть моим по праву рождения.

Мисс Мак-Интайр положила руку на рукав брата, умоляя его

умерить свою горячность.

— Кто вредит или стремится тебе вредить? Только твой необузданный нрав! Каким опасностям бросаешь ты вызов? Только тем, которые сам на себя накликаешь. Дядя всегда был к нам отечески добр. Отчего же предполагать, что в дальнейшем он будет держать себя иначе, чем держал себя с тех пор, как мы остались сиротами на его попечении?

— Он превосходный старик, это я должен признать, — ответил капитан, — и я бываю очень недоволен собой, если случайно его обижу. Но его вечные разглагольствования на темы, не

стоящие выеденного яйца, его исследования, посвященные разбитым кувшинам и мискам и отслужившим свой век набойникам для табака, выводят меня из терпения. Во мне, должен признаться, сестра, есть что-то от Хотспера.

— Слишком много, слишком много, брат! В какие рискованные и, прости, иногда не слишком почетные положения ставят тебя твоя строптивость и вспыльчивость! Смотри, чтобы подобные тучи не омрачили то время, которое ты собираешься здесь провести, и пусть наш старый благодетель видит своего родственника таким, каков он

есть, — великодушным, приветливым и веселым, без грубости, упрямства и опрометчивости.

— Ну ладно, — ответил капитан Мак-Интайр. — Принимаю твои указания. Моим правилом станут хорошие манеры. И я буду вежлив с твоим новым другом. Кстати, я должен поговорить с этим мистером Ловелом.

С этим решением, в то время вполне искренним, он присоединился к группе, шедшей впереди. Тройная лекция уже окончилась, и сэр Артур говорил о заграничных новостях и о политическом и военном положении страны — темы, в которых каждый

мужчина считает себя компетентным. Было упомянуто происходившее в прошлом году сражение, и Ловел, случайно вступивший в разговор, сделал какое-то замечание, в точности которого капитан Мак-Интайр не был убежден, что и высказал самым вежливым образом.

— Тебе придется признать, что ты не прав, Гектор, — сказал его дядя, — хотя я не знаю человека, который бы столь неохотно уступал в споре. Но ты в то время был в Англии, а мистер Ловел, вероятно, участвовал в этом деле.

— Значит, я говорю с военным человеком? — сказал Мак-

Интайр. — Разрешите спросить, в каком полку вы состоите, мистер Ловел?

Мистер Ловел назвал номер полка.

— Как странно, что мы с вами не встречались раньше, мистер Ловел. Я очень хорошо знаю ваш полк и в разное время служил в нем.

Ловел покраснел.

— Я уже довольно давно не был в полку. Последнюю кампанию я проделал при штабе генерала***.

— Вот как! Это еще более удивительно. Ибо, если я и не служил под прямым начальством генерала ***, все же мне известны имена офицеров, занимавших при

нем различные посты, и я не припоминаю имени Ловела.

При этом замечании Ловел вновь покраснел, и так сильно, что обратил на себя внимание всего общества.

Послышался презрительный смех, по-видимому знаменовавший торжество капитана Мак-Интайра.

— Тут что-то странное, — пробормотал про себя Олдбок, — но я не отступлюсь так легко от моего феникса в образе дорожного попутчика: все его поступки, речь и манеры выдают джентльмена.

Тем временем Ловел достал бумажник, извлек из него письмо и, вынув его из конверта, протянул Мак-

Интайру.

— Надо полагать, что почерк генерала вам известен. Признаюсь, что мне не совсем удобно показывать эти преувеличенные выражения его уважения ко мне.

Письмо содержало очень теплые слова признательности генерала за недавнее выполнение какого-то военного поручения. Капитан Мак-Интайр, пробежав глазами письмо, не мог отрицать, что оно написано генералом, но сухо заметил, возвращая его, что не видел адреса.

— Адрес, капитан Мак-Интайр, — таким же тоном ответил Ловел, — будет в вашем распоряжении, как только вы

соблаговолите обратиться ко мне.

— Я, конечно, не премину это сделать, — ответил воин.

— Бросьте, бросьте! — воскликнул Олдбок. — Что все это значит? Затесалась меж нами Хайрен? Прошу вас, юноши, не обижать друг друга. Неужели вы явились с театра войны для того, чтобы затевать междоусобицы в нашей мирной стране? Вы что, щенки-бульдоги, которые, как только беднягу быка уберут с арены, вцепляются друг в друга и хватают за икры ни в чем не повинных зрителей?

Сэр Артур выразил надежду на то, что молодые джентльмены не

забудутся настолько, чтобы горячиться из-за такого пустяка, как конверт от письма.

Оба противника отрицали такое намерение и, с краской в лице и сверкающими глазами, заявили, что ни разу в жизни не были более хладнокровны. Все же на собравшихся явно повеяло холодком. После этой сцены все говорили только ради того, чтобы поддержать настроение, и Ловел, воображая себя предметом неприязненных и подозрительных взглядов остальных участников компании и чувствуя, что его уклончивые ответы дают им право относиться к нему с затаенным сомнением, принял геройское

решение пожертвовать
удовольствием провести день в
Нокуинноке.

Поэтому он пожаловался на
сильную головную боль, якобы
вызванную зноем, от которого он
отвык за время своей болезни, и по
всей форме принес извинение сэру
Артуру, а последний, прислушиваясь
более к подозрению, заглушавшему
голос благодарности за прежние
услуги, отговаривал его лишь в той
мере, какой требовали правила
благовоспитанности.

Когда Ловел прощался с дамами,
мисс Уордор показалась ему более
встревоженной, чем раньше.
Быстрым, заметным только для

Ловела взглядом в сторону капитана Мак-Интайра она указала на причину своего беспокойства и, сильно понизив голос, выразила надежду, что мистер Ловел лишает их своего приятного общества не ради какого-либо менее приятного свидания.

— Нет, тут причина совсем иная, — заверил он ее. — Все дело в недомогании, которое в последнее время иногда преследует меня.

— Лучшее средство в таких случаях осторожность, и я... как и все друзья мистера Ловела, надеюсь, что он не станет им пренебрегать.

Ловел низко поклонился и густо покраснел, а мисс Уордор, словно чувствуя, что сказала лишнее,

повернулась и села в коляску. После этого Ловелу предстояло проститься с Олдбоком, который с помощью Кексона уже приводил в порядок свой парик и чистил сюртук, носивший следы ходьбы по крутой и узкой троте.

— Что такое? — воскликнул Олдбок. — Неужели вы покинете нас из-за нескромного любопытства и горячности Гектора? Да ведь это просто пустоголовый мальчишка. Он был избалованным ребенком еще на руках у няньки и швырял мне в голову погремушки, если я отказывался дать ему кусок сахара. Вы слишком разумный человек, чтобы считаться с таким задирой.

Aequam servare mentem [note 115](#) —
гласит девиз нашего друга Горация. Я
дам Гектору взбучку и все это улажу.

Но Ловел настаивал на своем
решении возвратиться в Фейрпорт.

Тогда антикварий сказал более
серьезным тоном:

— Остерегайтесь, молодой
человек, тех чувств, что сейчас
владеют вами. Жизнь дана вам для
полезных и высоких целей, она
должна быть сохранена, чтобы
прославить литературу вашей
родины, если только вас не призовет
необходимость защищать ее или
спасать невинных. Междоусобная
война — явление, неизвестное
цивилизованному античному миру, и

самая мерзкая, нечестивая и жестокая из нелепостей, принесенных ордами древних германцев. Я не хочу больше и слышать о подобных бессмысленных ссорах и покажу вам трактат о дуэлях, который я написал, когда наш городской писец и мэр Маклхейм, присвоив себе права джентльменов, вызвали друг друга. Я подумывал о том, чтобы напечатать свой трактат, подписанный «*Pacificator*» [note 116](#), но надобность в этом отпала, так как рассмотрением дела занялся городской совет.

— Уверяю вас, дорогой сэр, что между капитаном Мак-Интайром и мною нет ничего, что могло бы

потребовать вмешательства столь почтенного учреждения.

— Смотрите, чтобы это было так, иначе я выступлю секундантом от обеих сторон.

С этими словами старый джентльмен уселся в карету, подле которой мисс Мак-Интайр удерживала брата, руководствуясь при этом теми же соображениями, что и владелец задиристого пса, когда опасается, что тот набросится на другого. Но Гектор умудрился обойти все принятые ею меры предосторожности. Вскочив в седло, он медленно ехал за экипажами, пока те не свернули на нокуиннокскую дорогу, а затем

повернул коня и, пришпорив его, помчался в обратном направлении.

Через несколько минут он уже поравнялся с Ловелом, который, быть может, предугадав его намерение, ехал шагом. Молодой воин, вспыльчивый от природы и еще разгоряченный стремительной скачкой, внезапно и резко осадил лошадь рядом с Ловелом и, чуть прикоснувшись к шляпе, чрезвычайно высокомерным тоном спросил:

— Как мне понимать, сэр, ваши слова, что ваш адрес в моем распоряжении?

— Очень просто, сэр; мое имя — Ловел, а место жительства в

настоящее время — Фейрпорт, как вы можете усмотреть из этой карточки.

— И это все сведения, которые вы намерены мне дать?

— Я не вижу, чтобы вы имели право требовать большего.

— Я нашел вас, сэр, в обществе моей сестры, — произнес молодой капитан, — и я имею право знать, кто допущен в общество мисс Мак-Интайр.

— Я позволю себе оспаривать это право, — таким же высокомерным тоном возразил Ловел. — Вы нашли меня в обществе, которое удовлетворено теми сведениями обо мне, какие я счел

нужным сообщить, и вы, посторонний для меня человек, не имеете права на дальнейшие расспросы.

— Мистер Ловел, если вы служили, как говорите...

— Если? — перебил его Ловел. — Если я служил, как говорю?

— Да, сэр, я так выразился. И если вы служили, то должны знать, что обязаны дать мне удовлетворение тем или иным способом.

— Если такова ваша точка зрения, я почти за честь дать вам его, капитан Мак-Интайр, тем способом, как обычно принято между джентльменами.

— Отлично, сэр, — ответил Гектор и, повернув коня, ускакал, чтобы догнать остальное общество.

Отсутствие молодого офицера уже встревожило других, и его сестра, остановив карету, высунулась из окна, недоумевая, куда он запропастился.

— Что с тобой опять? — спросил антикварий. — Носишься сломя голову взад и вперед. Почему ты не едешь рядом с каретой?

— Я забыл перчатку, сэр, — сказал Гектор.

— Забыл перчатку! Вероятно, ты хотел сказать, что отправился бросить ее. Но я примусь за тебя, молодчик! Сегодня ты вернешься со

мной в Монкбарнс.

Сказав это, он приказал вознице ехать дальше.

ГЛАВА XX

*Коль погресишь ты
ныне против чести,*

*Ей даже в мыслях не
дерзай служить.*

*Простись теперь с
оружьем благородным,*

*Навеки имя честное
солдата*

*Утратив, как венок
лавровый, сбитый*

*Грозою с недостойного
чела.*

«Добрая ссора»

На следующий день к мистеру

Ловелу рано утром явился с визитом какой-то джентльмен. Мистер Ловел уже встал и был готов принять его. Джентльмен был военный, приятель капитана Мак-Интайра, временно находившийся в Фейрпорте для вербовки солдат. Он и Ловел немного знали друг друга.

— Я полагаю, сэр, — сказал мистер Лесли (так звали посетителя), — что вы догадываетесь, почему мне пришлось так рано вас потревожить.

— Вы, вероятно, с поручением от капитана Мак-Интайра?

— Так точно. Он считает себя оскорбленным тоном вашего вчерашнего отказа отвечать на

вопросы, которые он считал себя вправе задавать в отношении некоего джентльмена, близко знакомого с его семьей.

— Разрешите вас спросить, мистер Лесли, были бы вы склонны отвечать на вопросы, заданные так высокомерно и бесцеремонно?

— Пожалуй, нет. И поэтому, зная горячность моего друга Мак-Интайра в подобных случаях, я очень хотел бы выступить в роли примирителя. Зная, что мистер Ловел — настоящий джентльмен, каждый должен искренне желать, чтобы он опроверг всякую клевету, какую возводят на того, чье положение не вполне ясно. Если он позволит мне, в целях

дружеского примирения, сообщить капитану Мак-Интайру свое настоящее имя, — ибо мы должны заключить, что имя Ловел вымышленное...

— Простите, сэр, но я не могу согласиться с таким выводом.

— ... или по крайней мере, — продолжал Лесли, — указать, что это не то имя, под которым мистер Ловел был всегда известен, — если мистер Ловел будет так добр объяснить это обстоятельство, как, по моему разумению, ему велит долг перед собственной репутацией, то я ручаюсь, что это неприятное дело будет мирно улажено.

— Другими словами, мистер

Лесли, если я соглашусь ответить на вопросы, которые никто не имеет права мне задавать и которые теперь заданы мне по требованию капитана Мак-Интайра, то капитан Мак-Интайр согласится считать себя удовлетворенным? Мистер Лесли, по этому вопросу мне остается сказать лишь два слова. Конечно, если бы у меня была тайна, я спокойно мог бы вверить ее вашей чести. Но я не считаю себя обязанным удовлетворять чье бы то ни было любопытство. Капитан Мак-Интайр встретил меня в обществе, которое само по себе для всех, а для него в особенности, может служить порукой тому, что я джентльмен. По

моему мнению, он не имеет права идти дальше и допытываться о родословной, ранге и делах незнакомого человека, который, не стремясь к близкому общению с ним или его близкими, случайно пообедал у его дяди или отправился на прогулку с его сестрой.

— В таком случае капитан Мак-Интайр просит сообщить вам, что ваши дальнейшие визиты в Монкбарнс и всякое общение с мисс Мак-Интайр должны быть прекращены, как неприятные для него.

— Я, безусловно, буду посещать мистера Олдбока, когда мне вздумается, — сказал Ловел, — и не

стану обращать ни малейшего внимания на угрозы и неудовольствие его племянника. И я слишком уважаю имя молодой леди (да и знакомы-то мы очень мало), чтобы вмешивать его в подобный спор.

— Если таково ваше решение, сэр, — ответил Лесли, — капитан Мак-Интайр предлагает мистеру Ловелу, если он не желает, чтобы его объявили весьма сомнительной личностью, удостоить капитана встречи сегодня же, в семь часов вечера, у боярышника, в долине, близ развалин монастыря святой Руфи.

— Я непременно явлюсь туда. Есть только одно затруднение: мне

надо найти друга, который сопровождал бы меня, а где найти такого в столь короткий срок, не имея в Фейрпорте знакомых... Впрочем, я все равно буду на месте, пусть капитан Мак-Интайр в этом не сомневается.

Лесли взял шляпу и уже дошел до двери, но, видимо, тронутый затруднительным положением Ловела, возвратился и снова обратился к нему:

— Мистер Ловел, во всем этом есть что-то странное, и я не могу уйти, не поговорив с вами подробнее. Несомненно, вы сами сейчас понимаете, как неудобно вам сохранять инкогнито, для которого, я

уверен, у вас не может быть причин, несовместимых с честью. Все же эта таинственность помешает вам заручиться содействием друга в таком деликатном деле. Я позволю себе добавить, что многие усмотрят даже некоторое донкихотство в поведении Мак-Интайра, соглашающегося на такую встречу с вами, когда ваша личность и общественное положение окутаны мраком.

— Понимаю намек, мистер Лесли, — ответил Ловел, — и, хотя мог бы обидеться на его резкость, я уверен, что он высказан из дружеских побуждений. Но, по моему мнению, человек, который за

то время, что он вращался в определенном обществе, не совершил ничего недостойного или предосудительного, имеет право на все привилегии джентльмена. Что же касается друга, то я надеюсь найти кого-нибудь, кто согласится оказать мне эту услугу. И если он окажется менее опытным, чем можно было бы желать, я уверен, что мои интересы от этого не пострадают, раз от лица моего противника выступаете вы.

— Я в этом уверен, — сказал Лесли, — но для меня самого существенно разделить такую тяжкую ответственность со сведущим помощником. Поэтому разрешите мне указать, что на рейд

прибыл пушечный бриг лейтенанта Тэфрила, а сам он проживает у старого Кексона, где сейчас и находится. Мне кажется, вы в такой же мере знакомы с ним, как со мной, и если я сам охотно оказал бы вам требуемую услугу, не будь я приглашен другой стороной, то и он, конечно, согласится по первой вашей просьбе.

— Итак, у боярышника, мистер Лесли, в семь часов вечера. Оружие, я полагаю, пистолеты?

— Совершенно верно. Мак-Интайр выбрал час, когда ему легче всего незаметно отлучиться из Монкбарнса. Он был у меня нынче в пять утра, чтобы возвратиться

раньше, чем встанет его дядя. Будьте здоровы, мистер Ловел!

И Лесли вышел из комнаты.

Как и большинство мужчин, Ловел был человеком храбрым. Но никто не может ожидать приближения такого грозного события без внутреннего трепета перед неизвестным. Через несколько часов он может перейти в мир иной и там ответить за поступок, который в более спокойном состоянии показался бы ему недопустимым с религиозной точки зрения, или же он останется блуждать в этом мире, как Каин, с кровью брата на руках. И все это можно предотвратить, сказав одно-единственное слово. Но

гордость нашептывала ему, что, если он заговорит теперь, это будет приписано побуждениям, которые унижат его гораздо больше, чем самые позорные причины, какими стали бы объяснять его молчание. Все, в том числе и мисс Уордор, думалось ему, должны будут тогда признать его презренным трусом, давшим от страха перед встречей с капитаном Мак-Интайром то объяснение, от которого он отказывался при спокойных и вежливых уговорах Лесли. Наглое поведение Мак-Интайра, самоуверенность, с какой он ухаживал за мисс Уордор, и крайняя несправедливость, высокомерность и

неучтивость требований, предъявленных им совершенно незнакомому человеку, казалось, оправдывали его, Ловела, отказ отвечать на грубые расспросы капитана. Короче говоря, он принял решение, какого и можно было ожидать от столь молодого человека, — не внимать доводам холодного рассудка и последовать велению оскорбленной гордости. После этого он отправился к лейтенанту Тэфрилу.

Лейтенант принял его как благовоспитанный джентльмен и прямодушный моряк. Не без удивления выслушал он подробности дела, предпосланные Ловелом

просьбе о том, чтобы лейтенант удостоил своим присутствием его встречу с капитаном Мак-Интайром. Когда он кончил, Тэфрил встал и раза два прошелся по комнате.

— Очень странное стечение обстоятельств, — сказал он, — и, право же...

— Я понимаю, мистер Тэфрил, как мало у меня оснований беспокоить вас подобной просьбой, но неотложность дела лишает меня возможности выбора.

— Разрешите задать вам один вопрос, — сказал моряк, — есть ли в тех обстоятельствах, о которых вы отказываетесь говорить, что-либо такое, чего бы вы стыдились?

— Клянусь честью — нет! И вообще нет ничего, кроме того, что в ближайшее время я надеюсь сделать известным всем на свете.

— Я полагаю, что ваша тайна не связана с ложным стыдом по поводу низкого положения ваших друзей или, быть может, родственников?

— Нет, даю слово, — ответил Ловел.

— Я мало сочувствую подобным предрассудкам, — сказал Тэфрил. — Да и откуда им быть у меня? Ибо, если говорить о моих родственных связях, то я сам, можно сказать, вышел из простых матросов и собираюсь скоро вступить в союз, который свет сочтет довольно

низменным, с очень милой девушкой. Я питаю к ней привязанность с тех пор, как мы были близкими соседями и я еще не помышлял об удаче, возвысившей меня по службе.

— Уверяю вас, мистер Тэфрил, — ответил Ловел, — каково бы ни было общественное положение моих родителей, я никогда не подумал бы скрывать его из мелкого тщеславия. Но в настоящее время обстоятельства таковы, что мне неудобно касаться вопроса о моих семейных делах.

— Этого достаточно, — сказал честный моряк. — Дайте мне руку. Я постараюсь сделать для вас все, что могу, хотя это, конечно, неприятная

история. Но что из того? После отечества честь первая предъявляет на нас права. Вы человек мужественный, а что касается Гектора Мак-Интайра, то я считаю его, при всем его чванстве и длинной родословной, просто изрядным нахалом. Его отец был солдат и искатель счастья, а я такой же моряк. И он сам, по-видимому, такой же бедняк, зависящий от милости дяди. А ищет ли человек счастья на суше или на море, разница, мне кажется, небольшая.

— Конечно, разницы никакой нет, — подтвердил Ловел.

— Так вот, — сказал его новый союзник, — давайте пообедаем

вместе и обсудим подробности поединка. Надеюсь, вы хорошо владеете пистолетом?

— Не слишком, — признался Ловел.

— Вот это жаль! Мак-Интайр слывет метким стрелком.

— Я тоже жалею, — сказал Ловел. — Это плохо для нас обоих, так как, защищаясь, я должен буду целиться как можно лучше.

— Ну хорошо, — сказал Тэфрил. — Я приведу с собой нашего младшего врача; он неплохой хирург, способный отлично заштопать дырку от пули. И я извещу Лесли, — он для армейского лейтенанта очень порядочный малый, — что врач

окажет помощь любой стороне. Могут ли я быть вам чем-нибудь полезен в случае несчастного исхода?

— У меня нет особого повода затруднять вас. Но вот в этом футлярчике — ключ от секретера, где хранится моя маленькая тайна. Там лежит всего лишь одно письмо (Ловел приостановился, так как у него на миг сжалось сердце), и я очень прошу вас доставить его лично.

— Понятно, — сказал моряк. — Не смущайтесь, мой друг! Любовь, хранимая в сердце, может увлажнить на миг глаза, когда корабль уходит в бой, и будьте уверены, что, каковы бы ни были ваши распоряжения, Дэн Тэфрил будет смотреть на них как на

завещание умирающего брата. Но все это вздор! Надо заняться нашим снаряжением. А в четыре часа мы с вами и моим молодым хирургом пообедаем в «Гербе Грэма», это здесь же — через дорогу.

— Договорились, — промолвил Ловел.

— Договорились, — подтвердил Тэфрил, и на этом беседа окончилась.

Стоял прекрасный летний вечер, и тень одинокого куста боярышника протянулась через узкую зеленую ложину в лесу, окружающем руины монастыря святой Руфи.

Ловел и лейтенант Тэфрил с хирургом прибыли сюда с целями,

мало соответствовавшими тихому, мягкому и мирному характеру этого часа и места. Овцы, в пору дневного зноя ютившиеся в расщелинах и вымоинах усыпанного галькой берега или под обнажившимися корнями старых искривленных деревьев, теперь разбрелись по склону холма и дружно принялись за вечернюю еду. Их унылое блеянье и оживляло тишину вечера и в то же время подчеркивало уединенность ландшафта. Тэфрил и Ловел шли, погруженные в беседу. Опасаясь, как бы их не обнаружили, они отослали лошадей в город с вестовым лейтенанта. Противников еще не было. Но когда Ловел и его спутники

вышли на лужайку, там на корнях старого боярышника сидела фигура, такая же мощная в своем увядании, как нависшие над ней замшелые, узловатые, но сильные ветви. Это был старый Охилтри.

— Не слишком приятная встреча, — сказал Ловел. — Как нам отделаться от старика?

— Послушай, праотец Адам, — воскликнул Тэфрил, уже много лет знавший нищего, — вот тебе полкроны. Ступай в «Четыре подковы» — ты знаешь эту маленькую гостиницу — и спроси слугу в синей с желтым ливрее. Если его еще нет, подожди, пока он не появится, и скажи ему, что мы будем

у его хозяина приблизительно через час. Во всяком случае, подожди там, пока мы не вернемся, и... убирайся поскорее! Ну, живо, выбирай якорь!

— Благодарю вас за милостыню, — сказал Охилтри, пряча монету в карман. — Но, прошу простить меня, мистер Тэфрил, я сейчас не могу пойти по вашему поручению.

— В чем дело? Что тебе мешает?

— Мне надо бы сказать два слова молодому мистеру Ловелу.

— Мне? — удивился Ловел. — Что же тебе нужно сказать? Ну, говори, да покороче!

Нищий отвел его на несколько

шагов в сторону.

— Вы ничего не должны лэрду Монкбарнса?

— Должен? Нет. Да к чему ты это? Почему ты так подумал?

— Надо вам сказать, был я нынче у шерифа. Ибо, господи прости, я прохожу через все ворота, как дух неприкаянный. Гляжу, катит туда карета, а в ней сам Монкбарнс! Вижу, лица на нем нет. А ведь из-за пустяков его милость не станет нанимать почтовую карету два дня кряду!

— Хорошо, хорошо! Но мне-то что до этого?

— Сейчас услышите, сейчас услышите! Так вот, Монкбарнс

запирается с шерифом, а простые люди пусть, дескать, дожидаются. Вы-то знаете, как это бывает: джентльмены очень вежливы между собой...

— Ради создателя, друг мой! ..

— Вы не можете сразу послать меня к черту, мистер Ловел? Это было бы куда разумнее, чем поминать так сердито создателя.

— Но у меня здесь дела с лейтенантом Тэфрилом.

— Ладно, ладно! Все в свое время, — сказал нищий. — С мистером Дэниелом Тэфрилом я могу говорить запросто. Много я когда-то понаделал ему волчков и кубарей, когда был и токарем и

медником.

— Ты или сам спятил, Адам, или хочешь, чтобы спятил я!

— Ни то, ни другое, — объявил Эди, внезапно перестав растягивать слова, как это в обычае у нищих, и заговорил коротко и решительно: — Шериф послал за письмоводителем. Малый довольно болтлив, и я выведал, что ему велено выписать ордер на ваш арест. Я и подумал, уж не хотят ли вас задержать за долги, чтобы вы не скрылись. Все знают, как лэрд не любит, когда ему запускают руку в карман... Но теперь я попридержу язык. Вон там подходят этот мальчик Мак-Интайр и мистер Лесли, и я догадываюсь, что

у Монкбарнса на уме было доброе, а у вас — недоброе.

Противники теперь сблизились и обменялись приветствиями с подобающей случаю суровой вежливостью.

— Зачем тут этот старый бродяга? — спросил Мак-Интайр.

— Я старый бродяга, — ответил Эди, — но я и старый солдат вашего отца, так как служил с ним в сорок втором полку.

— Служи где хочешь, но ты не смеешь мешать нам! — прикрикнул на него Мак-Интайр. — Не то... — И он поднял трость *in terrorem* [note 117](#), хотя и не собирался ударить старика.

Но эта обида пробудила в

Охилтри мужество.

— Опустите палку, капитан Мак-Интайр! Я старый солдат, как уже сказал, и готов снести многое от сына вашего отца. Но не троньте меня, пока цел мой посох.

— Хватит, хватит, я был не прав. Да, я был не прав, — произнес Мак-Интайр. — Вот тебе крона и ступай своей дорогой! Ну, что еще?

Старик выпрямился во весь свой могучий рост. В одежде, больше похожей на платье паломника, чем на лохмотья обыкновенного нищего, он казался по росту, манерам и значительности речи и жестов скорее седым пилигримом или отшельником, духовным наставником

окружавших его молодых людей, а не предметом их благотворительности. Слова его были так же просты, как весь его облик, и так же смелы и независимы, как его прямая, исполненная достоинства, осанка.

— Зачем вы здесь, молодые люди? — начал он, обращаясь к изумленным слушателям. — Неужели вы пришли в этот благословенный уголок, творение господа, чтобы нарушать его законы? Вы покинули творения человека, дома и города, которые суть лишь прах, как и тот, кто их построил. И вы пришли сюда, на эти мирные холмы, к этим тихим водам, которые останутся здесь, пока стоит земля, пришли, чтобы лишить

друг друга жизни. А ведь по законам природы у вас и так слишком малый срок, чтобы дать об этой жизни полный отчет по окончании ее. Ах, господа! Есть ли у вас братья, сестры, отцы, которые пестовали вас, матери, которые рожали вас в муках, друзья, которым вы дороги, как частица их сердца? И вы задумали лишить их детей, братьев, друзей? О-хо-хо! Это неправый бой. Кто победит в нем — тому только хуже будет. Подумайте об этом, дети мои! Я бедняк, но я также старик, и если моя бедность уменьшает вес моего совета, седые волосы и чистое сердце должны увеличивать его в двадцать раз. Идите домой, идите домой, будьте

славными мальчиками. Того и гляди на нас француз нападет, тогда уж на вашу долю хватит драки. Может быть, даже старый Эди приковыляет и подыщет себе бугор, чтобы опереть ружье, а потом доживет до того дня, когда сможет сказать, кто из вас лучше сражался за наше правое дело.

Бесстрашная и независимая речь старика, его смелые чувства и грубое, мужественное красноречие произвели впечатление на слушателей, в особенности на секундантов, чья гордость не требовала доведения спора до кровавой развязки. Напротив, они внимательно следили, не представится ли случай примирить

противников.

— Ей-богу, мистер Лесли, — сказал Тэфрил, — древний Адам говорит, как оракул. — Наши друзья были вчера очень обозлены и, конечно, очень безрассудны. За это время они могли поостыть, по крайней мере должны были остыть мы, в их интересах. Мне кажется, девизом для обеих сторон должно стать «забыть и простить», чтобы все мы могли пожать друг другу руки, разрядить наши глупые хлопушки в воздух и все вместе отправиться ужинать в «Герб Грэма».

— Я от души желал бы этого, — сказал Лесли, — ибо, кроме большой горячности и раздражительности с

обеих сторон, я, признаться, не могу усмотреть никакой разумной причины для ссоры.

— Джентльмены, — холодно произнес Мак-Интайр, — обо всем этом следовало подумать раньше. По моему мнению, если лица, которые зашли в этом деле так далеко, как мы, расстанутся, не заходя еще дальше, они могут очень весело поужинать в «Гербе Грэма», но на другое утро проснутся с репутацией такой же изодранной, как одежда этого нашего приятеля, который удостоил нас совершенно излишним образцом своего красноречия. А я считаю необходимым, чтобы вы приступили к делу без дальнейшего

промедления.

— А я, — добавил Ловел, — тоже вовсе не стремлюсь к задержке и тоже прошу джентльменов подготовить все как можно скорее.

— Дети, дети! — закричал старый Охилтри; но, заметив, что его никто не слушает, добавил: — Сумасшедшие, вот кто вы такие! Да падет ваша кровь на ваши же головы!

Старик сошел с лужайки, которую секунданты принялись теперь измерять, и продолжал что-то бормотать про себя с угрюмым негодованием, смешанным с тревогой и острым, хотя и мучительным, любопытством. Не обращая больше никакого внимания

на его присутствие и дальнейшие увещания, мистер Лесли и лейтенант приготовили все необходимое для дуэли, и было решено, что оба противника выстрелят, когда мистер Лесли махнет платком.

Раковой знак был дан, и оба выстрелили почти одновременно. Пуля капитана Мак-Интайра лишь оцарапала бок его противника, и то не до крови. Пуля Ловела была нацелена точнее: Мак-Интайр пошатнулся и упал. Приподнявшись на локте, он сразу же закричал:

— Это пустяк, пустяк! .. Дайте другие пистолеты! — Но через мгновение он продолжал уже более слабым голосом: — Кажется, я

получил достаточно и, что хуже, боюсь, я этого заслужил. Мистер Ловел — или как бы там вас ни звали — бегите и спасайтесь! .. Будьте все свидетелями, что зачинщиком был я. — Приподнявшись снова, он добавил:

— Вашу руку, Ловел. Я верю, что вы джентльмен... Простите мне мою грубость, а я прощаю вам свою смерть... Бедная моя сестра! ..

Подошел врач, чтобы исполнить свою роль в трагедии, а Ловел стоял, оторопело и растерянно глядя на беду, непосредственной, хотя и невольной причиной которой был он. Нищий схватил его за руку и этим вывел из оцепенения.

— Что же вы стоите и глядите на дело рук ваших? Что с воза упало, то пропало. Сделанного не воротишь! Прочь, прочь отсюда, если хотите спасти свою молодую жизнь от позорной смерти! Смотрите, вон там люди, они пришли слишком поздно, чтобы развести вас, но — увы! — достаточно рано, чтобы потащить вас в тюрьму.

— Он прав, он прав! — воскликнул Тэфрил. — И вам нельзя показываться на шоссе. Оставайтесь до ночи в лесу. Мой бриг к тому времени будет под парусами, и в три часа утра, когда начнется прилив, вас под утесом Масслкрэг будет ждать лодка. Поспешите, ради бога,

поспешите!

— Да, бегите! .. Бегите! — повторил раненый, и слова его перемежались судорожными всхлипываниями.

— Идите за мной, — сказал нищий, почти насильно уводя Ловела. — Капитан хорошо придумал. Я сведу вас в укромное местечко, где вас и с ищeyками не найдут.

— Ступайте, ступайте! — торопил лейтенант Тэфрил. — Медлить сейчас

— просто безумие!

— Худшим безумием было прийти сюда, — промолвил Ловел, пожимая ему руку. — Прощайте! —

И он последовал за Охилтри в глубь
леса.

ГЛАВА XXI

*Душа у настоящего
была*

*Дерзка, хитра и жгуча,
как огонь.*

*По колдовским
ступеням в ад сойдя,*

*Он золото, что сатана
берег,*

*Оттуда вынес и
хранит в пещерах,*

Известных только мне.

*«Чудо одного
царства»*

Ловел почти машинально шел за

нищим, который вел его быстрым и решительным шагом сквозь кусты и густой терновник, избегая исхоженных троп и часто оборачиваясь, чтобы прислушаться, нет ли за ними погони. Они то спускались в самое русло потока, то пробирались по узкой и небезопасной тропе, которую овцы (им, по обычному в Шотландии небрежению к этому виду собственности, предоставляют блуждать по зарослям) протоптали по самому краю нависшей над обрывом скалы. Время от времени Ловел мельком видел тропинку, по которой лишь накануне проходил в обществе сэра Артура, антиквария и

молодых леди. Как он был тогда подавлен, удручен, обуреваем множеством сомнений, и все же чего бы он не дал теперь, чтобы вернуть себе тогдашнюю чистоту совести, которая одна может уравновесить тысячу бедствий! «И все же, — растерянно соображал он, — даже тогда, когда я не знал за собой никакой вины, когда все меня уважали, я считал себя несчастным. Что же такое я теперь, когда мои руки обгарены кровью этого молодого человека? Чувство гордости, толкнувшее меня на страшное дело, покинуло меня — так, говорят, поступает сам дьявол с теми, кого ему удастся соблазнить».

Даже чувство его к мисс Уордор на время отступило перед первыми укорами совести, и ему казалось, что он мог бы претерпеть все муки отвергнутой любви ради сознания невиновности в чьей-либо смерти, которое было у него еще утром.

Этим мучительным размышлениям не мешали речи проводника, который продвигался сквозь чащу, то придерживая ветки, чтобы облегчить дорогу спутнику, то призывая его спешить, то что-то невнятно бормоча про себя, по обычаю одиноких и покинутых всеми стариков. Его слова ускользнули бы от ушей Ловела, даже если бы он к ним прислушивался. А кроме того,

они были так отрывочны, что не выражали связной мысли. Привычку к такому бормотанию часто можно наблюдать у людей того же возраста и образа жизни, что и старый Эди.

Наконец Ловел, изнемогая от слабости после недавней болезни, от терзавших его угрызений и от необходимости поспевать за проводником по такой неровной тропе, начал мало-помалу отставать и, сделав два-три неверных шага, очутился среди кустарника и подлеска, нависших над пропастью. Здесь, в небольшой расселине скалы, скрывался узкий, как лисья нора, вход в пещеру. Он прятался за листвой старого дуба, который,

закрепившись толстыми
переплетенными корнями в верхней
части щели, выбрасывал ветви почти
под прямым углом к утесу, скрывая
от глаз все, что находилось за ними.
Пещера могла ускользнуть даже от
внимания человека, стоявшего
непосредственно перед нею,
настолько незаметно было ее
преддверие, куда вошел нищий. Но
внутри пещера была выше и
просторнее. Она состояла из двух
отдельных галерей, которые,
пересекаясь, образовывали крест и
указывали на то, что в прошлом
здесь было пристанище отшельника.
Таких пещер много в разных частях
Шотландии. Достаточно назвать хотя

бы гортонские пещеры, близ Рослина, в местности, хорошо известной любителям романтических ландшафтов.

Внутри пещеры, у самого выхода, царил тусклый сумрак, который дальше переходил в полную тьму.

— Мало кто знает это место, — сказал старик. — Таких, кроме меня, пожалуй, только двое в живых, это Джинглинг Джок и Лэнг Линкер. И я не раз подумывал о том, что вот я совсем состарюсь, и устану, и больше не в силах буду дышать благословенным божьим воздухом. Приплетусь я тогда сюда, взявши с собой горсть овсяной муки, — а

здесь, вы видите, есть чудесная вода; она журчит и каплет и летом и зимой, — и лягу я, вытянусь и буду ждать конца, как старый пес, который волочит свое изношенное и никчемное тело куда-нибудь в кусты или заросли, чтобы ничто живое не смотрело на его отвратительный труп. А потом, когда на одинокой ферме залают собаки, хозяйка прикрикнет на них: «Цыц, пустобрехи, это, верно, старый Эди!» И малые детишки приковыляют к двери, чтобы впустить старика. Голубой Плащ ведь отлично чинил им игрушки. Только никто не услышит больше про Эди!

Нищий повел беспрекословно

шедшего за ним Ловела во внутренние разветвления пещеры.

— Здесь есть витая лестница, — сказал Охилтри. — Над этим местом стоит церковь, и лестница ведет к ней. Говорят, будто эту пещеру давным-давно вырыли монахи, чтобы прятать в ней свои богатства. И еще говорят, будто они тут ночами таскали в аббатство вещи, когда не хотели вносить их через главный вход при свете дня. Рассказывают, что один из них стал святым (а может, монахи хотели, чтобы люди так думали) и поселился в этой келье святой Руфи, — так в старину называли пещеру, — и высек в камне лестницу, чтобы подниматься в

церковь к богослужению. Лэрд Монкбарнса порассказал бы немало, — он ведь любитель рассказывать, — если бы только знал про это место. Но была ли пещера устроена для человеческих ухищрений или для божьего дела, а только я часто навещался сюда в прежние дни и видел, что тут делалось, и сам ко многому руку приложил здесь, в темном тайнике. Бывало, хозяйка дивится, чего это петух не будит ее утром, а он, бедняга, уже жарится в этой черной дыре. Эх, эх, бывали дела и похуже. Иной раз до людей долетал шум, который мы поднимали в самом чреве земли, а Сэндерс Эйквуд,

тогдашний лесничий, отец теперешнего лесничего Рингана, бродя по лесу и сторожа господскую дичь, видел отсветы у входа в пещеру, мелькавшие сквозь орешник на другом берегу. И какие же истории он потом рассказывал по вечерам про гномов и ведьм, что живут в здешних старых стенах, и про огни, которые видел, и крики, которые слышал, когда весь честной народ спал! Он без конца выкладывал свои чудеса вечером у очага передо мной и другими такими же молодцами, а я не оставался перед ним в долгу и платил старому дурню сказкой за сказку; только я мог бы объяснить все гораздо лучше его. Да, да, это

были дни веселые, но полные суетных и темных дел, и справедливо, если те, кто вел легкую и греховную жизнь и в молодости злоупотреблял милосердием божьим, иной раз в старости лишаются его совсем.

В то время как Охилтри тоном, в котором преобладало то восхищение, то раскаяние, повествовал об этих подвигах и проделках давнишней поры своей жизни, его злополучный слушатель сидел на скамье отшельника, высеченной в твердой скале, и был охвачен той вялостью духа и тела, которая обычно следует за событиями, требующими напряжения того и другого. В

известной мере причиной его вялости было и недавнее нездоровье, порядком ослабившее его.

— Бедное дитя, — пробормотал старый Эди, — если он поспит в этой сырой дыре, то, может быть, и не проснется или схватит тяжкую болезнь. Не то что наш брат, — мы-то можем спать где угодно, лишь бы брюхо было полно. — Садитесь, мистер Ловел, садитесь, молодой человек! Я так думаю, что молодой капитан выкарабкается. В конце концов не вы первый, с кем случилась такая беда. На моих глазах убивали много людей, и я сам в этом помогал, хоть мы вовсе не ссорились, но если можно убивать людей без

всякой ссоры, лишь за то, что они носят не такую кокарду, как у тебя, и говорят на чужом языке, то можно простить и человека, если он убьет своего смертельного врага, когда тот выйдет в поле вооруженный, чтобы убить его самого. Я не говорю, что это хорошо, — боже избави! — или что не грешно отнимать у человека то, чего не можешь вернуть, то есть жизнь, но я говорю, что этот грех может быть прощен, если виновный покается. Грешные мы люди! Только уж поверьте старому седому грешнику, который понял, какой дурной дорогой он шел: Священное писание сулит спасение даже худшим среди нас, лишь бы в нас была жива

вера.

Такими крохами утешения и благочестия нищий старался успокоить Ловела и занять его внимание, пока сумерки не сгустились в ночной мрак.

— А теперь, — сказал Охилтри, — я отведу вас в местечко поприятнее; я там частенько сиживал да слушал крик совы в кустах и глядел, как лунный свет пробивается сквозь окна старых развалин. Ночью там никого не может быть, а если бы даже эти негодяи — помощники шерифа да констебли — и хотели искать там чего-нибудь, они это давным-давно сделали. Удивительно, что при всех своих указах и

королевских ключах [note 118](#) они такие же трусы, как любой из нас. Случалось мне в свое время нагонять на них страху, когда они подбирались слишком близко! А теперь, благодарение небу, им не за что донимать меня, разве — за то, что я старый человек и нищий. Эта бляха неплохо меня защищает. И потом, знаете ли, мисс Изабелла Уордор — надежная опора. (Ловел вздохнул.) Ну, ну, не падайте духом! Все еще может уладиться. Дайте девушке время разобраться в собственном сердце. Она первая красавица в наших краях и мой добрый друг. Я сейчас прохожу мимо тюрьмы для бродяг так же спокойно, как мимо

церкви в день субботний, и к черту пойдет тот, кто тронет теперь хоть волос на голове старого Эди. Когда забреду в город, я шагаю по самой середке панели и прохожу плечо к плечу мимо судьи, словно это не судья, а грязный мальчишка.

Произнося эти слова, нищий в то же время перекладывал груды камней в одном из углов пещеры. Под камнями был вход на лестницу, о которой упоминал Эди, и он стал подниматься по ней. Ловел покорно и молчаливо следовал за ним.

— Воздух-то здесь чистый, — сказал старик. — Об этом позаботились монахи. Они, думается мне, любили дышать полной грудью.

Вот и просверлили тут и там дырки наружу. Оттого воздух здесь прохладный и свежий, как капустный лист.

Ловел, в самом деле, убедился, что лестница хорошо проветривается. Узкая, но не длинная и нисколько не разрушенная, она скоро вывела их в тесную галерею, которую монахи умудрились проложить внутри боковой стены алтаря; воздух и свет проникали сюда через отверстия, искусно скрытые под завитками готических орнаментов.

— Этот потайной ход когда-то обходил чуть не все здание, — объяснил нищий, — а потом шел в

стене, где, говорит Монкбарнс, была затрапезная (вероятно, Эди подразумевал трапезную), и дальше, до самого дома приора. Видно, он иной раз слушал, что говорили монахи за едой, а потом мог прийти сюда и посмотреть, что они там, внизу, делают да бубнят ли свои псалмы. Ну, и, приглядев, все ли в полном порядке, он мог уйти и привести к себе какую-нибудь красотку. Монахи, если про них не лгут, были по этой части ребята не промах. Но наш брат давно уже положил немало труда, чтобы кое-где подправить ход, а кое-где обрушить его. Мы боялись, как бы кто посторонний не нашел дороги в

пещеру. Тогда дело обернулось бы для нас худо и, будьте уверены, у многих наших зачесалась бы шея.

Теперь они достигли места, где галерея расширялась в небольшую круглую площадку, достаточно просторную, чтобы в ней поместилась каменная скамья. Ниша, устроенная прямо напротив нее, вдавалась внутрь алтаря, а так как ее боковые стороны были сделаны решетчатыми, образуя ажурный каменный узор, из нее открывался вид на алтарь во всех направлениях. Эта ниша, рассказывал Эди, вероятно, была сооружена как удобная сторожевая вышка, откуда настоятель, невидимый сам, мог

следить за поведением монахов и воочию убеждаться, точно ли они соблюдают те обряды, от которых его избавлял сан. Таких ниш, размещенных вдоль алтарной стены, было несколько, и снизу одну от другой нельзя было отличить, благодаря чему тайный пост, загороженный каменным изваянием святого Михаила, поражающего дракона, и сквозной резьбой вокруг ниши, был совершенно скрыт от наблюдения. Потайной ход, сужаясь до своей первоначальной ширины, когда-то продолжался и за скамьей, однако предусмотрительная осторожность бродяг, посещавших пещеру святой Руфи, побудила их

тщательно заделать его тесаными камнями, взятыми из руин.

— Здесь нам будет лучше, — сказал Эди, опускаясь на скамью. Он разостлал подле себя полу своего голубого плаща и пригласил Ловела сесть рядом.

— Здесь нам будет лучше, чем внизу: воздух тут свежий и теплый, а запах кустов в лесу и цветов ползучих растений на полуразрушенных стенах приятнее запаха сырого подземелья. Такие цветы — они особенно часто встречаются среди развалин — слаще всего пахнут ночью. Могут ли ваши ученые, мистер Ловел, дать этому объяснение?

Ловел ответил отрицательно.

— А я думаю, — заметил нищий, — они похожи на людскую доброту — она ведь лучше всего познается в беде. А может, это вроде притчи, которая учит нас не брезговать теми, кто погряз во грехе и проводит дни в горестях, ибо господь посылает благоухание, чтобы скрасить самый темный час, да еще цветы и красивые кусты, чтобы одеть ими развалины. А еще я хотел бы, чтобы какой-нибудь мудрый человек сказал мне, нравится ли небесам то, на что мы отсюда взираем: мягкие и спокойные лунные лучи, что так тихо ложатся на пол этой старой церкви и заглядывают сюда из-за прекрасных

колонн и сквозь резные окна и вроде как пляшут на листве темного плюща, когда его колышет дыхание ветерка,

— я хотел бы знать, что приятней небесам: это или прежняя картина, когда здесь пылали лампы да, конечно, свечи и факелы, и царило благолепие, и пахло миром и ладаном, как говорится в Священном писании, и теснились певцы и певицы, и гремели фанфары, и цимбалы, и все прочие музыкальные инструменты, — так вот, было ли это угодно небесам, и не об этих ли пышных церемониях в Писании сказано: «Мерзостны они мне»? И я

думаю, мистер Ловел, если бы две такие сокрушенные души, как ваша и моя, сподобились вознести мольбу...

Тут Ловел с беспокойством положил руку на плечо нищего.

— Тсс! .. Я слышал чей-то голос.

— Я туг на ухо, — шепотом ответил Эди. — Но здесь мы, конечно, в безопасности. Откуда шел звук?

Ловел указал на богато украшенную дверь в западном конце здания. Над нею возвышалось резное окно, открывавшее доступ потоку лунного света.

— Это не наши ребята, — так же тихо и осторожно продолжал Эди. — Только двое из них знают про

пещеру, а они за много миль отсюда, если все еще продолжают свои земные скитания. Не думаю, чтоб в эту ночную пору сюда заглянули слуги закона. Да и в бабьи сказки про духов я не верю, хоть здесь подходящее для них место. Но смертные или жители иного мира, а они идут сюда: два человека с фонарем!

И правда, пока нищий говорил, две человеческие фигуры заслонили собой вход в церковь, через который только что была видна освещенная луной лужайка, и фонарик, который нес один из пришельцев, бледно мерцал в ясных и сильных лунных лучах, как вечерняя звезда в свете

уходящего дня. Прежде всего напрашивалась мысль, что, вопреки заверениям Эди Охилтри, посетителями руин в такой необычный час должны быть представители судебной власти, разыскивающие Ловела. Однако их действия вовсе не подтверждали такого подозрения. Старик, прикоснувшись к Ловелу, шепотом предупредил его, что ему следует сидеть тихо и следить за пришедшими из своего укрытия. Если бы возникла необходимость отступить, к их услугам были потайная лестница и пещера, и они могли бы скрыться в лесу задолго до приближения погони. Поэтому они

остались на месте, стараясь не шуметь и с жадным и тревожным любопытством следя за каждым звуком, издаваемым ночными пришельцами, за малейшим их движением.

Пошептавшись между собой, фигуры вышли на середину церкви, и голос, в котором по выговору и оборотам речи Ловел сразу узнал голос Дюстерзивеля, чуть громче, но все же приглушенно, произнес:

— Право же, мой допрый сэр, не мошет быть лучшего часа для нашей большой цели. Ви убедитесь, мой допрый сэр, что мистер Олденбок говорил сплошную чепуху и что он понимает в нашем деле не больше,

чем малый ребенок. Господи помилуй! Он рассчитывает разбогатеть, как шид, за свои шалкие, грязные сто фунтов. А мне на них, честное слово, наплефать, как на сто грошей! Но вам, мой щедрый и уважаемый покровитель, я открою все секреты искусства и даже тайну великого Пимандера.

— Другой, — прошептал Эди, — видать, сэр Артур Уорддор. Больше никто не пришел бы сюда в такой час, да еще с этим немецким мерзавцем. Немец прямо-таки околдовал его: сэр Артур готов поверить, что белое — это черное. Посмотрим, что им тут надо.

Эти слова и тихий голос, каким

говорил сэр Артур, помешали Ловелу расслышать его ответ магу, за исключением трех последних — весьма выразительных — слов: «... очень большие расходы... », на что Дюстерзивель тотчас же возразил:

— Расходы — да, конечно, необходимыми большие расходы. Не рассчитываете же вы собрать урошай до посева? Расходы — это семена, а сокровища, руда хорошего металла, сундуки с драгоценной посудой — это шатфа, и, честное слово, неплохая. А теперь, сэр Артур, вы посеяли в эту ночь маленькое семечко в десять гиней, — это вроде понюшки табаку, не больше, — и если вы не соберете богатый

урошай, — я хочу сказать, богатый для посева с понюшку табаку, ибо, ви сами знаете, во всем долшна быть соразмерность, — больше не назыфайте Германа Дюстерзивеля честным челофеком. А теперь ви видите, мой покровитель — ибо я совсем не хочу скрыфать свою тайну от вас, — ви видите эту серебряную пластинку? Вам изфестно, что луна обходит все знаки зодиака за двадцать восемь дней, это знает каштый ребенок. Так вот, я беру серебряную пластинку, когда луна находится в своем пятнадцатом доме, что во главе Libra [note 119](#), и графирую на одной стороне слова «шедбаршемот шартахан», то есть

эмблему духа луны, и делаю рисунок, вроде летящей змеи с голофой индюка. Отлично! А теперь на другой стороне я черчу таблицу луны, в фиде квадрата из дефятки, умноженной на самое себя. На каждой из двух сторон ми имеем восемьдесят одно число при поперечнике дефять. Все это сделано очень точно. Эту пластинку я заставляю служить мне при каштой смене четверти луны. Мои находки будут в пропорции с затратами на серные курения, принимаемые за дефятку, — и составят дефять, умноженное на самое себя. Но сегодня я найду, может быть, лишь дважды или трижды дефять, так как

в доме главного влияния есть противодействующая сила.

—

Послушайте, Дюстерзивель, — остановил его простодушный баронет,

— не смахивает ли это на колдовство? Я хотя и недостойный, но верный сын епископальной церкви и не хочу иметь никаких дел с нечистым.

— Ну, ну! Во всем этом нет ни капли колдовства, ни единой капли! Все основано на флиянии планет, на симпатии и на власти чисел. Я покажу вам кое-что еще получше. Я не говорю, что все обходится без духа: мы же производим курения. Но, если вам не страшно, он перестанет

быть нефидимым.

— Я нисколько не любопытствую увидеть его, — сказал баронет, чье мужество, судя по дрожащему голосу, внезапно несколько поостыло.

— Как жаль, — сказал Дюстерзивель, — а мне хотелось показать вам духа, охраняющего сокровища, подобно сфирепому сторошефому псу. Я ведь знаю, как укрощать его. Так ви не хотите на него взглянуть?

— Нет, не желаю, — с притворным равнодушием ответил баронет. — Мне кажется, у нас мало времени.

— Простите меня, мой

покровитель, но ведь еще нет двенадцати, а двенадцать — это как раз час нашей планеты. И я пока очень хорошо успел бы показать вам духа — просто для удофольствия. Я, видите ли, начерчу внутри круга пятиугольник, это совсем не трудно, и фоскую в нем серу, и ми с фами будем как в большом крепком замке. Фи будете дершать меч, а я произнесу необходимые слова. И тогда перед фашими глазами эта сплошная стена раскроется, как городские ворота, а тогда... одну минутку... да... тогда ви увидите прешде фсего оленя, преследуемого тремя черными борзыми, и они повалят его, как это бивает на парадной охоте курфюрста,

а затем филезет безобразный и злой маленький негр и отнимет у них оленя, а потом — пуф! — все исчезнет, и фи услышите звук рога, такой громкий, что загремят все руины, честное слово! Рога сыграют охотничью песню, да так прекрасно, не хуже, чем у вашего Фишера на гобое... Ну хорошо! .. Потом выйдет, трубя в рог, герольд — его зовут Эрнгольд, а после этого появится на черном коне великий Пеольфан: его иначе называют Великим Охотником сефера... Но ви вовсе не хотите увидеть все это? [note 120](#)

— Отчего же, я не боюсь, — ответил бедный баронет, — если... я хочу сказать... Не происходят ли в

таких случаях какие-нибудь большие несчастья?

— О, несчастья? Никаких! Но иногда, если круг начерчен не очень точно или если зритель — шалкий трус и не дершит крепко меч, напрафив его прямо на Великого Охотника, тот может воспользоваться этим, витащить заклинателя из круга и задушить его. Это бывает.

— Тогда, знаете ли, Дюстерзивель, при всем доверии к моему мужеству и вашему искусству, мы обойдемся без этого духа и займемся нашим сегодняшним делом!

— От всей души... Мне

совершенно все равно, а кстати, пришло и время. Подержите меч, пока я разожгу эти... как вы их называете — лючинки.

И Дюстерзивель тут же зажег горсточку щепок, смазанных каким-то смолистым веществом, от которого они ярко запылали. Когда же пламя разгорелось с полной силой и на мгновение осветило развалины, немец бросил в огонь щепотку каких-то благовоний, сразу же распространивших сильный и острый запах. Заклинатель и его ученик оба закашлялись и расчихались вовсю. Пахучие испарения поплыли между колонн здания, проникая во все уголки, и

оказали такое же действие на нищего и Ловела.

— Что это — эхо? — спросил баронет, пораженный донесшимся сверху раскатистым звуком. — Или, может быть, — продолжал он, придвигаясь поближе к заклинателю, — это дух, о котором вы толковали, насмехается над нашим покушением на спрятанное сокровище?

— Н-нет, — пробормотал немец, уже готовый разделить ужас своего ученика. — Надеюсь, что нет!

Тут громкий взрыв чиханья, которое нищий не мог подавить и которое никак нельзя было объяснить замиранием эха, —

чиханья, сопровождаемого хриплым глухим кашлем, — привел обоих кладоискателей в окончательное замешательство.

— Боже, помилуй нас! — воскликнул баронет.

— Alle guten Geister loben den Herrn! [note 121](#) — подхватил объятый ужасом чародей. — Я начинаю думать, — продолжал он, помолчав, — что нам лучше будет действовать при днефном свете, а теперь лучше уйти.

— Ах вы, подлый обманщик! — возмутился баронет, в котором слова немца пробудили подозрение, пересилившее в нем ужас, так как оно было порождено предчувствием

близкого разорения. — Дрянной шут, это опять какой-то фокус, за которым вы прячетесь от выполнения обещаний, как делали уже много раз. Но перед лицом неба говорю вам: нынче ночью я узнаю, ради чего я позволял вам дурачить и грабить меня. Продолжайте же, пусть является хоть фея, хоть дьявол, а вы покажете мне сокровище или признаете себя подлецом и самозванцем, не то, клянусь гневом отчаявшегося и разоренного человека, я отправлю вас туда, где вы увидите сколько угодно духов!

Заклинатель, дрожа от ужаса перед сверхъестественными существами, которыми он считал

себя окруженным, и страшась за свою жизнь, которая была в руках доведенного до отчаяния баронета, мог лишь пробормотать:

— Мой покровитель, это не самое лучшее обхождение! Учтите, мой почтенный сэр, что духи...

Тут Эди, который начал входить в роль, соответствовавшую этой сцене, издал необычайный рев, представлявший собой усиление и удлинение его обычных жалобных завываний при вымаливании милостыни, и Дюстерзивель бросился на колени.

— Дорогой сэр Артур, пойдемте или же отпустите меня!

— Нет, обманщик и негодяй, —

ответил сэр Артур, вынимая из ножен меч, принесенный им для заклинаний, — эти увертки вам не помогут. Монкбарнс давно предостерегал меня против ваших мошеннических фокусов. Я должен увидеть клад, прежде чем вы двинетесь с места, или я заставлю вас признаться в обмане. А не то, даю слово, я проткну вас этим мечом, хотя бы вокруг нас поднялись все духи загробного мира!

— Ради милости неба, будьте терпеливи, мой уважаемый покровитель, и вам достанутся все сокровища, которые мне известны. Вот увидите, только не говорите о духах — это их сердит.

Тут Эди Охилтри приготовился издать новый вой, но его удержал Ловел, который начал следить за происходившим с большим вниманием, так как заметил, каким отчаянным гневом обуян сэр Артур. Дюстерзивель, в жестоком страхе перед неистовым духам и перед разъяренным сэром Артуром, играл роль заклинателя из рук вон плохо. Он боялся придать себе самоуверенный вид, необходимый, чтобы обмануть баронета, так как опасался рассердить невидимый источник своей тревоги. Закатывая глаза, он бормотал и лепетал немецкие заклинания, гримасничая и извиваясь всем телом — больше под

действием ужаса, чем в целях обмана, и наконец направился в один из углов здания, где на земле лежал плоский камень с высеченным барельефом, изображавшим простертого воина.

— Мой покровитель, — пробормотал он, обращаясь к сэру Артуру, — это здесь. Помилуй нас боше!

Сэр Артур, который после первой минуты суеверного страха, казалось, собрал всю свою решимость, чтобы довести приключение до конца, помог магу перевернуть камень. С помощью принесенного немцем лома они совместными усилиями справились,

хотя и не без труда, с этой задачей. Никакой сверхъестественный свет не брызнул из глубины, чтобы указать подземное сокровище, и никакой дух — ни земной, ни адский — не появился. Но после того, как Дюстерзивель с великим трепетом несколько раз ударил киркой и торопливо выбросил наверх одну или две лопаты земли (они с баронетом захватили с собой необходимые землекопные орудия), внизу что-то звякнуло, словно упало что-то металлическое, и Дюстерзивель поспешно схватил предмет, который произвел этот звук и который его лопата выбросила вместе с землей.

— Даю вам честное слово, мой

покровитель, это все, больше ничего нет... Я хочу сказать, это все, что мы сегодня могли сделать.

Он боязливо огляделся кругом, будто стараясь разглядеть, из какого угла появится мститель, чтобы наказать его за обман.

— Покажите! — сказал сэр Артур и затем повторил еще более сурово:

— Я хочу удостовериться. Я поверю только своим глазам.

Он поднес находку к свету фонаря. Это был небольшой сосуд. Ловел на расстоянии не мог ясно различить его форму, но, судя по восклицанию баронета, который сейчас же раскрыл его, он был полон

монет.

— Эге, — обрадовался баронет, — нам таки повезло! И если эта находка предвещает соответственный успех при большем размахе работ, этим следует заняться. Уже истраченные шестьсот золотых, если их присчитать к прочим срочным обязательствам, были бы для меня верным разорением. Если вы думаете, что мы можем отвести эту угрозу, повторив наш опыт, — например, после новолуния, — я уж как-нибудь наскребу необходимые средства.

— Ох, мой допрый покровитель, не говорите об этом сейчас, — взмолился

Дюстерзивель, — а помогите мне улощить на место камень, и пойдем отсюда!

Так они и сделали. Как только плита была возвращена на место, заклинатель увлек сэра Артура, — который теперь снова доверился его руководству, — прочь от того места, где нечистая совесть и суеверный страх немца рисовали ему духов, притаившихся за каждой колонной, чтобы покарать его за гнусный обман.

— Видано ли что-нибудь подобное! — сказал Эди, когда двое кладоискателей, подобно теням, исчезли за дверью, через которую раньше вошли. — Видела ли хоть

одна душа что-либо подобное! Как бы помочь этому несчастному дураку-баронету? .. А удивительно все-таки, как он нынче расхрабрился! Не ожидал я от него такой прыти. Похоже было, что он и вправду сейчас проткнет этого мерзавца своей железинкой. Да, сэр Артур был не так храбр в тот вечер на «Переднике Бесси». Но сейчас в нем вскипела кровь, а мне не раз случалось видеть, как люди в гневе могли убить человека, а в другое время вели себя точь-в-точь, как баронет под Коровьим Рогом. Однако что же нам делать?

— Мне кажется, — сказал Ловел, — что его доверие к

проходимцу полностью
восстановлено этим обманом,
который, несомненно, был
подготовлен заранее.

— Вы о чем? О деньгах? Еще бы! Такие штуки он мастер подстраивать! Кто сам спрятал, тот и находит. Подлец решил обобрать баронета до последней гинеи, а потом удрать на родину. Хотелось бы мне быть на месте в день стрижки нашей овечки и хорошенько съездить мошенника посохом. Он, наверно, счел бы это за благословение, посланное ему каким-нибудь мертвым аббатом. Но не надо торопиться. Верх берет не тот, кто сильнее, а тот, кто ловчее владеет

клинком. Я еще как-нибудь доберусь до него.

— А что, если известить мистера Олдбока? — предложил Ловел.

— Вот уж не знаю. Монкбарнс и сэр Артур одного поля ягода, хотя часто и спорят. Иной раз советы Монкбарнса доходят до баронета, а бывает, что тот готов чихать на мистера Олдбока, вроде как на меня. Монкбарнс кое в чем не слишком умен. Он готов принять стертый грош за древнюю римскую монету или канаву за лагерь, как уж ему наболтают. Я сам, случалось, выдумывал что-нибудь и водил его за нос, прости господи! Но у него нет

снисхождения к другим людям. Он рад тыкать им в нос их глупость, будто у него мало своей. Монкбарнс готов уши развесить, когда вы начинаете рассказывать ему сказки про Уоллеса, Гарри Слепого или Дэви Линдсея, но перед ним и заикаться нельзя о духах и феях, о призраках, что бродят по земле, и о всякой другой чертовщине. Он уже раз чуть не выбросил в окно Кексона (да еще и свой лучший парик вслед за ним) за то, что старик уверял, будто видел духа на холмике, поросшем болиголовом. Так вот, если мы пойдем к нему, он ошестинится, и выйдет больше вреда, чем пользы. Олдбок уже раза два пробовал

говорить с сэром Артуром насчет рудника, но только чем больше Монкбарнс предостерегал его, тем глубже сэр Артур как нарочно увязал в этом деле.

— А не сообщить ли обо всем мисс Уордор?

— Что вы! Ну как бедняжка может помешать отцу делать, что ему нравится? Да и чем это поможет? В округе известно об этих шестистах фунтах, и поговаривают, что какой-то стряпчий в Эдинбурге готов пустить в дело шпоры закона и вонзить их в бока сэру Артуру, чтоб заставить его уплатить. А если ему платить нечем, он должен либо садиться в тюрьму, либо бежать за границу. Он теперь

совсем отчаялся и хватается за соломинку, лишь бы спастись от гибели. Так стоит ли мучить бедную девушку, раз она ничего не может поделать? А сказать по правде, не хотел бы я раскрывать тайну этого места. И потом, сами видите, очень удобно иметь убежище, и хотя мне самому оно сейчас ни к чему и, я надеюсь, по божьей милости, никогда больше не понадобится, все же нельзя знать, какое может встретиться искушение... Ну и мне было б не по нутру, если б кто-нибудь проведал об этом уголке. Говорят ведь: «Храни вещь семь лет; на восьмой годок увидишь в ней прок». Так что, может, пещера мне

еще пригодится либо для себя, либо для кого другого.

Этот довод, которому Эди Охилтри, по старой привычке, несмотря на сохранившуюся в нем крупицу добродетели и благочестия, придавал большое значение, Ловелу было не слишком удобно оспаривать: ведь он сам в эту минуту извлекал пользу из тайны, которую старик так ревниво оберегал.

Впрочем, весь этот эпизод оказал на Ловела благоприятное воздействие, так как отвлек его мысли от несчастий минувшего вечера и пробудил в нем некоторый прилив энергии, парализованной всем пережитым. Теперь он

рассудил, что опасная рака не должна быть непременно смертельной, а ведь его увели прочь еще до того, как врач высказал свое мнение о состоянии капитана Мак-Интайра. И даже при худшем исходе у него, Ловела, остаются обязанности на земле, которые, если и не вернут ему душевного спокойствия и сознания невиновности, все же придадут смысл его существованию и в то же время направят его жизнь на добрые дела.

Таковы были чувства Ловела, когда, по расчетам Эди, — который по одному ему известным правилам наблюдал небесные тела и не нуждался в часах или хронометре, —

настало время покинуть убежище и направиться к берегу, чтобы встретить, как было условлено, шлюпку Тэфрила.

Они ушли тем же ходом, которым пришли к тайному наблюдательному пункту приора, и, когда выбрались из пещеры в лес, птицы уже щебетали и пели, возвещая, что занялся новый день. Об этом говорили и легкие янтарные облака, показавшиеся над морем, как только путники, выйдя из зарослей, увидели перед собой открытый горизонт. Когда говорят, что утро дружественно музам, вероятно, подразумевают его воздействие на воображение и чувства людей. И

даже те, кто, подобно Ловелу, провел бессонную и тревожную ночь, черпают в утреннем ветре силу и бодрость духа и тела. Итак, с новым приливом энергии Ловел, ведомый верным Эди, шел, стряхивая с себя росу, через дюны, отделявшие «угодьё святой Руфи», как в народе называли леса вокруг развалин, до берега моря.

Первый яркий луч солнечного диска, поднявшегося над океаном, осветил дрейфовавший поблизости небольшой пушечный бриг, а у берега — уже ожидавшую шлюпку. Сам Тэфрил, закутанный в морской плащ, сидел на корме. Увидев приближавшихся нищего и Ловела,

он выскочил на берег, сердечно пожал последнему руку и просил его не унывать.

— Рана Мак-Интайра, — сказал он, — серьезна, но далеко не безнадежна. (Багаж Ловела, заботами лейтенанта, был потихоньку переправлен на борт брига.) Я уверен, — добавил Тэфрил, — что, если вы согласитесь погостить на бриге, недолгий рейс, быть может, будет единственным неприятным для вас следствием поединка. Что касается меня, то мое время и мои действия в значительной мере зависят от меня самого, за исключением того, что я должен оставаться на своем посту.

— О наших дальнейших шагах мы поговорим на борту, — предложил Ловел.

Затем, повернувшись к Эди, он попытался сунуть ему в руку деньги.

— Мне кажется, — сказал Эди, возвращая монеты, — все здесь либо спятили, либо дали слово подорвать мое дело. Говорят же, что от избытка воды и мельник тонет. За последнее время мне предлагали больше золота, чем я видел за всю жизнь. Оставьте себе деньги, молодой человек! Вам они еще понадобятся. А мне они не нужны. Одежде моей цена невелика, но я каждый год получаю голубой плащ и столько грошей, сколько лет королю, благослови его бог. Вы

знаете, капитан Тэфрил, что мы с вами служим одному хозяину. Он заботится о вашем снаряжении и довольствии, меня же кормят в округе все, кого я попрошу. А выдастся черный день — я могу погулять и не евши, потому как у меня правило — никогда еду не покупать. Так что деньги мне нужны только на табачок — покурить или понюхать, да еще, может, пропустить стаканчик в холодный день, хотя вообще-то я не пью, а то плохой бы я был бродяга. Возьмите, значит, ваше золото и дайте мне шиллинг, белый как лилия!

В своих причудах, которые он считал неотделимыми от понятия о

чести профессионального бродяги, Эди был тверд как камень и глух к самым красноречивым увещаниям. Поэтому Ловелу ничего не оставалось, как сунуть свой дар обратно в карман и дружески попрощаться с нищим, пожав ему руку и заверив его в своей искренней признательности за оказанные в эту ночь важные услуги. В то же время он настоятельно просил Эди молчать о том, чему они были свидетелями в эту ночь.

— Можете в этом не сомневаться, — ответил Охилтри. — Я всю жизнь помалкивал про пещеру, хотя навидался там удивительных вещей.

Шлюпка отошла от берега. Старик смотрел, как под ударами весел шести сильных гребцов она быстро приближалась к бригу, и Ловел увидел, как Эди в знак прощального приветствия еще раз помахал голубым беретом и потом медленно побрел по пескам, как бы возвращаясь к своим обычным скитаниям.

ГЛАВА XXII

*Мудрец Реймонд в
подвале запер дверь.*

*Он не страшится
риска и потерь.*

*Ушли поместья дымом
золотым.*

*Вторая колба лопнула
перед ним.*

*Но если третье
выдержит горно,*

*Заблещет чистым
золотом оно [note 122](#).*

Неделю спустя после событий,
описанных в предыдущей главе,

мистер Олдбок, сойдя однажды к завтраку, увидел, что женщины покинули свой пост, хлеб для главы семейства не поджарен, а серебряный кувшин с пивом, из которого он привык совершать утренние возлияния, не стоит на должном месте.

«Черт бы взял этого вспыльчивого молокососа! — сказал себе антикварий. — Теперь, когда он уже выкарабкивается из опасности, я больше не желаю терпеть такую жизнь. Все идет вверх дном. Похоже, в моем мирном и добропорядочном семействе объявлены какие-то всеобщие сатурналии. Я спрашиваю, где сестра, — никакого ответа, я зову,

я кричу, я кличу своих домочадцев, даю им больше имен, чем римляне своим божествам. Наконец Дженни, чей пронзительный голос уже полчаса доносится из кухонной преисподней, удостоивает услышать меня и ответить, но не поднимается по лестнице, и мне приходится надрываться, чтобы с ней поговорить».

Тут он снова закричал благим матом:

— Дженни, где мисс Олдбок?

— Мисс Гризи в комнате у капитана.

— Гм, я так и думал! А где племянница?

— Мисс Мэри готовит капитану

чай.

— Гм, я опять так и предполагал! А где Кексон?

— Ушел в город за охотничьим ружьем и собакой капитана.

— А кто же, черт возьми, завьет мне парик, дура ты этакая? Ты что, не знаешь, что сюда скоро после завтрака приедут мисс Уордор и сэр Артур? Как же ты могла отпустить Кексона с таким дурацким поручением?

— Я? А как же я могла ему помешать? Ваша милость не пожелали бы ведь, чтобы я перечила капитану в такое время, когда он помереть может.

— Помереть? — воскликнул

испуганный антикварий. — А? В чем дело? Ему стало хуже?

— Да нет, хуже ему вроде не стало. [note 123](#)

— Значит, ему лучше. А на что ему здесь собака и ружье? Собака начнет портить мне мебель, воровать из чулана и, наверно, изводить кошку, а из ружья он прострелит кому-нибудь голову. Кажется, баловства с ружьями и пистолетами с него покамест довольно.

Тут мисс Олдбок вошла в гостиную, где антикварий через дверь вел разговор с Дженни, истошно крича ей вниз, на что она вопила ему в ответ.

— Дорогой брат, — сказала

старая леди, — ты докричишься до того, что охрипнешь и будешь каркать, как ворона. И хорошо ли так орать, когда в доме больной?

— Честное слово, ваш больной скоро заполонит весь дом. Я остался без завтрака и, кажется, останусь без парика. И, по-видимому, с моей стороны было бы дерзостью сказать, что я голоден или озяб, потому что я могу потревожить больного джентльмена, который лежит за шесть комнат отсюда и чувствует себя достаточно хорошо, чтобы послать за своей собакой и ружьем, хоть и знает, что я ненавижу все эти охотничьи принадлежности с тех пор, как наш старший брат, бедный

Уиллиуолд, отправился на тот свет, промочив ноги в Китлфитингском болоте. Но это пустяк, и вскоре мне, наверно, придется тащить эсквайра Гектора на носилках, чтобы он мог удовлетворять свои спортивные наклонности, паля по моим голубям и индюшкам. Впрочем, никаким *ferae naturae* [note 124](#) еще некоторое время не будет грозить из-за него опасность.

Теперь вошла мисс Мак-Интайр и приступила к своим обычным обязанностям, приготовляя дяде завтрак и действуя необычайно проворно, как всякий, кто берется за дело с опозданием и старается наверстать упущенное время. Но это

ей не помогло.

— Смотри, представительница глупого пола, у тебя пиво стоит слишком близко к огню — бутылка лопнет! А хлеб ты, вероятно, решила совсем превратить в уголь, чтобы принести его в виде жертвы всесожжения Юноне. Кажется, этим именем или другим в этом роде, заимствованным из пантеона древних, зовется сука твоего мудрого братца, который, едва к нему вернулся разум, решил сделать ее обительницей моего дома (за что приношу свою благодарность), где она поможет прочим дамам занимать и развлекать его.

— Дорогой дядя, не сердитесь

на бедного спаниеля. Собака осталась на привязи в фейрпортской квартире брата, но дважды обрывала цепь и прибегала сюда. Не могли же мы палкой отгонять преданное животное от двери! Она так скулит, словно знает о постигшем Гектора несчастье, и не отходит от дверей его комнаты.

— Вот как, — удивился дядя, — а мне говорили, что Кексон ушел в Фейрпорт за собакой и ружьем.

— Ничего подобного! — ответила мисс Мак-Интайр. — Нужно было купить бинты, а Гектор попросил Кексона заодно принести и ружье, раз он все равно идет в город.

— Что ж, тогда все это не так уж

глупо, если принять во внимание, какая тут куча бабья замешана. Бинты для ухода за раной? А кто будет ухаживать за моим париком? Впрочем, я надеюсь, — продолжал старый холостяк, глядясь в зеркало, — что Дженни постарается придать ему сколько-нибудь приличный вид. А теперь с аппетитом примемся за завтрак. Да, я могу сказать Гектору, как сэр Исаак Ньютон сказал своей собаке Алмазу, когда это животное (ненавижу собак!) опрокинуло свечу на вычисления, отнявшие у философа двадцать лет труда, и все материалы сгорели: «Алмаз, Алмаз, плохо ты знаешь, какую беду наделал!»

— Уверяю вас, сэр, —
отозвалась племянница, — брат
вполне понял опрометчивость своего
поведения и признает, что мистер
Ловел держал себя вполне достойно.

— Много от этого толку, если
бедняге пришлось бежать за границу!
Я скажу тебе, Мэри: разума Гектора
— и еще более — разума женского
пола недостаточно, чтобы понять,
какой огромный ущерб он нанес
современному поколению и
потомству. *Aureum quidem opus* [note 125](#),
поэма на такую тему! С
примечаниями, освещающими все,
что ясно, и все, что темно, и все, что
ни темно, ни ясно, но таится в
тусклой мгле каледонских

древностей! Я заставил бы призадуматься воспевателей кельтов! Фингал, как они самоуверенно называют Фин-Мак-Коула, не устоял бы перед моей критикой и исчез, окутавшись облаком, подобно духу Лоды. Такая возможность едва ли может представиться еще раз старому, седовласому человеку. И под) мать только, что она потеряна из-за дурацкой выходки опрометчивого мальчишки! Но я покоряюсь — да свершится воля небес!

Так антикварий продолжал «бубнить», по выражению его сестры, в течение всего завтрака, и, несмотря на сахар, мед и все блага

шотландского утреннего стола, от этих наставлений у слушателей его кусок не шел в горло. Но они хорошо знали его истинный характер, и мисс Гризельда Олдбок в интимных беседах с мисс Ребеккой Блеттергаул говаривала: «Монкбарнс больше лает, чем кусается».

Действительно, мистер Олдбок чрезвычайно страдал, пока его племянник находился в серьезной опасности, но теперь, зная, что здоровье капитана восстанавливается, считал себя вправе громко сетовать на постигшие его, мистера Олдбока, беды и на перерыв в его антикварных работах. Поэтому, в то время как племянница

и сестра внимали ему в почтительном молчании, он проявлял свое недовольство воркотней, подобной той, которую мы только что слышали, раздражаясь сарказмами против женского пола, солдат, собак и ружей, каковые орудия шума, неурядиц и суматохи, как он их называл, были ему, по его уверениям, крайне ненавистны.

Это желчное словоизвержение внезапно было прервано шумом экипажа за окнами, и тогда мистер Олдбок, стряхнув с себя всю свою хандру, проворно взбежал по одной лестнице и сбежал по другой, ибо оба эти действия были необходимы, чтобы он мог встретить мисс Уордор

и ее отца у дверей своего дома.

Последовали сердечные приветствия с обеих сторон. Затем сэр Артур, напомнив о своих прежних запросах через посредство почты и личных гонцов, пожелал получить более подробные сведения о здоровье капитана Мак-Интайра.

— Его здоровье лучше, чем он заслуживает, — был ответ, — лучше, чем он заслуживает, после того как причинил нам столько беспокойства своими необдуманными выходками, ссорами и нарушением божьего мира и королевских законов.

— Молодой джентльмен, — сказал сэр Артур, — был благоразумен. Но он считал, что

действует в общих интересах, выясняя личность молодого Ловела, которая показалась ему подозрительной.

— Не более подозрительной, чем он сам, — ответил антикварий, с жаром вступаясь за своего любимца. — Молодой человек был немного легкомыслен и упрям, когда отказался отвечать на дерзкие расспросы Гектора, вот и все! Ловел, сэр Артур, лучше выбирает своих наперсников... Да, мисс Уордор, не бросайте на меня такие взгляды! Это чистая правда. Моей груди доверил он хранить тайную причину своего пребывания в Фейрпорте, и я готов перевернуть небо и землю, чтобы

помочь ему в том деле, которому он себя посвятил.

Слушая эту великодушную декларацию из уст старого антиквария, мисс Уордор не раз менялась в лице и едва могла верить своим ушам. Ибо из всех наперсников и поверенных в любовных делах, которые она, естественно, считала предметом тайного сообщения, Олдбок после Эди Охилтри представлялся ей самым странным и непригодным. Она не знала, дивиться ей или сердиться по поводу необычайного стечения обстоятельств, отдавших такую деликатную тайну во власть людей, столь мало способных ее

сохранить. Далее — ее страшило, как именно Олдбок заговорит об этом с ее отцом, ибо в подобном намерении с его стороны она не сомневалась. Девушка хорошо знала, что почтенный джентльмен, столь упорный в своих предрассудках, не очень-то считался с чужими, и могла ожидать самого неприятного взрыва после того объяснения, которое между ними произойдет. С глубокой тревогой услышала она поэтому, как ее отец выразил желание поговорить с хозяином дома наедине и как охотно Олдбок поднялся, чтобы проводить гостя в кабинет. Мисс Уордор, оставшись в столовой, старалась поддерживать разговор с

монкбарнскими дамами, но была взволнована, как Макбет, когда, скрывая угрызения нечистой совести, он обменивается с придворными танами замечаниями о буре прошлой ночи, а сам всей душой мучительно ловит первый звук тревоги, которую вот-вот поднимут люди, вошедшие в опочивальню убитого Дункана. Однако беседа двух знатоков старины направилась по руслу, весьма отличному от того, какое предполагала мисс Уордор.

— Мистер Олдбок, — сказал сэр Артур, когда после обязательного обмена церемониями оба они расположились в *sanctum sanctorum* антиквария, — вас, так хорошо

знакомомого с моими семейными делами, может быть, удивит вопрос, который я собираюсь вам задать.

— Знаете ли, сэр Артур, если он касается денег, то, к моему большому сожалению, я...

— Он касается денежных дел, мистер Олдбок!

— Право же, сэр Артур, — заговорил опять антикварий, — при нынешнем состоянии денежного рынка и низком курсе ценных бумаг...

— Вы неправильно меня поняли, мистер Олдбок, — произнес баронет. — Я хотел просить у вас совета насчет выгодного помещения крупной суммы денег.

— Черт возьми! — воскликнул удивленный антикварий и, чувствуя, что его невольный возглас не слишком вежлив, поспешил исправить дело, выразив свою радость по поводу того, что сэр Артур располагает значительной суммой, когда ощущается недостаток свободных средств.

— Что же касается способа употребления ваших денег, — продолжал он, помолчав, — то, как я уже говорил, фонды нынче стоят низко, но с землей возможны выгодные сделки. Так не лучше ли вам, сэр Артур, начать с погашения закладных? А вот здесь ваше обязательство по личному займу и

три долговые расписки, — продолжал он, доставая из правого ящика шкафа красную записную книжку, самый вид которой после многих прежних обращений к ней был ненавистен баронету. — Вместе с процентами они в общем итоге составляют... дайте прикинуть.

— Около тысячи фунтов, — поспешно договорил за него сэр Артур. — Вы на днях называли мне сумму.

— Но с того времени набежали проценты следующего срока, сэр Артур, и теперь выходит — если в расчет не вкратились ошибки — тысяча сто тринадцать фунтов семь шиллингов пять и три четверти

пенса. Но проверьте итог сами.

— Я уверен, что у вас все правильно, дорогой сэр, — сказал баронет, отстраняя рукой книжку, подобно тому как отклоняют старомодную вежливость, когда гостя настойчиво потчуют, а он уже наелся до тошноты, — все совершенно правильно, я в этом уверен, и в течение трех дней или даже раньше вы получите все сполна... я хочу сказать, если вы захотите принять все в слитках.

— В слитках! Вы, вероятно, подразумеваете свинец. Что за чертовщина! Неужели мы наконец наткнулись на жилу? Но что я стану делать с грудой свинца стоимостью

свыше тысячи фунтов? Прежние троткозийские аббаты, конечно, могли бы покрыть им крыши церкви и монастыря, но я...

— Под металлом в слитках, — пояснил баронет, — я подразумеваю благородные металлы — золото и серебро.

— А-а! Вот как? Из какого же Эльдорадо будет привезен этот клад?

— Не издалека, — многозначительно произнес сэр Артур. — Кстати сказать, вы можете своими глазами увидеть, как это делается, с одним большим условием...

— В чем же оно состоит? — полюбопытствовал антикварий.

— Видите ли, вы должны будете оказать мне дружеское содействие, ссудив меня суммой в сто фунтов или около того.

Мистер Олдбок, который мысленно уже держал в руках всю сумму долга, притом с процентами, долга, который он давно считал почти безнадежным, был так ошеломлен неожиданной переменой ролей, что мог лишь с горечью и недоумением в голосе повторить, как эхо, слова:

— Ссудить суммой в сто фунтов!

— Да, любезный сэр, — продолжал сэр Артур, — но под самое верное обеспечение — в виде уплаты в течение двух или трех дней.

Воцарилось молчание. То ли отвисшая нижняя челюсть Олдбока еще не вернулась на место, чтобы он мог ответить отказом, то ли его заставляло безмолвствовать любопытство.

— Я не стал бы просить вас о таком одолжении, — продолжал сэр Артур, — если бы не располагал явными доказательствами, что надежды, которыми я хочу с вами поделиться, вполне осуществимы. И смею вас заверить, мистер Олдбок, что, затрагивая так откровенно эту тему, я стремлюсь показать, как я вам доверяю и как ценю все, что вы уже сделали для меня раньше.

Мистер Олдбок заявил о своей

признательности, но осторожно воздержался от каких-либо обещаний дальнейшей помощи.

— Мистер Дюстерзивель, — сказал сэр Артур, — открыл...

Тут Олдбок, в глазах которого засверкало негодование, перебил его:

— Сэр Артур, я столько раз предостерегал вас от плутней этого мерзкого шарлатана, что, право, дивлюсь, как вы можете даже упоминать о нем при мне.

— Но выслушайте, выслушайте меня — вам от этого не будет вреда! — в свою очередь, прервал его сэр Артур. — Я буду краток. Дюстерзивель уговорил меня присутствовать при опыте, который

он произвел в руинах монастыря святой Руфи. И как вы думаете — что мы там нашли?

— Вероятно, еще один водяной источник, расположение которого мошенник заранее позаботился установить.

— Ничего подобного! Мы нашли сосуд с золотыми и серебряными монетами — вот он!

С этими словами сэр Артур вытащил из кармана большой рог с медной крышкой, содержащий пригоршню монет, главным образом — серебряных, среди которых, впрочем, попадались и золотые. Антикварий с большим любопытством высыпал их на стол, и

глаза его заблестели.

— В самом деле! Шотландские, английские и иностранные монеты пятнадцатого и шестнадцатого столетий, и некоторые из них *rari... et rariores... etiam rarissimi!* [note 126](#)

Вот монета с изображением Иакова Пятого в шляпе, единорог Иакова Второго... О, даже золотой тестон королевы Марии, и на нем она сама и дофин. И все это действительно было найдено в руинах святой Руфи?

— Смею вас заверить! Я видел своими глазами.

— Хорошо, — сказал Олдбок, — но вы должны сказать мне, когда это было, где и как.

— На вопрос — когда, отвечу

вам, что это было около полуночи в последнее полнолуние; где — я вам уже сказал: в руинах монастыря святой Руфи, а как... что ж, это был ночной эксперимент Дюстерзивеля, которого сопровождал я один.

— Вот как! — отозвался Олдбок. — А какими средствами вы пользовались для обнаружения клада?

— Всего лишь простым окуриванием серой, но только мы избрали час благоприятного расположения планет.

— Простое окуривание серой? Простое одуривание! Расположение планет? Расположение к чепухе! Sapiens dominabitur astris [note 127](#).

Дорогой сэр Артур, этот субъект издевается над вами на земле и под землей, превращая вас в какого-то глупца. Он сделал бы с вами то же и в воздухе, если бы случился поблизости, когда вас втаскивали на этот чертов утес Хелкит-хед. Тогда такое превращение в пернатого было бы для вас как нельзя более кстати.

— Очень вам признателен, мистер Олдбок, за такое мнение о моих умственных способностях. Но, я надеюсь, вы мне все же верите, когда я говорю, что я это видел?

— Конечно, сэр Артур, — промолвил антикварий. — Я знаю вас достаточно, чтобы верить вашей искренности, когда вам кажется,

будто вы это видели.

— Так вот, мистер Олдбок, — заявил баронет, — как верно то, что над нами есть небо, так я видел своими глазами, что эти монеты были выкопаны в полночь из-под пола в алтаре святой Руфи. А что до Дюстерзивеля, то, хотя этой находкой я обязан его искусству, должен сказать по правде, что едва ли у него хватило бы присутствия духа довести это дело до конца, если бы рядом с ним не было меня.

— А, вот как? — произнес Олдбок таким тоном, к какому прибегают, когда хотят выслушать какую-нибудь историю до конца, прежде чем высказать свои

замечания.

— Да, да, — продолжал сэр Артур. — Уверяю вас! Я был все время настороже, и мы вдруг услышали какие-то необычайные звуки, шедшие из глубины руин.

— Скажите, пожалуйста! — проговорил Олдбок. — Их издавал, конечно, спрятавшийся сообщник?

— Ничего подобного, — возразил баронет. — Эти звуки, сверхъестественные и ужасные, все же напоминали те, которые издает человек, когда сильно чихает. Кроме того, мне ясно слышался глубокий вздох. А Дюстерзивель утверждает, что видел дух Пеольфана, Великого Охотника севера (поищите его у

вашего Николая Ремигия или Петра Тирака, мистер Олдбок). Дух изобразил, как нюхают табак, с соответствующими последствиями.

— Эти указания, как ни странно, что они получены от такого лица, тем не менее очень подходят ко всему прочему. Как вы видите, сосуд, в котором были монеты, чрезвычайно похож на старинную шотландскую табакерку. Итак, вы устояли, несмотря на этого ужасного чихающего духа?

— Что ж, мне кажется, что человек менее рассудительный и настойчивый мог бы и отступить. Но я не желал стать жертвой обмана и считал, что долг перед семьей

обязывает меня сохранить мужество при всех обстоятельствах. Поэтому я прямыми физическими угрозами заставил Дюстерзивеля проделать то, что он собирался. И этот ларчик с золотыми и серебряными монетами — свидетельство его искусства и честности. Прошу вас выбрать отсюда те монеты или медали, которые подошли бы к вашей коллекции.

— О, раз вы так добры, сэр Артур, я с удовольствием отберу кое-что, с условием, что вы позволите мне отметить против вашего счета в моей красной книжке стоимость монет по каталогу Пинкертона...

— Ну нет, — остановил его сэр

Артур Уордор. — Я хочу, чтобы вы смотрели на это только как на подарок друга. И менее всего я соглашусь признать оценку вашего любимого Пинкертон, когда он отвергает древние и достойные доверия авторитеты, на которых зиждется, как на почтенных, замшелых столбах, достоверность шотландских древностей.

— Так, так, — подхватил Олдбок, — полагаю, что вы подразумеваете Мейра и Бойса, этих Иахина и Боаза не истории, а подделок и подлогов. И, невзирая на все, что вы мне рассказали, я считаю вашего приятеля Дюстерзивеля таким же фальшивым, как и любого

из них.

— Чтобы не поднимать старых споров, мистер Олдбок, — сказал сэр Артур, — я только спрошу вас, почему, если я верю в древнюю историю моей родины, у меня не может быть глаз и ушей, чтобы отмечать современные события, происходящие предо мной?

— Простите меня, сэр Артур, — возразил антикварий, — но я считаю все эти мнимые ужасы, которые разыграл ваш почтенный помощник, всего лишь составной частью его игры в таинственность. Что же касается золотых и серебряных монет, то они относятся к таким разным эпохам и странам, что я

никак не могу считать их подлинным кладом, а скорее предполагаю, что они — те же кошельки на столе у законника, к которому приходил Гудибрас:

... положенные напоказ,
Чтоб за ответ неверный на
вопрос
Клиент яички золотые нес.

К этому трюку прибегают во всех профессиях, дорогой сэр Артур. Разрешите узнать, во что обошлось вам это открытие?

— Около десяти гиней.

— А получили вы ценность,

равную двадцати гинеем в нынешней валюте и составляющую еще вдвое больше для таких дураков, как мы с вами, которые согласны платить за всякие диковинки. Должен признать, что вам для первого раза подбросили соблазнительную приманку. Чего же ваш немец требует теперь для своих дальнейших затей?

— Сто пятьдесят фунтов. Я дал ему третью часть этих денег и полагал, что вы, может быть, поможете мне с остальной суммой.

— Едва ли это было задумано как прощальный удар: он вышел бы недостаточно увесистым. Дюстерзивель, вероятно, даст нам выиграть и на эту ставку, как

поступают шулера с новичком-картежником. Сэр Артур, я надеюсь, вы верите, что я хочу вам услужить?

— Безусловно, мистер Олдбок. Я думаю, то доверие, которое я вам оказывал в подобных случаях, не оставляет места для сомнения.

— Хорошо. Тогда позвольте мне поговорить с Дюстерзивелем. Если требуемый аванс может быть употреблен с выгодой для вас, что ж, во имя старых добрососедских отношений я вас не оставлю без денег. Но если, как мне кажется, я смогу добыть вам это сокровище без затраты аванса, я надеюсь, вы не станете возражать.

— Конечно, никаких

возражений у меня не может быть.

— Тогда где же сейчас Дюстерзивель?

— Сказать вам правду, он сидит внизу, в моем экипаже. Однако, зная ваше предубеждение против него...

— Благодарение небу, я ни против кого не питаю предубеждения, сэр Артур! Мое порицание вызывают системы, а не отдельные личности. — Он позвонил. — Дженни, мы с сэром Артуром свидетельствуем свое почтение мистеру Дюстерзивелю, который сидит в экипаже сэра Артура, и просим его доставить нам удовольствие побеседовать с ним.

Дженни ушла выполнять

поручение. В планы чудотворца отнюдь не входило посвящать мистера Олдбока в мнимую тайну. Он рассчитывал, что сэр Артур получит необходимую ссуду, не объяснял, каким образом она будет использована, и ждал внизу только для того, чтобы как можно скорее завладеть деньгами, ибо предвидел, что его деятельность близится к концу. Но, когда его пригласили в комнату, где находились сэр Артур и мистер Олдбок, он храбро полошился на свое нахальство, а его, как читатель уже мог заметить, Дюстерзивелю от природы было отпущено немало.

ГЛАВА XXIII

*... а друг ваш доктор,
Весь в саже, с
закопченной бородой,
Наложит столько
золота в реторту,
Потом добавит
столько сулемы,
Что лопнет хрупкое
стекло от жара,
И разлетится все in
fumo [note 128](#).*

«Алхимик»

— Как ви пошиваете, мой
допрый мистер Олденбок? Я

надеюсь, что молодой тшентльмен, капитан Мак-Интайр, поправляется? Ах, какое это дурное дело, когда молодые тшентльмены вгоняют друг в друга свинцовые пули.

— Затеи со свинцом вообще часто оканчиваются неудачно, мистер Дюстерзивель! Однако, — продолжал антикварий, — я был рад узнать от моего друга сэра Артура, что вы занялись более прибыльным делом золотоискателя.

— Ах, мистер Олденбок, мой допрый и почтенный покровитель не должен был бы касаться этого пустяка. Ибо, хотя я питаю полное доферие к осторожности и скромности допрого мистера

Олденбока и полагаюсь на его самые друшеские чувства к сэру Артуру Уордору, все же — о небо! — это такая тяжелая тайна.

— Боюсь, — более «тяжелая», чем тот металл, который мы с ее помощью добудем, — вставил Олдбок.

— Это полностью зависит от вашего терпения и веры в феликий эксперимент. Если ви присоединитесь к сэру Артуру, который обещал мне сто пятьдесят фунтов — вот, смотрите, шалкая фейрпортская банкнота в пятьдесят фунтов, — и тоше внесете сто пятьдесят в шалких бумажках, ви получите столько чистого золота и

серебра, что я и сказать не могу.

— Ничего я вам не внесу. Но послушайте, вы, мистер Дюстерзивель! Предположим, что мы, не тревожа этого самого чихающего духа новыми воскурениями серы, отправимся туда целой партией, под защитой яркого дневного света и нашей чистой совести, и, не пользуясь иными волшебными орудиями, «роме крепких мотыг и лопат, хорошенько разроем из конца в конец весь алтарь в развалинах святой Руфи, чтобы проверить существование клада, избегнув этим всяких дальнейших расходов. Руины принадлежит самому сэру Артуру, так что

возражений быть не может. Как вы думаете, не добьемся ли мы успеха таким способом?

— Что ви! Так ви не найдете даше медной монетки. Но сэр Артур поступит как ему угодно. Я показал ему, как возможно, очень возможно добыть для его нужд большую сумму денег. Я показал ему настоящий эксперимент. Если же он не шелает верить, это, мой допрый мистер Олденбок, для Германа Дюстерзивеля ничего не значит: он только потеряет деньги — и золото и серебро, вот и все!

Сэр Артур Уордор бросил испуганный взгляд на Олденбока, который, несмотря на частое

расхождение во мнениях, оказывал — особенно своим личным присутствием — немалое влияние на его чувства. По правде говоря, баронет понимал, хотя он не хотел бы в этом сознаться, что антикварий превосходил его умом. Сэр Артур ценил его дальновидность, проницательность, насмешливость, боялся его иронии и питал немалое доверие к его здоровым суждениям. Поэтому он теперь посматривал на него, словно упрасывая тоже поверить чудотворцу. Дюстерзивель увидел, что может потерять добычу, если не сумеет произвести сколько-нибудь благоприятное впечатление на советчика.

— Я знаю, мой допрый мистер Олденбок, что было би напрасно говорить вам о духах и призраках. Но поглядите на этот любопытный рог. Я знаю, что ви разбираетесь в диковинках всех стран и что вам известно, как большой ольденбургский рог, который все еще хранится в Копенгагенском музее, был подарен герцогу Ольденбургскому лесным духом шенского пола. Тут я не мог би обмануть вас, даже если би хотел, потому что ви так хорошо знаете все редкости. Так вот вам и тут рог, полный монет; будь это ящик или шкатулка, я не сказал би ни слова.

— То, что это рог, — сказал

Олдбок, — действительно усиливает ваши доводы. Это орудие, созданное природой и поэтому широко употребляемое первобытными племенами, хотя, быть может, еще более широкое метафорическое применение оно находит у народов цивилизованных. А что касается именно этого рога, — продолжал он, вытирая его о рукав, — это любопытная и почтенная старинная вещь, и, несомненно, он должен был оказаться для кого-то рогом изобилия, но для кладоискателя или его покровителя — неясно.

— Я вишу, мистер Олденбок, что ви все так ше недоферчиви. Но я беру на себя смелость утверждать, что

монахи знали магистерий.

— Не будем говорить о магистерий, мистер Дюстерзивель, а подумаем немного о магистратах. Известно ли вам, что ваши занятия противоречат законам Шотландии и что оба мы, сэр Артур и я, облечены властью мировых судей?

— Господи помилуй! А какое это имеет отношение ко мне, если я делаю только допро, насколько хватает моих сил?

— Так вот, вы должны знать, когда законодатели отменили жестокие законы против ведовства, никто из них не надеялся сразу искоренить человеческие суеверия, на которые опирались такие бредни,

и помешать ловким мошенникам их использовать. Поэтому в своде законов Георга Второго, глава пятая, сказано: всякий, кто будет утверждать, что он, в силу своих познаний в оккультных или иных мнимых науках, может находить потерянные, украденные или спрятанные вещи, будет выставлен у позорного столба, а потом заключен в тюрьму, как обыкновенный обманщик и самозванец.

— И это такой закон? — с некоторым волнением спросил Дюстерзивель.

— Я покажу вам подлинный текст, — ответил антикварий.

— Тогда, тшентльмены, я с вами

попрощаюсь, вот и все. Я не хочу стоять у этого вашего столба — долго быть на сфешем воздухе мне вредно. И еще меньше мне нравятся ваши тюрьмы — там совсем нельзя быть на сфешем воздухе.

— Если таковы ваши вкусы, мистер Дюстерзивель, — сказал антикварий, — я советую вам оставаться на месте, потому что я не могу отпустить вас иначе, как в обществе констебля. Кроме того, я думаю, что вы немедленно отправитесь с нами к монастырю святой Руфи и укажете место, где предполагаете найти клад.

— Милосердное небо! Как вы можете, мистер Олденбок,

обращаться так со старим другом, который самыми ясными словами говорит вам, что, пойдя туда сейчас, вы не найдете ни клада, ни даше стертого шестипенсовика?

— Однако я хочу, чтобы был проделан эксперимент, и с вами поступят соответственно его успеху, — конечно, с разрешения сэра Артура.

У сэра Артура в течение этого разговора был крайне озабоченный вид. Пользуясь вульгарным, но выразительным словечком, он совершенно обалдел. Упрямое недоверие Олдбока заставило и его сильно заподозрить Дюстерзивеля в обмане, тем более что немец

отстаивал свои позиции менее решительно, чем ожидал баронет. И все-таки сэр Артур не хотел полностью отступить от него.

— Мистер Олдбок, — сказал баронет, — вы не совсем справедливы к мистеру Дюстерзивелю. Он брался найти клад при помощи своего искусства, прибегая к покровительству таинственных существ, определяющих тот планетный час, когда надлежит произвести эксперимент. А вы требуете, чтобы он, под страхом наказания, приступил к делу без той подготовки, которую он считает необходимой для достижения успеха.

— Я этого не говорил. Я только требовал, чтобы он присутствовал во время наших поисков и до этого нас не покидал. Я опасаясь, как бы у него не оказалось слишком тесной связи с существами, о которых вы говорите, и как бы клад, если он когда-либо был зарыт, не исчез из руин монастыря, прежде чем мы туда доберемся.

— Хорошо, тшентльмены, — угрюмо произнес Дюстерзивель. — Я не стану возражать против того, чтобы отпрафиться с вами. Но заранее говорю вам, что ви не найдете даше столько, чтобы вам ради этого стоило пройти двадцать шагов от ваших ворот.

— Мы все это хорошенько проверим, — сказал антикварий.

Был подан экипаж баронета, и мисс Уордор сообщили от имени отца, что она должна оставаться в Монкбарнсе до его возвращения из поездки. Молодой леди было несколько трудно примирить это распоряжение с тем разговором, который, по ее предположениям, должен был произойти между сэром Артуром и антикварием; но пока что она была вынуждена пребывать в чрезвычайно неприятном состоянии неизвестности.

Поездка	кладоискателей
протекала	довольно уныло.
Дюстерзивель	хранил утрюмое

молчание, размышляя о своих несбывшихся надеждах и об угрозе наказания. Сэр Артур, чьи золотые сны постепенно развеивались, мрачно взвешивал надвигавшиеся на него со всех сторон тяжкие затруднения. А Олдбок, понимавший, что его вмешательство в дела соседа дает баронету право ожидать от него деятельной и значительной помощи, печально размышлял, насколько ему придется распустить шнурки своего кошелька. Таким образом, каждый из троих был погружен в свои неприятные думы, и едва ли кто-нибудь из них произнес хоть слово, пока они не доехали до «Четырех подков» — вывески маленькой

придорожной гостиницы.

Здесь они наняли себе в помощь землекопов, раздобыли необходимые инструменты, и в то время как они занимались этими приготовлениями, к ним неожиданно присоединился старый нищий Эди Охилтри.

— Благослови господи вашу милость, — на манер настоящих нищенских причитаний начал Голубой Плащ. — Да пошлет он вам долгую жизнь. Отрадно мне было услышать, что молодой капитан Мак-Интайр скоро снова будет на ногах. Вспомните про бедного нищего в этот день.

— А, старый приятель! — отозвался антикварий. — Что же ты

так долго не показывался в Монкбарнсе после тех злоключений среди скал и волн? Вот тебе на табачок.

Ища свой кошелек, Олдбок заодно вытащил и рог с монетами.

— Ага, вот куда можно бы и положить табачок! — заметил нищий, разглядывая рог. — Э, да это, кажется, мой старый знакомый! Клянусь, что узнал бы эту табакерку среди тысячи. Я носил ее больше года, пока не выменял на вот эту жестяную у старого землекопа и проходчика шахт Джорджа Глена. Очень ему приглянулся мой рог, когда я был в Уидершинзе.

— Вот как! — воскликнул

Олдбок. — Значит, ты выменял его у рудокопа? Но я уверен, что ты еще не видел его наполненным такими хорошими вещицами! — И, открыв рог, антикварий показал монеты.

— Честное слово, Монкбарнс, когда рог был моим, в нем никогда не было ничего ценного, если не считать черного табака на шесть пенсов! Но, верно, вы сделаете из него древность, как из многого другого. Эх, хоть бы сделал кто древность из меня! Да нет, многие ценят всякие дрянные кусочки меди, и рога, и железа, а на такого старого деда, их земляка, да еще одной с ним породы, им наплевать!

— Теперь вам нетрудно будет

догадаться, чьим любезным услугам вы обязаны успехом той ночи, — заметил Олдбок, поворачиваясь к сэру Артуру. — Проследив этот ваш рог изобилия до одного из рудокопов, мы тем самым очень приблизили его к одному вашему другу. Надеюсь, наши сегодняшние раскопки будут не менее успешны и без больших затрат.

— Куда же вы, Монкбарнс и сэр Артур, отправляетесь нынче со всеми этими мотыгами и лопатами? Наверно, это какая-нибудь ваша затея, Монкбарнс. Может, вы задумали вытащить здешних монахов из их могил и не дать им дожидаться Страшного суда? С вашего разрешения я, на всякий случай,

пойду за вами и посмотрю, что у вас там будет.

Вскоре все они прибыли к руинам монастыря и, войдя в алтарь, остановились, чтобы обдумать, как действовать дальше. Тем временем антикварий обратился к немцу:

— Прошу вас, мистер Дюстерзивель, подать нам совет. Можем ли мы больше надеяться на успех, если начнем копать с востока на запад или — с запада на восток? Не поможете ли вы нам вашим треугольным фиалом с майской росой или вашим магическим жезлом из орешника? Или вы пожелаете вооружить нас кое-какими трескучими заклинаниями, которые,

в случае неудачи нашего дела, могли бы пригодиться, по крайней мере тем из нас, кто не имеет счастья быть холостым, чтобы успокаивать ими расшумевшихся детей?

— Мистер Олденбок, — упрямо проговорил Дюстерзивель, — я уш сказал, что у вас ничего не выйдет. А я, со своей стороны, найду способ отблагодарить вас за все ваши любезности. Будьте уфереы!

— Если ваша милость собираетесь вскрыть пол, — заговорил старый Эди, — и пожелаете принять совет бедного старика, я бы начал под той большой плитой, на которой растянулся каменный человек.

— Я, по некоторым соображениям, отношусь к этому плану одобрительно, — сказал баронет.

— Я тоже не возражаю, — согласился и Олдбок. — Ценности нередко прятали именно в могилах усопших. Много примеров этому можно найти у Бартолинуса и других авторов.

Когда могильная плита, та самая, под которой сэр Артур и немец нашли монеты, вновь была сдвинута с места, оказалось, что земля легко поддается лопате.

— Это рытая земля, — сказал Эди. — Ее легко копать. Я знаю, потому как потрудился здесь

однажды летом со старым Уилом Уиннетом, церковным сторожем; немало могил довелось мне вырыть на своем веку. Зимой я ушел от него — слишком холодно было работать, а потом пришли Святки, и люди мерли как мухи. Вы же знаете, на Святках могильщикам много дела. Но я никогда в жизни не мог делать тяжелую работу. Так я ушел и оставил Уила, чтоб он вырыл последние жилища для себя и для Эди.

Тем временем работа землекопов значительно продвинулась, и стало видно, что могила, которую они расчищали, первоначально была укреплена со

всех четырех сторон стенками из плитняка, образовавшими прямоугольник — вероятно, место для гроба.

— Наши работы стоит продолжить хотя бы из любопытства, — сказал антикварий сэру Артуру. — Интересно, чью это усыпальницу устраивали с такой необычайной тщательностью.

— Герб на щите, — промолвил сэр Артур, вздыхая, — тот же, что и на башне Мистикота, возведенной якобы узурпатором Малколмом. Никто не знает, где он погребен, и в нашей семье существует старинное пророчество, не сулящее нам добра, если могила его будет найдена.

— Я знаю, — сказал нищий. —
Еще ребенком я часто слышал:

Если найдется могила, где
дремлет Малколм
Мистикот,
Земли тогда Нокуиннока
кто-то отдаст и возьмет.

Олдбок с очками на носу уже
опустился на колени перед
надгробной плитой и водил пальцем
по замшелым эмблемам на
изображении покойного воина.

— Это, безусловно, герб
Нокуиннока! — воскликнул он. — И
крест-накрест с ним — герб

Уордоров.

— Ричард, по прозванию Уордор Красная Рука, — пояснил сэр Артур, — в тысяча сто пятидесятом году от рождества Христова женился на Сибилле Нокуиннок, наследнице саксонской фамилии, после чего замку и поместью было присвоено имя Уордор.

— Совершенно верно, сэр Артур, а вот и перекладина, идущая по диагонали через оба герба на щите, как знак незаконного рождения. Где были наши глаза, не заметившие этого любопытного памятника раньше?

— Нет, где был этот надгробный камень, если он до сих пор не

попадался нам на глаза? — заметил Охилтри. — Я знаю эту старую церковь ни много, ни мало шестьдесят лет, и я никогда не видел его раньше, а ведь это не соринка, которой не разглядишь в каше.

Теперь все, напрягая память, силились восстановить прежний вид развалин в этом углу алтаря и сошлись на том, что тут находилась порядочная груда мусора, который нужно было убрать в другое место, чтобы увидеть могилу. Сэр Артур, конечно, мог бы вспомнить, что прошлый раз уже видел памятник, но он был слишком взволнован, чтобы усмотреть в этом обстоятельстве нечто важное.

Пока заинтересованные лица были заняты этими воспоминаниями и их обсуждением, рабочие продолжали копать. Они уже дорылись до глубины около пяти футов. Выбрасывать землю становилось все труднее и труднее, и они понемногу начали уставать.

— Мы уже дошли до глины, — сказал один из них, — и нет ни гроба, ни чего другого. Верно, тут уже побывал кто-то похитрее нас.

С этими словами работник выбрался из ямы.

— Чепуха, малый! — сказал ему Эди, спускаясь на его место. — Дай-ка я попробую заменить старика церковного сторожа. Вы хорошо

ищите, да плохо находите.

Очутившись на дне могилы, он с силой ударил сверху вниз мотыгой. Она встретила сопротивление, и он крикнул, как шотландский школьник, когда он что-нибудь находит:

— Ничего я не стану делить пополам: заберу все себе, а соседу не дам!

Всех — от удрученного баронета и до угрюмого заклинателя — обуял дух любопытства. Все столпились вокруг могилы и готовы были соскочить в нее, если бы для них хватило места. Рабочие, которым уже прискучило однообразное и, казалось, безнадежное рытье, теперь снова взяли за свои инструменты и

орудовали ими со всем пылом ожидания. Вскоре лопаты со скрипом ударились о твердую деревянную поверхность, которая, после того как с нее была счищена земля, явственно приняла форму ящика, но значительно меньших размеров, чем гроб. Теперь все принялись вытаскивать его из ямы; то и дело раздавались восклицания, подтверждавшие его большой вес и предрекавшие его высокую стоимость. Так оно и оказалось.

Когда ящик был окончательно поднят и с него мотыгой сорвали крышку, сначала показался грубый холщовый покров; под ним была пакля, а под нею — слитки серебра.

Дружные возгласы отметили столь удивительное и неожиданное открытие. Баронет возвел глаза к небу и поднял руки, как человек, избавившийся от невыразимого душевного смятения. Антикварий, почти не веривший своим глазам, поднимал один за другим куски серебра. На них не было ни надписи, ни клейма, за исключением одного слитка, по-видимому, испанского происхождения. У Олдбока не возникало сомнений относительно ценности лежавшего перед ним клада. Все же, извлекая по порядку слитки, он осматривал каждый ряд, предполагая, что в нижних слоях металл окажется более низкого

качества. Но он не мог заметить никакой разницы и должен был признать, что баронет оказался обладателем серебра на сумму, быть может, около тысячи фунтов стерлингов. Сэр Артур немедленно обещал рабочим хорошее вознаграждение за их труды и начал обдумывать, как доставить нежданное богатство в Нокуиннокский замок. В это время немец, оправившийся от изумления, не меньшего, чем у других присутствующих, подергав баронета за рукав и принеся ему свои скромные поздравления, вдруг обратился к Олдбоку с торжествующим видом:

— Я сказал вам, мой допрый друг, мистер Олденбок, что я искал случая отблагодарить вас за вашу любезность. Не считаете ли ви, что я нашел очень хороший способ выказать свою благодарность?

— Как, мистер Дюстерзивель, вы утверждаете, что тоже приложили руку к нашим успешным поискам? Вы забыли, что наотрез отказались помочь нам своим искусством. Ведь при вас здесь нет вашего оружия, чтобы вести бой, который, по вашим словам, вы выиграли для нас. Вы не воспользовались ни колдовскими чарами, ни магическими знаками, ни талисманами, ни ворожбой, ни кристаллом, ни пентаграммой, ни

волшебным зеркалом, ни
геометрическими фигурами. Где,
почтеннейший, ваши амулеты и
абракадабра? Ваш майский
папоротник, ваша вербена?

Все ваши жабы, вороны,
драконы,
Луна и солнце,
философский камень,
Ваш Лато, Азох, Зерних,
Гевтарит,
Все ваши зелья, порошки и
мази -
Ведь лопнуть можно, их
перечисляя!

Ах, драгоценный Бен Джонсон, мир праху твоему! Как ты бичевал шарлатанов твоих дней! И кто мог предвидеть, что они оживут в наши дни!

Ответ заклинателя на эту тираду антиквария мы должны отложить до следующей главы.

ГЛАВА XXIV

*Вы здесь приют
найдете, и покажут*

*Вам все богатства
властелина нищих.*

*Но кто изменит, пусть
не ждет пощады.*

*Клоз «Куст
нищего»*

Немец, решив, по-видимому, утвердиться на выгодных позициях, занятых им благодаря находке, ответил на выпад антиквария с большим апломбом и достоинством:

— Мистер Олденбок, все это,

мошет быть, очень остроумно для хорошей комедии, но мне нечего — решительно нечего — сказать людям, которые не ферят своим глазам. Очень верно, что при мне нет никаких принадлежностей моего искусства, и то, что я сегодня сделал, тем более удифительно. Но я попрошу вас, мой уважаемый, допрый и щедрый покровитель, опустить руку в ваш правый шилетный карман и показать мне то, что ви там найдете.

Сэр Артур последовал этому указанию и вынул небольшую серебряную пластинку, которой он под руководством заклинателя пользовался в прошлый раз.

— Совершенно верно, — произнес сэр Артур, уныло глядя на антиквария. — Это расчерченная и расчисленная астрологическая печать, при помощи которой мы с мистером Дюстерзивелем направляли наши предыдущие поиски.

— Чушь! Чушь, мой дорогой друг! — сказал Олдбок. — Вы слишком умны, чтобы верить во влияние расплющенной полукроны, на которой что-то нацарапано. Поймите, сэр Артур, что, если бы Дюстерзивель сам знал, где находится этот клад, вам не досталось бы в нем ни малейшей доли.

— Сущая правда, ваша милость, — промолвил Эди, не упуская случая вставить свое слово. — Я думаю, раз мистер Дункерзивель так много сделал, чтобы найти это серебро, следовало бы, уж во всяком случае, пожаловать ему за труды все, что осталось. Ясно, что кто нашел так много, легко разыщет и остальное.

При этом предложении Дюстерзивель стал мрачен, как туча. Ему не улыбалось работать, как выразился Эди, на «свой карман». Но тут нищий отвел его в сторону и шепнул ему несколько слов, которые заклинатель выслушал с большим вниманием.

Тем временем сэр Артур, сердце которого оттаяло от большой удачи, громко сказал:

— Не сердитесь на нашего друга Монкбарнса, мистер Дюстерзивель, а приходите завтра в замок, и я докажу, что благодарен вам за указания, которые вы мне дали. Что же касается пятидесяти «жалких фейрпортских банкнот», как вы их называете, я от души рад предоставить их вам. А ну, друзья, прибейте-ка снова крышку к этому драгоценному ящику!

Однако среди суматохи крышка свалилась в сторону, в кучу хлама или рыхлой земли, которую пришлось удалить из могилы; короче

говоря, ее нигде не было видно.

— Ничего, ребята! Закройте ящик брезентом и отнесите в экипаж. Пойдемте, Монкбарнс? Я должен вернуться за мисс Уордор.

— А я надеюсь пообедать в вашем обществе, сэр Артур, и выпить на радостях стакан вина в честь счастливого исхода нашего приключения. Кстати, вам надо написать по поводу этого дела в казначейство, на случай вмешательства высших властей. Раз вы хозяин поместья, легко будет при каких-либо притязаниях с их стороны получить акт на право владения. Надо нам будет подробно об этом поговорить.

— А я особо прошу всех присутствующих о молчании, — объявил, обводя всех взглядом, сэр Артур. Все наклонили головы и обещали, что будут немые.

— Ну, что касается тайны, — сказал Монкбарнс, — то рекомендовать молчание, когда человек десять знакомы с теми обстоятельствами, которые хотят скрыть, это значит лишь надеть на истину маску, так как эта история разлетится по свету в двадцати разных версиях. Но мы-то расскажем казначейскому суду подлинную историю, а это все, что требуется.

— Я, пожалуй, сегодня же дам туда знать, — заметил баронет.

— Могу предложить вашей милости надежного посланца, — сказал Охилтри, — маленького Дэви Мейлсеттера на строптивном пони мясника.

— Мы обсудим этот вопрос по дороге в Монкбарнс, — сказал сэр Артур. — Ребята, — вновь обратился он к рабочим, — ступайте за мной в «Четыре подковы», чтобы я мог записать, как вас зовут. Дюстерзивель, я не приглашаю вас с нами в Монкбарнс, раз вы так расходитесь во взглядах с его хозяином, но не забудьте завтра меня повидать.

Дюстерзивель проворчал что-то в ответ, но можно было разобрать

только слова «долг», «мой уважаемый покровитель» и «явиться к сэру Артуру». После этого баронет и его друг покинули руины в сопровождении слуг и рабочих, которые весело шли за своим нанимателем, предвкушая обещанную награду и виски; заклинатель же в самом мрачном настроении остался у края разверстой могилы.

— Кто мог все это предвидеть? — невольно воскликнул он. — Meine Heiligkeit! [note 129](#) Я слышал о таких вещах и часто говорил о таких вещах, но, черт возьми, никогда не рассчитывал их увидеть! А ведь стоило мне копнуть землю на

два-три фута глупше... Mein Himmel!
[note 130](#) Тогда все было бы моим. И
насколько больше, чем я мог бы
вишать из моего дурака!

Тут немец прекратил свой
монолог, ибо, подняв глаза, он
встретился взглядом с Эди Охилтри,
который не последовал за остальной
компанией и стоял по другую
сторону могилы, опершись, по
обыкновению, на посох. Лицо
старика, от природы умное,
проницательное и слегка плутоватое,
выражало сейчас такое глубокое
понимание всего происходящего, что
даже прожженный авантюрист
Дюстерзивель невольно потупил
взор. Но он видел неизбежность

объяснения и, собравшись с духом, сразу же принялся нащупывать, что думает нищий о событиях дня.

— Допрый мейстер Эдис Охилтрис...

— Эди Охилтри, и не мейстер, а ваш и короля бедный молельщик, — поправил его Голубой Плащ.

— Ну хорошо, мой допрый Эди, что ш ви думаете обо всем этом?

— А я вот как раз думал, как добры (чтоб не сказать — просты) были вы, отдав двум богатым джентльменам, у которых и земли, и усадьбы, и денег без счету, такой огромный клад серебра (трижды испытанного огнем, как говорится в Писании). Ведь на него вы сами и

еще два-три честных человека могли бы жить в довольстве до скончания дней своих.

— Право, Эди, мой честный друг, это очень ферно. Только я не знал, то есть я не был уверен, где мне найти деньги.

— Как? Разве не по вашим советам и указаниям Монкбарнс и нокуиннокский баронет пришли сюда?

— Гм... да, но тут были другие обстоятельства... И я ведь не знал, мой друг, что они найдут клад, хоть и подумал в ту ночь, когда слышал тут такой грохот, и кашель, и чиханье, и вздохи здешних духов, что здесь где-нибудь должен быть клад, должен

быть металл. Ach, mein Himmel! Этот дух охал и ахал над своими деньгами, как немецкий бургомистр, считая талеры после парадного обеда в Stadthaus [note 131](#).

— Неужели вы, такой знающий человек, верите в подобные вещи? Вот стыд-то.

— Мой друг, — ответил заклинатель, вынужденный обстоятельствами держаться ближе к истине, чем обычно, — я верил в колдовство не больше, чем вы или кто иной, пока сам не услышал в ту ночь все эти вздохи и стоны и не увидел сегодня их причину — большой сундук, полный мексиканского серебра. Что же вы

прикажете мне думать?

— А что вы дали бы тому, кто помог бы вам найти другой ящик серебра? — спросил Эдн.

— Что бы я дал? .. Mein Himmel! Дал бы целую четверть.

— Видите ли, если бы тайна была в моих руках, — сказал нищий, — я настаивал бы на половине. Правда, я всего лишь нищий оборванец и не мог бы носить серебро или золото на продажу, — ведь можно попасться, — но я нашел бы многих, кто помог бы мне на гораздо лучших условиях.

— Ach, Himmel! Мой допрый друг, что я такое сказал? Ведь я хотел сказать, что вы получите три

четверти на свою половину, а мне довольно одной четверти на мою половину.

— Нет, нет, мистер Дустердевил [note 132](#), мы, как братья, разделим добычу поровну. Теперь посмотрите на эту доску, которую я отбросил в сторону, в темный проход, пока Монкбарнс таращил глаза на серебро. Хитрец этот Монкбарнс! Я не хотел, чтобы доска попалась ему на глаза. Вы, наверно, разберете буквы лучше, моего. Я ведь не такой уж ученый, а главное — не приходилось этим заниматься.

С этим скромным признанием своего невежества Охилтри достал из-за колонны крышку от ящика, в

котором хранилось сокровище. Эту крышку, сорванную с петель, небрежно отбросили, когда все жаждали поскорее узнать, что скрыто под нею, а потом ее припрятал нищий. На крышке было написано какое-то слово и число. Поплевав на свой рваный голубой платок, Эди стер глину, чтобы надпись выступила яснее. Она была сделана обычным готическим шрифтом.

— Вы можете разобрать ее? — спросил Эди заклинателя.

— S, — прочел философ, уподобляясь ребенку, который трудится над букварем. — S, T, A, R, C, H — starch [note 133](#), это — чем

пользуются прачки, чтобы
воротнички у рубашек были тверше.

— Какое там starch? — повторил за ним Охилтри. — Нет, нет, мистер Дустердевил, вы, может, хороший заклинатель, но плохой грамотей! Тут написано search, да, search — поглядите: букву «е» совершенно ясно видно!

— Так, так! Теперь я вишу. Тут сказано «search, номер один». Mein Himmel, значит, должен быть и «номер два», мой допрый друг. Ведь «search» на вашем языке значит «искать» и «копать», а это всего лишь «номер один». Честное слово, здесь в лотерейное колесо залошен для вас хороший номер, мой допрый мейстер

Охилтрис!

— Что ж, похоже на то. Но мы сейчас не можем копать — лопат нет. Рабочие унесли их, и, может, кого-нибудь пришлют обратно засыпать яму и привести здесь все в порядок. А вы пока немного посидите со мной в лесу. Могу сказать, что ваша милость натолкнулась на единственного человека в этих краях, кто мог бы вам рассказать про Малколма Мистикота и его спрятанное сокровище. Но сперва сотрем буквы, чтобы они не проболтались.

Достав нож, нищий соскоблил буквы настолько, чтобы сделать их совершенно неразличимыми, а потом

еще заляпал доску глиной, уничтожив и следы ножа.

Дюстерзивель смотрел на него в молчании, имевшем двоякий смысл.

Разумность и проворство всех движений Эди показывали, что этого старика нелегко перехитрить, а с другой стороны (ибо даже негодяи в известной мере признают личное превосходство), наш заклинатель считал унижительным для себя играть второстепенную роль и делить барыши с таким ничтожным сообщником. Однако алчность победила оскорбленную гордость. Гораздо более мошенник, чем простофиля, он все же не был вполне свободен от тех суеверий, которыми

сам пользовался, чтобы надувать других. Однако, привыкнув в таких случаях главенствовать, он считал, что его бесчестит положение коршуна, которому указывает добычу простая ворона. «Ладно, выслушаю его историю до конца, — подумал Дюстерзивель, — а тогда, надо полагать, я сумею подвести итог лучше, чем мне предлагает мейстер Эдис Охилтрис».

Итак, заклинатель, превратившись из учителя оккультных наук в ученика, послушно побрел за Охилтри к «дубу настоятеля», который, как, вероятно, помнит читатель, находился неподалеку от развалин. Здесь немец

присел и приготовился слушать.

— Мейстер Дустандснивел [note](#)
[134](#), — начал рассказчик, — давно уже я не слыхал об этом деле, потому что хозяева Нокуиннока — и сэр Артур, и его отец, и его дед (чихать мне на всех их!) — не любили, да и теперь не любят этих толков. Но, вы знаете, в больших домах на кухне часто болтают о том, о чем в залах говорить запрещено. Так вот, и я узнал эту историю от старых слуг. А в наши дни не так-то уж часто услышишь у зимнего очага рассказы о старине, и, я думаю, во всей округе нет человека, кроме меня, да еще самого лэрда, который мог бы это рассказать. Но в Нокуиннокском

замке, в той комнате, где хранятся бумаги, есть целая книга об этом, и написана она на пергаменте.

— Так, так! Все это очень хорошо, но, пошалуиста, продолшайте вашу историю, мой допрый друг, — поторопил его Дюстерзивель.

— Ну, видите ли, — продолжал нищий, — это было время, когда землю рвали и терзали по всей стране, когда каждый стоял за себя, а бог за всех. Тогда никто не оставался без земли, если хватало сил ее отбить, и никто не мог удержать землю, если сил не было. Кто сильнее, тот и прав. И так было во всей нашей восточной стороне и,

наверно, во всей Шотландии.

В эти дни и появился в наших краях Ричард Уордор, первый, кто здесь носил это имя. С тех пор много их было. Почти все они, как и тот, кого называли Дьявол в латах, спят в руинах. Это было надменное, жестокое племя, но большие храбрецы, готовые драться за свое отечество. Да благословит их господь, — заметьте, в этом пожелании нет ничего папистского! Их называли норманскими Уордорами, потому что они пришли сюда с юга. Так вот, этот Ричард, которого прозвали Красная Рука, сговорился с тогдашним старым Нокуинноком — а Нокуинноки жили

здесь издавна — и посватался к его единственной дочке, которой должны были достаться замок и земли. Девушка очень противилась (те, кто рассказывал мне об этом, называли ее Сибиллой Нокуиннок), очень ей не хотелось выходить за него, потому что она чересчур близко сдружилась со своим двоюродным братом, которого ее отец терпеть не мог. Так и вышло, что, пробыв замужем за сэром Ричардом всего четыре месяца, — а выйти-то ей все-таки пришлось, — она, хочешь не хочешь, подарила ему отличного мальчугана. Поднялся такой шум, что небу жарко стало. «Сжечь ее! Зарезать! » — кричали все. Однако

все обошлось, и ребенка отослали на воспитание куда-то в горы, и вырос он великолепным парнем, как многие, кто является на свет без дозволения. А сэр Ричард Красная Рука потом имел своего собственного отпрыска, и все было тихо-мирно, пока он не уснул в земле. И тогда спустился с гор Малколм Мистикот (сэр Артур говорит, что его правильнее было бы называть Misbegot [note 135](#), но так уж его называли те, от кого я слышал эту стародавнюю повесть). Сошел, значит, с гор этот сын любви Мистикот, а с ним — отряд длинноногих горцев, готовых на всякое темное дело, и объявил он,

что замок и земли принадлежат ему, как старшему сыну матери, и выгнал Уордоров из насиженного гнезда. Была драка, пролилась кровь, потому что часть соседей поддержала одну сторону, а часть — другую. Но Малколм в конце концов одержал верх, и захватил замок Нокуиннок, и укрепил его, и построил ту большую башню, которую по сей день зовут башней Мисти-кота.

— Мой допрый друг, старый мейстер Эдис Охилтрис, — прервал его немец, — все это похоже на длинные истории про баронов с родословной в шестнадцать колен, которые рассказывают у меня на родине. Но я предпочел бы услышать

про золото и серебро!

— А вот, видите ли, — продолжал нищий, — этому Малколму сильно помогал его дядя, брат отца, который был настоятелем монастыря святой Руфи. И они вдвоем собрали большое богатство, чтобы обеспечить дальнейших наследников нокуиннокских земель. Говорят, что монахи в те дни знали способ множить металлы. Правда это или нет, но они были очень богаты. Наконец дошло до того, что молодой Уордор, сын Красной Руки, вызвал Мистикота биться с ним на арене. Только это была не арена, а просто огороженное место, где они должны были сражаться, как боевые петухи.

Мистикот был побежден, и жизнь его была в руках брата, но тот не захотел предать его смерти, потому что кровь Нокуиннока текла в жилах обоих. После этого Малколма заставили постричься в монахи, и он скоро умер в здешнем монастыре — от досады и злобы. Никто так и не узнал, где его дядя-настоятель схоронил его и что сделал с его золотом и серебром, потому что он опирался на права святой церкви и никому не давал отчета. Но по нашей округе ходит пророчество, что, когда найдут могилу Мистикота, поместье Нокуиннока будет «отдано и взято».

— Ах, мой допрый старый друг мастер Эдис, это легко мошет

случиться, если сэр Артур станет ссориться со своими допрыми друзьями в угоду мистеру Олденбоку. Так вы думаете, что это серебро принадлежало допрому мистеру Малколму Мистикоту?

— Не сомневаюсь в этом, мистер Дустердевил.

— И вы верите, что здесь есть еще?

— Ну конечно! Как же иначе? «Search, номер один». Это значит: ищите и найдете номер два. Кроме того, в этом ящике было только серебро, а я слышал, что часть клада состояла из червонного золота.

— Тогда, мой допрый друг, — воскликнул немец, поспешно

вскакивая на ноги, — почему би нам не приступить сейчас же к этому маленькому делу?

— По двум веским причинам, — по-прежнему спокойно сидя, ответил нищий. — Во-первых, как я уже сказал, нам нечем копать: мотыги-то и лопаты унесли. А во-вторых, пока светло, сюда будут приходить зеваки, глазеть на яму. Потом и лэрд может прислать кого-нибудь ее засыпать, так что, как ни вертись, нас сцапают. А вот, если вы хотите встретиться со мной в полночь и захватите с собой потайной фонарь, я приготовлю лопаты, и мы вдвоем спокойно поработаем, так что никто и знать не будет.

— Но... но... мой допрый друг, — возразил Дюстерзивель, у которого даже блестящие надежды, вызванные рассказом Эди, не могли полностью стереть воспоминаний о прежнем ночном приключении, — не так хорошо и не так безопасно приходить среди ночи к могиле допрого мастера Мистикота. Ви забыли, что я слышал здесь вздохи и стоны духов. Уферяю вас, они нам помешают.

— Если вы боитесь духов, — холодно ответил нищий, — я проделаю работу один и принесу вашу долю, куда укажете.

— Нет... нет... мой префосходный старый мастер Эдис!

Слишком много для вас хлопот. Я не согласен. Я приду сам. И это будет лучше всего. Ведь это я, Герман Дюстерзивель, открыл могилу мастера Мистикота, когда искал, куда бы сунуть шутки ради несколько шалких монет, чтобы подстроить маленький трюк моему дорогому сэру Артуру. Я затеял это, конечно, только для потехи. Да, так вот, убрав там в сторону кучу этого — как его? —хлама, я и уфидел собственный памятник мистера Мистикота. Похоже на то, что он хотел сделать меня своим наследником. Поэтому нефешливо было би мне не явиться самому за своим наследством.

— Стало быть, в двенадцать часов, — сказал нищий, — мы встретимся под этим деревом. Я сейчас посторожу немного и позабочусь, чтобы никто не трогал могилу; для этого, мне достаточно сказать, что лэрд не велел. Потом поужинаю у лесника Рингана — до него недалеко — и лягу спать у него в сарае. А ночью тихонько выйду и вовремя буду на месте.

— Так и сделаем, мой допрый мейстер Эдис, и встретимся на этом самом месте, а там пусть духи стонут и чихают, сколько им угодно!

Он пожал старику руку, и с этим обоюдным залогом верности соглашению они на время

расстались.

ГЛАВА XXV

... порастряси-ка кошельки
Аббатов-скопидомов и
свободу
Дай ангелам плененным...
Ни колокол, ни книга, ни
свеча
Мне золото добыть не
помешают.
«Король Джон»

Ночь выдалась бурная и
ветреная. То и дело начинался
проливной дождь.

— Эх, друзья мои, — сказал
старый нищий, располагаясь с

подветренной стороны огромного дуба, чтобы подождать своего компаньона. — Эх, друзья мои, как удивительно и непонятно устроен человек! Достаточно, чтобы впереди блеснуло богатство, и этот Дустердевил тащится сюда в полночь под таким ветром и дождем! А я-то разве не глупее еще во сто крат, что торчу здесь и жду его?

Высказав эти мудрые соображения, он плотнее запахнулся в плащ и устремил глаза на луну, катившуюся по небу среди бурных и мрачных туч, которыми ветер время от времени закрывал ее бледный лик. Печальные и неверные лучи, пробивавшиеся сквозь дрожащий

сумрак, освещали растрескавшиеся арки и стрельчатые окна старого здания, на миг ясно показывая все их изъяны и тотчас же снова превращая их в темную, неразличимую, расплывчатую массу. Озерцо тоже получало свою долю этих беглых белесых лучей. Его воды были покрыты рябью, они побелели и волновались под ветром. Когда тучи, скользя, скрывали луну, эти воды напоминали о себе только угрюмым бормотанием и плеском волн о берег. При каждом новом порыве бури, пронесившемся над узкой лощиной, лесная прогалина повторяла глубокие стоны, которыми деревья отвечали на свист вихря. Когда же

ветер улетал дальше, слышался слабый, замирающий шепот, подобный вздохам измученного преступника после того, как затихли первые муки его пытки. Этих звуков было достаточно, чтобы привести суеверного человека в то состояние ужаса, в котором он так часто пребывает, которого боится и которое все же любит. Однако такие чувства были чужды натуре Охилтри. Воображение перенесло его в годы молодости.

«Я, бывало, стоял на часах, — сказал он себе, — в Германии и в Америке и в худшие ночи, чем эта, да к тому же еще зная, что в чаще прячется десяток вражеских

стрелков. Но я не забывал своего долга, и никто не заставлял Эди спать».

Бормоча эти слова, он непроизвольно поднял свой верный посох к плечу, как ружье часового, и, услышав приближавшиеся к дереву шаги, крикнул тоном, больше подходившим к его воинским воспоминаниям, чем к нынешнему положению:

— Стой! Кто идет?

— Черт побери, мой допрый Эдис! — ответил Дюстерзивель. — Почему вы говорите громко, как... часовщик... я хочу сказать — часовой?

— Просто потому, что я в эту

минуту и считал себя часовым, — ответил нищий. — Кругом тьма крошечная. Вы принесли фонарь и мешок для денег?

— Ну да, ну да, мой допрый друг, — сказал немец. — Вот они — пара, как вы их называете, чересседельных мешков: одна сторона будет для вас, другая — для меня. Я сам навьючу их на лошадь, чтобы вам, старому человеку, не было хлопот.

— Значит, у вас тут и лошадь? — спросил Эди Охилтри.

— Да, да, мой друг, она привязана там у ограды, — ответил заклинатель.

— Еще слово к нашему уговору:

моей доли не будет на спине вашей лошади.

— Как? Чего же вы боитесь? — спросил немец.

— Да потерять из виду коня, седока и деньги, — ответил Эди.

— Вы знаете, что этак вы изображаете тшентльмена большим мошенником?

— Многие джентльмены, — ответил Охилтри, — сами изображают себя мошенниками. Но к чему нам ссориться? Если вы хотите приступить к делу, приступайте! А не то я пойду к Рингану Эйквуду на его теплый сеновал, с которым я расстался без всякой охоты, и положу мотыгу и лопату на место.

Дюстерзивель колебался, соображая, не отпустить ли ему Эди и не завладеть ли безраздельно всем ожидаемым богатством. Однако отсутствие инструментов, неуверенность в том, сможет ли он, даже при их наличии, расчистить могилу достаточно глубоко без чьей-либо помощи, а главное — связанный с впечатлениями той, другой ночи страх перед мрачными тайнами могилы Мистикота, — все это убедило мошенника, что подобная попытка была бы рискованной. Сгорая от злобы и нетерпения, он все же постарался принять свой обычный вкрадчивый тон, стал просить «своего допрого

друга мастера Эдиса Охилтриса» пройти вперед и заверил его в своем согласии на все, что может предложить его «такой замечательный друг».

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Эди. — Не запутайтесь ногами в высокой траве и не ступайте на разбросанные здесь камни. Прикройте-ка фонарь полкой, не то его ветром задует. К тому же иногда и месяц проглядывает.

С этими словами старый Эди, за которым по пятам следовал заклинатель, направился к развалинам, но вдруг остановился.

— Вы ученый человек, мистер Дустердевил, и знаете много чудес

природы. Так вот, скажите: верите ли вы в привидения и духов, которые ходят по земле? Верите или нет?

— Что ви, допрый мейстер Эдис, — укоризненно зашептал Дюстерзивель. — Неушли это подходящее время и место, чтобы задавать такие вопросы?

— Да, и время и место подходящие, мистер Дустандшовел [note 136](#). Прямо скажу: поговаривают, что здесь бродит старый Мистикот. А нынче ночь не слишком приятная для встречи с ним. Как знать, понравится ли ему то, зачем мы пришли на его могилу?

— Alle guten Geister... — пробормотал немец, но голос его

задрожал и он не договорил заклинания. — Я хотел би, чтобы вы так не говорили, мейстер Эдис, потому что после всего услышанного мною в ту ночь я сильно верю...

— Ну, а я, — воскликнул Охилтри, вступив в алтарь и с вызывающим видом взмахнув рукой, — я и пальцем не шевельну, чтобы помешать ему явиться хоть сию минуту. Он-то ведь только дух без плоти, а мы духи во плоти!

— Ради состателя, — простонал Дюстерзивель, — ничего не говорите ни о тех, кто существует, ни о тех, кто не существует!

— Ладно, — согласился нищий, отодвигая створку фонаря. — Вот

камень, и, дух там или не дух, а я вот хочу забраться малость поглубже в могилку.

И он спрыгнул в яму, из которой этим утром был извлечен драгоценный ящик. Сделав несколько взмахов лопатой, он устал или сделал вид, что устал, и обратился к своему компаньону:

— Я стар и не могу работать в полную силу. Но мы должны помогать друг другу, сосед. Теперь, пожалуй, и вам пора спуститься сюда да маленько поработать. Покопайте-ка немного да выбросьте наверх землю, а потом я вас сменю.

Дюстерзивель занял место, покинутое нищим, и пустился

работать со всем усердием вспыхнувшей алчности. К ней примешивалось настойчивое стремление поскорее покончить со всем этим делом и убраться подальше — стремление, естественное для натуры жадной, подозрительной и трусливой.

А Эди, со всеми удобствами расположившись у края ямы, ограничивался тем, что понуждал своего сообщника работать усерднее.

— Вот уж, в самом деле, мало кто работал за такую поденную плату! Пусть новый ящик будет хоть в одну десятую ящика номер один. Но, если там будет полно золота вместо серебра, стоит он будет вдвое

больше. Погляжу я, вы так споро работаете мотыгой и лопатой, словно родились землекопом. Этак вы можете, чего доброго, зарабатывать добрые полкроны в день. Ноги береги! — И он толкнул довольно большой камень, который заклинатель только что с трудом выбросил из ямы и который Эди теперь сбросил обратно, нанеся тем самым немалый ущерб конечностям своего сообщника.

Подгоняемый нищим, Дюстерзивель надсаживался и напрягал все силы, разбивая камни и затвердевшую глину. Он работал как лошадь и мысленно разражался немецкими проклятиями. Но как

только с его уст срывалось
непозволительное словцо, Эди
сейчас же изменял прицел:

— Эй, вы там, не ругайтесь, не
ругайтесь! Кто его знает, кто нас
слушает! Ох! Боже все милостивый,
да что это там? Фу, да это просто
ветка плюща на стене от ветра
колышется. А когда туда светила
луна, мне почудилась рука мертвеца
со свечой. Я думал, это сам
Мистикот. Но ничего! Давайте,
работайте, выбрасывайте землю
подальше. Нет, вы работничек
отменный, могильщик не хуже
самого Уила Уиннета! Чего же вы
вдруг остановились? Удача-то, поди,
совсем рядом.

— Хватит! — с досадой воскликнул разочарованный немец. — Я дошел до скалы, на которой стоят эти проклятые — прости господи! — развалины.

— Ну что вы, — сказал нищий, — похоже, что это просто большая плита, положенная, чтобы прикрыть золото. Берите-ка мотыгу да хватайте хорошенько, и, черт ее дери, наверняка расколете этот камень. Ага, вот это дело! Смотри-ка, у него сила, как у Уоллеса!

Поощряемый понуканиями Эди, заклинатель нанес по камню два или три отчаянных удара и, хоть не расколол того, по чему бил, — это оказалось, как и предполагал немец,

сплошная скала, — зато сломал инструмент, который отлетел и ушиб ему обе руки.

— Ура, ребята! Вот вам и рингановская мотыга! — завопил Эди. — Позор фейрпортцам! Продавать такие хлипкие штучки! Двиньте-ка еще разик лопатой — ну-ка, мистер Дустердевил!

Заклинатель молча выкарабкался из ямы, глубина которой достигала теперь шести футов, и голосом, дрожавшим от гнева, обратился к своему компаньону:

— Знаете ли вы, мейстер Эдис Охилтрис, с кем вы посфоляете себе все эти шуточки?

— Да, с болтуном, мистер Дустердевил! Таким я знаю вас уже не первый день. Но тут мне совсем не до шуток. Я давно хочу увидеть наше сокровище. Нам уже пора бы наполнить обе половины этого мешка. Хватит нам его, чтобы все упрятать?

— Смотри, ти, подлый старик! — выкрикнул разъяренный философ. — Если ты только попробуешь снофа истефаться надо мной, я тебе раскрою череп вот этой лопатой!

— А что в это время будут делать мои руки и посох? — самым беззаботным тоном спросил Эди. — Потише, мистер Дустердевил, не для

того я так долго прожил на белом свете, чтобы меня выкинули из него лопатой. И чего вы так наускаиваете на ваших друзей? Бьюсь об заклад, что я в одну минуту найду сокровище!

— Клянусь вам, — пригрозил заклинатель, теперь уже полный подозрений, — если вы сыграете со мной еще одну шутку, я изобью вас, мейстер Эдис!

— Нет, только послушайте его! — сказал Охилтри. — Он знает, как заставить человека искать клад! Наверно, его самого так учили!

При таком обидном предположении, содержащем явный намек на недавнюю сцену между

немцем и сэром Артуром, философ потерял последние остатки терпения и, будучи человеком бурных страстей, замахнулся рукояткой сломанной мотыги над головой старика. Удар, по всей вероятности, оказался бы смертельным, если бы тот, против кого он был направлен, не воскликнул твердым и суровым голосом:

— Какой стыд! Неужто земля и небо потерпят, чтобы вы убили старого человека? Да я вам в отцы гожусь! Оглянитесь!

Дюстерзивель инстинктивно обернулся и, к своему крайнему изумлению, увидел высокую темную фигуру, стоявшую у него за спиной.

Привидение не дало ему времени произнести заклинание или принять какие-нибудь меры, а мгновенно прибегло к *voie de fait* [note 137](#) и угостило мудреца тремя или четырьмя столь основательными подзатыльниками, что он свалился и несколько минут оставался без сознания, скованный оцепенением и страхом. Когда заклинатель пришел в себя, он уже был один в разрушенном алтаре и лежал на мягкой сырой земле, выброшенной из могилы Мистикота. Он приподнялся со смешанным чувством гнева, боли и ужаса и, лишь посидев несколько минут, мог настолько собраться с мыслями, чтобы хоть вспомнить, как

и зачем он сюда попал. Когда к нему возвратилась память, он уже почти не сомневался, что приманка, посредством которой старый Охилтри завлек его в это уединенное место, насмешки, которыми тот вызвал ссору, и мгновенная помощь, приведшая столкновение к такой развязке, — все это были части плана, задуманного для того, чтобы навлечь на него, Германа Дюстерзивеля, беду и позор. Ему трудно было предположить, что своим утомлением, тревогой и перенесенными побоями он обязан коварству одного лишь Эди Охилтри, и он пришел к выводу, что нищий просто выполнял роль,

предписанную ему каким-то более значительным лицом. Его подозрения падали то на Олдбока, а то и на сэра Артура Уордора. Первый не трудился скрывать сильную неприязнь к нему, второму же Дюстерзивель нанес серьезный ущерб. И, хотя он полагал, что сэр Артур сам не знает, насколько расстроены его дела, все же, вероятно, он постиг истину в достаточной мере, чтобы пожелать отомстить. Во всяком случае, Охилтри намекнул на одно обстоятельство, которое заклинатель имел все основания считать известным только сэру Артуру и ему самому. Откуда же, как не от сэра

Артура, узнал о нем Эди? Далее, речи Олдбока свидетельствовали о его убежденности в мошеннических намерениях Дюстерзивеля, а сэр Артур слушал все это и, если защищал немца, то очень вяло. Наконец, способ мести, избранный, по мнению Дюстерзивеля, баронетом, не расходился с практикой других стран, с которой заклинатель был лучше знаком, чем с нравами Северной Британии. Для него, как и для многих дурных людей, заподозрить обиду — значило тут же замыслить и мщение. И, еще не твердо держась на ногах, Дюстерзивель мысленно поклялся разорить своего благодетеля, а для

Этого он, к несчастью, имел достаточно возможностей.

Однако, хотя планы мести и всплывали в голове немца, сейчас не время было предаваться подобным размышлениям. Час, место, его собственное положение и вероятная близость его обидчиков заставили авантюриста прежде всего позаботиться о безопасности. Фонарь, отброшенный прочь во время стычки, уже погас. Ветер, который раньше так громко завывал в боковых приделах разрушенного храма, теперь почти стих, зато дождь лил вовсю. Луна совсем скрылась, и хотя Дюстерзивель был уже более или менее знаком с местом и знал,

что ему надо добраться до восточной двери алтаря, мысли в голове у него так путались, что прошло еще несколько минут, прежде чем он мог определить, в каком направлении искать выход из руин. Пока он находился в такой растерянности, голос суеверия, ободренный темнотой и нечистой совестью немца, вновь заговорил в его расстроенном воображении.

— А, чепуха! — храбро увещевал он себя. — Все это вздор и обман. Черт! Неужто этот твердолобый шотландский баронет, которого я пять лет водил за нос, перехитрит Германа Дюстерзивеля?

В ту минуту, когда он пришел к

этому выводу, произошло нечто, сильно потрясшее посылки, на которых этот вывод зиждился. Среди меланхолических вздохов замиравшего ветра и плеска дождевых капель, падавших на листья и камни, зазвучало — и, по-видимому, на небольшом расстоянии от слушателя — пение, такое печальное и строгое, словно отлетевшие души клириков, некогда обитавших в ныне покинутых руинах, оплакивали безлюдье и запустение, воцарившиеся в их священных приделах. Дюстерзивель уже поднялся на ноги и пробирался ощупью вдоль стены. При этих новых звуках он остановился как

вкопанный. Все его чувства в этот миг как бы сосредоточились в слухе и все единодушно докладывали ему, что глухой, заунывный и протяжный напев был церковной музыкой, сопровождавшей торжественную панихиду по обряду римской церкви. Почему пели в таком уединенном месте и кто были певчие — все эти вопросы перепуганное воображение заклинателя, населенное такими образами немецкого суеверия, как русалки, лесные цари, оборотни, домовые, духи черные и белые, синие и серые, даже не пыталось разрешить.

Вскоре в исследовании нового явления приняло участие еще одно из

пяти чувств Дюстерзивеля. В конце поперечного нефа церкви, за несколькими ведущими вниз ступенями, находилась небольшая дверь, забранная железной решеткой. Насколько помнил заклинатель, за ней был невысокий сводчатый зал — бывшая ризница. Взглянув в сторону, откуда доносились звуки, он заметил, что сквозь прутья решетки проникают, падая на ступени, яркие отблески красного света. Одно мгновение Дюстерзивель колебался, не зная, что делать. Потом, исполняясь отчаянной решимости, двинулся по проходу к месту, откуда исходил свет.

Подбадривая себя крестным

знамением и всеми заклинаниями, какие могла подсказать ему память, немец подвигался к решетке, чтобы, оставаясь невидимым, наблюдать за тем, что происходило внутри сводчатого помещения. Когда он робкими и неуверенными шагами приблизился к двери, пение после нескольких унылых и протяжных аккордов стихло и сменилось глубоким безмолвием. За решеткой открылось удивительное зрелище внутри ризницы. Посередине зияла открытая могила с четырьмя светильниками, высотой около шести футов, по углам. На досках сбоку от могилы стояли носилки, и на них лежал закутанный в саван

труп со сложенными на груди руками, по-видимому, готовый к погребению. Священник в епитрахили и ризе держал перед собой раскрытый молитвенник, другая духовная особа в церковном облачении — кропильницу со святой водой, а двое мальчиков в белых стихарях — кадила с благовониями. Отдельно от других и ближе всех к гробу стоял мужчина в глубоком трауре, фигура которого некогда была высокой и властной, а теперь согнулась под бременем лет и недугов. Таковы были главные действующие лица этой сцены. На некотором расстоянии виднелось несколько мужчин и женщин,

закутанных в длинные траурные плащи, а еще дальше от тела, у стен, неподвижно вытянулись в ряд другие фигуры, в таких же мрачных одеяниях, и у каждой была в руке огромная свеча из черного воска. Дымный свет множества свечей, мерцавший в тусклом, багровом сиянии, придавал всей этой необычайной картине смутные, колеблющиеся, призрачные очертания. Священник громким, ясным и звучным голосом стал читать из молитвенника те торжественные слова, которые обряд католической церкви посвятил возвращению праха во прах. Изумленный Дюстерзивель по-

прежнему не был уверен, действительно ли происходит все это в таком месте и в такой час, или же он видит, как сверхъестественные силы воспроизводят ритуал, обычный для этих стен в былые времена, но теперь редко выполняемый в протестантских странах и лишь в исключительных случаях — в Шотландии. Он не знал, выждать ли ему конца церемонии или же сделать попытку вернуться в алтарь, но как только он чуть-чуть шевельнулся, его заметил сквозь решетку один из пришельцев. Тот, кто первый его обнаружил, указал на него человеку, который стоял возле гроба, отдельно от других. По его

знаку от группы отделились двое, и, бесшумно скользя, словно боясь помешать богослужению, отперли и отвели в сторону решетку, отгораживавшую от них заклинателя. Они схватили его за руки с такой силой, которой он не мог бы преодолеть, даже если бы страх и позволил ему сопротивляться, усадили в алтаре на землю, а сами сели с двух сторон, как бы держа его под стражей. Убедившись, что он находится во власти таких же смертных, как и сам, заклинатель собрался было задать им ряд вопросов. Но один из пришельцев указал на ризницу, откуда явственно доносился голос священника, а

другой, требуя молчания, приложил палец к губам, и немец счел благоразумным прислушаться к этому намеку. Так они удерживали его, пока громкая аллилуйя, прогремевшая под старыми сводами святой Руфи, не закончила удивительную церемонию, при которой ему довелось присутствовать.

Когда пение стихло и все его отголоски замерли вдали, одна из черных фигур, все еще стороживших мага, обратилась к нему на местном диалекте и голосом, который он, казалось, узнал:

— Вот те на! Мистер Дюстерзивель, это вы? Разве вы не

могли дать нам знать, что хотите присутствовать на церемонии? Милорду не очень понравилось, что вы тут подслушивали да подсматривали.

— Ради всего сфятого, скажите мне, кто ви такие! — перебивая его, спросил, в свою очередь, немец.

— Кто я такой? Кто ж, как не Ринган Эйквуд, нокуиннокский лесничий. А что вы тут делаете в этот ночной час, если пришли не затем, чтобы видеть погребение старой леди?

— Заявляю вам, мой допрый лесничий Эйквуд, — произнес немец, поднимаясь на ноги, — что меня в эту самую ночь убили,

ограбили и до смерти напугали.

— Ограбили? ! Кто же натворит здесь такое? Убили? ! Странно, вы говорите что-то очень уж бойко для убитого! Напугали? ! Кто же вас напугал, мистер Дюстерзивель?

— Я скажу вам, мейстер лесничий Эйквуд Ринган: не кто иной, как этот паршивый пес, негодяй в голубом плаще, которого вы называете Эдис Охилтрис.

— Никогда этому не поверю, — ответил Ринган. — Я, а до меня мой отец, мы давно знали и знаем Эди как правдивого, честного и безобидного человека. К тому же он спит сейчас в нашем сарае с десяти вечера. Значит, кто бы ни напал на

вас, мистер Дюстерзивель, — если это вообще правда, — я уверен, что Эди перед вами чист.

— Мейстер Ринган Эйквуд, лесничий, я не знаю, как понимать тут слово «чист» и почему ваш Эдис Охилтрис «без обид», но я говорю вам, что этот ваш надешный друг обобрал меня на пятьдесят фунтов, и он сейчас так же в вашем сарае, как я — в царстве небесном.

— Хорошо, сэр! Вы пойдете со мной, и когда участники похорон разойдутся, мы устроим вас на ночлег в сторожке и проверим, в сарае Эди или нет. Когда мы несли сюда покойницу, из старой церкви шмыгнули какие-то двое молодцов

подозрительного вида, это правда. А наш священник не любит, чтобы еретики глазели на наши церковные обряды. Он послал им вдогонку двух верховых, и мы скоро все узнаем.

С этими словами любезный дух, при содействии безмолвного персонажа, оказавшегося его сыном, освободился от своего плаща и приготовился сопровождать Дюстерзивеля к месту отдохновения, в котором тот весьма нуждался.

— Я завтра же подам в суд, — объявил заклинатель. — Все ответят по закону.

Мечтая вслух о возмездии виновникам его телесных повреждений, он побрел из руин,

поддерживаемый Ринганом и его сыном. Немец был так слаб, что их помощь пришлась очень кстати.

Когда они вышли из аббатства и очутились на лугу, Дюстерзивель увидел, как свечи, возбуждившие в нем такую тревогу, неровной вереницей покидали развалины. Их свет, подобно *ignis fatuus* [note 138](#), замелькал на берегах озерца. Колеблющиеся, мерцающие огоньки очень недолго двигались по тропинке, а затем все разом погасли.

— Мы в таких случаях всегда тушим свечи у колодца Святого креста, — сообщил лесничий своему гостю.

После этого Дюстерзивель уже

не видел никаких следов шествия, и только слух его еще улавливал отдаленные и постепенно ослабевавшие отзвуки ударов конских копыт в том направлении, куда удалились участники погребальной церемонии.

ГЛАВА XXVI

*Плыви, челнок, плыви!
Далек и опасен путь.
Плыви, челнок, скорей
И детям на хлеб
добудь!*

*Счастливо, челнок,
плыви!*

*В реке вода глубока.
Да будет легкой жизнь
Охотника и рыбака.*

*Старинная
баллада*

Теперь мы должны ввести
читателя в рыбачью лачугу,

упомянутую в главе одиннадцатой
нашего назидательного
повествования. Я был бы рад, если
бы мог сказать, что это жилище
блистало порядком, что оно было
прилично обставлено и более или
менее чисто. К сожалению, должен
отметить обратное: там царил
беспорядок, мебель обветшала, сор
давно не выметался. Но, при всем
том, обитатели хижины — матушка
Маклбеккит и ее семья —
производили впечатление
благополучия, зажиточности и
довольства, в некоторой мере
оправдывая неопрятную старинную
поговорку: «Чем грязнее — тем
милее». Несмотря на летнее время, в

очаге пылал жаркий огонь, служивший одновременно для освещения, обогрева и стряпни. Улов был хороший, и семья, разгрузив лодку, с привычной расточительностью без устали варила и жарила ту часть добычи, которая была предназначена для домашнего потребления. На деревянных досках валялись кости и другие отбросы, вперемишку с раскрошенными лепешками, и стояли битые кружки с недопитым пивом. Дородная фигура самой Мегги, носившейся туда-сюда среди целого выводка девочек-подростков и малышей, которых она то и дело наделяла пинками и окриками:

«Прочь с дороги! Беда мне с вами! »
— представляла резкий контраст с
безучастным, вялым и отупелым
видом ее свекрови — женщины,
достигшей последней грани
человеческой жизни. Она сидела в
своем излюбленном кресле у огня, к
теплу которого тянулась, едва ли его
ощущая, и то бормотала про себя, то
с отсутствующим взглядом улыбалась
детям, когда они дергали ее за ленты
чепца или теребили ее синий
клетчатый передник. Держа прялку у
груди и веретено в руке, она
неторопливо и почти бессознательно
предавалась старинному занятию
шотландских женщин. Малыши,
ползая под ногами у взрослых,

сводили за движением крутящегося бабушкиного веретена и время от времени хватали его, когда оно танцевало на полу, выделявая причудливые скачки, каких не увидишь теперь при наших усовершенствованных самопрялках, так что злосчастная принцесса из сказки могла бы путешествовать по всей Шотландии, не рискуя уколоть палец о веретено и умереть. Несмотря на поздний час (было далеко за полночь), вся семья еще бодрствовала и не собиралась ложиться. Хозяйка хлопотала у очага, она пекла оладьи, а старшая дочь, уже упоминавшаяся нами полунагая наядка, чистила целую грудку мелкой

финдернской трески (ее коптят на сырых дровах), которую полагалось заедать лакомым содержимым сковороды.

В самый разгар этой домашней суетни послышался стук в дверь, и вслед за тем — вопрос: «Еще не спите?» — возвестил о том, что в дом пожаловала гостья.

— Входи, входи, милая! — раздалось в ответ, после чего поднялась щеколда, и появилась Дженни Ринтерут, служанка нашего антиквария.

— Эге! — воскликнула миссис Маклбеккит. — Вот те на! Неужто это ты, Дженни? Приятно тебя видеть, красавица!

— Ох, милая, мы так были заняты, столько ухаживали за раненым капитаном Гектором, что две недели я не могла и носа из дому высунуть. Но теперь ему лучше, и на всякий случай у него в комнате спит старый Кексон. Ну вот, я и дождалась, пока наши старики улеглись, наскоро прибрала волосы, закрыла дверь только на щеколду, на случай если кому понадобится войти или выйти, пока меня не будет, и мигом за ворота — узнать, что у вас слышно!

— Так, так! — отозвалась Мегги Маклбеккит. — Ишь как расфуфырилась! А глаза-то у тебя так и бегают, видно, ищут Стини. Но его

нет дома, да и не пара ты ему, милая! Куда такой пустельге содержать мужа!

— Это Стинн-то мне не пара? — возразила Дженни, тряхнув головой не хуже, чем какая-нибудь девица более высокого происхождения. — Мне нужен такой муж, который сам мог бы содержать жену.

— Э-э, голубушка, это у фермеров да у горожан так считают! Нет уж, у рыбачки другие понятия: она управляет мужем и управляет домом, и денежками тоже она управляет, милая!

— Вы просто жалкие рабочие клячи, — ответила сухопутная нимфа

нимфе морской. — Не успеет киль лодки коснуться песка, как лентяй рыбак бросает всю работу, и жена, подоткнув юбку, должна лезть в воду, чтобы перенести рыбу на берег. А потом муженек сбрасывает с себя все мокрое и надевает сухое и усаживается с трубкой и кружкой возле огня, словно старик, и больше пальцем не пошевелинет, пока лодка опять не будет на воде! А жена... жене приходится, вскинув корзину на спину, тащиться с рыбой в город и там спорить и торговаться со всеми бабами, которые пожелают спорить и торговаться с ней, пока она не сбудет рыбу. Вот как живут рыбачки, бедные подневольные труженицы.

— Подневольные? ! Да убирайся ты! Назвать главу дома подневольной! Мало ты знаешь нашу жизнь, милая! Разве смеет мой Сондерс рот раскрыть или до чего-нибудь дотронуться в доме? Ему только поесть, да попить, да позабавиться, как ребенку. Он не дурак и не станет болтать, что в доме все, мол, его — от конька крыши да треснувшей доски для хлеба на поставце. Он хорошо знает, кто его кормит, и одевает, и держит все в порядке, когда он, бедняга, носится в своей лодке по заливу. Нет, нет, девушка, кто продает товар, тот и кошельком распоряжается, а кто распоряжается кошельком, тот и

домом управляет. Покажи мне хоть одного из ваших фермеров, кто доверил бы жене гнать скот на рынок и получать долги? Нету таких. (В рыбачьих поселках заливов Ферт-оф-Форт и Тей, да и по всей Шотландии, власть, как описано в тексте, принадлежит женщинам. Во время минувшей войны, когда боялись неприятельского вторжения, в залив Ферт-оф-Форт вошел караван транспортных судов под эскортом нескольких военных кораблей, не отвечавших на сигналы. Поднялась общая тревога, в результате которой все рыбаки, призванные в качестве тылового ополчения, явились на борт канонерских лодок, как это было

предусмотрено на случай, если возникнет необходимость, и вышли навстречу предполагаемому врагу. Чужестранцы оказались русскими, с которыми мы тогда были в мире. Дворянство графства Мид-Лотиан, довольное усердием, выказанным в критический момент ополченцами, выхлопотало рыбацкому поселку награду — серебряную пуншевую чашу, которой надлежало пользоваться в торжественных случаях. Однако рыбачки, прослышав об этом, заявили, что они имеют свое особое право на долю в почетной награде. Отличившиеся люди, объяснили они, их мужья. И если бы мужья пали в бою, пострадавшими

были бы они, их жены. Именно с их разрешения и по их настоянию мужчины вышли в море на канонерских лодках для служения родине. Поэтому жены требуют своей доли награды, которая так или иначе отметила бы патриотизм женщин, проявленный в этом случае. Дворянство графства охотно согласилось и, не уменьшая ценности подарка, предназначенного мужчинам, преподнесло женщинам дорогую брошь, чтобы скреплять плед очередной «королевы» рыбачек.

Можно далее отметить, что эти нереиды очень щепетильно относятся к различиям в общественном положении, что

определяется теми продуктами, которыми они торгуют. Так, одна умудренная опытом особа из их числа, говоря о более молодой, назвала ее «жалкой дурехой, лишенной самолюбия», и предрекла, что она «никогда не поднимется выше торговли устрицами». (Прим. автора.))

— Ладно, ладно, Мегги! Что ни страна, то свой обычай. Но где же Стини в такой поздний час? Куда все подевались? И ваш хозяин?

— Мужа я уложила в постель — он сильно измотался, а Стини затеял что-то с этим старым нищим Эди Охилтри и ушел. Они скоро вернутся, а ты покуда посиди.

— Честное слово, хозяйка, — сказала Дженни, садясь, — не могу я долго задерживаться. Но я должна рассказать вам новости. Слыхали про большой сундук с золотом, что нашел сэр Артур в монастыре святой Руфи? Теперь баронет будет важничать пуще прежнего. Он и чихнуть не решится, чтобы не наклонить голову.

— Да, да! Об этом все знают. Но только старый Эди говорит, что на самом деле было выкопано в десять раз меньше. Он-то был при этом. Вот не найдет же такого клада бедняк, которому деньги нужны до зарезу!

— Это правда. А вы слышали, что скончалась графиня О'Гленаллен? Она уже в гробу, и

нынче ночью ее хоронят с факелами в монастыре святой Руфи. Пойдут все ее слуги-паписты, и Ринган Эйквуд придет — он ведь тоже папист. Вот будет красиво-то! Никто, верно, такого и не видывал.

— Знаешь, милочка, — ответила nereida, — в наших краях не получится пышных похорон, если они пустят туда одних папистов, потому что в нашем благословенном уголке у закоснелой блудницы, как ее называет достойный мистер Блеттергаул, мало почитателей, пьющих из ее колдовской чаши. А чего им приспичило хоронить подлую старую ведьму в ночное время? Наверно, матушка знает.

Тут она повысила голос и выкрикнула раза два или три подряд «Матушка, матушка!» — но дряхлая сивилла, отделенная от всех старческим безучастием и глухотой, продолжала вращать веретено, не понимая, что обращаются к ней.

— Поговори с бабушкой, Дженни. А мне легче окликнуть лодку за полмили от берега, когда норд-вест дует прямо в рот.

— Бабушка, — начала маленькая сирена, к голосу которой старуха больше привыкла. — Мама спрашивает, чего это Гленалленов всегда хоронят с факелами в развалинах святой Руфи?

Старуха остановила веретено;

она повернулась к другим женщинам, подняла иссохшую дрожащую, глинистого цвета руку и пепельно-серое морщинистое лицо, отличавшееся от лица трупа только парой быстро сверкающих голубых глаз, и не сразу, словно зарождение мысли постепенно приобщало ее к миру живых, ответила:

— Девочка спрашивает, что заставляет семью Гленалленов хоронить своих покойников при свете факелов? Разве сейчас умер кто-нибудь из них?

— Мы все тут можем умереть, а ты и не узнаешь, — сказала Мегги и, снова повысив голос настолько, чтобы свекровь могла ее слышать,

добавила: — Старая графиня скончалась, матушка!

— Так и ее бог призвал наконец? — произнесла старуха голосом, гораздо более проникнутым чувством, чем это было свойственно ее преклонным летам и ее всегдашнему равнодушию и апатии. — Значит, и она призвана дать ответ за все ее чванство и властность? Прости ее господи!

— Но мама спрашивала, — возобновила допрос девочка, — почему Гленаллены хоронят своих покойников при факелах?

— Они делают так, — ответила бабушка, — с тех пор, как Великий граф пал в злосчастной битве под

Харло, когда, говорят, похоронное пение звучало каждый день от устья Тея до высот Кабраха и вы не слышали бы другого звука, кроме плача по отважным людям, бившимся против Доналда Островитянина. Но в то время еще здравствовала мать Великого графа, а женщины дома Гленалленов были храброй и непреклонной породы. Она не пожелала похоронного пения для сына и велела отнести его в полуночной тиши к месту упокоения, запретила пить поминальную чару и плакать по нем. В день своей смерти, сказала она, он убил столько врагов, что вдовы и дочери умерщвленных им горцев долго будут оплакивать

своих близких; они могут оплакать и ее сына. И она опустила его в могилу, не пролив ни слезинки, без единого стоны и жалобы. И все решили, что гордые Гленаллены так и должны поступать. Они и теперь держатся того же правила, особенно в последнее время, потому что ночью они свободнее могут совершать свои папистские церемонии, под покровом мрака и тайны, чем при свете дня. Так по крайней мере было в мое время. Днем им помешали бы власти и жители Фейрпорта. Впрочем, теперь, говорят, их бы не тронули, на свете многое изменилось, и я уже не знаю, стою я или сижу, умерла я или жива.

Оглянувшись на огонь и словно находясь в том наполовину бессознательном состоянии, на которое она жаловалась, старая Элспет опять машинально занялась своим обычным делом и завертела веретено.

— Ах, боже мой! — вполголоса промолвила Дженни Ринтерут, обращаясь к своей собеседнице. — Жутко слушать, когда ваша свекровь пускается в такие речи. Будто мертвая говорит с живыми!

— Ты не так уж ошибаешься, милая! Ей все равно, что бы ни случилось сегодня. Но наведи ее на рассказы о старине, и она начнет говорить как по-писаному. Мало кто

столько знает, как она, про семью Гленалленов — отец моего мужа много лет поставлял им рыбу. Надо тебе сказать, что паписты особенно часто едят рыбу, и уж это-то в их религии не худо. Для личного стола графини — упокой, господи, ее душу! — я всегда могла продать самую лучшую рыбу по самой лучшей цене, особенно по пятницам. Но погляди, как у старухи шевелятся руки и губы! В голове у ней сейчас бродит, как в квашне. Нынче она наговорится, а то иной раз за неделю слова не вымолвит, разве что скажет что-нибудь малышам.

— Ох, это страшная женщина, миссис Маклбеккит! — ответила

Дженни.

— Не водится ли за ней чего? Люди говорят, что она не ходит в церковь, не беседует со священником и когда-то была паписткой. Но с тех пор, как умер ее муж, никто не знает, что и думать о ней. Вы-то сами не считаете ее колдуньей?

— Колдуньей? Глупая ты! Так можно любую старуху объявить колдуньей. Вот за Эйлисон Брек я и вправду не поручусь. Я видела у нее целые корзины крабов, когда...

— Тсс, тсс, Мегги, — прошептала Дженни, — ваша свекровь опять хочет что-то сказать.

— Не говорил ли кто-то из вас, — спросила старая сивилла, —

или мне приснилось, или это было наитие, что Джоселинд, леди Гленаллен, умерла и ее хоронят нынче ночью?

— Да, матушка, — прокричала ее невестка. — Совершенно верно.

— Что ж, так и надо, — продолжала старая Элспет. — В свое время многим пришлось из-за нее худо, даже родному сыну. Он еще жив?

— Да, еще жив, но едва ли долго протянет. А ты не помнишь, как он заходил весной, и спрашивал про тебя, и денег оставил?

— Может быть, Мегги. Не помню. А какой он был красавец, да и отец его тоже! Эх, если б отец был

жив, счастливые это были б люди! Но он умер, а леди начала вертеть сыном и так и сяк и уверила его в том, чему он не должен был верить, и заставила его сделать то, в чем он раскаивается до сих пор и будет раскаиваться еще, если жизнь его будет такая же долгая и скучная, как моя.

— А что это такое было, бабушка? — А что это такое, матушка? — А что же это такое, а, бабушка Элспет? — в один голос спросили дети, их мать и гостья.

— Об этом и не спрашивайте, — ответила старая сивилла, — да молитесь бога, чтобы он не оставил вас во власти гордыни и вашего

своевольного сердца. Эти пороки приносят беду и в хижину и во дворец, я сама тому горестная свидетельница. Вот была мучительная и страшная ночь! Неужто это время никогда не уйдет из моей старой головы? Ох, вот вижу, лежит она на полу, а с волос, таких длинных, течет соленая вода! .. Небо покарает всех, кто был к этому причастен... Бог мой, неужели мой сын в море при таком ветре?

— Нет, нет, матушка, ни одна лодка не выдержит такого ветра. Он спит в своей постели за перегородкой.

— Так это Стини в море?

— Нет, бабушка, Стини ушел со

старым Эди Охилтри. Верно, они хотели посмотреть похороны.

— Не может быть, — заметила мать семейства. — Мы и не знали ничего, пока не пришел Джок Ренд да не сказал, что Эйквудам велено явиться. Эти господа всегда держат похороны в тайне. Тело пронесут всю дорогу от замка, все десять миль, под покровом ночи. Старуха десять дней пролежала в гробу в Гленаллен-хаузе, в большом зале. Его завесили черным и всюду зажгли восковые свечи.

— Да упокоит ее господь! — воскликнула старая Элспет, чьи мысли, очевидно, все еще были заняты столь значительным событием, как смерть леди

Гленаллен. — Сердце у графини было жестокое, и за свои дела она ответит, но милосердие всевышнего безгранично. Дай бог, чтобы она в этом убедилась!

И Элспет снова погрузилась в молчание, которого больше не прерывала.

— Хотела бы я знать, что делают в такую ночь мой Стини и этот старый краснобай и попрошайка! — сказала Мегги Маклбеккит, недоумение которой разделяла и ее гостья. — Эй, детки, сбегайте-ка кто-нибудь на скалу да покричите! Может, они близко! Не то от оладий одна зола останется!

Маленькая посланница ушла, но

через несколько минут примчалась назад с громким криком:

— Мама, бабушка! Там белое привидение гонится за двумя черными, и все они бегут со скалы.

Вслед за этим странным сообщением послышался шум торопливых шагов, и в хижину ворвался молодой Стини Маклбеккит, а сразу вслед за ним и Эди Охилтри. Оба так запыхались, что еле переводили дух. Первым делом Стини стал искать брус, служивший дверным засовом, но мать напомнила, что этот брус распилили на дрова в суровую зиму три года назад. «Зачем нам, беднякам, засовы?» — говорила она

тогда.

— Никто за нами не гонится, — сказал нищий, отдышавшись. — Мы совсем как злодеи: бежим, когда нас вовсе не преследуют.

— Право же, кто-то за нами гнался, — сказал Стини, — либо дух, либо кто-то похожий на духа.

— Это был человек в белом, верхом на лошади, — возразил Эди. — Он не мог скакать шибче, оттого что конь его увязал в топких местах и он еле держался в седле. Это я хорошо видел. Не думал я, что мои старые ноги могут так быстро нести меня. Я бежал словно из-под Престонпенса.

— Тьфу, дурни какие! —

возмутилась Мегги Маклбеккит. — Верно, это был кто-нибудь из верховых с похорон графини.

— Как? — воскликнул Эди. — Старую графиню нынче ночью хоронили в монастыре святой Руфи? Так вот откуда огни и шум, что нас спугнули! Жаль, что я не знал, а то я бы не ушел и не оставил там того мошенника. Впрочем, они позаботятся о нем. Ты слишком сильно отлупил его, Стини; может, и совсем угробил.

— Ничего подобного, — рассмеялся Стини. — Этаким широкоплечий детина! Вот я и примерил палку к его плечам. И ведь не опереди я его, он бы вышиб из

тебя твои старые мозги, приятель!

— Ладно, если выпутаюсь из этой передраги, не стану больше искушать провидение, — сказал Эди. — Но неужто так незаконно сыграть шутку с таким проходимцем, который тем и живет, что обманывает честных людей.

— А что нам делать вот с этим? — спросил Стини и показал бумажник.

— Вот тебе на! — воскликнул Эди в большой тревоге. — Чего ради ты его взял? Одной бумажки отсюда довольно, чтобы повесить нас обоих!

— Я и сам не знаю, — ответил Стини. — Этот бумажник, верно, выпал у него из кармана; он оказался

у меня под ногами, когда я возился с этим прохвостом, стараясь поднять его с земли. Ну, я просто сунул его в карман, чтобы не потерялся. Тут послышался конский топот, и ты закричал: «Бежим! » А потом я думать о нем забыл.

— Так или иначе негодяю надо вернуть бумажник. Снеси-ка его на рассвете Рингану Эйквуду. Я и за тысячу фунтов не согласился бы, чтобы его нашли у нас!

Стини обещал сделать, как ему было сказано.

— Хорошо вы провели ночь, мистер Стини! — воскликнула тут Дженни Ринтерут, которая, досадуя, что ее так долго не замечают, теперь

вышла вперед и стала против молодого рыбака. — Хорошо вы провели ночь, шатаясь с бродягами и удирая от привидений, вместо того чтобы спать в постели, как все честные люди, и ваш отец в том числе!

Это нападение встретило достойный отпор, в духе деревенского остроумия, со стороны молодого человека.

Теперь все перешли в наступление на оладьи и копченую рыбу, продолжая его с большой стойкостью и подкрепляя силы при помощи кружек дешевого эля и бутылки джина. После этого нищий растянулся на соломе в

примыкавшем к дому сарае, дети один за другим прикорнули в своих гнездышках, старую бабуку уложили на ее перину, а Стини, несмотря на недавнюю усталость, любезно проводил мисс Ринтерут до ее жилья. В котором часу он возвратился, история умалчивает. Мать семейства, положив в печь большой кусок угля, чтобы сохранить жар, и более или менее приведя все в порядок, последней удалилась на покой.

ГЛАВА XXVII

*... многие вельможи
Большие деньги дали б
за умение
Просить на хлеб в
высоком стиле...*

«Куст нищего»

Старый Эди проснулся с жаворонками и первым делом спросил о Стини и бумажнике. Молодому рыбаку надо было еще до рассвета выйти с отцом в море, чтобы не упустить прилива, но он обещал, что немедленно по его

возвращении бумажник со всем содержимым, тщательно завернутый в кусок парусины, будет доставлен им Рингану Эйквуду для передачи Дюстерзивелю.

Мегги Маклбеккит приготовила для семьи утреннюю трапезу и, взвалив на плечи корзину с рыбой, твердым шагом отправилась в Фейрпорт. Дети играли около дома, так как погода была тихая и солнечная. Древняя бабушка, которую снова усадили в плетеное кресло у огня, принялась за свое неизменное веретено. Ей нисколько не докучали крики и плач ребятишек и воркотня матери, оглашавшие хижину, пока все не разошлись в

разные стороны. Эди повозился со своими мешками и уже готов был пуститься в новые скитания, но сначала подошел к старухе, чтобы с должной вежливостью проститься с ней.

— Добрый день тебе, тетушка, и много добрых дней! Я вернусь к началу жатвы и надеюсь застать тебя бодрой и здоровой.

— Надеюсь, ты застанешь меня спокойно спящей в земле, — глухим, замогильным голосом ответила старуха, и ни одна черта на ее лице не дрогнула.

— Ты стара, тетушка, стар и я. Но мы должны быть послушны воле господа. Придет срок, и он вспомнит

о нас.

— И о делах наших тоже, — сказала старуха. — Ибо за то, что содеяло тело, ответит дух.

— Знаю, знаю, это можно сказать и про меня, потому что я вел непутевую, бродячую жизнь. Но ты всегда была женщина порядочная. Все мы грешны, но твоя нота едва ли так тяжела, чтобы пригнуть тебя к земле.

— Она легче, чем могла бы быть, но и так она тяжела, ох, намного тяжелее груза, который потопил бы самый, большой бриг, что когда-либо выходил из фейрпортской гавани... Не говорил ли кто вчера, а может, мне так

мерещится, — слаба память у стариков, — не говорил ли кто, что Джоселинд, графиня Гленаллен, окончила свою земную жизнь?

— Говорили. И сказали правду, — ответил старый Эди. — Графиню схоронили вчера при факелах в монастыре святой Руфи, а я, дурак, испугался, увидев огни и верховых.

— Так у них повелось с Великого графа, которого убили под Харло. Они делали это из гордости, чтоб никто не думал, что они умирают, как все смертные, и что их хоронят, как всех других людей. Женщины из дома Гленалленов не плачут по мужьям или сестрам и

братьям. Значит, и она призвана к ответу?

— Это так же верно, — ответил Эди, — как то, что и мы должны этого ждать.

— Ну так будь что будет, а я облегчу свою совесть.

Она произнесла это с необычайной для нее живостью, сопровождая слова взмахом руки, словно отбрасывала что-то от себя. Потом старуха, когда-то высокая и все еще казавшаяся высокой, хотя и согбенная годами и ревматизмом, поднялась и стала перед нищим, подобно мумии, на время воскрешенной каким-то блуждающим духом. Она переводила

светлые голубые глаза с предмета на предмет, словно то забывала, то вновь вспоминала, зачем ее длинная высохшая рука рылась в большом старомодном кармане. Наконец она вытащила оттуда маленький лубяной коробок и извлекла из него красивый перстень с дорогими бриллиантами. В него были продеты две перевитые между собой пряди волос, черная и светло-каштановая.

— Добрый человек, — обратилась она к Охилтри, — если хочешь заслужить благословение божье, сходи за меня в Гленалленский замок и повидайся там с графом.

— С графом, голубушка? Да он

сейчас не желает видеть даже окрестных джентльменов. Где уж тут надеяться, что он примет старика нищего!

— Ступай туда и попытайся! Скажи ему, что Элспет из Крейгбернфута

— он скорее вспомнит меня под этим именем — кончает свой долгий земной путь и хочет повидаться с ним, а чтобы он знал, о каком деле ей надо говорить с ним, посылает ему это кольцо.

Эди полюбовался драгоценной вещицей, потом бережно уложил ее назад в коробок и, завернув его в старый, рваный платок, спрятал у себя на груди.

— Хорошо, милая! Я уж постараюсь выполнить твое поручение. Да, навряд ли когда еще бывало, чтоб старая торговка рыбой посылала такой подарок графу, да еще через нищего.

Высказав эти соображения, Эди взял посох, надел широкополую шляпу и отправился в путь. А старуха еще некоторое время стояла, устремив взор на дверь, за которой исчез ее посланец. Возбуждение, вызванное разговором, постепенно улеглось, она опустилась на привычное сиденье и со своим всегдашним безучастным видом снова механически взялась за прялку и веретено.

Между тем Эди Охилтри шел и шел вперед. До Гленаллена было десять миль, и старый солдат проделал этот переход часа за четыре. С любопытством, естественным при его праздной жизни и живом нраве, он на протяжении всего пути мучил себя загадками, что могло бы означать доверенное ему таинственное поручение и какая связь могла существовать между гордым, богатым и могущественным графом и преступлениями или раскаянием слабоумной старухи, занимавшей положение не многим выше, чем ее гонец. Он попытался восстановить в памяти все, что когда-либо знал или

слышал о семье Гленалленов, но и тогда не мог прийти ни к какому выводу. Он знал, что все обширное поместье этого древнего и могущественного рода перешло в свое время к ныне покойной графине, которая в большей мере, чем другие, унаследовала также мрачный, суровый и непреклонный характер, отличавший весь дом Гленалленов с тех пор, как о них упоминают шотландские анналы. Как и все ее предки, она ревностно придерживалась римско-католической веры и сочеталась браком с весьма состоятельным английским джентльменом того же вероисповедания, который прожил

лишь два года после их свадьбы. Таким образом, графиня рано осталась вдовой и полновластно управляла большими земельными владениями своих двух сыновей. Старший из них, лорд Джералдин, которому предстояло наследовать титул и состояние Гленалленов, находился, пока мать была жива, в полной зависимости от нее. Второй, достигнув совершеннолетия, принял имя и герб отца и вступил во владение его землями, как это было предусмотрено брачным контрактом графини. С этого времени он жил преимущественно в Англии и лишь изредка и ненадолго приезжал проводить мать и брата. И даже эти

посещения в конце концов прекратились, когда он перешел в протестантство.

Но и до того как властительнице Гленаллена было нанесено ее младшим сыном это смертельное оскорбление, пребывание там представляло мало соблазнительного для такого веселого молодого человека, как Эдвард Джералдин Невил, хотя мрачность и уединенность замка, по-видимому, соответствовали замкнутости и меланхолическому душевному складу старшего брата. Лорд Джералдин вступил в жизнь молодым, хорошо воспитанным человеком и подавал большие надежды. Те, кому

случалось познакомиться с ним во время его путешествий, прочили ему самую блестящую карьеру. Но прекрасную утреннюю зарю часто заволакивают нежданные тучи. Молодой аристократ возвратился в Шотландию и, проведя около года в обществе матери в Гленаллен-хаузе, по-видимому, перенял ее мрачную суровость и меланхоличность. Отстраненный от политики ограничениями, налагаемыми на последователей его религии, и не склонный к более легким видам деятельности, лорд Джералдин вел крайне замкнутую жизнь. Его обычное общество составляли единоверцы-священники, время от

времени посещавшие замок. И очень редко, по случаю особых торжеств, в Гленаллен-хаузе принимали несколько семейств, все еще принадлежавших к католической церкви.

Но это и было все; еретические же соседи Гленалленов ровно ничего не знали о матери и сыне. И даже католики мало что видели, кроме пышного приема и торжественного этикета, соблюдаемого при этих традиционных празднествах, с которых все возвращались, не зная, чему больше дивиться, — суровым и чопорным манерам графини или выражению глубокого и мрачного уныния, ни на миг не покидавшему

чела ее сына. Смерть графини сделала его обладателем родового состояния и титула, и соседи уже начали обсуждать, не приведет ли обретенная им независимость к возрождению более веселой жизни в его доме, как вдруг от лиц, иногда общавшихся с семьей, начали поступать сообщения, что здоровье графа подорвано слишком ревностным соблюдением предписаний религии и что, по всей вероятности, он скоро последует за матерью в могилу. Такая возможность была тем более вероятна, что и брат его умер от какой-то затяжной болезни, которая в последние годы одновременно

ослабляла его тело и дух. И вот знатоки геральдики и специалисты по родословным уже начали рыться в записях, чтобы обнаружить наследника злосчастного рода, а юристы с алчным ожиданием толковали о вероятности «большого гленалленского процесса».

Увидев перед собой фасад Гленаллен-хауза, длинного старинного здания, наиболее современная часть которого была спроектирована знаменитым Иниго Джонсом, Эди Охилтри начал соображать, как ему легче всего проникнуть внутрь для выполнения своей миссии. После продолжительного раздумья он

решил отослать перстень Элспет графу через кого-либо из слуг. С этой целью он зашел в один из близлежащих домиков, где ему дали все необходимое, чтобы вложить перстень, наподобие прошения, в конверт, запечатать его и написать адрес: «Его светлости графу Гленаллену». Однако, зная, что послания, сдаваемые у дверей знатных домов такими людьми, как он, не всегда доходят по адресу, Эди, старый солдат, пожелал разведать местность, прежде чем перейти в решительную атаку. Приблизившись к сторожке привратника, он увидел выстроившихся перед ней бедняков. Тут были и местные жители, и

представители нищенской профессии вроде него, и он заключил, что предстоит большая раздача милостыни.

«Доброе дело, — сказал себе Эди, — никогда не остается без награды. Я, может быть, получу хорошую милостыню. Она не досталась бы мне, если бы я не явился сюда по поручению старухи».

Придя к такому выводу, он примкнул к этому обтрепанному полку и постарался занять место в первых рядах, считая, что право на подобное преимущество ему дают голубой плащ и бляха, не говоря уж о его летах и опыте. Но вскоре он убедился, что в этом собрании имеет

силу совсем иной порядок старшинства.

— Разве ты получаешь тройной паек, приятель, что так дерзко лезешь вперед? Едва ли это так, потому что католики не носят таких блях.

— Нет, нет, я не папист, — признался Эди.

— Тогда убирайся к тем, кому дают два пайка или один. Вон они стоят — англиканцы и пресвитериане. Тошно смотреть на еретика с такой белой бородищей, которая отшельнику под стать!

Изгнанный из среды нищих-католиков или тех, кто причислял себя к ним, Охилтри подошел к

беднякам, принадлежавшим к англиканской церкви; им знатный благодетель назначил двойную порцию своих даров. Но никогда еще случайно забредший конформист не изгонялся так грубо молитвенным собранием англиканской церкви, даже во времена доброй королевы Анны, когда о религии спорили с особым ожесточением.

— Погляди-ка вон на того, с бляхой! — кричали они. — Каждый год слушает в день рождения короля пресвитерианского проповедника, а теперь хочет выдать себя за англиканца! Ну нет! Не выйдет!

Не признанный, таким образом, ни Римом, ни епископальной

церковью, Эди был вынужден укрыться от насмешек своих собратьев среди жиденькой кучки пресвитериан, которые либо считали недостойным скрывать свои религиозные убеждения ради увеличенной подачки, либо, может быть, не могли пойти на обман ввиду неизбежного разоблачения.

Те же степени старшинства соблюдались и при самой раздаче милостыни, состоявшей из хлеба, мяса и мелких монет, представителям всех трех категорий. Раздачей подарков католикам лично руководил капеллан, человек строгого вида и манер. Каждому нищему он задавал один-два вопроса

и рекомендовал молиться за упокой души Джоселинд, усопшей графини Гленаллен, матери их благодетеля. Привратник, которого можно было отличить по длинной булаве с серебряным набалдашником и по черному плащу с позументом того же цвета, надетому им по случаю траура, наблюдал за распределением благ среди приверженцев епископальной церкви. Менее счастливые сторонники шотландской церкви были вверены попечению пожилого слуги.

Обсуждая с Эди какой-то спорный вопрос, привратник назвал старика по имени, и тогда лицо его показалось Эди знакомым и

пробудило в нем воспоминания о былых временах. Собравшиеся уже начали расходиться, и слуга, вновь подойдя к тому месту, где все еще медлил Охилтри, сказал ему с резким эбердинским акцентом:

— Видно, много жиру нагулял старик, если не можешь уйти, получив и мясо и деньги!

— Фрэнси Макро, — ответил ему Эди Охилтри, — ты забыл Фонтенуа и команду: «Сомкнуть шеренги!»

— Охо, охо! — по-северному радостно завопил Фрэнси. — Это мог сказать только мой старый полковой товарищ Эди Охилтри! Но мне грустно, приятель, видеть тебя в

таком жалком положении.

— Мне не так плохо живется, как ты думаешь, Фрэнси. Но мне не хотелось уйти, не поболтав с тобой, ведь я не знаю, когда мы снова увидимся. Ваша челядь не слишком жалует протестантов — вот почему я и не заглядывал сюда раньше.

— Тише, тише! Не надо об этом; дай грязи подсохнуть — она сама отпадет. Пойдем со мной, я угощу тебя, дружище, кое-чем получше говяжьей кости.

Тихонько перемолвившись с привратником (вероятно, для того, чтобы заручиться его молчаливым согласием) и подождав, пока капеллан медленным и

торжественным шагом возвратился в дом, Фрэнси Макро повел своего старого товарища во двор Гленалленхауза. Над мрачными воротами высился огромный гербовый щит, в котором геральдист и гербовщик, как обычно, перемешали эмблемы человеческой гордости и человеческого ничтожества. Наследственный герб графини с многочисленными полями имел форму косоугольника и был окружен отдельными щитами ее предков по отцовской и материнской линиям, все это вперемешку с косами, песочными часами, черепами и другими символами бренности людской, уравнивающей все

общественные различия. Поспешно пройдя со своим другом по длинному мощеному двору, Макро провел его через боковую дверь в каморку, примыкавшую к просторному помещению для слуг. Эту комнату он, как личный слуга графа Гленаллена, имел право считать своей. Раздобыть холодного мяса, крепкого пива и даже стаканчик джина не представило затруднений для столь важной особы, как Фрэнси, который при всем сознании своего достоинства не утратил северной осторожности и жил в добром согласии с дворецким. Наш нищий посланец пил эль и вспоминал с товарищем старину, пока, исчерпав

все приходившие на ум темы, не решился коснуться своей миссии, о которой на время позабыл.

— Я должен подать графу прошение, — сказал Эди, считая, что не следует упоминать о кольце; как он впоследствии объяснил, у него не было уверенности, не испортила ли бывшего солдата служба в богатом доме.

— Что ты, что ты, дружище! — ответил Фрэнси. — Граф не станет читать никаких прошений. Но я могу передать бумагу капеллану, раздававшему милостыню.

— Тут, скажу я тебе, дело секретное. Так что лучше бы граф разобрался сам.

— Вот потому-то капеллан и предпочел бы просесть первым.

— Я прошел далекий путь только для того, чтобы доставить письмо, Фрэнси, и, право, ты должен помочь мне управиться с этим трудным делом.

— Ну, будь что будет, а я попытаюсь! — ответил эбердинец. — Пусть ругаются, как хотят. В худшем случае меня выгонят, а я и сам подумывал взять расчет, чтобы окончить свои дни в Инверури.

Приняв столь доблестное решение услужить другу во что бы то ни стало и не предвидя для себя от этого никаких неприятностей,

Фрэнси Макро вышел из комнаты. Отсутствовал он долго, а когда вернулся, то всем своим видом выражал удивление и волнение.

— Я не знаю, вправду ли ты Эди Охилтри из роты О'Каррика в сорок втором полку или сам дьявол в его обличье!

— Почему ты так говоришь? — изумился нищий.

— Да потому, что лорд был так расстроен и так поражен, что я ничего подобного в жизни не видел. Но он хочет тебя видеть. Так что со своей задачей я справился. Несколько минут он был как потерянный, и я думал, он совсем свалится. Потом он пришел в себя и

спросил, кто принес пакет, и, как ты думаешь, что я сказал?

— Что я старый солдат. Это звучит хорошо у дверей джентльмена, а у дверей фермера, если тебе нужен ночлег, лучше сказать — старый медник: у хозяйки, наверно, найдется, что чинить и паять.

— Я не сказал ни того, ни другого, — ответил Фрэнси. — Что для милорда какие-то там солдаты и медники? Он приветливее всего к тем, кто может чинить и паять наши грехи. Поэтому я сказал, что бумагу принес старый человек с длинной белой бородой. Может, это монах-капуцин, потому что одет он как паломник. Так вот, когда граф

соберется с духом, чтобы тебя принять, он пошлет за тобой.

«Хорошо бы мне скорее покончить с этим делом, — подумал Эди. — Многие считают, что граф малость тронулся, и как знать, не разозлится ли он на меня за мою смелость? »

Но отступать было уже поздно. Из отдаленных покоев замка донесся звонок, и Макро, понизив голос, словно уже находясь в присутствии своего господина, объявил:

— Это звонит милорд. Иди за мной, Эди, и ступай полегче да потише!

Эди отправился за своим проводником, который ступал так,

словно боялся, что его услышат. Миновав длинный коридор, они поднялись по небольшой лестнице, которая привела их в личные апартаменты графской семьи. Они были просторны и обставлены с роскошью, свидетельствовавшей о былом величии и блеске рода. Но вся обстановка была выдержана в духе далекой старины, и посетителю могло бы показаться, что он ходит по залам шотландского замка в эпоху до унии двух королевств. Покойная графиня, частью из высокомерного презрения к своему веку, а частью из фамильной гордости, не позволяла, пока она властвовала в Гленалленхаузе, изменять что-либо в

меблировке или переделывать ее на новый лад. Особенно великолепно было собрание картин лучших мастеров в массивных, несколько потускневших от времени рамах. Но и тут тоже, по-видимому, сказался мрачный вкус хозяев замка. Здесь были прекрасные семейные портреты работы Ван-Дейка и других знаменитых художников. Но главное место в собрании занимали картины, изображавшие святых мучеников, кисти Доменикино, Веласкеса и Мурильо, и другие, близкие им по теме. Их, видимо, предпочитали здесь пейзажам и историческим сюжетам. Манера, в какой были написаны эти страшные и нередко

отталкивающие композиции,
соответствовала мрачному стилю
апартаментов, что не ускользнуло от
внимания старика, проходившего по
ним под водительством своего
бывшего собрата по оружию. Он уже
готов был высказать чувства,
вызванные всем виденным, но
Фрэнси знаками приказал ему
молчать и, открыв дверь в конце
длинной картинной галереи, ввел его
в небольшую переднюю, стены
которой были обтянуты черной
тканью. Здесь они нашли все того же
капеллана, прикинувшего ухом к двери,
противоположной входу, в позе
человека, внимательно
подслушивающего, но в то же время

боящегося, что его застигнут за этим делом.

Увидев друг друга, старый слуга и священник разом вздрогнули. Но капеллан оправился первым и, подойдя к Макро, властным тоном, хотя и вполголоса, обратился к нему:

— Как ты смеешь приближаться к комнате графа, не постучав? И кто этот незнакомец? Что ему здесь надо? Выйди в галерею и подожди меня там.

— Никак не могу исполнить распоряжение вашего преподобия, — ответил Макро, нарочно повысив голос, чтобы быть услышанным в смежной комнате; он понимал, что патер не станет продолжать

пререкания, зная, что его слышит граф. — Милорд звонил мне.

Не успел он произнести эти слова, как снова прозвучал звонок — резче и громче, чем в первый раз. Видя, что дальнейший спор невозможен, патер погрозил Макро пальцем и вышел.

— Говорил я тебе! — шепнул эбердинец Эди и затем осторожно открыл ту дверь, возле которой они застали капеллана.

ГЛАВА XXVIII

... кольцо!
Колечко *это*
колдовством во мне
Дух *наслаждении*
грешных пробудило,
Любовь и честь в
таких явив мне ликах
Что страшен стал я
самому себе.

«Роковой брак»

Старинные формы траура неизменно соблюдались в Гленаллен-хаузе, хотя это никак не вязалось с тем упорством, с которым члены

семьи, как считалось в народе, отказывали своим покойникам в слезах — этой обычной дани, приносимой мертвым. Мы уже отметили, что когда пришло роковое письмо с извещением о смерти второго и, — как некогда думали, — любимого сына, рука графини осталась тверда и веки ее дрогнули не больше, чем при чтении обыкновенного делового письма. Одно небо знает, не ускорило ли это подавленное гордостью материнское горе ее собственную кончину. По крайней мере все нашли, что апоплексический удар, так скоро после того оборвавший ее существование, был местью

разгневанной природы за запрет, который она налагала на свои чувства. Но, отказываясь от обычных внешних проявлений горя, леди Гленаллен тем не менее распорядилась задрапировать траурной материей многие апартаменты, в том числе свою комнату и комнату графа.

Поэтому граф Гленаллен сидел сейчас в комнате, завешенной черной тканью, свисавшей мрачными складками с высоких стен. Экран, также покрытый черным сукном и поставленный против высокого и узкого окна, сильно умерял неровный свет, проникавший сквозь цветные стекла, изображавшие с искусством,

присущим четырнадцатому веку, жизнь и печаль пророка Иеремии. Стол, за которым сидел граф, освещался двумя серебряными лампами чеканной работы, струившими тот неприятный и неопределенный свет, который возникает от смешения искусственного и дневного. На том же столе можно было видеть серебряное распятие и две-три пергаментные книги в переплетах с застешками. Большая картина, изображавшая мученичество святого Стефана, восхитительное творение Спаньолетто, служила единственным украшением комнаты.

Обитатель и хозяин этого

безрадостного помещения был еще сравнительно молод, но так надломлен болезнью и нравственными страданиями, так призрачно худ и бледен, что казался живым мертвецом. И когда он поспешно встал и пошел навстречу посетителю, это стоило ему напряжения, почти непосильного для его истощенного организма. Когда они оказались друг против друга посреди комнаты, контраст между ними стал особенно разителен. Здоровый цвет лица, твердая поступь, прямой стан и смелая осанка старого нищего свидетельствовали о том, что стойким и удовлетворенным в

старости человек бывает и на самой низкой ступени общественной лестницы, до которой он может опуститься, тогда как запавшие глаза, бесцветные щеки и трясущееся тело стоявшего перед ним аристократа показывали, что богатства, власти и даже молодости еще недостаточно, чтобы обеспечить покой души и крепость тела.

Граф встретил старика посреди комнаты и, приказав его спутнику выйти в галерею и никого не пускать в прихожую, пока не прозвучит звонок, ждал нетерпеливо и настороженно, пока не услышал, как затворилась дверь сперва его комнаты, а затем — прихожей и

щелкнули ручки обеих. Убедившись, что теперь его не могут подслушать, лорд Гленаллен подошел к нищему вплотную и, вероятно принимая его за переодетого члена какого-либо религиозного ордена, торопливо, но все же неуверенно обратился к нему:

— Во имя всего, что наша религия считает самым святым, скажи мне, почтенный отец, чего я должен ожидать от посланца, который вручил мне знак, связанный с такими ужасными воспоминаниями?

Старик, ошеломленный приемом, столь непохожим на то, чего он ожидал от гордого и могущественного лорда, не знал, что

ответить и как разъяснить ему его ошибку.

— Скажи мне, — продолжал граф с еще большим трепетом и мукой в голосе, — скажи мне, не затем ли ты пришел, чтобы сказать, что всего сделанного для искупления ужасной вины недостаточно, и наложить новую и более суровую епитимью? Я не уклоняюсь от нее, отец, дай мне пострадать за мое преступление здесь, пусть пострадает тело, но спасется в ином мире душа!

У старика хватило сметливости понять, что он должен прервать откровенные излияния лорда Гленаллена, иначе он, Эди, станет

поверенным таких тайн, о которых ему лучше не знать.

— Ваша светлость, — торопливо, дрожащим голосом заговорил он. — Я не вашей веры, и я не священник, а с вашего позволения — всего лишь бедный Эди Охилтри, королевский нищий и покорный слуга вашей светлости.

Вслед за этим объяснением он отвесил на свой лад низкий поклон, потом выпрямился, оперся рукой на посох, откинул свои длинные белые волосы и устремил взгляд на графа, ожидая ответа.

— Так ты, — промолвил граф, от неожиданности на время лишившийся речи, — так ты, значит,

вовсе не католический священник?

— Боже меня от этого упаси! — воскликнул Эди, растерявшийся и на миг забывший, с кем он говорит. — Я, как уже сказал, всего лишь королевский нищий и слуга вашей светлости.

Граф поспешно отвернулся и раза два или три прошелся по комнате, чтобы успокоиться после допущенной им ошибки; потом он опять подошел к нищему и строгим, повелительным голосом спросил, как тот позволил себе вторгнуться в его уединение и откуда взял кольцо, которое отважился прислать. Но Эди был не робкого десятка, и этот вопрос меньше смутил его, чем

доверительный тон графа в начале их разговора. На повторный вопрос, кто дал ему кольцо, он спокойно ответил:

— Некто, кого граф знает лучше, чем я.

— Некто, кого я знаю лучше, — так ты сказал? — нахмурился лорд Гленаллен. — Сию же минуту объясни свои слова, а иначе заплатишься за то, что проник сюда в час семейного горя!

— Меня послала старая Элспет Маклбеккит, — начал нищий, — чтобы сказать...

— Ты бредишь, старик! — прервал его граф. — Я никогда не слышал такого имени. Но этот

ужасный знак напоминает мне...

— Я теперь вспомнил, милорд, — сказал Охилтри. — Она говорила мне, что вам будет понятнее, если я назову ее Элспет из Крейгбернфута. Она носила это имя, когда жила во владениях вашей светлости, то есть вашей досточтимой матушки, упокой, господи, ее душу!

— Да, — произнес пораженный лорд, и его вытянувшееся бледное лицо стало еще более похоже на лицо трупа, — это имя вписано в самую трагическую страницу печальной истории... Но что ей может быть нужно от меня? Жива она или умерла?

— Жива, милорд, и умоляет вашу светлость повидаться с ней до ее смерти. Она хочет сообщить вам что-то, тяготящее ее душу, и говорит, что не может отойти с миром, пока вас не увидит.

— Пока меня не увидит? .. Что это может значить? Она просто выжила из ума от старости и болезни. Скажу тебе, мой друг, что менее года назад, узнав, что ей плохо, я сам заходил к ней в дом, но она не узнала ни моего лица, ни голоса.

— Если ваша светлость мне разрешит, — промолвил Эди, которому продолжительность беседы в значительной мере вернула его смелость старого солдата и

природную словоохотливость, — если ваша светлость мне разрешит, я бы сказал... Вашей светлости, конечно, виднее, а только я так рассуждаю, что старая Элспет похожа на древние, заброшенные крепости и замки в горах: ее разум частью разрушился и опустел, а частью кажется еще тверже, и крепче, и выше, словно башня среди развалин. Страшная женщина!

— Она всегда была такой, — почти бессознательно произнес граф в ответ на замечание нищего. — Она всегда отличалась от других женщин, а своим нравом и складом ума больше всего, пожалуй, походила на ту, кого уже нет... Так она хочет

видеть меня?

— Она очень просит, — ответил Эди, — доставить ей перед смертью эту радость.

— Это не принесет радости ни ей, ни мне, — сурово промолвил граф, — но я удовлетворю ее просьбу. Она, кажется, живет у моря, к югу от Фейрпорта?

— Между Монкбарнсом и Нокуиннокским замком, но ближе к Монкбарнсу. Ваша светлость, наверно, знает и лэрда и сэра Артура?

Лорд Гленаллен ответил лишь отсутствующим взглядом, словно не понял нищего. Видя, что его мысли витают где-то далеко, Эди не

решился повторить свой вопрос, столь не существенный для дела.

— Скажи, ты католик, старик? — спросил граф.

— Нет, милорд, — гордо объявил Охилтри, вспомнив в эту минуту о неравномерном распределении милостыни. — Благодарение небу, я добрый протестант.

— Тот, кто по совести может называть себя добрым, имеет основание благодарить небо, какой бы вид христианства он ни исповедовал. Но кто из нас на это осмелится?

— Только не я, — сказал Эди. — Я остерегаюсь впасть в грех гордыни.

— Чем ты занимался в молодости? — продолжал граф.

— Служил солдатом, милорд, и немало ночей провел под открытым небом. Меня должны были произвести в сержанты, но...

— Служил солдатом! Значит, убивал, и жег, и грабил, и расхищал.

— Не скажу, — ответил Эди, — чтобы я был лучше своих товарищей. Грубое это ремесло, и война любима только тем, кто ее не отведал.

— А теперь ты стар, и несчастлив, и выпрашиваешь у сострадательного встречного еду, которую в молодости вырывал из рук несчастного крестьянина?

— Я нищий, это верно, милорд,

но я не так уж несчастлив. Что до моих грехов, то я успел раскаяться в них и сложить их, если так можно сказать, у ног того, кто больше меня способен нести их, а что до моего пропитания, то никто не пожалеет старику куска хлеба. Так я и живу и готов умереть, когда меня призовет господь.

— Итак, в прошлом у тебя мало приятного или достойного, о чем ты мог бы вспомнить, а впереди, до перехода в вечность, — еще меньше, но ты доживаешь свои дни, довольный судьбой. Что ж, ступай! И, несмотря на свои годы, и нищету, и усталость, не завидуй хозяину этого замка ни когда он спит, ни когда он

бодрствует. На, вот тебе!

Граф вложил старику в руку несколько гиней.

Эди посовестился бы, может быть, как и в других случаях, принять такой щедрый подарок, но властный тон лорда Гленаллена не допускал возражений. Вслед за тем граф позвал слугу.

— Проводи этого старика из замка и посмотри, чтобы никто не задавал ему вопросов. А ты, друг, иди и забудь дорогу к моему дому!

— Трудно мне это, — сказал Эди, взглянув на золотые монеты, которые он все еще держал в руке. — Очень трудно это, после того как ваша светлость изволили столько

сделать, чтобы мне не забыть!

Лорд Гленаллен смотрел перед собой, словно не замечая дерзости старика, позволившего себе возражать ему, потом махнул рукой, чтобы тот уходил, и Эди мгновенно повиновался.

ГЛАВА XXIX

*В ребячьих играх был
он верховод,*

*И читил его
мальчишеский народ.*

*То мяч он мастерил,
то лук сгибал,*

*Биты не хуже столяра
строгал.*

Крабб, «Деревня»

Фрэнси Макро, послушный приказу хозяина, проводил нищего за пределы поместья, не давая ему ни поговорить, ни просто перекинуться словечком с кем-либо из слуг или

подчиненных графа. Но, рассудив, что запрет не может распространяться на него самого, как на лицо, которому доверено конвоирование, он из кожи вон лез, чтобы выпытать у Эди предмет его доверительной и тайной беседы с лордом Гленалленом. Однако Эди в былое время достаточно часто допрашивали, так что он с легкостью уклонялся от расспросов своего бывшего соратника. «Тайны важных господ, — говорил себе Эди, — вроде диких зверей, запертых в клетки. Держи их под замком, и все будет хорошо, но чуть их выпустишь, они кинутся на тебя и разорвут на куски. Я помню, как туго пришлось Дугалду

Ганну, когда он сболтнул лишнее насчет капитана Бэндилира и супруги майора».

Поэтому все попытки Фрэнси взять приступом стойкость нищего окончились неудачей, и, подобно не очень сильному игроку в шахматы, после каждого неудачного хода он становился все более уязвим для контратак противника.

— Так ты уверяешь, что не рассказывал милорду ничего особенного и говорил с ним только о своих делах?

— Да, и еще о кое-каких вещах, что я вывез из чужих краев. Я знаю, вы, паписты, жадны до всяких реликвий, добытых где-нибудь далеко

— в церквах и тому подобное.

— Видно, милорд совсем спятил, — заметил слуга. — если так расходился из-за безделок, которые ты мог принести ему, Эди!

— Я так думаю, твоя правда, дружище, — ответил нищий. — Но, может, он хлебнул горя в молодые годы, Фрэнси, а от этого бывает, что человек немного тронется.

— Это ты верно говоришь, Эди! Ну, а раз не похоже, чтобы ты еще когда-нибудь пришел в замок, — а коль придешь, то уж не застанешь меня здесь, я скажу тебе, что в юности у него была такая страшная сердечная рана, что удивительно, как он еще на ногах держится.

— Ах, вот оно как! —
промолвил Охилтри. — Из-за
женщины, что ли?

— Ты угадал, попал в самую
точку, — подтвердил Фрэнси, — из-
за его двоюродной сестры, мисс
Эвелин Невил, так ее у нас называли.
В округе много об этом болтали, но
только всех заставили попридержать
язык — ведь дело касалось знатных
людей! И было это больше двадцати
лет назад, вернее — двадцать три
года прошло.

— Вот как! Ну, да я тогда был в
Америке, — сказал нищий, — и где
уж мне было слышать здешние
сплетни.

— Никаких сплетен и не было,

друг мой, — ответил Макро. — Он любил молодую леди и собирался жениться на ней, но его мать проведала об этом и подняла такую кутерьму, что чертям тошно стало. Бедняжка терпела, терпела да и бросилась с утеса у Крейгбернфута в море. Тем дело и кончилось.

— Кончилось для бедной леди, — заметил нищий, — но, видно, не кончилось для графа.

— Для него это не кончится, пока не кончится его жизнь, — ответил эбердинец.

— Но почему старая графиня не позволила им пожениться? — продолжал настойчивый вопрошатель.

— Почему! Она, может, и сама не знала, почему. Но чего бы она ни пожелала, никто не мог идти против ее воли. Знали только, что молодую леди тянуло к какой-то ереси — у нас ведь много еретиков разных толков. К тому же она была в слишком близком родстве с графом, а наши церковные правила не разрешают таких браков. Все это и довело ее до отчаяния, и граф с тех пор не находит себе места, совсем голову опустил.

— Вот оно как! — сказал Охилтри. — Дивлюсь, что я никогда прежде не слышал этой истории.

— Странно, что ты ее слышишь теперь! Разве посмел бы кто из слуг

заикнуться об этом, пока была жива старая графиня! Ох, и командирша же была, любезный Эди. Хитер должен был быть мужчина, который бы с ней сладил. Но она в могиле, и мы можем дать волю языку, когда встретим приятеля. Ну, прощай, Эди, мне пора к вечерне. Если этак через полгода тебе случится побывать в Инверури, спроси там Фрэнси Макро!

Любезное приглашение одного было охотно принято другим. Друзья распрощались, обменявшись словами обоюдного уважения, а затем слуга лорда Гленаллена зашагал обратно, во владения хозяина, нищий же продолжал свой путь.

Был прекрасный летний вечер, и мир, вернее тот уголок, куда стремился Эди Охилтри, лежал перед ним и предоставлял ему широкий выбор места для ночлега. Покинув не слишком гостеприимное поместье Гленалленов, он припомнил разом столько друзей, что мог даже немного попривередничать, прежде чем отдать предпочтение кому-либо из них. В одной миле впереди была харчевня Эйли Сима. Но там в субботний вечер соберутся молодые парни и, значит, не будет случая спокойно побеседовать. В памяти Охилтри один за другим всплывали разные «добрые люди», как именуют в Шотландии фермеров и их жен. Но

один был глухой и не мог его слышать; другой — беззубый, Эди не слышал его; третий был сварлив, а четвертый держал злющую собаку. В Монкбарнсе и Нокуинноке Эди мог рассчитывать на теплый и радушный прием, но они находились так далеко, что до них трудно было добраться засветло.

«Не понять, в чем тут дело, — сказал себе старик, — но только никогда в жизни я не был так разборчив с ночлегом. Должно быть, повидав этакую пышность да найдя, что без нее можно жить счастливее, я стал гордиться тем, как я живу. Одно я только знаю: гордыня ведет к гибели. И, уж верно, самый

дранной амбар, где можно спать, куда уютнее хором в Гленаллене со всеми их картинами, и черным бархатом, и серебряными финтифлюшками. Ну ладно, пойду-ка я к Эйли Симу».

Когда старик спустился с холма, у подножия которого лежала деревушка, куда он шел, заходящее солнце уже освободило ее обитателей от работы, и молодые люди, пользуясь чудесным вечером, затеяли на лугу игру в шары, а женщины и старики с интересом следили за ней. Крик, смех, возгласы победителей и побежденных общим хором неслись навстречу спускавшемуся по тропинке Охилтри

и будили в нем воспоминание о тех днях, когда он был ревностным участником — а часто и победителем — в играх, требующих ловкости и силы. Такие воспоминания почти у всех людей исторгают вздох даже тогда, когда вечер их жизни согрет более светлыми надеждами, чем у нашего бедного нищего. «В те времена, — резонно подумал он, — я обратил бы на старого путника, спускающегося с Кинблайтмонта, так же мало внимания, как и любой из этих здоровенных молодцов, которые даже не смотрят на старого Эди Охилтри».

Но он сразу же повеселел, когда оказалось, что его приходу придают

большее значение, чем он в своей скромности мог предполагать. Между обеими командами игроков возникли пререкания из-за спорного удара, а так как сборщик податей стоял за одну команду, а школьный учитель — за другую, дело, можно сказать, перешло в высшие сферы. Мельник и кузнец тоже поддерживали разные стороны, и, судя по тому пылу, который они проявляли, можно было сомневаться в мирном исходе конфликта. Однако первый же, кто увидел нищего, закричал:

— Вот идет старый Эди! Он знает правила игры лучше всех, кому приходилось пускать шар, кидать

биту или гонять клюшкой мяч. Не будем ссориться, ребята, пусть он нас рассудит!

Тут все начали приветствовать Эди и под общие одобрительные крики утвердили судьей. Со всем смирением епископа, которому предложена митра, или нового спикера палаты, призванного занять председательское место, старик отклонил высокое доверие и ответственность, которую собирались на него возложить, и, в воздаяние за такое самоотвержение и скромность, имел удовольствие получить повторные заверения молодежи, стариков и людей средних лет в том, что он — наиболее

осведомленное и подходящее для роли посредника лицо во всей округе. После такого поощрения он торжественно приступил к выполнению своих обязанностей и, строго воспретив обеим командам всякие обидные замечания, выслушал кузнеца и сборщика податей, с одной стороны, мельника и учителя — с другой, как младших и старших советников. Впрочем, решение в голове Эди созрело еще до начала дебатов. В этом он не отличался от многих других судей, которым тем не менее приходится выполнять все формальности и переносить в полном объеме красноречие и хитроумие адвокатов. И когда обе

стороны высказали все, а многие — и по несколько раз, наш старейшина, на основании всех представленных ему тонких и мудрых соображений, вынес умеренное и целительное решение: спорный удар считать ничейным и поэтому не присчитывать ни той, ни другой команде. Это здоровое заключение восстановило согласие на поле. Игроки с обычным для деревенских забав веселым гамом начали подбирать себе партнеров и делать ставки, а наиболее нетерпеливые уже скидывали куртки и отдавали их, вместе с яркими шейными платками, на сохранение женам, сестрам и возлюбленным.

Однако общее веселье было нарушено самым неожиданным образом.

В стороне от толпы игроков слышались звуки, совсем не похожие на те, что звенели над лужайкой; это были подавленные вздохи и восклицания, какими обычно отвечают на первую весть о несчастье. Женщины начали причитать: «Ужасно! Такой молодой и так внезапно погиб! » Теперь возгласы, заглушая радостный шум толпы, раздавались и из толпы мужчин. Все сразу поняли, что где-то неподалеку стряслась беда, и каждый обращался за разъяснением к соседу, который и сам знал не больше. В

конце концов смутный говор дошел и до ушей Эди Охилтри, находившегося в самой гуще толпы. Оказалось, что лодка Маклбеккита, рыбака, о котором мы так часто упоминали, затонула в море, и, по слухам, погибло четверо, в том числе сам Маклбеккит и его сын. Однако слухи, как обычно, были преувеличены. Лодка в самом деле перевернулась, но утонул только Стивен, или, как его называли, Стини Маклбеккит. Хотя расстояние и образ жизни не позволяли покойному водить тесную дружбу с деревенской молодежью, все прервали свои увеселения, чтобы воздать ту дань внезапному несчастью, в которой люди редко

отказывают при таких
исключительных происшествиях.
Для Охилтри эта новость прозвучала
особенно зловеще, тем более что он
так недавно обращался к юноше за
помощью, когда задумал злую шутку;
и, хотя никто из них не собирался ни
грабить, ни калечить немецкого
заклинателя, это дело не могло
украсить последние часы жизни
человека.

Беда одна не ходит. В то время
как Охилтри, задумчиво опершись на
посох, сочувственно внимал жалобам
местных жителей, оплакивающих
внезапную смерть молодого рыбака,
и в мыслях бранил себя за ту
проделку, в которую он втянул Стини,

его вдруг схватил за воротник констебль.

— Именем короля! — рявкнул блюститель порядка, державший в правой руке дубинку.

Сборщик податей и учитель сообща стали доказывать констеблю и его помощнику, что они не имеют права задерживать королевского нищего как бродягу. А немое красноречие мельника и кузнеца, выраженное в их сжатых кулаках, недвусмысленно давало понять, какой залог пылкие горцы готовы внести за арестованного. Его голубой плащ, говорили они, — это пропуск для странствования по всей земле.

— Однако голубой плащ, —

возразил констебль, — не дает ему права нападать, грабить и убивать. А у меня ордер на его арест за эти преступления.

— Убийство? — изумился Эди. — Кого я когда-либо убивал?

— Мистера Германа Дюстерзивеля, агента компании рудников Уидершинз.

— Дюстерзивеля? Ха, да он жив-живехонек!

— Твоей заслуги в том нет. Если он говорит правду, ему пришлось отчаянно бороться за свою жизнь, и ты должен ответить за это по закону.

Услышав такие страшные обвинения, защитники нищего отступили, но со всех сторон добрые

руки стали совать ему мясо, хлеб и мелкие монетки, чтобы поддержать его в тюрьме, куда стражи собирались его отвести.

— Спасибо вам, благослови вас бог, дети! Не раз выпутывался я из петли, когда меньше всего заслуживал освобождения. Я и теперь уйду, как птица от ловца. Продолжайте игру и не думайте обо мне. Что мне сделают? Меня больше огорчает гибель бедного парня.

И вот покорного пленника увели, после того как он принял и машинально разместил в своих котомках дары, сыпавшиеся на него со всех сторон. Он покинул деревушку, нагруженный, как

армейский поставщик продовольствия. Впрочем, тащить эту тяжесть ему пришлось недолго, так как констебль раздобыл тележку с лошадью, чтобы доставить старика к судье для допроса и предания суду.

Несчастье со Стини и арест Эди положили конец развлечением маленькой деревни. Обитатели ее предались печальным размышлениям о превратностях человеческой судьбы, которая так внезапно уложила одного из их друзей в могилу, а распорядителя их праздника подвергла опасности чуть ли не быть повешенным. Что же касается Дюстерзивеля, то его здесь хорошо знали, точнее сказать —

терпеть не могли, и поэтому было немало разговоров о том, что обвинение, может быть, еще окажется ложным. Но все сходились в одном: если уж Эди Охилтри предстоит пострадать, то очень жаль, что он не прикончил Дюстерзивеля совсем.

ГЛАВА XXX

*Кто он? Из тех, кто
не обрел земель*

*И потому воюет на
воде.*

*Кита на бой он
вызывал, чesтя*

*Его левиафаном,
бегемотом.*

*Сражался даже как-
то он с меч-рыбой,*

*И — кто бы думал? —
рыба верх взяла:*

*Его спина хранит об
этом память!*

Старинная пьеса

— Итак, бедного парня Стини Маклбеккита сегодня хоронят! — сказал наш старый друг антикварий, снимая стеганный халат и надевая старомодный черный сюртук вместо того одеяния табачного цвета, которое он обычно носил. — И там, надо полагать, ожидают, что я буду присутствовать на похоронах?

— Так точно, — ответил преданный Кексон, усердно счищая щеткой белые нитки и пятнышки с костюма хозяина. — Тело, прости господи, так разбилось о скалы, что с погребением хотят поторопиться. «Морской промысел — дело опасное, — говорю я своей бедной дочке, чтобы немного подбодрить

ее. — Море, говорю я, Дженни, ремесло такое же неверное... »

— Как и ремесло старого парикмахера, которого разоряют мода на стрижку и пошлина на пудру. Кексон, твой способ подбадривать так же неудачен, как и неуместен. *Quid mihi cum femina?* [note 139](#) Какое мне дело до твоего бабья, когда у меня довольно хлопот и с моими собственными? Еще раз тебя спрашиваю: ожидают ли эти бедняги, что я приду на похороны их сына?

— О, будьте уверены, ваша милость, что вас ожидают! В здешних краях принято, чтобы всякий джентльмен провожал покойника до границы своей земли.

И вам достаточно дойти лишь до вершины холма. Никто не ожидает, чтобы ваша милость пошли дальше. Это ведь проводы Келсо: два шага за порог.

— Проводы Келсо? — повторил за стариком любопытный антикварий. — А почему проводы Келсо, а не какие-нибудь другие?

— Дорогой сэр, — ответил Кексон, — откуда мне знать? Просто так говорится!

— Кексон, — отозвался Олдбок, — ты всего лишь парикмахер. Если бы я задал этот вопрос Охилтри, он сейчас же преподнес бы мне целую легенду.

— Как вы не раз изволили

говорить, — ответил Кексон с несколько необычным для него оживлением, — мое дело заниматься только наружной стороной головы вашей светлости.

— Верно, Кексон, верно! Нельзя упрекать кровельщика, зачем он не обойщик.

Олдбок достал записную книжку и отметил в ней: «Проводы Келсо — как пояснено, два шага за дверной порог. Источник: Кексон. Quaere [note 140](#): происхождение. Mem. [note 141](#): написать по этому вопросу доктору Грейстилу».

Сделав эту запись, он возобновил разговор:

— Должен сказать, Кексон, я

одобряю обычай, что землевладелец провожает тело крестьянина. Этот обычай идет от давних времен и основан на глубоком сознании необходимости взаимной помощи и доверия между хозяином земли и тем, кто ее возделывает. В этом феодальная система (как и в вежливости к женщинам, хотя и преувеличенной), в этом, говорю я, феодальная система умерила и смягчила суровость классической древности. Никто не слышал, Кексон, чтобы спартанец присутствовал на похоронах илота. Но я готов присягнуть, что Джон Гернел... Ты слышал о нем, Кексон?

— Ну конечно, сэра! Кто бы мог

состоять так долго при вашей милости и не слышать об этом джентльмене!

— Так вот, — продолжал антикварий, — я готов биться об заклад, что ни один раб, или крепостной, или крестьянин *ascriptus glebae* [note 142](#) не умер здесь, во владениях монахов, без того, чтобы Джон Гернел прилично и достойно не похоронил его.

— Гм, с позволения вашей милости, говорят, что ему больше приходилось заниматься рожденьями, нежели смертями, хи-хи-хи! — весело засмеялся старик.

— Хорошо, Кексон! Очень хорошо! Ты сегодня блистаешь.

— А потом, — лукаво добавил Кексон, осмелев от похвалы патрона, — говорят еще, что католические священники в те времена кое-что получали, когда шли хоронить людей.

— Верно, Кексон! Верно, как моя перчатка. Кстати, я думаю, что эта поговорка идет от обычая дарить перчатку в залог нерушимой верности. Так вот, повторяю, верно, как моя перчатка, Кексон, — и тем больше в этом чести для нас, протестантских властей, что мы даром выполняем эту обязанность, за которую приходилось платить во времена той императрицы суеверия, Кексон, о которой Спенсер

аллегорически говорит:

... дочь женщины слепой,
Абесса, дочь Корекки
нерадивой...

Но зачем я толкую о таких вещах с тобой? Мой бедный Ловел избаловал меня, и я привык говорить вслух, даже когда это все равно, что говорить про себя. Где мой племянник Гектор Мак-Интайр?

— В гостиной, сэр, и с ним обе леди.

— Очень хорошо, — сказал антикварий, — я тоже отправлюсь туда.

— Послушай, Монкбарнс, — встретила его сестра, когда он вошел в гостиную. — Ты не должен сердиться.

— Дорогой дядюшка! .. — начала мисс Мак-Интайр.

— Что все это значит? — насторожился Олдбок, заключив по умоляющему тону дам, что его ожидают какие-то дурные вести, подобно тому, как осажденная крепость узнает о начале штурма по первому звуку сигнальной трубы. — Что тут у вас? Почему вы взываете к моему терпению?

— Надеюсь, ничего особенного не произошло, сэр, — сказал Гектор, который, с рукой на перевязи, сидел

за завтраком. — Во всяком случае, в ущербе, как и в гораздо больших неприятностях, мною причиненных, повинен только я сам. К сожалению, за них я ничего не могу предложить, кроме моей признательности.

— Что ты! Я тебе сердечно рад, сердечно рад! Только пусть это предостережет тебя в дальнейшем от припадков гнева. Они не что иное, как кратковременное помешательство — *ira furor brevis...*

[note 143](#) Но что это за новое несчастье?

— Моя собака, сэр, к сожалению, опрокинула...

— Милосердное небо! Неужели — слезную урну из Клохневена? ! — воскликнул Олдбок.

— Боюсь, дядя, что ту самую, — промолвила молодая леди. — Она стояла на буфете. Бедное животное хотело лишь добраться до свежего масла.

— В чем, несомненно, вполне преуспело, так как я вижу на столе только соленое. Но это пустяк, моя урна была всего только краеугольным камнем моей теории, с помощью которой я доказываю, — вопреки упрямству невежественного Мак-Криба, — что римляне, проходя сквозь теснины здешних гор, оставляли за собой образцы своего искусства и предметы вооружения. И эта слезница погибла, уничтожена, раздроблена на осколки, которые

можно принять за остатки битого
цветочного горшка!

О Гектор, я тебя люблю, но
впредь
Ты воинов моих не
поведешь!

— Да, сэр, боюсь, я выглядел бы
довольно странно во главе
навербованного вами полка!

— Во всяком случае, Гектор, я
приказал бы тебе бросить обоз и
двигаться *expeditus* [note 144](#) или *relictis*
impedimentis [note 145](#). Ты не можешь
себе представить, как надоела мне
эта собака. Она совершает кражи со

взломом, по крайней мере я слышал, что она проникла в кухню при запертых дверях и сожрала баранью лопатку. (Наши читатели, если они запомнили, что Дженни Ринтерут, отправляясь в рыбачью хижину, из осторожности оставила дверь открытой, вероятно не вменят в вину бедной Юноне указанное отягчающее обстоятельство, которое юристы называют *claustrum fregit* [note 146](#) и которое разграничивает ограбление и простую кражу.)

— Я искренне огорчен, сэр, — сказал Гектор, — что Юнона произвела столько беспорядка. Но сам дрессировщик Джек Мюрхед никак не мог заставить ее слушаться.

Зато эта сука удивительно вынослива.

— Если так, Гектор, я хотел бы, чтобы она вынесла себя из моих владений.

— Мы оба удалимся завтра или даже сегодня, но мне не хотелось бы расставаться с братом моей матери в ссоре из-за какого-то пустякового горшка.

— Ах, брат, брат! — воскликнула мисс Мак-Интайр в ужасе от столь пренебрежительного эпитета.

— А как мне еще его называть! — продолжал Гектор. — С помощью точно таких горшков в Египте охлаждают вино, шербет или

воду. Я привез с собой пару, а мог бы привезти хоть два десятка.

— Что? — удивился Олдбок. — Точно такой же формы, как тот, что разбила собака?

— Да, точно такой же, как крынка, стоявшая на буфете. Они у меня на квартире в Фейрпорте. Мы захватили с собой целую грудку, чтобы охлаждать вино во время морского пути, — они для этого здорово подходят. Если бы я знал, что они могут сколько-нибудь возместить вашу утрату или доставить вам удовольствие, я почел бы за честь преподнести их вам.

— Конечно, дорогой мой мальчик, это было бы мне

чрезвычайно приятно. Изучать взаимные связи между народами по их обычаям и по сходству применяемой ими утвари издавна было моим любимым занятием. Все, что подтверждает существование таких связей, для меня чрезвычайно ценно.

— Отлично, сэр, я буду очень польщен, если вы примете их и еще несколько мелочей в том же роде. А теперь, я надеюсь, вы простите меня?

— Ах, дорогой мальчик, ты только ветрен и неразумен!

— Но моя Юнона... она, уверяю вас, тоже только ветрена. Дрессировщик говорил мне, что в

ней нет ни вспыльчивости, ни упрямства.

— Хорошо, я дарю прощение и Юноне — при условии, что ты, подражая ей, не будешь ни вспыльчив, ни упрям и что она не будет допускаться в гостиную.

— Дорогой дядя, — сказал воин, — я, право, постыдился бы предлагать вам, во искупление провинностей моих и моей спутницы, что-либо действительно достойное вашего внимания. Но теперь, когда все предано забвению, разрешите вашему племяннику, сироте, которому вы были отцом, преподнести вам безделушку, очень любопытную, как меня уверяли!

Только история с моим ранением помешала мне вручить вам ее раньше. Мне подарил ее французский ученый, которому я оказал кое-какие услуги после дела под Александрией.

Капитан вложил в руку антиквария маленький футляр. В нем оказалось старинное массивное золотое кольцо с великолепно вырезанной камеей, изображающей голову Клеопатры. Антикварий пришел в настоящий экстаз, сердечно пожал племяннику руку, осыпал его тысячью благодарностей и показал перстень сестре и племяннице. У последней хватило такта выказать достаточное восхищение, но мисс

Гризельда (хотя и не уступала ей в любви к племяннику) не догадалась последовать ее примеру.

— Хорошая вещьца, Монкбарнс, — сказала она, — и, наверно, ценная. Но это не по моей части. Ты ведь знаешь, я не судья в таких вопросах.

— Вот истинный голос Фейрпорта! — воскликнул Олдбок. — Дух этого города заразил нас всех. Мне кажется, я уже два дня, с тех пор как держится северо-восточный ветер, слышу запах дыма, но косные суждения города разносятся дальше, чем его испарения. Поверьте мне, дорогой Гектор, пройдишь я по фейрпортской

Хай-стрит, показывая эту бесценную
камею всем встречным, никто из них
— от мэра до городского глашатая —
не остановит меня, чтобы
расспросить о ее происхождении. Но
если б я нес под мышкой штуку
полотна, то, прежде чем я добрался
бы до Конного рынка, меня засыпали
бы вопросами о качестве и цене
ткани. Грубое невежество тамошних
жителей можно было бы высмеять
словами Грея:

Веселой шутке и уму
Ты погребальный саван
сшей -
Преграду прочную всему.
Что не приносит нам

грошей

Самым замечательным доказательством того, что сделанное Гектором мирное предложение оказалось вполне приемлемым, послужила новая выходка собаки. Пока антикварий был увлечен своей декламацией, Юнона, побаивавшаяся его, — ибо собаки благодаря поразительному инстинкту мгновенно определяют, кто их любит и кто не любит, — несколько раз заглядывала в комнату и, не усмотрев в его позе ничего устрашающего, наконец отважилась войти всей своей персоной и, осмелев от

безнаказанности, сожрала нагретые для мистера Олдбока ломтики хлеба с маслом, в то время как он, поглядывая то на одного, то на другого из своих слушателей, с довольным видом повторял:

«Ты погребальный саван сшей».

— Вы помните место из «Эвменид», которое, кстати, не так прекрасно, как в подлиннике... Но что это? .. Исчез мой хлеб, и я вижу, куда! О ты, достойный образец слабого пола! Неудивительно, что женщины обижаются, когда их называют именем вашей породы. — Он погрозил Юноне кулаком, и она кинулась прочь из комнаты. — Однако раз Юпитер, по словам

Гомера, не мог сладить с Юноной на небе, а Джек Мюрхед, по словам Гектора Мак-Интайра, имел столь же малый успех на земле, очевидно нам с ней ничего не поделать.

Такой мягкий упрек брат и сестра правильно истолковали как полное прощение преступлений Юноны, и все с удовольствием принялись за утреннюю трапезу.

Покончив с завтраком, антикварий предложил племяннику пойти с ним на похороны. Но воин возразил, что у него нет траурного костюма.

— Ну, это ничего не значит! Требуется только твое присутствие. И я уверен, что ты увидишь там вещи,

которые тебя развлекут... нет, это неподходящее выражение... которые тебя заинтересуют. Я имею в виду сходство — и на месте я покажу тебе его — между одеждой, обычной в таких случаях, у нас и у древних.

«Да простит мне небо! — подумал Мак-Интайр. — Я, наверно, сделаю что-нибудь не так и сразу потеряю благосклонность дяди, которую только что случайно приобрел».

Отправляясь в путь, воин внял предостерегающим взглядам сестры и твердо решил не обижать дядю невнимательностью или нетерпением. Увы, наши лучшие намерения рушатся, как только

столкнутся с нашими преобладающими склонностями. Едва антикварий, боявшийся упустить хоть какую-нибудь деталь, начал рассказывать о погребальных обрядах древних скандинавов и описывать «эпоху холмов», как племянник прервал его, воскликнув, что большая чайка, кружившая около них, дважды подлетала на расстояние выстрела. Пожурился Гектор за эту провинность, но простив его, Олдбок возобновил свои рассуждения:

— С этими обстоятельствами тебе следует ознакомиться и освоиться, мой дорогой Гектор. Ибо среди превратностей нынешней войны, потрясающей всю Европу,

нельзя знать, куда тебя призовут
служить. Если это будет, например,
Норвегия, или Дания, или иная часть
древней Скании, или, как мы ее
называем, Скандинавии, тебе очень
полезно будет знать назубок историю
и традиции этой древней страны,
этой *officina gentium* [note 147](#), матери
современной Европы, колыбели тех
героев, которые

Разили смело, стойко
защищались,
Улыбкой смерть встречая...

Как чудесно, например, по
окончании утомительного перехода

оказаться вблизи рунического памятника и обнаружить, что ты разбил свою палатку рядом с могилой героя!

— Боюсь, сэр, что для пользы нашей походной кухни лучше было бы оказаться вблизи хорошего птичника.

— Печально, что ты так говоришь! И неудивительно, что канули в вечность дни Кресси и Азенкура, если уважение к древней доблести умерло в груди британского воинства.

— Ни в коем случае, сэр, это совсем не так! И все же я думаю, что Эдуард и Генрих, как и все прочие герои, сперва обеспечивали себе

обед, а потом уже осматривали памятники старины. Уверяю вас, мы вовсе не равнодушны к славе предков. По вечерам я часто просил старого Рори Мак-Элпина спеть нам песни из Оссиана о битвах Фингала с Ламон-Муром и Магнуса с духом Мюрартаха.

— Неужели ты веришь, —
взволновался антикварий, —
неужели ты, простак, безоговорочно
веришь, что эта стряпня Макферсона
— действительно древняя поэзия?

— Верю ли я, сэр? Как же я могу
не верить, если с детства слышал эти
песни?

— Но это не был
макферсоновский, английский

Оссиан! Надеюсь, ты не станешь утверждать такой вздор? — произнес антикварий, гневно хмурия лоб.

Однако Гектор стойко выдержал натиск бури. Как многие истые кельты, он полагал, что честь его отечества и родного языка неразрывно связана с подлинностью этих широко распространенных песен. Он готов был бы драться до изнеможения, готов был бы отдать все, и даже жизнь, за каждую их строчку. Поэтому он бесстрашно утверждал, что Рори Мак-Элпин знал наизусть «всю книгу от корки до корки». И только после ряда перекрестных вопросов он пояснил столь категорическое заявление,

добавив:

— Во всяком случае, при достаточном запасе виски он готов был петь когда и сколько угодно, пока его слушали.

— Так, так, — заметил антикварий. — Тогда, вероятно, это длилось не так уж долго.

— Конечно, сэр, мы должны были выполнять служебные обязанности и не могли сидеть и всю ночь слушать волынщика.

— Но ты теперь помнишь, — заговорил Олдбок, стиснув зубы и цедя слова, как всегда, когда ему противоречили, — ты теперь помнишь что-нибудь из тех стихов, которые находил такими звучными и

интересными? Ты ведь, несомненно, отличный судья в таких вещах!

— Я не выдаю себя за большого знатока, дядя! Но вам не следует сердиться на меня за то, что я больше увлекаюсь преданиями моей родины, чем подвигами Гарольдов, Гарфагеров и Гаконов, которые так любы вам.

— Да ведь они, сэр, эти могучие, непобедимые германцы, и были твоими предками. А эти голоштаные кельты, которых они покорили и только терпели, как трусливое племя, ютящееся в расселинах скал, были их *manсіrіa* [note 148](#) и илотами!

Теперь и Гектор побагровел от

гнева.

— Сэр. — промолвил он, — я не знаю, кто такие мансіріа и илоты, но уверен, что эти наименования совершенно неприложимы к шотландским горцам. Только брат моей матери может безнаказанно так выражаться в моем присутствии. И прошу вас заметить, что я не считаю ни дружественным, ни красивым, ни любезным, ни благородным говорить подобное вашему гостю и родственнику. Мои предки, мистер Олдбок...

— ... были великие и доблестные вожди. Я в этом не сомневаюсь, Гектор! И, право, я не думал, что наношу тебе столь

тяжкую обиду, касаясь такой далекой старины и предмета, который я всегда рассматриваю спокойно, вдумчиво и беспристрастно. Но ты так же горяч и нетерпелив, как Гектор и Ахилл вместе взятые, да еще с Агамемноном в придачу.

— Я сожалею, дядя, что погорячился, особенно с вами, который так заботлив и добр ко мне. Но мои предки...

— Довольно об этом, мой мальчик! Я не хотел, совсем не хотел их оскорбить.

— Очень рад, сэр. Тем более что род Мак-Интайров...

— Мир праху их всех и каждого в отдельности! — промолвил

антикварий. — Но возвратимся к нашей теме. Помнишь ли ты, спрашивал я, что-нибудь из этих стихотворений, которые доставляли тебе такое удовольствие?

«Как досадно, — подумал Мак-Интайр, — что он с таким восторгом готов беседовать обо всем древнем, но только не о моем роде! » Напрягши память, он через некоторое время добавил вслух:

— Да, сэр, мне кажется, я припомнил несколько строк. Но вы ведь не знаете гэльского языка!

— И не слишком огорчусь, если не услышу его и сейчас. Но ты можешь дать мне некоторое представление о смысле этого

отрывка на нашем родном диалекте.

— Я окажусь очень слабым переводчиком, — сказал Мак-Интайр, мысленно пробегая оригинал, уснащенный всякими *aghe*, *augh*, *ough* и другими гортанными звуками. Потом он долго откашливался и прочищал горло, словно его перевод застрял там. Наконец, пояснив, что стихотворение представляет собой диалог между поэтом Ойсином, или Оссианом, и святым Патриком — покровителем Ирландии, и что трудно, если не невозможно, передать несравненную прелесть первых двух-трех строк, сообщил, что смысл отрывка таков:

«— Патрик-псалмопевец,
Раз ты не хочешь слушать
мои повествования,
Хотя никогда раньше их не
слыхал,
Я с сожалением должен
сказать тебе,
Что ты немногим лучше
осла».

— Прекрасно! Прекрасно! —
воскликнул антикварий. — Но
продолжай! Ведь это, в конечном
счете, самое восхитительное
дурачество. И, по-моему, поэт был
совершенно прав. Что же говорит
святой?

— Он отвечает так, как от него и можно было ожидать, — сказал Мак-Интайр. — Но послушали бы вы, как это пел Мак-Элпин на языке подлинника! Речи Оссиана он исполнял петым басом, а речи Патрика — тонким тенорком.

— Я полагаю, что это соответствовало разным трубкам волынки этого самого Мак-Элпина, — заметил Олдбок. — Что же дальше? Пожалуйста, продолжай!

— Так вот, Патрик отвечает Оссиану:

«— Честное слово, сын Фингала,

Когда я заливаюсь трелями

псалмов,
А ты горланишь свои бабьи
сказки,
Это мешает моим
благочестивым занятиям».

— Превосходно! Чем дальше,
тем лучше. Надеюсь, святой Патрик
пел не так скверно, как регент хора
нашего Блеттергаула, иначе при
выборе между поэтом и
псалмопевцем трудно было бы
решить, какое зло меньше. Но меня
умиляет вежливость этих двух
видных особ при обращении друг к
другу. Как жаль, что в переводе
Макферсона нет ни слова отсюда!

— Если вы в этом уверены, — строго ответил Мак-Интайр, — это значит, что он позволял себе ничем не оправданные вольности с подлинником.

— Я думаю, скоро все это поймут, но, прошу тебя, продолжай!

— Вот что ответил ему Оссиан, — сказал Мак-Интайр:

«— Ты смеешь сравнивать
свои псалмы,
Сын... »

— Чей сын? — воскликнул Олдбок.

— Мне кажется, — несколько

нерешительно ответил молодой солдат, — он хотел сказать: «сын собаки женского пола».

«— Ты сравниваешь свои
псалмы
С рассказами голоруких
фениев? »

— Ты уверен, Гектор, что правильно производишь последний эпитет?

— Вполне уверен, сэр, — упрямо произнес Гектор.

— Дело в том, что там, может быть, говорилось о наготе другой части тела.

Не удостоив ответом это клеветническое предположение, Гектор продолжал:

«— Я думаю, не будет большой беды,
Если я откручу тебе лысую голову... »

— Но что там такое? — вдруг закричал Гектор, оборвав свою декламацию.

— Животное из Протеева стада, — сказал антикварий, — рhоса, или тюлень, спящий на берегу.

Тут Мак-Интайр с живостью молодого спортсмена сразу забыл

про Оссиана и Патрика, забыл про дядю и свою рану, с криком: «Поймаю! Поймаю!» выхватил из рук изумленного антиквария трость, чуть не сбив его при этом с ног, и помчался во всю прыть, чтобы отрезать животному путь к воде, к каковой стихии тюлень, почуяв недоброе, начал быстро отступать.

Сам Санчо, когда его господин, прервав рассказ о сподвижниках Пентаполина Обнаженной Руки, ринулся на стадо овец, был менее поражен, чем Олдбок при этой внезапной выходке племянника.

— Видно, черт в него вселился! — воскликнул он. — Надо же лезть к зверю, который вовсе не

думал о нем! — Повысив голос, он продолжал: — Гектор... племянник... дурень... оставь в покое рhоса... оставь в покое рhоса... Они отчаянно кусаются, говорю тебе! .. Однако он слушает меня не больше, чем вон тот столб... Ага, ага, вот они и сцепились! .. Ишь ты, рhоса одолевает! Рад это видеть! — с сердечной горечью произнес он, хотя, по правде, тревожился за племянника. — От всей души рад это видеть!

Действительно, заметив, что путь к отступлению прегражден быстроногим воинам, тюлень мужественно встретил его, спокойно перенес нанесенный ему

полновесный удар, нахмурился, как делают эти животные, когда раздражены, пустил в дело лапы и всю свою неуклюжую мощь, вырвал оружие из рук обидчика, повалил его на песок и, ограничившись этим, уполз в море. Не успел капитан Мак-Интайр, немало расстроенный исходом своей доблестной атаки, подняться на ноги, как был встречен ироническими поздравлениями дядюшки по поводу поединка, достойного быть увековеченным самим Оссианом, «ибо, — сказал антикварий, — твой великодушный противник умчался, хотя и не на крыльях орла, от поверженного врага. Честное слово, он проковылял

от тебя со всем величием триумфатора и, кстати, унес, в качестве *spolia opima* [note 149](#), мою палку».

Мак-Интайр мог сказать в свое оправдание лишь то, что горец не может спокойно пройти мимо лани, тюленя или лосося, не испытав на них свое охотничье искусство, и что он совсем забыл о перевязанной руке. Своим падением он тут же воспользовался как предлогом для возвращения в Монкбарнс, чем избежал дальнейших насмешек дяди и его ламентаций по поводу пропавшей трости.

— Я срезал ее, — сказал он, — в знаменитых лесах Хоторндена, когда

еще не думал навсегда остаться холостяком. Я не отдал бы ее за целый океан тюленей. Ах, Гектор, Гектор! Твой тезка был рожден, чтобы стать опорой Трои, а ты — чтобы стать бичом Монкбарнса!

ГЛАВА XXXI

*Молчи о том, что
юность слезы льет -*

*Соленую и теплую
водицу.*

*Но градинами
льдистыми сбегают*

*Они из наших
утомленных глаз,*

*Морщины остужая
щек, увядших*

*Как чувства и
надежды, застилая*

*Путь перед нами белой
пеленой.*

Старинная пьеса

Оставшись один, антикварий пошел быстрее, так как споры с племянником и завершившаяся их стычка порядочно задержали его. Вскоре он очутился возле поселка Массел-крейг. Теперь на унылых и убогих лачугах лежал грустный отпечаток траура. Все лодки были вытащены на берег, и хотя день стоял прекрасный и время года было благоприятное, тишину не нарушали ни песни рыбаков, отправлявшихся в море, ни лепет детворы, ни звонкие голоса матерей, чинивших на открытом воздухе невода. Несколько соседей, кто в старомодной, тщательно сохраняемой черной одежде, кто в обыкновенном платье,

но все с выражением скорбного сочувствия к семье, постигнутой столь внезапным и неожиданным бедствием, собрались у хижины Маклбеккитов в ожидании выноса тела. Когда приблизился лэрд Монкбарнса, они расступились, чтобы дать ему войти, затем в знак скорби приподняли шляпы, и он таким же образом ответил на их приветствия.

Внутри хижины Олдбок увидел сцену, которую способен был бы написать только наш чудесный Уилки с присущим ему глубоким и тонким пониманием натуры.

Тело лежало в гробу, поставленном на деревянную

кровать, на которой молодой рыбак спал при жизни. Неподалеку стоял отец. Его морщинистое обветренное лицо, обрамленное седыми волосами, говорило о многих проведенных им в море бурных ночах и днях, похожих на ночи. В его уме, видимо, теснились мысли об утрате, ибо лицо его выражало невыносимое горе, так легко овладевающее простыми и грубыми натурами и готовое перейти в ненависть ко всему миру и ко всем, кто в нем остался после того, как не стало любимого человека. Старик делал самые отчаянные попытки спасти сына, и его лишь силой удержали в такую минуту, когда он уже не мог помочь

несчастному и только погиб бы сам. Все это, очевидно, сейчас бурлило в его памяти. Взгляд его искоса скользил по гробу, как по предмету, на который он не мог долго смотреть, но от которого все же не мог отвести глаз. На неизбежные вопросы, с которыми время от времени к нему обращались, он отвечал кратко, резко и почти злобно. Никто из членов семьи еще не посмел сказать ему слово сочувствия или утешения. Его мужеподобная и горластая жена, в обычное время — полновластная хозяйка дома, чем она справедливо хвалилась, теперь, потрясенная тяжелой потерей, покорно молчала и вынуждена была

скрывать от супруга взрывы своего женского горя. Видя, что с минуты несчастья он отказывается от еды, и не решаясь сама подойти к нему, она утром пустилась на ухищрение и подослала к мужу самого младшего мальчика, его любимца, чтобы тот подал ему еду. Первым побуждением рыбака было в ярости оттолкнуть миску, что очень испугало ребенка, но затем он сейчас же схватил малыша на руки и стал жадно его целовать.

— Ты вырастешь славным парнем, Пати, да хранит тебя небо! Но никогда, никогда ты не станешь для меня тем, чем был Стини. Он с десяти лет выходил со мной под

парусом в море, и отсюда до Бьюкен-
несса никто лучше его не умел
закинуть невод. Говорят, люди
должны покоряться судьбе.
Попытаюсь!

И с этого мгновения он молчал,
если не приходилось, как мы уже
упоминали, отвечать на возникавшие
вопросы. Таково было безутешное
состояние отца.

В другом углу, закрыв лицо
передником, сидела мать. О силе ее
горя можно было судить по тому, как
она ломала руки и как судорожно
вздыхалась под покровом ее грудь.
Две соседки, усердно
нашептывавшие ей обычные советы
примириться с непоправимым,

казалось, старались если не утешить, то хоть заглушить ее горе своими речами.

К горю детей примешивалось недоумение. Они замечали вокруг необычайные приготовления и поставленные на стол пшеничный хлеб и вино, которыми даже беднейший крестьянин или рыбак потчует гостей при таких скорбных событиях. И, таким образом, их горе по поводу смерти брата уже почти растворилось в восхищении перед пышностью похорон.

Но самой замечательной фигурой в этой скорбной группе была бабушка. Сидя в своем обычном кресле с обычным равнодушным

видом и безразличием ко всему окружающему, она то и дело машинально пыталась вращать веретено или нащупывала возле себя прялку, хотя то и другое было отложено в сторону. Потом она оглядывала комнату, словно пораженная исчезновением неизменных принадлежностей своей работы, и, казалось, дивилась черному цвету платья, в которое ее переодели, и множеству окружавших ее лиц. В такие минуты она поднимала голову, дико озираясь, и останавливала взгляд на кровати и гробе внука, словно вдруг впервые начинала сознавать постигшее семью несчастье.

В ее полужастывших чертах отражалось то замешательство, то недоумение или горе. Но она не произнесла ни слова, не пролила ни слезинки. И никто из семьи не мог бы сказать по выражению ее лица, в какой мере до нее доходила эта необычная суeta. Она сидела среди собравшихся на похороны как связующее звено между скорбными живыми и мертвым телом оплакиваемого ими человека, как существо, в котором свет бытия уже затмевали подкрадывающиеся тени смерти.

Когда Олдбок вошел в этот дом скорби, все на минуту безмолвно склонили головы, и затем, по

шотландскому обычаю, гостей стали обносить вином и хлебом. В это время Элспет поразила и испугала всех, сделав знак разносившему угощение остановиться. Она взяла в руку стакан, встала и с бессмысленной улыбкой, игравшей на морщинистом лице, глухим, дрожащим голосом провозгласила:

— Желаю вам здравствовать, господа, и часто веселиться на таких собраниях!

Все отшатнулись при этом зловещем пожелании и поставили обратно нетронутые стаканы, содрогаясь от ужаса, понятного тем, кто знает, сколько еще суеверий распространено среди простых

шотландцев. Однако, отведав напиток, старуха вдруг воскликнула:

— Что это? Вино! Откуда вино в доме моего сына? .. Ох, теперь я поняла горестную причину, — продолжала она, подавляя стон.

Уронив стакан, она еще миг постояла, пристально глядя на кровать, где стоял гроб ее внука, затем медленно опустилась в кресло и прикрыла глаза и лоб иссохшей, бледной рукой.

В эту минуту в дом вошел пастор. Мистер Блеттергаул, неистощимый говорун, особенно на тему об обогащении казны за счет монастырей, вдовьих земельных прав, десятин и церковных тяжб,

донимавший своим красноречием слушателей в тот год, когда, к их несчастью, состоял председателем церковного суда, был все же добрый человек, по выражению шотландских пресвитериан — «прямой с богом и людьми». Ни одно духовное лицо столь усердно не посещало больных и несчастных, не поучало юношей, не наставляло несведущих и не увещевало заблудших. И поэтому, несмотря на раздражение от его многословия и предрассудков, личных и профессиональных, несмотря, далее, на постоянное отрицание за ним способности здраво мыслить, особенно в вопросах духа и вкуса, о которых Блеттергаул

был склонен распространяться, надеясь когда-нибудь пробить себе дорогу к кафедре риторики или литературы, — несмотря, повторяю, на предубеждения, вызываемые всеми этими обстоятельствами, наш друг антикварий взирал на упомянутого Блеттергаула с большим уважением и почтением, хотя, признаюсь, лэрда, вопреки требованиям приличия и увещеваниям женской части семьи, не часто удавалось, как он выражался, «с собаками выгнать» из дома, чтобы послушать проповедь названного слуги божьего. Тем не менее он всегда чувствовал неловкость, если отлучался из

Монкбарнса в тот день, когда приходил Блеттергаул, которого постоянно приглашали обедать там по воскресеньям: эти визиты были со стороны мистера Блеттергаула знаком его уважения, вполне приемлемым, по мнению хозяина, для пастора и совместимым с собственными привычками Олдбока.

Теперь после отступления, которое понадобилось нам лишь для того, чтобы ближе познакомить наших читателей с честным священнослужителем, возвратимся к прерванному рассказу. Войдя в хижину и ответив на безмолвные и скорбные приветствия находившихся там людей, мистер Блеттергаул

сейчас же протиснулся к несчастному отцу и, видимо, попытался шепнуть ему несколько слов утешения и сочувствия. Но старик еще не мог их слышать. Он лишь угрюмо кивнул головой и пожал священнику руку в знак благодарности за добрые намерения, однако либо не мог, либо не пожелал ничего ответить.

Затем священник подошел к матери, двигаясь так медленно и бесшумно, словно боялся, что пол, подобно тонкому льду, подломится под его ногами и что от первого же звука разрушатся какие-то магические чары и хижина со всеми ее обитателями провалится в бездну.

О том, что он сказал бедной женщине, можно судить только по ее ответам, когда, задыхаясь от подавляемых рыданий под покровом, который она все еще не отнимала от лица, миссис Маклбеккит чуть слышно твердила при каждой паузе пастора:

— Да, сэр, да! .. Вы очень добры... Вы очень добры... Конечно, конечно... Мы должны покориться... Но, о господи, мой бедный Стини, моя гордость, такой складный, такой красивый, такой помощник семье, утешение нам и радость всем, кто на него ни глянет! .. Ох, дитя мое, дитя мое, дитя мое! Зачем ты лежишь здесь, а я... я осталась плакать о

тебе! ..

С таким бурным проявлением горя и материнской любви ничего нельзя было поделать. Олдбок уже не раз прибегал к табакерке, чтобы скрыть слезы, от которых, несмотря на свой скептический и насмешливый нрав, он в таких случаях не мог удержаться. Женщины всхлипывали, мужчины прикрывали рот шляпами и тихонько переговаривались между собой. Пастор тем временем обратился с духовным утешением к престарелой бабушке. Сначала она слушала, или казалось, что слушает, с обычным равнодушием. Но, когда, стараясь быть понятым, он настолько

склонился над ее ухом, что смысл его слов начал отчетливо доходить до нее, — хотя те, кто стоял подальше, его и не улавливали, — лицо старухи сразу стало суровым и выразительным, как всегда бывало у нее в минуты просветления. Она выпрямилась и покачала головой, ясно выказывая досаду, если не презрение, к словам мистера Блеттергаула, а затем слегка махнула рукой, и это движение лучше слов дало понять всем присутствующим, что она отвергает предложенное ей духовное утешение. Священник на шаг отступил, будто его оттолкнули. Осторожно подняв и опустив руку, он как бы выразил одновременно

удивление, огорчение и жалость по поводу печального состояния ума старой Элспет. Всех присутствующих охватило чувство сострадания, и по толпе прошел заглушенный шепот, свидетельствовавший о том, каким благоговейным ужасом наполнила всех безнадежная мрачность и в то же время решительность старухи.

Тем временем общество провожающих пополнилось двумя лицами, которых ожидали из Фейрпорта. Снова пустили вкруговую вино и разведенный спирт, и снова все обменялись безмолвными поклонами. Старуха вторично взяла в руку стакан, выпила и со странным смехом воскликнула:

— Ха, ха! Я нынче дважды отведала вина! Как вы думаете, друзья, когда это было со мной в последний раз? .. Я не пила вина с тех пор, как...

Краска, на миг оживившая лицо Элспет, исчезла, старуха поставила стакан и снова опустилась в кресло, с которого было приподнялась, когда с жадностью потянулась за вином.

Общее удивление улеглось, и мистер Олдбок, который с болью в сердце наблюдал за тем, что он считал заблуждениями ослабленного разума, борющегося с мертвящим холодом глубокой старости и горя, заметил пастору, что пора было бы приступить к церемонии. Отец

покойного был не способен распоряжаться, но самый близкий родственник дал знак плотнику, в таких случаях исполняющему обязанности гробовщика, выполнить свое дело. Скрип винтов сейчас же известил, что крыша последнего обиталища брэнной плоти укрепляется над нею. Этот последний акт, навеки отделяющий нас от останков того, кого мы собрались оплакивать, обычно оказывает воздействие даже на самых равнодушных, себялюбивых и бессердечных. Из духа противоречия — да позволено будет нам считать его признаком узости взглядов — отцы шотландской церкви отвергают

обращение к божеству, даже по такому торжественному поводу, чтобы никто не подумал, что они поощряют обряды Рима или Англии. Гораздо правильнее и проще подходит к этому в нынешней практике большинство шотландских пасторов; они в таких случаях читают молитву и произносят слово назидания живущим еще пред останками того, кто совсем недавно был таким, как они сами, а теперь стал таким, какими со временем суждено стать и им. Однако этот достойный и похвальный обычай еще не был принят в то время, о котором я повествую; во всяком случае, мистер Блеттергаул его не

придерживался, и похороны продолжались без всяких благочестивых обрядов.

Гроб под наброшенным на него покровом, поддерживаемый за ручки ближайшими родственниками, теперь только ждал отца, который, по обычаю, должен был нести изголовье. Эти привилегированные лица позвали его, но он только отмахнулся и покачал головой в знак отказа. А те, полагая это долгом оставшегося в живых и непременною возданием почести усопшему, с благими намерениями, но малым разумением готовы были настаивать на своем требовании. Тут, однако, между оцепеневшим от горя отцом и

его благожелательными мучителями стал Олдбок и заявил, что, как землевладелец и хозяин покойного, он сам «понесет его голову к могиле».

Несмотря на столь горестный повод, такой знак внимания со стороны лэрда согрел сердца родственников покойного. И старая Эйлисон Брек, одна из рыбачек, вполголоса пообещала:

— Для его милости Монкбарнса у меня всегда найдутся две дюжины устриц (он слыл большим их любителем), хотя бы мне пришлось самой выйти за ними в море при лютном ветре.

И таков уж нрав простых

шотландцев, что, выказав уважение к их обычаям и к ним самим, мистер Олдбок приобрел в этот день большую популярность, чем до того всеми теми суммами, которые он ежегодно раздавал по приходу в порядке личной и общественной благотворительности.

Теперь печальная процессия медленно двинулась в путь. Впереди шли причетники с жезлами, жалкого вида старики, сами ковылявшие, казалось, прямо в ту могилу, к которой они провожали другого, и одетые, по шотландскому обычаю, в поношенные черные сюртуки и охотничьи фуражки с порыжелым крепом. Монкбарнс, если бы с ним

посоветовались, вероятно возражал бы против этого лишнего расхода. Но, поступив так, он обидел бы всех больше, чем почтил их, взяв на себя роль первого среди провожающих лиц. Он это отлично понимал и мудро воздержался от упрека там, где упреки и советы были равно бесполезны.

Действительно, шотландское крестьянство все еще заражено той страстью к похоронным церемониям, которая когда-то отличала виднейших сановников королевства и даже побудила шотландский парламент издать закон, ограничивающий ее. И я знавал многих людей самого низкого звания, отказывавших себе

не только в удобствах, но и во многом необходимом ради того, чтобы скопить достаточную сумму и дать возможность пережившим их друзьям похоронить их, как они это называли, «по-христиански». Их верных душеприказчиков, какую бы нужду они сами ни терпели, нельзя было побудить обратить на пользу живым те деньги, которые напрасно затрачивались на погребение мертвых.

С печальной торжественностью, обычной в таких случаях, похоронная процессия прошла около полумили до кладбища, где тело было предано родной земле, и после того, как могильщики засыпали яму и

покрыли ее свежим дерном, мистер Олдбок, сняв шляпу, поклонился своим помощникам, стоявшим в скорбном молчании, и кивком головы отпустил провожающих.

Священник предложил антикварию идти домой вместе. Однако мистер Олдбок находился под таким сильным впечатлением от того, как держались рыбак и его мать, что, движимый состраданием, а может быть, в какой-то степени и тем любопытством, которое иногда толкает нас даже к тому, что нам больно видеть, он предпочел одинокую прогулку вдоль берега, чтобы по пути еще раз посетить хижину.

ГЛАВА XXXII

*Какой здесь грех
сокрыт, какая тайна,*

*Что их ни рассказать,
ни искупить?*

*... черты лица
бесстрастны*

*В них не прочесть ни
горя, ни упорства*

*Не вспыхнут щеки, и
уста не дрогнут*

*«Таинственная
мать»*

Когда гроб был унесен с того
места, где он стоял, провожающие, в

порядке их общественного положения или родства с усопшим, гуськом вышли из хижины, причем младших детей мужского пола взяли с собой, и они семенили за носилками, на которых покоился брат, с недоумением следя за непонятным обрядом. Потом поднялись соседки и с заботливой предупредительностью увели девочек, чтобы дать несчастной чете время и возможность открыть друг другу сердца и тем смягчить горе. Однако доброе намерение женщин не возымело успеха. Едва последняя из них вышла за дверь и тихо прикрыла ее за собой, как отец, поспешно оглянувшись, чтобы

убедиться, что не осталось никого из чужих, вскочил, яростно заломил руки над головой, издал долго сдерживаемый вопль отчаяния, спотыкаясь, кинулся к кровати, на которой перед тем стоял гроб, бросился на нее и, зарывшись головой в подушку, дал исход всей силе своего горя. Напрасно несчастная мать в ужасе от такой безграничной скорби — тем более страшной, что она овладела человеком суровым и сильным, — подавила собственное горе и слезы и, теребя мужа за полы куртки, умоляла его встать и вспомнить, что, хотя одного из семьи и не стало, у него все же есть жена и дети, нуждающиеся в

поддержке и утешении. Этот призыв прозвучал слишком рано, когда отчаяние отца было еще чересчур остро, и остался без внимания. Рыбак по-прежнему лежал ничком, и рыдания, столь горькие и сильные, что от них сотрясались кровать и перегородка, у которой она стояла, руки, стискивавшие одеяло, и судорожно дергавшиеся ноги — все говорило о том, как глубоко и мучительно он страдал.

— Ох, какой день, какой день! — промолвила бедная мать, чье женское горе уже изошло стонами и слезами и теперь почти растворилось в ужасе перед тем состоянием, в котором она видела мужа. — Ох,

какой страшный час! И никого, кто бы помог бедной, одинокой женщине! Ох, матушка, хоть бы вы сказали ему слово! Хоть бы вы заставили его успокоиться!

К ее изумлению и даже ужасу, мать мужа услышала ее и откликнулась на призыв. Она поднялась, без поддержки, уверенно прошла по комнате и, остановившись у кровати, перед простертым телом рыбака, сказала ему:

— Встань, сын мой, и не скорби о том, кто уже за пределами греха, искушения и горя! Скорби о тех, кто остался в этой юдоли горя и мрака. Я вот не скорблю и не могу ни о ком скорбеть, но я больше всех нуждаюсь

в том, чтобы ты скорбел обо мне.

Голос старой матери, который уже много лет не звучал при обсуждении насущных нужд семьи, оказал действие на сына. Он сел на край постели, и его внешний вид, поза и движения выражали теперь не гневное молчание, а глубокую тоску и уныние. Бабушка удалилась в свой угол, а мать машинально взяла в руки потрепанную Библию и, казалось, начала читать, хотя глаза ее были полны слез.

Вот что происходило в комнате, когда раздался громкий стук в дверь.

— Что это? — удивилась бедная мать. — Кто мог прийти к нам в такой час? Наверно, этот человек не

слыхал о нашем несчастье!

Когда стук повторился, она встала и, открыв дверь, сердито спросила:

— Кому это понадобилось тревожить дом, куда вошло горе?

Перед ней стоял высокий человек в черном, и она сразу узнала в нем лорда Гленаллена.

— Нет ли здесь или в одном из соседних домов старой женщины по имени Элспет, которая долго жила в Крейгбернфуте?

— Это моя свекровь, милорд, — сказала Маргарет. — Но сейчас она никого не может видеть. Ох, у нас нынче тяжкое горе! Рука господы коснулась нас.

— Избави бог, — сказал лорд Гленаллен, — чтобы я по пустому делу стал беспокоить вас, когда вы в горе; но дни мои сочтены, ваша свекровь очень стара, и, если я не увижу ее сегодня, мы с ней, возможно, уже и не встретимся в этом мире.

— А зачем вам, — продолжала безутешная мать, — видеть старую женщину, сломленную годами и горем? Ни знатный, ни простой человек не переступит моего порога в тот день, когда из дома вынесли тело моего ребенка.

Говоря так со свойственной ей с малых лет и развившейся от рода занятий раздражительностью (эта

раздражительность теперь, когда прошли первые неудержимые вспышки отчаяния, уже начала примешиваться к ее горю), миссис Маклбеккит держала дверь приотворенной, но загораживала собою проход, не давая гостю пройти.

Однако изнутри слышался голос мужа:

— Кто там, Мэгги? Почему ты его не впускаешь? Пропусти того, кто пришел! Не все ли равно мне теперь, кто и когда входит и выходит из моего дома!

Повинуясь приказанию мужа, женщина отступила в сторону и дала лорду Гленаллену войти в хижину.

Страдание, сквозившее во всем его облике и написанное на его изможденном лице, разительно отличалось от следов горя на грубом, обветренном лице рыбака и на мужественных чертах его жены. Он приблизился к старухе, сидевшей в своем обычном кресле, и, напрягая голос, спросил ее:

— Вы Элспет из Крейгбернфута?

— Кто спрашивает о злосчастном месте, где жила эта дурная женщина?

— сказала она вместо ответа на его вопрос.

— Несчастный лорд Гленаллен.

— Граф? .. Граф Гленаллен? !

— Тот, кого звали Уильям, лорд Джералдин, — пояснил граф, — и кого смерть матери сделала графом Гленалленом.

— Отвори ставень, — властно и нетерпеливо обратилась старуха к невестке, — скорей отвори ставень, чтобы я могла видеть, настоящий ли это лорд Джералдин, сын моей госпожи, тот, кого я приняла на руки в час его рождения и кто в полном праве проклинять меня за то, что я не задушила его в тот самый час!

Окно, которое держали закрытым, чтобы полумрак подчеркивал торжественность похоронного обряда, было по ее приказанию открыто. Внезапный и

сильный свет пронизал дымный и мутный воздух душной хижины. Падая широким потоком на камин, лучи, словно на полотнах Рембрандта, озарили лица несчастного дворянина и старой сивиллы, которая встала и, держась за него одной рукой, пристально всматривалась в него выцветшими голубыми глазами и длинным сморщенным пальцем медленно водила перед его лицом, словно стараясь проследить его черты и примирить то, что она помнила, с тем, что видела теперь. Окончив свой внимательный осмотр, она с глубоким вздохом произнесла:

— Печальная, печальная

перемена! .. И чья же это вина? Это записано там, где о том вспомнят, записано на медных досках стальным пером, где записывается все, что совершает грешная плоть... Что же нужно, — спросила она, помолчав, — лорду Джералдину от бедной старухи, которая уже мертва и принадлежит к живым лишь потому, что ее еще не положили в землю?

— Да нет же! — возразил граф Гленаллен. — Во имя неба скажи, почему ты так настоятельно хотела меня видеть и подкрепила просьбу присылкой такого знака, что я — ты это понимала — не посмел бы тебе отказать?

С этими словами он вынул из кошелька перстень, который Эди Охилтри принес ему в Гленалленхауз.

Вид этой вещи мгновенно оказал на старуху странное действие. К старческой дрожи прибавилась дрожь страха. Элспет сейчас же начала рыться в карманах с трепетным волнением человека, подозревающего, что он потерял что-то очень важное; потом, словно убедившись в основательности своих опасений, она повернулась к графу и спросила:

— Как он попал к вам? Как вы его добыли? Я думала, что он у меня в сохранности. Что скажет графиня?

— Вы знаете, — сказал граф, — вы должны были слышать, что моя мать умерла.

— Умерла? Вы не обманываете меня? Значит, она рассталась наконец с землями, и титулами, и родословными?

— Со всем, всем, — ответил граф, — как расстаются смертные со всякой суетой!

— Теперь я вспоминаю, — промолвила Элспет, — я уже слыхала об этом. Но с тех пор в нашем доме случилось такое несчастье, а память моя так ослабела... Так вы уверены, что ваша мать ушла из мира сего?

Граф еще раз подтвердил старухе, что ее прежней госпожи не

стало.

— Тогда, — сказала Элспет, — тайна больше не будет угнетать мою душу. Пока графиня жила, кто посмел бы разглашать то, что было ей неудобно? Но она ушла, и я признаюсь во всем.

Повернувшись к сыну и невестке, она властным голосом приказала им покинуть дом и оставить лорда Джералдина — так она продолжала его называть — наедине с ней. Но Мэгги Маклбеккит теперь, когда первый приступ горя у нее прошел, вовсе не была склонна покорно выслушивать в своем собственном доме распоряжения свекрови, чья власть бывает

особенно тягостна для женщины такого общественного положения, как Мэгги. Ее очень удивила эта властность, которую она считала давно угасшей и забытой.

— Слыханное ли дело, — вполголоса заворчала она, несколько робея в присутствии такой важной особы, как лорд Гленаллен, — слыханное ли дело требовать, чтобы мать, еще не осушив слез, ушла из своего собственного дома, когда только что из дверей вынесли труп ее старшего сына?

Рыбак неприязненным и упрямым тоном поддержал ее.

— Нынешний день не для твоих старых сказок, мать... Милорд —

ежели он и впрямь лорд — может прийти в другое время, а коли хочет, пусть говорит, что ему надо. Никому здесь нет охоты слушать его или тебя. Но ни лорду, ни простому человеку в угоду я не уйду из своего дома в тот самый день, когда мой бедный...

Тут его голос сорвался, и он не мог продолжать. При входе лорда Гленаллена он встал и так и стоял все время, а теперь решительно опустился на стул и застыл в угрюмой позе человека, который не отступится от своего слова.

Но старухе серьезность этого часа, казалось, вернула все силы и некогда присущее ей умственное превосходство. Она поднялась и,

подойдя к нему, торжественным голосом произнесла:

— Сын мой, если ты не хочешь слушать рассказ о позоре своей матери, если ты не хочешь стать добровольным свидетелем ее вины и если ты хочешь заслужить ее благословение и отворотить ее проклятие, заклинаю тебя, приказываю тебе ради той, кто тебя родила и вскормила, дай мне свободно поговорить с лордом Джералдином о том, чего не должен слышать ни один смертный, кроме него. Повинуйся моим словам, дабы в тот день, когда ты засыплешь прахом земным мою главу — ох, скорей бы этот день настал! — ты мог бы

вспомнить об этой минуте и не корить себя за то, что не исполнил последнего земного желания своей матери.

Слова этого торжественного требования пробудили в сердце рыбака привычку к бессознательному послушанию, к которому приучила его мать и которого он никогда не нарушал в те времена, когда она еще владела всеми своими силами. Воспоминание об этом переплелось с наполнявшим его чувством и, бросив взгляд на постель, где еще недавно лежало мертвое тело, старик пробормотал:

— Он не знал, что значит

ослушаться меня, соглашался он со мной или нет. Зачем же я буду сердить ее?

Взяв упиравшуюся супругу под руку, он бережно вывел ее из дому и закрыл за собой дверь на щеколду.

Когда несчастные родители ушли, лорд Гленаллен, опасаясь, как бы старуха вновь не впала в бесчувственное состояние, опять начал настаивать, чтобы она рассказала ему то, что хотела.

— Вы успеете услышать это, — ответила она. — Мой ум сейчас достаточно ясен, и едва ли, — да я этого и не думаю, — едва ли я забуду то, что мне надо сказать. Моя жизнь в Крейгбернфуте стоит у меня перед

глазами, как наяву, зеленый склон с песчаной кромкой там, где ручей вливался в море, две лодки со сложенными парусами в бухточке, высокий утес за садом дома Гленалленов, нависший над потоком... Увы, я могу забыть, что у меня был муж и я потеряла его, что остался в живых лишь один из наших четырех молодцов-сыновей, что несчастье за несчастьем поглотило наше несправедливо нажитое богатство, что только в это утро из дома вынесли тело первенца моего сына, — но я никогда не забуду дней, проведенных в прекрасном Крейгбернфуте!

— Ты была любимицей моей

матери, — сказал лорд Гленаллен, стараясь навести ее на главную тему, от которой она уже начала отклоняться.

— Была, была... Вам незачем напоминать мне об этом. Она дала мне воспитание, какого не получают девушки из народа, дала мне знания, каких не было у моих товарок. Но, как древний искусситель, она, научив меня добру, научила и злу.

— Ради бога, Элспет, — произнес измученный граф, — объясни, если можешь, свои ужасные намеки. Я знаю, тебе известна такая страшная тайна, что, стоит высказать ее, и крыша рухнет у нас над головой. Но все равно, говори!

— Я скажу, скажу, — отозвалась она, — но только потерпи еще немного. — И снова она, казалось, погрузилась в воспоминания, но теперь к ним больше не примешивались ни безумие, ни апатия.

Она готовилась приступить к тому, что давно обременяло ее ум и, несомненно, часто завладевало всей ее душой в такие часы, когда всем окружающим она казалась мертвой. И могу добавить примечательную особенность: мощный дух старухи так воздействовал на ее телесные силы и нервную систему, что, несмотря на глухоту, каждое слово, произнесенное лордом Гленалленом

во время этого необычайного свидания, хотя бы оно было лишь тихим отзвуком ужаса или душевной муки, достигало слуха Элспет с той же отчетливостью, как и в прежние годы ее жизни. И сама она говорила ясно, внятно и медленно, словно заботясь о том, чтобы то, что она сообщила, было до конца понято. В то же время речь ее была сжатой, свободной от многословия или добавлений, естественных для представительницы ее пола, притом в таких преклонных летах. Короче говоря, ее язык свидетельствовал о некоторой образованности, а также об удивительно твердом и решительном уме и о таком

характере, от которого можно ожидать больших преступлений. Суть ее сообщения изложена в следующей главе.

ГЛАВА XXXIII

*Раскаянье — оно
неумолимо:*

*Ищейкой злобною
бежит за нами*

*По лабиринту молодых
безумств,*

*Не слышим мы ее, пока
сильны,*

*Пока суставы не свела
нам старость.*

*Когда ж года
разрушат все надежды,*

*У ложа нашего
раздастся лай,*

Нам возвещая гнев, и

скорбь, и кару.

Старинная пьеса

— Мне не к чему говорить вам, — начала старуха, обращаясь к графу Гленаллену, — что я была любимицей и доверенным лицом Джоселинд, графини Гленаллен, да упокоит бог ее душу! — При этих словах она перекрестилась. — И я думаю, вы помните, что я пользовалась ее благосклонностью много лет. Я отвечала ей самой искренней привязанностью, но потом впала в немилость из-за ничтожного непослушания, о котором вашей матери сообщила та,

кто считала, — и не без основания, — что я слежу за ней и за вами.

— Я запрещаю тебе, женщина, называть ее имя в моем присутствии! — дрожащим от волнения голосом воскликнул граф.

— Я должна назвать его, — твердо и спокойно ответила кающаяся, — иначе как вы поймете меня?

Граф оперся на один из стоявших в хижине простых стульев, надвинул шляпу на глаза, сжал руки, стиснул зубы, как человек, готовящийся к мучительной операции, и сделал старухе знак продолжать.

— Так вот, я сказала, — вновь заговорила она, — что своей немилостью в глазах госпожи я обязана главным образом мисс Эвелин Невил, воспитывавшейся тогда в замке Гленаллен как дочь умершего двоюродного брата и близкого друга вашего покойного отца. В ее истории было много загадочного, но кто посмел бы спрашивать графиню о том, что она не хотела сказать? В замке все любили мисс Невил, кроме двоих — вашей матери и меня: мы ее ненавидели.

— Боже! По какой же причине? Ведь такого кроткого, такого нежного создания, способного внушать только

любовь, еще не знал наш
злополучный мир!

— Может, это и так, — ответила
Элспет, — но ваша мать ненавидела
всю семью вашего отца, кроме него
самого. Пошло все из-за раздора,
который возник между ними вскоре
после свадьбы. Как все это было —
сейчас не имеет значения. Но
ненависть вашей матери к Эвелин
Невил удвоилась, когда она заметила
взаимную склонность между вами и
несчастной молодой леди. Вы,
может, помните, что вначале графиня
выказывала свою неприязнь к ней
только тем, что холодно и
высокомерно с ней обращалась. По
крайней мере больше ничего не было

заметно. Но со временем дело дошло до такой вражды, что мисс Невил пришлось искать убежища в замке Нокуиннок, у жены сэра Артура, которая (мир праху ее!) тогда еще была жива.

— Ты разрываешь мне сердце, вспоминая эти подробности. Но говори, и пусть моя сегодняшняя мука будет лишней карой за мое невольное преступление!

— Однажды ночью, — продолжала Элспет, — когда мисс Невил не жила дома уже несколько месяцев, я поджидала в своей хижине возвращения мужа с рыбной ловли и тайком проливала горькие слезы, которые мой гордый дух

исторгал из меня при мыслях об опале. Кто-то поднял щеколду, и в мое жилище вошла графиня, ваша мать. Я подумала, что предо мной призрак, ибо даже во времена наибольшего благоволения она никогда не оказывала мне такой чести; и она была так бледна и страшна, словно вышла из могилы. Она села и отжала воду из волос и плаща, так как моросил дождь, а идти ей пришлось через заросли, покрытые росой. Я упоминаю обо всем этом лишь для того, чтобы вы поняли, как ясно живет эта ночь в моей памяти. Оно и неудивительно! Увидев графиню, я была поражена, но не посмела заговорить первой,

как если бы увидела духа.

«Элспет Чен, — сказала она, помолчав (она всегда называла меня девическим именем), — не дочь ли ты Реджиналда Чена, который умер, чтобы спасти своего господина, лорда Гленаллена, на поле боя при Шериф-Мюре? »

И я ответила ей почти так же гордо:

«Это так же верно, как то, что вы дочь графа Гленаллена, которого мой отец спас в тот день ценой собственной жизни».

Здесь старуха глубоко задумалась.

— Что же было потом? Что же потом? Ради бога, добрая женщина...

Впрочем, то ли это слово? .. Но, добрая ты или злая, я велю тебе говорить!

— Мало значили бы для меня земные веления, — ответила Элспет, — если бы во сне и наяву со мной не говорил голос, заставляющий меня рассказывать эту печальную повесть. Так вот, милорд, графиня сказала мне:

«Мои сын любит Эвелин Невил. Они дали друг другу слово. Они помолвлены. Если у них родится сын, мои права на поместье Гленалленов отпадут. С этой минуты я превращаюсь из графини в жалкую вдову-управительницу. Я, которая дала супругу земли и вассалов,

высокую кровь и древнюю славу, перестану быть госпожой, как только у моего сына появится наследник мужского пола. Все же с этим я могла бы примириться. Если бы он женился на ком угодно, кроме ненавистных мне Невилов, я стерпела бы. Но мысль, что им и их потомкам достанутся права и почести, принадлежавшие моим предкам, как кинжал пронзает мое сердце. А эта девчонка — я ее ненавижу! »

И я ответила, ибо сердце мое воспламенилось от ее слов, что полностью разделяю ее ненависть.

— Негодяйка! — воскликнул граф, вопреки своей решимости

хранить молчание. — Негодная женщина! Как могла ты ненавидеть такое невинное и милое создание?

— Я ненавидела тех, кого ненавидела моя госпожа, как полагалось вассалам дома Гленалленов. Я вышла, милорд, за человека, который был ниже меня по положению, но щит перед любым вашим предком, который шел в бой, всегда нес предок той хилой, старой, полоумной негодяйки, которая сейчас говорит с вами. Это не все, — продолжала старая колдунья, чьи земные и неземные страсти разгорались по мере ее рассказа. — Это не все. У меня были свои причины ненавидеть мисс Эвелин

Невил. Это я привезла ее из Англии, и всю дорогу она, задирая нос, издевалась над моим северным произношением и одеждой, как это делали на юге многие леди и подружки мисс Эвелин по пансиону — так они называли ее школу.

(Как ни странно, об этой обиде, неумышленно нанесенной ей ветреной школьницей, она говорила с таким давним ожесточением, какое после огромного промежутка времени не могло бы быть оправдано, да и не могло бы возникнуть у человека в здравом рассудке.)

— Да, она презирала и высмеивала меня, но презревший

тартан да страшится кинжала!

Она приумолкла, потом заговорила снова:

— Я не отрицаю, что ненавидела ее больше, чем она заслуживала. После моих слов моя госпожа графиня настойчиво продолжала:

«Элспет Чен, этот своенравный мальчишка женится на девке с фальшивой английской кровью. В былые дни я могла бы бросить ее в гленалленский массимор [note 150](#), а его посадить на цепь в башне Стретбоннела. Но эти времена прошли, и власть, которая должна была бы принадлежать знатным людям страны, перешла к

изворотливым крючкотворам и к их еще более низким помощникам. Выслушай же меня, Элспет Чен! Если ты дочь твоего отца, как я — дочь моего, я найду средство помешать их браку. Она часто ходит на утес над твоим жилищем и смотрит оттуда, не видна ли лодка ее милого (Вы, вероятно, помните, милорд, как вы любили выходить под парусом в море?) Сделай так, чтобы он нашел ее на сорок сажен ниже, чем ожидает! »

— Да, вы можете смотреть на меня во все глаза, и хмурить лоб, и сжимать кулаки, но как верно то, что я должна предстать перед тем единственным, кого я боюсь, — о,

почему я не боялась его сильнее! — таковы были слова вашей матери. Зачем стала бы я вам лгать? Но я не согласилась запятнать свои руки кровью. Тогда она сказала:

«По законам нашей святой церкви они слишком близкие родственники. Но я не удивлюсь, если оба они в своем непослушании дойдут до того, что станут еретиками».

Это был ее дополнительный довод. А так как дьявол всегда внушает коварные мысли таким, как я, забирающимся выше, чем следует, я, к несчастью, вставила: «Но их можно было бы уверить в таком близком родстве, при котором

никакой христианский закон не разрешит их брака».

Тут лорд Гленаллен повторил ее слова, закричав так пронзительно, что, казалось, крыша хижины развалится у них над головами:

— Ах! Значит, Эвелин Невил не была... не была...

— Дочерью, хотите вы сказать, вашего отца? — продолжала Элспет. — Нет! Будет ли это новой пыткой для вас или утешением, узнайте правду, она такая же его дочь, как я.

— Не обманывай меня, женщина! Не заставляй меня проклясть память матери, которую я только что похоронил, за участие в

заговоре самом жестоком, самом адском...

— Подумайте, милорд Джералдин, прежде чем проклинать память умершей родительницы, нет ли среди живых человека с кровью Гленалленов в жилах, чьи прегрешения привели к этому ужасному несчастью.

— Ты подразумеваешь моего брата? Но он тоже умер, — возразил граф.

— Нет, — ответила сивилла, — я подразумеваю вас самого, лорд Джералдин. Если вы не нарушили сыновний долг послушания и не женились тайно на Эвелин Невил, когда она гостила в Нокуинноке, наш

заговор мог бы на время разлучить вас, но по крайней мере к вашему горю не примешивались бы жестокие угрызения совести. Ваше собственное поведение наплатило ядом то оружие, которым мы вас поразили, и оно пронзило вас с тем большей силой, что вы сами ринулись ему навстречу. Если бы ваш брак был оглашен и признан, наш замысел создать непреодолимое препятствие на вашем пути был бы невыполним.

— Боже милостивый! — воскликнул несчастный дворянин. — Словно пелена спала с моих затуманенных глаз! Да, теперь я хорошо понимаю те неясные намеки,

которыми пыталась меня утешить моя несчастная мать, ставя под сомнение то страшное дело, хотя ее же козни заставили меня считать, что я в нем повинен.

— Она не могла сказать яснее, — ответила Элспет, — не признавшись сама в обмане, а между тем она скорее дала бы разорвать себя дикими конями, чем открыть то, что содеяла. И будь она еще жива, ради нее молчала бы и я. В роду Гленалленов были твердые сердца и у мужчин и у женщин. Такими были в старые времена все, кого собирал боевой клич «Клохневен». Они стояли плечом к плечу, и ни один не покидал вождя из любви к золоту

или выгоде, к добру или злу. Теперь, говорят, времена переменялись.

Несчастный граф был слишком погружен в свои собственные смутные и тягостные мысли, чтобы заметить суровые и полные дикой преданности слова, в которых даже при последнем проблеске жизни злосчастная виновница его бедствий упрямо находила источник мрачного утешения.

— О небо! — воскликнул он. — Итак, я неповинен в самом ужасном преступлении, какое может запятнать человека. Хотя оно и было невольным, сознание вины погубило мой покой, разрушило мое здоровье и привело меня к преждевременной

могиле. Прими, боже, — с жаром произнес он, устремив взор ввысь, — мое смиренное благодарение! Хоть я и доживу свой век несчастным, все же я умру чистым от такого противоестественного греха. А ты продолжай, если можешь еще что-нибудь сообщить, пока у тебя есть голос, чтобы говорить, а у меня силы — слушать.

— Да, — ответила старуха, — час, когда вы можете слушать, а я — говорить, быстро истекает. Смерть своим перстом уже перекрестила ваш лоб, а мне с каждым днем все больше холодит и сжимает сердце. Не прерывайте же меня возгласами, и стонами, и обвинениями, но

выслушайте мой рассказ до конца. А тогда, если вы на самом деле такой лорд Гленаллен, о каких я слыхала в мои дни, велите своим шутам навалать терновника и остролиста, навалить их до самой кровли и сжечь, сжечь, сжечь старую колдунью Элспет со всем, что могло бы вам напомнить про эту тварь, когда-то ползавшую по земле!

— Продолжай, — сказал граф, — я больше не буду тебя прерывать.

Он говорил сдавленным, но твердым голосом: он не хотел, чтобы раздражительность помешала ему почерпнуть истину из удивительной истории, которую он слушал. Но

Элспет изнемогла от такого долгого и непрерывного рассказа. Дальнейшая ее речь была более отрывиста и хотя почти все время достаточно внятна, но уже лишена той удивительной и ясной сжатости, которой отличалась вначале. После нескольких безуспешных попыток Элспет продолжать лорд Гленаллен, увидев, что ее памяти нужно помочь, спросил, какими доказательствами она могла бы подкрепить достоверность повествования, столь отличного от того, что она говорила раньше.

— Доказательства истинного происхождения Эвелин Невил, — ответила она, — были в руках

графини, но она имела причины их временно скрывать. Их все же еще можно найти, если только она их не уничтожила, в левом ящике шкафчика черного дерева, стоящего в ее будуаре. Графиня припрятывала эти документы до времени, когда вы снова поедете за границу, а тогда она рассчитывала до вашего возвращения отослать мисс Невил назад, на родину, или же выдать замуж.

— Но разве вы не показывали мне писем отца, в которых, — если только мои чувства не отказались служить мне в тот ужасный миг, — он признавал свою родственную связь с... с несчастной...

— Да, показывали. И при моем

свидетельстве как вы могли сомневаться и не верить? Но мы утаили подлинное объяснение этих писем, а оно состояло в том, что ваш отец по некоторым семейным причинам считал нужным временно выдавать молодую леди за свою дочь.

— Но зачем, узнав о нашем союзе, вы упорствовали в этом ужасном обмане?

— Леди Гленаллен, — ответила Элспет, — пустила в ход эту ложь еще до того, как заподозрила, что вы действительно поженились, да и потом ваше признание не убедило ее, так как осталось неясным, был ли действительно совершен брачный обряд. Но вы помните — о, вы не

можете не помнить! — что произошло во время этого страшного свидания?

— Женщина, ты теперь отрицаешь то, в чем клялась на Евангелии.

— Клялась и принесла бы, если б это было возможно, еще более священную клятву; я не пожалела бы крови моего тела или блага моей души, чтобы служить дому Гленалленов.

— Чудовище! Это ужасное клятвопреступление, сопровождавшееся еще более ужасными последствиями, ты считаешь услугой дому твоих благодетелей?

— Я служила ей — ведь она была тогда главой рода Гленалленов — так, как она требовала от меня. Она ушла, чтобы держать ответ, и мне надо идти за ней. Все ли я вам сказала?

— Нет, — ответил лорд Гленаллен, — ты должна сказать больше, ты должна рассказать еще о смерти ангела, которого твое лжесвидетельство довело до отчаяния, до мысли, что и она запятнана ужасным преступлением. Говори правду: произошел ли тот страшный случай, тот... ужасный случай так, — он с трудом произносил слова, — произошел ли он так, как мне передавали? Или же

это была еще одна неслыханная жестокость ее врагов?

— Понимаю вас, — промолвила Элспет. — Вам тогда сказали правду. Причиной на самом деле было наше ложное свидетельство, но решилась на свой поступок она сама, доведенная до безумия. После того ужасного объяснения, когда вы кинулись прочь из покоев графини, оседлали коня и молнией умчались из замка, графиня еще не дозналась о вашем тайном браке. Она не знала, что союз, для предупреждения которого она сочинила свою ужасную историю, уже заключен. Вы бежали из дома, как если бы небесный огонь готов был пасть на

него, а мисс Невил, разум которой помутился, была отдана под строгий надзор. Но стража уснула, а пленница бодрствовала. Окно было открыто... путь — свободен... Утес и море... О, когда же я это забуду!

— Значит, она умерла, — спросил граф, — так, как рассказывали?

— Нет, милорд! Я вышла на берег бухты. Уже начался прилив, а вы знаете — он доходит до подошвы утеса. Это было очень выгодно для ремесла моего мужа... Кажется, я отвлеклась? .. Вдруг я увидела сквозь туман, как с вершины утеса метнулось вниз, словно чайка, что-то белое, и сейчас же по громкому

всплеску и сверкнувшим брызгам я поняла, что в воду упал человек. Я была смелая, сильная и привыкла к морю. Я бросилась в воду, схватила ее за плащ, вытащила на берег и на плечах — я могла бы поднять и двоих — отнесла в свою хижину. Там я уложила ее на кровать. Пришли соседи, чтобы помочь, но когда бедняжка вновь обрела дар речи, она в бреду говорила такое, что я поспешила всех удалить и дала знать в Гленаллен-хауз. Графиня прислала свою горничную, испанку Терезу. Если дьявол когда-либо ходил по земле в человеческом образе, так это была она. Мы с ней должны были сторожить бедную леди и никого не

подпускать к ней. Бог знает, что велели Терезе, — мне она ничего не сказала, — но провидение решило само. Бедная леди! У нее преждевременно начались родовые схватки, она родила мальчика и скончалась у меня на руках, на руках у своего смертельного врага! О, вы можете плакать — она была прелестна и в смерти. Но если я не плакала над ней тогда, не думайте, что я могу оплакивать ее теперь. Нет, нет! Я оставила Терезу с трупом и новорожденным младенцем и пошла к графине, чтобы узнать ее распоряжения. Хотя было поздно, я вызвала ее, и она приказала мне позвать вашего брата.

— Моего брата? ..

— Да, лорд Джералдин, именно вашего брата, о котором говорили, что графиня всегда хотела видеть его своим наследником. Во всяком случае, он был тем, кого ближе всего касались вопросы наследования в доме Гленалленов.

— Можно ли поверить, что мой брат, из алчного желания завладеть наследством, принял участие в таких низких и страшных замыслах?

— Ваша мать в это верила, — с дьявольским смехом произнесла старая мегера. — Но тут уж я ни при чем, и что они делали или говорили, я не скажу, потому что не слыхала. Долго они препирались и совещались

в комнате с черными панелями. И когда ваш брат проходил через комнату, где я ждала, мне показалось (и я много раз думала об этом потом), что адский огонь пылал на его щеках и в глазах. Но часть этого огня он оставил матери. Она вошла в комнату, как помешанная, и первые слова, которые она произнесла, были:

«Элспет Чен, случилось ли тебе сорвать только что распустившийся цветок? »

Я ответила, — как вы сами понимаете, — что случилось, и часто.

«Тогда, — сказала она, — ты должна знать, как уничтожить

сорный и еретический цвет, распустившийся этой ночью на позор благородному дому моего отца. Вот! — И она протянула мне золотой кинжал. — Только золоту можно проливать кровь Гленалленов. Это дитя все равно что мертвое, поступите с ним как вам велит ваш долг передо мной».

Она стремительно повернулась и оставила меня с кинжалом в руке. Вот он! Этот кинжал и кольцо мисс Невил — вот все, что я сохранила из своих греховно приобретенных ценных богатств — ведь добра мне досталось много. И тайну я берегла крепко, но не ради золота и богатства.

Длинной костлявой рукой она подала лорду Гленаллену золотой кинжал, и ему померещилось, что он видит каплющую кровь своего ребенка.

— Проклятая! Неужели у тебя хватило духу?

— Хватило бы или нет — не знаю. Когда, не чуя земли под ногами, я вернулась в хижину, Тереза и ребенок исчезли. Исчезло все живое, осталось только бездыханное тело.

— И ты так и не узнала о судьбе моего ребенка?

— Я могла лишь строить догадки. Я уже говорила вам, чего хотела ваша мать, и я не знала, что

Тереза была сущий дьявол. С тех пор ее никогда не видели в Шотландии, а я слыхала, будто она возвратилась на родину. Темная завеса опустилась над прошлым, и те немногие, кто был отчасти его свидетелем, могли только предполагать, что девушку соблазнили и она покончила с собой. Вы сами...

— Знаю... Знаю! — промолвил граф.

— Да, вот вы и знаете все, что я могла бы рассказать. А теперь, наследник Гленалленов, можете ли вы простить меня?

— Моли о прощении бога, а не человека! — сказал граф, отворачиваясь.

— Как же я могу молить чистого и безгрешного о том, в чем мне отказывает такой же грешник, как я? Да, я грешила, но разве я не страдала? Был ли у меня хоть день покоя, хоть час отдыха с тех пор, как эти длинные мокрые локоны легли на мою подушку в Крейгбернфуте? Разве не сгорел мой дом с ребенком в колыбели? Разве не разбивались мои лодки, когда другие выдерживали шторм? Разве не несли все близкие и дорогие мне люди кару за мой грех? Не взял ли огонь свою часть? А ветры — свою? Не взяло ли свою и море? Ох, — глубоко вздохнула она, сперва подняв глаза к небу, потом опустив их, — ох, скорее бы и земля

взяла свою часть, которая давно жаждет соединиться с остальными.

Лорд Гленаллен был уже у двери, но благородство не позволило ему покинуть несчастную женщину в таком отчаянии и сокрушении.

— Да простит тебя бог, несчастная, так же, как я тебя прощаю! — сказал он. — Моли о милосердии того, кто один может даровать его, и да будут твои молитвы услышаны, как если б они были моими. Я пришлю к тебе священника.

— Нет, нет, не надо священника! — воскликнула было она, но в этот миг дверь отворилась.

ГЛАВА XXXIV

Он мертв, но тянутся из
гроба нити

И заставляют сердце
трепетать

В груди отца. Так, руку
потеряв,

Ее, нам кажется, мы
ощущаем,

И долго боль еще живет в
обрубке.

Старинная пьеса

Как мы сообщили читателю в
конце тридцать первой главы,
антикварий отделился от общества

достойного мистера Блеттергаула, хотя тот и угрожал занять его выдержками из блестящей речи о десятинном налоге, которую произнес в суде поверенный, выступавший на стороне церкви по достопамятному иску Гезеремского прихода. Устояв против этого искушения, наш джентльмен предпочел направиться по уединенной тропинке, которая вновь привела его в хижину Маклбеккита. Очнувшись перед хижиной рыбака, он увидел человека, усердно чинившего разбитую лодку, лежавшую на берегу. Подойдя ближе, мистер Олдбок, к своему удивлению, узнал в нем самого Маклбеккита.

— Я рад, Сондерс, — сочувственно сказал антикварий, — что ты нашел в себе силы взяться за работу.

— А что прикажете делать, — сердито ответил рыбак. — Не могу же я допустить, чтобы четверо ребят голодали из-за того, что один утонул. Хорошо вам, богатым: потеряв друга, вы можете сидеть дома, прижимая к глазам платок. Ну, а мы должны браться за работу, хотя бы сердце стучало, как молот.

Не обращая внимания на Олдбока, он продолжал свое дело. Но антикварий, которого проявления человеческой натуры под напором страстей никогда не оставляли

равнодушным, остался возле него, с молчаливым вниманием следя за тем, как подвигается его работа. Не раз он замечал, как жесткие черты рыбака складывались так, словно он по привычке собирался напевом или свистом вторить звуку пилы или молотка, но сейчас же легкое подергивание мышц лица показывало, прежде чем успевала раздаться мелодия, что Сондерс мгновенно подавляет в себе это побуждение. Наконец, когда он заделал довольно большую пробоину и приступил к другой, его чувства, по-видимому, настолько одолели его, что совсем ослабили внимание, необходимое для работы. Кусок

дерева, который он хотел прибить гвоздями, сначала оказался слишком длинным. Когда же Маклбеккит отпилил от него часть, он стал слишком коротким. Тогда рыбак выбрал другой, столь же малопригодный. Наконец, гневно отшвырнув его и вытерев затуманенные глаза дрожащей рукой, Сондерс воскликнул:

— Какое-то проклятие лежит на мне или на этой чертовой лодке! Для того ли я столько лет вытаскивал ее на берег и спускал на воду, латал и конопатил, чтобы в конце концов она утопила моего бедного Стини, пропади она совсем! — И он запустил в нее топором, словно она

умышленно навлекла на него несчастье. Опомнившись, он добавил: — Нет, к чему гневаться на нее, когда у нее ни души нет, ни смысла! Я и сам сейчас немногим лучше. Что она такое? Куча прогнивших досок, сколоченных вместе, покоробленных ветром и волнами, а я — угрюмый и грубый рыбак, потрепанный бурями на суше и на воде и почти такой же бесчувственный, как она. Все же нужно починить ее к утреннему приливу, без этого не обойтись! Говоря так, он начал собирать инструменты и хотел было снова приступить к работе, но Олдбок ласково взял его за рукав.

— Стой, стой, Сондерс, — сказал он. — Сегодня тебе не надо работать. Я пришлю сюда плотника Шевингса, он починит лодку. Этот день пусть он поставит мне в счет. А завтра лучше не выходи в море, а оставайся с семьей, чтобы утешить ее в горе. Садовник принесет вам из Монкбарнса овощей и муки.

— Спасибо вам, Монкбарнс, — ответил бедный рыбак. — Я человек прямой и не умею тонко выражаться. В свое время я мог бы поучиться хорошим манерам у моей матушки, хотя и не вижу, чтобы ей было от них много пользы. Но я вам благодарен. Вы показали себя добрым соседом, как бы люди ни говорили, будто вы

мелочны и скупы. И, когда у нас начинали подбивать бедный люд против богатых, я всегда говорил, что ни один волос не упадет с головы Монкбарнса, пока мы со Стини можем хоть пальцем пошевелить. И Стини то же самое говорил. И когда вы, Монкбарнс, опустили его голову в могилу (спасибо, что уважили нас), земля покрыла честного парня, который чтит вас, хотя и не болтал об этом.

Олдбок, сбитый со своей позиции напускного скепсиса, не хотел бы, чтобы кто-нибудь вздумал по этому случаю напоминать ему его излюбленные изречения философов-стоиков. Крупные капли быстро

падали у него из глаз, когда он просил отца, растроганного воспоминанием о мужестве и благородстве сына, побороть в себе бесполезное горе и повел его за руку к дому, где антиквария ожидала новая сцена. Когда он вошел, то первый, кого он увидел, был лорд Гленаллен.

Немое удивление отразилось на лицах обоих, когда они приветствовали друг друга: Олдбок — с надменной сдержанностью, граф — с замешательством.

— Милорд Гленаллен, если не ошибаюсь? — спросил мистер Олдбок.

— Да, но очень изменившийся с

тех пор, как он был знаком с мистером Олдбоком.

— Я не хотел помешать вашей светлости, — сказал антикварий. — Я пришел только навестить эту несчастную семью.

— И нашли человека, сэр, имеющего еще больше прав на ваше сострадание.

— На мое сострадание? Лорд Гленаллен не может нуждаться в моем сострадании. А если бы лорд Гленаллен и нуждался в нем, он едва ли стал бы просить.

— Наше прежнее знакомство... — начал граф.

— ... относится к такому давнему времени, милорд, было

таким кратким и было связано с такими исключительно тягостными обстоятельствами, что, я полагаю, нам не стоит возобновлять его.

Сказав это, антикварий повернулся и вышел из хижины. Но лорд Гленаллен последовал за ним и, несмотря на торопливо брошенное: «Будьте здоровы, милорд! », попросил разрешения поговорить с ним несколько минут, прибавив, что хочет просить совета по важному делу.

— Ваша светлость найдет много людей, более пригодных, чтобы давать вам советы, и притом таких, которые почтут за честь услужить вам. Что касается меня, то я давно

удалился от дел и светской жизни и не особенно склонен ворошить прошлое. И простите меня, если я скажу, что мне особенно мучительно возвращаться к тому периоду моей бесполезной молодости, когда я вел себя, как дурак, а ваша светлость — как...

Он оборвал себя на полуслове.

— Как негодяй — хотите вы сказать, — договорил за него лорд Гленаллен, — ибо таким я должен был вам казаться.

— Милорд, милорд, у меня нет желания выслушивать вашу исповедь, — сказал антикварий.

— Однако, сэр, если я сумею объяснить вам, что я скорее был

жертвой чужих грехов, чем грешил сам, что я человек неописуемо несчастный и ожидающий безвременной могилы, как тихой гавани, вы не отвергнете моего доверия, которое я так настойчиво вам навязываю, видя в вашем появлении в этот критический час указание свыше.

— Конечно, милорд, я больше не стану уклоняться от этой необычной беседы.

— Тогда я должен оживить в вашей памяти наши случайные встречи более двадцати лет назад в замке Нокуиннок; мне не придется напоминать вам о леди, которая в то время была принята там как член

семьи...

— Вы говорите о несчастной мисс Эвелин Невил, милорд; я все хорошо помню.

— Вы питали к ней чувства...

— ... весьма отличные от тех, которые я до того и после того питал к женскому полу. Ее кротость, ее ум, ее интерес к научным занятиям, которые я ей рекомендовал, внушили мне привязанность, не вполне соответствовавшую ни моему возрасту (тогда еще, впрочем, далеко не преклонному), ни твердости моего характера. Но мне незачем напоминать вашей светлости о том, какие разнообразные способы вы находили, чтобы позабавиться на

счет неловкого и нелюдимо-
ученого, затруднявшегося в
выражении столь новых для него
чувств, и я не сомневаюсь, — таковы
женщины! — что и молодая леди
принимала участие в этом вполне
заслуженном мною высмеивании.
Если я сразу заговорил о
мучительном для меня времени,
когда я пытался объясниться и был
отвергнут, то лишь для того, чтобы
вы знали, как свежо все это в моей
памяти, и могли, поскольку это
касается меня, вести рассказ без
колебания и ненужной деликатности.

— Я так и сделаю, — сказал
лорд Гленаллен. — Но прежде
позвольте мне сказать, что вы

несправедливы к памяти самой приветливой и доброй, равно как и самой несчастной женщины, предполагая, что она могла смеяться над честными намерениями такого человека, как вы. Напротив, она не раз бранила меня, мистер Олдбок, за шутки, которые я позволял себе по вашему адресу. Могу ли надеяться, что теперь вы простите мне мою бесцеремонную шутливость, которая тогда вас оскорбляла? С тех пор я никогда больше не был в таком душевном состоянии, чтобы мне приходилось просить извинения за вольности легкомысленного и счастливого молодого человека.

— Милорд, вы получили полное

прощение, — ответил мистер Олдбок. — Как вам, вероятно, известно, в то время я, подобно другим, не знал, что вступил в соперничество с вашей светлостью, и, полагая, что мисс Невил находится в зависимом положении, думал, что она, возможно, предпочтет ему независимость, приняв руку честного человека. Но я попусту трачу время. Я был бы рад, если бы мог верить, что и другие питают к ней такие же честные и достойные чувства.

— Вы судите очень строго, мистер Олдбок!

— Не без причины, милорд! Когда я, единственный из судей графства не имевший ни чести быть

родственно связанным с вашей могущественной семьей, ни низости страшиться ее, хотел расследовать обстоятельства смерти мисс Невил, — я вас взволновал, милорд, но я должен говорить ясно, — то, должен признаться, я имел все основания думать, что с ней очень плохо обошлись и либо обманули ее фиктивным браком, либо тщательно позаботились об уничтожении доказательств подлинного союза. И я в душе не могу сомневаться, что эта жестокость со стороны вашей светлости, проистекала ли она от вашей личной воли или от влияния покойной графини, ускорила решение молодой леди прибегнуть к

отчаянному поступку, оборвавшему ее жизнь.

— Вы заблуждаетесь, мистер Олдбок, в ваших выводах, которые на первый взгляд вполне естественно вытекают из обстоятельств. Поверьте мне, я относился к вам с уважением даже тогда, когда был в большом затруднении в связи с вашими деятельными стараниями расследовать наше семейное несчастье. Вы показали себя более достойным мисс Невил, чем я, так как благородно стремились восстановить ее доброе имя даже после смерти. Однако твердая уверенность в том, что ваши благонамеренные усилия могут

привести лишь к разглашению истории, подробности которой слишком ужасны, побудили меня помочь моей несчастной матери скрыть или уничтожить все доказательства законного союза, заключенного между Эвелин и мной. А теперь давайте присядем на эту скамью, ибо я больше не могу оставаться на ногах, и будьте добры выслушать, какое поразительное открытие я сегодня сделал.

Они сели, и лорд Гленаллен в кратких словах поведал печальную семейную трагедию, рассказав о своем тайном браке и об ужасном обмане, посредством которого его мать рассчитывала сделать

невозможным союз, тогда уже заключенный. Он подробно описал, с каким коварством графиня, имея в руках все документы, касавшиеся рождения мисс Невил, показала лишь те, которые относились к периоду, когда отец графа по семейным причинам выдавал молодую леди за свою внебрачную дочь. Граф рассказал, что у него не было ни малейшей возможности раскрыть или даже заподозрить обман матери, подкрепленный клятвами ее прислужниц Терезы и Элспет.

— Я покинул отчий дом, — закончил он, — и умчался так, словно все фурии ада гнались за мной. Я несся с бешеной быстротой,

сам не зная куда. Из моей памяти совершенно изгладилось, что я делал и где побывал, прежде чем меня разыскал мой брат. Не буду докучать вам рассказом о своей тяжелой болезни и выздоровлении или о том, как — много позже — я осмелился спросить о той, которая делила мое несчастье, и узнал, что она нашла ужасное средство избавиться от всех житейских невзгод. Впервые я начал задумываться, когда прошел слух о том, что вы ведете расследование этого мрачного дела. И вы едва ли удивитесь, что я, веря внушенной мне версии, поддерживал шаги, предпринятые братом и матерью, чтобы прекратить это расследование.

Сведения, которые я им дал относительно обстоятельств и свидетелей моего тайного брака, помогли им поставить преграду вашему рвению. Священник и свидетели, как люди, старавшиеся только угодить могущественному наследнику Гленаллена, конечно, не устояли перед посулами и угрозами. Их так вознаградили, что они без возражений покинули страну. Что же касается меня, мистер Олдбок, — продолжал бедный граф, — то с этого времени я считал, что вычеркнут из книги живых и не имею больше ничего общего с внешним миром. Мать всяческими ухищрениями пыталась примирить

меня с жизнью и доходила даже до намеков, в которых я теперь вижу попытки вселить в меня сомнение в достоверности той ужасной истории, которую она сама же сочинила. Но я истолковывал все, что она говорила, лишь как выдумки, продиктованные материнским чувством. Я воздержусь от упреков, — ее ведь больше нет на свете, и, по словам ее жалкой пособницы, она не знала, насколько отравлена была пущенная ею стрела и как глубоко она могла поразить. Но, мистер Олдбок, если все эти двадцать лет на земле влачил жизнь несчастный, заслуживающий вашего сострадания, этим несчастным был я. Еда не укрепляла меня, сон не

освежал, молитвы не успокаивали; все, что радует человека и необходимо его душе, превращалось для меня в яд. Мне были ненавистны даже редкие и краткие встречи с другими людьми. Мне чудилось, что я несу этим веселым и невинным людям заразу противоестественной и неизъяснимой вины. Бывали мгновения, когда мои мысли принимали иное направление и я готов был подвергнуться превратностям войны или опасностям путешествия по диким странам с вредоносным климатом, вмешаться в политические интриги или удалиться в суровое уединение отшельников, исповедующих нашу

религию. Все эти намерения сменялись в моем уме, но все они требовали энергии, которой после перенесенного мною сокрушительного удара я больше не обладал. Я прозябал кое-как в своем углу; воображение, чувства, ясность суждений и здоровье постепенно разрушались, подобно дереву с содранной корой, на котором сперва вянут цветы, потом отсыхают ветви, пока оно не становится похоже на тот прогнивший, умирающий ствол, который вы видите перед собою. Так теперь вы пожалеете и простите меня?

— Милорд, — ответил глубоко тронутый антикварий, — вам не

приходится просить о моем сострадании или прощении, ибо сама ваша печальная история не только вполне оправдывает все, что могло казаться загадочным в вашем поведении, но и представляет собой повесть, способную вызвать слезы и сочувствие у ваших злейших врагов (а я, милорд, никогда к ним не принадлежал). Но позвольте спросить вас, что вы теперь собираетесь делать и почему вы почтили меня, чье мнение не может иметь большого веса, своим доверием?

— Мистер Олдбок, — ответил граф, — поскольку я не мог предвидеть характер той исповеди,

которую я сегодня услышал, я, конечно, не имел заранее в мыслях советоваться с вами или кем бы то ни было о своих делах, так как не мог даже подозревать, что они примут такое направление. Но у меня нет друзей, я лишен делового опыта, а из-за столь долгого уединения незнаком также с законами страны и обычаями нынешнего поколения. И когда так неожиданно я запутался в вопросах, в которых совсем не разбираюсь, я, как утопающий, схватился за первую представившуюся мне опору. Эта опора вы, мистер Олдбок. Я всегда слышал о вас как о человеке сведущем и умудренном жизнью. И я сам знал вас как человека

решительного и независимых взглядов. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, — добавил он, — которое должно было бы в известной мере объединить нас: мы оба когда-то отдали дань высоким душевным качествам бедной Эвелин. Вы предложили мне помощь, когда я в ней нуждался; к тому же вы знаете, как начались мои несчастья. К вам поэтому я и прибегаю за советом, сочувствием и поддержкой.

— И вы не напрасно просите о них, милорд, — ответил Олдбок. — Я помогу вам, насколько хватит моих скромных способностей. Я считаю за честь ваше обращение ко мне, продиктовано ли оно вашим выбором

или подсказано случаем. Но это дело такого рода, что надо все тщательно взвесить. Разрешите узнать, что вы сейчас думаете обо всем этом?

— Я хочу выяснить судьбу моего ребенка, к чему бы это ни привело,

— сказал граф, — и хочу восстановить честь Эвелин, которую я согласился оставить под сомнением, боясь в то время возможных, как меня уверяли, еще более тяжких для нее разоблачений.

— А память вашей матери?

— Она останется омраченной ее же деяниями, — со вздохом ответил граф. — Пусть лучше, если это окажется необходимым, ее справедливо осудят за обман, чем

напрасно обвинят других в гораздо более ужасных преступлениях.

— Тогда, милорд, — сказал Олдбок, — мы прежде всего должны изложить в принятой по закону форме и заверить показания старухи Элспет.

— Боюсь, — возразил лорд Гленаллен, — что в настоящее время это невозможно. Она измучена, и семья ее в большом горе. Может быть, это удастся завтра, когда она будет одна, да и то я сомневаюсь, чтобы она при своих сомнительных понятиях о том, что хорошо и что дурно, согласилась говорить в присутствии третьего лица. И, надо сказать, я тоже совсем без сил.

— Тогда, милорд, — сказал антикварий, которого интерес к обстоятельствам этой встречи вознес над соображениями о расходах и хлопотах, обычно имевших для него большое значение, — я предложу вашей светлости, поскольку вы совершенно измучены, вместо возвращения в далекий Гленалленхауз или еще более неприятной перспективы заночевать в какой-нибудь дрянной гостинице Фейрпорта и поднять на ноги всех городских сплетников, — вместо всего этого я предлагаю вам на эту ночь быть моим гостем в Монкбарнсе. Завтра эти бедные люди снова примутся за обычную работу,

ибо даже горе не позволяет им передохнуть, и старуха снова останется одна. Тогда мы посетим Элспет и запишем ее показания.

Высказав сожаление по поводу причиняемых им хлопот, лорд Гленаллен согласился отправиться с мистером Олдбоком и по дороге терпеливо выслушал всю историю Джона Гернела, от которой антикварий не избавлял никого, кто переступал его порог.

Прибытие такого высокогопоставленного незнакомца с двумя верховыми лошадьми и слугой в черном, у которого были кобуры на седельной луке и маленькие короны на кобурах, вызвало общее смятение

в доме Монкбарнса. Дженни Ринтерут, едва оправившаяся от нервного припадка после известия о несчастье с бедным Стини, гонялась за индюшками и курами, кудахча и крича громче, чем они, и в общем прикончила пернатых вдвое больше, чем требовалось. Мисс Гризельда высказала ряд мудрых замечаний о причудах и своеволии брата, который вызвал эту неурядицу, внезапно приведя в дом аристократа-паписта. Она не преминула известить мистера Блеттергаула о происшедшем в птичнике избиении, что побудило честного пастора явиться и спросить, как его друг Монкбарнс добрался домой и не слишком ли утомило его

участие в похоронах. Этот визит последовал перед самым звонком к обеду, и антикварию не оставалось ничего, как пригласить духовную особу остаться и благословить трапезу. Мисс Мак-Интайр, как и другим, хотелось взглянуть на могущественного пэра, о котором все знали не больше, чем подданные знают о каком-либо восточном халифе или султани. Впрочем, она немного робела при мысли о встрече с лицом, о необщительности и мрачности которого столько слышала, но к этой робости примешивалось и любопытство. Пожилая экономка была не менее возбуждена и металась, выполняя

многочисленные и противоречивые распоряжения госпожи по части варенья, пирожных и фруктов, общего распорядка и сервировки обеда, мер, препятствующих растопленному маслу стать слишком жидким, и опасности проникновения на кухню Юноны, которая, хотя и была изгнана из гостиной, не переставала мародерствовать в кладовых и других служебных помещениях.

Единственным обитателем Монкбарнса, кто оставался совершенно равнодушным к этому важному событию, был Гектор Мак-Интайр. Граф или простолюдин — не все ли ему равно?

Непредвиденное посещение интересовало его лишь в той мере, в какой оно могло защитить его от неудовольствия дяди, — если тот еще сердился на капитана, уклонившегося от присутствия на похоронах, — и от насмешек по поводу его смелого, но неудачного поединка с тюленем.

Этим домочадцам мистер Олдбок представил графа Гленаллена, и тот терпеливо, мягко и вежливо выслушал нудные рацеи духовной особы и многословные извинения мисс Гризельды Олдбок, которые ее брат тщетно пытался сократить. До наступления обеденного часа лорд Гленаллен

попросил разрешения временно удалиться в отведенное ему помещение. Мистер Олдбок проводил гостя в Зеленую комнату, которую спешно подготовили к его приему. Он огляделся вокруг с таким выражением, словно что-то мучительно припоминал.

— Мне кажется, — наконец заметил он, — что я уже когда-то был здесь!

— Да, милорд, — ответил Олдбок, — в связи с прогулкой сюда из Нокуиннока. И, раз уж мы коснулись этой печальной темы, вы, может быть, припомните, чей вкус подсказал нам эти строки из Чосера, которые теперь вытканы как девиз на

драпировке.

— Догадываюсь, хотя и не могу вспомнить, — сказал граф. — Она, несомненно, превосходила меня в области литературного вкуса и знаний, как и вообще во всем, и непонятно, мистер Олдбок, что, по воле провидения, это создание, прекрасное духом и телом, было столь ужасным образом вырвано из жизни лишь из-за роковой склонности к такому жалкому человеку, как я.

Мистер Олдбок не пытался ответить на эту вспышку горя, не утихавшего в груди гостя, и только сжал его руку в своей, а другой провел по своим густым ресницам,

словно смахивая застилавший глаза туман; затем он удалился, предоставив графу возможность на свободе приготовиться к обеду.

ГЛАВА XXXV

... ваша жизнь

*Горит в мозгу у вас и
пляшет в жилах.*

*Так выпитый в кругу
друзей бокал*

*И сердце тешит и
воображение.*

*А предо мной на дне
осадок мутный.*

*Он выдохся, прокис и,
как помои,*

*Грязнит вмещающий
его сосуд.*

Старинная пьеса

— Вы только подумайте, мистер Блеттергаул, что за человек мой брат! Вот, кажется, и умный он и ученый, а приводит в дом этого графа, не сказав никому ни слова! И как раз у Маклбеккитов несчастье, и мы сидим без рыбы, а посылать в Фейрпорт за говядиной нет времени. Остается только баранина — барашка час назад зарезали, а тут еще эта дуреха Дженни Ринтерут закатила истерику и битых два дня только хохотала и редела, и вот приходится просить незнакомого слугу, который важен и молчалив, как сам граф, прислуживать у буфета! А я даже не могу пойти на кухню распорядиться: там торчит этот

самый слуга и готовит какую-то мешанину для милорда, который не может есть, как все люди. А как мне, когда придет время, кормить этого самого слугу, я, мистер Блеттергаул, и ума не приложу.

— Вы правы, мисс Гризельда, — ответил пастор, — Монкбарнс поступил неделикатно. Ему следовало за сутки предупредить вас о посещении, как это делают при назначении описи для оценки и передачи церковной десятины. Впрочем, эта важная особа не могла найти во всем приходе дома, где бы ее лучше обеспечили продовольствием. Сие я могу утверждать столь же смело, как и то,

что пар из кухни благодатно щекочет мне ноздри. Если вас ждут какие-нибудь хозяйственные дела, мисс Гризельда, то я ведь здесь не посторонний и могу пока что развлечься вот этим дополненным изданием «Основ» Эрскина.

Взяв с дивана под окном этот занимательный том (для шотландцев то же, что комментарии Кока к Литлтону), он как бы инстинктивно раскрыл его на десятой главе книги второй «О десятинах или десятинных податях» и сейчас же погрузился в глубокомысленное рассуждение о временном характере бенефиций.

Угощение, причинившее мисс Олдбок столько беспокойств,

наконец появилось на столе. И вот граф Гленнален впервые после пережитой им трагедии сидел за чужим столом, окруженный чужими людьми. Он казался самому себе человеком, объатым сном или еще не совсем оправившимся от воздействия на его мозг одуряющего напитка. Освобожденный в это утро от призрака вины, так долго терзавшего его воображение, он теперь ощущал свое горе уже как более легкое и переносимое бремя и все-таки еще не был способен участвовать в общем разговоре. Действительно, беседа носила совсем иной характер, чем тот, к которому он привык. Резкость Олдбока, бесконечные, нудные

извинения его сестры, педантическая узорность высказываний пастора и чрезмерная живость молодого воина, от которой пахло больше казармой, чем дворцом, — все это было ново для графа, который прожил в атмосфере уединения и печали столько лет, что формы обращения, принятые в окружавшем его теперь мире, были ему чужды и неприятны. Одна лишь мисс Мак-Интайр благодаря врожденному такту и непритязательной простоте манер принадлежала, как показалось графу, к тому классу общества, к которому он привык в давнишние и более счастливые дни.

Поведение лорда Гленаллена

удивляло собравшихся ничуть не меньше. Хотя был подан простой, но превосходный семейный обед (как справедливо говорил мистер Блеттергаул, мисс Гризельду невозможно было застать врасплох, а ее кладовую — пустой) и хотя антикварий хвастал своим лучшим портвейном и уподоблял его фалернскому вину Горация, лорд Гленаллен оказался неприступным для соблазнов яств и питья. Его слуга поставил перед ним небольшую тарелку с рагу из овощей, то самое блюдо, приготовление которого так встревожило мисс Гризельду. Лорд Гленаллен съел очень немного и завершил свою трапезу стаканом

искрящейся ключевой воды. Такой, по словам слуги, была диета его светлости уже много лет, за исключением больших церковных праздников или случаев, когда в Гленаллен-хаузе принимали высшее общество. Только тогда граф ослаблял суровость этой диеты и позволял себе бокал или два вина. Но сегодня ни один отшельник не мог бы пообедать проще и скуднее.

Антикварий, как мы видели, был джентльмен по своим чувствам, но отличался резкостью и бесцеремонностью выражений, ибо привык жить с людьми, с которыми ему незачем было особенно взвешивать свои слова. Сейчас он без

зазрения совести напал на знатного гостя по поводу его строгой диеты.

— Немного полуостывшей зелени и картофеля, стакан ледяной воды, чтобы сполоснуть это кушанье, — в истории древности мы не найдем оправдания этому, милорд! Мой дом в старину назывался *hospitium* — пристанищем для христиан. Но питание вашей светлости — это питание язычников: пифагорейцев или индийских браминов. Нет, оно еще скуднее, если вы отказываетесь от этих прекрасных яблок.

— Я, как вы знаете, католик, — сказал лорд Гленаллен, желая уклониться от спора, — а вам

известно, что наша церковь...

— ... установила много правил, требующих умерщвления плоти, — продолжал бесстрашный антикварий. — Но я никогда не слышал, чтобы они так строго соблюдались. Сошлюсь, милорд, хотя бы на моего предшественника Джона Гернела, или веселого аббата, который дал имя этому сорту яблок.

Очищая сочный плод, он, несмотря на предостерегающий возглас сестры «Фи, Монкбарнс! » и на длительный кашель пастора, сопровождавшийся покачиванием огромного парика, пустился с совершенно излишней иронией и обстоятельностью рассказывать

подробности той интрижки, которая прославила яблоки аббата. Его шуточный доклад — как легко себе представить — бил мимо цели, так как анекдот о монастырской галантности не вызвал и тени улыбки на лице графа. Тогда Олдбок перевел разговор на Оссиана, Макферсона и Мак-Криба, но лорд Гленаллен даже не слышал этих трех имен, настолько далек он был от современной литературы. Разговору грозила опасность замереть или перейти к мистеру Блеттергаулу, который уже успел произнести страшные слова: «не обложенная десятиной», но в этот миг была затронута тема французской революции —

политического события, на которое лорд Гленаллен взирал со всем предвзятым ужасом фанатического католика и закоснелого аристократа. Что же касается Олдбока, то он в своем отвращении к революционным принципам не заходил так далеко.

— В Учредительном собрании было немало деятелей, — сказал он, — которые придерживались здравых взглядов вигов и стояли за создание конституции, обеспечивающей свободу для народа. И если теперь бразды правления захватила компания разъяренных безумцев, — продолжал он, — то это часто случалось при великих революциях, когда в пылу борьбы

прибегали к крайним мерам и государство становилось похоже на выведенный из равновесия маятник. Он качается из стороны в сторону, и ему нужно время, чтобы вновь успокоиться и занять вертикальное положение. Революцию также можно сравнить с бурей или ураганом, который, проносясь над какой-нибудь областью, причиняет большой ущерб, но сметает прочь болезнетворные застойные испарения и за временные бедствия и опустошение воздаст в будущем здоровьем и плодородием.

Граф покачал головой, но, не будучи склонен к спорам вообще, и особенно в данную минуту, оставил

эту речь без возражения.

Такой оборот разговора дал повод молодому офицеру высказать свои наблюдения. Он говорил о боях, в которых участвовал, очень скромно и в то же время с таким знанием дела и таким пылом, что восхитил графа, который был воспитан, как и другие члены его дома, в убеждении, что военная служба — первый долг мужчины, и считал, что поднять оружие против Франции было в некотором роде святым делом.

— Чего бы я не дал, — вполголоса сказал гость Олдбоку, когда они встали, собираясь присоединиться к дамам в гостиной, — чего бы я не дал, чтобы

иметь сына, проникнутого таким высоким духом, как этот молодой джентльмен! Ему, пожалуй, не хватает изящества манер, некоторой утонченности. Это быстро восполнится, если он будет вращаться в хорошем обществе. Зато с каким жаром он говорит, как любит свое призвание, как восхваляет других, лишь вскользь упоминая о себе!

— Гектор очень обязан вам, милорд, — ответил дядя молодого воина, польщенный, но все же не настолько, чтобы забыть о собственном умственном превосходстве над племянником. — Я глубоко уверен, что никто еще не

отзывался о нем так хорошо, разве что сержант его отряда, когда подлизывался к молодому горцу, чтобы его завербовать. Все же он славный малый, хотя далеко не такой герой, какого предполагает в нем ваша светлость, и хотя я больше мог бы хвалить его доброту, нежели живость его нрава. Ведь эта живость — только врожденная горячность, проявляющаяся во всех его поступках и часто весьма неудобная для его друзей. Еще сегодня я был свидетелем бурного поединка между ним и рhоса, или тюленем [note 151](#). Племянник сражался с ним не менее пылко, чем против Дюмурье. Но, представьте, милорд, рhоса одержал

верх, как и упомянутый Дюмурье кое над кем. Кстати, Гектор готов с таким же увлечением распространяться о достоинствах какой-нибудь легавой собаки, как о плане кампании.

— Я разрешу ему, — сказал граф, — охотиться сколько угодно в моем поместье, если он так любит эту забаву.

— Вы этим привяжете его к себе, милорд, телом и душой, — сказал Монкбарнс. — Позвольте ему хлопать из своего дробовика бедных перепелок или куропаток, и он ваш навеки. Он будет в восторге, когда я сообщу ему об этом. Но, ах, милорд, если бы вы могли видеть моего феникса Ловела! Это истинный

принц и украшение современной молодежи! Притом мужествен. Смею вас уверить, он заплатил моему задире тою же монетой, — дал ему Роланда за Оливье, как принято говорить, подразумевая славных паладинов Карла Великого.

После кофе лорд Гленаллен выразил желание поговорить с антикварием наедине и был приглашен в его кабинет.

— Я вынужден отнять вас у вашей милой семьи, — начал он, — чтобы посвятить вас в затруднения несчастного человека. Вы знакомы со светом, из которого я давно изгнан, ибо Гленаллен-хауз для меня скорее тюрьма, чем жилище, тюрьма,

из которой у меня нет ни сил, ни мужества вырваться.

— Разрешите мне прежде всего спросить вашу светлость, — промолвил антикварий, — каковы ваши собственные желания и намерения.

— Больше всего я хочу, — ответил лорд Гленаллен, — объявить о моем несчастном браке и восстановить доброе имя бедной Эвелин; конечно, если вы считаете возможным сделать это, не придавая огласке поведение моей матери.

— *Suum cuique tributio*, — сказал антикварий, — каждому по его заслугам. Память несчастной молодой леди слишком долго была

очернена, и ее честь, мне кажется, может быть восстановлена без ущерба для памяти вашей матери, хотя и придется открыть, что она не одобряла этот брак и всеми силами ему противилась. Все, — простите меня, милорд, — все, кто знал покойную графиню Гленаллен, узнают об этом без особого удивления.

— Но вы забываете об одном ужасном обстоятельстве, мистер Олдбок,

— взволнованным голосом произнес граф.

— Не знаю, что вы имеете в виду, — отозвался антикварий.

— Судьбу ребенка, его

исчезновение с приближенной служанкой моей матери и те страшные предположения, которые вытекают из моего разговора с Элспет.

— Если вам угодно выслушать мое откровенное мнение, милорд, и если вы не усмотрите в моих словах преждевременный луч надежды, я считаю очень возможным, что ребенок жив. Ибо при моем расследовании событий этого печального вечера я установил, что какой-то ребенок и женщина ночью были увезены из Крейгбернфута в экипаже, запряженном четверкой лошадей, и увез их ваш брат Эдвард Джералдин Невил. Мне удалось

проследить несколько этапов его путешествия до Англии в сопровождении этих же лиц. Тогда я думал, что это делается с общего согласия семьи, которая решила увезти ребенка, якобы носившего на себе клеймо незаконного рождения, из страны, где у него могли бы явиться покровители и защитники его прав. Но теперь я думаю, что ваш брат, имея, как и вы, основание полагать, что на ребенке лежит еще более несмываемый позор, все же удалил его — отчасти из уважения к чести дома, отчасти — из-за той опасности, какой подвергался бы младенец, находясь по соседству с леди Гленаллен.

По мере того как он говорил, граф Гленаллен смертельно побледнел и чуть не упал с кресла. Встревоженный антикварий заметался в поисках каких-нибудь лекарств. Но его музей, наполненный всевозможными бесполезными вещами, не содержал ничего, что могло бы пригодиться в этом или ином подобном случае. Выбежав из комнаты, чтобы попросить у сестры ее нюхательную соль, он не мог удержаться и повздыхал с досадой и недоумением по поводу того, что усадьба превратилась сначала в лазарет для раненого дуэлянта, а теперь — в больничную палату для умирающего аристократа. «А ведь я

всегда, — сказал он себе, — держался подальше от солдатни и от высшей знати! Моей *saenobitium* [note](#) [152](#) остается стать еще родовспомогательным заведением, и тогда превращение будет полным».

Когда он возвратился с лекарством, лорду Гленаллену было уже значительно лучше. Новый и неожиданный свет, пролитый мистером Олдбоком на печальную историю его семьи, совсем ошеломил его.

— Значит, вы думаете, мистер Олдбок, — ибо вы способны думать, а я

— нет, — вы думаете, что возможно — то есть не исключена

возможность, что мой ребенок еще жив?

— Я считаю невозможным, — сказал антикварий, — чтобы ребенку был причинен какой-либо вред вашим братом, который был известен как человек веселый и довольно беспутный, но отнюдь не жестокий или бесчестный. А кроме того, если бы он и задумал какую-нибудь грязную игру, то не взял бы на себя так открыто попечение о ребенке, как я собираюсь вашей светлости доказать.

С этими словами мистер Олдбок отпер ящик в шкафу своего предка Альдобранда и достал пачку бумаг, перевязанных черной тесьмой и

снабженных надписью:
«Расследование и пр., произведенное
мировым судьей Джонатаном
Олдбоком 18 февраля 17**года».
Ниже мелким почерком было
добавлено: «Eheu Evelina! » [note 153](#)
Слезы полились из глаз графа,
который тщетно пытался развязать
узел, скреплявший эти документы.

— Вашей светлости лучше не
читать этого сейчас, — сказал
мистер Олдбок. — Вы так
взволнованы и вам предстоит еще
столько дела, что вы должны щадить
свои силы. Наследство вашего брата
теперь, я полагаю, перешло к вам, и
вы, расспросив его слуг и
арендаторов, без большого труда

выясните, где ваш сын, если он, к счастью, еще жив.

— Я мало на это надеюсь, — с глубоким вздохом сказал граф. — Почему брат ничего не сказал мне?

— Что вы, милорд! Зачем бы он стал сообщать вашей светлости о существовании ребенка, которого вы считали плодом...

— Совершенно верно! Это очевидная и милосердная причина его молчания. В самом деле, если что-либо могло еще усилить ужас кошмарных фантазий, отравлявших все мои дни, так это только сообщение, что дитя греха существует.

— В таком случае, — продолжал

антикварий, — хотя было бы опрометчиво заключать, что ваш сын жив, только потому, что более двадцати лет назад он не был убит сразу же после рождения, я думаю, вам следует немедленно начать розыски.

— Это будет сделано, — ответил лорд Гленаллен, жадно хватаясь за надежду, впервые блеснувшую ему за много лет. — Я напишу преданному управляющему моего отца, оставшемуся в той же должности при моем брате Невиле. Однако, мистер Олдбок, я не наследник брата.

— Вот как! Очень жаль, милорд, потому что это прекрасное имение, и

одни только руины старого замка Невилбург, самый замечательный памятник англо-нормандской архитектуры в этой части страны, представляют собой драгоценное владение. Мне казалось, что у вашего отца не было других сыновей и близких родственников.

— Не было, мистер Олдбок, — ответил лорд Гленаллен. — Но брат усвоил себе такие политические взгляды и принял такую религию, какие никогда не были свойственны нашему дому. Мы уже давно разошлись характерами, да и моя несчастная мать не всегда считала моего брата достаточно внимательным к ней. Короче говоря,

произошла семейная ссора, и брат, который мог свободно распоряжаться своей собственностью, воспользовался предоставленным ему правом и назначил наследником постороннего человека. Мне всегда представлялось, что это дело не имеет ни малейшего значения, ибо мирские блага не утоляют сердечной тоски, а я имел их больше чем достаточно, но теперь мне придется пожалеть о решении брата, если оно затруднит наши розыски, а мне это кажется возможным. Ведь если выяснится, что у меня есть родной и законный сын, а брат умер, не оставив потомства, имущество моего отца должно перейти к моему сыну.

Поэтому маловероятно, чтобы назначенный братом наследник, кто бы он ни был, оказал нам содействие в расследовании, которое может обернуться так невыгодно для него.

— И весьма вероятно, что тот управляющий, о котором упоминала ваша светлость, сейчас служит у него, — добавил антикварий.

— Вполне возможно. А так как он протестант, насколько безопасно было бы доверить ему...

— Я надеюсь, милорд, — строго произнес Олдбок, — что протестант так же может быть достойным доверия, как и католик. Сам я вдвойне связан с протестантской верой, милорд. Мой предок

Альдобранд Олденбок напечатал знаменитое «Аугсбургское исповедание», и я могу показать вам первое его издание, оно у меня есть.

— То, что вы сказали, мистер Олдбок, не внушает мне ни малейшего сомнения, — ответил граф, — и я говорю не из фанатизма или нетерпимости. Но протестант-управляющий, вероятно, захочет содействовать протестанту, а не католику, если, конечно, мой сын воспитан в вере отцов и если... если он в самом деле жив.

— Мы должны все как следует выяснить, не выдавая себя, — сказал Олдбок. — У меня есть в Йорке друг-литератор, с которым я давно

переписываюсь по вопросу о саксонском роге, хранящемся в тамошнем соборе. Мы обмениваемся письмами уже шесть лет и пока могли прочесть лишь первую строку надписи. Я немедленно напишу этому джентльмену, доктору Драйездасту, и особенно попрошу его выяснить личность наследника вашего брата, а также — того, кто ведает его делами, и все прочее, что может способствовать вашей светлости в розысках. Тем временем ваша светлость соберет доказательства брака, которые, я надеюсь, еще можно восстановить.

— Без сомнения, — ответил граф. — Свидетели, в свое время

укрытые нами от вашего расследования, еще живы. Мой воспитатель, освятивший брак, получал от нас средства к жизни во Франции и недавно возвратился на родину как эмигрант, жертва своей преданности закону и религии.

— Вот хоть одно счастливое следствие французской революции, милорд, вы должны это признать! — заметил Олдбок. — Но прошу вас не обижаться. Я буду хлопотать о ваших делах так же горячо, как если бы разделял ваши политические убеждения и вашу веру. И примите мой совет: если вы хотите, чтобы важное дело велось тщательно, передайте его в руки какого-либо

антиквария. Вечно погруженные в изучение мелочей, они в значительном вопросе не упустят ничего существенного. Упражнение ведет к совершенству, и воинская часть, которую больше других муштровали для парадов, будет проворнее действовать в день боя. А раз уж мы коснулись этой темы, я охотно прочел бы кое-что вашей светлости, чтобы скоротать время до ужина.

— Я, право, не хотел бы, чтобы из-за меня нарушались ваши домашние порядки, — сказал лорд Гленаллен, — но я ничего не ем после захода солнца.

— Я тоже, милорд, — ответил

хозяин дома, — несмотря на то, что у древних было в обычае ужинать. Но я обедаю совсем иначе, чем ваша светлость, и поэтому мне легче обойтись без тех замысловатых и лакомых блюд, которые мои женщины (то есть сестра и племянница, милорд) любят ставить на стол больше для того, чтобы блеснуть своим искусством, чем для того, чтобы удовлетворить наши потребности. Тем не менее жареная баранина, или копченая треска, или несколько устриц, или ломтик ветчины собственного копчения с поджаренным хлебом и кружкой пива, или что-либо в этом роде, чтобы заткнуть входное отверстие

желудка перед отходом ко сну, — все это не подпадает под ограничения — как мои, так, надеюсь, и вашей светлости.

— Мое воздержание от ужина нужно понимать буквально, мистер Олдбок. Но я с удовольствием посижу за вашим столом.

— Хорошо, милорд, — ответил антикварий. — Раз мне не придется доставить приятные ощущения вашему нёбу, я постараюсь хотя бы занять ваш слух. То, о чем я собираюсь прочесть вашей светлости, относится к нашим горным долинам.

Лорд Гленаллен, который предпочел бы поговорить о своих

личных, столь неясных делах, все же был вынужден с унылой вежливостью изъяснить согласие.

Тогда антикварий достал папку с множеством отдельных листков и, предупредив, что изложенные на них топографические сведения приведены как иллюстрации к небольшому очерку об устройстве лагерей, успешно прочитанному в нескольких антикварных обществах, начал так:

— Предметом рассмотрения, милорд, служит горное укрепление Квикенс-бог. С местностью, где оно расположено, вы, несомненно, знакомы: это ваша скотоводческая ферма Ментеннер в баронстве

Клохневен.

— Кажется, я слышал названия этих мест, — сказал граф в ответ на обращение к нему антиквария.

«Слышал названия? О господи! Ведь ферма приносит ему шестьсот фунтов в год! » — чуть не воскликнул вслух антикварий. Но его гостеприимство помогло ему превозмочь удивление, и он громким голосом начал читать свои очерк, в великом восторге от того, что нашел терпеливого и, как он был уверен, заинтересованного слушателя.

— «Квикенс-бог, как может показаться на первый взгляд, ведет свое имя от растения quicken, понимая под этим шотландским

словом пырей, собачью траву, или *triticum repens* Линнея, и от односложного английского слова bog, что в просторечии означает болото или топь, по-латыни *palus*. Однако опрометчивые любители поверхностных этимологических умозаключений будут смущены, узнав, что пырей, или собачья трава, или, выражаясь научным языком, *triticum repens*, не растет ближе четверти мили от этого каструма, или горного укрепления, валы которого равномерно покрыты короткостебельчатой травой. Болото же, или *palus*, пришлось бы искать гораздо дальше, так как ближайшее — это Герд-зи-мир, на расстоянии

полумили. Таким образом, последний слог bog, очевидно, представляет собой просто искажение саксонского burgh, которое мы встречаем в различных вариациях, как burgh, burrow, browgh, bruff, buff и boff, из коих последняя по звучанию очень близка к bog. Поэтому, если предположить, что первоначальное слово было borgh, — а это соответствует подлинному саксонскому произношению, — то при легком изменении, какому современные органы речи часто подвергают старинные звуки, получится сперва bogh, а затем после выпадения звука h или же смягчения, а также опускания гортанного

придыхания, к чему наблюдается тенденция в местных диалектах, образуется, смотря по обстоятельствам, boff или bog. Что же касается слова quickens, то для выяснения его истинного смысла необходимо аналогичным образом изменить его и, так сказать, разложить, чтобы привести к первоначальному и правильному звучанию. Простой заменой qu на wh, знакомой даже новичку, которому случалось раскрыть том шотландских стихов, мы найдем либо Уилкинс, либо Уичинсборг. Последний вариант, столь созвучный современному which [note 154](#), — мы имеем право это предположить, —

представляет собой вопрос, который некто, под впечатлением чрезвычайной древности этого сооружения, мог бы задать: «Чья это крепость?» Возможен также вариант Уэкинсбург, восходящий к саксонскому *whacken* — бить рукой, так как при стычках около такого значительного сооружения подобное толкование оправданно», и так далее и так далее.

Я буду более милосерд к читателю, чем Олдбок к своему гостю, ибо, зная, как редко ему может представиться случай завладеть вниманием такой значительной особы, как лорд Гленаллен, антикварий

воспользовался или, вернее, злоупотребил этой возможностью в полной мере.

ГЛАВА XXXVI

*Старику ль водить
Дружбу с тем, кто
молод?*

*Юным — дни веселья,
Старым — дни забот,
Юность — летний
жар,*

*Старость — зимний
холод.*

*Юность — летний луч,
Старость — зимний
лед.*

Шекспир

На следующее утро Кексон

поднял антиквария, который любил понежиться в постели, на целый час раньше обычного.

— Ну, что такое? — спросил Олдбок, зевая и протягивая руку к огромным золотым часам с репетицией, лежавшим возле его подушки на шелковом носовом платке. — Что случилось, Кексон? Неужели уже восемь часов?

— Нет, сэр, но со мной говорил человек милорда. Он считает, что я камардин вашей милости. Это, конечно, верно, потому как я состою в этой должности при вашей милости и при пасторе. Кто как не я? И еще я прислуживаю сэру Артуру, но это только по моей

специальности.

— Ладно, ладно, хватит об этом! — остановил его антикварий. — Блажен тот, кто сам себе камардин, как ты выражаешься. Но зачем же тревожить мой утренний покой?

— Ах, сэр, ваш знатный гость встал ни свет ни заря и прогулялся в город, чтобы послать оттуда нарочного за своим экипажем, который скоро будет здесь. И граф хочет повидаться с вашей милостью, прежде чем уедет.

— Вот не было печали! — воскликнул Олдбок. — Эти великие мира сего пользуются чужим жилищем и временем, как своими

собственными. А впрочем, это ведь особый случай. Скажи, Кексон, как Дженни? Пришла немного в себя?

— Ни то ни се, сэр, — ответил парикмахер. — Напутала нынче с шоколадом: чуть не вылила все в помойное ведро, а потом так растерялась, что сама и выпила. Но это ничего, она справится с помощью мисс Мак-Интайр.

— Выходит, все мои женщины уже на ногах и копошатся. Пора мне, стало быть, расстаться с моей тихой постелью, если я хочу мира и порядка в доме. Дай-ка мне халат! А что слышно в Фейрпорте?

— Ах, сэр, там только и разговоров, что о милорде! Говорят,

он двадцать лет не выходил за порог, а тут, здравствуйте, пришел в гости к вашей милости!

— Вот оно что! — воскликнул Монкбарнс. — Что же там по этому поводу говорят?

— Надо сказать, сэр, что мнения у людей разные. Эти самые дымокрады, — так, что ли, их называют, — которые против короля и закона, а также пудры и париков, негодяи этакие, они болтают, будто он пришел сговориться с вашей милостью, а потом привести сюда своих горцев и фермеров, чтобы разогнать собрания «друзей народа». А когда я им доказываю, что ваша милость никогда не вмешивается в

такие дела, где пахнет дракой и пролитием крови, они мне отвечают, что, может, оно и так, но с вашим племянником дело иное, его, мол, хорошо знают: он и раньше дрался и теперь готов постоять за короля и драться до последней капли крови. Они говорят, что вы — голова, он — рука, а граф даст людей и деньги.

— Здорово! — рассмеялся антикварий. — Я рад, что война не будет мне стоить ничего, кроме советов.

— Нет, нет! — заверил его Кексон. — Никто не думает, что ваша милость станете драться сами или дадите хоть грош той или другой стороне.

— Гм! .. Таково, значит, мнение «дымокрадов», как ты их называешь. А что говорит остальной Фейрпорт?

— Право, — ответил откровенный докладчик, — тоже мало хорошего. Капитан добровольцев Кокит, тот, что будет у нас сборщиком податей, и другие джентльмены из клуба Голубых говорят, что напрасно позволяют папистам, у которых много друзей-французов, к примеру — графу Гленаллену, расхаживать где ему нравится, и еще... Но ваша милость, может, рассердитесь?

— Нет, нет, Кексон! Пали, словно в тебе сидит весь взвод капитана Кокита. Я выдержу.

— Ну хорошо. Так вот, они говорят, сэр, раз вы не поддерживали петицию о мире, и не стояли за новый налог, и были против вызова йоменов во время хлебных беспорядков, а за то, чтобы управлялись с народом одни констебли, — значит, говорят они, вы не друг правительству и встрече между таким могущественным человеком, как граф, и таким умным человеком, как вы, нужно расследовать; а еще некоторые считают, что вас обоих надо отправить в Эдинбургский замок.

— Честное слово, — сказал антикварий, — я бесконечно обязан моим соседям за хорошее мнение обо

мне! Выходит, что от меня, никогда не вмешивавшегося в их дразги и только рекомендовавшего спокойствие и умеренность, отреклись обе стороны как от человека, от которого можно ожидать государственной измены королю или народу? Дай мне сюртук, Кексон, дай мне сюртук, какое счастье, что я не живу в их судебном округе! Да, скажи еще, ты ничего не слыхал о Тэфриле и его корабле?

Лицо Кексона вытянулось.

— Нет, сэр, а тут еще были сильные ветры. У нашего берега очень опасно крейсировать при восточном ветре. Мысы так далеко выступают в море, что судно может

очутиться в западне между ними скорее, чем я успею бритву наточить. И потом, в наших местах нет ни одного порта, чтобы укрыться, одни утесы да рифы. Если корабль выбросит на скалы, он разлетится, как пудра, когда тряхнешь пуховкой, и его потом так же не соберешь. Я всегда говорю это моей дочке, когда она долго ждет письма от лейтенанта Тэфрила. У него всегда это законное оправдание. «Не брани ты его, — говорю я ей, — голубушка, ты ведь не знаешь, что могло случиться».

— Эх, Кексон, ты такой же хороший утешитель, как и камердинер! Дай-ка мне белый галстук. Не могу же я спуститься к

гостью с платком на шее!

— Дорогой сэр, капитан говорит, что теперь в моде шейные платки, а галстуки, мол, хороши для таких старомодных людей, как ваша милость или я. Прошу прощения, что упомянул нас обоих вместе, но так именно он и сказал.

— Капитан — щенок, а ты — простофиля, Кексон!

— Наверно, так оно и есть, — согласился покладистый парикмахер. — Вашей милости лучше знать.

Перед завтраком лорд Гленаллен, который был гораздо бодрее, чем накануне, подробно разобрал все обстоятельства,

выясненные прежним следствием Олдбока. Перечислив бывшие в его распоряжении средства для полного доказательства факта его бракосочетания, он выразил решимость немедленно приступить к тягостной задаче сбора и восстановления свидетельств, касающихся рождения Эвелин Невил, которые, по словам Элспет, хранились у его матери.

— И все-таки, мистер Олдбок, — сказал он, — я чувствую себя как человек, который получил важные известия, когда он еще не совсем проснулся и не уверен, относятся ли они к действительной жизни или составляют лишь

продолжение его сна. Эта женщина, эта Элспет, невероятно стара и почти невменяема. Не поторопился ли я — какой мучительный вопрос! — поверив ее теперешним показаниям, опровергающим то, что она показывала раньше совсем в иных целях?

Мистер Олдбок на миг задумался, но затем твердо ответил:

— Нет, милорд, не думаю, чтобы у вас было какое-либо основание сомневаться в правдивости того, что она вам недавно сказала. Ее побуждала к этому только совесть. Признание ее было добровольным, нелицеприятным, ясным, последовательным во всех частях и

согласующимся со всеми известными нам обстоятельствами дела. Поэтому я, не теряя времени, просмотрел бы и привел в порядок все документы, на которые она ссыалась. А кроме того, я думаю, что следовало бы, если возможно, записать и официально заверить ее показания. Мы с вами собирались произвести это вместе. Но вашей светлости это было бы тяжело, а кроме того, все носило бы более беспристрастный характер, если бы я предпринял расследование один, в качестве мирового судьи. Я это и сделаю, по крайней мере попытаюсь, как только застаю ее в таком состоянии, чтобы ее можно было допросить.

Лорд Гленаллен пожал руку антиквария в знак благодарности и согласия.

— Не могу выразить вам, мистер Олдбок, — сказал он, — какое облегчение приносит мне ваша поддержка в этом темном и столь печальном деле и какую веру в успех она мне внушает. Я не могу нарадоваться тому, что поддался внезапному порыву, который побудил меня, так сказать, почти против вашей воли, посвятить вас в мои дела. Этот порыв вызвало мое прежнее знакомство с вашей твердостью при выполнении обязанностей мирового судьи и друга, чтившего память несчастной

женщины. Каков бы ни оказался исход этого дела, — а я склонен надеяться, что над судьбой моего дома занимается светлая заря, хотя я и не доживу до того, чтобы наслаждаться ее светом, — да, каков бы ни был исход, я сам и мой род будем бесконечно вам обязаны.

— Милорд, — ответил антикварий, — я не могу не питать самого глубокого уважения ко всему роду вашей светлости, одному из самых древних в Шотландии, как я отлично знаю. Он, несомненно, ведет свое начало от Эймера де Джералдина, заседавшего в Пертском парламенте во времена правления Александра Второго; Эймер же, —

по вполне вероятному, но менее
достоверному преданию, — был
потомком Мармора Клохневенского.
Но, при всем моем почтении к
вашему древнему роду, я должен
признаться, что чувствую себя еще
более обязанным оказать вашей
светлости всякое содействие,
доступное моим ограниченными
силам, из самого искреннего
сочувствия к вашим горестям и
негодования на тот обман, который
вас так долго окружал. Однако,
милорд, я вижу, что уже готова
утренняя трапеза; поэтому разрешите
проводить вашу светлость по
запутанным переходам моего
саenobitium'a, который представляет

собой скорее нагромождение кое-как слепленных между собой келий, чем настоящий дом. И я надеюсь, что вы хоть немного вознаградите себя за скудость вчерашней диеты.

Но система лорда Гленаллена не допускала таких отклонений. После того как он приветствовал общество со строгой и меланхолической вежливостью, отличавшей его манеры, слуга поставил перед ним тарелку с куском поджаренного хлеба и стакан чистой воды — еду, соответствующую его неизменному посту. В то время как молодой воин и старый антикварий завтракали гораздо более существенным образом, слышался шум колес.

— Вероятно — экипаж вашей светлости, — сказал Олдбок, подходя к окну. — Честное слово, отличная quadriga [note 155](#), ибо таков, согласно лучшим схолиям, был у римлян vox signata [note 156](#) для обозначения колесницы, влекомой, как у вашей светлости, четырьмя конями.

— А я позволю себе сказать, — воскликнул Гектор, с восхищением глядя в окно, — что четверки таких красивых и так хорошо подобранных гнедых еще и на свете не было. Какая грудь! Какие строевые лошади вышли бы из них! Разрешите спросить: это кони с завода вашей светлости?

— Кажется... кажется, да, — сказал лорд Гленаллен. — Но я так

пренебрегал своими домашними делами, что, к моему стыду, должен спросить об этом у Калверта.

И он взглянул на слугу.

— Они с завода вашей светлости, — пояснил Калверт. — Их отец — Шальной Том, а матери — Джемайма и Йерико, лучшие племенные кобылы завода.

— Есть у нас еще лошади от тех же производителей? — спросил лорд Гленаллен.

— Две, милорд: одна — четырех, другая — пяти лет, обе очень хороши.

— Скажи Докинсу, чтобы он завтра привел их в Монкбарнс, — промолвил граф. — Надеюсь,

капитан Мак-Интайр примет их, если они ему пригодятся.

У капитана Мак-Интайра засверкали глаза, и он рассыпался в благодарностях, в то время как антикварий, схватив графа за рукав, пытался отклонить этот дар, не суливший ничего хорошего его закромам и сеновалу.

— Милорд, милорд! .. Мы очень обязаны... Очень обязаны, но Гектор пехотинец и никогда не сражается в седле. Кроме того, он горец, и его одежда мало приспособлена для кавалерийской службы. Даже Макферсон никогда не сажал своих предков на коней, хотя имел наглость болтать, будто их возили на

колесницах. Мысли об этом и бродят в голове Гектора. Он завидует такой езде, а не скачке верхом:

Sunt quos curriculo pulverem
Olympicum

Collegisse juvat[note 157](#).

Он мечтает о кабриолете, на который у него нет денег и которым он не умеет управлять. И я уверяю вашу светлость, что обладание такими двумя четвероногими может причинить ему большую беду, чем любая из его дуэлей, будь его противником человек или мой друг rhosa.

— Мы обязаны повиноваться вам, мистер Олдбок, — вежливо

сказал граф. — Но я уверен, что вы все же не запретите мне доставить молодому другу какое-нибудь другое удовольствие?

— Пусть это будет что-нибудь полезное, милорд, — отозвался Олдбок, — но только не *curriculum* [note 158](#), а то он сразу же пожелает иметь квадригу. Кстати, что это за почтовая карета с таким дребезжанием подъезжает сюда? Я за ней не посылал.

— Я посылал, сэр, — угрюмо произнес Гектор. Ему не слишком понравилось вмешательство дяди, лишившего его щедрого подарка графа, да и от замечания старика, поставившего под сомнение

репутацию Гектора как возникшего, и от обидных намеков на печальный исход дуэли с Ловелом и встречи с тюленем он тоже не получил особого удовольствия.

— Ты? — сказал антикварий в ответ на его лаконичное сообщение. — А скажи, пожалуйста, зачем тебе понадобилась карета? Этот великолепный экипаж, эта *biga* [note 159](#), как я мог бы ее назвать, не должна ли она служить предисловием для *quadriga* или *curriculum*?

— Если необходимо особое объяснение, сэр, — ответил молодой воин, — так я еду в Фейрпорт по небольшому делу.

— Не разрешишь ли ты мне узнать, какого рода это дело, Гектор? — осведомился дядя, любивший иногда проявлять власть над своим родственником. — Мне кажется, что любое служебное дело можно было бы уладить через твоего сержанта, почтенного джентльмена, который был так добр, что, прибыв сюда, расположился у нас как дома. Да, мне кажется, что он мог бы выполнить любое твое поручение и избавить тебя от уплаты за день пользования двумя клячами и той комбинацией из гнилого дерева, битого стекла и кожи, одним словом — тем скелетом почтовой кареты, что стоит у дверей.

— Меня призывает не служебное дело, сэр! И, раз вы непременно хотите знать, я вам скажу. Кексон сообщил мне, что нынче утром будут допрашивать старого Охилтри для предания его суду. Я отправляюсь присмотреть за тем, чтобы с ним обошлись справедливо. Вот и все.

— Вот как! Я что-то слышал об этом, но не думал, что дело так серьезно. А скажите, капитан Гектор, готовый быть секундантом при всех столкновениях гражданских и военных, на суше, на воде и на морском берегу, почему вас так трогает судьба старого Эди Охилтри?

— Он был солдатом в отряде

моего отца, сэр! — ответил Гектор. — А кроме того, однажды, когда я готов был совершить большую глупость, он вмешался, чтобы остановить меня, и дал мне почти такой же ценный совет, какой могли бы дать вы сами, сэр!

— И, могу поклясться, с такой же пользой. А, Гектор? Ну-ка, признайся!

— Признаюсь, сэр! Но я не вижу, почему моя глупость должна лишать меня чувства благодарности к нему за добрые намерения.

— Браво, Гектор! Это самые разумные слова, какие я когда-либо от тебя слышал. Все же Расскажи мне без утайки, как ты будешь

действовать. А впрочем, я поеду с тобой. Уверен, что старик не виноват, а я лучше твоего могу помочь ему в такой передрыге. Кстати, мой милый, ты сэкономишь на этом полгинеи — вот о таких вещах я от души желаю тебе вспоминать почаще!

Когда пререкания между дядей и племянником показались лорду Гленаллену слишком оживленными для уха постороннего человека, свойственная ему деликатность побудила его отвернуться и вступить в разговор с дамами. Но как только благодушный тон антиквария вновь возвестил о том, что мирные отношения восстановились, граф опять примкнул к мужчинам.

Выслушав краткий рассказ о нищем и о выдвинутом против него обвинении, которое Олдбок не замедлил приписать злобе Дюстерзивеля, лорд Гленаллен спросил, не был ли этот нищий когда-то солдатом. Ответ был утвердительный.

— Не носит ли он, — продолжал граф, — голубой пелерины или плаща с бляхой? Это такой высокий старик внушительного вида, с седой бородой и волосами? Держится он удивительно прямо и разговаривает непринужденно и независимо, что идет совершенно вразрез с его профессией.

— Точный его портрет, —

ответил Олдбок.

— В таком случае, — продолжал лорд Гленаллен, — хотя я едва ли могу быть ему полезен в нынешнем его затруднении, я очень ему обязан и благодарен, так как он первый принес мне известия чрезвычайной важности. После того как удастся выручить его из этой скверной истории, я охотно предложу ему тихое прибежище.

— Боюсь, милорд, — сказал Олдбок, — трудно будет преодолеть его привычку к бродяжничеству и уговорить принять ваше великодушное предложение. По крайней мере, насколько мне известно, такие попытки

предпринимались, но без успеха. Просить милостыню у всего населения — вот что он считает основой своей независимости, и он не хочет жить за счет благотворительности какого-либо одного лица. Это настоящий философ, презирующий все обычные правила распределения времени. Он ест, когда голоден, пьет, когда испытывает жажду, спит, когда устал; и все это с таким безразличием к обстановке и удобствам, о которых мы так хлопчем, что, я уверен, он никогда не бывает недоволен обедом или ночлегом. Кроме того, он в известной мере оракул той округи, по которой скитается, знаток

местной генеалогии, поставщик новостей; он председательствует на пирушках, а при нужде заменит и доктора и духовника. У него, скажу вам, столько разных обязанностей, и он так ревностно их выполняет, что его нелегко убедить отказаться от своего призвания. Но я был бы искренне огорчен, если бы бедного старика вздумали несколько недель держать в тюрьме. Я уверен, что заключение сломит его.

На этом совещание окончилось. Попрощавшись с дамами, лорд Гленаллен повторил свое приглашение капитану Мак-Интайру свободно охотиться в его угодьях. Это приглашение было с радостью

принято.

— Могу лишь добавить, — сказал граф, — что, если вас не страшит скучная компания, Гленаллен-хауз всегда открыт для вас. Два дня в неделю, по пятницам и субботам, я не выхожу из своих покоев, что для вас будет только лучше, так как вы можете тогда пользоваться обществом моего капеллана, мистера Гледсмюра, человека ученого и светского.

Гектор, сердце которого радостно забилося при мысли об охотничьих прогулках по заповедникам Гленаллен-хауза, по хорошо охраняемым болотам Клохневена и — верх

наслаждения! — по лесу Стретбоннела, где водились олени, всячески благодарил графа за оказанную ему честь. Мистер Олдбок также оценил внимание графа к его племяннику; мисс Мак-Интайр была рада за брата, а мисс Гризельда Олдбок восторженно предвкушала, как она будет жарить целые ягдташи болотной дичи и тетеревов, большим ценителем которых был мистер Блеттергаул. И, как всегда бывает, когда высокопоставленный гость покидает скромную семью, где он старался быть возможно любезнее, все принялись хвалить его, как только он откланялся и был увезен в своей

колеснице четырьмя великолепногими гнедыми. Но этот панегирик был тут же прерван, так как Олдбок и его племянник уселись в фейрпортскую колымагу. Одна лошадь пошла рысью, другую заставили скакать галопом, и влекомое ими сооружение, скрипя, дребезжа и раскачиваясь, тронулось в сторону прославленного морского порта, являя резкий контраст с экипажем лорда Гленаллена, который, катясь очень плавно и быстро, мгновенно исчез из вида.

ГЛАВА XXXVII

*Да, справедливость,
как и вы, люблю я.*

*Но пусть она, слепая,
мне простит,*

*Коль иногда невольно
промолчу.*

*За эти передышки
пусть меня*

*Не вздумают потом
лишить дыханья.*

Старинная пьеса

Благодаря милосердию горожан
и той провизии, которую Эди
Охилтри в большом количестве

принес с собой в заточение, он провел здесь два дня, не испытывая особого нетерпения и не жалея об утраченной свободе, тем более что погода была непостоянная и дождливая.

Тюрьма, говорил он себе, не такое уж скверное место, как многие думают. Над головой у тебя крепкая крыша, которая защищает от непогоды, а если б к тому же окна были без стекол, в летнюю пору воздух тут был бы свежий и приятный. Здесь есть с кем перекинуться шуткой, и хлеба пока хватает, так о чем еще беспокоиться?

Однако бодрость духа нашего нищего философа стала заметно

убывать, когда солнечные лучи упали прямо на ржавую решетку его камеры, и несчастная конопляночка, клетку которой какому-то бедному должнику разрешено было повесить на окне, приветствовала его своим свистом.

— Тебе, видно, лучше, чем мне, — обратился Эди к птичке. — Я вот не могу ни свистеть, ни петь — все думаю, как бы я в такую погоду шел берегом красивого ручейка или зеленой рощей. Ага, вот крошки! Сейчас я тебя угощу, раз ты такая веселая. Тебе-то есть отчего петь, ты ведь знаешь, что не по своей вине сидишь в клетке, а я вот самому себе обязан тем, что меня запрятали в эту

дыру.

Монолог Охилтри был прерван полицейским чиновником, который пришел, чтобы отвести его к судье. Это была удручающая процессия: Эди меж двух жалких стариков, куда более хилых, чем он сам, шествовал к следственным властям. При виде престарелого узника, которого вели два дряхлых стража, люди говорили друг другу:

— Ого! Погляди-ка на этого седого деда. Одной ногой в могиле, а туда же — занимается грабежами!

Ребятишки поздравляли обоих стражей, Пегги Оррока и Джока Ормстона, внушавших им попеременно то страх; то желание

позабавиться, с тем, что им попался в руки такой же молодец, как они сами.

Торжественное шествие закончилось тем, что Эди наконец предстал (отнюдь не в первый раз) перед достопочтенным судьей Литлджоном. Вопреки своему имени [note 160](#) это был высокий и дородный мужчина, которому не напрасно были пожалованы знаки его корпорации. Строгий блюститель законов той строгой эпохи, несколько суровый и самовластный при исполнении своих обязанностей, он изрядно пыжился от сознания своего могущества и высокого положения, а в остальном был честным,

благонамеренным и полезным гражданином.

— Введите, введите его! — воскликнул он. — Честное слово, настали времена страшных, противоестественных дел, когда даже привилегированные нищие его величества первые нарушают его законы! Вот и Голубой Плащ учиняет грабеж! Я думаю, что следующий, кого король облагодетельствует одеждой, пенсией и разрешением собирать милостыню, отблагодарит его тем, что окажется замешанным в государственной измене или по крайней мере в бунте. Однако введите его!

Эди отвесил поклон и

остановился, как всегда, статный и прямой, слегка склонив голову набок, словно стараясь не пропустить ни одного слова, с которым обратился к нему судья. На первые вопросы, касавшиеся его имени и рода занятий, нищий отвечал охотно и точно. Но когда судья, велев писцу отметить эти сведения, начал спрашивать, где Охилтри находился в ту ночь, когда так пострадал Дюстерзивель, нищий отказался отвечать.

— Скажите мне, судья, вы ведь знаете законы: какая мне польза отвечать на ваши вопросы?

— Какая польза? Никакой, конечно, мой друг, только что, если

ты не виновен и правдиво расскажешь о том, что делал, я могу выпустить тебя на свободу.

— Но, мне сдается, было бы разумнее, если бы вы, судья, или кто другой, кто знает за мной что-нибудь, доказали мою вину, а не требовали, чтобы я доказывал свою невиновность.

— Я заседаю здесь, — ответил судья, — не затем, чтобы обсуждать с тобой статьи закона. И я спрашиваю тебя, если ты согласен отвечать мне, был ли ты в указанный день у лесника Рингана Эйквуда?

— Право, сэр, не берусь припомнить, — ответил осторожный нищий.

— А также, — продолжал судья, — видел ли ты в тот день или в ту ночь Стивена, или Стини, Маклбеккита? Я полагаю, что ты его знаешь?

— Ох, беднягу Стини я очень хорошо знал! — ответил арестованный. — Но только не могу припомнить, когда я его в последний раз видел.

— Был ли ты в тот вечер возле монастыря святой Руфи?

— Судья Литлджон, — заявил нищий, — если вашей чести угодно, давайте положим этому сразу конец. Я прямо скажу вам, нет у меня охоты отвечать на ваши вопросы. Я стреляный воробей и не допущу,

чтобы мой язык втянул меня в беду.

— Запишите, — сказал судья, — что он отказывается отвечать на какие-либо вопросы, опасаясь, что, сказав правду, может попасть в беду.

— Ну нет, — возразил Охилтри. — Я не желаю, чтобы так записывали мой ответ! Я ведь хотел только сказать, что, по моему опыту, если кто отвечает на пустые вопросы, это не приводит к добру.

— Запишите, — распорядился судья, — что, будучи, на основании личного опыта, знаком с судебными разбирательствами и потерпев ущерб оттого, что в подобных случаях отвечал на вопросы, арестованный отказался...

— Нет, нет, судья, — перебил его Эди, — на этом вы меня никогда не поймаете.

— Ну, так диктуй свой ответ сам, приятель, — сказал судья. — Писец все запишет прямо с твоих слов.

— Вот это так! — воскликнул Эди. — Это я называю честным обхождением. Я сейчас все скажу, не теряя времени. Значит, сосед, можешь записать, что Эди Охилтри стоит за свободу... нет, этого мне тоже не следует говорить. Я ведь не из тех, кто бунтует ради какой-то свободы, и сам сражался против таких во время мятежа в Дублине. Кроме того, я много лет ел хлеб

короля... Погоди, давай подумаем... Да, пиши... что Эди Охилтри, Голубой Плащ, стоит за правомочия (смотри, правильно напиши это длинное слово!)... за правомочия подданных нашего государства и не проронит ни одного слова, о чем бы его нынче ни спрашивали, разве что увидит надобность в ответе... Запиши, молодой человек!

— В таком случае, Эди, — сказал судья, — раз ты не даешь мне никаких показаний по этому делу, я отправлю тебя назад в тюрьму, и ты останешься там, пока тебя не выпустят в законном порядке.

— Слушаю, сэр! — ответил нищий. — Раз такова воля неба и

воля человека, я, конечно, должен подчиниться. Да я особенно и не возражаю против тюрьмы, худо только, что из нее нельзя уйти. Но если бы вы согласились, судья, я дал бы вам слово явиться перед лордами окружного суда или иным судом в день, который вам угодно будет назначить.

— Я считаю, друг мой, — ответил судья Литлджон, — твое слово слишком слабым обеспечением, когда дело может идти о твоей шее. Склонен думать, что тебе что-нибудь помешает явиться. Вот если бы ты мог представить мне достаточный залог...

В этот миг в помещение суда вошли антикварий и капитан Мак-Интайр.

— Доброе утро, джентльмены! — приветствовал их судья. — Вы застаете меня за моим обычным занятием: разбираю беззакония людские, тружусь для res publica [note 161](#), мистер Олдбок, служу нашему государю королю, капитан Мак-Интайр, ибо, как вы, наверно, знаете, я взял в руки меч.

— Это, несомненно, одна из эмблем правосудия, — ответил антикварий. — Но, я думаю, вам более подошли бы весы, судья, тем более что вы можете взять их прямо из своего амбара.

— Очень хорошо сказано, Монкбарнс, превосходно! Но я берусь за меч не как судья, а как солдат. Точнее было бы сказать — за мушкет и штык, вот они стоят у спинки моего кресла. Нынче ведь я инвалид и пока не слишком годен для муштровки: легкий приступ нашей старой знакомой — подагры. Впрочем, я могу стоять на ногах, и наш сержант заставляет меня проделывать артикулы. Я хотел бы знать, капитан Мак-Интайр, учит ли он меня точно по правилам. «На караул» мы берем пока еще недостаточно четко. — И он заковылял к своему оружию, чтобы объяснить, в чем он сомневается, а

заодно похвастать тем, чему уже научился.

— Я в восторге, что у нас такие ревностные защитники, судья, — промолвил Олдбок. — И я уверен, что Гектор не откажется высказать свое мнение о ваших успехах на новом поприще. Право, вы, дорогой сэр, соперничаете с Гекатой древних: на рынке — вы купец, в ратуше — судья, на плацу — солдат, *quid non pro patria?* [note 162](#) Но я пришел сюда по делу правосудия, поэтому коммерция и война пусть дремлют!

— Отлично, дорогой сэр, — сказал судья. — Что же вам угодно?

— Да видите ли, у вас тут находится мой старый знакомый по

имени Эди Охилтри. Его сцапали и упрятали в тюрьму ваши мирмидоняне из-за мнимого нападения на, вероятно, известного вам Дюстерзивеля. Я не верю ни одному слову этого обвинения.

Тут судья напустил на себя самый суровый вид.

— Вам следовало бы знать, что он обвиняется не только в нападении, но и в грабеже. Это очень серьезное дело. Должен сказать, что мне редко попадаются подобные преступники.

— И поэтому, — заметил Олдбок, — когда представляется такой случай, вы стараетесь выжать из него все, что можно. Но неужели

дело бедного старика действительно выглядит так скверно?

— Это будет против правил, — сказал мистер Литлджон, — но, раз вы сами судья, Монкбарнс, я покажу вам жалобу Дюстерзивеля и прочие документы дознания.

Он тут же передал бумаги антикварию, и тот, надев очки, сел в уголок, чтобы их просмотреть.

Тем временем стражи получили приказание увести арестованного в другую комнату. Но Мак-Интайр успел воспользоваться представившейся возможностью, чтобы поздороваться со старым Эди и сунуть ему в руку гинею.

— Да благословит господь вашу

честь! — сказал старик. — Это дар молодого солдата, и он, наверно, принесет удачу старому. Не могу от него отказаться, хоть и нарушаю этим свои правила. Но если меня будут держать здесь взаперти, друзья понемногу забудут старого Эди. С глаз долой — из сердца вон, — это верная поговорка. Не к лицу же мне, королевскому нищему, которому дано право просить милостыню словом уст своих, выуживать монетки, спуская на веревочке чулок из тюремного окна.

Не успел он договорить, как его увели из зала заседаний.

Жалоба мистера Дюстерзивеля содержала преувеличенный отчет о

нанесенных ему побоях и убытках.

— Хотел бы я порасспросить его, — сказал Монкбарнс, — зачем ему было околачиваться в руинах монастыря святой Руфи, в таком уединенном месте, в такой час и с таким компаньоном, как Эди Охилтри. Там нет поблизости никаких дорог, и я не думаю, чтобы одна лишь любовь к живописным местам завела немца туда в такую бурную ночь. Можете не сомневаться, что он затевал какую-то пакость и, по всем вероятиям, попался в капкан, который сам расставил другому. *Nec lex justitior ulla* [note 163](#).

Судья признал некоторую загадочность этого обстоятельства и

высказал сожаление, что воздержался от допроса Дюстерзивеля, поскольку тот сам подал жалобу. Все же в поддержку обвинения он сослался на показания Эйквудов, описавших, в каком состоянии был найден Дюстерзивель. Эти показания устанавливали также тот важный факт, что нищий покинул амбар, который ему отвели на ночь, и больше не возвращался. Двое работников фейрпортского гробовщика, нанятые в ту ночь для участия в похоронах леди Гленаллен, также показали, что были посланы в погоню за двумя подозрительными людьми, покинувшими руины

монастыря святой Руфи при
приближении погребального
шествия; предполагалось, что они
хотели похитить кое-что из
украшений, приготовленных для
церемонии. Из-за того, что
окрестности монастыря
малопригодны для верховой езды,
преследователи несколько раз теряли
этих людей из виду, но наконец
обнаружили их в хижине
Маклбеккитов. Один из посланных
добавил, что он, свидетель,
спешившись и подойдя к окну
хижины, увидел там Голубого Плаща
и молодого Стини Маклбеккита; они
сидели вместе с другими, ели и
пили, причем упомянутый Стини

Маклбеккит показывал какой-то бумажник. Свидетель не сомневается, что Охилтри и Стини Маклбеккит и были теми лицами, которых он и его товарищ преследовали, как сказано выше. На вопрос, почему он не вошел в упомянутый дом, посланный ответил, что не имел на это полномочий, а также, что Маклбеккиты известны как люди, всегда готовые пустить в ход кулаки, поэтому у него не было желания вмешиваться в их дела. Causa scientiae patet [note 164](#). Все, что он показал, есть истинная правда, и так далее.

— Что вы скажете по поводу

этих улик против вашего друга? — спросил судья, видя, что антикварий перевернул последний лист.

— Что ж, если бы речь шла о ком-либо другом, я признал бы, что все это выглядит, *prima facie* [note 165](#), не очень хорошо. Но я не могу не признать правым всякого, кто избил бы Дюстерзивеля. Будь я чуть помоложе или будь во мне хоть искорка вашего боевого духа, судья, я уже давно сделал бы это сам. Он — *nebulo nebulonum* [note 166](#), нахальный, лживый, гнусный шарлатан, который уже надул меня на сто фунтов, а моего соседа сэра Артура — бог знает на какую сумму. Кроме того, судья, я не считаю его другом нашего

правительства.

— Вот как? — удивился судья Литлджон. — Если бы я знал! .. Ведь это значительно меняет дело.

— Совершенно верно! — заметил Олдбок. — Избив его, нищий только выказал бы свою преданность королю, выступая против его врага. Ограбив же его, он обобрал бы проходимца, достояние которого можно отнять по закону. Почему не предположить также, что свидание в руинах монастыря имело касательство к политике, а зарытое сокровище было послано с континента какому-нибудь высокопоставленному изменнику или должно было служить субсидией

для какого-нибудь клуба
мятежников?

— Дорогой сэр, — воскликнул судья, сразу воспламеняясь от поданной ему идеи. — Вы высказываете мои собственные мысли! Каким счастьем было бы для меня расследовать до конца такое дело! Не считаете ли вы, что нам следует объявить сбор добровольцев и поставить их под ружье?

— Только не сейчас, когда подагра лишает их столь ценного соратника. Но не разрешите ли вы мне спросить кое о чем Охилтри?

— Сделайте одолжение! Только вы ничего не добьетесь от него. Он дал мне ясно понять, что знает,

насколько опасно для обвиняемого давать показания; по правде сказать, это действительно приводило на виселицу многих и почестнее его.

— Но все-таки, судья, вы не возражаете против того, чтобы я занялся им?

— Ни в коей мере, Монкбарнс! Я слышу голос сержанта внизу. Пойду и пока что поупражняюсь в ружейных приемах. Бэби, тащи мой мушкет и штык вниз! Там не так слышно, когда мы берем мушкет к ноге.

С этими словами воинственный судья покинул сцену, и служанка понесла за ним оружие.

— Такая девчонка — отличный оруженосец для подагрического

рыцаря! — заметил Олдбок. — Ну, Гектор, друг мой, за ним, за ним! Ступай вниз, мой мальчик, и займи его там с полчаса хотя бы разными военными терминами. Хвали его ловкость и выправку!

Капитан Мак-Интайр, как и многие люди его профессии с бесконечным презрением смотревший на солдат штатского звания, которые взялись за оружие без должной подготовки, очень неохотно поднялся и проворчал, что не знает, о чем ему говорить с мистером Литлджоном, и что смешно, мол, глядеть, как старый, больной подагрой лавочник пытается выполнять упражнения, которые под

стать заправскому солдату.

— Пожалуй, это и так, Гектор, — сказал антикварий, редко уступавший, когда кто-либо возражал против его предложений. — Пожалуй, это и так — в данном случае и в некоторых других. Но в наши дни страна похожа на истцов в мировом суде, где стороны выступают лично, за отсутствием средств для приглашения профессиональных героев судебного красноречия. И я уверен, что если при таких обстоятельствах люди прекрасно обходятся без изворотливости и многословия адвокатов, то и мы, я надеюсь, справимся, полагаясь только на нашу

храбрость и наши мушкеты, хотя нам и не хватает дисциплины, свойственной вам, опытным воякам.

— Право, я ничего не имею против того, сэр, чтобы весь мир сражался, если ему нравится, лишь бы меня оставили в покое, — ответил Гектор, по-прежнему сохраняя упрямое и недовольное выражение.

— Да, ты действительно человек очень мирного нрава, — отозвался его дядя, — настолько мирного, что не можешь спокойно пройти мимо бедного, спящего на берегу!

Однако Гектор, заметивший, куда клонится разговор, и ненавидевший намеки на отпор,

полученный им от ластоногого противника, обратился в бегство, прежде чем антикварий успел договорить фразу.

ГЛАВА XXXVIII

*Не кража это, не
подделка денег.*

*Так в чем же, наконец,
меня винят?*

*Могила вновь открыта
свету дня*

*И мне дала нежданное
богатство.*

*Счесть грабежом
нельзя простой обмен,*

Тем более — подарок...

Старинная пьеса

Желая
полученным

воспользоваться
разрешением,

антикварий предпочел перейти в камеру, где находился Охилтри, так как вызвать его снова в судебный зал — значило бы придать допросу более официальный характер. Старик сидел у окна, которое выходило на море. Он смотрел, и крупные слезы — казалось, помимо его воли — навертывались на глаза, капали на щеки и сбегали по белой бороде. При всем том черты его были спокойны, а вся поза и выражение лица были исполнены терпения и покорности судьбе. Олдбок незаметно подошел к нему и вывел его из задумчивости, ласково сказав:

— Меня огорчает, Эди, что ты принимаешь это так близко к сердцу.

Нищий вздрогнул, поспешно утер глаза рукавом плаща и постарался придать себе обычный равнодушный и беспечный вид. Все же голос его немного дрожал, когда он ответил:

— Я мог бы догадаться, Монкбарнс, что это вы — или кто-нибудь еще вроде вас — пришли тревожить меня. В тюрьмах и судах хоть то хорошо, что ты можешь выплакать себе все глаза, и никто не спросит тебя, в чем дело.

— Ладно, Эди, — ответил Олдбок, — я надеюсь, причина твоих бед не так страшна, чтобы ее нельзя было устранить.

— А я-то думал, Монкбарнс, —

тоном упрека сказал нищий, — что вы знаете меня лучше и не подумаете, будто моя пустячная неприятность может вызвать слезы на старых глазах, выдавших и не такое горе. Нет, нет! Но здесь была эта бедняжка, дочь Кексона. Она места себе не находит, и никто не может ее успокоить: со времени последнего шторма нет известий о бригае Тэфрила. Люди на набережной рассказывают, будто какой-то военный корабль наскочил на риф Рэтри и вся команда погибла. Помилуй господи, ведь там был молодой Ловел, которого вы так любили, и он как пить дать тоже погиб.

— Да, избави господи! — повторил за ним антикварий бледнея. — Лучше бы Монкбарнс-хауз сгорел. Бедный мой друг и соавтор! Я сейчас же пойду на набережную.

— Навряд ли вы узнаете больше, чем я вам сказал, — промолвил Охилтри. — Здешние стражники были порядком любезны (для констеблей, конечно). Они просмотрели все свои бумаги, спрашивали у начальства, но дело остается таким же темным.

— Это не может быть правдой, это неправда! — воскликнул антикварий. — Я этому ни за что не поверю: Тэфрил — отличный моряк,

а Ловел — мой бедный Ловел! — имеет все качества верного и приятного спутника на суше и на море. Именно такого спутника, Эди, я за ум и чистосердечие избрал бы для морского путешествия, *fragilem tecum solve phaselum* [note 167](#) (впрочем, я никогда не пускаюсь в море, если не считать переезда на пароме через наш залив). Его избрал бы я делить со мной опасность, как человека, к которому стихии не могут питать вражду. Нет, Эди, это неверно и не может быть верно. Это выдумка праздной шлюхи — молвы, которую я вздернул бы, повесив ее трубу ей на шею. Она своим совиным криком только пугает до смерти

честных людей. А теперь расскажи, как ты попал в такую переделку?

— Вы спрашиваете меня как судья, Монкбарнс, или так просто, для собственного интереса?

— Только для собственного интереса, — ответил антикварий.

— Тогда уберите свою записную книжку и этот самый карандаш, потому что я ничего не скажу, пока у вас в руках эти штуки: мы, люди неученые, боимся их. Эти писцы в соседней комнате начиркают черным по белому такое, что человек и не оглянется, как его повесят.

Монкбарнс уступил причуде старика и убрал записную книжку.

Тогда Эди весьма откровенно

изложил ту часть истории, которая уже известна читателю, рассказав антикварию также про сцену, разыгравшуюся в руинах святой Руфи между Дюстерзивелем и его покровителем. Так же открыто он признался в том, что не мог устоять перед соблазном еще раз заманить искателя руд на могилу Мистикота, с целью посмеяться над ним и проучить его за шарлатанство. Эди легко уговорил Стини, смелого и безрассудного парня, помочь ему в этой проказе, но шутка помимо их воли зашла слишком далеко. Что касается бумажника, то Эди выразил свое удивление и огорчение, как только выяснилось, что эта вещь

неумышленно была унесена. Старик рассказал, что Стини в присутствии всех обитателей хижины обещал вернуть бумажник на следующий же день, и только внезапная гибель помешала ему это сделать.

Немного подумав, антикварий сказал:

— Твоя история, Эди, звучит вполне правдоподобно, и, зная всех участников, я ей верю. Но мне кажется, что ты знаешь о найденном кладе гораздо больше, чем счел нужным сообщить мне. Я подозреваю, что ты тут разыграл роль Плавтова *lar familiaris* [note 168](#), своего рода домового, чтобы тебе понятнее было, который сторожил

спрятанные сокровища. Я припоминаю, что был первым, кого мы встретили, когда сэр Артур так успешно атаковал могилу Мистикота, и опять-таки ты же, Эди, когда рабочие начали уставать, первым спрыгнул в яму и обнаружил клад. Ты должен объяснить мне все это, не то я сделаю тебе то же, что Эвклион Стафиле в «Aulularia» [note 169](#).

— Помилуйте, сэр, — ответил нищий. — Что я знаю про вашу Гавлуларию? Это больше похоже на собачий язык, чем на человеческий.

— Но ты все-таки знал заранее, что там был ящик с серебром? — продолжал Олдбок.

— Дорогой сэр, — ответил Эди,

принимая вид совершенного простака,

— ну есть ли в этом какой-нибудь смысл? Неужто вы думаете, что бедный старик, пронюхав о таком богатстве, не попользовался бы им? Вы ведь хорошо знаете, что я, как тот, кого Майкл Скотт обучал, ничего не искал да и не получал. Что мне за дело до этого клада?

— Вот об этом-то я и хочу от тебя услышать, — сказал Олдбок. — Я уверен, что ты знал о кладе.

— Ваша милость, Монкбарнс, человек не глупый. И как человек не глупый, надо признать, вы часто бываете правы.

— Так ты признаешь, Эди, что

моя догадка основательна?

Эди кивнул в знак согласия.

— Тогда будь добр объяснить мне все дело от начала до конца, — сказал антикварий.

— Будь это моя тайна, Монкбарнс, — ответил нищий, — вам не пришлось бы просить дважды, потому как я не раз говорил за вашей спиной, что, при всех ваших бреднях, какими вы частенько набиваете себе голову, вы самый умный и достойный доверия из всех наших сельских джентльменов. И я скажу вам напрямик, что это тайна моего друга. И пусть меня разорвут дикими лошадьми или распилят пополам, как сделали с детьми

Аммона, но я не скажу больше ни слова, разве только одно: что никто не хотел сделать худого, а напротив, только хорошее, и что таким способом хотели помочь людям, которые в тысячу раз лучше меня. Но я понимаю, что нет такого закона, который запрещал бы знать, где лежат чьи-либо деньги, — лишь бы их не трогать.

Олдбок в глубокой задумчивости прошелся раз и другой по камере, пытаясь найти правдоподобную причину для таких таинственных действий, но его фантазия ничего не могла ему подсказать. Наконец он остановился перед арестованным.

— То, что ты рассказываешь,

друг мой, сплошная загадка, и понадобился бы второй Эдип, чтобы ее разгадать... Кто такой Эдип, я объясню тебе в другой раз, если ты мне напомнишь. Однако, будь то от ума или от бредней, которые ты мне любезно приписываешь, я весьма склонен считать все, что ты сказал, правдой, тем более что ты не взывал к высшим силам, как ты и твои товарищи делаете, когда вы хотите обмануть людей. (Тут Эди не мог удержать улыбку.) Поэтому, если ты ответишь мне всего на один вопрос, я постараюсь добиться твоего освобождения.

— Скажите, какой вопрос, — промолвил Эди с осторожностью

истого шотландца, — и я скажу вам, отвечу я или нет.

— Вопрос простой, — сказал антикварий. — Знал ли Дюстерзивель о спрятанном ящике с серебром?

— Он-то? Эта подлая скотина? — с большой готовностью отозвался Эди. — Если бы он что-нибудь знал, тогда бы и разговаривать не пришлось. Это было бы все равно, что хранить масло в собачьей будке.

— Я так и думал, — сказал Олдбок. — Так вот, Эди, если я выхлопочу тебе свободу, ты должен будешь явиться в назначенный день, чтобы мне вернули мой залог. Сейчас не такие времена, чтобы

дальновидные люди бросали деньги на ветер, разве что ты можешь указать еще одну *aulam auri plenam quadrilibrem* [note 170](#), еще один «Ищи номер один».

— Ах, — ответил нищий, покачав головой, — не улетела ли та птица, что снесла золотые яйца! Не стану называть ее гусыней, хоть ее так намалевали в книжке сказок. Но я приду в указанный день, Монкбарнс. Вы не потеряете из-за меня ни одного пенни. И до чего же тянет меня на свежий воздух! Погодка-то опять наладилась, и мне невтерпех узнать новости про моих друзей.

— Хорошо, Эди, стук и лязг

внизу немного стихли. Вероятно, судья Литлджон отпустил своего воинственного наставника и от служения Марсу вернулся к служению Фемиде. Я пойду и поговорю с ним. Но я не хочу и не стану верить ужасным известиям, о которых узнал от тебя.

— Дай боже, чтобы ваша милость были правы! — сказал нищий вслед уходившему Олдбоку.

Судья был измучен муштровкой и отдыхал в своем кресле инвалида. Он напевал: «Как весело живется нам, солдатам» и после каждого такта подкреплялся ложкой супа из телятины. Он хотел заказать такое же угощение и для Олдбока, но тот

отказался, заметив, что, не будучи человеком военным, не расположен нарушать свою привычку принимать пищу в определенные часы.

— Солдаты вроде вас, судья, — добавил он, — питаются чем придется и когда придется. Однако что это за печальные известия о бригае молодого Тэфрила?

— Ах, бедняга! — ответил судья. — Он был украшением города и весьма отличился первого июня.

— Но почему, — воскликнул Олдбок, — вы говорите о нем в прошедшем времени?

— Боюсь, что для этого достаточно оснований, Монкбарнс. Все же будем надеяться на лучшее.

Говорят, что несчастье произошло на рифах Ратри, в двенадцати милях к северу, близ залива Дертеналлен. Я послал туда узнать, в чем дело, а ваш племянник помчался на берег, словно за газетой с вестью о победе.

Тут как раз вошел Гектор.

— Мне кажется, что все это дурацкая выдумка! — воскликнул он. — Слухов много, но я не мог найти им ни малейшего подтверждения.

— А скажи, пожалуйста, Гектор, — встретил его дядя, — если бы это было правдой, по чьей вине Ловел оказался на борту?

— Конечно, это не моя вина, — ответил Гектор, — а только моя

неудача.

— Вот как! — удивился дядя. —

Это не приходило мне в голову.

— Вот видите, сэр! При всей вашей склонности неизменно считать меня неправым, — ответил молодой воин, — надеюсь, вы признаете, что в этом случае меня не в чем упрекнуть. Я изо всех сил старался попасть в Ловела, и, если бы мне это удалось, очевидно, он был бы в моем положении, а я — в его.

— А кого или что ты собираешься поразить теперь, таща с собой это кожаноеместилище с надписью «порох»?

— Я готовлюсь, сэр, к охоте на болотах лорда Гленаллена

двенадцатого числа, — ответил Мак-Интайр.

— Ах, Гектор, твоя великая *chasse* [note 171](#) лучше происходила бы, *Omne cum Proteus pecus agitare* (*) *Visere montes...* [note 172](#)

Вот бы встретиться тебе с каким-нибудь воинственным *phosa* вместо безобидной птицы! ..

— Черт бы побрал всех тюленей, сэр, или *phosa*, как вы предпочитаете их называть. Право, не слишком приятно, когда тебе без конца напоминают про сделанную глупость!

— Хорошо, хорошо, — сказал Олдбок, — я рад, что ты ее стыдишься! А так как я не терплю

все племя Нимрода, я желаю всем им найти таких же достойных противников. И не надо так обижаться на каждую шутку. Впрочем, с рhоса я покончил. Кстати, я уверен, что судья может сказать нам, каковы нынче цены на тюленьи шкуры.

— Высоки, — ответил судья. — Очень высоки: улов в последнее время был плохой.

— Мы можем это засвидетельствовать, — заметил мучитель антикварий, которому этот эпизод доставлял богатую тему для подтрунивания над племянником. — Еще одно слово, Гектор, и мы в тюленью шкуру беглеца оденем.

Ну, мой мальчик! Брось, не сердись! Я перехожу к делам.

Судья, разрешите сказать вам два слова. Вы должны принять залог, — умеренный, конечно, — за старого Охилтри.

Он явится в назначенный день.

— Вы не подумали, о чем просите, — ответил судья. — Его обвиняют в нападении и грабеже.

— Тс! Ни слова об этом, — прошептал антикварий. — Я уже намекнул вам раньше. Подробное сообщение — потом. Заверяю вас, что тут тайна.

— Однако, мистер Олдбок, если затронуты интересы государства, я как лицо, проделывающее здесь всю

будничную работу, конечно, имею право на то, чтобы выслушали мое мнение, и если я не...

— Тс, тс! — опять остановил его антикварий, подмигнув и приложив палец к носу, — вам достанется вся честь, и вы всем будете руководить, когда дело созреет. Но Эди — упрямый старик, он и слышать не желает, чтобы двух человек посвятить в свою тайну. Он и меня еще не вполне посвятил во все козни Дюстерзивеля.

— А! Значит, надо будет применить к этому субъекту закон об иностранцах, не так ли?

— Откровенно говоря, я бы этого хотел.

— Довольно, — произнес судья. — Это будет сделано немедленно. Он будет выслан *tanquam suspect* [note 173](#), кажется, так вы выражаетесь, Монкбарнс?

— Превосходная латынь, судья! Вы совершенствуетесь.

— Вы знаете, на меня за последнее время взвалено столько общественных дел, что я вынужден был взять моего старшего приказчика в компаньоны. И мне пришлось уже дважды писать помощнику министра: один раз — по поводу намеченного налога на семена рижской конопли, а другой раз — о запрещении политических обществ. Таким образом, вы можете

довериться мне и рассказать, что вам стало известно от старика о том, как он раскрыл заговор против правительства.

— Я это сделаю без промедления, как только факты будут в моих руках, — ответил Олдбок. — Ненавижу, когда самому приходится возиться с такими делами. Но помните: я ведь не сказал, что здесь явно государственный заговор. Я только надеюсь раскрыть с помощью этого человека нечистую игру.

— Если это заговор, в нем не может не быть измены или по крайней мере подстрекательства к бунту, — сказал судья. — Вы согласны внести в залог за

арестованного четыреста марок?

— Четыреста марок за старика нищего? Вспомните закон тысяча семьсот первого года, устанавливающий размер залогов! Зачеркните в этой сумме одну цифру, и я готов буду внести за Эди Охилтри сорок марок.

— Что ж, мистер Олдбок, в Фейрпорте все бывают рады сделать вам одолжение, а кроме того, я знаю, что вы человек осторожный и так же не согласитесь потерять сорок марок, как и четыреста. Итак, я приму ваш залог — *meo periculo* [note 174](#). Ну, что вы скажете по поводу этого юридического выражения? Я узнал его от одного ученого адвоката.

«Я ручаюсь вам, милорд, — сказал он, — *meo periculo*».

— А я ручаюсь, таким же образом, *meo periculo*, за Эди Охилтри, — сказал Олдбок. — Так прикажите же вашему писцу составить поручительство, и я подпишу.

Когда эта церемония была проделана, антикварий сообщил Эди радостную весть, что он снова свободен, и предложил ему немедленно поспешить в Монкбарнс, куда, завершив свое доброе дело, возвратился и он сам с племянником.

ГЛАВА XXXIX

*Полон острых слов и
мудрых изречений.*

*«Как вам это
понравится»*

— Во имя неба, Гектор, — сказал на другой день после завтрака антикварий, — пощади наши нервы и перестань щелкать курком своей пищали!

— Сожалею, сэр, что нарушил ваш покой, — отозвался племянник, не выпуская из рук дробовика. — Да ведь ружье-то какое, посмотрите: настоящий «Джо Мэнтон» в сорок

гиней.

— «Деньгам у глупца недолго ждать конца», племянничек! Вот что говорит Джо Миллер о твоём «Джо Мэнтоне», — ответил антикварий. — Я рад, что ты так свободно можешь швырять гинеи.

— У всякого свои причуды, дядя. Вы вот влюблены в книги.

— Ах, Гектор, — вздохнул дядя, — если бы моя коллекция была твоей, она бы живо упорхнула от тебя к оружейнику, барышнику и дрессировщику собак. *Coemptos undique nobiles libros — mutare loricis Iberis* [note 175](#).

— Да ведь и на самом деле, дорогой дядя, мне ваши книги были

бы ни к чему, — сказал молодой воин. — И вам следует распорядиться, чтобы они попали в лучшие руки. Но не думайте о моем сердце так же плохо, как о моем уме: я не расстался бы с Кордери, принадлежавшим старому другу, даже ради упряжки лорда Гленаллена.

— Не сомневаюсь, мой милый, не сомневаюсь, — смягчился дядя Гектора. — Я люблю иной раз подразнить тебя. Это поддерживает дух дисциплины и привычку к субординации. Ты приятно проведешь время здесь, где командую я, а не какой-нибудь майор, или полковник, или «рыцарь

в латах», как у Мильтона. А вместо французов, — снова с иронией продолжал он, — у тебя тут gens humida ponti [note 176](#), ибо, как говорит Вергилий,

Sternunt se somno diversae in littore phocae, [note 177](#)

что можно передать так:

Тюлени дремлют на песке,
Но Гектор наш невдалеке.

Ладно, ладно! Если ты сердишься, я перестану. Кроме того, я вижу во дворе старого Эди, а у меня к нему дело. Прощай, Гектор! Ты помнишь, как phosa плюхнулся в

море, подобно своему хранителю Протею, et se jactu dedit aegior in altum [note 178](#).

Мак-Интайр подождал, пока не закрылась дверь, а после дал волю своему неукротимому нраву:

— Мой дядя — лучший из смертных и в своем роде добрейший. Но я предпочитаю перевестись в Вест-Индию и больше никогда не видаться с ним, чем слушать еще про этого проклятого рhоса, как дяде угодно его называть.

Мисс Мак-Интайр, привязанная к дяде узами благодарности и горячо любившая брата, обычно выступала в таких случаях посланцем мира. Она поспешила
встретить

возвратившегося дядю, прежде чем он успел войти в гостиную.

— Ну, мисс женщина, что означает сие умоляющее выражение лица? Не сделала ли Юнона очередную пакость?

— Нет, дядя, но хозяин Юноны в отчаянии от ваших насмешек из-за тюленя. Уверяю вас, что он переживает их гораздо болезненнее, чем вы думаете. Конечно, это очень глупо с его стороны, но ведь вы умеете выставить каждого в таком смешном виде!

— Хорошо, дорогая моя, — ответил Олдбок, польщенный комплиментом.

— Я надену на свою сатиру узду

и постараюсь больше не говорить о тюленях. Не стану упоминать даже о тюлевых занавесках и буду произносить «мм» и кивать тебе, если захочу, чтобы ты сорвала тюльпан. Я вовсе не какой-нибудь *monitoribus asper* [note 179](#), а — как Гектору известно — самый кроткий, тихий и покладистый из людей, которым сестра, племянница и племянник могут вертеть, как им заблагорассудится.

С этим небольшим панегириком собственному послушанию мистер Олдбок вошел в гостиную и предложил племяннику пройтись до Массел-крейга.

— Мне нужно кое о чем

расспросить одну из женщин у Маклбеккитов, — сказал он, — и я хотел бы, чтобы со мной был разумный свидетель. Поэтому за отсутствием лучшего придется довольствоваться тобой.

— А тут как будто есть старый Эди, сэр, и Кексон; не подойдут ли они лучше меня? — промолвил Мак-Интайр, несколько встревоженный перспективой продолжительного пребывания наедине с дядюшкой.

— Честное слово, молодой человек, ты рекомендуешь мне прекрасное общество, и я вполне ценю твою любезность, — ответил мистер Олдбок. — Нет, дорогой мой, Голубой Плащ пойдет с нами, но не

как полноправный свидетель, ибо он в настоящее время, как выражается наш друг судья Литлджон (да благословит бог его ученость), *tanquam suspectus*, а ты с точки зрения нашего закона *suspiciōne maior* [note 180](#).

— Неплохо бы мне стать майором, сэр! — заявил Гектор, уловивший лишь последнее слово, наиболее привлекательное для слуха солдата, — но без денег и протекции трудно рассчитывать на такое повышение.

— Не унывай, храбрый сын Приама, — сказал антикварий, — и слушай своих друзей. Кто знает, что может случиться! Пойдем со мной, и ты увидишь вещи полезные, если

тебе случится заседать в военном суде.

— Я уже не раз заседал в полковом военном суде, сэр, — ответил капитан Мак-Интайр. — Но позвольте преподнести вам новую трость.

— Очень признателен, очень признателен!

— Я купил ее у нашего тамбурмажора, — пояснил Мак-Интайр. — Он перешел в наш полк из бенгальской армии, когда она прибыла через Красное море. Он уверяет, что эта трость была срезана на берегах Инда.

— В самом деле отличный тростник. Она вполне заменит ту,

которую rh... Так что это я хотел сказать?

Маленький отряд, состоявший из антиквария, его племянника и старого нищего, выступил теперь через пески к Массел-крейгу. Мистер Олдбок был в прекрасном расположении духа и так и сыпал всевозможными сведениями, а остальные двое из чувства признательности за прошлые благодеяния и в надежде на будущие скромно внимали его словам. Дядя и племянник шли вместе, а нищий — на полтора шага позади, достаточно близко, чтобы его покровитель мог обращаться к нему, чуть наклонив голову и не давая себе труда

обернуться. Петри, бывший воспитателем в одной знатной семье, в своем «Трактате о благовоспитанности», посвященном членам эдинбургского магистрата, рекомендует на основании личного опыта именно такую манеру всем сопровождающим важных особ, как-то: домашним учителям, домочадцам и подчиненным лицам всякого рода. Под таким эскортом антикварий подвигался вперед с грузом своей учености, то и дело поворачиваясь штирбортом или бакбортом, чтобы дать залп по своим спутникам.

— Итак, по-твоему, — сказал он, обращаясь к нищему, — от этих неожиданных денег, от этого arca auri

[note 181](#), как выражается Плавт, мало пользы будет сэру Артуру в его беде?

— Если только он не найдет в десять раз больше, в чем, сэр, я сомневаюсь, — ответил нищий. — Я слышал разговор Пегги Оррока и другого негодяя из служащих шерифа; плохо, когда такая мразь начинает дерзко болтать о делах джентльмена. Боюсь, что сэра Артура засадят-таки в каменный мешок за долги, коли не подоспеет надежная подмога.

— Ты говоришь глупости, — промолвил антикварий. — Племянник, обрати внимание — ведь это замечательно, что в нашей счастливой стране никого не сажают в тюрьму за долги.

— В самом деле, сэр? — удивился Мак-Интайр. — Я раньше не знал. Этот закон очень на руку некоторым моим товарищам.

— Но если людей не забирают за долги, — сказал Охилтри, — так что же столько бедняков торчит в фейрпортской тюрьме? Они говорят, что их упрятали туда кредиторы. Странно! Видно, им это нравится больше, чем мне, раз они остаются там по доброй воле.

— Весьма здравое замечание, Эди, и его делают многие более значительные люди, чем ты. Но оно всецело основано на незнании феодального строя. Гектор, будь добр, послушай меня, если только ты не

ищешь нового... гм! (После такого намека Гектор мгновенно стал внимательнее.) И тебе, Эди, тоже может быть полезно *rerum cognoscere causas* [note 182](#). Природа и происхождение предписания об аресте — это нечто *haud alienum a Scaevolae studiis* [note 183](#). Итак, повторяю, что в Шотландии никто не может быть арестован за долги.

— Меня это мало касается, Монкбарнс, — сказал старик. — Ведь нищему никто не доверит и гроша.

— Пожалуйста, помолчи, мой друг! Поэтому, как средство принуждения к платежу — а я могу засвидетельствовать по

собственному опыту, что платить не склонен ни один должник, — у нас существовали письма четырех видов. Сначала шло своего рода любезное приглашение от имени короля, нашего монарха, пекущегося, как оно и должно, об упорядочении частных дел своих подданных. Далее следовали все более строгие и настойчивые напоминания и требования... Что ты увидел особенного в этой птице, Гектор? Простая чайка!

— Это крачка, сэр! — сказал Эди.

— Ну, а если крачка? Какое это имеет значение? Но, я вижу, подробности вас мало трогают.

Поэтому я отбрасываю письма четырех видов и перехожу к современному порядку взыскания долгов. Вы полагаете, что человека сажают в тюрьму за неуплату долга? Ничего подобного! Дело обстоит следующим образом: король снисходит к просьбе займодавца и посылает должнику свой королевский приказ удовлетворить справедливое требование в определенный срок — в течение двух недель или одной, в зависимости от обстоятельств дела. Должник противится, не повинуется — что тогда? Тогда его с полным законным правом объявляют мятежником против нашего милостивого государя,

чьего приказа он ослушался. Это решение оглашают, трижды протрубив в рог, на рыночной площади Эдинбурга, столицы Шотландии. Затем провинившегося сажают под замок не за какие-то там частные долги, а за наглое пренебрежение королевской волей. Что ты на это скажешь, Гектор? Ты этого, наверно, не знал? [note 184](#)

— Не знал, дядя. Но, признаюсь, я был бы очень благодарен королю, если бы, когда у меня нет денег на уплату долгов, он прислал бы мне малую толику, вместо того чтобы объявлять меня мятежником за то, что я не выполняю невозможного.

— Твое воспитание не

подготовило тебя к рассмотрению подобных вопросов, — ответил дядя. — Ты не способен оценить все изящество юридических формулировок, примиряющих твердость, которую для защиты торговли необходимо проявлять по отношению к упорным должникам, с самой щепетильной заботой о свободе подданного.

— Не знаю, сэр, — ответил все еще не просветившийся Гектор, — но если человеку остается только уплатить долг или сесть в тюрьму, мне кажется, не велика разница, сядет ли он как должник или как мятежник. Впрочем, вы говорите, что королевский приказ предоставляет

срок в столько-то дней. Ну что ж, попади я в такую переделку, я не стал бы ждать и задал стрекача, предоставив королю и кредитору улаживать дело между собой.

— Я тоже, — сказал Эди. — Непременно дал бы тягу.

— Понятно, — ответил Монкбарнс, — но тем, кого суд подозревает в нежелании дожидаться формального посещения властей, наносят более скорый и бесцеремонный визит как лицам, не заслуживающим особого снисхождения.

— Да, да, — подтвердил Эди, — это, кажется, называется у них «ордер на предупредительный

арест». Я с этим немного знаком. На юге бывают еще аресты на границе — очень скверное дело. Меня схватили на ярмарке в день святого Иакова и целые сутки продержали в церкви в Келсо. Какой там холод да сквозняки, скажу я вам! .. Смотрите-ка, что это за женщина с корзиной на спине? .. Никак сама бедная Мегги!

Это и в самом деле была она. Ее тоска по погибшему сыну если и не уменьшилась, то несколько отступила перед необходимостью подумать о пропитании семьи. Ее приветствие представляло собой своеобразную смесь обычного заманивания покупателя с жалобами на судьбу по поводу недавнего

несчастья.

— Как поживаете, Монкбарнс? Мне еще не удалось прийти и поблагодарить вас за честь, какую вы оказали моему бедному Стини, когда помогли схоронить его. — Она всхлипнула и утерла глаза краешком синего передника. — Но рыба ловится неплохо, хотя мой хозяин еще не собрался с силами и сам пока не выходил в море. Конечно, мне бы сказать Сондерсу, что ему же легче станет, коли он возьмется за работу, но я боюсь и заговаривать с ним, да и не след мне так отзываться о муже. А у меня тут очень нежная пикша, самая свежая. Я продаю всего по три шиллинга за дюжину, у меня сейчас

духу нет как следует торговаться. Приходится брать, что любая христианская душа даст мне без лишних слов и обид.

— Что нам делать, Гектор? — спросил, помолчав, Олдбок. — Я уже раз впал в немилость у моих женщин за то, что мало с ней торговался. С обитателями моря, Гектор, моей семье не везет.

— Как так — что нам делать? Дайте бедной Мегги, что она, сэр, просит, или позвольте мне послать немного рыбы в Монкбарнс.

И он протянул женщине деньги. Но Мегги отдернула руку:

— Нет, нет, капитан! Вы еще слишком молоды и сорите деньгами.

Разве можно так, сразу, давать торговке рыбой сколько она сказала! Нет, право, я думаю, что немного побраниться со старой экономкой или с мисс Гризи будет мне полезно. И я еще хочу провести эту пустельгу Дженни Ринтерут. Говорят, она нездорова. Изводится, глупая, из-за Стини, а он на таких и головы не оборачивал! .. Так вот, Монкбарнс, это чудесная свежая пикша, но, конечно, в доме мне много не дадут за нее, если им нынче нужна камбала.

Она отправилась дальше со своей ношей, и в ее мыслях горе, признательность за сочувствие и привычная страсть к торгу то и дело

сменяли друг друга.

— А теперь, когда мы стоим у двери ее хижины, — сказал Охилтри, — хотел бы я знать, Монкбарнс, зачем вы тащили меня за собой в такую даль? Честно скажу вам, что мне совсем не хочется входить. Я не люблю вспоминать, как молодая поросль падала вокруг меня, пока я не остался никчемным старым пнем без единого зеленого листочка.

— Здешняя старуха, — промолвил Олдбок, — посылала тебя с поручением к лорду Гленаллену, не так ли?

— О-о, — удивился нищий, — откуда вы это так хорошо знаете?

— Мне рассказал сам лорд

Гленаллен, — ответил
антикварий. — Поэтому не
приходится говорить о разглашении
тобою тайны или нарушении
доверия. Граф хочет, чтобы я записал
показания старой Элспет, связанные
с важными семейными делами. Я
решил взять тебя с собой, потому что
в ее положении, когда она то бредит,
то в ясном сознании, твой голос и
вид могут пробудить в ней цепь
воспоминаний, на которые я иначе
не мог бы ее навести. Человеческая
мысль... Что с тобой, Гектор?

— Я только свистнул, чтобы
позвать собаку, сэр, — ответил
капитан.

— Она всегда убегает слишком

далеко. Но я так и знал, что буду вам в тягость.

— Нисколько, нисколько! — заверил Олдбок, возвращаясь к своей теме. — С человеческой мыслью нужно обращаться, как со спутавшимся клубком шелка. Надо осторожно закрепить один свободный конец и только тогда распутывать остальное.

— Я в этом ничего не смыслю, — сказал нищий. — Но если моя давнишняя знакомая нынче в своем уме или вроде того, она нам намотает хорошую шпулю! Жутко становится, когда она начинает размахивать руками и говорить по-английски, как печатная книга, а не

как старая рыбачка. И то сказать, воспитывали ее по-благородному, и в обществе она бывала, прежде чем вышла за человека намного ниже по положению. Элспет на десяток лет старше меня, но я хорошо помню, как она стала женой бедняка Саймона Маклбеккита, отца этого Сондерса, и какие пошли толки, будто она сама важная дама. Потом она снова вошла в милость к графине, а затем опять прогневила ее — мне говорил об этом, ее сынок, когда был еще мальчишкой. После этого они с мужем вдруг получили много денег, ушли из графского поместья и поселились здесь. Но у них никогда не было удачи. Как бы то ни было,

она женщина образованная и как
иной раз заведет речь по-английски,
мы все только ушами хлопаем.

ГЛАВА XL

От старости глубокой
жизнь отходит
Спокойно, неприметно, как
отлив
От выброшенной на берег
галеры.
Давно ль она от ветра и от
волн
Покачивалась мерно, а
теперь
В песок зарылась килем.
Косо в небо
Вонзилась мачта, а
разбитый остов
Едва колышется и скоро

ляжет,
Ненужный и недвижимый.
Старинная пьеса

Антикварий поднял щеколду
хижины и был поражен, услышав
резкий, дрожащий голос Элспет,
напевавший отрывистым и
заунывным речитативом старинную
балладу:

Сельдь любит плавать под
луной,
Макрель же любит ветер.
А устрица — песок
морской,
Изнеженная леди.

Как прилежный собиратель таких образчиков старинной поэзии, Олдбок не решался переступить порог и, напряженно слушая, невольно уже нащупывал рукой карандаш и записную книжку. Время от времени старуха начинала говорить, словно обращаясь к детям:

— Эй, вы, малыши, тс, тс! Я сейчас начну кое-что получше:

Садитесь все на ту скамью

И слушай стар и мал.

Про графа Гленаллена я
спою,

Как он под Харло пал.

В Беннахи кронах громко
звучал,
Скользил по Дону с
волной.
И горец и воин низин
горевал,
Был страшен под Харло
бой.

Я плохо помню следующую
строфу, память у меня ослабела, а тут
еще находят на меня всякие мысли...
Боже, избави нас от искушения!

Тут ее голос перешел в
невнятное бормотание.

— Это историческая баллада, —
с живейшим интересом произнес

Олдбок, — достоверный и несомненный отрывок из творчества менестрелей. Перси был бы восхищен его простотой, Ритсон не мог бы оспаривать его подлинность.

— Но как худо, — сказал Охилтри, — когда старый человек настолько выжил из ума, что бубнит древние песни после такой тяжелой потери!

— Тише, тише! — остановил его антикварий. — Она снова поймала нить песни.

Действительно, старуха опять запела:

Седлали белых сто
лошадей,

Седлали сто вороных.
Чафроны сверкали на лбу
коней,
Был рыцарь на каждом из
них.

— Чафроны! — воскликнул
антикварий. — Вероятно, это то же,
что шевроны. Такое словечко дорого
стоит. — И он записал его в свою
красную книжку.

Едва десять миль во весь
опор
Успели они проскакать,
Навстречу понесся Доналд
с гор

И с ним в двадцать тысяч
рать.

Тартаны реют, как рой
знамен,

Мечи на солнце блестят.

Волынки ревут со всех
сторон

И, кажется, всех оглушат.

Поднялся граф на тугих
стременах

И вражьи войска оглядел.

«Не всякий, кто закален в
боях,

Сегодня останется цел.

Мой паж веселый, как бы
за нас

Решил ты, будь воля твоя?

Будь графом Гленаллена ты

сейчас,
А Роналдом Ченом — я?
Бежать? Догонят — позор и
плен.
Сражаться, смерть избрав?
Как решил бы ты нынче,
Роланд Чен,
Будь ты Гленаллена граф?»

Знайте же, малыши, что, хоть я и
сизжу здесь у печки, такая бедная и
старая, этот Роланд Чен был моим
предком и здорово дрался в той сече,
особенно когда пал граф. Он корил
себя за совет, который подал —
начать бой, не дожидаясь, пока
подоспеют Мар с Мернсом, и

Эбердин, и Энгус.

Вновь окрепшим и
оживившимся голосом она прочла
воинственный совет своего предка:

«Будь графом Гленаллена я
хоть миг,

А Роландом Ченом — вы,
Я, пришпорив коня, издал
бы наш крик,

И дрались бы мы, как львы.
У них против нас двадцать
тысяч мечей,

А нам — с двумястами в
бой.

Зато тартаны у их людей,
А мы укрыты броней.

Как сквозь кусты, пролетит

во всю прыть
Мой конь сквозь их ряды.
Нет, славная кровь
норманнов остыть
Не должна из-за горской
орды!»

— Слышишь, племянник? —
сказал Олдбок. — Как ты можешь
заметить, твои гэльские предки были
не в большой чести у воинов
низменностей.

— Я слышу, — ответил
Гектор, — как глупая старуха поет
глупую старую песню. Меня
удивляет, сэр, что вы, не желая
слушать песни Оссиана о Сельме,

можете находить удовольствие в этом вздоре. Клянусь, я еще никогда не слышал такой дрянной ярмарочной баллады. Я уверен, что подобной второй вы не найдете ни у одного книгоноши. Мне было бы стыдно хоть на миг подумать, что честь наших гор могла бы пострадать от таких виршей.

Вскинув голову, он презрительно повел носом.

Должно быть, до старухи дошел звук их голосов, ибо, перестав петь, она воскликнула:

— Входите, господа, входите! Добрые люди не задерживаются на пороге.

Они вошли и, к своему

удивлению, нашли Элспет одну. Она сидела, как «призрак у очага» или олицетворенная Старость в песне охотника о сове [note 185](#), «в морщинах, серая, обтрепанная, злая, с глазами мутными... »

— Мои ушли, — объяснила она гостям. — Но вы посидите минутку: кто-нибудь придет. Если у вас дело к моей невестке или сыну, они скоро вернутся, а я никогда не говорю о делах. Дети, подайте стулья! Дети, кажется, тоже ушли, — продолжала она, озираясь по сторонам. — Я только что пела им, чтобы они посидели спокойно, но они все-таки улизнули. Садитесь, господа, они сейчас придут.

Спущенное ею на пол веретено запрыгало и завертелось, и, казалось, внимание старухи было всецело поглощено его движением; она не сознавала присутствия посторонних и не спрашивала себя, кто они такие и зачем явились.

— Хотелось бы, чтобы она продолжила эту народную песню или легенду. Я всегда подозревал, что еще до самой битвы под Харло там была кавалерийская стычка.

— Не будет ли угодно вашей милости, — сказал Эди, — перейти к тому делу, которое привело нас сюда? А песенку я берусь достать вам в любое время.

— Пожалуй, ты прав, Эди. До

manus [note 186](#), я покоряюсь. Но как мы это устроим? Вот она сидит перед нами, олицетворенное слабоумие. Поговори с ней, Эди! Попытайся, может быть, ты заставишь ее вспомнить, что она посылала тебя в Гленаллен-хауз.

Эди послушно встал и, пройдя по комнате, остановился точно на том же месте, которое он занимал во время своего последнего разговора с Элспет.

— Я рад, что ты нынче так хорошо выглядишь, матушка, а ведь у тебя случилось большое несчастье с тех пор, как я здесь побывал.

— Да, — произнесла Элспет, вероятно вспоминая о своих

несчастьях вообще, а не о том недавнем. — У нас тут недавно стряслась беда. Не знаю, как переносят несчастья молодые, а я переношу плохо. Я не слышу, как свистит ветер и рокочет море, но мне кажется, что я вижу лодку, перевернутую дном кверху, и людей, барахтающихся в волнах! Ох, господи, какие тяжкие видения бывают у людей, когда не спишь и не бодрствуешь, а только ждешь, когда же наконец придет долгий и глубокий сон! Иной раз мне мерещится, что не то мой сын, не то Стини умер и я вижу похороны. Не странно ли, что такое снится сумасшедшей старухе? Отчего бы им

умирать до меня? Это ведь против законов природы!

— Мне кажется, вы мало чего добьетесь от этой старой дуры, — сказал Гектор, по-видимому еще сохранивший в душе неприязнь к ней за пренебрежительное упоминание в балладе о его земляках. — Вы мало чего добьетесь от нее, сэр, и мы только потеряем время, сидя здесь и слушая ее бессмысленный лепет.

— Гектор, — возмущенно произнес антикварий, — если тебе не внушают уважения ее несчастья, уважай по крайней мере ее возраст и седины. Это последняя ступень существования, о которой так хорошо говорит латинский поэт:

... omni
Membrorum damno major
dementia, quae nec
Nomina servorum, nec vultus
agnoscit amici,
Cum queis preterita coenavit
nocte, nec illos
Quos genuit, quos eduxit.[note](#)
[187](#)

— Это латынь! — воскликнула
Элспет, приходя в себя, словно с
увлечением следила за строками,
которые антикварий прочел с
большим пафосом. — Это латынь! —
И она обвела всех испуганным и
гневным взглядом. — Неужели

какой-нибудь священник наконец добрался до меня?

— Видишь, племянник, она поняла эту великолепную тираду немногим хуже тебя.

— Надеюсь, сэр, вы не думаете, что она скорее меня признала в этом латынь?

— Нет, что до этого... Но погоди, она собирается говорить.

— Не надо мне никаких священников, — с бессильной яростью произнесла старая колдунья. — Как я жила, так и хочу умереть. Пусть никто не скажет, что я предала свою госпожу — даже ради спасения души!

— Это говорит о нечистой

совести, — заметил нищий. — Я хотел бы, чтобы она облегчила свою душу — для своего же блага.

И он снова приступил к ней:

— Ну, милая, я исполнил твое поручение к графу.

— К какому графу? Не знаю никакого графа. Знала я когда-то графиню, и чего бы я не дала, чтобы никогда не знать ее! Ибо через это знакомство пришли, — и, говоря, она стала считать на своих иссохших пальцах, — сперва Гордыня, потом Коварство, потом Мстительность, потом Лжесвидетельство. И Убийство уже стучалось у дверей, желая войти. Как вы думаете, приятные гости обосновались в душе

женщины? Поверьте, слишком уж много было гостей!

— Да нет же, матушка, — продолжал нищий. — Я толкую не про графиню Гленаллен, а про ее сына, которого зовут лордом Джералдином.

— Теперь вспоминаю, — ответила Элспет. — Не так давно я видела его, и был у нас с ним печальный разговор. — Ах, господа, красивый молодой лорд стал таким же старым и хилым, как я. Да, вот что делают с молодежью горе, разбитые надежды и преграды на пути пылкой любви! Но разве не должна была подумать об этом его мать? А мы ведь были всего лишь

подневольные женщины. А уж меня-то никто не может попрекнуть — ведь он не был мне сыном, а она была моя госпожа. Вы знаете, как это говорится в балладе? Я почти позабыла ее, да и напев вылетел из моей старой головы:

Я мать не дам корить, мой
друг,
Твоя не к месту злоба.
Найти легко хоть сто
подруг,
Но мать одна до гроба!

А потом он-то был ведь только наполовину гленалленской крови, а в

ее жилах текла чистая кровь. Нет, нет, никогда мне не следует жалеть о том, что я сделала и выстрадала ради графини Джоселинд. Никогда не стану я об этом жалеть!

С упрямым выражением человека, который решил ни в чем не признаваться, она начала стягивать с прялки лен, возобновляя прерванное занятие.

— Я слышал, — проговорил нищий, знавший от Олдбока кое-что об истории семьи, — будто чей-то злой язык рассорил графа, то есть лорда Джералдина, с молодой невестой.

— Злой язык? — с внезапной тревогой воскликнула Элспет. — А

чего бы ей бояться злых языков? Она была добра и хороша собой — по крайней мере все так считали. И если б она сама придерживала язык и никого не задевала, она, несмотря ни на что, жила бы как положено леди.

— Но я слыхал, матушка, — продолжал Охилтри, — у нас так болтали, будто она и ее муж были в недозволенно близком родстве, когда поженились.

— Кто смеет говорить, — перебила старуха, — будто они поженились? Кому это известно? Только не графине и не мне. А если они были тайно повенчаны, то и тайно разлучены. Они выпили чашу

своего же обмана.

— Нет, подлая ведьма, — закричал Охилтри, который больше не в силах был молчать, — они выпили яд, который ты и твоя мерзкая госпожа приготовили для них!

— Ха, ха! — засмеялась старуха. — Я так и думала, что до этого дойдет. Что ж, пусть меня допрашивают, я буду сидеть и молчать. В наше время пыток нет, а если есть, пусть рвут меня на куски! Горе устам вассала, если он предаст того, чей хлеб он ест!

— Поговори с ней, Эди, — настаивал антикварий. — Она знает твой голос и охотно на него

откликается.

— Нет, мы от нее больше ничего не добьемся, — сказал Охилтри. — Когда она вот так усядется да сложит руки, она может за неделю не произнести ни слова. А кроме того, если я не ошибаюсь, ее лицо, с тех пор как мы пришли, сильно изменилось в нехорошую сторону. Все же я попытаюсь, чтобы угодить вашей милости. — Так ты не помнишь, матушка, что твоя прежняя госпожа, графиня Джоселинд, призвана в мир иной?

— Призвана в мир иной! — воскликнула старуха, на которую имя графини неизменно оказывало возбуждающее действие. — Тогда мы

должны отправиться за ней. Все должны ехать верхом, когда она в седле. Велите сказать лорду Джералдину, что мы поедem впереди. Подайте мой плащ и шарф. Не могу же я такая растрепанная ехать в коляске с миледи!

Она подняла иссохшие руки и стала двигать ими, как женщина, надевающая плащ перед выходом из дома. Потом медленно и неуклюже опустила их. И, несомненно, с той же мыслью о путешествии, заговорила торопливо, без передышки:

— Позовите мисс Невил! Почему вы вздумали назвать ее леди Джералдин? Я сказала — Эвелин

Невил, а не леди Джералдин. Нет никакой леди Джералдин! Скажите ей, чтобы она сменила свой мокрый плащ, и пусть она не будет такая бледная... Ребенок? Откуда у нее может быть ребенок? Кажется, у девиц не бывает детей! Тереза, Тереза, миледи зовет нас! Возьми свечу, на лестнице темно, как в ночь под Рождество. Мы идем, миледи!

С этими словами она опустилась в кресло и оттуда боком сползла на пол.

Эди бросился вперед, чтобы поддержать ее, но, едва взяв на руки, проговорил:

— Все кончено! На последнем слове и смерть пришла.

— Не может быть! — прошептал Олдбок, подходя к старухе вместе с племянником.

Однако сомневаться не приходилось. Она скончалась с последним словом, торопливо слетевшим с ее губ. И перед Олдбоком и его спутниками лежали лишь бранные останки той, что так долго боролась с сознанием тайной вины, которая еще более отягощала все невзгоды бедности и преклонных лет.

— Дай бог, чтобы за гробом ей была уготована лучшая участь, чем на земле! — сказал Эди, глядя на безжизненное тело. — Увы, какое-то бремя тяжело давило ей сердце. Я

много раз видел, как умирали люди на поле боя и у себя в постели. Но мне легче было бы увидеть все это вновь, чем одну такую ужасную кончину.

— Надо позвать соседей, — сказал Олдбок, как только немного оправился от охватившего его ужаса и изумления, — и сообщить эту печальную весть. Жаль, что не удалось получить ее признание. И, хотя это менее важно, я жалею, что не мог записать отрывок баллады, который она пела. Но да исполнится воля господня!

Они вышли из хижины и оповестили соседей о случившемся. Тотчас же пожилые женщины

собрались, чтобы обмыть и убрать тело той, кого можно было считать праматерью поселка. Олдбок обещал помочь в расходах по погребению.

— Ваша милость, — обратилась к нему Эйлисон Брек, соседка, ближайшая по возрасту к покойной, — не худо бы вам прислать сюда что-нибудь, чтобы поднять у нас дух во время бдения при покойнице, потому как у бедного Сондерса весь джин выпили, когда хоронили Стини, а мало кто согласится сидеть с пересохшим ртом возле трупа. Элспет в молодости была редкая умница, я хорошо помню. Но только шептали, будто она не очень удачлива. О

мертвых не следует говорить дурно, особенно о куме и соседке, но только после ее переезда из Крейгбернфута странные слухи пошли про какую-то леди и ребенка. Так что, видите, наше бдение будет не очень приятным, если ваша милость не пришлет нам чего-нибудь для храбрости.

— Вы получите виски, — ответил Олдбок, — тем более что вы употребили надлежащее название для старинного обычая бдения при покойнике. — Ты замечаешь, Гектор, что они говорят: luke-wake. Это чисто тевтонское слово близко к немецкому Leichnam, труп. Часто говорят неправильно: late-wake, и

Бранд поддерживает это современное искажение.

— Мне кажется, — пробормотал Гектор про себя, — что дядя готов будет отдать весь Монкбарнс, если кто-нибудь придет и попросит его на чистом тевтонском языке! Ни капли виски не перепало бы старухам, если б их председательница попросила вина для late-wake.

В то время как Олдбок давал еще кое-какие указания и обещал помочь, по пескам прискакал во весь дух слуга сэра Артура и, заметив антиквария, остановил лошадь возле него.

— В замке, — сказал он, — что-то случилось (что именно, он не мог

или не хотел объяснить), и мисс Уордор спешно послала меня в Монкбарнс просить, чтобы мистер Олдбок отправился туда, не теряя ни минуты.

— Боюсь, — сказал антикварий, — что дела сэра Артура тоже близятся к развязке. — Что я могу сделать?

— Как что, сэр? — воскликнул Гектор со свойственной ему горячностью. — Вскочить на коня и повернуть его головой к замку. Вы будете в Нокуинноке через десять минут.

— Этот конь легок на ногу, — сказал слуга, спешиваясь, чтобы поправить подпругу и стремяна. —

Только артачится немного, когда чует на себе мертвый груз.

— Я скоро стал бы мертвым грузом — только не на нем, а под ним, мой друг! — сказал антикварий. — Черт возьми, видно я тебе надоел, племянник? Или, ты думаешь, мне жизнь так надоела, что я сяду на этого буцефала? Нет, нет, мой друг, если мне надо быть сегодня в Нокуинноке, я должен спокойно отправиться туда пешком, и я это сделаю, по возможности, без промедления. Капитан Мак-Интайр может сам поехать на этом коне, если ему угодно.

— Не думаю, чтобы я мог быть очень полезен, дядя, но я хотел бы,

если там несчастье, по крайней мере выразить свое сочувствие. Поэтому я поскачу вперед и сообщу, что вы тоже скоро будете. Дай-ка мне шпоры, мой друг!

— Они вам едва ли понадобятся, сэр, — сказал слуга, в то же время снимая шпоры и пристегивая их к сапогам капитана Мак-Интайра. — Конь идет хорошо и без них.

Олдбок с изумлением взирал на это новое безрассудство племянника.

— Ты с ума сошел, Гектор, или забыл, что сказал Квинт Курций, с которым ты, как солдат, должен быть хорошо знаком: «*Nobilis equus umbra quidem virgae regitur; ignavus ne calcari quidem excitari potest*». [note 188](#) Эти

слова ясно показывают
бесполезность шпор и даже, я
добавил бы, их опасность.

Но Гектор, которому мнения
Квинта Курция и антиквария в таких
вещах были равно безразличны,
ответил лишь беспечным: «Не
бойтесь, не бойтесь, сэр!»

Тут отпустил он жеребцу
поводья

И, наклонясь к луке седла,
вонзил

В бока измученному
скакуну

До самой вилки шпоры.
Конь рванулся,

А он, теперь уж ничему не

внемля,
Лишь пожирал перед собой
дорогу.

— Они хорошая пара, —
заметил Олдбок, глядя вслед
умчавшемуся Гектору. — Бешеная
лошадь и сумасшедший мальчишка
— два самых своевольных создания в
христианском мире! И все это для
того, чтобы на полчаса раньше
добраться до места, где он никому не
нужен, ибо, я думаю, горести сэра
Артура такого свойства, что нашему
лихому кавалеристу их не излечить.
Наверно, все это козни
Дюстерзивеля, для которого сэр

Артур столько сделал. Не могу не отметить, что к некоторым натурам до сих пор приложимо изречение Тацита: «Beneficia eo usque laeta sunt dura videntur exsolvi posse; ubi multum antevenere pro gratia odium redditur» [note 189](#), откуда мудрый может извлечь предостережение — не оказывать человеку благодеяний сверх меры, в какой тот может в будущем воздать, иначе сделаешь своего должника банкротом по части благодарности.

Бормоча себе под нос подобные сентенции скептической философии, антикварий побрел песками в сторону Нокуиннока. Но нам необходимо опередить нашего друга, чтобы объяснить причины,

побудившие владельцев замка столь
спешно вызвать его.

ГЛАВА ХLI

Когда гусыня —
вспомним старый стих -
Сидела на яичках
золотых,
К ее гнезду, укрытому
листвой,
Тихонько полз
мальчишка озорной
И хищной хваткой
чудный сон сменил
На стон
предсмертный в
трепетанье крыл.

«Любовь
водорослей»

С тех пор как сэр Артур стал обладателем сокровища, найденного в могиле Мистикота, он пребывал в состоянии, более близком к экстазу, чем к трезвому мышлению. Одно время дочь даже серьезно беспокоилась за его рассудок, ибо, уверовав, что в его руках секрет к овладению неограниченными богатствами, он разговаривал и держал себя, как человек, обретший философский камень. Он толковал о покупке смежных имений, чтобы его земли простерлись поперек всего острова, словно решил иметь соседом только море. Он начал переписку с известным архитектором, задумав обновить

замок предков и придать ему такое великолепие, чтобы он мог соперничать с Уиндзором, а вокруг разбить парк соответствующих размеров. Толпы ливрейных лакеев уже расхаживали в его воображении по залам, и — о чем только не грезит обладатель неисчерпаемого богатства! — корона маркиза, если не герцога, сверкала перед ним в мечтах. Его дочь — на какую великолепную партию она могла рассчитывать! Теперь он мог думать даже о союзе с принцем крови. Его сын уже был генералом, а он сам — всем, что может представить себе самая необузданная фантазия честолюбца.

При таком состоянии духа всякий, кто пытался низвести сэра Артура в лоно обыденной жизни, получал от него ответы в духе старого Пистоля:

Плевать на свет и светских
проходимцев!
Я говорю об Африке
веселой!

После продолжительного совещания сэра Артура с мистером Олдбоком утром того знаменательного дня, когда был найден клад, мисс Уордор ожидала допроса по поводу оказанного ей

Ловелом внимания; читатель может представить себе ее изумление, когда вместо этого последовал разговор, показавший, что воображение ее отца распалено надеждой на обретение несметного богатства. Но когда ее отец вызвал Дюстерзивеля в замок, заперся с ним и, как выяснилось, выразил ему сочувствие в постигшей его неприятности, стал на его сторону и возместил его потери, она встревожилась не на шутку. Все те подозрения, которые в ней давно возбуждал этот человек, усилились, когда она увидела, как он старается внушить ее отцу мечты о золоте, а в то же время — урвать себе возможно большую долю в

ценностях, таким странным образом доставшихся сэру Артуру.

Начали появляться другие зловещие симптомы, следовавшие один за другим. С каждой почтой прибывали письма, которые сэр Артур, взглянув на имя отправителя, бросал в огонь, не потрудившись даже распечатать. Мисс Уордор подозревала, что эти послания, содержание которых, казалось, было заранее известно отцу, поступали от настойчивых кредиторов. Тем временем резервы, заимствованные из клада, быстро таяли. Большая часть полученной суммы была поглощена, в силу необходимости, уплатой по векселю на шестьсот

фунтов, который грозил сэру Артуру непосредственной опасностью. Из остальных денег часть была дана рудоискателю, кое-что истрачено на прихоти, которые бедный баронет считал вполне оправданными при своих блестящих надеждах, а кое-что ушло на то, чтобы временно заткнуть рты таким займодавцам, которые, наскучив обещаниями, были одного мнения с Гарпагоном, что пора получить что-нибудь существенное. Наконец стало более чем ясно, что через два-три дня после открытия кладов все растаяло и не было никаких видов на новые поступления. Сэр Артур, от природы нетерпеливый, снова начал обвинять

Дюстерзивеля в нарушении обещаний, вселивших в него надежду, что весь его свинец превратится в золото. Однако этот достойный джентльмен уже извлек из сложившегося положения все, что мог. А так как он был достаточно умен, чтобы не присутствовать при падении дома, устои которого сам подрыл, он попытался успокоить сэра Артура при помощи ряда мудреных терминов своей науки и откланялся, обещав вернуться на следующее утро с такими сведениями, которые непременно избавят сэра Артура от всех его бедствий.

— С тех пор как я слушаю

софетником в таких делах, — сказал мистер Герман Дюстерзивель, — я никогда еще не подходил так близко к агсанит, что означает феликая тайна Панкресты или Поликресты. Я знаю о ней не меньше, чем Пелазо ди Таранто или Базилиус, и либо я через два или три дня прифеду вас к номеру третьему мистера Мистикота, либо ви назовете меня подлецом и никогда больше не увидите моего лица.

Рудоискатель отбыл с этим заверением и твердой решимостью выполнить последнюю часть этой программы и никогда больше не появляться перед своим обобраным покровителем. Сэр Артур остался,

исполненный сомнения и тревоги. Уверенная речь философа, уснащенная такими звучными именами, как Панкреста, Базилиус и так далее, произвела на него некоторое впечатление. Но он так часто бывал обманут подобной тарабарщиной, что уже не мог вполне положиться на нее, и удалился вечером в свой кабинет в ужасном состоянии человека, который повис над пропастью и, не имея возможности отступить, замечает, что камень, поддерживающий его, постепенно отделяется от скалы и готов рухнуть вместе с ним.

Обнадеживающие видения

угасли, и усилилась лихорадочная мука ожидания, охватывающая человека, воспитанного в сознании своей значительности и богатства, обладателя древнего имени и отца двух прекрасных детей, когда он видит приближение часа, который лишит его всего того великолепия, которое годы сделали привычным и необходимым ему, а его самого бросит в мир на борьбу с нищетой, жадностью и презрением. При таких зловещих предчувствиях, измученный неизменно ускользавшей надеждой, он стал раздражительным и капризным, и его слова и поступки говорили о таком глубоком отчаянии, что мисс

Уорддор совсем перепугалась. Мы уже видели при других обстоятельствах, что сэр Артур, несмотря на чрезвычайную слабохарактерность, был доступен живым и сильным страстям. Он не привык, чтобы ему противоречили, и если до сих пор почти всегда был добродушен и весел, это, вероятно, объяснялось тем, что весь уклад его жизни не давал ему поводов раздражаться достаточно часто, чтобы это его свойство стало для него обычным состоянием.

На третье утро после ухода Дюстерзивеля слуга, как было заведено, перед завтраком положил на стол последние газеты и письма.

Мисс Уордор взялась за газеты, спасаясь от дурного настроения отца, который пришел в ярость из-за того, что хлебцы немного пережарились.

— Я вижу, в чем дело, — так закончил он свою речь на эту интересную тему, — мои слуги, которые имели свою долю в моем благосостоянии, начинают думать, что в дальнейшем им от меня будет мало пользы. Но пока еще я хозяин над этими негодьями, и я не допущу никакой небрежности и не потерплю ни малейшего неуважения с их стороны.

— Я готов оставить службу у вашей милости хоть сию минуту, — объявил слуга, которого сэра Артур

считал виновным, — как только вы распорядитесь, чтобы мне заплатили жалованье.

Сэр Артур вздрогнул, словно ужаленный змеей, и, сунув руку в карман, мгновенно вытащил находившиеся там монеты, которых, однако, оказалось недостаточно, чтобы расплатиться со слугой.

— Сколько у тебя при себе денег? — обратился он к дочери с деланным спокойствием, под которым скрывалось сильное волнение.

Мисс Уордор подала ему кошелек. Сэр Артур попытался сосчитать деньги, но не мог справиться с этой задачей. Дважды

сбившись, он бросил всю груду бумажек дочери.

— Заплати этому мерзавцу, и пусть немедленно убирается из замка! — гневно произнес он и вышел.

Слуга и хозяйка дома остановились друг против друга, равно изумленные такой неистовой яростью.

— Право, сударыня, если б я знал, что в чем-либо виноват, я не ответил бы сэру Артуру, когда он так напустился на меня. Я служу у вас давно, и он всегда был добрым господином, а вы — доброй госпожой, и я не хочу, чтобы вы думали, будто я обиделся на

случайное резкое слово. Но, конечно, мне не следовало говорить о жалованье, когда что-то рассердило его милость. Не думал я, что так кончится моя служба вашему семейству!

— Ступайте вниз, Роберт, — сказала мисс Уордор, — мой отец чем-то расстроен. Ступайте вниз, а на звонок пусть отвечает Элик.

Как только слуга вышел из комнаты, сэр Артур возвратился, словно ждал его ухода.

— Что это значит? — сейчас же заговорил он, заметив, что деньги все еще лежат на столе. — Он не ушел? Меня перестали слушаться и как хозяина, и как отца?

— Он пошел сдать дела экономке, сэр. Я не думала, что все это так спешно.

— Да, спешно, мисс Уордор, — ответил отец. — Отныне все, что я приказываю в доме моих предков, должно выполняться немедленно.

Потом он сел, дрожащей рукой взял приготовленную для него чашку чая и начал медленно прихлебывать, как бы оттягивая необходимость вскрыть поданные на стол письма, на которые он время от времени косился, словно на гнездо гадюк, готовых ожить и броситься на него.

— Вам будет приятно услышать, — сказала мисс Уордор, пытаясь отвлечь отца от осаждавших

его мрачных мыслей, — вам будет приятно услышать, что бригадир лейтенанта Тэфрила благополучно прибыл на Лисский рейд. За него очень боялись, и я рада, что мы узнали об этом лишь после того, как слухи были опровергнуты.

— А какое мне дело до Тэфрила и его бригада?

— Отец! — удивленно воскликнула мисс Уордор, ибо сэр Артур в обычном состоянии проявлял ненасытный интерес ко всем местным слухам и сплетням.

— Еще раз говорю, — повторил он повышенным и еще более нетерпеливым тоном, — какое мне дело до того, кто спасся и кто погиб?

Не все ли мне равно?

— Я не знала, что вы так поглощены делами, сэр Артур, и думала, что, раз мистер Тэфрил достойный человек и к тому же из наших мест, вас обрадует известие...

— О, я рад, рад донельзя и, чтобы порадовать и тебя, поделюсь с тобой моими прекрасными новостями. — Он взял в руки одно из писем. — Не все ли равно, какое я вскрыю первым! Они все на один лад.

Он торопливо взломал печать, пробежал глазами письмо и бросил его дочери.

— Да, я не мог бы сделать более удачный выбор! Это последний удар!

Мисс Уордор молча, в ужасе

взяла письмо.

— Читай! Читай вслух! — приказал отец. — Его надо прочесть несколько раз. Оно подготовит тебя к другим добрым вестям в таком же духе.

— «Дорогой сэр!» — начала она срывающимся голосом.

— Видишь, он называет меня «дорогим», этот нахал, поденщик из адвокатской конторы, которого я год назад не посадил бы у себя за стол вместе со слугами! Скоро он начнет называть меня «дорогой баронет».

— «Дорогой сэр», — возобновила чтение мисс Уордор и тут же остановилась. — Я вижу, что содержание письма вам неприятно,

отец, и мое чтение будет только раздражать вас.

— Если вы разрешите мне знать самому, мисс Уордор, что мне может доставить удовольствие, убедительно прошу вас продолжать. Смею вас заверить, что, если бы это не было необходимо, я не стал бы вас затруднять.

— «Будучи недавно принят в компаньоны, — продолжала читать мисс Уордор, — мистером Гилбертоном Гринхорном, сыном вашего покойного корреспондента и поверенного в делах присяжного стряпчего Гирниго Гринхорна, эсквайра, чьи дела я, в качестве парламентского клерка, вел много

лет и чьи дела в дальнейшем будут вестись под фирмой Гринхорн и Грайндерсон (что я сообщаю для правильного адресования будущей корреспонденции), и получив недавно ваши письма, направленные моему вышеупомянутому компаньону Гилберту Гринхорну, я по случаю его отъезда на лембертонские скачки имею честь ответить на ваши упомянутые письма».

— Ты видишь, мой друг методичен и начинает с объяснения причин, доставивших мне такого скромного и изящного в своем слоге корреспондента. Продолжай, я все выдержу!

И он рассмеялся тем горьким

смехом, который часто отражает самое мучительное душевное состояние. Боясь продолжать и в то же время страшась ослушаться, мисс Уордор возобновила чтение:

— «Выражаю сожаление как от своего имени, так и от имени моего компаньона, что мы не можем услужить вам и изыскать для вас упомянутые вами суммы или исхлопотать вам отсрочку по закладной, выданной вами Голдибердсу, тем более что мы, действуя в качестве доверенных Голдибердса, получили ордер на ваше задержание, о чем вам должно быть известно из доставленной вам посланцем описи на сумму в четыре

тысячи семьсот пятьдесят шесть фунтов пять шиллингов и шесть с четвертью пенсов в английской валюте, каковая сумма с годовыми процентами и судебными издержками, мы надеемся, будет покрыта в течение указанного в ордере срока, во избежание дальнейших неприятностей. В то же время я вынужден обратить ваше внимание на то, что пришел срок уплаты и по нашему счету, достигшему суммы в семьсот шестьдесят девять фунтов десять шиллингов и шесть пенсов, и погашение этого счета было бы крайне желательно. Однако, поскольку у нас в залоге ваши

доверенности, купчие крепости и ипотечные документы, мы не возражаем против предоставления вам разумной отсрочки, скажем — до следующего дня сальдовых расчетов. Должен добавить, что фирма Голдибердс предложила нам действовать *peremptorie* [note 190](#) и *sine mora* [note 191](#), о чем я имею удовольствие сообщить вам, чтобы предотвратить всякие недоразумения, сохраняя за собой право действовать, как указано.

От своего имени и от имени моего компаньона, дорогой сэр, ваш преданный слуга Габриель Грайндерсон, за фирму Гринхорн и Грайндерсон».

— Неблагодарный негодяй! — воскликнула мисс Уордор.

— Нет, почему же. Все это написано, я думаю, как полагается. Удар, нанесенный другой рукой, не мог бы попасть вернее. Все так и должно быть, — ответил бедный баронет, но его дрожащие губы и взгляд, перебегавший с предмета на предмет, показывали, насколько напускным было его кажущееся спокойствие. — Посмотри, тут приписка, которой я не заметил. Прочти-ка до конца!

— «Могу добавить (не от себя, а от имени компаньона), что мистер Гринхорн готов пойти вам навстречу и в частичную оплату долга принять

от вас, по справедливой оценке, ваш серебряный сервиз или ваших гнедых, если они находятся в хорошем состоянии».

— Черт бы его побрал! — не выдержал сэр Артур, окончательно теряя самообладание от этого предложения, высказанного таким снисходительным тоном. — Его дед ковал лошадей моего отца, а этот потомок какого-то паршивого кузнеца хочет выманить у меня моих рысаков. Но он получит хороший ответ!

Он сел и начал строчить с большим жаром, потом остановился и прочел вслух:

— «Мистер Гилберт Гринхорн, в

ответ на два моих недавних письма я получил письмо от лица, именующего себя Грайндерсоном и подписывающегося как ваш компаньон. Когда я к кому-нибудь обращаюсь, я обычно не ожидаю, что мне ответит заместитель. Мне кажется, я был полезен вашему отцу и к вам относился дружественно и учтиво. Поэтому я теперь удивлен...

» А все-таки, — промолвил он, прерывая чтение, — должен ли я этому или вообще чему-либо удивляться? И стоит ли тратить время на то, чтобы писать такому негодяю? Я полагаю, меня не век будут держать в тюрьме, а когда я выйду оттуда, моей первой задачей

будет переломать кости этому щенку.

— В тюрьме, сэр? — еле слышно пролепетала мисс Уордор.

— Конечно, в тюрьме! Тебе это все еще не ясно? Значит, замечательное письмо мистера — как его? — «от своего имени и от имени компаньона» — не произвело на тебя впечатления? Или, может быть, у тебя есть четыре тысячи и столько-то сот фунтов, и шиллингов, и пенсов, и полупенсов, чтобы оплатить «вышеупомянутое требование»?

— У меня, сэр? О, если б у меня были средства! Но где же мой брат? Почему он не появляется, хотя уже так давно в Шотландии? Может быть,

он как-нибудь помог бы нам?

— Кто, Реджиналд? Он, наверно, отправился на лембертонские скачки вместе с мистером Гилбертом Гринхорном или иной столь же почтенной личностью. Я ожидал его сюда еще на прошлой неделе. Но можно ли удивляться, что мои дети пренебрегают мной, как и все другие! Нет, дорогая, прости меня, ты ни разу в жизни не пренебрегла мною и не обидела меня.

Дочь обвила руками его шею, и он поцеловал ее в щеку, и это принесло ему то утешение, которое даже в минуту самого глубокого горя каждый отец находит в нежной

привязанности своего ребенка.

Мисс Уордор воспользовалась этой внезапной переменой настроения, чтобы попытаться облегчить страдания отца и хоть немного успокоить его. Она напомнила ему, что у него много друзей.

— Их у меня было много, — сказал сэр Артур. — Но доброе отношение одних иссякло из-за моих сумасшедших проектов, другие не в силах мне помочь, третьи просто не захотят. Со мной все кончено, и я только надеюсь, что мое безумство послужит Реджиналду предостережением.

— Не послать ли мне за

Монкбарнсом, сэр? — спросила дочь.

— К чему? Он не может ссудить меня такой суммой и не сделал бы этого, если бы мог, так как знает, что я и без того кругом в долгах. От этого мизантропа мне нечего ждать, кроме мудреных латинских цитат.

— Но он опытен, умен и некогда готовился к деятельности юриста. И потом я уверена, что он всегда любил нашу семью.

— Да, любил!.. До чего мы дожили, если привязанность какого-то Олдбока существенна для Уордора! Однако, если дело дойдет до крайности, — а этого, кажется, можно ждать в любую минуту, — пожалуй, лучше все-таки послать за

ним. А ты пойди погуляй, моя милая. Мне сейчас легче, чем тогда, когда я должен был сделать это злосчастное признание. Ты теперь знаешь худшее, и оно не застанет тебя врасплох. Пойди погуляй, а я охотно побуду немного один!

Выйдя из комнаты, мисс Уордор немедленно воспользовалась согласием отца и отправила в Монкбарнс слугу, который, как мы уже видели, встретил антиквария и его племянника на берегу моря.

Почти ничего не замечая, молодая девушка брела наугад и случайно направилась вдоль так называемого Тернистого берега. Ручей, в былые времена питавший

водой замковый ров, бежал по крутой
лощине, и вдоль нее, по указанию
мисс Уордор, отличавшейся тонким
вкусом, была проложена дорожка,
которая неприметно уходила вверх и
казалась совершенно естественной,
как бы протоптанной людьми.
Тропинка гармонировала с этой
узкой ложбиной, над которой
нависали огромные старые деревья и
частый кустарник, главным образом
— лиственница и орешник,
вперемежку с обычными видами
шиповника и терна. На этой
тропинке разыгралась сцена
объяснения между мисс Уордор и
Ловелом, подслушанная старым Эди
Охилтри.

С сердцем, удрученным несчастьем, которое обрушилось на семью, мисс Уордор теперь припоминала каждое слово и каждый довод Ловела в поддержку своего сватовства и невольно испытывала чувство гордости от того, что внушила такому одаренному молодому человеку столь сильную и бескорыстную страсть. То, что он оставил службу, — хотя, как говорили, быстро делал карьеру, — чтобы похоронить себя в таком малопривлекательном месте, как Фейрпорт, и предаться думам о своей неразделенной любви, многие могли высмеять, как романтизм. Но та, что была предметом его привязанности,

естественно, прощала подобное поведение. Если бы Ловел владел хотя бы скромным состоянием или доказал свое ясное и бесспорное право на место в обществе, которое он был вполне способен собой украсить, Изабелла теперь имела бы возможность предложить в своем доме убежище отцу на время его бедственного положения. Эти мысли, столь благоприятные для отсутствующего влюбленного, сменяли в ее голове одна другую с таким подробным повторением его слов, взглядов и действий, которое ясно показывало, что прежний отказ был продиктован скорее сознанием долга, чем отсутствием склонности.

Девушка попеременно размышляла то над этим, то над несчастным положением отца, как вдруг за поворотом дорожки, там, где она огибала поросший кустарником бугор, показался старый Голубой Плащ.

С таким видом, будто собирался сообщить что-то важное и таинственное, Эди снял шляпу, и в его походке и голосе чувствовалось, что он опасается, как бы его не подслушали.

— Я очень хотел встретить вашу милость. Вы знаете, что в замок я не решаюсь приходить из-за Дюстерзивеля.

— Да, я, конечно, слышала, —

сказала мисс Уордор, — что ты, Эди, поступил очень глупо, чтоб не сказать — дурно, и мне было неприятно это слышать.

— Вы говорите «глупо», милая леди? Свет полон глупцов, так чего же старому Эди Охилтри всегда быть умным? А насчет «дурного», пусть те, кто имеет дело с Дюстерзивелем, скажут, получил ли он хоть на каплю больше, чем заслужил.

— Это, может быть, и верно, Эди, — сказала мисс Уордор, — а все-таки ты едва ли поступил хорошо.

— Пусть так, пусть так, не будем сейчас спорить! Я хочу поговорить о вас. Знаете ли вы, какая беда нависла

над Нокуинноком?

— Боюсь — большая беда, Эди, — ответила мисс Уордор. — Но меня удивляет, что это уже так широко известно.

— Известно?! Да ведь судебный исполнитель Суипклин сегодня же будет здесь со своей компанией! Я знаю это от одного из его помощников, которому приказано отправиться с ним. Они скоро примутся за работу, а уж эти молодцы стригут так, что потом и гребенка не нужна.

— Ты уверен, Эди, что этот черный час так близок?

— Точно говорю вам, миледи! Но не падайте духом. Над вашей

головой небо, как в ту страшную ночь между Баллибург-нессом и Хелкит-хедом. Неужели вы думаете, что тот, кто смирил воды, не может защитить вас от злобы людей, хотя бы и облеченных властью?

— Нам только и остается в это верить.

— Ничего нельзя знать... ничего нельзя знать! Чем ночь чернее, тем ближе день. Будь у меня добрый конь и будь у меня силы скакать на нем, я думаю, еще могла бы поспеть выручка. Я думал было поехать почтовым дилижансом, но он опрокинулся у Китлбрига. На козлах сидел молодой джентльмен, он считал, что умеет править, а Том

Сенг, вроде бы и человек-то умный, позволил ему взять вожжи. Ну, конечно, глупый мальчишка не сумел повернуть у моста, задел за тумбу, и — трах! — карета перевернулась вверх тормашками, как я переворачиваю пустую кружку. Мое счастье, что я не сидел наверху! Вот я и пришел; думаю, может, вы меня снарядите.

— А куда бы ты отправился, Эди? — спросила мисс Уордор.

— В Тэннонбург, миледи (это была первая почтовая станция от Фейрпорта, но значительно ближе к Нокуинноку), и без задержки. Ведь это по вашему делу!

— По нашему делу, Эди? Ах, я

очень ценю твои добрые намерения,
но...

— Тут не должно быть никаких «но», миледи, потому что ехать необходимо, — заявил настойчивый старик.

— Но зачем тебе в Тэннонбург? Чем может твоя поездка помочь в делах моего отца?

— Право, моя милая леди, — ответил нищий, — вы должны примириться с этой маленькой тайной старого, седого Эди и не расспрашивать его. Уж если я в ту ночь готов был отдать за вас жизнь, не стану же я вредить вам в день, когда вы попали в такую беду.

— Хорошо, Эди, иди за мной, —

промолвила мисс Уордор. — Я постараюсь отправить тебя в Тэннонбург.

— Тогда поспешите, моя добрая леди, ради бога поспешите! — И он не переставал торопить ее, пока они не дошли до замка.

ГЛАВА XLII

*Пусть смотрит, кто
желает, но не я.*

*Да, он был раб
гордыни, и роскошеств,*

*И всяких пустяков,
которых нынче*

*Лишен веле­нием
суровым рока.*

*Но грустно видеть, как
его чело*

*Тщеславье силится
покрыть вуалью*

*Поверх мориц
раскаянья и горя.*

Старинная пьеса

Войдя во двор замка, мисс Уордор сразу же увидела, что блюстители закона уже явились с визитом. Слуги были охвачены смятением и мрачным унынием, а представители суда переходили с места на место, составляя опись всего имущества, подлежащего конфискации. Капитан Мак-Интайр бросился к молодой девушке, которая, онемев при виде печального доказательства отцовского разорения, остановилась в воротах.

— Дорогая мисс Уордор, — сказал он, — не тревожьтесь! Мой дядя сейчас будет здесь, и я уверен, что он найдет способ очистить дом от этих прохвостов.

— Увы, боюсь, капитан, что это будет слишком поздно!

— Нет, — несколько раздраженно вмешался Эди. — Только бы мне добраться до Тэннонбурга. Во имя неба, капитан, придумайте, как мне туда попасть, и вы окажете этой несчастной, разоренной семье такую услугу, какой не оказывал никто со времен Красной Руки, ибо тогда, без сомнения, сбудется старое пророчество, что «дом и земли Нокуиннока будут потеряны и обретены вновь».

— Что ты! Как ты можешь помочь, старик? — удивился Гектор.

Но Роберт, слуга, которым сэр

Артур был так недоволен в это же утро, как бы пользуясь случаем проявить свое усердие, поспешно вышел вперед и обратился к своей госпоже:

— Простите, миледи, этот старик Охилтри очень сметлив и сведущ, умеет лечить коров и лошадей и знает много чего другого. Я думаю, он не зря так хлопочет, чтобы поехать в Тэннонбург. Если миледи разрешит, я за час свезу его туда в двуколке. Мне так хочется сделать что-нибудь полезное. Я готов себе язык откусить, как вспомню про утреннее.

— Я очень обязана тебе, Роберт, — сказала мисс Уордор. — И

если ты в самом деле считаешь, что от этого может быть хоть малейшая польза...

— Ради бога, — взмолился старик, — заложи тележку, Роби, и, если я не добьюсь толку, разрешаю тебе на обратном пути сбросить меня с моста у Китлбрига! Но только поторопись, друг, время нынче дорого!

Роберт взглянул на свою госпожу, направившуюся к дому, и, видя, что она согласна, побежал на конюшенный двор, примыкавший к главному, чтобы запрячь лошадь. Ибо, если старый нищий и казался лицом, наименее способным оказать помощь в денежных затруднениях,

то, с другой стороны, простой люд, среди которого вращался Эди, высоко ставил его осторожность и житейскую мудрость. Это подкрепляло уmozаклучение Роберта, что старик не настаивал бы так на необходимости поездки, если бы не был уверен в ее пользе. Но как только слуга подошел к лошади, чтобы запрячь ее в двуколку, один из судебных исполнителей коснулся его плеча.

— Друг мой, оставь лошадь в покое: она внесена в опись.

— Что? — возразил Роберт. — Мне нельзя взять хозяйскую лошадь, чтобы съездить по поручению молодой госпожи?

— Вы ничего не должны брать отсюда, иначе будете отвечать по всей строгости закона.

— Это что за чертовщина, сэр? — напустился на него Гектор, который, последовав за Охилтри, чтобы подробнее расспросить о характере его надежд и упований, теперь сразу ошетинился, подобно терьерам своих родных гор, и только искал предлог, чтобы дать выход своему гневу. — Что за нахальство мешать слуге молодой леди исполнить ее распоряжение!

Вид и тон молодого воина говорили о том, что едва ли его вмешательство ограничится лишь спором. И если поведение Мак-

Интайра сулило чиновнику выгоды процесса об оскорблении действием и сопротивлении властям, то, с другой стороны, этому должны были предшествовать неприятности, которые дали бы повод к жалобе. Представитель закона, столкнувшийся с представителем армии, нерешительно взялся одной рукой за свою засаленную дубинку, которая должна была подкрепить его авторитет, а другой — достал свой короткий символический жезл с серебряными наконечниками и передвижным кольцом.

— Капитан Мак-Интайр, — начал он, — у меня нет к вам никаких претензий, но если вы

будете препятствовать выполнению моих обязанностей, я преломлю жезл мира в знак того, что встретил сопротивление.

— А черта ли мне в том, — возразил Гектор, не имея понятия о юридических выражениях, — что вы собираетесь ломать жезл, или ломать мир, или как вы там еще сказали? Но одно я знаю твердо: я переломаю вам кости, если вы помешаете этому парню запрячь лошадь, как велела его госпожа.

— Беру в свидетели всех находящихся здесь, — произнес судебный исполнитель, — что я предъявил ему свой знак и объяснил, кто я такой. Тот, кто рвется в Купар,

попадет в Купар. — И он передвинул свое загадочное кольцо с одного конца жезла на другой: это означало, что он был насильственно лишен возможности выполнять свои обязанности.

Простодушный Гектор, более привычный к артиллерийским орудиям, чем к орудиям закона, совершенно равнодушно взирал на эту таинственную церемонию. С такой же беспечностью он следил за тем, как чиновник писал акт о сопротивлении властям. Но в эту минуту прибыл, пыхтя и задыхаясь, с подложенным под шляпу платком и болтающимся на конце трости париком сам антикварий, готовый

спасти исполненного лучших намерений, но слишком пылкого горца от опасности сурового наказания.

— Что тут у вас, черт возьми, происходит? — воскликнул он, поспешно приводя в порядок головной убор. — Я последовал за тобой в страхе, что ты успеешь разбить себе башку о какую-нибудь скалу, но оказывается, что ты уже расстался с Буцефалом и пререкаешься со Суипклином. Судебный исполнитель, Гектор, — это враг похуже phoca, все равно говорить ли о phoca barbata [note 192](#) или о phoca vitulina [note 193](#), с которым у тебя недавно было столкновение.

— К чертям всех этих phosa, сэр, и тех и других, — закричал Гектор. — Чтоб они провалились! Неужели вы хотите, чтобы я стоял и спокойно смотрел, как этот негодяй, называющий себя не иначе, как королевским судебным исполнителем (я надеюсь, у короля нашлись бы люди получше даже для самых некрасивых поручений), оскорбляют молодую леди из такой семьи, как Уордоры?

— Правильно рассуждаешь: у короля, как у других людей, иной раз бывают не особенно красивые дела, и — между нами — для таких дел нужны не особенно красивые исполнители. Но даже если

предположить, что ты незнаком со
статутом Вильгельма Льва, где *capite*
quarto, versu quinto [note 194](#),
преступление, состоящее в
сопротивлении властям, приравнено
к *despectus domini Regis* [note 195](#), то
есть к оскорблению самого короля,
от чьего имени производятся все
конфискации, — разве не мог ты
после моих сегодняшних подробных
объяснений сообразить, что те, кто
препятствует должностным лицам,
явившимся с ордером на арест, сами
tanquam participes criminis rebellionis
[note 196](#), так как тот, кто помогает
мятежнику, сам *quadammodo* [note 197](#)
— пособник мятежа. Но я вызволю
тебя из этой передраги.

Он поговорил с судебным исполнителем, который после его прихода оставил всякую мысль о том, чтобы с выгодой для себя использовать «сопротивление властям», и принял заверения мистера Олдбока, что лошадь и двуколка через два или три часа будут возвращены в целости и сохранности.

— Отлично, сэр, — сказал антикварий, — поскольку вы оказываете мне это одолжение, я вам предложу еще одну работу как раз по вашей части. Дело государственное, политическое, преступление, наказуемое per Legem Juliam [note 198](#), мистер Суипклин. Вот послушайте!

Пошептавшись с судебным исполнителем несколько минут, Олдбок вручил ему какой-то листок бумаги, после чего тот сел на лошадь и, в сопровождении одного из своих помощников, поспешно уехал. Оставшийся помощник, казалось, нарочно затягивал свою работу и вообще действовал очень медлительно, с осторожностью и методичностью человека, привыкшего чувствовать над собой глаз опытного и строгого начальника.

Тем временем Олдбок, взяв племянника под руку, повел его в дом, и оба они были допущены к сэру Артуру. Страдая от уязвленной гордости и муки ожидания, баронет

тщетно пытался скрыть свои чувства под маской безразличия и производил печальное и тяжелое впечатление.

— Рад видеть вас, мистер Олдбок! Всегда рад моим друзьям и в хорошую погоду и в плохую! — заговорил бедный баронет, стремясь казаться не только спокойным, но даже веселым, чему резко противоречили лихорадочное и долгое пожатие его руки и весь его взволнованный вид. — Вижу, вы прибыли верхом; надеюсь, что, несмотря на суматоху, кто-нибудь позаботился о ваших лошадях. Я люблю, чтобы у меня в доме не забывали присмотреть за лошадьми

моих друзей. Честное слово, я теперь все внимание могу посвятить им, потому что моих собственных мне, кажется, не оставят. Ха-ха-ха! Так, мистер Олдбок?

Эта попытка пошутить сопровождалась истерическим хихиканьем, которое должно было звучать как непринужденный смех.

— Как вы знаете, я никогда не езжу верхом, сэср Артур, — поправил его антикварий.

— Прошу прощения, но я видел, как недавно прискакал ваш племянник. Офицерских коней надо беречь, а под ним, я заметил, был великолепный серый.

Сэср Артур хотел позвонить, но

мистер Олдбок остановил его.

— Племянник приехал на вашей собственной серой лошади, сэр Артур.

— На моей? — удивился бедный баронет. — Неужели — на моей? Значит, солнце светило мне в глаза. Да, я больше не заслуживаю того, чтобы иметь лошадей, раз я не узнаю своих собственных!

«Боже мой, — подумал Олдбок, — как изменился этот человек, раньше такой чопорный и вялый! Каким растерянным стал он в несчастье! *Sed pereundi mille figurae*»
[note 199](#).

— Сэр Артур, — продолжал он вслух, — необходимость заставляет

нас поговорить немного о делах.

— Конечно, — согласился сэр Артур. — Но удивительно, что я мог не узнать коня, на котором ездил целых пять лет! Ха-ха-ха!

— Сэр Артур, — сказал антикварий, — не будем терять время, оно дорого. Я надеюсь, еще настанет пора, когда мы опять будем шутить. Как учит Гораций, *desipero in loco* [note 200](#). Я подозреваю, что все это дело рук Дюстерзивеля.

— Не упоминайте его имени, сэр! — воскликнул сэр Артур. Он весь преобразился: притворную веселость сменил яростный гнев. Глаза его засверкали, на губах выступила пена, он сжимал

кулаки. — Не упоминайте его имени, сэр, — загремел он, — если не хотите, чтобы я тут же, при вас сошел с ума! Как я мог быть таким жалким болваном, таким безнадёжным идиотом, таким невероятным ослом, чтобы дать помыкать собой, подхлестывать себя, пришпоривать себя подобному негодяю и под такими смехотворными предлогами! Как подумаю об этом, я готов растерзать себя, мистер Олдбок!

— Я только хотел сказать, — ответил антикварий, — что этот субъект, вероятно, получит по заслугам. И, мне кажется, что, нагнав на него страху, мы сумеем вытянуть из него что-нибудь полезное для вас.

Он, несомненно, вел запрещенную переписку с континентом.

— Вот как? Вот как? В самом деле? Тогда к черту домашние вещи, лошадей и прочее! Я пойду в тюрьму счастливым человеком, мистер Олдбок, и только хотел бы от души, чтобы его повесили. Это возможно?

— Весьма возможно, — сказал Олдбок, стараясь переменить разговор, чтобы хоть немного притупить страдания, грозившие помрачить разум бедного баронета. — И более честным людям приходилось болтаться на веревке. А в данном случае закон грубо нарушен. Но поговорим о ваших зловключениях. Неужели ничего

нельзя сделать? Покажите мне все документы.

Он взял бумаги, и, по мере того как читал, лицо его принимало все более унылое и растерянное выражение. Тем временем в комнату вошла мисс Уордор. Устремив взор на мистера Олтбока и как бы пытаясь прочесть судьбу семьи в его глазах, она, по их выражению и по тому, как отвисла у него челюсть, тотчас поняла, насколько слаба надежда на благополучную развязку.

— Итак, мы непоправимо разорены, мистер Олдбок? — спросила молодая леди.

— Непоправимо? Надеюсь — нет, но в данную минуту нужна очень

большая сумма, и, наверно, понадобится еще больше.

— Да, это, конечно, не подлежит сомнению, Монкбарнс. На поле боя всегда слетаются стервятники. Мне случилось наблюдать, как овца срывается с кручи или падает от болезни. До этого вы, может быть, две недели не видели ни одного ворона или обыкновенной вороны. Но не пролежит несчастная овца и десяти минут, как их налетит целый десяток и они начнут выклевывать ей глаза (он провел рукой по своим) и терзать грудь, прежде чем она успеет умереть. Но этот гнусный коршун, который так долго не отставал от меня... Я надеюсь, вы поймали его?

— Ему не уйти, — сказал антикварий. — Этот джентльмен хотел, так сказать, умчаться на крыльях утра и воспользоваться почтовым дилижансом. Но в Эдинбурге он попал бы на ветки, смазанные клеем! А впрочем, он так далеко и не добрался, потому что дилижанс опрокинулся

— как мог он доехать благополучно, везя такого Иону? — и немца с очень тяжелыми ушибами перенесли в один из домов подле Китлбрига. А для того чтобы предупредить всякую возможность бегства, я направил туда вашего друга Суипклина, чтобы тот, смотря по обстоятельствам, привез его, in

nomine regis [note 201](#), назад в Фейрпорт или остался при нем в качестве сиделки в Китлбриге. А теперь, сэр Артур, разрешите мне побеседовать с вами о нынешнем неприглядном состоянии ваших дел, чтобы посмотреть, нельзя ли их как-нибудь распутать.

И антикварий в сопровождении несчастного джентльмена направился в кабинет.

Они просидели там, запершись, около двух часов, когда их уединение нарушила мисс Уордор, одетая в плащ, словно для путешествия. Лицо ее было очень бледно, но она была полна самообладания, свойственного ее натуре.

— Судебный исполнитель возвратился, мистер Олдбок.

— Возвратился? Какого черта? Не отпустил же он немца на все четыре стороны?

— Нет. Я поняла, что немец доставлен в тюрьму. А теперь Суипклин вернулся, чтобы заняться моим отцом, и говорит, что больше не может ждать.

На лестнице слышался громкий спор, в котором особенно выделялся голос Гектора:

— Считать вас, сэр, офицером, а этих оборванцев — отрядом! Да эта шайка жалких портновских подмастерьев. Рассчитайтесь справа по девять, тогда мы будем знать ваши

настоящие силы!

Затем донесся ворчливый голос представителя закона, но ответ его трудно было разобрать.

— Бросьте, бросьте, сэр! Из этого ничего не выйдет, — возражал ему Гектор. — Немедленно уберите ваш отряд, как вы его называете, из дома, не то я сам вышвырну и вас и их.

— Черт бы побрал этого Гектора! — воскликнул антикварий, торопливо направляясь к месту происшествия. — Опять кипит его горская кровь, и надо ждать его дуэли с судебным чиновником... Послушайте, мистер Суипклин, вы должны дать нам немного времени. Я

знаю, вы не захотите слишком торопить сэра Артура!

— Ни в коем случае, сэр, — ответил судебный исполнитель, снимая шляпу, которую он надел в знак пренебрежения к угрозам капитана Мак-Интайра. — Но ваш племянник, сэр, ведет очень дерзкие речи, и я уже довольно их наслушался. По полученным мною инструкциям я больше не могу оставлять здесь арестованного, если не последует оплата сумм, указанных в моем ордере.

И он протянул этот ордер, указывая своим ужасным жезлом, который держал в правой руке, на грозный столбец цифр, записанных

на оборотной стороне.

А Гектор, хотя и молчал из уважения к дяде, в ответ на этот жест погрозил судебному исполнителю кулаком, и лицо его пылало ярим гневом настоящего горца.

— Глупый мальчик, успокойся и пойдем в комнаты! — сказал Олдбок. — Этот человек выполняет свою презренную обязанность, и ты только наделаешь новых бед, если будешь мешать ему. Боюсь, сэр Артур, что вам придется сопровождать этого человека в Фейрпорт. Это пока неизбежно. Я отправляюсь с вами, чтобы мы могли посоветоваться, что предпринять. Мой племянник проводит мисс

Уордор в Монкбарнс, который, я надеюсь, она сделает своей резиденцией, пока не будут улажены эти неприятные дела.

— Я поеду с отцом, мистер Олдбок, — твердо заявила мисс Уордор. — Я уже уложила его одежду и свою и надеюсь, что нам позволят воспользоваться экипажем.

— Готов удовлетворить все ваши разумные пожелания, миледи, — сказал судебный исполнитель. — Я велел подать экипаж, и он у дверей. Я сяду на козлы с кучером: у меня нет желания навязывать вам свое общество, но двое моих помощников должны поехать за нами верхом.

— Я тоже поеду, — промолвил

Гектор и побежал вниз, чтобы обеспечить себе лошадь.

— Тогда отправимся, — сказал антикварий.

— В тюрьму! — дополнил его слова баронет, невольно вздохнув. — Но что с того? — неестественно веселым тоном продолжал он. — В конце концов это всего лишь дом, из которого нельзя выходить. Предположим, что у меня приступ подагры, тогда в Нокуинноке будет ничуть не лучше. Что ж, Монкбарнс, давайте считать это приступом подагры, притом без обычной чертовской боли!

Но на глаза его при этих словах навернулись слезы, он запинался, и

видно было, каких усилий стоит ему эта притворная веселость. Антикварий крепко пожал ему руку, и — подобно тому как индийские баньяны знаками изображают условия важной сделки, а в то же время для вида беседуют о безразличных вещах, — рука сэра Артура, ответив судорожным пожатием, выразила и его чувство благодарности другу и скрытую муку. Они медленно сошли по великолепной лестнице, где каждый хорошо знакомый предмет в глазах несчастных отца и дочери приобретал более выпуклые и четкие контуры, словно для того, чтобы они могли хорошо насмотреться на него в

последний раз.

На первой площадке измученный сэр Артур остановился и, заметив, что антикварий тревожно взглянул на него, с напускной важностью произнес:

— Да, мистер Олдбок, представителю древнего рода, потомку Ричарда Красной Руки и Гамелина Гардовера, можно простить вздох, когда он покидает замок отцов под таким скудным эскортом. Когда меня вместе с покойным отцом в тысяча семьсот сорок пятом году заточили в Тауэр, это было по обвинению, достойному нашего звания: по обвинению в государственной измене, мистер

Олдбок! Нас эскортировал из Ньюгейта отряд телохранителей, и мы были преданы суду по личному приказу министра. А теперь меня, в преклонных летах, вытаскивает из моего дома подобный жалкий субъект (он указал на судебного исполнителя), и из-за ничтожного дела о каких-то фунтах, шиллингах и пенсах.

— Все же, — сказал Олдбок, — с вами преданная дочь и, если позволите мне так сказать, искренний друг, а это уже может несколько утешить вас помимо того, что ваше дело не может кончиться повешением, утоплением или четвертованием. Но я слышу,

неутомонный мальчишка опять взбесился. Только бы он не затеял новой ссоры! Какое несчастье, что он вообще очутился здесь!

Действительно, разговор пришлось прервать из-за внезапных криков, среди которых опять легко было различить громкий, с легким северным акцентом, голос Гектора. Причина шума будет объяснена в следующей главе.

ГЛАВА XLIII

*Летит от нас
Фортуна, вы сказали?*

*Нет, белой чайкою она
кружит*

*Над медленной ладьею
птицелова.*

*То скроется в тумане,
то крылом*

*Чуть паруса коснется.
Мудрый ждет*

*И на лету ее
хватает...*

Старинная пьеса

Возглас

торжества

воинственного Гектора очень походил на боевой клич. Но когда он примчался наверх с пакетом в руке, восклицая: «Да здравствует старый солдат! Прибыл Эди и привез целую кучу добрых вестей! » — стало очевидно, что на этот раз причиной шума было нечто приятное.

Капитан подал Олдбоку письмо, сердечно пожал руку сэру Артуру и пожелал мисс Уордор много радости со всей искренностью настоящего горца. Судебный исполнитель, который успел проникнуться безотчетным страхом перед капитаном Мак-Интайром, придвинулся поближе к своему пленнику, внимательно следя за

каждым движением юного воина.

— Не воображайте, что я стану возиться с такой дрянью, как вы, — бросил ему Гектор. — Вот вам гинея за то, что я нагнал на вас страху! А вон идет старый рубака сорок второго полка, ему удобнее иметь с вами дело, чем мне.

Судебный исполнитель (он был из тех псов, что не слишком брезгают и грязным куском) поймал на лету монету, которую Гектор швырнул ему в лицо, и ждал настороженно и терпеливо, какой оборот примут теперь события. Со всех сторон сыпались вопросы, но никто не спешил на них ответить.

— В чем дело, капитан Мак-

Интайр? — недоумевал сэр Артур.

— Спросите старого Эди, — сказал Гектор. — Я знаю только, что все обернулось хорошо.

— Что все это значит, Эди? — спросила нищего мисс Уордор.

— Пусть миледи спросит у Монкбарнса — письмо-то у него в руках.

— Боже, спаси короля! — воскликнул антикварий, едва взглянув на содержимое пакета.

Застигнутый врасплох неожиданным известием, на миг забыв о своей степенности, философии и бесстрастии, он подбросил вверх треуголку, которая, однако, не вернулась к нему,

зацепившись за один из завитков канделябра. Тогда, радостно оглянувшись, он ухватил себя за парик и, вероятно, послал бы его вслед за шляпой, если бы Эди не схватил его за руку, воскликнув:

— Да он совсем спятил! Ведь Кексона-то здесь нет! Кто вам поправит прическу?

Теперь все приступили к антикварию, на разные голоса требуя объяснения внезапной перемены. И он, несколько устыдившись своего экстаза, в буквальном смысле показал пятки, удирая, как лисица от своры собак. Взбежав через две ступеньки по лестнице до верхней площадки, он обратился к

изумленным слушателям:

— Мои добрые друзья, favete linguis [note 202](#). Для того чтобы сообщить вам новости, я, как учат логики, должен сначала ознакомиться с ними сам. Поэтому, с вашего разрешения, я удалюсь в кабинет и просмотрю эти бумаги. Сэр Артур и мисс Уордор будут так добры пройти в гостиную. Мистер Суипклин, вас я попрошу secede paulisper [note 203](#), или, на вашем языке, предоставить нам пятиминутную отсрочку. А ты, Гектор, отведи свои боевые силы и позабавься в другом месте. Ну, и, наконец, все, не падая духом, ждите моего возвращения, которое последует instantanter [note 204](#).

Содержимое пакета оказалось действительно настолько неожиданным, что антикварию вполне можно было простить и несвойственное ему проявление восторженности и желание повременить с оглашением этих известий, пока он не разберется в них и должным образом не усвоит их сам.

В конверте находилось письмо, адресованное в Монкбарнс Джонатану Олдбоку, эсквайру. В письме говорилось:

*Дорогой сэр, вынужденный
очень важными воинскими*

обязанностями задержаться здесь, решаюсь обратиться к вам как к испытанному и глубоко ценимому другу моего отца. В настоящее время вы, несомненно, уже осведомлены о запутанном состоянии наших дел, и, я уверен, вас обрадует, что я получил счастливую и неожиданную возможность оказать отцу существенную помощь. Я узнал, что сэру Артуру угрожают люди, ранее состоявшие его поверенными, и, по совету одного здешнего почтенного делового человека, добыл прилагаемый документ, который, насколько я понимаю, приостановит их мероприятия, пока их притязания не

будут рассмотрены в судебном порядке и сокращены до надлежащего предела. Прилагаю также банкноты на сумму в тысячу фунтов для оплаты возможных других срочных требований и дружески прошу вас употребить их по вашему усмотрению. Вас удивит, что я затрудняю этим вас, когда представлялось бы более естественным обратиться по делам отца непосредственно к нему. Однако я еще не имею уверенности, что у него открылись глаза на истинную сущность того лица, против которого, я знаю, вы его часто предостерегали и чье пагубное влияние и было причиной наших

несчастий. А так как средствами для спасения сэра Артура я обязан великодушную несравненного друга, считаю своим долгом сделать все необходимое для того, чтобы посылаемые деньги были использованы для той цели, для которой они предназначены, и я уверен, что вы со свойственным вам благоразумием любезно позаботитесь об этом. Мой друг, вспоминая о вашем добром к нему отношении, выскажет в прилагаемом письме некоторые свои соображения. Поскольку фейрпортская почтовая контора пользуется дурной славой, я вынужден направить это письмо в

Тэннонбург. Однако старик Охилтри, которого особые обстоятельства показали достойным доверия, приблизительно знает, когда пакет прибудет на место, и позаботится о его дальнейшей доставке. Я надеюсь в близком времени иметь случай лично попросить у вас извинения за причиняемые хлопоты.

Имею честь быть вашим преданным слугою.

Реджиналд Гамелин Уорддор.

Эдинбург, 6 августа 179*г.

Антикварий поспешно взломал печать на вложенном втором письме, чтение которого в равной мере удивило и обрадовало его. Немного успокоившись от волнения,

вызванного такими неожиданными известиями, он тщательно просмотрел остальные бумаги — все делового характера, — положил банкноты в бумажник, написал краткую расписку, чтобы отправить ее с очередной почтой, ибо был крайне методичен в денежных делах, и, наконец, преисполненный важности от сделанных им открытий, спустился в гостиную.

— Суипклин, — обратился он к судебному исполнителю, смиренно стоящему у дверей, — вы должны убраться из Нокуиннока со всеми своими приспешниками. Этой сволочи здесь нечего делать. Видишь, любезный, эту бумагу?

— Приостановление действия ордера на взыскание, — разочарованно произнес чиновник. — Мне и то казалось странным, чтобы против такого человека, как сэр Артур, принимались крайние меры. Что ж, сэр, я ухожу со всеми своими людьми. А кто покроет мои издержки?

— Те, кто тебя посылал, как ты прекрасно знаешь, — сказал Олдбок.

— А вот еще какой-то нарочный. Ну, сегодня настоящий день новостей.

Это был мистер Мейлсеттер, прибывший на своей кобылке из Фейрпорта с письмом для сэра

Артура и другим — для судебного исполнителя. Оба эти послания ему, по его словам, приказано было доставить немедленно. Судебный исполнитель прочел свое и сказал, что Гринхорн и Грайндерсон обещают оплатить его издержки и предлагают прекратить взыскание. После этого, немедленно выйдя из комнаты и задержавшись лишь для того, чтобы собрать свой отряд, он, по выражению Гектора, который следил за его отбытием подозрительным взглядом мастифа, провожающего обращенного в бегство бродягу, «очистил Фландрию».

Письмо, врученное сэру Артуру,

было от мистера Гринхорна и представляло собой нечто в своем роде весьма любопытное. Приводим его с комментариями почтенного баронета:

Сэр... (О, я уже больше не «дорогой». Мистерам Гринхорну и Грайндерсону люди дороги только, пока они в беде!) Я был весьма огорчен, узнав по возвращении из поездки по важному делу (полагаю, игра на скачках), что мой компаньон позволил себе в мое отсутствие действовать в интересах фирмы Голдибердс, отдав им предпочтение перед вашими, и писал к вам неподобающим образом. Приношу

вам мои, а также мистера
Грайндерсона, глубокие извинения...
(Эге, я вижу, он умеет писать и за
себя и за компаньона!) и уверен, что
вы не подумаете, будто я стал
неблагодарным и забыл о
постоянном покровительстве,
которое моя семья... (его семья!
Нахальный щенок!) встречала со
стороны владельцев Нокуиннока.
Мне было крайне неприятно
убедиться из разговора, который я
имел сегодня с мистером Уорддором,
что он очень раздражен и, я должен
признать, не без причины. Для того
чтобы исправить, насколько это в
моих силах, ошибку, на которую он
жалуется... (в самом деле, недурная

ошибка — упрятать своего покровителя в тюрьму!), я срочно посылаю это письмо, чтобы прекратить все действия, направленные против вашей особы и ваших имущественных прав, и в то же время почтительно выразить свое сожаление. Мне остается только добавить, что, по мнению мистера Грайндерсона, если вы вернете нам свое доверие, он будет иметь возможность указать на некоторые обстоятельства, связанные с теперешними претензиями фирмы Голдибердс, которые значительно сократят их сумму... (Так, так! Теперь они идут на новое вероломство в пользу другой

стороны!) и что нет ни малейшей надобности для особо спешного подведения баланса по вашему счету у нас.

Остаюсь за мистера Г. и за себя, дорогой сэр... (Ага, он уже дописался до вольностей!) ваш премного обязанный и покорный слуга

Гилберт Гринхорн.

— Хорошо сказано, мистер Гилберт Гринхорн! — заметил Монкбарнс. — Я вижу, неплохо иметь двух стряпчих в одной фирме. Они действуют наподобие мужа и жены в голландском кукольном домике. Когда между ними и клиентами тишь и гладь, выходит компаньон-

джентльмен и виляет хвостом, как спаниель; когда погода портится, выскакивает деловой собрат и берет вас мертвой хваткой, как бульдог. Да, слава богу, мой поверенный носит треугольную шляпу, имеет дом в старом городе, так же как и я, боится лошадей, играет по субботам в гольф, по воскресеньям ходит в церковь и, не имея компаньона, просит прощения только за свою глупость.

— Среди юристов бывают и честные люди, — вставил Гектор. — Пусть кто-нибудь посмеет отрицать, что мой двоюродный брат Доналд Мак-Интайр, седьмой сын Стрэттудлема (остальные шесть служат в армии), не самый честный

человек, какого...

— Без сомнения, без сомнения, Гектор, все Мак-Интайры такие, это их привилегия! Но я хотел сказать, что нет ничего удивительного, если среди представителей профессии, по необходимости требующей неограниченного доверия клиентов, находятся лодыри, не оправдывающие его по своей лености, и обманщики, злоупотребляющие им по своей подлости. Тем больше чести тем, — а я поручусь за многих, — кто сочетает честность с искусством и бдительностью и ходит высоко держа голову, когда вокруг столько ловушек и камней преткновения для более

слабых натур. Таким людям их сограждане спокойно могут верить защиту своих наследственных прав, а родина — еще более священную заботу о соблюдении своих законов и привилегий.

— Все же лучше тем, кто не имеет с ними дела, — сказал Охилтри, просовывая голову в гостиную, потому что общее смятение в семье еще не улеглось и слуги, подобно волнам после урагана, еще не вошли в свои обычные пределы и беспорядочно бродили по дому.

— А, старый правдолюбец, ты здесь? — обратился к нему антикварий.

— Сэр Артур, позвольте войти сюда вестнику удачи, хотя он и не похож на Гермеса. Вы недавно говорили о вороне, издали чующем сечу. А вот перед вами сизый голубь (старый и упрямый, надо признаться), который почуял добрые вести за шесть или семь миль, помчался туда в двуколке и возвратился с оливковой ветвью.

— Это все бедняга Роби, который меня вез, — сказал нищий. — Парень боится, что он в немилости у миледи и сэра Артура.

Покаянное и робкое лицо Роберта выглядывало из-за плеча Эди.

— В немилости у меня? —

удивился сэр Артур. — Как так? — Баронет уже давно забыл, в какое исступление он пришел из-за пережаренного хлеба. — Ах, я припоминаю, Роберт. Я был сердит, а ты — не прав. Ступай займись делом и никогда не возражай хозяину, когда он раздражен.

— И никому вообще, — вставил антикварий, — ибо короткое слово отводит гнев.

— И скажи матери, если ее опять мучит ревматизм, пусть придет завтра к экономке, — промолвила мисс Уордор. — Мы посмотрим, что можно для нее сделать.

— Да благословит бог вас, миледи, — сказал растроганный

Роберт, — и его милость сэра Артура, и молодого лорда, и весь дом Нокуиннок во всех его коленах, ближних и дальних. Это уже сотни лет гостеприимный и открытый для бедных людей дом.

— Вот, — сказал антикварий сэру Артуру, — не будем об этом спорить, но вы видите, что бедные люди платят естественной благодарностью за внимание и благотворительность вашей семьи. Вы не услышите, чтобы эти люди вспоминали о Красной Руке или о Дьяволе в латах. Что до меня, то я должен сказать: *Odi accipitrem qui semper vivit in armis* [note 205](#). Поэтому будем мирно есть, и пить, и

веселиться, сэр!

В гостиной был наскоро накрыт стол, и все общество радостно расположилось за ним, чтобы подкрепить свои силы. По просьбе Олдбока Эди было предложено сесть у буфета в огромное кожаное кресло, которое частично было скрыто экраном.

— Я соглашаюсь на это тем охотнее, — сказал сэр Артур, — что помню, как в дни моего отца это кресло занимал Эйлши Горлей, последний, насколько мне известно, из тех шутов, которых держали в знатных шотландских домах.

— Это верно, сэр Артур, — отозвался нищий, который ради

красного словца не пожалел бы родного отца. — Многие мудрые люди сиживали в креслах шутов и многие шуты — в креслах мудрых людей, особенно — в знатных домах.

Мисс Уордор, опасаясь действия этой речи (хотя и достойной Эйлши Горлея или иного образцового шута) на нервы отца, поспешила обратиться к нему и спросить, не следует ли угостить элем и говядиной слуг и ближайших сельских жителей, в значительном числе привлеченных событиями к замку.

— Конечно, радость моя, — сказал отец, — бывало ли в нашей семье иначе, когда снималась осада?

— Да, осада, начатая судебским крючкотвором Суипклином, и снятие ее нищим Охилтри — это *par nobile fratrum* [note 206](#), — сказал Олдбок, — причем второй заслуживает не меньшего уважения, чем первый. Но не огорчайтесь, сэр Артур, такие осады и снятие их теперь в порядке вещей, и нынешнее избавление стоит того, чтобы отметить его стаканом вашего великолепного вина. Честное слово, это, кажется, бургундское!

— Будь в погребе что-либо лучшее, — промолвила мисс Уордор, — оно все равно не могло бы достойно вознаградить вас за дружескую поддержку.

— Вы так считаете? — сказал

антикварий. — Ну что ж, с благодарностью пью за вас, мой прекрасный враг, и за то, чтобы вы скоро подверглись такой осаде, какую особенно любят леди, и подписали условия капитуляции в часовне святого Уиннокса!

Мисс Уордор покраснела, а лицо Гектора сперва залилось краской, затем побледнело.

— Моя дочь очень обязана вам, Монкбарнс. Но, если вы сами не примете ее руку, я прямо скажу, не знаю, где дочь бедного рыцаря может найти себе пару в наши корыстные времена.

— Вы говорите обо мне, сэр Артур? Ну нет! Но я сохраняю за

собой право поединка и, неспособный сразиться сам с моим прекрасным врагом, выставлю за себя другого бойца. Впрочем, об этом — потом! Что ты нашел в этих бумагах, Гектор? Ты склонился над ними так, словно у тебя пошла из носу кровь.

— Ничего особенного, сэр. Но только моя рука теперь уже почти совсем поправилась, и я собираюсь через день или два избавить вас от своего общества и отправиться в Эдинбург. Я узнал, что туда прибыл майор Невил. Я хотел бы повидать его.

— Какой майор? — спросил дядя Гектора.

— Майор Невил, сэр, — повторил молодой воин.

— А кто он такой, черт возьми, этот майор Невил? — настаивал антикварий.

— Вы, мистер Олдбок, — вмешался сэр Артур, — наверно, не раз видели его имя в газетах. Это весьма выдающийся молодой офицер. Но я рад сообщить, что мистеру Мак-Интайру незачем уезжать из Монкбарнса, чтобы его повидать: сын пишет, что майор приедет с ним в Нокуиннок, и мне нечего говорить о том, что я охотно познакомлю молодых людей — конечно, если они еще не знакомы.

— Нет, лично мы еще не

знакомы, — ответил Гектор, — но мне приходилось много слышать о майоре Невиле, и у нас есть общие друзья; ваш сын один из них. Но мне все равно пора в Эдинбург. Я вижу, что начинаю надоедать дяде, и боюсь...

— ... что дядя надоест тебе? — перебил его Олдбок. — Кажется, этого уже не исправить. Но ты забыл, что приближается восхитительное двенадцатое августа и что ты условился где-то встретиться с одним из лесничих лорда Гленаллена, чтобы преследовать ни в чем не повинных пернатых.

— Верно, верно, дядя, я совсем забыл! — воскликнул легко

воспламеняющийся Гектор. — Но вы перед тем сказали что-то такое, что у меня все вылетело из головы.

— Если угодно вашим милостям, — сказал старый Эди, высовывая свою седую голову из-за экрана, где он обильно угощался элем и холодным мясом, — если угодно вашим милостям, я могу сообщить новость, которая удержит тут капитана не хуже охоты. Вы слышали о том, что сюда идут французы?

— Какие французы, глупая голова? Вздор!

— У меня не было времени, — сказал сэр Артур, — посмотреть направляемую мне как

представителю власти
корреспонденцию за последнюю
неделю. Я взял себе за правило
читать ее, кроме спешных дел, только
по средам, потому что я все делаю
методически. Но мне довольно было
одного взгляда на письма, чтобы
заметить, что поднялась какая-то
тревога.

— Тревога? — переспросил
Эди. — Я думаю — тревога, если мэр
приказал немедленно зажечь на
Хелкит-хеде огонь (это надо было
сделать на полгода раньше), а
сторожить этот маяк городской совет
назначил не кого-нибудь, а самого
старика Кексона. Одни говорят, что
этим хотели уважить капитана

Тэфрила, который почти наверно женится на Дженни Кексон, другие считают, что хотели угодить вашей милости и Монкбарнсу, как вы носите парики, а еще иные вспоминают старую историю про судью, который заказал парик, а потом так и не заплатил за него. Так или иначе, а Кексон уже сидит на верхушке утеса, как баклан, чтобы кричать в непогоду.

— Клянусь честью, отличный страж! — сказал Монкбарнс. — А что тем временем будет с моим париком?

— Я точь-в-точь это же спросил у Кексона, — ответил Охилтри, — и он сказал, что может заглядывать к

вам каждое утро и подправлять его перед тем, как лечь спать, потому что днем при маяке будет другой человек. Кексон говорит, что может завивать ваш парик и наяву и во сне.

Это сообщение направило разговор по иному пути. Все заговорили о защите страны и о долге, обязывающем человека сражаться за ту землю, на которой он живет. Наконец пришло время расстаться. Антикварий и его племянник зашагали домой, обменявшись с обитателями Нокуиннока самыми теплыми словами взаимного уважения и сговорившись в самом скором времени встретиться снова.

ГЛАВА XLIV

*Она меня не любит, ну
так что ж?*

*Бледнеть мне, видя,
как она цветет?*

*Вздохать, когда
другим дарит улыбки?*

*Ну нет, я дорожусь
своим покоем!*

*Он не перо на шляпе у
девицы,*

*Чтоб колебаться от
кивков небрежных.*

Старинная пьеса

— Гектор, — обратился к нему

дядя, когда они шли домой, — я иногда склонен подозревать, что ты в одном отношении глуп.

— Если вы считаете меня глупым лишь в одном отношении, сэр, вы, безусловно, оказываете мне большую честь, чем я ожидаю или заслуживаю.

— Я хочу сказать — в одном отношении *par excellence* [note 207](#), — ответил антикварий. — Мне иногда казалось, что ты поглядываешь на мисс Уордор.

— Да, сэр? — невозмутимо произнес Мак-Интайр.

— Да, сэр! — повторил за ним дядя. — Этот чертов малый отвечает так, словно нет ничего разумнее на

свете, как ему, армейскому капитану без гроша за душой, жениться на дочери баронета.

— Я полагаю, сэр, — ответил молодой горец, — для мисс Уордор в этом не было бы ничего унижительного с точки зрения древности рода.

— О, боже упаси нас касаться этой темы! Нет, нет, вы оба равны, оба — на вершинах знатности и вправе смотреть свысока на всякого roturier [note 208](#) в Шотландии.

— А с точки зрения состояния, мы тоже равны, так как ни у кого из нас его нет. Может, я ошибаюсь, но только я не могу упрекнуть себя в самонадеянности.

— Вот в этом-то и есть ошибка, — возразил дядя. — Она не захочет пойти за тебя, Гектор!

— В самом деле, сэр?

— Сушая правда, Гектор. А для вящего подтверждения должен сообщить тебе, что она любит другого. Она однажды неверно поняла несколько слов, с которыми я к ней обратился, и впоследствии мне удалось разгадать, какой смысл она в них вкладывала. Раньше я не мог понять, почему она медлит и краснеет. Но теперь, мой бедный Гектор, я знаю, что это был смертный приговор твоим надеждам и притязаниям. Поэтому советую тебе трубить отступление и, по

возможности в порядке оттянуть свои силы, ибо гарнизон форта слишком силен, чтобы тебе идти на приступ.

— Мне нет надобности трубить отступление, дядя, — сказал Гектор, гордо выпрямившись и шествуя с оскорбленным и торжественным видом. — Незачем отступать тому, кто и не наступал. В Шотландии найдутся женщины, кроме мисс Уордор, из такой же хорошей семьи...

— И с лучшим вкусом, — подхватил дядя. — Несомненно, такие найдутся, Гектор. И хотя она принадлежит к самым благовоспитанным и разумным

девушкам, каких я встречал, я сомневаюсь, способен ли ты оценить ее достоинства. Тебе нужно другое. Крупная фигура, над головой крест-накрест два пера, одно — зеленое, другое — синее, амазонка — цвета, присвоенного полку. Сегодня она правит кабриолетом, а завтра делает смотр полку, проезжая рысью на сером пони, который накануне тащил экипажик, — hoc erat in votis [note 209](#). Вот какие качества могли бы покорить тебя, особенно если бы леди питала склонность к естественной истории и предпочитала некую разновидность rhosa.

— Не жестоко ли, сэръ, — сказал

Гектор, — при всяком удобном случае тыкать мне в нос этим проклятым тюленем? Но мне это все равно, и мое сердце не разобьется из-за мисс Уордор. Она свободна выбирать, кого хочет, и я желаю ей всяческого счастья.

— Великодушное решение, о столп Трои! А я, Гектор, опасался сцены. Твоя сестра говорила мне, что ты отчаянно влюблен в мисс Уордор.

— Сэр, — ответил молодой человек, — не хотите же вы, чтобы я был отчаянно влюблен в девушку, которой я безразличен?

— Ну что ж, племянник, — уже более серьезно проговорил антикварий, — в том, что ты

говоришь, конечно, есть свой смысл. И я многое дал бы за то, чтобы лет двадцать — двадцать пять назад мог рассуждать так, как ты.

— Мне думается, в таких вопросах каждый может рассуждать как хочет, — сказал Гектор.

— Люди старой школы смотрели на это иначе, — возразил Олдбок. — Но, как я уже говорил, современный образ действий представляется более благоразумным, хотя и не более интересным. А теперь скажи мне, как ты смотришь на возможность вторжения, которая сейчас так всех волнует? Люди все еще кричат: «Они идут!»

Гектор, глубоко униженный, но всячески старавшийся скрыть это от своего насмешливого дядюшки, охотно поддержал разговор, который мог отвлечь мысли антиквария от мисс Уордор и тюленя. А когда они достигли Монкбарнса, им пришлось рассказывать дамам о событиях в замке и, в свою очередь, выслушивать сообщения о том, как долго дамы ждали с обедом, прежде чем решили сесть за стол без антиквария. И за этими разговорами обе вышеупомянутые деликатные темы были забыты.

На следующее утро антикварий встал рано и, так как Кексон еще не появлялся, сразу почувствовал, что

ему не хватает мелких новостей и слухов, о которых неизменно докладывал бывший парикмахер. Болтовня Кексона стала не менее необходимой антикварию, чем понюшка табаку, хотя оба эти удовольствия он ценил, или только делал вид, что ценит, не больше, чем они того заслуживают. Ощущение пустоты, обычно сопровождающее подобные лишения, было устранено Охилтри, который прохаживался вдоль изгороди из подстриженных тисов и падубов, по-видимому, чувствуя себя вполне как дома. И в самом деле, за последнее время все так к нему привыкли, что даже Юнона не лаяла на него и лишь

следила за ним строгим и бдительным оком. Антикварий в халате вышел из дома, и нищий сейчас же приветствовал его.

— Теперь они идут, и по-настоящему, Монкбарнс! Я прямо из Фейрпорта, хотел доставить вам это известие и сейчас же пойду назад. В бухту только что вошел «Искатель», и говорят, что французский флот гнался за ним.

— «Искатель»? — на миг задумавшись, переспросил Олдбок. — Вот оно что!

— Ну да, «Искатель», бриг капитана Тэфрила.

— Так, так! А он имеет отношение к надписи «Искать номер

два»? — спросил Олдбок; ему показалось, что название судна проливает новый свет на историю с таинственным ящиком и находившимся в нем кладом.

Нищий, словно мальчик, пойманный на веселой проказе, прикрыл шляпой лицо, но не мог удержаться и расхохотался от души.

— В вас, верно, сам дьявол сидит, Монкбарнс, и помогает вам так ловко подгонять одно к одному! Кто бы подумал — поставить рядом то да это! Вот поймали вы меня!

— Мне все ясно, — сказал Олдбок, — как надпись на хорошо сохранившейся медали: ящик, в котором было найдено серебро,

принадлежал бригу, а сокровище — моему «фениксу»? (Эди кивнул в знак подтверждения.) И оно было закопано там, чтобы помочь сэру Артуру в его затруднениях?

— Мною, — сказал Эди, — и двумя матросами с брига; но они не знали, что в ящике. Они думали, что капитан привез какую-то контрабанду. Я сторожил это место днем и ночью, пока клад не перешел в нужные руки. А потом, когда этот немецкий черт стал таращить глаза на крышку ящика (кто хочет ягнятники, ищет, где лежала овца), какой-то шотландский бес дернул меня сыграть с ним шутку. Теперь вы видите, что я не мог болтать перед

судьей Литлджоном. Скажи я хоть слово, все и выплыло бы наружу. Мистер Ловел очень разгневался бы. Вот я и решил, что лучше буду терпеть, а рта не раскрою.

— Должен сказать, что он удачно выбрал, кому доверить дело, хотя это и было немного странно, — заметил Олдбок.

— А я о себе скажу так, Монкбарнс, — ответил нищий. — Мне изо всей нашей округи скорее всего можно доверить деньги. Мне их не надо, и не хочу я их, да и тратить их мне не на что. А у молодого человека и не было особого выбора. Ведь он думал, что навсегда покидает страну. (Надеюсь, что тут

он ошибся.) Ночью нам довелось узнать о горестях сэра Артура, а к рассвету Ловел уже должен был быть на борту брига. Однако еще через пять суток бриг снова вошел в бухту. Я, как условились, встретил лодку, и мы зарыли клад там, где вы его нашли.

— Это была очень романтическая и глупая затея, — сказал Олдбок. — Почему было не довериться мне или иному другу?

— На руках молодого человека, — возразил Эди, — была кровь сына вашей сестры, который еще мог умереть. Где тут было мистеру Ловелу долго раздумывать? И как он мог просить вас через кого-

нибудь еще?

— Ты прав. А что, если бы Дюстерзивель опередил вас?

— Едва ли он сунулся бы туда без сэра Артура. Накануне он здорово перетрусил и не собирался даже близко подходить к тому месту. Его только насильно можно было затащить туда. Первую-то находку спрятал он сам, как же он мог рассчитывать на вторую? Если он все же вертелся возле сэра Артура, то лишь затем, чтобы выманить у него еще сколько удастся.

— В таком случае, — спросил Олдбок, — как мог попасть туда сэр Артур, если бы его не привел немец?

— Гм, — спокойно ответил

Эди, — у меня была заготовлена такая сказка про Мистикота, что он примчался бы за сорок миль, да и вы тоже! А потом его бы обязательно потянуло туда, где он уже раз нашел денежки. Ведь он теперь знал, как нужно искать клады! Короче, серебро было в слитках, а сэру Артуру грозило разорение. Ловел же больше всего старался о том, чтобы сэр Артур не догадался, чья рука ему помогла. Вот мы и не нашли лучшего способа подсунуть ему эти слитки, хотя и долго ломали себе головы. Но, если бы серебро случайно попало в лапы Дюстерзивеля, мне было велено немедленно рассказать все шерифу или вам.

— А знаешь, несмотря на все эти мудрые предосторожности, мне кажется, трудно было рассчитывать, чтобы такая неуклюжая затея сошла гладко. Вам повезло, Эди! Но откуда, черт возьми, у Ловела взялось столько серебряных слитков?

— Вот уж этого я вам не могу сказать. Но их погрузили на борт в Фейрпорте вместе с прочим его добром, и мы уложили их на бриге в снарядный ящик. Так оно было удобно и для хранения и для переноски.

— Боже мой! — воскликнул Олдбок, вспоминая начало своего знакомства с Ловелом. — И для этого молодого человека, бросающего

сотни фунтов на такие странные предприятия, я думал устраивать подписку, чтобы издать его сочинения! И я еще оплатил его счет в Куинзферри! Нет, никогда больше я не стану оплачивать ничьих счетов! А у вас с Ловелом, видно, была постоянная переписка?

— Нет, я получил только наспех нацарапанную записку, что в Тэннонбург прибудет — говорилось о вчерашнем дне — пакет с очень важными письмами для хозяев Нокуиннока. Боялись, видите ли, как бы в Фейрпорте не вскрыли эти письма. И не напрасно. Я слышал, что миссис Мейлсеттер потеряет должность, потому что больше

смотрит за чужими делами, чем за своими собственными.

— Какой же награды ты теперь ждешь, Эди, за то, что был и советчиком, и гонцом, и охранителем, и доверенным лицом в этом деле?

— Ни черта я не жду, разве что вы, джентльмены, придете на похороны нищего и, может быть, вы сами понесете изголовье гроба, как бедному Стини Маклбеккиту. Мне это дело не составило труда, я все равно бродил бы с места на место. Но как счастлив я был, когда выбрался из тюрьмы! Я все думал: что, если важное письмо придет, пока я сижу взаперти, как устрица, и

все из-за этого пойдет прахом? Иной раз я говорил себе: откроюсь вам и все расскажу! Однако я ведь не мог пойти против приказа мистера Ловела. И, мне кажется, ему надо было повидать кого-то в Эдинбурге, прежде чем сделать то, что он хотел, для сэра Артура и его семьи.

— Понятно. Ну, а как твои политические новости, Эди? Французы все-таки идут?

— Бог их знает! Но так говорят, сэр! Сейчас огласили строгий приказ, чтобы солдаты и добровольцы были наготове. Скоро сюда пришлют толкового молодого офицера — проверить нашу оборону. Я видел, как служанка чистила мэру

портупею и лосины, и помог ей, потому что она — сами понимаете — не много в этом смыслит. Вот я и узнал новости в награду за труды.

— А ты сам что думаешь, старый солдат?

— Право, не знаю. Если их нагрянет сколько говорят, сила будет на их стороне. Но среди добровольцев много смелых молодых парней. Не хочу сказать ничего плохого и о тех, кто слаб или малопригоден, потому как я и сам такой. Но и мы сделаем что можем!

— Вот как Воинственный дух снова просыпается в тебе, Эди?

Под нашим пеплом снова

пышет пламя!

Разве и у тебя, Эди, есть за
что биться?

— Мне не за что биться, сэр? Неужто я не стану биться за свою родину, и за берега ручьев, по которым я брожу, и за очаги хозяек, которые дают мне кусок хлеба, и за малышей, что ковыляют мне навстречу, чтобы поиграть со мной, когда я прихожу в какую-нибудь деревушку? А, черт, — продолжал он с жаром, сжимая посох. — Будь у меня столько сил, сколько доброй воли, я не одному бы дал их про запас на целый день боя.

— Браво, браво, Эди! Страна не в такой уж опасности, если нищий готов драться за свою миску, как лэрд — за свою землю.

Тут их разговор вновь обратился к той ночи, которую Эди и Ловел провели в руинах монастыря. Сообщенные нищим подробности чрезвычайно позабавили антиквария.

— Я не пожалел бы гинеи, чтобы посмотреть, как этот подлый немец корчился от страха, хотя привык нагонять его своим шарлатанством на других, и сам дрожал то перед гневом своего покровителя, то перед воображаемым духом.

— Да, — сказал нищий, — ему

было чего испугаться. Казалось, дух самого Дьявола в латах вселился в сэра Артура. — Кстати, что будет с тем проходимцем?

— Я как раз утром получил письмо, из которого узнал, что он отказался от возбужденного против тебя обвинения и предлагает раскрыть такие обстоятельства, которые облегчат более, чем мы ожидаем, приведение в порядок дел сэра Артура. Это пишет шериф, а еще он сообщает, что Дюстерзивель дал какие-то важные сведения правительству, и поэтому его, вероятно, просто вышлют на родину: пусть мошенничает у себя дома!

— А что же станется со всеми

прекрасными машинами, и колесами, и штреками, и штольнями в Глен Уидершинзе? — спросил Эди.

— Я надеюсь, люди, прежде чем разойдутся, сложат из тамошнегохлама хороший костер, подобно тому, как армия, которой приходится снять осаду, уничтожает свою артиллерию. А что касается ям в земле, Эди, то я оставлю эти ловушки на пользу следующему мудрецу, который захочет променять добро на дым.

— Господи помилуй! Как же так — сжечь? Ведь это большой убыток. Не лучше ли вам попытаться продать это имущество и хоть так вернуть часть ваших ста фунтов? — продолжал Эди с насмешливым

сочувствием.

— Ни одного фартинга не возьму! — рассердился антикварий и, повернувшись, отошел на два шага; но тут же вновь повернулся к нищему, чуть улыбнулся, смущенный своей раздражительностью, и сказал: — Ступай в дом, Эди, и запомни мой совет: никогда не говори со мной о рудниках, а с моим племянником — о рhоса, или, как вы его называете, тюлене.

— Мне надо назад, в Фейрпорт, — сказал странник. — Хочу послушать, что говорят о вторжении, но я запомню, что сказала ваша милость: не говорить с вами о тюлене, а с капитаном — о

ста фунтах, которые вы дали
Дюстер...

— Пошел к черту! Я хотел,
чтобы ты не напоминал об этом мне!

— Ах, боже мой! — Эди
изобразил крайнее удивление. — А
я-то думал, что ваша милость
позволяет всего касаться в приятном
разговоре, кроме вон того претория
да еще бляшки, что вы купили у
бродячего торговца, приняв ее за
настоящую старинную монету.

— А ну тебя! — пробурчал
антикварий, поспешно отвернулся и
ушел в комнаты.

Нищий поглядел ему вслед, а
затем, прерывисто смеясь, как
делают сорока или попугай в

ознаменованье удачной проделки, снова вышел на дорогу в Фейрпорт. Привычка сделала его непоседливым, да и по натуре он был большим охотником до новостей. И вот вскоре он опять очутился в городе, который покинул утром с единственной целью «малость покалякать с Монкбарнсом».

ГЛАВА XLV

*На Понеле алел костер,
На Скиддо — три
костра;
И рог тревожил топь
и бор
С заката до утра.*

Джеймс Хогг

Страж, стоявший на холме и смотревший в сторону Бирнама, вероятно, подумал, что грезит, когда увидел, как роковой лес двинулся в поход на Дунсинан. Так и старый Кексон, сидя у себя в будке и размышляя о близкой свадьбе дочери

и о чести породниться с лейтенантом Тэфрилом да изредка поглядывая на следующий сигнальный пост, был немало удивлен, заметив в этом направлении свет. Он протер глаза, глянул еще раз, потом проверил свое наблюдение по поперечине, направленной на нужную точку. Свет становился все ярче, как комета перед взором астронома, «терзая смутным ужасом народы».

— Господи, смилуйся над нами! — сказал Кексон. — Что же теперь делать? Впрочем, об этом пусть думают головы поумнее моей, а я пока что зажгу маяк!

И он тут же зажег маяк, который отбросил в небо длинный,

колышущийся сноп света; этот свет вспугнул с гнезд морских птиц и заиграл глубоко внизу на поалевших морских волнах. Другие сторожа, столь же старательные, как Кексон, в свою очередь заметили и повторили сигнал. Огни засверкали на мысах, скалах, отдаленных от берега холмах, и вскоре по сигналу о вторжении поднялась вся округа.

Наш антикварий, пригревшийся под двумя двойными ночными колпаками, нежился в постели, как вдруг его покой был прерван воплями сестры, племянницы и двух служанок.

— Это что еще? — произнес он, приподнимаясь. — Женщины в моей

комнате? Среди ночи! С ума вы сошли, что ли?

— Дядя, маяк! — воскликнула мисс Мак-Интайр.

— Французы идут убивать нас! — завизжала мисс Гризельда.

— Маяк, маяк! .. Французы, французы! .. Убьют, убьют! .. — наперебой кричали служанки, как хористки в опере.

— Французы? — повторил Олдбок, торопливо приподымаясь. — Ступайте вон из комнаты, женщины, чтобы я мог одеться. И принесите — эй, слышите? — мой меч!

— Который, Монкбарнс? — крикнула ему сестра, одной рукой протягивая бронзовый римский меч,

а другой — «Андреа Феррара» без рукояти.

— Самый длинный, самый длинный! — кричала Дженни Ринтерут, волоча двуручный меч двенадцатого столетия.

— Женщины, — обратился к ним Олдбок в большом волнении, — успокойтесь и не поддавайтесь напрасному страху! Уверены ли вы, что они пришли?

— Уверены, уверены! — воскликнула Дженни. — Больше чем уверены! Все морские ополченцы, и сухопутные ополченцы, и добровольцы, и йомены готовятся и спешат, как могут, пешком и верхом, в Фейрпорт. Даже старый

Маклбеккит пошел с остальными (много от него будет толку!). Господи, скольких из тех, кто хорошо послужил королю и родине, недосчитаются завтра!

— Дайте мне, — сказал Олдбок, — ту шпагу, которую мой отец носил в сорок пятом году. У нее нет перевязи, но мы как-нибудь обойдемся.

Сказав это, он продел шпагу под клапан кармана панталон. В этот миг вошел Гектор, который поднимался на ближайший холм, чтобы выяснить, насколько справедлива эта тревога.

— Где твое оружие, племянник? — встретил его Олдбок. — Где твоя двустволка, с

которой ты не расставался, когда она была нужна лишь для того, чтобы тешить твое тщеславие?

— Что вы, сэр! — ответил Гектор. — Кто ж берет с собой в поход охотничье ружье? Я, как видите, в форме и надеюсь принести больше пользы, если мне дадут под команду отряд, чем если у меня будет десять дуэлов. А вам, сэр, надо отправиться в Фейрпорт и, во избежание сумятицы, дать указания, где расквартировать людей и лошадей.

— Ты прав, Гектор! Кажется, мне лучше поработать головой, чем руками. А вот и сэр Артур Уордор; впрочем, между нами говоря, он мало

поможет и головой и руками.

Сэр Артур, вероятно, был иного мнения. Одетый в свой старый лейтенантский мундир, он тоже направлялся в Фейрпорт и хотел захватить с собой мистера Олдбока, так как после недавних событий особенно укрепился в своем первоначальном мнении о его мудрости. И, несмотря на все мольбы женщин, чтобы антикварий остался в качестве гарнизона Монкбарнса, мистер Олдбок и его племянник сразу же приняли предложение сэра Артура.

Только тот, кому случалось вблизи наблюдать подобные сцены, может представить себе царившую в

Фейрпорте суматоху. В окнах сверкали сотни огней. Они внезапно появлялись и исчезали, свидетельствуя о суете внутри домов. Жены и дочери горожан с громкими причитаниями сбегались на рыночную площадь. Иомены из окрестных долин носились верхом по улицам, то в одиночку, то группами по пять-шесть человек. Барабаны и флейты добровольцев, призывавшие к оружию, сливались с командой офицеров, звуком горнов и набатов. Корабли в гавани были освещены, и шлюпки, спущенные с вооруженных судов, увеличивали сумятицу, высаживая людей и пушки для усиления местной обороны. Этой

частью приготовлений весьма деятельно руководил Тэфрил. Два или три небольших корабля уже отдали концы и вышли в море на поиски ожидаемого неприятеля.

Такова была картина общего смятения, когда сэр Артур Уордор, Олдбок и Гектор не без труда проложили себе путь на главную площадь, к ратуше. Здание было освещено, и там собрались члены магистрата и многие окрестные землевладельцы. И на этот раз, как всегда бывало в подобных случаях, здравый смысл и твердость духа шотландцев восполняли недостаток опыта.

Членов магистрата осаждали

квартирмейстеры воинских частей, требуя билетов на постой для людей и лошадей.

— Давайте, — сказал судья Литлджон, — разместим лошадей в наших товарных окладах, а людей — в наших гостиных. Поделимся ужином с одними и фуражом — с другими. Мы разбогатели под защитой уважающего свободу и отечески пекущегося о нас правительства; теперь пришло время показать, что мы его ценим!

Присутствующие громкими возгласами выразили свое одобрение, и люди разных сословий единодушно предлагали отдать все свое достояние на защиту отечества.

Капитан Мак-Интайр выступал как военный советник и адъютант мэра, проявляя хладнокровие и знание дела, совершенно неожиданные для его дяди, помнившего его обычную *insouciance* [note 210](#), отчего тот время от времени лишь удивленно поглядывал на него, наблюдая, с каким спокойствием и твердостью капитан объяснял различные меры предосторожности, подсказанные ему опытом, и давал указания, как их выполнять. Он нашел состояние различных частей неплохим, если учесть их случайный состав. Их было много, и все они были проникнуты бодрой уверенностью и полны

воодушевления. Потребность в людях с воинским опытом в эту минуту настолько перевешивала все другие соображения, что даже старый Эди, вместо того чтобы остаться в стороне, — подобно Диогену в Синопе, катавшему свою бочку, когда все кругом готовились к обороне, — взял на себя надзор за раздачей боевых припасов, что и выполнял весьма толково.

Все с нетерпением ожидали двух событий: появления гленалленовских добровольцев, которые, во внимание к высокому положению этой семьи, должны были образовать особый отряд, и заранее объявленного прибытия офицера, которому

главнокомандующий вверил заботу об обороне берега и полное распоряжение местными воинскими силами.

Наконец послышались звуки рога иоменов Гленаллена, и сам граф, к удивлению всех, кто знал его привычки и слабое здоровье, появился в мундире, во главе своего отряда. Его нижнешотландские иомены, верхом на прекрасных лошадях, составили внушительный эскадрон; за ним следовал полк в пятьсот человек, в одежде горцев, которых также вызвал граф из своих северных владений. Впереди двигались музыканты, игравшие на волынках. Опрятный и подтянутый

вид этого отряда вассалов привел в восхищение Мак-Интайра. На дядю же его еще большее впечатление произвело то, как в этот ответственный час сказался боевой дух древнего рода, одаривший новыми силами немощного и, казалось, полуживого графа, вождя этих бойцов. Граф потребовал, чтобы ему и его людям отвели позицию, которой действительно грозила бы опасность, выказал большую распорядительность при разработке плана размещения сил и остроту ума при его обсуждении. Когда над Фейрпортом занялось утро, военный совет все еще заседал и приготовления к защите шли полным

ходом.

Но вот в толпе послышались крики, возвещавшие прибытие «храброго майора Невила и еще одного офицера», и на площадь въехала запряженная четверкой лошадей почтовая карета, которую громким «ура» приветствовали добровольцы и горожане. Члены магистрата вместе с мировыми судьями поспешили к дверям ратуши встретить прибывших. Каково же было удивление всех присутствующих, и в особенности антиквария, когда носителем красивого мундира и треуголки оказался не кто иной, как столь мирный Ловел! Понадобились

дружеские объятия и сердечные рукопожатия, чтобы Олдбок поверил своим глазам. Сэр Артур был не менее удивлен, когда в обществе Ловела, или, точнее, майора Невила, увидел своего сына, капитана Уордора. Первые же слова молодых офицеров свидетельствовали, что храбрость и усердие всех собравшихся были совершенно напрасны, если не считать того, что послужили лишним доказательством их патриотического духа и расторопности.

— Как мы выяснили по пути сюда, — объяснил майор Невил, — сторож на Хелкит-хеде был весьма естественно введен в заблуждение

костром, который какие-то праздные люди разожгли на холме над Глен Уидершинзом, как раз на линии передачи сигналов.

Олдбок виновато взглянул на сэра Артура, и тот, пожав плечами, ответил ему таким же взглядом.

— Это, вероятно, машины, которые мы в порыве гнева обрели пламени! — сказал антикварий; он ободрился, но был немало пристыжен, что оказался причиной такого нарушения всеобщего покоя. — Черт бы взял этого Дюстерзивеля! Видно, он оставил нам в наследство кучу неприятностей вроде этого прощального фейерверка. Кто знает,

какие еще хлопушки взорвутся у нас под ногами! .. А вот и сам бдительный Кексон! Выше голову, старый осел! Отвечать за тебя приходится нам. А теперь забери эту железину! — И Олдбок передал ему шпагу. — Не знаю, что бы я вчера сказал человеку, который вздумал бы меня уверять, что я прицеплю к себе такое украшение.

Тут лорд Гленаллен слегка тронул его за локоть и увлек в отдельную комнату.

— Ради бога, скажите, кто этот молодой человек, так разительно похожий на...

— ... на несчастную Эвелин? — перебил его Олдбок. — Я полюбил

его с первого взгляда, а ваша светлость указали причину.

— Но кто... кто он? — продолжал лорд Гленаллен, судорожно сжимая руку антиквария.

— Раньше я называл бы его Ловелом, но теперь оказывается, что он майор Невил.

— ... которого мой брат воспитал как внебрачного сына... и сделал своим наследником... Боже, это дитя моей Эвелины!

— Пойдите, милорд, пойдите! — сказал Олдбок. — Не торопитесь с таким предположением. Какова его вероятность?

— Вероятность? Нет, здесь не

вероятность, а уверенность! Управляющий, о котором я вам говорил, письменно изложил мне всю историю. Я лишь вчера получил это письмо. Приведите его, ради бога, чтобы отец мог благословить его, прежде чем умрет.

— Хорошо. Но ради вас самого и ради него, дайте мне минуту, чтобы подготовить его к такой встрече.

И, решив расследовать дело глубже, чтобы полностью убедиться в справедливости столь странной истории, Олдбок отправился к майору Невилу, который в это время отдавал распоряжение распустить собравшиеся вооруженные силы.

— Прошу вас, майор, на минуту

передать дела капитану Уордору и Гектору, с которым вы, надеюсь, окончательно помирились (Невил улыбнулся и через стол пожал руку Гектору), и выслушать меня.

— Вы могли бы этого требовать от меня, мистер Олдбок, даже если бы мои дела были более неотложны, так как я выступал перед вами под вымышленным именем и за ваше гостеприимство отплатил тем, что ранил вашего племянника.

— Вы поступили с ним, как он того заслуживал, — ответил Олдбок, — хотя, кстати сказать, сегодня он выказал и здравый смысл и подлинный воинский дух. Право, если б он освежил в памяти науку, а

также почитал Цезаря, и Полибия, и «Stratagemata» Polyoeni [note 211](#), я думаю, он добился бы в армии повышения, а я, конечно, помог бы ему.

— Он вполне этого заслуживает, — сказал Невил. — А я рад, что вы готовы меня простить. Вы сделаете это еще более охотно, если узнаете, что, к сожалению, я имею не больше прав на имя Невила, под которым все меня знают, чем на имя Ловела, под которым знали меня вы.

— Вот как! Тогда, я уверен, мы найдем вам такое имя, на которое у вас будет самое твердое и законное право.

— Сэр! Я полагаю, что вы не считаете несчастные обстоятельства моего рождения подходящим предметом для...

— Ни в коем случае, молодой человек, — перебил его антикварий. — Я думаю, что знаю о вашем рождении больше, чем вы сами, и, чтобы убедить вас в этом, скажу: вы были воспитаны и известны как внебрачный сын Джералдина Невила из Невилсбурга в Йоркшире и, я предполагаю, как его наследник по завещанию.

— Простите, но мне никто не сулил таких видов. На мое воспитание не жалели затрат, мне предоставляли средства для

успешного прохождения службы в армии, но, мне кажется, мой предполагаемый отец долгое время питал надежду на брак, хотя она и не осуществилась.

— Вы говорите «предполагаемый» отец. Что побуждает вас думать, что мистер Джералдин Невил не был в действительности вашим отцом?

— Я знаю, мистер Олдбок, что вы не стали бы расспрашивать о таких деликатных вещах для удовлетворения праздного любопытства. Поэтому откровенно расскажу вам, что случилось в прошлом году, когда мы занимали небольшой город во французской

Фландрии. В монастыре, близ которого мы квартировали, я нашел женщину, удивительно хорошо говорившую по-английски. Это была испанка, звали ее Тереза д'Акунья. Когда мы познакомились и ей стало известно, кто я, она сказала мне, что нянчила меня в раннем детстве. Впоследствии она то и дело бросала намеки на то высокое положение, которое я будто бы вправе занять, и обещала объяснить все более подробно в случае смерти некоей шотландской леди: пока та была жива, она считала себя обязанной хранить тайну. Она же сообщила мне, что мистер Джералдин Невил мне не отец. Вскоре мы подверглись

нападению неприятеля и были вынуждены покинуть город, ставший добычей свирепых республиканцев. Монашеские ордена были предметом их особой ненависти и жестокости. Монастырь был сожжен, и многие монахини погибли, в том числе и Тереза, а с ней исчезли и все возможности узнать историю моего рождения и всю — несомненно связанную с ней — трагедию.

— *Raro antecedentem scelestum*, или, как я мог бы здесь сказать, *scelestam*, — заметил Олдбок, — *deseruit poena* [note 212](#). Это признавали даже эпикурейцы. Что же вы после этого сделали?

— Я написал мистеру Невилу и

просил у него объяснений, но без успеха. Тогда я взял отпуск, поехал к моему приемному отцу и бросился к его ногам, умоляя раскрыть мне до конца то, чего не досказала Тереза. Он отказался и, когда я проявил настойчивость, стал гневно попрекать меня теми благодеяниями, которые мне уже оказал. Я нашел, что он превышает права благодетеля, а он вынужден был признать, что не имеет права на звание отца, и мы расстались, весьма недовольные друг другом. Я отказался от имени Невила и принял то, под которым вы меня знали. В эту пору, гостя на севере Англии у друга, который покровительствовал моему

инкогнито, я познакомился с мисс Уорд и, повинувшись романтическому увлечению, последовал за ней в Шотландию. Я колебался между различными планами устройства своей жизни и решил еще раз обратиться к мистеру Невилу за объяснением тайны моего рождения. Прошло много времени, прежде чем я получил ответ. Его вручили мне как раз в вашем присутствии. Мистер Невил писал о плохом состоянии своего здоровья и заклинал меня в моих же интересах не допытываться правды о его родстве со мной, хотя оно настолько близкое, что он решил сделать меня своим наследником. Когда я готовился покинуть

Фейрпорт и посетить мистера Невила, прибыл второй гонец с сообщением, что его не стало. Внезапно обрета большое богатство, я не мог подавить угрызения совести, вспоминая, как я вел себя с моим благодетелем. К тому же в письме были намеки, будто на моем рождении лежит пятно, которое намного хуже простой незаконности. При этом я вспомнил также о предубеждении против меня сэра Артура.

— И вы до тех пор ломали себе голову над этой печальной темой, пока не заболели, вместо того чтобы обратиться ко мне за советом и рассказать всю историю? — сказал

Олдбок.

— Совершенно верно. А тут подросла моя ссора с капитаном Мак-Интайром и необходимость бежать из Фейрпорта и вообще из здешних мест.

— Бежать от любви и поэзии — от мисс Уордор и «Каледониады»?

— Именно так!

— И с тех пор вы, по-видимому, вынашивали планы, как помочь сэру Артуру?

— Да, сэр, в чем мне помогал капитан Уордор в Эдинбурге.

— И Эди Охилтри — здесь. Вы видите, я все знаю! Но откуда у вас было столько серебра?

— Это была посуда,

принадлежавшая мистеру Невилу. Она хранилась у доверенного лица в Фейрпорте. Незадолго до смерти мистер Невил приказал переплавить ее. Вероятно, он не хотел, чтобы я видел гербы Гленалленов.

— Так вот, майор Невил, или, разрешите мне сказать, Ловел, — это ваше имя мне особенно мило, — мне кажется, вам придется сменить оба ваши псевдонима на имя и титул высокородного Уильяма Джералдина, обычно называемого лордом Джералдином.

И антикварий поведал о странных и грустных обстоятельствах смерти матери молодого человека.

— Не сомневаюсь, — добавил он, — что ваш дядя поддерживал версию, будто дитя того несчастного брака умерло. Может быть, он сам помышлял наследовать брату: ведь он когда-то был разгульным и необузданным молодым человеком. Но что касается каких-либо злоумышлений против вас лично, то хотя нечистая совесть Элспет и могла навести ее на подозрения, вызванные взволнованностью мистера Невила, рассказ Терезы и ваш полностью оправдывают его. А теперь, мой дорогой сэр, разрешите мне представить сына отцу.

Мы не будем пытаться описать эту встречу. Всесторонние

доказательства оказались исчерпывающими, так как мистер Невил оставил у своего управляющего, пользовавшегося его доверием, запечатанный пакет и в нем подробный отчет обо всем деле. Этот пакет приказано было вскрыть лишь после смерти старой графини. Причиной столь долгого сохранения тайны, вероятно, был страх перед тем, как разоблачение позорного обмана может отразиться на высокомерной и властной старухе.

Вечером того же дня йомены и добровольцы Гленаллена пили за здоровье молодого наследника. Месяцем позже лорд Джералдин сочетался браком с мисс Уордор.

Антикварий преподнес молодой леди массивное обручальное кольцо старинной чеканки с девизом Альдобранда Олденбока «Kunst macht Gunst».

Старый Эди, самая замечательная личность из всех, когда-либо носивших голубой плащ, спокойно переходит из одного дружеского дома в другой и хвалится тем, что странствует только в солнечные дни. Впрочем, за последнее время появились признаки, что он как будто собирается перейти к оседлой жизни: его часто можно застать в уголке уютного домика между Монкбарнсом и Нокуинноком, куда

после свадьбы дочери удалился Кексон, с расчетом пребывать недалеко от трех местных париков, за которыми он продолжает ухаживать — теперь уже только для собственного удовольствия. Сам Эди поговаривает: «Это — славное местечко, к тому же приятно иметь угол, где можно посидеть в дурную погоду». Все думают, что, когда его суставы еще более утратят гибкость, он навсегда останется здесь.

Миссис Хедоуэй и Маклбеккиты были щедро одарены своими богатыми покровителями, лордом и леди Джералдин. Вдова хорошо использовала полученное, рыбаки же растратили его впустую. Им и теперь

перепадает кое-что, но распоряжается всем Эди Охилтри, хоть они и ворчат, не желая признавать такого посредника.

Гектор быстро повышается по военной службе. О нем уже не раз лестно упоминали в «Правительственном вестнике»; вместе с тем растет и расположение к нему дяди. Не менее доволен молодой воин тем, что застрелил двух тюленей, положив этим конец бесконечным намекам антиквария на историю с рhоса. Ходят слухи, что мисс Мак-Интайр скоро станет женою капитана Уордора, но это нуждается в подтверждении.

Антикварий часто посещает

Нокуиннок и Гленаллен-хауз — якобы для того, чтобы закончить два очерка: о кольчуге Великого графа и о левой перчатке Дьявола в латах. Он неизменно осведомляется, начал ли лорд Джералдин «Каледониаду», и, получив ответ, качает головой. En attendant [note 213](#), однако, он закончил свои комментарии, которые, мы полагаем, он предоставит всякому, кто пожелает опубликовать их, не вводя в расходы самого антиквария.

СТАРИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Время действия романа «Антикварий» относится к 1793-1794 гг., работу над ним Вальтер Скотт начал в 1815 г. и закончил в 1816-м. Все это время шла война между Англией и Францией. Двадцать два года! Своим романом Скотт побуждал читателей поразмыслить над сравнительно еще недавними и уже историческими событиями.

Вражда с Францией, сначала революционной, а затем наполеоновской, новоимперской,

составляет в романе фон, на котором выступают лица, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к этой вражде. Для современников Вальтера Скотта связь была понятна, для нашего читателя ее необходимо прояснить.

В эпоху Вальтера Скотта Англия занимала противоречивое положение передовой и одновременно консервативной державы. Передовой, потому что в Англии давно существовал парламент, давно совершилась буржуазная революция, рано начался и полным ходом шел промышленный переворот.

Когда революция вспыхнула во Франции, то англичане, в том числе

представители аристократии и даже само правительство, поначалу ее приветствовали: надеялись на мир с республиканским правительством и уменьшение военных расходов. Но революционная «зараза» грозила распространиться и на Англию, поэтому англичане стали поддерживать, преимущественно деньгами, европейские континентальные державы, враждовавшие с Францией.

Единодушия среди англичан, конечно, не было, в том числе среди привилегированных слоев общества. Отчетливо это сказалось на отношении англичан к Наполеону. Например, Байрон — он был, что

называется, «наполеонистом», для него Наполеон служил символом свободы и величия. Другим было отношение к Наполеону у Вальтера Скотта, — для него Бонапарт являлся возмутителем спокойствия, супостатом.

В подобных симпатиях и антипатиях проявлялись взгляды на происходящее дома, в собственном отечестве. Вальтер Скотт стремился к компромиссу всех общественных сил, поэтому он вложил в уста бедняка, бездомного нищего Эди Охилтри патриотическую речь, выражающую готовность сражаться до последнего с внешним врагом. «Неужто я не стану биться за свою

родину и за берега ручьев, по которым я брожу, и за очаги хозяек, которые дают мне кусок хлеба, и за малышей, что ковыляют мне навстречу, чтобы поиграть со мной...» Эти трогательные строки соотечественники Вальтера Скотта читали наряду с известиями о голодных бунтах, вызванных высокими хлебными тарифами, которые практически лишали тружеников куска хлеба, об отъеме пастбищных земель у крестьян, об эксплуатации труда малолетних и о чудовищной детской смертности.

Так что «Антикварий» — роман столь же политический, сколь и исторический, но политическая

тенденциозность автора выражена в нем, как и полагается в художественном произведении, не прямо, а в расстановке основных фигур, в живых речах персонажей.

Особое значение в романе обрела тема старины, что и подчеркнуто в самом заглавии. Как уже отмечалось, почти все персонажи романа так или иначе помешаны на старине. Они ищут в прошлом объяснения и оправдания нынешнего положения вещей, прежде всего — своего собственного положения, которое они стремятся укрепить или улучшить. Кто ищет старинные клады в надежде на сказочное обогащение, кто —

предания, подтверждающие или, напротив, опровергающие различные семейные тайны, кто просто хочет сказать: как было, так и будет. Есть и мошенники, наживающиеся на интересе к старине людей, одновременно корыстных и простодушных.

Джонатан Олдбок, хозяин Монкбарнкса, истинный, основной антиквар в романе, совместил в своем собирательском энтузиазме все оттенки в отношении к старине. Это коллекционерство, перешедшее в своего рода манию. Это и познание прошлого ради выяснения корней происходящего. Правда, однажды, когда Олдбок пускается по своему

обыкновению в исторический экскурс, ему замечают, что как бы оно там ни было раньше, но сейчас все будет по-другому, по-новому, и решаться вопрос будет силой оружия, а не ссылками на первоисточники.

Именно этим богатством оттенков в освещении любой фигуры или ситуации замечателен повествовательный метод Вальтера Скотта. Романист показал, какова же реальная сложность жизненной правды: праведен гнев народа, обездоленного на собственной земле, но и сила привязанности к той же земле велика настолько, что те же бедняки будут защищать ее с оружием в руках, отстаивая в том

числе и «право» на собственную бедность: пустое дело эти старинные побрякушки, и в них же скрыта истина о нынешних днях; современность как бы скована, predetermined прошлым и — непредсказуема...

Вальтер Скотт сам указал на прототип Олдбока — это один из друзей его отца, личность настолько характерная и верно отраженная в романе, что читатели из числа близких друзей, узнав прототип, стали догадываться и об истинном авторе романа, тогда еще скрытом под маской анонима. Кое-какие черты, прежде всего увлеченность стариной, Вальтер Скотт передал

тому же персонажу и от себя самого.

Закончен был и вышел в свет «Антикварий» в том же году, что и «Пуритане».

Д.М. Урнов

ПРИМЕЧАНИЯ

Вордсворт, Уильям (1770-1850)
— английский поэт, романтик.

... первому изданию
«Антиквария»... — Первое издание
романа вышло в 1816 г.; предисловие
написано Вальтером Скоттом в 1829
г., когда выходило собрание его
романов.

«Хроники Кэнонгейта» (1827)
объединили несколько рассказов
Вальтера Скотта («Два гуртовщика»,
«Вдова горца» и др.). Кэнонгейт — в
средние века городок, выросший
вокруг аббатства Холируд, позднее
предместье Эдинбурга.

... списан с одного друга моей юности... — Имеется в виду Джон Констебл, сосед и друг отца писателя; Вальтер Скотт встречался с ним в детстве. Позднее в своих воспоминаниях Скотт писал: «Он первый познакомил меня с Фальстафом, Хотспером и другими персонажами Шекспира».

Мартин, Дон Фрэнсис (1652-1722) — священник, историк.

Гэвин Гамильтон (1753-1805) — шотландский юрист, друг Роберта Бернса.

... с велениями католической церкви... — До победы Реформации (XVI в.) Шотландия была католической страной.

Роберт Мелвил (1527-1621) — дипломат, политический деятель Шотландии.

Иаков VI Стюарт (1567-1625) — король Шотландии и впоследствии Англии (1603-1625).

Питер Юнг (1544-1628) — учитель Иакова VI, выполнявший также дипломатические поручения; на должность королевского раздатчика милостыни был назначен 25 октября 1577 г. (в его функции входила раздача милостыни, пенсий, наград и т.п.).

Джон Мар — лорд Джон Эрскин, граф Мар (1558-1634); с декабря 1616 г. по 1630 г. — генеральный казначей Шотландии.

Гидеон Мерри. — Имеется в виду помощник генерального казначея Шотландии, сэр Гидеон Мерри, лорд Элибанк (ум. 1621).

Холируд — дворец шотландских королей около Эдинбурга, вначале (с XII в.) строившийся как аббатство.

... доктору Юнгу, декану Уинчестерскому... — Имеется в виду Джон Юнг (1585-1655); декан — в англиканской церкви духовное лицо, стоящее во главе соборного духовенства, второе лицо после епископа.

Брэг — карточная игра.

Воспеватель прошедших времен — из «Послания к Пизонам» римского поэта Флакка Квинта

Горация (65-8 до н.э.); позднее произведение было известно под названием «Искусство поэзии».

«Chrononhoionlhologos»

(«Хрононотонтологос») — название комического выхода короля Квираммания в одноименном фарсе, написанном английским поэтом и композитором XVIII века Генри Кэрю.

Автомедон — в греческих мифах возница колесницы Ахилла.

Сэнди Гордон (Александр Гордон, 1692-1754) — шотландский историк, посвятивший себя изучению древностей Англии. В 1726 г. вышел «Северный путеводитель» — наиболее известная

из его работ, содержащая описание римских древностей Шотландии.

Мид-Лотиан — шотландское графство, на территории которого расположен Эдинбург.

Пикты — название группы кельтских племен, населявших древнюю Шотландию; в IX в. пикты были покорены скоттами и слились с ними.

... говорит Крокер в «Добродушном человеке»... — Мистер и миссис Крокер — персонажи комедии английского писателя Оливера Голдсмита (1728-1774); пролог к этой комедии написан С.Джонсоном.

... castra stativa и castra aesliva...

— Римское войско, останавливаясь даже на одну ночь, строило укрепленный лагерь, который служил исходным местом для наступления на врага и убежищем в случае поражения. Если лагерь предназначался более чем для одной ночи, он назывался *castra stativa* — постоянным лагерьем. В первую очередь в лагере устанавливалась палатка полководца — претора. От площади перед этой палаткой — преториума — в обе стороны шла улица, разделявшая четырехугольник лагеря на две равные части. По обеим сторонам лагеря были двое главных ворот: преторские ворота, обращенные в сторону врага (через

них войско выступало из лагеря) и декуманские ворота, находившиеся на противоположной стороне (через них войско вступало в лагерь).

Бен Джонсон (1573-1637) — английский драматург, современник Шекспира, автор ряда социально-бытовых комедий. Комедия «Новая гостиница» пародировала романтические сюжеты.

... до пятнадцатого года... — т.е. до 1715 г., когда в Шотландии произошло якобитское восстание, целью которого было свержение протестантской Ганноверской династии (правившей с 1714 г.) и восстановление власти Стюартов. После первых успехов, в результате

которых сын изгнанного в 1688 г. Иакова II — Иаков III — короновался в Сcone в начале 1716 г. как король Шотландии Иаков VII, восстание было подавлено, и Иаков Стюарт бежал на континент.

Последователи протестантизма — сторонники Ганноверской династии, воцарившейся в 1714 г.

... после упразднения... монастыря... — В 1534 г. король Генрих VIII (1509-1547) провозгласил отделение церкви в Англии от католической, выход из-под власти римского папы и т.п. Так началась Реформация в Англии. Главой новой церкви стал король, обряды были упрощены. Одновременно началось

упразднение монастырей, конфискация их имущества и земель, которые перешли в собственность нового дворянства и буржуазии.

... в... 1745 году... выступал за короля Георга... — Имеется в виду последнее якобитское восстание 1745-1746 гг., в котором участвовали горные районы Шотландии. Целью мятежа было восстановление власти Стюартов в лице внука Иакова II — Карла Эдуарда. В то же время восстание отражало протест горцев против обезземеливания и гнета эксплуататорских классов Англии и Шотландии. Поражение восстания привело к окончательному разрушению клановой системы

земельных отношений в Верхней Шотландии; король Георг II (1727-1760) — второй король Ганноверской династии.

Клан — потомство, племя, род, позднее — группа родственников, происходящая от общего предка, — родовая община в горной Шотландии, сохранявшаяся дольше, чем в других частях Великобритании.

Хайдер-Али (1728-1782) — правитель (с 1761) княжества Майсур в Индии; он объединил под своей властью значительные территории, энергично боролся против английской Ост-Индской кампании и погиб в войне с ней.

Инвеститура — в средневековой

Европе символический обряд передачи земельного владения, сопровождавшийся установлением вассального подчинения сеньору.

... на каждую букву легенды. — Имеется в виду так называемая монетная легенда, то есть надпись на монете, появившаяся не ранее VI в. до н.э., сначала в виде одной или нескольких букв; потом стали чеканиться надписи (название, титул правителя и т.п.).

Мизогин (греч.) — ненавистник женщин.

«Кошка и крыса, и Ловел, наш пес»? — намек на имена приближенных короля в трагедии Шекспира «Ричард III».

Фалернское и сабинское — славившиеся в древней Италии сорта вин; часто упоминаются у Горация.

«Лондонская хроника» издавалась с 1758 по 1796 и с 1798 по 1802 г.

... медного Оттона. — Имеется в виду римская монета с изображением императора Марка Сальвия Оттона (32-69 н.э.).

Энтони Вуд (1632-1696) — английский историк древности, автор биографий оксфордских знаменитостей.

... между облаком Полония и китом или дроздом. — Имеется в виду известный диалог Гамлета и Полония в трагедии Шекспира

«Гамлет» (акт III, сц. 2).

Митрофорный аббат — аббат в сане епископа.

моего Антигона. — Имеется в виду монета (или медаль), по видимому, времени Антигона, прозванного Циклопом (ум. 301 до н.э.), полководца Александра Македонского и родоначальника династии македонских царей.

Гудибрас — герой одноименной антипуританской поэмы Сэмюэла Батлера (1612-1680).

Сидрофел — персонаж этой же поэмы, алхимик.

Нэпир, Джон (1550-1617) — известный шотландский математик.

Гавэйн — один из двенадцати

рыцарей «Круглого стола» в цикле романов о легендарном короле Артуре.

Марий Гай (156-86 до н.э.) — римский полководец и политический деятель. Потерпев поражение в борьбе за власть с представителем интересов крупных землевладельцев Суллой, в 88 г. до н.э. бежал в Африку. Правитель этой римской провинции Секстиний отказал Марию в убежище. Когда Марий услышал это, он обратился к рабу правителя Африки со словами: «Скажи, что ты видел Гая Мария сидящим на развалинах Карфагена». Ответ этот напоминал о непостоянстве земного счастья.

Эпизод рассказан в биографии Мария, написанной Плутархом.

Подметные каракули (или полевые) — соединенные острые железные шипы, которые когда-то кидали под ноги неприятельской коннице.

Роберт Брюс (1274-1329) — борец против англичан за независимость Шотландии. В 1306 г. он провозгласил себя шотландским королем под именем Роберта I. 24 июня 1314 г. одержал решительную победу при Бэннокберне, после чего шотландский парламент признал за ним и за его потомками права на корону.

Ковенантеры (или ковенантцы)

— участники борьбы за свободу пресвитерианских общин и против католичества в XVI — XVII вв. Название происходит от ковенанта (соглашения), которое подписывали вступившие в борьбу.

Чосер, Джеффри (1340-1400) — великий английский поэт, основоположник национальной английской литературы и создатель английского литературного языка. Наиболее известны его «Кентерберийские рассказы» (1386-1400).

Аристотель (384-322 до н.э.) — крупнейший древнегреческий философ.

Сад Ахмет Бенинхали —

вымышленный летописец, из хроники которого Сервантес якобы почерпнул свои сведения о Дон-Кихоте.

Кекстон, Уильям (1422-1491) — английский первопечатник, напечатавший в 1475 г. книгу «Партия и игра в шахматы», которая явилась переводом изданной во Франции «Шахматной игры» Кессолиса. Это была вторая (а не первая) выпущенная в Англии книга: первой книгой была напечатанная Кекстоном в 1474 г. «История Трои».

Кордерий (Кордериус) (1478-1564) — автор учебника латинского языка, которым пользовались в английской школе.

Эскью, Энтони (1722-1774) — английский врач, путешественник, собиратель реликвий древности, манускриптов, издатель произведений Эсхила.

Лукиан (ок. 120 — после 180) — греческий сатирик.

«Жалобы Шотландии» — произведение шотландского поэта и дипломата Дэвида Линдсея (1490-1555), жившего при дворе короля Иакова V. Наиболее известна его сатирическая поэма, направленная, против католической церкви, — «Забавная сатира о трех сословиях» (1540).

Эльзевирьы — название книг, изданных семьей голландских

издателей и типографов Эльзевиров. Последние выпустили с 1592 по 1712 г. на различных языках более двух тысяч книг. Впервые ввели небольшие размеры для книги и другие новшества.

Каугейт, Кэнонгейт, Боу — улицы в Эдинбурге.

Роксбургский клуб — клуб, задачей которого было собирание и издание античной литературы; был основан в 1812 г., когда в Лондон прибыла библиотека герцога Роксбургского (отсюда название).

Бэннетайнский клуб — шотландский литературный клуб, названный в честь собирателя ранней шотландской поэзии

Джорджа Бэннетайна (1545-1608);
основан в 1823 г. под
председательством В.Скотта;
просуществовал до 1859 г.

Тенирс — Давид Тенирс
Младший (1610-1690), выдающийся
фламандский живописец.

Бенвенуто Челлини (1500-1571)
— знаменитый скульптор, ювелир и
писатель эпохи Возрождения.

... должны знать, где об этом
сказано. — Об этом говорится в
комедии Шекспира «Виндзорские
проказницы», акт II, сц. 2.

Агрикола, Гней Юлий (40-93
н.э.) — римский политик и
полководец, воевавший в Британии и
покоривший ее до границ нынешней

Шотландии (Каледонии).

Роберт Сибболд (1641-1712) — шотландский врач и ученый, первый профессор медицины Эдинбургского университета, член королевского Географического общества.

Генерал Рой, Уильям (1726-1790) — генерал инженерных войск и знаток римских военных древностей; написал ряд работ, посвященных римским лагерям и другим военным памятникам римского владычества в Британии.

Стьюкли, Уильям (1687-1765) — английский историк, опубликовавший ряд работ об Англии времен римского господства.

... на равнинах Марафона! (близ

Афин) — место первой крупной битвы во время греко-персидских войн (500-449 до н.э.), где боровшиеся за свою независимость греки разбили персов.

Кай Калигула — римский император (37-41 н.э.), жестокий деспот; был убит заговорщиками-преторианцами.

Клавдиан, Клавдий (ок. 375 — после 404) — последний классический поэт языческого Рима.

Валентиниан — римский император (364-375), правивший в западной части империи; его ближайшим сотрудником был полководец Феодосий, своими походами восстановивший

пошатнувшееся господство римлян в Британии (367-370).

Бомонт, Фрэнсис (1584-1616) — английский поэт и драматург, один из наиболее выдающихся современников Шекспира.

... старый Туллий... — Имеется в виду Марк Туллий Цицерон (106-43 до н.э.), выдающийся оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима. В 61 г. Цицерон защищал правильность получения греческим поэтом Архием прав римского гражданина; упоминаемый в речи Росций — Секст Росций, казненный во время террора Суллы.

Джо (Джозеф) Миллер (1684-1738) — английский актер. В 1739 г.

Джоном Мотли была издана «Книга шуток Джо Миллера, или Карманный справочник остряка». Книга эта много раз переиздавалась и широко распространялась; вскоре всякую избитую шутку стали называть «Джо Миллер».

Ланчелот Гоббо — шут, слуга Шейлока в пьесе Шекспира «Венецианский купец» (акт II, сц. 2).

... партиями, на которые разделялся тогда Фейрпорт... чтобы брататься с членами... «друзей народа»... — Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. оказала большое влияние на Великобританию. Отношение к революции со стороны

господствующих классов Англии было вначале выжидательным — надеялись, что «беспорядки» ослабят Францию и она перестанет быть опасным соперником. Демократическая Англия приветствовала Французскую революцию и ее идеи. Это сочувствие проявилось в создании различных демократических обществ. С января 1792 г. в стране возникли так называемые корреспондентские общества. В Шотландии была создана революционно-демократическая организация — Общество друзей народа, по инициативе которой в 1793 г. в Эдинбурге состоялся съезд

всех английских, шотландских и ирландских обществ. После возникновения войны с Францией в Англии началось преследование всех демократических обществ. В то же время реальная опасность, нависшая над Великобританией, сплотила основные правящие партии страны и вызвала добровольческое движение с целью защиты берегов Англии от возможной высадки французского десанта.

Новый стиль был введен в Англии актом 1750 г.; разница в днях между старым (юлианским) и новым (грегорианским) календарем была ликвидирована тем, что день после 2 сентября 1752 г. стал считаться 14

сентября. Одновременно Новый год был перенесен с 25 марта на 1 января (в Шотландии реформа стиля была проведена в 1600 г.).

Олдермен — в Англии член совета графства и городского совета.

Никто не выжимал апельсина с более многозначительным видом. — По-английски апельсин — orange, и поэтому сжимание апельсина было враждебным намеком на царствовавшего короля Вильгельма III Оранского и на его сторонников, так называемых оранжистов — противников якобитов (приверженцев династии Стюартов).

... за права... Карла Стюарта — т.е. Карла Эдуарда, внука изгнанного

из Англии в 1688 г. короля Иакова II Стюарта; Карл Эдуард (1720-1788), так называемый Претендент, возглавил восстание 1745 г., но потерпел поражение и бежал за границу (см. роман «Уэверли»).

Виги — одна из двух партий Англии, выражавшая интересы торговой и финансовой буржуазии; были противниками Стюартов; жители Нижней Шотландии выступили против якобитов в 1745 г.

Лондонский Тауэр — замок в Лондоне; с XVI в. служил политической тюрьмой.

Нонконформисты — члены церковных организаций, не признающих учения и обрядов

англиканской церкви (в широком понимании к ним относятся и католики, и протестанты).

... в правах законного монарха...

— Под законным монархом якобиты подразумевали свергнутого в 1688 г. Иакова II Стюарта и его потомков; узурпатором якобиты считали правившего в Англии короля.

Ганноверский дом. — По «Акту о престолонаследии 1701 г. », который был принят с целью не допустить возвращения Стюартов, после смерти королевы Анны (1714 г.) в Англии стала править династия Ганноверских герцогов в лице ее первого представителя — Георга I (1714-1727).

Претендент — внук короля Иакова II Карл Эдуард Стюарт, пытавшийся в 1745-1746 гг. захватить власть.

... когда их род угас... — Брак последнего прямого потомка Иакова II Стюарта Карла Эдуарда был бездетным, а после смерти другого внука Иакова II Генриха Бенедикта (1807) род Стюартов прекратился.

Бойс (Бойт), Гектор (1465-1536) — шотландский гуманист, историк, друг Эразма Роттердамского, первый ректор Эбердинского университета; известна его «История шотландского племени» в 17 книгах (1527).

Бьюкэнан, Джордж (1506-1582) — шотландский историк и поэт, был

учителем Иакова VI Стюарта.

... божественные права наследования... — Намек на сочинения короля Иакова I, в которых защищалось божественное происхождение королевских прав.

Фергюс — легендарный первый король Шотландии (V в.); имеется в виду сцена из трагедии Шекспира «Макбет», когда в пещере вещей сестер перед взором Макбета проходят тени будущих королей Шотландии, потомков убитого Макбетом Банко.

Пресвитериане — во время английской буржуазной революции XVII в. приверженцы умеренного пуританства в религии и религиозно-

политической партии крупной буржуазии, преобладавшей на первом этапе революции. В Шотландии пресвитерианская церковь была господствующей; протестантство

— общее название различных направлений христианства, отколовшихся от католичества в результате Реформации; сторонники протестантского престолонаследия, то есть Ганноверской династии.

Король Вильгельм — Вильгельм III Оранский (1689-1702).

Белленден, Джон (1490-1550) — шотландский священник, поэт и ученый. В 1530-1533 гг. перевел «Историю шотландского племени» Бойса с латинского языка на

шотландский.

Вотан — в мифологии древних германцев бог ветра, позднее — войны, покровитель торговли, мореплавания, поэзии и т.п., верховное божество ряда германских племен.

Картрайт, Уильям (1611-1643) — английский священник и драматург, сторонник короля Карла I во время революции.

«Таверна» — его сатирическая комедия антипуританского направления.

Том Оттер — персонаж из комедии Бена Джонсона (1573-1637) «Эписин, или Молчаливая женщина»; во время пира называл

свои заздравные чаши именами быка, медведя и коня.

Гризл (Гризельда) — героиня рассказа итальянского писателя-гуманиста Боккаччо, заимствованного Чосером; имя это стало синонимом кроткой и приветливой женщины.

Магом — Магомет (Мохаммед, ок. 570-632), араб из города Мекки, основавший новую религию — ислам, часто называемую по его имени магометанской (или мусульманской).

Термаган — имя, которое в средневековых романсах и народных драмах давалось богу мусульман-сарацин; в современном английском

языке — синоним шумной и сварливой женщины.

... эпидемия краснухи... — намек на красный цвет мундиров английских солдат и на военный психоз в связи со слухами об угрозе высадки в Англии французского десанта.

Дибдин — имя нескольких композиторов и драматургов: Чарлза Дибдина (1745-1814), его сыновей Чарлза Минго Дибдина (1768-1833) и Томаса Джона Дибдина (1771-1841).

Ликург — легендарный законодатель древней Спарты. По преданию, составил свод законов, определивший экономический и политический строй спартанцев.

Альфонс Кастильский — по-видимому, король Кастилии и Леона Альфонс VI (1030-1109).

... в этой старой копилке... — т.е. в Эдинбурге, старинные здания которого были мрачного темно-коричневого цвета.

Худший вид бешенства — военное неистовство — овладел и взрослыми и даже детьми. — Речь идет о шовинистическом военном угаре, охватившем Англию в связи с войной против Франции, начавшейся в феврале 1793 г. и продолжавшейся (с перерывом в 1802-1803 гг.) до 1815 г.

... угрожает нашествие извне и восстание внутри страны! — В конце

XVIII в. в Англии и Шотландии начали распространяться слухи о предстоящем вторжении французов; повсюду стали формироваться полки добровольцев (в один из таких отрядов вступил и Вальтер Скотт); угроза высадки французов возникла несколько позднее, в 1803-1805 гг., когда Наполеон I сосредоточил на севере Франции значительные силы и средства для организации десанта. В конце XVIII в. демократические слои населения, сочувствуя идеям Французской революции, вели борьбу за парламентскую реформу; повсюду происходили бурные демонстрации; росло рабочее движение в стране, создавались

рабочие союзы (тред-юнионы), происходили волнения в армии; в 1797 г. восстал почти весь находившийся в отечественных водах флот; в 1798 г. вспыхнуло и было жестоко подавлено восстание в Ирландии. В Англии складывалась революционная ситуация. Слова мисс Уордор отражают настроение имущих классов Англии в то время.

Красная тряпка — снова намек на цвет мундиров английских солдат и офицеров.

Боадицея — королева одного племени древней Британии, возглавившая восстание против римского владычества. Вначале ей удалось, объединив несколько

племен, захватить ряд районов страны, но вскоре восставшие были разбиты (62 н.э.) легатом Светонием Паулином; Боадиея отравилась на поле боя. Образ Боадиеи стал темой одноименной трагедии Джона Флетчера.

Зеновия (Зенобия, ум. после 274 г.) — царица Пальмиры.

Квакеры — христианская протестантская секта, выступавшая против военной службы и войны.

Санчо Панса — оруженосец Дон Кихота Ламанчского.

Готы — германское племя; в IV в., теснимые гуннами, они оставили Северное Причерноморье и двинулись в Западную Европу, где

позднее разделились на вестготов и остготов, основавших несколько ранних феодальных варварских государств.

Кельты — древнейшее население Британии; их язык относится к группе индоевропейских языков, к гэльской ветви которой принадлежит и шотландский.

Пинкертон, Джон (1758-1826) — шотландский историк, автор работ о медалях, по истории Шотландии, о старых шотландских поэмах и т.п.

Чалмерс, Александр (1759-1834) — шотландский писатель, известный как издатель «Всеобщего биографического словаря» (1812-1814).

Иннз. — По-видимому, имеется в виду Томас Иннз (1662-1744), шотландский историк, автор «Критических очерков древнейших обитателей северной части Британии или Шотландии».

Ритсон, Джозеф (1752-1803) — английский историк, среди работ которого есть собрания старинных шотландских песен, баллад и т.п.

... Лох Левен и Сент-Эндрю... — местности в Шотландии; в замке у озера Лох Левен в Южной Шотландии в 1567-1568 гг. заключена была Мария Стюарт; Сент-Эндрюс — город, королевский замок и порт.

Роберт Фриберн —

эдинбургский издатель и
книготорговец.

«Нюрнбергская хроника» — средневековая хроника, являющаяся характерным источником для истории города Нюрнберга и Германии; позднее была издана в «Хронике немецких городов» (с 1862 по 1877 г.) историком Карлом Гегелем (1813-1901), сыном знаменитого философа.

Рэгменский трактат (или свиток) — собрание документов, состоящее из обязательств верности, данных между 1291 и 1296 гг. английскому королю Эдуарду I шотландскими баронами, аббатами, духовными лицами и джентри.

Эдуард Первый — английский король (1239-1307), при котором была предпринята попытка завоевания Шотландии (1296-1306), закончившаяся неудачей из-за сопротивления шотландского народа.

... дух всего Круглого Стола...
— т.е. двенадцати доблестных паладинов легендарного короля бриттов Артура (из цикла романов и баллад о нем), собиравшихся за Круглым Столом.

Уоллес, Уильям (ок. 1270-1305) — шотландский патриот и народный герой; в 1297 г. возглавил борьбу против короля Эдуарда I, пытавшегося поработить Шотландию; в 1298 г. потерпел

поражение, но продолжал ожесточенную партизанскую борьбу, опираясь на сочувствие и поддержку народа. Был взят в плен и казнен в Лондоне.

... Сегед, царь Эфиопский! — «Сегед, царь Эфиопский, и его стремление к счастью» — произведение С.Джонсона; «Любитель всякой всячины» — журнал, издававшийся тем же Джонсоном.

Крабб, Джордж (1754-1832) — английский поэт, сторонник идей буржуазного просвещения XVIII в. В своих произведениях «Местечко», «Приходские списки» и др. выступал против буколического описания

сельской жизни, рисуя истинное положение тогдашней разоряемой английской деревни.

Масонство — религиозно-этическое учение, возникшее в начале XVIII в. в Англии, а затем в других странах; прием в общество, а также собрания масонских отделений (лож) сопровождались сложным ритуалом, заимствованным от тайных средневековых цеховых объединений каменщиков. В романе делается намек на эти тайные знаки и обряды, позволявшие членам масонского братства узнавать своих единомышленников.

«Король Лир». — Цитируются слова Глостера, сказанные Эдгару

(акт IV. сц. 1).

Suave mari magno — строка из произведения великого римского философа-материалиста Лукреция (99-55 до н.э.).

Обри, Джон (1626-1697) — английский антикварий; автор книги «Разное. Собрание историй о привидениях и снах».

Августин (Аврелий; 354-430) — теолог и церковный деятель, один из отцов католической церкви.

Бэкон, Франсис, барон Веруламский (1561-1626) — английский политический деятель (лорд-канцлер при Иакове I) и философ-материалист, выступавший в своих произведениях против

богословия и средневековой схоластики.

Реджиналд Элстрек (1571 — после 1625) — английский гравёр фламандского происхождения, обычно отождествляемый с Реджиналдом Элстером. Основные произведения — гравюры английских королей (вышли в 1618 г.).

«Аугсбургское исповедание» — изложение основ лютеранства, выработанное по предложению Саксонского курфюрста Иоанна и представленное имперскому сейму, созванному императором Карлом V в апреле 1530 г. в Аугсбурге.

Спенсер, Уильям Роберт (1770-

1834) — английский поэт.

Философ, жаловавшийся на Филиппа, разгоряченного вином, Филиппу в часы его трезвости... — Речь, по-видимому, идет об Аристотеле и македонском царе Филиппе II; Аристотель был воспитателем сына царя, Александра Македонского, и жил при македонском дворе с 343 по 335 г. до н.э.

Ямблих (IV в. до н.э.) — греческий философ неоплатоновской школы, математик; его сочинения дошли до нас в отрывках.

Питер Уилкинс — герой изданного анонимно в 1750-1751 гг. фантастического романа английского

писателя Роберта Пэлтока (1697-1767) «Жизнь и приключения Питера Уилкинса из Корнуэла», посетивший страну летающих женщин, одна из которых, Гоури, обладала крыльями, служившими ей одновременно одеждой.

Оссиан (Ойсин) — легендарный герой кельтского эпоса, живший, по преданию, в Ирландии в III в., сын Фингала. С Оссианом связан цикл народных сказаний, отражающих быт, нравы, мифологические и религиозные верования древних кельтов эпохи родового строя. До нас дошло несколько записей, датированных IX-XV вв. В 1762-1765 гг. шотландский поэт Джеймс

Макферсон (1736-1796) издал «Сочинения Оссиана», назвав себя в предисловии переводчиком старинной рукописи. Поэмы были переведены на все европейские языки. В результате долгой дискуссии было установлено, что Макферсон, заимствовав из традиций кельтского эпоса имена героев и некоторые незначительные сюжетные детали, все поэмы сочинил сам.

... хитрого оркнейца... — Монкбарнс так называет Оссиана (от Оркнейских островов у северной оконечности Шотландки).

Скалигер, Жюль Сезар (1484-1558) — филолог-гуманист, знаток

античных авторов. Ему принадлежит сборник эпиграмм о великих людях древности.

Меланхтон, Филипп (1497-1560) — деятель германской Реформации, ближайший сподвижник Лютера, переработавший первый обширный вариант «Аугсбургского исповедания», написанного по поручению курфюрста Иоанна Саксонского его богословами.

Филипп Второй — испанский король (1556-1598), крупнейший представитель испанского абсолютизма и феодально-католической реакции в Европе. Его правление сопровождалось свирепыми гонениями на

«еретиков».

Фуст (Фауст), Иоганн — один из первых деятелей книгопечатания и сподвижник Гуттенберга (с 1450 по 1455 г.). В дальнейшем совместно со своим зятем Шеффером был владельцем гуттенбергского печатного станка. Один из вариантов легенды о Фаусте — алхимике, астрологе, стремившемся к власти и богатству и для достижения этого «продавшем душу дьяволу»,

— связывает Фауста с этим образом.

Лютер, Мартин (1483-1546) — крупнейший деятель Реформации в Германии. Его выступление в 1517 г. в Виттенберге против индульгенций

и католической церкви обычно считается началом Реформации. По имени Лютера евангелическая протестантская церковь получила название лютеранской.

Эразм Роттердамский — литературный псевдоним Герхарда Герхардса (Дезидерия; 1469-1536), одного из крупнейших гуманистов эпохи Возрождения, знатока греческого и латинского языков. Огромный успех имела его книга «Похвала глупости» (1509), в которой он подверг осмеянию церковные и политические порядки феодального общества и католической церкви.

Герольдмейстер — в середине века должность при дворе короля

или феодала; в его обязанности было прославление господ; позднее герольд — вестник правительственных распоряжений, руководитель турниров, составитель родословной, гербов и т.п. С XVIII в. — придворный, назначаемый для объявления какого-либо события.

Бром, Ричард (ум. 1652) — английский драматург, среди пьес которого большой популярностью пользовались «Веселые нищие» (поставлена в 1651, напечатана в 1652 г.), откуда и взят эпиграф.

«Как вам это понравится» — комедия Шекспира.

Доктор Хаттон, Джеймс (1726-1797) — шотландский геолог и

естествоиспытатель.

Кирхер, Атанасий (1601-1680)
— немецкий ученый, иезуит, схоласт,
занимавшийся этикой и
математикой, а позднее —
египтологией и археологией.

Стоики — последователи
философского учения, возникшего в
IV в. до н.э., колебавшиеся между
материализмом и идеализмом;
стоики считали, что задачей
истинного мудреца является
бесстрастное познание разумной
связи и закономерности вещей.

Магистерий — алхимический
препарат, который якобы превращает
в золото неблагородные металлы
(иначе — философский камень,

красный лев, великий эликсир и т.п.); считался также лекарством от всех болезней. Различали еще малый магистерий, якобы превращавший неблагородные металлы в серебро.

Кабалистика — средневековое мистическое учение, выдвинувшее воззрение о том, что мир является продуктом истечения (эманации) божества и что Священное писание — собрание тайных откровений, из которых каждое можно по-особому толковать, придавая каждому слову мистический смысл. Приверженцам кабалистики приписывали занятие колдовством, магией.

Розенкрейцеры — члены одного из тайных религиозно-мистических

масонских обществ в XVII-XVIII вв. в Германии, Нидерландах и других странах. Название — от эмблемы общества, розы и креста (по другому варианту — от имени основателя общества Христиана Розенкрейцера).

Абу-Хасан — персонаж арабской сказки из «Тысячи и одной ночи», который выразил желание стать на один день повелителем правоверных. По приказу халифа Гарун аль-Рашида Абу-Хасана сонным доставили во дворец, и, проснувшись, он увидел себя халифом.

... бичами и скорпионами... — Сыну израильского царя Соломона Ровоаму советовали так ответить на

просьбу народа облегчить его участь: «... я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3-я кн. Царств. XII, 11).

Поместье его — неотчуждаемое родовое владение — не может быть заложено... — По так называемому праву майората, с целью воспрепятствовать дроблению феодальных владений, устанавливалось право перехода имения по наследству только к старшему в роде.

Баньян, Джон (1628-1688) — знаменитый английский пуританский проповедник и поэт; лудильщик по профессии; после

участия в 1644-1646 гг. в гражданской войне примкнул к крайним сектантам. При реставрации Стюартов подвергся преследованиям. В тюрьме начал свой знаменитый аллегорический роман «Путь пилигрима» (вышел в 1678 г.) — о совершенствовании человеческой души и характера. Последние слова этого романа: «Я проснулся и увидел, что это был сон».

... новый Даниил восстал, чтобы толковать их... — Имеется в виду библейский пророк, которому в его видениях якобы открылась будущая судьба израильского народа и языческих царств.

... золотого тельца, нечестивого мамона. — Имеется в виду библейский рассказ о золотом идоле (тельце), сооруженном евреями, пока пророк Моисей находился на горе Синай; иносказательно золотой телец — язычество, предпочтение материального духовному; Мамон (от арамейск. маммонас) — богатство.

«Археологический вестник» — журнал, издававшийся с 1775 по 1784 г.

Хирн, Томас (1678-1735) — английский историк.

Глостер, Роберт (2-я половина XIII в.) — английский монах, известный автор стихотворной «Хроники истории Англии»,

начинавшейся с легенды о Бруте и доведенной до 1270 г.

Тацит, Корнелий (ок. 58 — ок. 117) — римский историк, сторонник аристократической республики.

«Журнал для джентльменов» — ежемесячный журнал, издававшийся с 1786 по 1877 г.

... надписи Oelia Lelia. — Вероятно, речь идет о Лелии, жене Муция Сцеволы, прозванного Авгуром (I в. до н.э.).

Вергилий, Публий Марон — римский поэт (70-19 до н.э.). В его главном произведении («Энеида») рассказывается о жизни и странствованиях вымышленного предка римлян, сына троянского царя

Приама Энея.

Палладий (Палладио) Андреа (Андреа ди Пьетро да Падова; 1508-1580)

— выдающийся итальянский архитектор, автор известного трактата «Четыре книги об архитектуре», в котором он дал истолкование взглядов римского архитектора и инженера Витрувия (2-я половина I в. до н.э.); Витрувий

— автор единственного дошедшего до нас полностью античного трактата об архитектуре («Десять книг об архитектуре».)

Тевкр — сын Теламона и единокровный брат Аякса, считался лучшим стрелком из лука в

Троянскую войну; в «Илиаде» Гомера рассказывается, как Тевкр поражал своих противников стрелами, прикрываясь «великим щитом Теламонова сына Аякса».

Абдиил — ангел-серафим из поэмы Мильтона «Потерянный рай», единственный не присоединившийся к восстанию, поднятому ангелами против бога.

Галгак — вождь кельтов Шотландии, боровшийся против римских завоевателей.

... кок «вещие сестры» в «Макбете» на палец кормчего... — Имеются в виду слова первой вещи сестры в трагедии Шекспира «Макбет» (акт I, сц. 3): «Сестры, вот

вам и гостинец... шкипера
мизинец... »

Прайор, Мэтью (1664-1721) —
английский дипломат и поэт.

... как сивиллы, заглянувшие в
свои книги... — Сивиллины книги
— собрание пророчеств,
приписываемое одной из десяти
древних прорицательниц, так
называемой Кумской сивилле.

Вандея. — В годы Французской
буржуазной революции в Вандее
(северо-западная Франция) долго
бушевало контрреволюционное
восстание, поддержанное
монархистами-эмигрантами и
Англией.

«Генрих IV», ч. 2. — Речь идет о

Фальстафе, персонаже этой исторической хроники Шекспира, и о комедии «Виндзорские насмешницы»; Фальстаф — обжора, пьяница, плут, хвастун, обманщик.

«Солнце» — газета, издававшаяся с 1792 г. Фигуры тамплиеров по бокам греческого портика и мадонна вверху! — Ирония по поводу эклектического стиля здания, так как эти элементы относятся к разным эпохам; тамплиеры — храмовники, члены духовно-рыцарского католического ордена, созданного в 1119 г. в Палестине (Иерусалимское королевство) и существовавшего до 1312 г.

... всех трех факультетов! — Обычные факультеты средневековых университетов — богословский, юридический и медицинский.

Хотспер — прозвище сэра Генри Перси (1364-1403), необузданного феодала, выведенного Шекспиром в исторической хронике «Генрих IV».

Альмансор — персонаж трагедии Джона Драйдена (1631-1700) «Альмансор и Альмонид, или Завоевание Гренады», странствующий рыцарь, всегда следовавший только своим страстям.

Шамон — грубый, вспыльчивый наемный солдат, персонаж трагедии «Сирота» английского драматурга Томаса Отвэя (1651-1685).

Монтроз, Джеймс Грэм (1612-1650) — командовал войсками короля Карла I в Шотландии во время гражданской войны; в сентябре 1645 г. потерпел поражение от парламентских войск. После казни короля Монтроз возвратился из эмиграции, попытался поднять восстание против республики, был разбит, взят в плен и казнен в Эдинбурге 21 мая 1650 г.

Лиленд (Леленд), Джон (1506-1552) — английский историк; в 1533 г. назначен королевским антикварием при дворе Генриха VIII; его задачей было разыскивать памятники античности в Англии во всех библиотеках и других местах,

где они могут быть обнаружены. В течение шести лет (1536-1542) путешествовал по стране и сделал ряд интересных находок.

Булла — в средние века металлическая печать, которой скреплялись государственные акты; затем — название самого императорского или папского эдикта. В дальнейшем буллой стали называть только указы и торжественные послания пап.

Софизмы Хейтсбурга — труды средневекового логика, в 1371 г. — канцлера Оксфордского университета.

Универсалы Порфирия. — Универсалы, или универсалии, в

средневековой философии — синонимы общих понятий, которые якобы предшествуют вещам; Порфирий (ок. 233 — ок. 304) — античный философ, выступавший против христианства, автор ряда работ по философии, истории, астрологии, дошедших до нас в отрывках. В средние века имел значение как систематизатор и истолкователь Аристотелевой логики.

Логика Аристотеля. — На протяжении ряда веков логические трактаты Аристотеля, впоследствии объединенные под общим названием «Логика», играли огромную роль.

Дунс Скотт, Иоанн (ок. 1266-

1308) — шотландский философ-схоластик, сторонник так называемого номинализма, утверждавшего, что общие понятия являются лишь названиями вещей и предметов, а не существуют самостоятельно; это было раннее выражение материализма. Дунс выступал против господствовавшей схоластики.

Нокс, Джон (ок. 1505-1572) — шотландский церковный реформатор, одна из главных фигур Реформации XVI в., основатель пресвитерианской церкви в Шотландии; был близок Кальвину. В тексте намек на то, что при Реформации было разорено много библиотек католических

монастырей.

... апостола шотландской Реформации... — т.е. Джона Нокса.

Десятина — феодальное право католической церкви взимать в свою пользу десятую часть урожая и других доходов крестьян.

... чьи корни уходят в недра семи холмов мерзостного нечестия — т.е. связаны с католической религией, центр которой в Риме — городе, расположенном на семи холмах.

Серебряный крест и роза составляют эмблему ордена розенкрейцеров.

Королева Мэб — в английском фольклоре королева волшебства,

сказок. Образ королевы Мэб как повелительницы снов встречается у Шекспира в «Ромео и Джульетте» (монолог Меркуцио, акт I, сц. 4).

Девятихвостая кошка — плеть с девятью хвостами; употреблялась для телесных наказаний во флоте.

Приор — настоятель католического монастыря.

Грифоны — в греческой мифологии звери с туловищем льва и головою орла, охраняющие в Рипейских горах золото, из-за которого с ними ведет войны одноглазый народ аримаспов.

«Потерянный рай» — эпическая поэма Джона Мильтона (1608-1674), отразившая в библейских образах

особенности английской революции XVII в. В.Белинский назвал поэму «апофеозом восстания против авторитета».

Виланд, Кристоф Мартин (1733-1813) — немецкий поэт.

Брокен — высшая точка горного массива Гарц в Германии. В народных легендах Брокен — место сблища ведьм, справлявших там в ночь на первое мая свой праздник (Вальпургиева ночь).

Ваал — один из главных богов финикийской религии.

Астарот — библейская форма имени финикийской богини Астарты, богини плодородия, материнства и любви.

Вельзевул — сатана.

Тофет — долина, близ Иерусалима, где некогда стоял идол Молоха, которому приносили в жертву детей. После упразднения этого культа долина стала предметом ненависти израильтян, и там сжигали городские отбросы; туда же бросали тела тех, кто не был удостоен погребения. Тофет стал синонимом мучений человека в будущей жизни.

Курфюршество — немецкое княжество, входившее в состав Священной Римской империи германской нации, владельцы которого пользовались (на основании папской «Золотой буллы»

1356 г.) правом избирать императора.

Псалмопевец — израильско-иудейский царь Давид (ок. XI — нач. X в. до н.э.), автор большинства псалмов (произведений иудейской лирики, входящих в библейскую Псалтирь).

«Добрая ссора» — пьеса, приписываемая Томасу Мидлтону (1580-1627) и Уильяму Роули (1585-1642).

Гектор, сын Приама... — ироническое сравнение с сыном троянского царя Приама Гектором, который считался храбрейшим из героев, защищавших Трою от греков.

Соломонов храм — храм, сооруженный в Иерусалиме в

царствование израильского царя Соломона.

Битва под Вернейлем — сражение времен Столетней войны; произошло в 1424 г. около города Вернейль-сюр-Эр между англичанами, возглавляемыми герцогом Бедфордским, и французами под командованием герцога Алансонского. Французы были разбиты, и дофин (Карл VII) потерял всю страну к северу от Луары.

Хайрен (Айрен) — гречанка из пьесы Джорджа Пиля (1558-1598) «Турок-Магомет и Хайрен — прекрасная гречанка» (1594). Хайрен — синоним соблазнительницы.

Выражение «Нет ли среди нас Хайрен? » (в смысле — предмета спора) появилось в сатирической пьесе «Satiromastix» («Бич сатиры») Деккера и в ряде других произведений XVII в.

«Чудо одного царства» — комедия английского драматурга Томаса Деккера (1572? — 1632).

... луна... в своем пятнадцатом доме... — т.е. в одном из отрезков круга (или квадрата) астрологического гороскопа; внутри этого отрезка астрологи помещали планеты в соответствии с тем их положением на небе, в каком они находились в момент рождения человека или начала события.

Епископальная церковь, или англиканская, — господствующая в Англии церковь, возникла в результате Реформации; по сравнению с католической в ней упрощена обрядовая сторона, но сохранились епископы, а король являлся духовным главой церкви.

Скотт, Реджиналд (1538-1599) — английский писатель, автор книги «Разоблачение колдовства» (1584), направленной против преследования «ведьм». Книга была сожжена по приказу Иакова I.

Гарри Слепой (Генри Менестрель; ум. в 1492 г.) — шотландский менестрель, автор поэмы об Уильяме Уоллесе,

воспевающей подвиги шотландского патриота.

Холл, Джозеф (1574-1656) — епископ Эксетера и Норича, поэт-сатирик и автор книги «Свойства добродетелей и пороков» (1608).

Сатурналии — в Древнем Риме празднества в честь бога Сатурна, во время которых царило необузданное веселье. В память о легендарном «Золотом веке» в день сатурналий (19 декабря) рабы в Риме считались свободными, и им прислуживали их господа. На этот обычай намекает в своей реплике Олдбок.

Пантеон — здесь: общее наименование всех богов какой-либо религии.

Фингал — герой кельтского эпоса в поэмах Оссиана, отец Оссиана.

Лода — божество в поэмах Оссиановского цикла.

Божий мир — в средние века прекращение междоусобиц в дни, связанные с воспоминаниями о жизни Христа, в важнейшие праздники и т.п.

Королевские законы. —
Подразумеваются указы о
запрещении поединков.

... взволнована, как Макбет... —
Имеется в виду сцена из трагедии Шекспира «Макбет» (акт II, сц. 3).

Таны — шотландские лорды.

Иаков Пятый — король

Шотландии (1513-1542).

Единорог — фантастическое животное с длинным рогом на лбу; изображения единорогов помещались в виде украшения на кубках (в средние века считали, что это предохраняет от яда), на гербах, а в Англии и Шотландии — на пряжках для поддержки королевского оружия (меча).

Иаков Второй — король Шотландии (1437-1460).

Золотой тестон — старинная французская монета (обычно серебряная), с 1575 г. называется франком.

Королева Мария — шотландская королева Мария Стюарт (1542-1587),

дочь короля Иакова V.

Николай Ремигий (Реми Никола; 1554-1600) — французский писатель и судья, приговоривший к смерти за «колдовство» более 800 человек; прозван «лотарингским Торквемадой».

«Алхимик» — комедия Бена Джонсона, поставленная впервые в 1610 г.; сатира на поиски философского камня.

Бартолинус — по-видимому, Томас Бартолиниус (1659-1690), датский ученый, автор книги об античных древностях на севере Европы («Antiquarium Danicarum libri tres», 1689).

Пентаграмма — правильный

пятиугольник, на сторонах которого построены равнобедренные треугольники одинаковой высоты, образующие пятиконечную звезду. С древнейших времен этой фигуре придавалось мистическое значение. В середине века знак считался магическим, и его чертили на дверях, на колыбелях и т.п. для предохранения от злых духов.

Абракадабра — слово, происхождение и смысл которого не ясны; считалось магическим, и его писали одиннадцать раз на дощечке, в каждой следующей строке уменьшая на одну букву, так что получался треугольник (или, если писали в обе стороны, — ромб);

теперь обозначает бессмысленный набор слов.

Ваш Лато, Азах, Зерних, Гевтарит — алхимические термины, которыми пересыпает свою речь Серли, обращаясь к алхимику Саттлю, в пьесе Бена Джонсона «Алхимик» (акт II, сц. 1): «Что ваше древо жизни, ваша кровь... ваш месяц, ваша твердь, адрон, азок, хибрас, зерних, гевтарит» и т.д.

«Куст нищего» — трагикомедия Джона Флетчера (1579-1625), в создании которой принимали участие Уильям Роули и Филипп Мессинджер (1583-1640).

«Король Джон» — трагедия Шекспира; слова, сказанные королем

кузену Филиппу (акт III, сц. 3).

... стоял на часах... в Германии и в Америке... — Имеется в виду участие Охилтри в войне за австрийское наследство, или Семилетней, а также в войне против восставших американских колонистов (1775-1783).

... отвечала сухопутная нимфа нимфе морской. — В греческой мифологии многочисленные нимфы олицетворяли явления природы; существовали нимфы гор (ореады), деревьев (дриады) и т.п.

... оказались русскими, с которыми мы тогда были в мире. — Россия была в союзе с Англией вплоть до Тильзитского мира (1807)

и участвовала в антифранцузских коалициях. В 1807 г. был заключен франко-русский союз, просуществовавший до 1812 г.

Закошнелая блудница. —

Имеется в виду католическая церковь; так в своих выступлениях против папства называл Рим — центр католицизма — Лютер.

Битва под Харло — сражение, которое способствовало укреплению королевской власти в Шотландии и ослабило шотландских феодалов. Вальтер Скотт в своем примечании к роману пишет по этому поводу: «Великая битва и прежде и теперь относится к событиям, о которых можно сказать, что они решили

вопрос о том, будет ли преобладать в Шотландии гэльская или саксонская раса. Доналд, лорд Островов, обладавший тогда властью независимого суверена, во время регентства Роберта, герцога Олбэни, предъявил претензии на графство Росс. Поддерживая свои требования, Доналд с большой армией горцев и жителей островов вторгся в северные районы страны и опустошил их. Около Харло произошло столкновение Доналда с графом Александром Маром, стоявшим во главе северного дворянства и джентри саксонского и норманнского происхождения. Сражение было кровопролитным и неопределенным

по своим результатам, но Доналд из-за больших потерь вынужден был отступить, позднее — отказаться от своих притязаний на графство Росс и признать власть регента. Таким образом, все выгоды от этого сражения достались саксонцам. Сражение при Харло произошло 24 июля 1411 г. ».

Престонпенс (Престон) — город близ Эдинбурга, у которого 21 сентября 1745 г. были разбиты восставшие якобиты, возглавляемые принцем Карлом Эдуардом Стюартом, претендентом на английский престол (см. роман «Уэверли»).

... ограничениями, налагаемыми

на последователей его религии... — В Англии католики не пользовались политическими правами, поскольку, вследствие закона 1673 г., от лица, вступавшего в парламент, на государственную или общественную службу, требовалось письменное заявление о непризнании догматов католицизма, признании короля главой церкви и т.д. Акт об эмансипации католиков в 1829 г. отменил законы, ограничивающие или стесняющие их права.

Иниго Джонс (1573-1652) — английский архитектор, работавший в Дании, Италии и с 1605 г. — в Англии.

Королева Анна — английская

королева (1702-1714).

Фонтенуа — селение в Бельгии, возле которого в 1745 г., во время войны за австрийское наследство (1741-1748), произошло сражение между французскими войсками под командованием Морица Саксонского и союзными англо-голландскими войсками, которые потерпели поражение. Слова Эди Охилтри о команде «сомкнуть шеренги» напоминают о том, что в сражении при Фонтенуа атакующие англо-голландские колонны несли большие потери от огня французов.

Инверури — городок в графстве Эбердин, в Шотландии.

... до унии двух королевств. —

Актом об унии 1707 г. был упразднен отдельный шотландский парламент и Шотландия полностью объединена с Англией.

Ван-Дейк, Антонис (1599-1641) — крупнейший фламандский живописец, долго работавший в Англии.

Доменикино (Доминикини Дзампъери, 1581-1641) — итальянский художник, представитель академического направления XVII в.

Веласкес (1599-1660), Мурильо (1618-1682) — великие испанские художники.

«Роковой брак» («Роковой брак, или Невинное прелюбодеяние») —

трагедия Томаса Соутерна (1659-1736); поставлена в 1694 г. При возобновлении в 1757 г. пьеса стала называться «Изабелла».

Иеремия — после гибели Иерусалима и увода иудеев в плен вавилонскими завоевателями Иеремия в своем «Плаче» горько оплакивал судьбу народа (Библия).

Святой Стефан — первомученик христианства; он был обвинен в богохульстве и побит камнями.

Спаньолетто — прозвище выдающегося испанского живописца и графика Хусепе Риберы (1591-1652).

Спикер — председатель палаты общин в английском парламенте.

Левиафан — упоминаемое в Библии морское чудовище.

Илоты — порабощенные земледельцы древней Спарты, считавшиеся собственностью государства и прикрепленные к своему участку; их положение ничем не отличалось от положения рабов. Иносказательно: илот

— бесправный, порабощенный человек.

Спенсер, Эдмунд (1552-1599) — английский поэт, автор незавершенной рыцарской аллегорической поэмы «Королева фей» (1590-1596), в которой прославлял добродетели королевы Елизаветы.

Абесса — героиня поэмы
Спенсера «Королева фей»,
олицетворяющая суеверие и
коррупцию.

... в Египте охлаждают вино...
— Фраза намекает на участие
Гектора Мак-Интайра в войне на
территории Египта, куда в 1798 г.
высадились французские войска под
командованием генерала Бонапарта.

... после дела под
Александрией. — Сражение под
Александрией произошло в 1801 г., и
капитуляция города положила конец
французской оккупации Египта.
Здесь читатель встречается с
примером несовпадения времени
действия романа (конец XVIII в.) и

события, о котором рассказывает Мак-Интайр (1801).

Клеопатра (69-30 до н.э.) — последняя египетская царица из династии Птолемеев; после поражения в войне с Римом покончила с собой.

Грей, Томас (1716-1771) — английский поэт, наиболее известное произведение которого — «Элегия, написанная на сельском кладбище», оказало большое влияние на развитие литературы, способствуя созданию так называемой «кладбищенской поэзии».

... место из «Эвменид»... — Имеется в виду трагедия великого греческого драматурга Эсхила (527-

426 до н.э.).

... »эпоха холмов«... — Речь идет о могильных курганах, давших археологии много сведений о ранней Скандинавии.

Скания — имеющееся у Плиния Старшего и у Птолемея название острова на севере Европы, каким они считали Скандинавский полуостров; так же называлась юго-западная часть Скандинавии, до XVII в. принадлежавшая Дании.

... кузницы народов, матери современной Европы. — Намек на то, что варварские народы, двинувшиеся в Европу в V-VI вв., вышли из Скандинавии; эта точка зрения была впервые высказана в VI

в. «готским» священником Иорданом в его труде «История готов», написанном с целью возвеличения готских племен.

Рунические памятники — древнейшие германские письмена (от III до IX в.), вырезавшиеся на дереве, на металле, высекавшиеся на камне; больше всего надписей сохранилось на надгробных плитах.

Кресси и Азенкур — крупнейшие сражения Столетней войны (1337-1453), в которых английские войска разбили французов: при Кресси

— в 1346 г., при Азенкуре — в 1415 г.

Эдуард и Генрих. — Имеется в

виду Эдуард III, король Англии (1327-1377), возглавлявший английскую армию при Кресси совместно со своим старшим сыном, Черным принцем (Эдуардом); Генрих V, король Англии (1413-1422) — победитель при Азенкуре.

Слушать волынщика — т.е. играющего на волынке, национальном шотландском духовом инструменте; оркестры волынщиков существуют при шотландских полках.

Гарольд — имя нескольких английских, норвежских и датских королей.

Гарфагер — т.е. Длинноволосый, прозвище норвежского короля Гарольда

(Гаральда) I, согласно легенде давшего обет не обрезать волосы, пока под его властью не будет объединена вся Норвегия.

Гакон — имя нескольких норвежских королей.

Гектор и Ахилл, вместе взятые, да еще с Агамемноном в придачу — герои Троянской войны, воспетые Гомером; Ахилл — храбрейший из греков; Агамемнон — предводитель греческого войска, осаждавшего Трою.

Патрик (ок. 389-465) — основатель ирландской католической церкви и ее первый епископ.

Фении — название обитателей и наемных воинов древней Ирландии.

Животное из Протеева стада — т.е. морское животное; Протей — в греческой мифологии морское божество, легко менявшее свой образ.

Санчо... ринулся на стадо овец... — Имеется в виду эпизод из романа Сервантеса «Дон Кихот» (т. I, гл. XVIII).

Твой тезка был рожден, чтобы стать опорой Трои. — намек на героя Троянской войны Гектора.

Уилки, Дэвид (1785-1841) — шотландский живописец-жанрист.

... обряды Рима или Англии... — т.е. католической и англиканской церквей.

«Таинственная мать» —

трагедия Горация Уолпола (1717-1797), английского писателя и политического деятеля.

... на поле боя при Шериф-Мюре. — Там 13 ноября 1715 г. войска короля Георга I, которыми командовал герцог Аргайл, разбили восставших якобитов-горцев во главе с графом Александром Маром.

«Основы» Эрскина — книга шотландского юриста Джона Эрскина (1695-1768) «Основы шотландского права», которая первым изданием вышла в 1773 г., после смерти автора; второе издание, дополненное лордом Вудхаузли, выпущено в 1784 г.

(*) Комментарии Кока к

Литлтону. — Имеется в виду Томас Литлтон (1407 или 1422-1481), английский юрист, автор известной работы о праве собственности. Книга эта вместе с комментариями юриста и политического деятеля Эдуарда Кока (1552-1634), обычно называемыми «Кок против Литлтона», долгое время считалась авторитетом в области английского права собственности.

Бенефиции — возникшее в VIII в. в Западной Европе право владения землей, пожалованное монархом или крупным феодалом и действовавшее до смерти одной из сторон. Позднее бенефиции превратились в наследственный феодал (лен).

Пифагорейцы — последователи древнегреческого философа-идеалиста и математика Пифагора (ок. 570-500 до н.э.), считавшего число сущностью всего. Последователи Пифагора придали его учению о числах мистический смысл; этика пифагорейцев носила элементы аскетизма, в частности им предписывалось воздержание от некоторых блюд.

Французская революция — буржуазная революция во Франции конца XVIII в. (1789-1794 гг.).

В Учредительном собрании было немало деятелей — Генеральные штаты во Франции были 9 июля 1789 г. провозглашены

Учредительным собранием, которое выработало (к 1791 г.) конституцию, закрепившую господство стоявшей тогда у власти крупной буржуазии и либерального дворянства.

... теперь бразды правления захватила компания разъяренных безумцев... — Этот отзыв характерен для позиции английских господствующих классов в отношении Французской революции после того, как во Франции была свергнута монархия и провозглашена республика, и особенно после установления революционно-демократической диктатуры якобинцев. Такое враждебное отношение осталось и после падения

якобинской диктатуры, когда в период термидорианской контрреволюции и директории в стране утвердилось господство крупной спекулятивной буржуазии.

... сержант... подлизывался к молодому горцу, чтобы его завербовать. — Армия и флот в Англии были наемными, рекрутов вербовали специальные вербовщики, расхваливая при этом, чтобы добиться подписи под контрактом, свои полки и службу в них.

Дюмурье, Шарль-Франсуа (1739-1823) — генерал, с 1792 г. командовавший Северной армией, отразившей вторгшихся во Францию интервентов. В апреле 1793 г.

Дюмурье изменил революции и бежал в Австрию.

... дал ему Роланда за Оливье...
— Роланд — франкский маркграф, сподвижник Карла Великого (742-814), погибший в битве с басками в Ронсевальской долине (778 г.). Роланд сделался героем эпической «Песни о Роланде», где в его образе воплощены патриотизм, бесстрашие, благородство; Оливье — друг Роланда, погибший вместе с ним. Выражение «Дать Роланда за Оливье» употребляется в смысле ответить на удар таким же ударом; его происхождение, по-видимому, связано с легендой о происшедшем ранее поединке между этими двумя

рыцарями либо же оно характеризует одинаковую доблесть и мужество обоих рыцарей.

Паладины — в средневековой западноевропейской литературе рыцари — сподвижники Карла Великого.

Доктор Драйездаст — вымышленное имя скучного священника, которому Вальтер Скотт приписывает авторство некоторых предисловий к своим романам.

... как эмигрант... — т.е. эмигрант из охваченной революцией Франции. Эмиграция из Франции началась сразу же после взятия Бастилии (14 июля 1789 г.) и продолжалась в течение всей

революции.

Линней, Карл (1707-1778) — выдающийся шведский естествоиспытатель, получивший мировую известность благодаря созданной им систематизации животного и растительного мира.

Эпиграф взят из стихотворения в сборнике «Страстный пилигрим», опубликованного в 1599 г. Уильямом Джеггардом и выданного им за произведение Шекспира. В действительности из 21 стихотворения Шекспиру принадлежало только пять, а остальные — Барнфилду, Гриффину и неизвестным поэтам.

... много друзей-французов... —

т.е. французских эмигрантов.

... против вызова йоменов... —

В данном случае имеется в виду конница, возникшая в средние века, вначале как свита у отдельных лендлордов, а затем превратившаяся в военную милицию, состоявшую из нескольких конных полков; во время войн с революционной Францией беспорядки, вызванные тяжелым материальным положением масс, были частым явлением в Англии.

Эдинбургский замок — господствующий над городом замок, построенный в XI в.; был местом пребывания первых шотландских королей, политической тюрьмой и т.п.

Пертский парламент. — Перт — древняя столица Шотландии, где в XIII в. заседал первый шотландский парламент.

Александр Второй, прозванный Миротлюбивым, — король Шотландии (1214-1249).

Схолии — пояснительные замечания на полях книг греческих и латинских авторов; в средние века появились сборники схолий по различным античным авторам.

... возили на колесницах. — В поэмах Оссиановского цикла несколько раз упоминаются колесницы, например, в 1-й песне поэмы «Фингал» описывается колесница Кухулина.

... взметать колесницей пыль олимпийского ристалища... — строки Горация, взятые из книги од (кн. I, «К Меценату»).

Дублин — столица Ирландии; как и вся эта страна, неоднократно был местом возмущения против английского владычества. В 1778 г., в то время, когда Англия была занята войной с американскими колониями, в Ирландии возникло волонтерское движение, представители которого собрались в 1782 г. в Дублине и добились некоторой независимости ирландского парламента; в 1798 г. происходило восстание, возглавляемое обществом Объединенных ирландцев, которое

было жестоко подавлено.

Мирмидоняне (мирмидоны) — название греческого племени, сражавшегося под Троей под предводительством Ахилла, которому они слепо повиновались.

Плавт, Тит Макций (254-184 до н.э.) — знаменитый римский комедиограф.

Эвклион, Стафила — действующие лица в комедии Плавта «Кубышка».

Майкл Скотт (ок. 1180 — ок. 1235) — шотландский алхимик и астролог, снискавший посмертную славу чародея и мага.

Аммон — библейский персонаж, второй сын Лота,

родоначальник племени аммонитян, воевавших с израильтянами.

... второй Эдип, чтобы ее разгадать... — Герой древнегреческой мифологии Эдип сумел разгадать загадку, которую задавал свирепый сфинкс всем путникам, шедшим в Фивы, и тем избавил город от чудовища.

... Протей свое стадо гонит к горным высотам — «Оды» Горация (кн. I, ода 2).

Нимрод — основатель Вавилонского царства (Библия).

Закон об иностранцах — был принят в 1793 году и требовал от иностранцев объяснения причин их приезда, регистрации имен и

получения паспортов для передвижения по стране; закон этот был использован реакционным правительством Питта для борьбы с нежелательными элементами.

Марка — шотландская монета, была равна $13 \frac{1}{3}$ пенса.

Джо Мэнтон — известный оружейный мастер.

Иберийский панцирь — т.е. испанский, от древнего названия Испании
— Иберия.

Кордери, Иеремия (ум. 1600) — монах-богослов, автор теологических работ.

... для сна распростерлись тюлени... — строки взяты из поэмы

Вергилия о земледелии — «Георгики» (книга IV — о пчелах).

... сын Приама... — снова намек на то, что Гектор Мак-Интайр был тезкой героя Троянской войны.

Тамбурмажор — унтер-офицер, возглавлявший команду барабанщиков и горнистов; впервые эта должность появилась во Франции в 1651 году, а затем и в других странах.

Петри... в своем «Трактате о благовоспитанности»... — Имеется в виду книга Адама Петри «Правила благовоспитанности и умения себя держать», которая вышла в 1720 г. в Эдинбурге.

Сцевола, Квинт Муций (I век до

н.э.) — известный римский политический деятель и горист, автор работ по римскому праву.

Перси, Томас (1728-1811) — епископ, поэт, историк, издатель известных «Памятников древней английской поэзии», оказавших большое влияние на развитие английской романтической литературы. Первое издание (1754 г.) было раскритиковано Джозефом Ритсоном, обвинявшим Перси в неточном транскрибировании старинных рукописей при публикации.

Тартан — клетчатая материя, из которой изготавливается национальная шотландская одежда.

Сельма — в цикле поэм об Оссиане — владения Фингала.

Грант, Анна (1755-1838) — шотландская писательница, переводившая старинную шотландскую поэзию. В своем примечании Вальтер Скотт говорит о вышедшей в 1811 г. книге Грант «Очерки суеверий шотландских горцев».

Бранд поддерживает... — По-видимому, речь идет о Джоне Бранде (1744-1806), авторе ряда работ по античной истории Британии.

Квинт Курций — римский историк времен императора Клавдия (I в.), автор истории Александра Македонского.

Уиндзор — город близ Лондона и замок-дворец, летняя резиденция английских королей.

Пистоль — персонаж из пьес Шекспира, хвастливый, наглый человек, приятель Фальстафа.

Гарпагон — действующее лицо комедии Мольера «Скупой»; отталкивающий образ скряги, ставший во Франции нарицательным.

... означает... тайна Панкресты... — Здесь и далее набор имен, в которых вымышленные перемежаются с подлинными именами алхимиков (например, Базилиус).

Тот, кто рвется в Купар, попадет

в Купар. — В смысле: пусть упрямец идет своей дорогой; Купар — небольшой старинный городок в восточной Шотландии.

Вильгельм I, прозванный Львом, — король Шотландии (1165-1214); при нем шотландская церковь стала независимой от английской (в 1183 г.)

По закону Юлия... — Имеется в виду Гай Юлий Цезарь (100-44 до н.э.), выдающийся римский полководец, политический деятель и писатель, ставший в конце жизни диктатором; был убит в результате заговора сенатской аристократии.

Иона — библейский пророк, которого моряки, чтобы успокоить

море, выбросили за борт; Иона был проглочен китом и пробыл в его чреве три дня и три ночи, после чего кит изверг Иону на сушу.

Индийские баньяны — купцы или торговцы западной Индии.

Ньюгейт — тюрьма в Лондоне, построенная в 1218 г.

Мастиф — английская порода охотничьих собак.

«Очистил Фландрию» — ироническое выражение, возникшее в связи с тем, что Фландрия, бывшая в те годы неоднократно ареной военных действий, несколько раз оставлялась английскими войсками.

О, столп Трои! — Намек на Гектора, героя Троянской войны.

Джеймс Хогг (1770-1835),
прозванный Эттрикским
пастухом, — шотландский поэт, в
1802 г. познакомился с Вальтером
Скоттом.

... лес двинулся... на
Дунсинан. — Имеется в виду
известное предсказание (в трагедии
Шекспира «Макбет»), что Макбет
погибнет, когда Бирнамский лес
двинется на его замок Дунсинан, что
и произошло, когда враги,
прикрываясь срезанными кустами,
двинулись на штурм замка.

«Андреа Феррара» — короткий,
широкий меч шотландских горцев и
имя оружейника.

Диоген (ок. 400 — ок. 325 до

н.э.) — греческий философ-циник.

Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н.э.) — греческий историк, написавший историю римского государства.

Полиэн — адвокат и ритор времен императора Марка Аврелия (II в.), автор «Стратагем», в которых дал примеры военных хитростей и различных способов обмана в общественной и гражданской жизни.

М.Рабинович

notes

Note1

«Развалин храма
присноблаженного святого Андрея»
(лат.).

Note2

бродячими певцями

Note3

клич к сбору или к бою

Note4

то есть пенсов на английские
деньги

Note5

Острота (франц.).

Note6

Воспеватель прошедших времен
(лат.).

Note7

В природе вещей (лат.).

Note8

«Северный путеводитель» (лат.).

Note9

Постоянного лагеря (лат.).

Note10

Походного летнего лагеря (лат.).

Note11

Незамедлительно (лат.).

Note12

Окончательно, без пересмотра
решения (лат.).

Note13

По натуре своей расточителен
(лат.).

Note14

От англ. monk — монах и barns
— амбары.

Note15

Ars topiaria — искусство подстригать тисовые изгороди в виде фантастических фигур. Латинская поэма под заглавием «Ars topiaria» содержит любопытные наставления по этому предмету. (Прим. автора.)

Note16

Святая святых (лат.).

Note17

Из других источников (лат.).

Note18

Духом местности (лат.).

Note19

Великим морем (лат.).

Note20

От англ. snuff — понюшка.

Note21

Первое издание (лат.).

Note22

Прим. автора.)

Note23

Конец (лат.).

Note24

Автор владеет экземпляром
этого исключительно редкого листка.
(Прим. автора.)

Note25

Странноприимный дом (лат.).

Note26

Насыпь, вал (лат.).

Note27

Канавой (лат.).

Note28

Кем — искаженное
произношение английского слова
«лагерь» (camp).

Note29

Агрикола посвятил от всей души
(лат.).

Note30

Маяк построил Кай Калигула
(лат.).

Note31

Тот, кем был лагерь разбит в
Каледонии с первым морозом (лат.).

Note32

Левого входа в лагерь (лат.).

Note33

Правого входа в лагерь (лат.).

Note34

Главной площадки в римском лагере вокруг палатки полководца (лат.).

Note35

Длинная ложка Эйкена Драма
(шотл.).

Note36

«Держись этой стороны»
(шотл.).

Note37

В защиту поэта Архия (лат.).

Note38

Кто из нас был столь груб и жесток душою, чтобы... чтобы... (лат.).

Note39

Так называемых (франц.).

Note40

По новому стилю (лат.).

Note41

Подписанное и скрепленное
печатью (лат.).

Note42

Прим. автора.)

Note43

Сладким лекарством (лат.).

Note44

Скверными животными (лат.).

Note45

Tilley-valley — вздор, чепуха
(англ.).

Note46

Tittivillitium (titivilicium) —

пустяк (лат.).

Note47

Ату! (англ.)

Note48

Рогатки или утыканные
гвоздями бревна, которыми
загораживались бреши в стенах,
чтобы помешать осаждающим
проникнуть в замок (франц.).

Note49

Шаловливости (франц.).

Note50

вульгарно — Магомет

Note51

Всеми силами государства (лат.).

Note52

Стена, вал (англ.).

Note53

Вал (лат.).

Note54

Крепость дев (лат.).

Note55

Почти лес, который назван так, потому что темен — фраза, ставшая синонимом ложной этимологии: *lucus* (лес, роща) по форме совпадает с *lucus* (свет), откуда глагол *lucere* — светить (лат.).

Note56

Означает «сын» (лат.).

Note57

Кто ходит в темноте, не знает,
куда идет (лат.).

Note58

Местом (лат.).

Note59

... быть подвешенным за
веревку... быть подвешенным за шею
(сокр. лат.).

Note60

Редкая птица (лат.).

Note61

Остаться вверху, на поросшей кустарником скале (лат.).

Note62

Приятно, когда на бурное море
(лат.).

Note63

Shathmont или Shaftmont (англ.)
— мера длины (пядь), составляющая
около 16 см.

Note64

Shathmont's-length — длина,
равная одному shathmont (англ.).

Note65

Salmon-length — длина лосося
(англ.).

Note66

По моему мнению (англ.).

Note67

В лето Господне (лат.).

Note68

Единоборства (греч.).

Note69

Например (лат.).

Note70

Смотри (лат.).

Note71

Возчик, возница (англ.).

Note72

Улетучился, удаляясь (лат.).

Note73

Остался запах (лат.).

Note74

Сколько угодно (лат.).

Note75

Славнейший, знаменитейший
(лат.).

Note76

«Лирические баллады»

Вордсворта, вероятно, тогда еще не
были напечатаны. (Прим. автора.)

Note77

По обычаю предков (лат.).

Note78

Помеха (лат.).

Note79

Про себя (лат.).

Note80

Затруднения из-за большого
выбора (франц.).

Note81

В четверть (листа) (лат.).

Note82

Искусство порождает
благосклонность (нем.).

Note83

Эмблема и девиз на гербе
(итал.).

Note84

Впрочем, каждый хоть раз
сходит с ума (лат.).

Note85

Ремесленнику (нем.).

Note86

Девницей (нем.).

Note87

Под зеленью листвы (лат.).

Note88

Суши (лат.).

Note89

Неведомой земли (лат.).

Note90

Вероятно, доктор Хаттон,
знаменитый геолог (Прим. автора.).

Note91

Владеют ремеслом, ничего не умея, имеют положение, ничего не имея, чье достояние — ложь, а жизнь — попрошайничество (лат.).

Note92

Рожденный вне брака (англ.).

Note93

Мильколумбус (лат. форма
имени Малколм),
незаконнорожденный (лат.).

Note94

Скоро погибнет! (лат.)

Note95

Замкнутыми в себе, не зависящими от внешнего мира (лат.).

Note96

Не понимаю, почему, не веря видениям безумных, должны мы верить видениям спящих, которые гораздо более смутны (лат.).

Note97

Подождите (лат.).

Note98

Порыв (лат.).

Note99

Наитие (кельт.).

Note100

Божественное

вдохновение

(лат.).

Note101

Заключительные слова латинской поговорки «Ne sutor supra ultra crepidam» — «Пусть башмачник не судит выше сапога». Здесь: «Это выше моего разума»

Note102

Объедки (греч.).

Note103

Прим. автора.

Note104

О, обвиняйте (лат.).

Note105

Поверь опытному (лат.).

Note106

Воины, сражающиеся на боевых колесницах (лат.).

Note107

Таково наказание долго
живущим (лат.).

Note108

Посвятить себя музам (лат.).

Note109

He к месту (франц.).

Note110

Натуральной магии (лат.).

Note111

Общее содержание этой истории заимствовано из немецких источников. Но автор в настоящее время не может сказать, в каком из многочисленных сборников легенд на этом языке можно найти оригинал. (Прим. автора.)

Note112

Постоянного кавалера (итал.).

Note113

Житейской ловкости (франц.).

Note114

С никогда ранее не
оспаривавшимся правом на десятину
как в виде поборов натурой, так и в
виде заменяющих их (денежных)
поборов (лат.).

Note115

Оставаться хладнокровным
(лат.).

Note116

Миротворец (лат.).

Note117

Для устрашения (лат.).

Note118

Королевскими ключами на языке юристов назывались ломы и молоты, служившие для взлома дверей и замков во исполнение королевского приказа. (Прим. автора.)

Note119

Созвездия Весов (лат.).

Note120

Много подобного вздора, вроде вложенного в уста преследующего свои цели немецкого «мага», можно найти в книге Реджиналда Скотта «Разоблачение колдовства», 3-е изд., ин-фолио, Лондон, 1665. Добавление озаглавлено: «Замечательный разбор природы и сущности чертей и духов, в двух книгах: первая написана упомянутым автором (Реджиналдом Скоттом), вторая же добавлена к настоящему 3-му изданию как продолжающая первую и способствующая законченности всего произведения». Эта вторая

книга, хотя о ней и говорится как о продолжающей первую, фактически совершенно расходится с ней, ибо произведение Реджиналда Скотта представляет собой компиляцию общераспространенных в то время нелепых и суеверных представлений о ведьмах, а неправильно названное «Дополнение» есть серьезный трактат о различных способах заклинания астральных духов (Прим. автора.).

Note121

Хвалите господа, все ангелы его!

(лат.)

Note122

Автор не может вспомнить, откуда эти строки; может быть, из «Сатир» епископа Холла. (Прим. автора.)

Note123

Среди простых людей в Шотландии существует какое-то масонское правило или щепетильный обычай, запрещающий им говорить, что больному лучше. Самое большее, что они могут сказать о поправляющемся больном, это что ему «не хуже». (Прим. автора.)

Note124

Диким зверям (лат.).

Note125

Столь прекрасное творение
(лат.).

Note126

Редкие... еще более редкие...
даже редчайшие (лат.).

Note127

Мудрый сумеет управлять и
светилами (лат.).

Note128

Как дым (лат.).

Note129

Святые угодники! (нем.)

Note130

О небо! (нем.)

Note131

Ратуше (нем.).

Note132

Эди нарочно коверкает фамилию заклинателя: Duslerdevil по-английски состоит из двух слов: duster — тряпка, метла и devil — черт.

Note133

Крахмал (англ.).

Note134

Снова Эди народно искажает
имя немца.

Note135

Незаконнорожденным (англ.).

Note136

Dustandshovel (англ.) примерно значит «мусорная лопата».

Note137

Рукоприкладству (франц.).

Note138

Блуждающему огоньку (лат.).

Note139

Что мне до женщины? (лат.)

Note140

Выяснить (лат.).

Note141

Сокр. Memorandum — заметка
для памяти (лат.).

Note142

Приписанный к земле (лат.).

Note143

Гнев есть кратковременное
безумие (лат.).

Note144

Налегке (лат.).

Note145

Без поклажи (лат.).

Note146

Взлом замка (лат.).

Note147

Кузницы народов (лат.).

Note148

Рабами (лат.).

Note149

Богатой добычи (лат.).

Note150

Массимор (правильно — масса-мора) — старинное обозначение тюрьмы, заимствованное из языков мавров, может быть, еще во времена крестовых походов. (Прим. автора.)

Note151

кстати, шотландцы называют его не seal, а более правильно sealgh, сохраняя древнегерманский гортанный звук gh

Note152

Келъе отшельника (лат.).

Note153

Увы, Эвелина! (лат.)

Note154

Чей, который (англ.).

Note155

Квадрига, колесница,
запряженная четверкой лошадей
(лат.).

Note156

Термин, точное выражение
(лат.).

Note157

Есть такие, которым нравится
взметать колесницей пыль
олимпийского ристалища (лат.).

Note158

Беговая колесница (лат.), здесь
— кабриолет.

Note159

Парная повозка (лат.).

Note160

Little John — маленький Джон
(англ.).

Note161

Общественного блага (лат.).

Note162

Чего не сделаешь для отечества?

(лат.).

Note163

Не может быть закона более справедливого (лат.).

Note164

Источник познаний очевиден
(лат.).

Note165

На первый взгляд (лат.).

Note166

Мошенник из мошенников (лат.).

Note167

Чтобы повести вместе со мною
в море утлое судно (лат.).

Note168

Покровителя очага (лат.).

Note169

«Кубышке» (лат.).

Note170

Четырехфунтовую кубышку с
золотом (лат.).

Note171

Охота (франц.).

Note172

Когда Протей свое стадо гонит к горным высотам (лат.).

Note173

Как лицо подозрительное (лат.).

Note174

На свой страх и риск (лат.).

Note175

Превосходные книги, которые добывал повсюду, променять на иберийские панцири (лат.).

Note176

Мокрый народ моря (лат.).

Note177

На берегу разбредясь, для сна
распростерлись тюлени (лат.).

Note178

И взметнулась кверху морская
вода (лат.).

Note179

Человек, не желающий слушать
советов (лат.).

Note180

Выше подозрений (лат.).

Note181

Сундука с золотом (лат.).

Note182

Знать природу вещей (лат.).

Note183

Не чуждое занятиям Сцеволы
(лат.).

Note184

Теория Монкбарнса относительно происхождения процедуры лишения свободы за частные долги в Шотландии представляется несколько причудливой, но на нее можно найти ссылки, и она признана правильной шотландским Верховным судом в постановлении от 5 декабря 1828 года по делу Тома против Блека. Поистине шотландский закон в этом пункте более ревностно оберегает личную свободу подданных, чем какой-либо кодекс в Европе. (Прим. автора.).

Note185

Приведенный прекрасный перевод с гэльского языка см. в сочинении миссис Грант о суевериях шотландских горцев, т. II, (Прим. автора.)

Note186

Изъявляю покорность (лат.).

Note187

Всякого увечья страшнее слабоумие, когда человек не помнит ни имен рабов, ни лица друга, ни того, с кем ужинал накануне, ни тех, кого родил, ни тех, кого воспитал (лат.).

Note188

Благородный конь повинуетя даже легкому взмаху кнута; ленивого же не могут подогнать даже шпоры (лат.).

Note189

Благодетельства доставляют нам радость до тех пор, пока благодетельствованный в состоянии расплатиться за них (лат.).

Note190

Безотлагательно (лат.).

Note191

Без отсрочки (лат.).

Note192

Тюлене бородатом (лат.).

Note193

Тюлене обыкновенном (лат.).

Note194

В главе четвертой, параграфе
пятом (лат.).

Note195

Неповиновению его величеству
королю (лат.).

Note196

Причастны к преступному бунту
(лат.).

Note197

В известной степени (лат.).

Note198

По закону Юлия (лат.).

Note199

Есть тысяча (разных) способов
погибнуть (лат.).

Note200

Безумствовать (следует) в
подходящее время (лат.).

Note201

Именем короля (лат.).

Note202

Безмолвствуйте (лат.).

Note203

Удалиться ненадолго (лат.).

Note204

Незамедлительно (лат.).

Note205

Ненавижу хищника, никогда не слагающего оружия (лат.).

Note206

Одинаково замечательные
(деяния) братьев (лат.).

Note207

Особенно (франц.).

Note208

Простолюдина (франц.).

Note209

Вот чего тебе хотелось (лат.).

Note210

Беспечность (франц.).

Note211

«Военные хитрости» Полиэна
(греч.).

Note212

Злодея редко минует кара за
былое (былые) преступление
(преступления) (лат.).

Note213

Пока что (франц.).